3 1761 08106706 8

NC
12303

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

1892.

МАРТЪ.

4,ЭКЗ.

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. СВИДАНІЕ. Разсказъ. **А. Стерна**.. 5

II. ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ. **М. П. Соловьева**..... 28

III. НОВАЯ САНДРИЛЬОНА. Романъ. (Изъ французскихъ нравовъ.) Гл. XI—XV. **Гр. Е. А. Саліаса**..... 75

IV. ТУНИСЪ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ. **Д. П. Гессе**.... 99

V. МОРОЗЪ. (Страничка изъ жизни природы.) **Ѳ. А. Игнатьева**. 122

VI. САЛЛИ ДОУЗЪ. Романъ **Бретъ-Гарта**. (Переводъ съ рукописи. Ѳ. Д.) Гл. VI..... 144

VII. ПИСЬМА О КРЫМѢ. **Гр. де-Людольфа**. (Переводъ съ рукописи.) 155

VIII. ПРОЛОГЪ НА НЕБѢ. (Изъ „Фауста" Гёте.) Переводъ **Д. С. Мережковскаго**..... 202

IX. ТИБЕТСКІЙ БУДДИЗМЪ И НАША ОКРАИНА. Гл. I—IV. **Кн. Э. Э Ухтомскаго**..... 207

X. СТИХОТВОРЕНІЯ. **Д. И. Павлова**..... 249

XI. ПРИЗРАКЪ. Разсказъ **Р. Киплинга**. (Переводъ съ англійскаго)..... 252

XII. ЗАРАЗНЫЯ БОЛѢЗНИ ВЪ МОСКВѢ. **А. Г. Петровскаго**. 276

XIII. ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА. (Спеціальная корреспонденція.) Письмо III. **Г. Вельшингера**..... 308

XIV. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА. **С. Васильева**..... 328

XV. МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Н. Д. Кашкина** 342

XVI. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Продовольственный вопросъ.—Гр. Л. Н. Толстой и *Московскія Вѣдомости*.—М. де-Вогюэ о соціалистической поэзіи въ Россіи.—Анархисты въ Европѣ..... 347

XVII. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Л. Н. Воронова**..... 367

XVIII. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

1) *Этзе Реклю объ общественномъ строѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ*. **А. А. Борзенко**..... 384

2) А. С. Іонинъ. *По Южной Америкѣ*. Въ 2-хъ томахъ, 292+462 стр. 8°. С.-Петербургъ. 1892 г. Цѣна 4 руб. **А. И. Воейкова**..... 410

3) Кн. Э. Ухтомскій. *Отъ Калмыцкой степи до Бухары*. **Н. М. Горбова**..... 423

4) Серебренниковъ В. *Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности*. С.-Петербургъ 1892. 8° 358 стр. **Э. Л. Радлова**..... 432

5) *Французы въ Средней Африкѣ*. Harry Alis, *A la conquête du Tchad*. Le Hachette et C-ie 1891. **Д. П. Гессе**. 439

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МАРТЪ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892.

LIBRARY
DEC 10 1973
UNIVERSITY OF TORONTO

AP
50
D86
9.3
Nov.

СВИДАНІЕ.

I.

Разговоръ съ крестьянкой:

— Счастлива ли ты, Матрена, съ мужемъ-то?

— Счастлива, матушка, ничего, живемъ душа въ душу.

— Не бранитесь?

— Какъ не браниться? во-какъ ругаемся! Бить, Петрей меня не бьетъ, а ругаться, ругаемся... Какъ же это при нашей бѣдности да не ругаться, сударыня!..

Елена Александровна Аракина проснулась ранѣе обыкновеннаго, а просыпалась она вообще очень рано. Сегодня съ пяти часовъ она не могла уже спать, такъ волновало ее предстоящее свиданіе съ сестрой, такъ много хлопотъ предвидѣла она для ея достойнаго пріема.

Да, сегодня пріѣзжала на короткое свиданіе „важная сестрица", какъ называлъ Марью Александровну Везевитенову мужъ Елены Александровны Петръ Дмитріевичъ.

— Онѣ изволятъ прослѣдовать, говорилъ онъ не безъ сарказма своему знакомому,—чрезъ нашъ городъ за границу и соблаговолятъ остановиться на часочекъ.

Въ своемъ короткомъ письмѣ къ сестрѣ Марья Александровна извѣщала только, что пріѣдетъ четырнадцатаго, но съ какимъ поѣздомъ—не сообщала, такъ что ждать ее можно было съ девяти часовъ утра, какъ же было не подняться спозаранку хлопотливой Еленѣ Александровнѣ!

Не красива была Аракина въ томъ незатѣйливомъ утреннемъ

костюмѣ, въ которомъ предстаетъ предъ нами, спѣша въ кухню, въ короткой цвѣтной юпкѣ, толстой миткалевой кофтѣ, съ закрученною тонкою косицей на макушкѣ. Елена Александровна — женщина уже не имѣющая возраста, ей можно дать отъ тридцати пяти до пятидесяти лѣтъ. Лицо ея пожалуй сохраняетъ еще нѣкоторые слѣды красоты, но оно желто какъ пергаментъ, щеки ввалились, глаза потеряли ужь блескъ. Она высока и была, вѣроятно, когда-то стройна, но теперь въ этой миткалевой кофточкѣ, которую она скрестила на груди, она кажется точно сгорбившеюся. Всею фигурой своею она живо напоминаетъ сильную когда-то, но надорванную ломовую лошадь.

— Памфиловна, а Памфиловна, будитъ она свою кухарку,— вставай же, матушка, хлѣбы-то ужь перекисли, поди! Смотри не подожги, всегда поджигаешь!..

— Что̀ вы, Богъ съ вами, барыня! Одинъ только разъ подожгла, а вы вѣчно попрекаете, восклицаетъ Памфиловна, позѣвывая.

— Хлѣбы поставишь, озабоченно говоритъ Елена Александровна,—сбѣгай къ хозяйкѣ, попроси пары четыре ножей да вилокъ... И стаканы всѣ ты у меня перебила, экое наказанье съ вами, раздражается вдругъ Аракина,—все-то перебьете, перепортите, завести ничего нельзя.

— Да что̀ вы право, какъ поступала къ вамъ, всего четыре стакана было.

— А гдѣ эти четыре стакана? гдѣ, я тебя спрашиваю?

— Извѣстно гдѣ—въ буфетѣ...

— Ахъ безстыжая, безстыжая!.. Сама знаетъ вѣдь, на что̀ эти стаканы похожи!.. Ну, говорю, сбѣгай къ хозяйкѣ, стакановъ попроси, да новый сервизъ чайный выну, перемой осторожнѣй, да сходи...

— Приказывайте больше! непочтительно восклицаетъ Памфиловна, натягивая платье.

Елена Александровна знаетъ, что при бѣдности нельзя требовать почтительности отъ слугъ—господа въ ея положеніи слишкомъ близки къ слугамъ, и потому она только машетъ рукой, беретъ полотенце и щетку и уходитъ. Сегодня она сама уберетъ гостиную.

Еще очень рано, мужъ спитъ, спятъ и дѣти. Косой лучъ солнца пробрался въ окно и освѣтилъ убогую обстановку—продавленный диванъ, хромоногое кресло, горку съ какими-то жалкими,

жалкими бездѣлушками... Елена Александровна мететъ, третъ, перетираетъ, становитъ и перестанавливаетъ каждую вещь, желая замаскировать по возможности убогость своей гостиной. Ей тяжело сразу показать сестрѣ всю свою бѣдность. Ей кажется эта „важная сестрица“ не можетъ имѣть понятія о томъ, какъ живутъ бѣдняки. И въ этихъ мысляхъ Елены Александровны проглядываетъ зависть къ положенію меньшой сестры.

„Что̀ ей“, думаетъ Аракина, „спитъ по десяти часовъ въ сутки, сладко кушаетъ, да разговариваетъ на „діалектѣ“, а моя участь—не доспать, не доѣсть, дрожать надъ каждымъ кускомъ, что̀ проглатываютъ дѣти, бояться настоящаго, страшиться будущаго—вотъ это такъ участь!..“

Давно не видалась она съ сестрой, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вышла замужъ и теперь, когда предстоитъ имъ свиданіе, она невольно переносится мысленно въ далекое, далекое прошлое, въ то прошлое, когда онѣ жили въ одной комнатѣ, два маленкія прелестныя, счастливыя существа, одинаково любимыя и холеныя отцомъ и матерью, въ то милое прошлое, когда проснувшись, она вскакивала, спѣшила раздвинуть занавѣску своей кроватки и крикнуть: „я первая“! У нихъ съ сестрой шло соревнованіе въ томъ, кто первая проснется, потому что ту няня первую и одѣнетъ; Лена была живѣй и почти всегда первая вскакивала, пока Маня нѣжилась еще въ постелькѣ.

Какъ хорошо имъ было вдвоемъ бѣгать и играть въ большомъ просторномъ домѣ, въ тѣнистомъ саду, какъ хорошо жилось имъ подъ нѣжною любовью ихъ матери! Она ихъ называла „своими птичками“, и дѣйствительно онѣ были похожи на птичекъ. Онѣ свободно бѣгали и прыгали по дому, каждый уголъ котораго имъ былъ дорогъ и милъ, и наполняли его своимъ дѣтскимъ лепетомъ и смѣхомъ. Онѣ были счастливы...

Но насталъ ужасный день и для счастливыхъ дѣвочекъ.

Елена Александровна почему-то особенно отчетливо помнила себя и сестру стоящими посреди ихъ большой дѣтской въ однѣхъ бѣлыхъ юпочкахъ въ ожиданіи траурныхъ платьевъ. Няня блѣдная и заплаканная то и дѣло выглядываетъ, не несетъ ли портниха платьица. И онѣ тоже нетерпѣливо ждутъ ихъ. Портниха, наконецъ, приноситъ новыя платья, дѣвочекъ одѣваютъ въ черное и ведутъ въ залъ.

Все такъ странно въ этой залѣ. Сколько народу, какъ свѣтло отъ безчисленныхъ зажженныхъ свѣчъ, что̀ держатъ эти люди...

На дѣтей оглядываются съ сочувствіемъ, ихъ пропускаютъ впередъ, гдѣ служитъ священникъ, къ тому столу, что̀ сразу приковалъ ихъ вниманіе. Что̀ же это бѣлое, что̀ лежитъ тамъ на немъ?.. Чье это желтоватое, прозрачное лицо съ ушедшими въ глубину глазами?.. Неужели это мама, какъ говоритъ имъ отецъ?.. Нѣтъ, это не можетъ быть! Онѣ охотнѣе вѣрятъ нянѣ, которая утверждаетъ, что Богъ взялъ маму на небо... Во всякомъ случаѣ то ли, другое ли, онѣ не слышатъ болѣе голоса мамы, она не зоветъ ихъ къ себѣ, не ласкаетъ ихъ, дверь ея комнаты затворена. Дѣвочки понимаютъ, что случилось что-то роковое и боязливо, недоумѣло оглядываются кругомъ. Инстинктивно затихаютъ птички.

Унесли тѣло матери, зала приняла свой обычный характеръ, попрежнему ведется порядокъ дома, но чувствуютъ дѣвочки, что-то унесла съ собою мать, въ домѣ что-то не то. Отецъ постоянно отсутствуетъ, а когда онъ дома, къ нему наѣзжаютъ какіе-то господа, трактуютъ о какихъ-то дѣлахъ, пьютъ, ѣдятъ, играютъ въ карты. Няня печально качаетъ головой, „что-то будетъ, что-то будетъ“, твердитъ она. И дѣвочки полны страха и какого-то недобраго предчувствія. Что̀ можетъ, кажется, быть хуже того, что̀ случилось, у нихъ нѣтъ больше матери... Но у нихъ есть еще отецъ, есть домъ, который онѣ считаютъ своимъ, есть бѣленькія мягкія постельки, въ которыхъ безмятежно онѣ засыпаютъ по вечерамъ, есть милая старая няня-ворчунья, которая любитъ ихъ. Но скоро у нихъ не станетъ и этого...

Однажды весь домъ проснулся въ смятеніи—хозяинъ его былъ найденъ мертвымъ у себя въ кабинетѣ. Еще наканунѣ вечеромъ онъ приходилъ перекрестить дѣвочекъ, а на утро былъ бездыханнымъ трупомъ.

Няня крестилась и плакала и говорила о большомъ грѣхѣ, который папа взялъ на свою душу. Много народу нашло въ домъ; на шкафы, на сундуки накладывали печати. Въ домѣ шла суетня и говоръ, какъ будто и не находилось въ немъ покойника. И до дѣтской доходилъ шумъ шаговъ, гулъ голосовъ, няня тихонько плакала и испуганно жались къ ней дѣвочки. Онѣ сами много теперь плакали, онѣ ужъ понимали, что̀ такое смерть.

Но никогда не плакали онѣ такъ горько, какъ въ тотъ день, когда онѣ узнали, что домъ, который онѣ считали своимъ, не ихъ домъ. Что надо уходить изъ этого дома, что другіе, чужіе люди, которые не знали ни ихъ отца, ни матери, люди, которые не

знали сколько было любви, счастья, радости, сколько горя перенесено въ этихъ стѣнахъ, придутъ и будутъ жить тамъ!

Это казалось дѣтямъ невѣроятнымъ, невозможнымъ, но домъ, однако, пошелъ съ молотка, какъ и все, что̀ принадлежало ихъ отцу... Дѣвочекъ подобрали изъ состраданія добрые люди.

Совсѣмъ, совсѣмъ затихли птички.

II.

Какъ ни были добры добрые люди, но дѣти чувствовали, что добры къ нимъ не изъ любви, а изъ состраданія, что все тутъ чужое, что никто изъ этихъ людей не знаетъ того прекраснаго, чуднаго, того полнаго любви и радости ихъ дѣтства, что̀ ушло отъ нихъ, но что̀ помнить онѣ будутъ вѣчно и вѣчно оплакивать. Онѣ чувствовали, что передать то горькое, что̀ налегло на ихъ дѣтскія души онѣ не въ силахъ, и дѣвочки ушли въ себя, боясь даже другъ другу передавать то, что̀ чувствовали. Онѣ знали, что надо быть благодарнымъ къ благодѣтелямъ, а онѣ не были благодарны. Онѣ молчали, но въ душѣ онѣ требовали ласки, эгоистично хотѣли любви, той самой любви, которую, онѣ видѣли, расточали другимъ дѣтямъ и которой онѣ не чувствовали на себѣ... Онѣ хотѣли собственнаго угла, самаго маленькаго уголка, которымъ бы онѣ могли располагать, но у нихъ не было этого угла. Онѣ знали, что ничего не могутъ требовать, что правъ у нихъ нѣтъ никакихъ, что онѣ сироты, взятыя изъ состраданія. И чѣмъ болѣе онѣ это сознавали, тѣмъ болѣе считали судьбу свою несправедливою и несчастною.

Проходили годы, сестры расли, учились, характеры вырабатывались.

Маня становилась все тише, казалась забитою, болѣе энергичная Лена озлобилась.

Обѣ жили воспоминаніями прошлаго, обѣимъ мерещился свой домъ, свой очагъ, своя постель, съ которой никто бы не имѣлъ права согнать.

Онѣ выросли въ богатомъ домѣ, ихъ окружала роскошь, но сознаніе, что онѣ не по праву пользуются этою роскошью, тяготило ихъ.

Манѣ первой представился случай выйти изъ тяготившаго ее положенія. Честный бѣднякъ предложилъ ей раздѣлить его судьбу.

Шестнадцатилѣтняя Маня не чувствовала любви къ молодому человѣку, она, правда, уважала его, но бѣдность, которую онъ не скрывалъ предъ ней, пугала ее, она отказала ему. Когда она разсказала объ отказѣ старшей сестрѣ своей, та вознегодовала.

— Тебѣ былъ предложенъ исходъ, сказала она, —и ты не воспользовалась имъ, о еслибы мнѣ такое счастье!

И дѣйствительно, когда Еленѣ предложилъ свою руку такой же бѣднякъ, какъ и она сама, она съ восторгомъ изъявила свое согласіе.

Она гордо смотрѣла впередъ и надѣялась на свои силы.

— Судьба посылаетъ мнѣ любовь и мой собственный крохотный уголъ, говорила она,—ничего другаго я не прошу у судьбы, остальное возьму сама.

И она высоко и гордо держала свою хорошенькую двадцатилѣтнюю головку подъ вѣнцомъ, стоя рядомъ со своимъ избранникомъ.

Трудно дался Еленѣ Александровнѣ завоеванный очагъ. Мужъ ея былъ добрый, мягкій человѣкъ, но человѣкъ безъ своего царя въ головѣ, человѣкъ съ лѣнцой, спустя рукава, который не бѣжалъ за работой, а укрывался отъ нея подъ разными предлогами, человѣкъ, котораго утомляла энергія жены, ея вѣчное понуканіе. Онъ любилъ поговорить о своей непригодности поддѣлываться къ сильнымъ міра, любилъ сослаться на мачиху судьбу и посмѣяться надъ порываніями жены выйти изъ нужды, „что̀, видно бѣдность-то не свой братъ, восклицалъ онъ,—видно не такъ-то легко ее перенести!“

Да, она соглашалась теперь, что слишкомъ понадѣялась на свои силы, слишкомъ гордо смотрѣла въ глаза жизни. Жизнь измаяла ее.

Радости любви къ мужу и дѣтямъ только на половину искупали всю эту массу заботъ, труда, всю эту муку физическую и нравственную изъ-за нихъ же.

Какъ въ юности она гордо смотрѣла впередъ, какъ жаждала работы! Она не подозрѣвала въ началѣ своей жизни, какъ много идетъ энергіи женщины на мелкія заботы—выкормить, обшить дѣтей, присмотрѣть за ними, прибрать вокругъ себя, позаботиться объ обѣдѣ, выгодать такъ, чтобъ и сытымъ быть и сто̀илъ бы онъ не дорого. Вѣчныя хлопоты, заботы изо дня въ день!

Такъ проходила жизнь, унося съ собою ея красоту, энергію

и вѣру въ свою силу. Она родила, выкармливала грудью дѣтей и почти съ ужасомъ смотрѣла на ихъ будущую участь—это все были рты, требующіе хлѣба и она со страхомъ предвидѣла, что хлѣба можетъ и не хватить; это были души, требующія духовной пищи, а она съ ужасомъ замѣчала, что ея собственная духовная жизнь, вся ея энергія уходитъ на мелкую заботу дня и ее бралъ страхъ за будущее—нечего ей будетъ дать своимъ дѣтямъ, когда потребуется, вся размѣняется она на мелкую монету. Всякій часъ, всякую минуту дня она думала объ этомъ страшившемъ ее будущемъ и волновалась, мучилась, а мужъ ея, между тѣмъ, тихонько подремывалъ. Все чаще и чаще стало приходить ей въ голову, что она слишкомъ понадѣялась на свои силы въ молодости, слишкомъ было въ ней много гордости, самомнѣнія, и она начинала завидовать сестрѣ, которая не вышла замужъ и будучи компаньонкой княгини Д. зарабатывала хорошія деньги и, живя во вліятельной средѣ, имъ же, Аракинымъ, оказывала протекцію. Мужъ Елены Александровны, по ходатайству Мани, занималъ мѣсто учителя въ N-ской женской гимназіи, двѣ ихъ дочери приняты были въ институтъ и одинъ изъ сыновей помѣщенъ на казенный счетъ въ реальное московское училище—все по ея же хлопотамъ.

Вслѣдствіе этой-то возможности помочь родственникамъ и слыла Марья Александровна „важною сестрицей“.

Сестры изрѣдка переписывались, но откровенности, сердечности въ этихъ письмахъ двухъ немолодыхъ уже женщинъ, разставшихся въ юности и прожившихъ полжизни вдали другъ отъ друга, откровенности не могло быть никакой.

Елена Александровна еще изрѣдка испускала вопль отчаянія, прося помощи сестры, когда безъ этой помощи обойтись было нельзя, письма же Мани, писанныя красивымъ мелкимъ почеркомъ на толстой раздушенной бумагѣ, изобиловали почти неизмѣнно разсказами о разныхъ увеселеніяхъ, раутахъ и балахъ въ томъ высшемъ мірѣ, гдѣ вращалась княгиня Д. Она разсказывала о новыхъ операхъ, субботнихъ представленіяхъ въ Михайловскомъ театрѣ, о милостивомъ вниманіи, оказанномъ ей какою-нибудь высокою особой, какъ-будто все это могло интересовать бѣдную Елену Александровну.

Аракинъ обыкновенно нападалъ на эти письма „знатной сестрицы“. Елена же защищала сестру, говоря: „Почему же ей не веселиться, вѣдь Маня еще молода, она почти на два года

моложе меня... Меня-то ужь конечно нельзя принимать въ соображеніе, я истасканная, старая кляча, я и не досплю, я и не доѣмъ, а ей что̀ дѣлается!“...

Теперь, убирая комнату, Елена Александровна старалась представить себѣ сестру въ томъ видѣ, какъ она должна быть въ настоящее время, черезъ двадцать почти лѣтъ послѣ ихъ послѣдняго свиданія, а воображеніе все рисовало ей молоденькую, восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, розовую и цвѣтущую.

III.

Елена Александровна взобралась на подоконникъ и поправляла стору, шнурки которой были оборваны, когда вошелъ мужъ ея въ старомъ халатѣ съ папиросой въ рукахъ.

Это былъ высокій блондинъ, широкоплечій и немного сутулый, съ добрыми, но какими-то безцвѣтными глазами. Онъ вошелъ устало шмыгая ногами, какъ-будто этимъ ногамъ было невмочь носить его большое рыхлое тѣло, или какъ-будто онъ уже сдѣлалъ далекое путешествіе. Сонным усталымъ взоромъ уставился Аракинъ на жену и долго смотрѣлъ такъ, не говоря ни слова.

Дѣло со шнурками у нея не ладилось тамъ на верху. Видъ мужа въ халатѣ, заспаннаго, понураго, точно онъ только-что перенесъ какую-то тяжкую болѣзнь, возмущалъ ее.

„Смотритъ, видитъ вѣдь, что мнѣ трудно достать, а помочь невдомекъ“... раздраженно думаетъ она и путаетъ шнурки еще больше.

Петръ Дмитріевичъ, стоя въ той же унылой позѣ, съ папиросой въ опущенной рукѣ, вяло произноситъ:

— А чай-то?.. Чай-то, должно-быть, пить мы не будемъ по случаю пріѣзда важной сестрицы?

Эти слова, сказанныя Аракинымъ безъ какого-либо злаго умысла, взрываютъ окончательно Елену Александровну.

— Только и знаетъ, что ходитъ да подсмѣивается, презрительно восклицаетъ она,—нѣтъ того, чтобы женѣ помочь! Цѣлое утро хлопочу, устала, а онъ спалъ, спалъ, а теперь у меня же чаю спрашиваетъ!.. Да не сори же пепломъ-то! совсѣмъ ужь крикнула она, видя, что онъ роняетъ пепелъ папиросы на полъ,— только-что прибрала, а этотъ... охъ наказанье!..

Она раздражалась тѣмъ болѣе, что чувствовала себя не

совсѣмъ правою—дѣйствительно надо было подумать о чаѣ. Не заботилась ли она постоянно объ этомъ утреннемъ чаѣ; надо же вѣдь кому-нибудь напоить мужа и сына предъ ихъ отходомъ въ гимназію.

— Ну да, конечно, сказалъ Аракинъ, надувшись,—нынче такой торжественный день, что и чаю можно не пить!

Едва онъ произнесъ это, какъ въ комнату влетѣлъ старшій рослый мальчикъ лѣтъ восемнадцати, застегивая свою куртку и остановился въ недоумѣньи, не видя на обычномъ мѣстѣ самовара.

— А чай-то? воскликнулъ онъ.

— Ахъ, Господи! да подите вы съ этимъ чаемъ... Не можешь самъ сказать Памфиловнѣ?.. Все мать, да мать! воскликнула Елена Александровна.

Мальчикъ пробормоталъ какую-то грубость и повернулся.

— А хлѣбца, хлѣбца одного не хочешь ли? крикнула ему въ догонку Елена Александровна. — Скоро всѣ мы, прибавила она въ назиданіе мужу,—будемъ однимъ черствымъ хлѣбомъ питаться, если и дѣти пойдутъ по стопамъ папеньки!

— Да чего ты взъѣлась, Господи! воскликнулъ Петръ Дмитріевичъ, и гораздо болѣе живою походкой, чѣмъ вошелъ, вышелъ изъ комнаты, бросивъ на пути недокуренную папиросу.

— Все на меня, все я да я, бормотала про себя Елена Александровна,—ужь истинно ломовая лошадь.

И вдругъ вспомнивъ, что Памфиловна вздумаетъ, пожалуй, принести самоваръ въ гостиную, какъ это дѣлалось обыкновенно, она побѣжала предупредить ее, чтобы поставила чайный приборъ въ кабинетѣ, такъ торжественно въ этомъ убогомъ хозяйствѣ именовалась комната, въ которой спали отецъ съ сыномъ.

Не успѣла Елена Александровна вернуться въ гостиную, подмести пепелъ, подобрать и спрятать окурокъ папиросы—за послѣднее время въ ней развилась скупость и она прятала всякую дрянь, какъ изъ спальни раздались веселые дѣтскіе голоса, кричавшіе: „мама, мама, иди сюда!“

— Ну вотъ опять—мама! произнесла уже болѣе мягко Елена Александровна и направилась къ спальнѣ.

— Что̀ тутъ? Зачѣмъ вамъ маму!

— Мама, кричали заразъ двѣ дѣвочки лѣтъ семи, восьми, высовывая изъ своихъ заставленныхъ досками кроватокъ всклоченныя хорошенькія головки,—мама, дай же новые чулки, ты новые чулки обѣщала.

— Хорошо, хорошо, не пищать у меня, сказала она строго, но подойдя къ первой, находящейся на пути ея дѣвочкѣ, она взяла ея головку въ обѣ руки и крѣпко прижала къ груди. И въ этомъ жестѣ вылилась вся сдержанная нѣжность ея души.

Черезъ пять минутъ, въ кабинетѣ, она уже кричала на старшаго сына, который отрѣзалъ себѣ чуть ли не цѣлую половину вновь испеченаго хлѣба и уплеталъ за обѣ щеки хрустящую корку, выбрасывая мякишъ.

— Ну скажите пожалуста, сокрушенно восклицаетъ она,— скажите пожалуста – полхлѣба отхватилъ. Для тёти пекли... пріѣдетъ тётя, нечѣмъ будетъ угостить... что̀ за наказаніе съ этакими олухами, которые ничего, ничего не понимаютъ!.. И ты-то хороша, Памфиловна, зачѣмъ принесла свѣжій хлѣбъ? Подала бы старый и довольно съ нихъ.

Первенецъ-Петя составляетъ сокрушеніе Елены Александровны своимъ аппетитомъ. За обѣдомъ она урѣзываетъ свою собственную порцію до-нельзя, только чтобъ ублаготворить какъ-нибудь юношу, но ему все мало и онъ неделикатно проситъ еще, совершенно не понимая до какой степени этотъ двойной аппетитъ составляетъ серьезный вопросъ въ его семьѣ.

Теперь Елену Александровну возмущаетъ горячій мякишъ, который онъ вытащилъ и не ѣстъ.

— Скажите пожалуста, портитъ только добро и не ѣстъ. Ну отрѣзалъ себѣ полхлѣба, такъ съѣлъ бы ужь по крайней мѣрѣ, а то такъ только испортилъ!..

Петя обидѣлся.—„Вѣчно попрекаютъ его аппетитомъ. Что̀ же ему въ самомъ дѣлѣ дѣлать, если у него желудокъ хорошій... Онъ сдѣлаетъ пріятное мамѣ, онъ не будетъ ничего ѣсть, онъ будетъ ходить въ гимназію на голодный желудокъ!"

Онъ не доѣлъ своего хлѣба, не допилъ стакана чая, всталъ и взялся за фуражку.

Елена Александровна уже раскаялась въ своихъ словахъ, ей до смерти уже жаль своего Петю, она хотѣла бы взять назадъ свои необдуманныя слова, она бѣжитъ въ кухню, хватаетъ большой кусокъ вчерашней солонины и суетъ ему въ ранецъ. Этотъ кусокъ, она думаетъ, примиритъ его съ нею, когда онъ найдетъ его въ часъ завтрака.

Мужъ уходитъ тоже недовольный ею—вотъ тебѣ и торжественный день! Двѣ ссоры въ самомъ началѣ его—о, бѣдность, бѣдность!

Слезы набѣгаютъ на глаза Елены Александровны, но сейчасъ же и высыхаютъ. Она вообще рѣдко, очень рѣдко плачетъ, ей некогда. И теперь она спѣшитъ напоить дѣвочекъ чаемъ, потомъ пойдетъ въ кухню наблюсти надъ стряпней Памфиловны, надо еще убрать обѣ спальни, одѣть дѣтей. Она уже вынула хорошенькія платьица, что̀ прислала имъ еще прошлаго года сестра. Дѣвочки прыгаютъ вокругъ платьевъ, радуются, пищатъ, просятъ, чтобы мама поскорѣй одѣла ихъ. „Въ самомъ дѣлѣ, ужь не одѣть ли ихъ? Есть вѣдь поѣздъ, приходящій въ десять часовъ - только, только успѣешь одѣть...“ Но бьетъ половина одиннадцатаго — сестры нѣтъ, теперь надо ждать до часу. Въ часъ приходитъ почтовый поѣздъ—вѣроятно съ нимъ-то и пріѣдетъ она.

Елена Александровна радуется, что мужчинъ нѣтъ дома и некому сорить на чисто убранныя комнаты; дѣвочекъ она засадила за работу.

Онѣ очень возбуждены, все спрашиваютъ, „скоро ли пріѣдетъ тётя и главное—скоро ли ихъ одѣнутъ“, но сидятъ на мѣстахъ и даютъ возможность Еленѣ Александровнѣ помочь Памфиловнѣ въ приготовленіи изысканнаго обѣда, даютъ возможность не торопясь, обдуманно накрыть столъ въ гостиной и приготовить все къ торжественному пріему.

Наконецъ наступаетъ и моментъ ожиданія. Дѣвочекъ одѣли, имъ немного неловко въ модномъ костюмѣ съ поясомъ на животѣ, но онѣ рады претерпѣть это неудобство и только заботятся о томъ, какъ бы посмотрѣть на себя въ зеркало, но зеркало такъ высоко повѣшено, что имъ виднѣются только хорошенькія головки съ приглаженными волосами.

Обѣденный столъ уже накрытъ бѣлоснѣжною скатертью, занятые у сосѣдей приборы красуются на немъ.

Елена Александровна въ волненіи. Какъ-то произойдетъ это свиданіе? Она начинаетъ бояться своей важной сестры.

„Ужь не поѣхать ли на вокзалъ? думаетъ она,—она обидится пожалуй, если не встрѣтишь ее“...

Однако она не ѣдетъ встрѣчать сестру, самое простое соображеніе, соображеніе о томъ, что верхнее платье у ней слишкомъ плохо — удерживаетъ ее дома.

А волненіе все растетъ, она безпрестанно смотритъ на часы. Поѣздъ уже пришелъ... сейчасъ она будетъ тутъ...

Дѣвочки въ недоумѣніи смотрятъ, какъ ихъ мама, одѣтая въ свое хорошее шерстяное, немного помятое платье, ходитъ изъ

угла въ уголъ по комнатѣ безо всякаго дѣла. Онѣ обѣ взобрались на подоконникъ и оглядываются на мать, зная, что это имъ запрещено и ожидая окрика. Но Елена Александровна не замѣчаетъ ихъ и все ходитъ, ходитъ, останавливаясь иногда предъ самымъ тѣмъ окномъ, на которое влѣзли дѣти и не видя ихъ.

...Какая же она такая эта сестра?"

Елена Александровна по портрету и по воспоминаніямъ старается воспроизвести въ воображеніи образъ той, что̀ она ждетъ и вдругъ вскрикиваетъ...

IV.

Какъ разъ предъ окнами Аракиныхъ остановился извощикъ и стройная молодая дама въ изящномъ дорожномъ туалетѣ разспрашиваетъ о чемъ-то дворника.

Елена Александровна не можетъ ошибиться, несомнѣнно это она—Маня. Никакое воображеніе не могло ей нарисовать образа сестры, до того мало измѣнившагося. Это та же тонкая, изящная фигура, что и двадцать лѣтъ тому назадъ, подъ черною вуалеткой, то же красивое маленькое личико съ тонкимъ носикомъ и большими невинными глазами.

Господи! возможно ли такъ мало измѣниться!

Елена Александровна въ одномъ платьѣ выбѣгаетъ на крыльцо.

— Манечка!.. Маня!.. сестра!.. Сестры обнимаются тутъ же на улицѣ. Глаза Елены Александровны полны слезъ, губы Марьи Александровны трясутся, хотя и растягиваются по привычкѣ въ улыбку. Эта улыбка составляетъ новую незнакомую для Елены черту въ лицѣ сестры.

— Идемъ, идемъ же въ домъ... какъ могла ты такъ мало измѣниться, восклицаетъ Аракина, помогая сестрѣ снять ватерпруфъ въ передней.—Смотри, что̀ сталось со мной въ эти двадцать лѣтъ; сознайся, ты не узнала бы меня? — И на глаза ея опять навертываются слезы.

— О нѣтъ, какъ можно, узнала бы, непремѣнно узнала бы! восклицаетъ та.

Сестры, держась за руки, изъ темной передней входятъ въ свѣтлую гостиную и опять смотрятъ другъ на друга. Елена Александровна тутъ только замѣчаетъ, что моложавость сестры больше декоративная. Лицо такъ же миніатюрно, правда, какъ прежде, но оно точно съежилось, около рта, не прикрытаго

вуалеткой, прошли двѣ рѣзкія морщинки. Взоры сестры какъ будто смущаютъ Марью Александровну, она отворачивается и со своею неизмѣнною улыбкой обращается къ дѣтямъ:

— Ахъ, какія миленькія! полюбите вашу, тётю, дѣти!.. А мужъ твой, Лена? Гдѣ же твой мужъ? Довольна ты, что старшія дѣвочки въ институтѣ?.. Немного непріятно, что не въ столичномъ, конечно, но что̀ же дѣлать... Княгиня такъ хлопотала, ты не повѣришь какъ это трудно, сколько кандидатокъ! И къ тому же у твоихъ не было вѣдь никакихъ правъ, это ужь только для княгини... И только что ихъ приняли, какъ просить о перемѣщеніи въ столичный институтъ — княгиня отказалась и я требовать даже не могла, подумай сколько ей пришлось хлопотать изъ-за меня... Княгиня такъ добра, такъ добра...

Слово „княгиня“ Марья Александровна произносила съ какимъ-то особымъ благоговѣніемъ.

Еленѣ Александровнѣ немного неловко отъ словъ сестры, ей казалось бы, что въ этотъ первый мигъ свиданія можно было бы поговорить о чемъ-нибудь другомъ, но сестра какъ нарочно выбираетъ самые странные, на взглядъ Аракиной, сюжеты для разсказовъ. Такъ съ особеннымъ воодушевленіемъ она разсказываетъ Еленѣ какъ провожали княгиню на вокзалъ.

— Вообрази, было полтораста человѣкъ—можешь себѣ представить. Былъ даже ***! Маня называетъ очень высокопоставленное лицо, но Еленѣ это высокое лицо ровно ничего не говоритъ и она только смотритъ на сестру и думаетъ: „когда же кончится это докучное и начнется то – другое?“

Она сама не знаетъ, что̀ подразумѣваетъ подъ этимъ „другимъ“, но ей кажется, что этими разсказами не можетъ же ограничиться ихъ свиданіе, а сестра все продолжаетъ разсказывать, сыпать громкими именами.

— Ты можешь себѣ представить, какъ это случилось, что я заѣхала къ тебѣ? Вѣдь у насъ былъ совсѣмъ другой маршрутъ! Но какъ разъ дня за три до нашего отъѣзда пріѣзжаетъ къ намъ графъ Г. и умоляетъ княгиню заѣхать къ нему въ деревню,— я, говоритъ, уѣзжаю завтра и приготовлю пріемъ, а жена такъ будетъ рада! Княгиня такъ добра, она не можетъ вѣдь никому отказать, ты знаешь. Вотъ мы и „взяли вашу дорогу“ и покуда княгиня пробудетъ у графа, я заѣхала къ тебѣ.

— А на-долго ты ко мнѣ? спрашиваетъ Елена.

— До утра, душечка. Въ четыре часа проходитъ экспрессъ...

— Какъ, не видались двадцать лѣтъ, ты только до ночи? но это невозможно, Маня. Телеграфируй княгинѣ, что ты остаешься у меня на два, на три дня, что я не отпускаю тебя... Вѣдь двадцать лѣтъ не видались!

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно и не говори! Какъ, княгинѣ ѣхать безъ меня!.. Какъ же я стала бы догонять ее? вѣдь не дожидаться же ей меня! Нѣтъ, нѣтъ и не говори, это невозможно.

Елена смотритъ на сестру, печально качая головой.

— Пріѣхала на полчаса и шляпки не хочешь снять, какъ настоящая гостья... Сидишь въ шляпкѣ и вуаль не поднимаешь.

Марья Александровна немного принужденно смѣется.

— Мнѣ бы немного оправить свой туалетъ, говоритъ она, — до прихода твоихъ мужчинъ... сведи меня въ уборную...

Елена улыбается.

Уборная! у нихъ въ квартирѣ... хочетъ отыскать какую-то уборную!

Черезъ узкій, заставленный шкафами и сундуками корридоръ ведетъ Елена сестру въ свою спальню. Ей въ первый разъ въ жизни точно немного стыдно этой тѣсной, заставленной кроватями комнаты и она, какъ бы извиняясь, говоритъ:

— Въ этомъ городишкѣ такъ трудно достать квартиру.

Но Марья Александровна не замѣчаетъ окружающей обстановки, по крайней мѣрѣ она ничего не выражаетъ и это какъ будто даже уязвляетъ Елену. Она осторожно снимаетъ шляпку и вуалетку. Вблизи, безъ вуаля, она оказывается почти такою же старою, какъ и Елена. Юнымъ лицо ея кажется только издали; иллюзія происходитъ отчасти отъ миніатюрности чертъ, частью отъ опущенныхъ угловъ глазъ, что̀ придаетъ имъ выраженіе наивности, да отъ угодливой улыбки, раздвигающей губы.

Марья Александровна очевидно стѣсняется присутствіемъ посторонних при ея туалетѣ, особенно дѣвочки стѣсняютъ ее. Онѣ тѣсно обступили ее и съ величайшимъ любопытствомъ слѣдятъ за тѣмъ, что̀ она дѣлаетъ. Марья Александровна по-французски проситъ сестру удалить дѣвочекъ, она хотѣла бы, чтобъ и сестра оставила ее, но не смѣетъ попросить ее объ этомъ, но та не догадывается уйти и съ любопытствомъ слѣдитъ за тщательною обработкой маленькаго личика посредствомъ кольдкрема, пудры, пухоньки и т. п., съ удивленіемъ смотритъ на особый препаратъ для подвивки волосъ, который Маня вытаскиваетъ изъ своей сумочки. Елена смотритъ на эти заботы сестры о своемъ лицѣ, которое все-таки

остается и постарѣвшимъ, и съежившимся, и чувство жалости и вмѣстѣ зависти вкрадывается ей въ душу. „Подумаешь на что̀ идетъ время-то!“ думаетъ она.

Маня точно понимаетъ мысли сестры и спѣшитъ извиниться:

— Нельзя же, ты знаешь, привычка... въ томъ свѣтѣ, гдѣ я живу...

И опять начинаетъ разсказъ о княгинѣ, о раутахъ въ большомъ свѣтѣ, а между разсказами мимоходомъ спрашиваетъ:

— Когда же приходитъ твой мужъ со службы?.. Онъ очень хорошій человѣкъ твой мужъ, неправда ли?

— О, да, прекрасный... Добрый, мягкій, не пьетъ, не играетъ, очень хорошій... А твоя жизнь, какъ видно проходитъ очень весело, Маня?

— Совершенно не видно, какъ время идетъ. Княгиня такъ добра... живу точно во дворцѣ... лукуловскіе завтраки, обѣды... Ты счастлива въ дѣтяхъ?.. дѣвочки такъ милы.

— Ни одного не могу похулить, хорошія дѣти... вотъ разлука, но это вѣдь неизбѣжно...

Сестры говорятъ и обѣ чувствуютъ стѣсненіе въ груди, предъ обѣими носятся картины ихъ прошлой дѣтской жизни, предъ обѣими возникаетъ не прикрашенное словами ихъ убогое настоящее, но онѣ стараются обойти взоромъ и прошлое и настоящее и останавливаются только на томъ, что̀ очень мало интересуетъ ихъ.

V.

Онѣ обѣ рады возвращенію домой Петра Дмитріевича и Пети.

Елена Александровна боится только какъ бы мужъ не очень поразилъ сестру отсутствіемъ полировки, но, слава Богу, все обходится какъ слѣдуетъ: Петръ Дмитріевичъ хотя и мямлитъ, а жена старается помочь ему качаніемъ головы, но онъ выговариваетъ, однако, нѣкоторое привѣтствіе „важной сестрицѣ“, даже цѣлуетъ ей руку. Петя тоже ведетъ себя какъ слѣдуетъ и дѣло теперь только за обѣдомъ, лишь бы обѣдъ удался!

Вотъ и супъ на столѣ. Памфиловна догадалась одѣться поприличнѣй и не такъ топаетъ ногами, какъ обыкновенно. Кромѣ нѣкоторыхъ неловкихъ моментовъ, какъ, напримѣръ, громкаго шептанья Памфиловны на ухо Еленѣ Александровнѣ: „Сахару нѣтъ, сахару нѣтъ!“ моментъ, перенесенный хозяйкой съ твер-

достью, да страху, какъ бы Петя не съѣлъ всѣ лучшіе куски, которые Елена Александровна собирается припрятать на ужинъ сестрѣ—все обходится благополучно.

Петръ Дмитріевичъ съ несвойственною ему любезностью слушаетъ безконечные разсказы Марьи Александровны о княгинѣ, ея добротѣ, о пріемахъ, театрахъ, о любимыхъ и знаменитыхъ актерахъ и музыкантахъ.

— Ахъ Вальбель! вотъ прелесть! княгиня говоритъ, что она не видывала кавалера, который съ такою граціей носилъ бы un habit.

— Въ Daniel Rochat я видѣла его шесть разъ! Въ послѣдній разъ я лазила на балконъ, вообразите! Она оглядываетъ всѣхъ, какъ бы желая вызвать удивленіе на лицахъ, такъ и сказала княгинѣ: „Je me compromets, mais g'y vais.“ И Марья Александровна говоря это даже какъ-то весело припрыгиваетъ на стулѣ.

Обѣдъ конченъ.

Но лукуловскія явства не утомили Марью Александровну, съ прежнимъ оживленіемъ, точно боясь остановокъ, она продолжаетъ свои свѣтскіе разсказы. Постоянная восторженная улыбка, которая играетъ на ея губахъ, начинаетъ утомлять Елену Александровну, она замѣчаетъ, что уже сама улыбается и нѣтъ возможности удержать эту растягивающую губы улыбку, а на сердцѣ такъ тяжело, тяжело... И какъ долго продолжается этотъ сытый томительный день безъ дѣла!

Ужь поскорѣй бы онъ кончался. Еленѣ Александровнѣ хочется отдохнуть, она предлагаетъ сестрѣ прилечь, но та и слышать не хочетъ объ отдыхѣ.

— Днемъ ложиться? Боже избави! княгиня говоритъ,—нѣтъ ничего вреднѣе сна днемъ; нѣтъ, нѣтъ, она ни за что не ляжетъ!

Она даетъ однако нѣкоторый отдыхъ сестрѣ, она перестаетъ разсказывать, экзаменуетъ дѣвочекъ, играетъ съ ними, ни минуты не давая отдыха самой себѣ.

Однако день, слава Богу, понемногу кончается; дѣти уходятъ спать, мужчины тоже удаляются. Разсказы Марьи Александровны дѣлаются вялѣй, она понемногу затихаетъ; сестра предлагаетъ ей свою постель.

— Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ Марья Александровна,—ложись пожалуста на свое мѣсто, а я прилягу здѣсь на диванѣ. Извощику, который привезъ меня утромъ, я велѣла пріѣхать къ тремъ

часамъ и позвонить, отсюда я лучше услышу, чѣмъ изъ твоей комнаты. Пожалуста не безпокойся, я не раздѣваясь лягу здѣсь на диванѣ.

Послѣ нѣкотораго колебанія Елена Александровна приноситъ подушки на диванъ въ гостиной, старается устроить все, какъ можно удобнѣе.

— Я не прощаюсь съ тобой, говоритъ она, уходя,—звонокъ извощика разбудитъ меня, сонъ у меня легкій, а еслибъ я не проснулась, ты, надѣюсь, придешь ко мнѣ?

— О, безъ сомнѣнія.

VI.

Елена Александровна надѣваетъ капотъ и ложится. Она страшно утомлена; всѣ члены болятъ и ноютъ, точно она цѣлый день ходила за сохой, а не принимала милую, любимую сестру, съ которою давно не видалась. Мыслей въ головѣ у ней нѣтъ, тамъ пусто, пусто и въ сердцѣ. Нѣтъ, она ни о чемъ не думаетъ, ничего не жалѣетъ и кажется ей, стòитъ только закрыть глаза, и она заснетъ безъ сновидѣній, какъ камень пойдетъ ко дну.

Но ошибается Елена Александровна, не легко заснуть ей сегодня. Она погасила свѣчу, закрыла глаза, лежитъ смирно, не шевелясь, но сна точно и не было, не можетъ она заснуть. И все мерещится ей голосъ сестры, все слышатся ея разсказы, одинъ, другой, третій, разсказы безъ конца, которыхъ никто не слушаетъ. И видится ей улыбка Марьи Александровны, эта тяжелая улыбка. И то, чтò давило ей грудь весь день, опять ложится на душу и мѣшаетъ дышать, мѣшаетъ спать.

Лучше ужь встать и пойти посмотрѣть заснула ли та.

Елена Александровна встаетъ и безъ свѣчи пробирается по корридору къ двери гостиной. Дверь пріотворена, тамъ еще свѣтъ. Она тихонько, тихонько подкрадывается...

Маня еще не ложилась. Она, полураздѣтая, сидитъ на диванѣ, свѣтъ лампы ярко освѣщаетъ ея лицо и всю фигуру. Ея тонкій дѣвическій станъ согнулся, точно вдругъ постарѣлъ на десять лѣтъ, худыя руки безпомощно упали на колѣни, маленькое личико точно еще болѣе съежилось и кажется меньше отъ развившихся волосъ безпорядочными космами упавшихъ ей на лобъ. Улыбка все еще блуждаетъ на ея губахъ. Но какъ жалка, какъ хватаетъ за душу эта улыбка въ соединеніи со взоромъ полнымъ

такой безысходной тоски и усталости, устремленнымъ на противоположную стѣну. Елена Александровна смотритъ на сестру въ полуотворенную дверь и начинаетъ понимать, что̀ такъ давило ей грудь весь этотъ день. Все выше и выше поднимается это давящее и громкимъ рыданіемъ вырывается изъ устъ.

— Маничка! Маня!.. восклицаетъ она, врываясь въ комнату и обнимая сестру, цѣлуя ей лицо и руки. Та пытается еще бороться съ собою, пытается обрѣсти свою улыбку, но губы трясутся, она роняетъ свою старѣющую головку на грудь сестры и все худенькое тѣло ея содрагается въ родственномъ объятіи.

— Тяжело, тяжело, шепчетъ она,—зачѣмъ ты вошла?.. Я думала такъ пройдетъ, какъ всегда проходило...

— Ничего, ничего... поплачемъ, Маничка, поплачемъ вмѣстѣ, говоритъ Елена.

Но слезъ у Манички нѣтъ, она только трясется вся и говоритъ отрывисто, точно ей сдавило горло.

— Поплачемъ... вспомянемъ... продолжаетъ Елена сквозь слезы,—помнишь нашу дѣтскую?.. двѣ маленькія кроватки... деревянный ящикъ въ углу съ игрушками?.. нашу любимую Матрешку-куклу безъ ноги... кіотъ съ образами... лампаду подъ праздникъ... запахъ деревяннаго масла... няню на молитвѣ... помнишь?..

— Довольно, довольно!.. не надо, зачѣмъ будить прошлое!.. Оно и такъ весь день тѣснило грудь Марьи Александровны. Напрасно старалась она говорить о добродѣтеляхъ княгини, о Вальбелѣ, Фигнерѣ, Гитри, Матрешка—безногая кукла выступала изъ-за этихъ лицъ.

— Довольно, довольно... Маничка, трясется и закрываетъ рукой сестрѣ ротъ, но та отнимаетъ ея руку и продолжаетъ перечень своихъ воспоминаній.

— Помнишь мамашу, Маничка?.. какъ по вечерамъ, когда стемнѣетъ и станетъ страшно, мы карабкались къ ней на колѣни?.. мамины ласки?.. О, какъ хорошо!..

— Довольно, довольно!.. Какъ давно не плакала она такъ, она и теперь думала побороть свою слабость, да не выдержала до конца.

И плачутъ обѣ сестры, прижавшись другъ къ другу.

Одна измаялась въ трудѣ, въ заботахъ о хлѣбѣ насущномъ, другая состарилась въ чужомъ углу, не знавшая ласки, привѣта близкаго человѣка.

— Тяжело жить на свѣтѣ, говоритъ Елена,—хотѣла скрыть

отъ тебя свою бѣдность, но ты видишь, чего ужь скрываться... Бьюсь, какъ рыба объ ледъ, всякій кусокъ на счету. Жизнь моя—маета какая-то, видишь на что̀ стала похожа? высохла, сгорбилась, старухой стала, руки огрубѣли, сердце тоже. Повѣришь ли, иной разъ бранюсь, какъ извощикъ... Мой Петръ Дмитріевичъ вѣдь лежебока, ему что̀!.. а во мнѣ такъ сердце и кипитъ, такъ и рвется... Вѣдь онъ могъ бы заработать, могъ бы самъ дѣтей на ноги поставить безъ посторонней помощи. Какъ будто нельзя найти частныхъ уроковъ или другой какой работы, вѣдь другіе находятъ, но что̀ же дѣлать, коли не хочетъ, ну вотъ и маешься... Сама бы на сторонѣ стала искать работы, да какъ отъ дѣтей уйдешь! А онъ...

— Ты не любишь мужа? спросила Марья Александровна.

Елена горько улыбнулась.

— Какая любовь при нашей бѣдности!.. Если ты говоришь о той любви, о которой пишутъ въ романахъ, то врядъ ли она когда и существовала. Не люблю я его, а болѣю имъ, да, болѣю... Хотѣлось бы пихнуть его на все хорошее, полезное, внушить ему бодрость... болитъ мое сердце, видя какъ онъ спитъ. И дѣтей, кажется мнѣ, не люблю я, какъ любятъ богатые и ими болѣю, какъ болѣю мужемъ... И нѣтъ у меня нѣжныхъ словъ для нихъ... а помнишь?.. Кипитъ во мнѣ сердце, хотѣлось бы сдѣлать настоящихъ людей изъ моихъ птенцовъ, а какъ это сдѣлать при бѣдности?.. Вотъ уже трое ушли изъ-подъ моего вліянія и то, что̀ я должна была бы считать величайшимъ горемъ, за то при настоящихъ обстоятельствахъ я благодарю Бога... А что̀ станется съ тѣми, что̀ тутъ около меня?.. Кончитъ Петя въ гимназіи, пойдетъ въ университетъ... какіе-то еще товарищи будутъ?.. вѣдь жить придется одному, безъ семьи... по урокамъ будетъ шататься, вѣдь надо же чѣмъ-нибудь кормиться — онъ у меня ѣстъ такъ много!.. Конечно, онъ не понимаетъ еще, что надо умѣрять свой аппетитъ, что надо примѣнять желудокъ... я не сержусь на него за это, а все иногда, подъ сердитую руку, попрекнешь кускомъ. И какъ тяжело потомъ, какъ тяжело!.. Тебѣ все это непонятно, я знаю, у васъ тамъ ѣдятъ вволю и ты не могла видѣть всей нашей бѣдности, сегодня мы тоже принарядились, прихорошились для пріема „важной сестры“.

— Важной сестры! восклицаетъ Марья Александровна,—моя бѣдная Лена, это меня-то ты величаешь важною сестрой? Какъ ни бѣдна ты, но у тебя свой уголъ, у тебя много заботъ, но много и

любви въ твоемъ сердцѣ, и тебя есть кому любить... Пусть бѣдность наложила на тебя налетъ грубости, въ этой грубости—правда, моя же улыбка—ложь... Тяжело, Леночка, ахъ тяжело! Живешь къ чему-то, хлопочешь, стараешься угодить и хоть бы тебѣ одно ласковое слово:—наемщица!.. Но вѣдь привязываешься, любишь тоже, а чувствуешь, что ты-то собственно вещь, что тебя безъ сожалѣнія, не поморщившись, могутъ удалить всякую минуту. А удалятъ тебя, какъ только изъ автомата ты сдѣлаешься человѣкомъ... Перестань поддакивать, улыбаться, вырази хоть разъ свое чувство, скажи, что ты любишь, страдаешь,—и ты окажешься негодною... А, Боже сохрани, состариться!.. Я знаю, что удача моя въ моей фигурѣ. Посмѣй я опуститься, сгорбиться, потолстѣть—и всѣмъ моимъ добродѣтелямъ не устоять противъ этого несчастія... А во мнѣ много добродѣтелей, меня цѣнятъ въ свѣтѣ, умри сегодня княгиня, и мнѣ предложатъ десять мѣстъ... Ты смѣешься? увѣряю тебя, во мнѣ масса качествъ, я это знаю. Вопервыхъ, je suis bien née Везевитинова не громкое, но достаточно хорошее имя; у меня приличная фигура и приличная физіономія, издали даже моложавая. Я не дурна и не особенно стара, но никого не могу затмить ни своею красотой, ни своею молодостью... У меня хорошій нравъ, я не обидчива и знаю свое мѣсто—немного позади, всегда немного позади... Я довольно образована, прилично молчу, когда чего не знаю, а когда что̀ знаю—тоже не лѣзу впередъ, не выставляю своего знанія... Я умѣю восхищаться тѣмъ, чѣмъ восхищаются всѣ, иногда я невольно пересаливаю, вѣдь привычка вторая натура, и это даетъ поводъ добродушно посмѣяться надо мной... Меня не оскорбляетъ этотъ смѣхъ, мнѣ онъ даже пріятенъ, я знаю, что доставила удовольствіе—cette pauvre Марья Александровна, raffole telle de Valbelle. Я всегда весела, смѣюсь, улыбаюсь; веселость—вѣдь это большое качество, я тебѣ скажу, меня не стали бы держать, еслибъ я сидѣла повѣся носъ... И некому всматриваться, что̀ за этою веселостью, кому какое дѣло докапываться до чувствъ какой-то Марьи Александровны... Да и мнѣ некогда вдуматься, всмотрѣться въ собственную жизнь... Я живу, угождаю, улыбаюсь, забочусь о своей внѣшности и стараюсь не вспоминать прошлаго, не думать о будущемъ. Что̀ въ будущемъ?! Та же одинокая, одинокая жизнь. Тѣ же угожденія, улыбки, пока совсѣмъ не состаришься и тебя не попросятъ удалиться... Ты всегда подъ этимъ дамокловымъ мечомъ... Тебя окружаетъ роскошь, ты

привыкла вкусно ѣсть, нарядно одѣваться, спать на мягкой постели, и всякій день, ложась спать, ты думаешь: можетъ-быть, завтра эта постель не будетъ тебѣ принадлежать, завтра...

Марья Александровна остановилась на секунду, ея невинные глаза смотрѣли почти мрачно.

— ...Никто тебя не любитъ, ты всѣмъ все равно... И вдругъ ты начинаешь сознавать, что въ этомъ-то общемъ равнодушіи и есть твое преимущество, тебѣ хорошо, пока о тебѣ не думаютъ. Горе тебѣ, если заставишь о себѣ думать, причинишь такое безпокойство!.. Особы, подобныя Марьѣ Александровнѣ, и хороши тѣмъ, что о нихъ не думаютъ... И Марья Александровна зачѣмъ-то живетъ, копошится, старается пораньше встать, чтобъ употребить часа два на туалетъ, выписываетъ театральные билеты, волнуется неудачей, плачетъ вмѣстѣ съ княгиней, слушая Фигнера, восхищается Гитри, вышиваетъ полотенца для Вальбеля, теперь вотъ ѣдетъ восторгаться природой... Ну и что̀ же, что̀ же потомъ, я тебя спрашиваю?..

Марья Александровна поглядѣла въ лицо сестры широко-открытыми, вопрошающими глазами. Черты лица приняли какое-то особое, не свойственное имъ выраженіе, ея фигура стала какъ-то выше... И вдругъ глаза опять померкли, лицо съежилось, и она опустила плечи, какъ бы испугавшись отвѣта, который могла дать ей сестра. Она замолкла и отвернулась, она ужь сознавала, что сказала много лишняго... Она перестаетъ говорить о себѣ, она возвращается къ положенію Елены и ея семьи.

Завистливое чувство къ спокойной, сытой жизни Мани совсѣмъ померкло въ сердцѣ Аракиной, померкло какъ-то вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаніе собственнаго несчастія. Она ужь не находитъ всѣхъ тѣхъ жалобъ, что̀ возникали въ умѣ и просились наружу часъ тому назадъ. Какъ ни огрубѣло въ бѣдности сердце ея, но въ немъ живетъ безконечное чувство любви, она знаетъ, что нѣжно любима, знаетъ, что этотъ убогій уголъ ея собственный, что эти хромоногіе стаканы, которыхъ она стыдилась предъ сестрой, нажиты собственнымъ горбомъ... Можетъ-быть, и онъ,— Петръ Дмитріевичъ, обезсиленъ бѣдностью, думается ей, „вѣдь когда не видишь возможности выкарабкаться, садишься и опускаешь руки... Что̀ дѣлать, не всякій способенъ бороться съ препятствіями, одинъ созданъ такъ, другой иначе“...

И Елена Александровна какъ будто ужь не чувствуетъ раздраженія противъ своего „лежебоки“, она готова простить ему

его апатію. И бѣдность ихъ ужь не кажется ей такою ужасною. „Какъ ни какъ, обуты, одѣты, и въ собственномъ углу— чего еще.“

Сестры нѣкоторое время сидятъ молча другъ около друга.

— Всегда одна, вдругъ прерываетъ молчаніе Марья Александровна,—понимаешь это? боишься подѣлиться съ кѣмъ-нибудь тѣмъ, что̀ накипаетъ на сердцѣ... Да что̀ съ кѣмъ-нибудь, сама боишься вдуматься, такъ живешь безъ мысли, одними восторженными междометіями. Вотъ теперь только отвела душу, одинъ разъ въ 20 лѣтъ и то случайно. Не приди ты, и я, пожалуй, не догадалась бы, что это слезы давятъ меня... Спасибо, Лена, что дала мнѣ поплакать...

На глаза обѣихъ сестеръ опять набѣгаютъ слезы и опять вспоминаютъ онѣ о немногихъ счастливыхъ годахъ дѣтства, что̀ яркими картинами врѣзались въ ихъ воспоминанія...

VII.

Спущенныя сторы побѣлѣли отъ дневнаго свѣта; лампа на столѣ догорѣла и потухла. Раздалось дребезжанье пролетки подъ окномъ и сильный звонокъ у подъѣзда.

Марья Александровна вскочила, ощупывая прическу.

— Ахъ, Боже мой, восклицаетъ она взволнованно,—какъ мы заговорились, я и не подумала привести себя въ порядокъ.

— Брось, отпусти извощика, не ѣзди, останься еще немного со мной, нерѣшительно говоритъ Елена Александровна.

— Что̀ ты! Какъ это можно, какъ можно!

И Марья Александровна торопится привести себя въ надлежащій видъ,—приглаживаетъ волосы, оправляетъ воротнички и манжеты, пудритъ лицо.

Раздается еще звонокъ, извощикъ, думая, что домъ еще весь спитъ, не жалѣя рукъ, трезвонитъ.

Ну вотъ и готова Марья Александровна, все въ порядкѣ. только развившіеся волосы на лбу немного тревожатъ ее,—что̀ дѣлать, забыла подвить, бываютъ случаи со всякимъ! Она тщательно взбиваетъ волосы гребенкой и подправляетъ подъ вуалетку.

— Ну, прощай!

Елена Александровна не будитъ Памфиловны, сестры вдвоемъ выходятъ на крыльцо.

Весенняя утренняя прохлада и тишина.

Солнце уже взошло, и длинныя тѣни отъ заборовъ и домовъ противоположной стороны улицы легли на мостовую. Птицы въ деревьяхъ сосѣдняго сада щебечутъ и поютъ на разные голоса. Ласточки, пронзительно вскрикивая, проносятся мимо сестеръ, чуть не задѣвая ихъ крыльями. Что-то захватывающее, чудесное, праздничное ощущается въ прохладѣ этого утра.

Обѣ женщины на крыльцѣ обнялись въ послѣдній разъ, и солнце ласкаетъ ихъ своими еще не жгучими лучами. Сестры хотятъ еще что-то сказать другъ другу, но не находятъ словъ. Марья Александровна усѣлась уже въ пролетку, и извощикъ зашевелилъ возжами, когда она находитъ силу сказать сквозь слезы, поводя рукой вокругъ себя:

— Хорошо, какъ въ дѣтствѣ...

Елена Александровна качаетъ только утвердительно головой, и крупныя слезы стоятъ въ ея глазахъ.

Уѣхала Марья Александровна.

Никогда, можетъ-быть, не встрѣтятся ужь больше сестры въ жизни.

Елена, заслонивъ рукой глаза, смотритъ вслѣдъ удаляющейся, и кажется ей издали, что спина Мани выпрямляется, станъ дѣлается моложе и элегантнѣе... Вотъ на поворотѣ, предъ тѣмъ какъ исчезнуть за угломъ, она обернулась къ сестрѣ и кажется Еленѣ, что улыбка опять разцвѣла на ея лицѣ.

Елена Александровна въ послѣдній разъ махнула платкомъ и сгорбившись вошла въ домъ. Ей пріятно было сгорбиться: вѣдь это тоже роскошь имѣть право быть старухой.

А. В. Стернъ.

ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

IV.

Голгоѳа.

Первое, что̀ встрѣчаетъ странника за дверьми храма, это—ниша, налѣво отъ входа, въ которой сидятъ мусульмане, стражи храма. Ихъ фески, кальяны, безцеремонныя позы производятъ отталкивающее впечатлѣніе. Иродовъ римскій орелъ — символъ господства язычниковъ—на іерусалимскомъ храмѣ довелъ до изступленія набожныхъ Іудеевъ, но за Римлянъ была всемірная сила и могущество: здѣсь же сидятъ присмирѣвшіе, не смѣющіе даже быть наглыми мусульмане дрянь, только напоминающіе о давнихъ надругательствахъ надъ христіанами и святѣйшимъ мѣстомъ христіанскаго міра! Эта стража, эти заложенныя вторыя двери храма, это закрытіе храма на бо́льшую часть сутокъ и храненіе ключей у какихъ-то Арабовъ—безсмысленные остатки прошлаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прискорбный и горькій символъ раздоровъ внутри христіанства, которые около Гроба Господня достигаютъ высшаго озлобленія. Тамъ, гдѣ впервые Богочеловѣкъ вкусилъ на землѣ успокоеніе отъ людской злобы, гдѣ бы умолкнуть всякой плоти человѣчьей и погрузиться въ созерцаніе величайшей тайны бытія, выразившейся въ воскресеніи, тамъ именно свирѣпствуютъ вѣроисповѣдная ненависть, жажда власти и господства, борьба народностей и страсти низменнаго свойства. Въ наказаніе за это безсильный мусульманинъ держитъ ключи отъ храма и признается какъ власть, обуздывающая

междоусобія между христіанами, стекающимися на поклоненіе со всѣхъ концовъ вселенной.

Гдѣ мусульманинъ, тамъ и грязь. Неопрятна ниша и первыя стѣны облѣзлыя, исчерченныя, голыя. Высокіе своды и стѣны, скудно освѣщенные внутри, сѣры, темны и мѣстами, какъ заплатами, покрыты иконами, драгоцѣнными украшеніями. Все, что составляетъ общую собственность всѣхъ христіанъ, въ полномъ упадкѣ; ни одно духовенство не допуститъ поправокъ, чтобы реставраторъ впослѣдствіи не предъявилъ правъ на исключительное пользованіе поправленнымъ мѣстомъ. Благолѣпіе сосредоточивается только на частномъ владѣніи, на тѣхъ мѣстахъ, которыя составляютъ собственность одной какой-либо церкви. Едва ли какой-нибудь храмъ, мало-мальски значительный, имѣетъ болѣе невзрачный входъ, нежели храмъ Гроба Господня.

Прямо противъ входа—камень помазанія: плита желтаго мрамора съ красными жилами, $7^3/_4$ фута въ длину и 2 фута въ ширину. Колоссальные бронзовые подсвѣчники, числомъ шесть, съ громадными свѣчами окружаютъ его. Между ними висятъ восемь большихъ фарфоровыхъ неугасаемыхъ лампадъ. На свѣчахъ написаны Францискъ Ассизскій и Св. Елизавета: патроны жертвователя, Австрійскаго императора Франца-Іосифа и его супруги, и годъ пожертвованія 1874. Камень лежитъ на полу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Голгоѳы, не въ далекомъ разстояніи отъ Гроба Господня и ближе ихъ къ древней городской стѣнѣ и воротамъ Ефремовымъ.

Нынѣшняя плита покрываетъ мѣсто, на которомъ, по древнему преданію, Іосифъ и Никодимъ обвили пеленой и умастили тѣло Христа, снятое съ Голгоѳы. Въ XIV столѣтіи паломники сообщаютъ, что камень былъ черный, въ XV—красный и черный; въ первой половинѣ XVI вѣка—зеленый и черный, или зеленый; въ 1565 году—черный и бѣлый, потомъ бѣлый; въ 1598 году—зеленый; въ первой четверти XVI вѣка—сѣрый съ бѣлымъ, бѣлый, зеленоватый; въ 1647 и 1656 годахъ—бѣлый, потомъ сѣрый; въ прошломъ столѣтіи—бѣлый. Упоминается, что онъ былъ покрытъ мозаикой. [1] Наконецъ существуютъ извѣстія, что настоящій камень помазанія находится въ Ефесѣ и оттуда перевезенъ въ неистощимую сокровищницу христіанскихъ святынь въ теченіе первой половины Среднихъ Вѣковъ въ Константино-

---

[1] См. *Tobler*: Golgotha, стр. 344 сл.

поль. Такимъ образомъ, камень признавался переноснымъ. Достовѣрна или нѣтъ византійская реликвія, но всякомъ случаѣ нынѣшній камень указываетъ только *мѣсто* и самъ по себѣ служитъ только указателемъ и покрытіемъ, неоднократно мѣнявшимся.

Если о камнѣ помазанія, точнѣе говоря о плитѣ, до насъ дошли разнорѣчивыя извѣстія не ранѣе XV вѣка, то о самомъ мѣстѣ письменные памятники упоминаютъ уже гораздо ранѣе. Въ самомъ началѣ XII вѣка Зевульфъ указываетъ надъ мѣстомъ помазанія церковь Св. Маріи, рядомъ съ мѣстомъ лобнымъ. Объ этой церкви нѣтъ свѣдѣній ранѣе этого времени и, по мнѣнію извѣстнаго палестинолога, гр. Вогюэ, она принадлежитъ къ числу тѣхъ построекъ, которыя были возведены послѣ разрушенія храма въ 1008 году при султанѣ Хакимѣ. Церковь Св. Маріи надъ этимъ мѣстомъ была снесена при перестройкѣ храма въ эпоху крестовыхъ походовъ, о чемъ скажемъ послѣ. Начиная съ XIII вѣка, послѣ паденія Іерусалимскаго королевства, открывается эпоха захватовъ святыхъ мѣстъ разными національностями. Изгнавъ Латинянъ, мусульманскіе владыки возвратили святыя мѣста православному патріарху, но впервые послѣ халифа Омара, вмѣшавшись въ завѣдываніе ими, мусульмане стали распоряжаться въ храмѣ, извлекая огромные доходы изъ распрей между христіанами. Съ этого времени и еще болѣе съ эпохи турецкаго владычества (1517 г.) установляются права разныхъ церквей и народностей на каждое мѣсто въ храмѣ, подвергаются различнымъ измѣненіямъ и доселѣ служатъ источникомъ безконечныхъ и запутанныхъ споровъ и крайне прискорбныхъ событій. Камень помазанія имѣетъ также свою юридическую исторію. Въ XV вѣкѣ онъ принадлежалъ Коптамъ, ближайшимъ подданнымъ египетскихъ султановъ мамелюкскаго происхожденія. Въ XVI вѣкѣ имъ владѣли Грузины, разрѣшившіе Латинянамъ повѣсить надъ нимъ двѣ неугасимыя лампады за 5.000 піастровъ. Въ XVII вѣкѣ значеніе Грузинъ, переживавшихъ въ то время самый тяжелый періодъ своей исторической жизни, падаетъ; грузинскія учрежденія въ Палестинѣ, чрезвычайно многочисленныя, переходятъ въ руки Грековъ, Латинянъ, Армянъ; за камень начинается борьба между Греками и Латинянами, которая въ концѣ XVII вѣка оканчивается въ пользу Грековъ; за Латинянами осталось только право на лампады, но вмѣстѣ съ ними Копты и Армяне также имѣютъ право зажигать двѣ лампады. На первой недѣлѣ великаго поста

надъ камнемъ совершается особое богослуженіе, во время котораго камень умащается благовоніями.

Камень помазанія—первое вещественное напоминаніе объ Искупителѣ входящимъ въ храмъ. Тайные ученики Спасителя, снявъ Распятаго со креста, здѣсь оказали Ему посмертную любовь, приготовивъ все необходимое для честнаго погребенія, обвивъ тѣло чистою плащеницей и осыпавъ ароматами. Въ тѣсной и темной гробницѣ совершить это было трудно, а день склонялся къ вечеру. На опустѣлой дорогѣ движеніе, прерванное внезапнымъ землетрясеніемъ, уже совсѣмъ прекратилось. Однѣ только жены, робко стоявшія вдали,—отъ камня влѣво до сихъ поръ указываютъ мѣсто ихъ стоянія,—не теряя изъ виду креста, несмѣло приблизились и, быть-можетъ, помогали Іосифу и Никодиму въ ихъ умилительномъ трудѣ и сопровождали бѣдное числомъ провожатыхъ, но богатое глубокою любовью, перенесеніе тѣла въ близь лежащую гробницу. Черезъ нѣсколько шаговъ оттуда къ востоку начинался у городскаго рва садъ и въ саду былъ гробъ. Каменистый голгоѳскій пустырь смѣнялся тѣнью маслинъ и черныхъ кипарисовъ, и печальное шествіе скоро скрылось между деревьями.

Но мы не послѣдуемъ за ними. Голгоѳа переполнена страданіемъ, вокругъ нея слышны вопли и гамъ опьяненной звѣрскими инстинктами толпы; кажется, еще звучитъ въ воздухѣ послѣдній, предсмертный возгласъ Спасителя, съ которымъ Онъ испустилъ духъ; кажется, видишь еще какъ на мгновеніе замерла гнусная толпа, радовавшаяся мученію праведника, чтобы при первомъ содроганіи земли броситься въ разсыпную къ городскимъ воротамъ, давя другъ друга въ наступившей внезапной темнотѣ. Одни легіонеры въ силу желѣзной римской дисциплины остались при распятыхъ вплоть до прихода Іосифа и Никодима съ приказомъ выдать тѣло Учителя, да жены галилейскія, одушевленныя еще большею силой любви, продолжали стоять на своей стражѣ уже не въ силу формальнаго долга, упраздненнаго крестомъ, а во исполненіе новаго, невѣдомаго дотолѣ закона любви, заря котораго тамъ всходила надъ страждущимъ и погруженнымъ во зло міромъ: земля сотрясалась, но міръ пройдетъ, небеса распадутся, а любовь останется во вѣки.

Голгоѳа стоитъ рядомъ. Небольшой каменный холмъ поднимался довольно высоко, метровъ на пять надъ уровнемъ города, кругловатою скалой съ мягкими очертаніями, какъ всѣ окрестныя

возвышенности. При постройкѣ константиновскихъ храмовъ онъ остался между ротондой, окружавшею Гробъ Господень, и базиликой Обрѣтенія Креста, на мощеномъ дворѣ, огражденномъ великолѣпными пропилеями, соединявшими оба храма. Вѣроятно, тогда же Голгоѳа была обтесана и покрыта мраморомъ и къ ней были устроены лѣстницы съ сѣвера и юга, какъ и теперь, когда въ нихъ считается 13 ступеней на сѣверной сторонѣ и 13 на южной. Число ступеней въ разныя времена показывалось различно: лѣстницы, очевидно, подвергались перестройкѣ. Около 670 года, то-есть послѣ разрушенія константиновскихъ построекъ Персами, въ возстановленномъ храмѣ Голгоѳа была покрыта особымъ храмомъ. Въ миніатюрѣ аѳонской рукописи XII вѣка [1] Голгоѳа изображена въ видѣ почти кубической скалы, уширенной вверху, а на ней одноглавая церковь съ высокимъ тамбуромъ подъ круглымъ куполомъ. Крестоносцы ввели эту церковь въ общее зданіе храма Святаго Гроба, но, не взирая на многократныя перестройки храма, Голгоѳа до сихъ поръ сохраняетъ слѣды своей отдѣльности. Въ 1808—1810 годахъ Греки удлинили къ западу платформу Голгоѳы и вслѣдствіе сего правая дверь портала была окончательно заложена наглухо. Параллелограммъ, удлиненный къ востоку, отдѣленъ отъ остальныхъ построекъ капитальными стѣнами и открытъ съ западной стороны. Лѣстницы ведутъ въ двѣ капеллы. Православнымъ принадлежитъ сѣверное отдѣленіе, которое отдѣляется пилястромъ отъ южнаго латинскаго отдѣленія. Въ сѣверномъ отдѣленіи находится часовня Водруженія Креста. Въ ней 13 метровъ длины и $4\frac{1}{2}$ ширины. Справа—небольшая ризница, или комната для служащаго духовенства. Недалеко отъ восточной стѣны въ помостѣ оставлено круглое открытое мѣсто натуральной скалы съ углубленіемъ, въ которомъ былъ утвержденъ крестъ. Отверстіе невелико, по словамъ Тоблера—не болѣе 1 фута въ глубину, и сверху обложено серебромъ. Надъ нимъ стоитъ на четырехъ мраморныхъ столбикахъ престолъ, неотдѣленный отъ церкви ни алтарною преградой, ни иконостасомъ. За престоломъ—Распятіе и иконы Богоматери и Іоанна Богослова, вырѣзанныя на подобіе плоскихъ статуй, очень посредственной работы. Стѣны покрыты живописью такого же достоинства. До пожара 1808 года церковь сохраняла еще остатки мозаичныхъ иконъ, которыми была

[1] См. *Henrich Brockhaus*. Die Kunst in die Athosklöstern. 1891.

нѣкогда великолѣпно украшена. Латиняне имѣютъ право совершать богослуженіе въ православной церкви одинъ разъ въ годъ, въ великую пятницу. Латинская капелла меньше и проще православной, только въ ней уцѣлѣло на сводѣ мозаическое изображеніе Вседержителя, единственный остатокъ древней мозаики, украшавшей храмъ Святаго Гроба. Она носитъ названіе Пригвожденіе ко кресту. Освѣщаются обѣ капеллы съ западной открытой стороны и съ юга огромнымъ росписнымъ окномъ, пробитымъ въ стѣнѣ храма изъ пристроенной снаружи часовни Пресвятой Дѣвы, принадлежащей Латинянамъ. Это окно было прежде дверью въ церковь и надъ дверью была икона Божіей Матери, силою которой александрійская грѣшница не была допущена къ Голгоѳѣ и призвана къ покаянію. Впослѣдствіи дверь заложили, а часовню пристроили снаружи. Внутри тускло горитъ нѣсколько лампадъ. Я не знаю, что̀ бываетъ во время поклонническаго періода, съ ноября по май, но меня поразила эта темнота, и я тотчасъ же припомнилъ, какъ ярко горятъ петербургскія и московскія часовни, гдѣ подсвѣчниковъ не достаетъ для свѣчей, возжигаемыхъ молящимися. Кромѣ насъ, Русскихъ, въ часовню заходили только туристы; мѣстныхъ жителей, греческихъ монаховъ, за исключеніемъ дежурнаго, не было никого. У насъ въ Россіи молебное пѣніе почти не прекращается въ теченіе цѣлаго дня, здѣсь, повидимому, это совсѣмъ не въ обычаѣ. Когда мы помолились и приложились къ скалѣ Распятія, монахъ покропилъ насъ розовою водой. Къ югу, то-есть налѣво отъ крестнаго углубленія, аршина на 1½—2, нѣсколько выше, видна трещина, образовавшаяся во время землетрясенія въ тотъ моментъ, когда Спаситель испустилъ духъ. Трещина покрыта задвижною заслонкой и обложена мраморомъ. Я не могъ разсмотрѣть ее, но арх. Леонидъ [1] сообщаетъ, что она широка и идетъ до самаго низу скалы: по преданію—до центра земли. Тоблеръ описываетъ ее такъ: трещина идетъ съ запада на востокъ и похожа на миніатюрный скалистый оврагъ (Felsenthälchen), бока коего такъ сближаются, что приходятъ въ соприкосновеніе на глубинѣ половины фута. Стороны трещины не имѣютъ искусственнаго вида, состоятъ изъ сѣраго, крупно-зернистаго известняка безъ красныхъ прожилокъ. Соотвѣтствующая этой, перпендикулярная трещина

[1] *Старый Іерусалимъ*, стр. 82.

видна внизу, въ часовнѣ праотца Адама и Іоанна Предтечи. Тоблеръ писалъ въ 1851 году; черезъ сорокъ лѣтъ другой извѣстный палестинологъ, Бенцингеръ [1] въ 1890 году нашелъ, что внутренность трещины выложена красноватымъ камнемъ и стала уже, чѣмъ прежде; глубина трещинъ, по словамъ, равняется 20 сантиметрамъ. Мозаическій полъ обѣихъ капеллъ возвышается надъ уровнемъ храма на 4½ метра. Сойдя внизъ, подъ церковью Водруженія креста находится темная часовня пр. Адама. По преданію, здѣсь погребенъ Мельхиседекъ. Часовня, вѣроятно, устроена въ уцѣлѣвшей части пещеръ, бывшей подъ Голгоѳой, куда, можетъ-быть, бросались трупы казненныхъ. Имя Мельхиседека содержитъ темное указаніе на древнюю гробницу, находившуюся тамъ и запустѣвшую за-долго до пришествія Христа. Въ нее же могли быть сброшены съ крестовъ трупы обоихъ разбойниковъ. [2] Снаружи стояли надгробные памятники Годфрида Бульонскаго и короля Балдуина: трехгранныя призмы на короткихъ каменныхъ столбикахъ: кости ихъ были выброшены мусульманами еще въ XIII вѣкѣ, а памятники уничтожены Греками послѣ пожара въ 1808 году, вмѣстѣ съ надгробіями другихъ латинскихъ королей и ихъ фамилій. Наконецъ, въ третьемъ верхнемъ этажѣ надъ Голгоѳой помѣщается ризница патріархіи, составляющая глубокую тайну даже для знаменитаго Святогробскаго Братства. Ризничій даетъ присягу не открывать доступа въ ризницу никому. [3] Когда посѣтителямъ показываются достопримѣчательности ризницы, то онѣ приносятся по одиночкѣ изъ внутренняго помѣщенія. Одно очень свѣдущее лицо, много лѣтъ стоящее въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ патріархіей, увѣряло, что главныя сокровища патріархіи или, лучше сказать, Святогробскаго Братства сокрыты не въ ризницѣ, а въ подземельѣ подъ Гробомъ Господнимъ, что бывшій патріархъ Никодимъ будто бы видѣлъ это подземелье и самолично сообщалъ объ этомъ моему собесѣднику, который, впрочемъ, очень недовѣрчиво относится къ разсказу патріарха и думаетъ, что Никодимъ прихвастнулъ. Святогробцы не допустятъ патріарха къ накопленному богатству. О существованіи такого подземелья точныхъ свѣдѣній

---

[1] Palaestina und Syrien, Handbuch für Reisende, 1891.

[2] Олесницкій, *Святая Земля*, I, 414.

[3] *Старый Іерусалимъ*, 84.

нѣтъ. Подъ храмомъ есть пещеры и цистерны; есть очень интересное и загадочное подземелье съ колоннами подъ площадкой впереди храма, принадлежащее Авраамiевскому монастырю, но разсказы о другой ризницѣ или сокровищницѣ, кромѣ той, которая находится около Голгоѳы, кажется, слѣдуетъ отнести къ области вымысловъ.

Темнымъ проходомъ между Голгоѳой и южною стѣной православнаго собора, мимо камня Помазанiя, мимо обложеннаго мраморомъ мѣста, съ котораго, по преданiю, жены галилейскiя глядѣли на тѣло Христа, мы пошли къ ротондѣ, осѣняющей Св. Гробъ. Понятное волненiе, усиливавшееся по мѣрѣ того, какъ приближаешься къ главной цѣли паломничества, росло съ каждымъ шагомъ. Черезъ пролетъ между двумя массивными столбами открылась сѣроватая мраморная часовня, оцѣпленная спутанною гирляндой лампадъ, обставленная громадными канделябрями, русскими и французскими, обвѣшанная по верху со всѣхъ сторонъ образами. Кругомъ былъ разлитъ сѣроватый полусвѣтъ. На высокихъ сѣрыхъ столбахъ легко и красиво поднималась голубая, усаженная золотыми звѣздами, опрокинутая чаша огромнаго купола (35 пар. фут. въ дiаметрѣ). Широкое отверстiе въ центрѣ, искусно прикрытое легкимъ конусообразнымъ навѣсомъ, было единственнымъ источникомъ дневнаго свѣта въ храмѣ. Молча, смущенно и тихо подошли мы къ низенькой двери и вошли въ темный придѣлъ Ангела, благовѣствовавшаго мироносицамъ о воскресенiи. Еще меньше дверь вела въ погребальную комнату. Наклонившись, по одиночкѣ мы входили и склоняли наши головы на мраморную доску, покрывающую каменное ложе Спасителя... Тамъ переживаются такiя минуты, которыя, дѣлаясь драгоцѣнными, вѣчно присущими затѣмъ въ душѣ воспоминанiями, не могутъ и не должны переходить съ чернилами на бумагу.

Умиленные, преисполненные свѣтлою, тихою грустью, мы вышли изъ Кувуклiи, такъ называется святогробская часовня (cubiculum), и разсѣянно прошлись по остальному храму. Въ устахъ раздавались слова: мѣсто стоянiя Марiи Магдалины, явленiе Христа Марiи Магдалинѣ, колонна бичеванiя, темница, Лонгинъ и т. п. По длинной лѣстницѣ мы спустились въ церковь Св. Елены, еще ниже въ пещеру Обрѣтенiя Креста. Какъ въ туманѣ бродили мимо насъ черные греческiе монахи, коричневые францисканцы, какiе-то восточные иноки въ широкихъ плащахъ и чер-

ныхъ повязкахъ. Все было подавлено глубокимъ воздѣйствіемъ Св. Гроба. Послѣ него лучше прямо уходить изъ храма, отлагая его обозрѣніе до другаго времени, когда глубокое душевное сотрясеніе уляжется и смѣнится болѣе будничнымъ настроеніемъ.

V.

Гробъ Господень.

„Итакъ, они взяли тѣло Іисуса и обвили его пеленами съ благовоніями, какъ обыкновенно погребаютъ Іудеи. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ распятъ, былъ садъ и въ саду гробъ новый, въ которомъ еще никто не былъ положенъ. Тамъ положили Іисуса ради пятницы іудейской, потому что гробъ былъ близко.“ (Іоан. XIX, 40—42.)

Въ Новомъ Завѣтѣ немного мѣстъ, проникнутыхъ такою глубокою, потрясающею поэзіей, какъ это. Предъ этимъ идетъ трагическое повѣствованіе, какъ въ мукахъ умиралъ Искупитель міра, среди остервенѣлой толпы, прощая мучителей, утѣшая пригвожденнаго разбойника, поручая мать любимому ученику; какъ возмутилась и содрогнулась природа, какъ даже безчувственные стражи, привычные къ крови, стонамъ, истязаніямъ, почувствовали упрекъ совѣсти. Ударъ за ударомъ испытываетъ душа, когда читаешь евангельское повѣствованіе о крестной смерти. И вотъ, когда все свершилось, наступаетъ затишье. Являются друзья, показывается садъ. Послѣ знойнаго и жгучаго дня вѣетъ наступающею прохладой, слышется шелестъ листьевъ, виднѣется укромная темная пещера. Возбужденный духъ успокаивается, падаетъ, для него, какъ и для погребаемаго, наступаетъ субботній покой.

Вмѣстѣ съ этимъ евангельскій разсказъ въ точности совпадаетъ съ традиціонными мѣстами распятія, помазанія и погребенія. Въ этомъ отношеніи приведенные выше три стиха XIX главы Іоаннова евангелія отличаются рѣдкою опредѣлительностью. Только на такомъ близкомъ разстояніи гроба отъ Голгоѳы можно было успѣть между шестью часами и закатомъ солнца, то-есть наступленіемъ вечера субботы, снять Распятаго, обвить его плащаницей, осыпать ароматами и положить въ гробъ. Вѣроятно,

садъ непосредственно примыкалъ справа къ дорогѣ, шедшей изъ воротъ Ефремовыхъ на сѣверъ, а слѣва въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея была Голгоѳа. Въ саду была скала и въ ней былъ изсѣченъ новый гробъ. Такіе скалистые выступы почвы не рѣдкость въ западныхъ окрестностяхъ Іерусалима. Мѣстность, нынѣ занятая храмомъ, во времена Христа представляла небольшую котловину, окруженную со всѣхъ сторонъ скалистою стѣной въ 20 футовъ высоты, пространствомъ во 150 т. ф. при 760 футахъ окружности. На восточной сторонѣ ея выступалъ круглый скалистый холмъ Голгоѳы, на западной были изсѣчены двѣ гробницы. Одна изъ нихъ принадлежала зажиточной фамиліи и была устроена по образцу большей части іерусалимскихъ гробницъ, то-есть имѣла вестибулы и за нимъ гробничную камеру съ тремя выдолбленными въ стѣнахъ углубленіями для саркофаговъ (loculi, кокимъ) въ сторонѣ противъ входа и четыре въ боковыхъ стѣнахъ. Грунтъ пещеры составляетъ чрезвычайно твердый и плотный известнякъ, миззи. По особенностямъ каменнаго пласта гробничную камеру нельзя было сдѣлать на горизонтальной линіи и ее устроили съ покатымъ поломъ. Обыкновенно сокровищницу устраивали сзади углубленія, кокимовъ, но грунтъ не дозволилъ этого и ее сдѣлали въ полу гробничной камеры, въ видѣ особаго подземнаго отдѣленія, закрывавшагося каменною плитой. Но этой гробницы, извѣстной подъ именемъ гробницъ Іосифа и Никодима, нынѣ вошедшей въ составъ храма и принадлежащей Сиріянамъ, было недостаточно для большаго семейства владѣльца. И вотъ послѣдній устраиваетъ новую и для нея избираетъ часть скалы, еще болѣе близкую къ Голгоѳѣ, отстоящую отъ нея всего на 120 футовъ, но за то удобную на болѣе мягкой породѣ камня, маляки, и лежавшую на четыре фута ниже первой гробницы. Принадлежность этой гробницы Іосифу Аримаѳейскому впервые указана въ латинской редакціи апокрифическаго евангелія Никодима. [1] Уже сдѣланъ былъ вестибулъ и первая камера гробничная вчернѣ, какъ Провидѣніе остановило дальнѣйшую выдѣлку кокимовъ, погребальная необдѣланная пещера съ наскоро приготовленнымъ одиночнымъ ложемъ стала гробницей Того, Кто, не имѣя во всю жизнь гдѣ подкло-

---

[1] Contributions towards an Index of passages bearing upon the topography of Ierusalem etc. Glasgow, 1876 a., p. 61.

нить главу, не имѣлъ своей усыпальницы и для краткаго смертнаго покоя. На этомъ ложѣ, скамьѣ, вырубленной въ толщѣ скалы, сидѣли ангелы, которыхъ видѣла Марія. Въ нынѣшнемъ видѣ ложе Гроба Господня поднято надъ поломъ гробничной камеры на 2 фута, имѣетъ въ длину 6 ф. 4 дюйма и 3 фута ширины.[1] Кромѣ этихъ двухъ гробницъ въ описаніи осады Іерусалима Титомъ упоминается еще гробница первосвященника Іоанна. Такимъ образомъ, въ западномъ углу, образованномъ стѣной, спускавшеюся съ сѣвера къ югу и стѣной, шедшею отъ востока на западъ, загородные сады переходили въ кладбище, существовалъ въ меньшемъ размѣрѣ такой же некрополь, какъ и на востокѣ, въ долинѣ Іосафатовой.

Только посредствомъ подземныхъ раскопокъ возможно стало въ недавнее время опредѣлить топографію древняго Іерусалима. Не было историческаго народа, который не прошелъ бы Іудею съ огнемъ и мечемъ, покрывая ее развалинами, вѣковыя наслоенія которыхъ покрыли натуральный грунтъ земли толстыми пластами и грудами мусора, измѣнивъ до неузнаваемости первоначальный видъ мѣстностей. Въ особенности это можно сказать объ Іерусалимѣ. Впадины и овраги между Моріей, Сіономъ, Акрой совсѣмъ исчезли, вмѣстѣ съ котловиной Голгоѳы и ея некрополемъ. Сады, на далекое пространство окружавшіе Св. Городъ, были вырублены уже Титомъ на 90 стадій въ окружности для военныхъ потребностей. Разрушены были въ то время и всѣ загородные дома іерусалимскихъ жителей. Іудеямъ было запрещено селиться на пепелищахъ своихъ предковъ. Но около римскаго гарнизона на Сіонѣ, конечно, должна была образоваться небольшая колонія изъ лицъ, непринадлежащихъ къ іудейству, въ числѣ которыхъ должны были находиться и христіане, которымъ Господь повелѣлъ не оставлять Іерусалима. Мѣсто страданія и воскресенія, мѣсто вознесенія Христа на небо, домъ Каіафы, преторія Пилата, равно какъ виѳлеемская пещера рождества Спасителя и погребальная пещера Богоматери не могли не быть священными мѣстами для христіанской общины. Сіонскій форштадтъ, около римской казармы, и Голгоѳа съ ея гробницами были уже въ то время святынями. Нѣтъ сомнѣнія, что на Голгоѳѣ и въ пещерѣ Воскресенія были уже какія-нибудь сооруженія религіознаго характера, имѣющія видное положеніе среди

---

[1] Олесницкій, *Св. Земля*, 416.

развалинъ въ тогдашнемъ бѣдномъ поселеніи. Когда Адріанъ рѣшился радикально эллинизовать Іерусалимъ, замѣнить его римскою колоніей, Эліей Капитолійскою, онъ обратилъ вниманіе на христіанскія святыни и на мѣстѣ ихъ воздвигнулъ два небольшія капища; христіанская община со своими святынями была настолько замѣтна, что государственный интересъ требовалъ мѣропріятій и противъ нея. Неровность мѣстности была уничтожена насыпкой мусора и щебня. Надъ Голгоѳой было построено „темное помѣщеніе“ (σκότιον μύχον), то-есть, вѣроятно, замкнутое, покрытое кровлей, осѣненное, для идола Венеры-Астарты; на мѣстѣ гроба Господня поставили статую Юпитера. Въ исторіи человѣчества постоянно повторяется одно и то же явленіе, что побѣдитель, преслѣдующій религію побѣжденныхъ, не ограничивается разрушеніемъ религіозныхъ памятниковъ, но приспособляетъ ихъ къ требованіямъ своей религіи. Венера-Астарта была символомъ вѣчно живыхъ силъ производящей природы. На двухъ монетахъ Антонина Пія изображена часовня и въ ней статуя Астарты, держащей въ правой рукѣ человѣческую голову; профессоръ Олесницкій полагаетъ, что монеты изображаютъ Голгоѳу. „Что касается до статуи Юпитера, то это, по словамъ Сульпиція Севера (Hist. sacra, II), былъ, вѣроятно, египетскій Сераписъ, чувственный образъ Озириса, возстающаго отъ смертнаго сна.“ [1] Выборъ идоловъ соотвѣтствовалъ тогдашнему религіозному синкретизму. Животворящая жертва искупленія и побѣда надъ смертью воскресеніемъ поддерживались въ памяти Іерусалима даже языческими символами. Память объ историческихъ личностяхъ и о мѣстностяхъ, связанныхъ съ именемъ ихъ, вообще, долго живетъ въ народѣ и тѣмъ точнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ менѣе развита въ народѣ письменность. Можно бы привести много примѣровъ живучести древнихъ преданій, но ограничимся слѣдующимъ: „Когда императоръ Траянъ спросилъ въ Вавилонѣ о томъ домѣ, въ которомъ умеръ Александръ Македонскій, чтобы принести жертвы памяти героя, ему тотчасъ его указали, несмотря на то, что Вавилонъ, со времени Августа, былъ совершенно оставленъ жителями и только нѣсколько іудейскихъ семействъ скрывалось между его развалинами. Могли ли христіане помнить гробницу своего Спасителя, за котораго они съ радостью жертвовали жизнію, менѣе, чѣмъ вавилонскіе Іудеи

[1] Олесницкій, l. c. 420.

помнили мѣсто смерти чуждаго имъ героя?" [1] Распятіе Спасителя тѣмъ болѣе было въ памяти даже у Іудеевъ, какъ исключительное событіе, что по талмудическому извѣстію смертные приговоры синедріона составляли въ эту эпоху величайшую рѣдкость. (См. *Salvador*, Vie de Jésus Christ.) Странное молчаніе Іосифа Флавія объ Іисусѣ Христѣ, рядомъ съ извѣстіями о дѣятельности Іоанна Предтечи, въ настоящее время объясняется тѣмъ, что язычники и Евреи исключили изъ первоначальнаго текста въ большинствѣ дошедшихъ до насъ рукописей все, что̀ было тамъ о земной жизни Спасителя. Что̀ считалось вставкой— на самомъ дѣлѣ оказывается подлиннымъ текстомъ въ неискаженныхъ рукописяхъ. Найти Голгоѳу и Гробъ Господень для благочестивой царицы Елены не было трудно и не предстояло никакой необходимости въ томъ, что̀ разсказывается въ средневѣковыхъ латинскихъ легендахъ объ этомъ событіи, записанныхъ у Григорія епископа Турскаго. [2] Во всякомъ случаѣ, уже Св. Павлинъ еп. Нолапскій, писатель V вѣка, свидѣтельствуетъ, что Св. Елена пользовалась указаніями не только христіанъ, но и Евреевъ (de judaeis peritissimos, ut propriae, qua miseri et gloriantur, impietatis indices exquisivit et accitos in Jerosolymam congregavit). Въ 333 году, по повелѣнію Константина Великаго, храмъ Венеры былъ срытъ, насыпь снята и Гробъ Господень былъ открытъ въ неприкосновенности. Великолѣпныя постройки должны были окружить христіанскую святыню. Къ сожалѣнію, первоначальный видъ Гроба Господня былъ сильно измѣненъ. Чтобъ удобнѣе помѣстить ее въ храмѣ, гробницу отдѣлили отъ скалы, затѣмъ сняли вестибулъ, такъ что осталась только вторая часть гробницы, усыпальница въ тонкомъ смыслѣ слова, причемъ стѣнки ея были обтесаны снаружи и внутри слишкомъ тонко. Отъ первоначальнаго гроба уцѣлѣлъ камень, закрывавшій входное устье усыпальницы. О немъ упоминаетъ уже Кириллъ Іерусалимскій въ 347 году. Впослѣдствіи спохватились и пристроили къ пещерной усыпальницѣ вестибулъ, придѣлъ Ангела.

Начиная со временъ Константина усыпальница, Кувуклія, имѣетъ видъ часовни, но форма ея мѣнялась. Древнѣйшее изображеніе часовни Св. Гроба мы находимъ на мюнхенскомъ рельефѣ изъ слоновой кости, представляющемъ пришествіе мvроносицъ ко

---

[1] Олесницкій, l. c. 419.

[2] *Tobler*, Golgotha, 58 сл.

гробу, хотя едва ли можно согласиться съ профессоромъ Олесницкимъ, что рельефъ относится ко времени паломничества Св. Елены (рис. 1). Археологи относятъ его не далѣе VI вѣка. На пластинкѣ изображено небольшое четыреугольное зданіе съ нишами по бокамъ двери, въ одной изъ которыхъ видна статуя императора; наверху ротонда съ большимъ окномъ и медальонами, покрытая низкимъ сферическимъ куполомъ, увѣнчаннымъ лиліями и шаромъ. Дверь значительной высоты, не менѣе человѣческаго роста, какъ въ сохранившихся римскихъ колумбаріяхъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что входъ въ пещеру Іосифа Аримаѳейскаго былъ гораздо ниже: Петръ апостолъ долженъ былъ наклониться, чтобы заглянуть внутрь усыпальницы (Л. XXIV, 12). Такимъ входъ оставался до 1808 года. Такое же сооруженіе изображено на костяныхъ рельефахъ Тривульци и въ Ливерпульскомъ музеѣ VIII—IX вѣка. [1] Въ сирійскомъ евангеліи Рабуль (598 г.) круглый куполъ лежитъ непосредственно на узкой четыреугольной храминѣ. Сокращеніе ротонды, или тамбура подъ куполомъ въ этой рукописи, быть-можетъ, обусловлено недостаткомъ мѣста въ рисункѣ. Упрощеніе композицій, вообще, составляетъ характерную особенность этой рукописи. Съ этими изображеніями согласуется свидѣтельство паломника Антонина (570 г.): „гробница сдѣлана изъ серебра, какъ бы на подобіе пирамидальнаго (ипподромнаго) столба (зданія).“ [2] Внутри и снаружи усыпальница была обложена великолѣпнымъ мраморомъ и украшена драгоцѣнными металлами и камнями, но самое ложе, повидимому, еще не было закрыто и благочестивые странники могли видѣть натуральный камень, на которомъ покоилось тѣло Богочеловѣка. Въ VII вѣкѣ начинаются бѣдствія Святой Земли, пребывавшей въ покоѣ со временъ Адріана. Въ 614 году константиновскія сооруженія были разрушены Персами, но часовня Св. Гроба существенныхъ поврежденій не испытала. Въ 1009 году при султанѣ египетскомъ Аль-Хакимѣ мусульмане разбили большую часть гроба, старались стереть его съ лица земли и разрушили его, но вскорѣ онъ былъ возстановленъ и съ тѣхъ поръ не подвергался такимъ пагубнымъ опасностямъ. Къ сожалѣнію, до конца XV вѣка мы не имѣемъ изображеній кувуклія, но въ нѣкоторыхъ проскинитаріяхъ дошли до насъ письменныя

---

[1] *Труды восьмаго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1890 г.*, т. I, 393.

[2] *Прав. Пал. Сборникъ*, 7-й выпускъ, 97.

извѣстія о внѣшнемъ ея видѣ. Паломникъ Аркульфъ (670 г.) описываетъ ее, какъ *круглый* теремокъ (tegurium), изсѣченный изъ цѣльнаго камня, въ которомъ могутъ молиться сразу девять человѣкъ. Снаружи онъ былъ покрытъ прекраснымъ мраморомъ; внутри украшеній не было, стѣны усыпальницы были не облицованы и состояли изъ натуральной скалы, пестраго, бѣлаго и краснаго цвѣта, съ признаками каменотесной работы. Гробъ представлялъ ложе (lectulus) съ *углубленіемъ, достаточнымъ для принятія тѣла, положеннаго на спину.* Епископъ Виллибальдъ (723—726) видѣлъ четырехугольное зданіе съ тонкимъ верхомъ (quadrans in imo, et in summo subtilis), но свидѣтельство сіе, записанное съ его словъ монахиней, не считается достовѣрнымъ. Монахъ Бернардъ (865 г.) и константинопольскій патріархъ Фотій подтверждаютъ вполнѣ описаніе Аркульфа. Въ XII столѣтіи русскій игуменъ Даніилъ (1106—1107 г.) описываетъ гробъ такъ: „подъ куполомъ—„Гробъ Господень"—яко печерка мала, изсѣчена въ камени, двери имущи малы, яко же можетъ человѣкъ влѣзти, на колѣну поклоняшеся; взвыше есть малаго мужа и всямокачна (кругла), 4 локоть въ длину и въ ширину. На десной странѣ есть мѣсто, яко лавица засѣчена въ томъ же камени печерномъ, и на той лавицѣ лежа тѣло Господа нашего Іисуса Христа, и есть и *нынѣ лавица та святая покрыта досками мраморяными.* Вверху же надъ печеркою тою созданъ яко теремець красно *на столпѣхъ*, верху круголъ и серебряными чешюями позлащенными покованъ; и наверху же того теремца стоитъ Христосъ сребрянъ сдѣланъ, яко въ мужа вболѣй есть, и то суть фрязи сдѣлали и поставили". [1] Круглая ротонда, замкнутая, хотя и съ окномъ, которую мы видѣли на древнихъ рельефахъ и о которой говоритъ Аркульфъ, въ XII вѣкѣ, послѣ разоренія при Аль-Хакимѣ, смѣнилась круглымъ *куполомъ на столбахъ*, а крестоносцы украсили ее статуей. Судя потому, что чешуи купола были вызолочены, а статуя осталась серебряною, безъ позолоты, можно допустить, что чешуйчатый куполъ былъ устроенъ до прихода Латинянъ, при реставраціи храма. Даніилъ не описываетъ внѣшняго вида усыпальницы. Іоаннъ Вюрцбургскій (1165 г.) дополняетъ, что усыпальница снаружи кругла, но предъ нею находится четырехугольная камера съ двумя дверями и здѣсь сидятъ хранители Св. Гроба: въ одну дверь поклонники

---

[1] «Житіе и хожденіе Даніила", 3-й и 9-й выпуски *Пр. Пал. Сборника.*

входятъ, въ другую выходятъ; третья дверь—насупротивъ хора, то-есть нынѣшняя. Въ то время усыпальница была украшена внутри мозаикой и латинскими надписями. Съ западной стороны снаружи былъ пристроенъ алтарь. Такимъ образомъ, въ этомъ описаніи мы видимъ уже кувуклію со всѣми существенными подраздѣленіями, которыя находятся налицо и теперь: камера Ангела, усыпальница, башенка наверху и даже пристроенный снаружи алтарь, хотя и не на прежнемъ мѣстѣ, а съ сѣверной стороны, принадлежащій нынѣ Коптамъ. Но оставаясь въ главныхъ чертахъ безъ измѣненій снаружи, усыпальница внутри подвергалась значительнымъ перестройкамъ. По завоеваніи Іерусалима Саладиномъ, Виллльбрандъ (1212 г.) нашелъ Св. Гробъ покрытымъ мраморными плитами, съ тремя отдушинами, въ которыхъ паломники могли прикасаться къ натуральной скалѣ ложа. Въ 1244 году это покрытіе было разбито Харезмійцами (Хивинцами), когда они завладѣли Св. Городомъ. Въ XIV столѣтіи паломники говорятъ, что Св. Гробъ стоитъ безъ покрытія, равно какъ и внутреннія стѣны. Знаменитые путешественники, Венеціанецъ Марино Санудо и Мандевиль сообщаютъ, что для охраненія Св. Гроба отъ поклонниковъ, которые откалывали себѣ куски камня, входъ въ усыпальницу былъ воспрещенъ султаномъ и на поклоненіе былъ выставленъ кусокъ отъ ложа, величиной въ человѣчью голову. Онъ былъ вдѣланъ въ стѣну кувукліи насупротивъ гроба и оставался тамъ въ началѣ XV вѣка. Усыпальницу намъ игуменъ Даніилъ описываетъ, какъ круглую. Въ XIV вѣкѣ она уже была полукруглою; въ XV—двѣнадцати и десятистороннею; въ XVI и XVII—десятистороннею; въ XVIII—шестистороннею, въ XIX—четырехстороннею.

Въ 1483 году путешественникъ Брейденбахъ посѣтилъ Св. Землю и въ описаніи, изданномъ въ Майнцѣ въ 1486 г., включилъ нѣсколько рисунковъ, отличающихся замѣчательною точностью. Въ числѣ ихъ находится изображеніе кувукліи. Судя по перилам надъ дверью, можно думать, что на кровлю кувукліи входили. На лѣвой сторонѣ видно нѣчто въ родѣ била, замѣнявшаго на Востокѣ колокола. Неоднократныя реставраціи значительно измѣнили видъ кувукліи. Римская ротонда уступила мѣсто куполу, весьма похожему на купола арабскихъ павильоновъ или фонтановъ, на шести аркахъ, опирающихся на столбы съ капителями неяснаго стиля. Такой шестигранный куполъ затѣмъ удерживается до послѣдней перестройки и если въ путе-

шествіи Цвалларта, въ началѣ XVII вѣка, онъ показанъ на четырехгранномъ основаніи, то это явная ошибка гравера (предполагаютъ—Каллò). Вмѣсто трехъ дверей въ придѣлѣ Ангела осталась только одна, какъ и нынѣ. Предъ входомъ появляется продолговатая платформа и двѣ скамьи по сторонамъ двери, о чемъ прежніе паломники не упоминали. Вся кувуклія у Брейденбаха носитъ признаки значительнаго обветшанія. Закругленіе западное разрушено вмѣстѣ съ аркадами и тамъ видна какая-то временная деревянная пристройка, можетъ-быть, коптская часовня; въ такомъ же неисправномъ видѣ и наличники оконъ. Въ половинѣ XVI вѣка кувуклія грозила полнымъ разрушеніемъ. Карлъ V, Филиппъ II и папа Юлій III съ большими издержками и трудами добились у султана Солимана I разрѣшенія приступить къ реставраціи кувукліи. Дѣло поручено было гвардіану францисканцевъ въ Іерусалимѣ Бонифацію изъ Рагузы, [1] который въ 1555 г. съ величайшею поспѣшностью приступилъ къ работѣ, опасаясь противодѣйствія со стороны православныхъ и насилій отъ Турокъ. Часовню снесли до основанія (ea structura solo aequanda videretur, ut firmior surgeret), чтобы дать болѣе прочности новой постройкѣ. Когда это было совершено, глазамъ представился Гробъ Господень, изсѣченный въ скалѣ. „При этомъ присутствовали и восточные, и западные христіане, проливая потоки слезъ умиленія, иные падали въ обморокъ, другіе приходили въ изступленіе; всѣ лобызали священный камень, обнаженный отъ вѣковаго покрытія.“ Надъ гробомъ написаны были два ангела (angeli duo depicti superpositi). Одинъ держалъ хартію съ надписью: „Онъ воскресъ, Его здѣсь нѣтъ!“ Другой ангелъ указывалъ перстомъ на гробъ, знаменуя (notans): „вотъ мѣсто, гдѣ положили Его!“ Оба изображенія отъ дѣйствія воздуха испарились почти совсѣмъ. Когда сняли *алебастровыя плиты, лежавшія на гробѣ*, на которыхъ совершалась евхаристія, въ углубленіи гробницы нашли древо, завернутое въ драгоцѣнный убрусъ (sudarium), который разсыпался въ прахъ отъ прикосновенія, оставивъ послѣ себя только нѣсколько золотыхъ нитей. На этомъ древѣ (ligno) оказалась надпись, столь поврежденная, что до смысла ея добраться было невозможно, однако въ началѣ одного пергамента виднѣлись слова: HELENA

---

[1] Liber de perenni cultu Terrae Sanctae etc. auctore Bonifacio Stephano Ragusino, 1573. Новое изданіе Venetiis 1875, стр. XII, 279.

MAGNI, писанныя крупнымъ латинскимъ уставомъ. „Хотя мы не можемъ навѣрное утверждать, но не трудно допустить догадку, что найденное дерево и есть то святѣйшее крестное древо, обрѣтенное благочестивѣйшею царицей Еленой и оставленное ею въ Іерусалимѣ, какъ о томъ излагается въ исторіяхъ.“ Часовня была облицована блестящимъ бѣлымъ мраморомъ. Въ стѣнахъ были пробиты три отверстія для выхода копоти и дыма отъ лампадъ. Между входомъ и Гробомъ Господнимъ сохранили колонну, сломанную вверху. Часовня была реставрирована въ 1719 г., а въ 1751 году опять грозила паденіемъ, но на сей разъ несогласія между представителями различныхъ вѣроисповѣданій не дали возможности приступить къ исправленіямъ. Во время пожара 1808 года куполъ обрушился на кувуклію и проломилъ ея кровлю. Плита на гробѣ разбилась пополамъ. Стѣны и колонны, даже деревянныя двери пострадали мало. На сей разъ реставрація попала въ руки Грекамъ. Гробница впервые съ 1555 года открылась вновь. По весьма сомнительному сообщенію бывшаго патріарха Никодима [1] наверху ея изваяно изображеніе Спасителя съ вытянутыми руками и на немъ поставленъ серебряный ковчегъ съ символомъ вѣры на греческомъ языкѣ. Самое ложе было расширено съ сѣверной стороны, а равно и вся часовня, такъ что отъ стѣнъ осталась только небольшая часть, обложенная тонкими мраморными плитами. По увѣренію святогробскихъ старцевъ, стѣнки сохранились на 1½—3 аршина отъ полу. Ложе было покрыто широкою мраморною доской и облицовано мраморомъ. Колонна и отверстія были устранены. Потолокъ получилъ плоскій видъ. [2] Внутри не видать болѣе остатковъ скалы подъ штукатуркой и облицовкой. Снаружи кувуклія неизящна. Она имѣетъ видъ пятиугольной часовни, 20 футовъ длины и 14 ширины, обложена мѣстнымъ мраморомъ Св. Креста розоватаго цвѣта и увѣнчана тяжелымъ и некрасивымъ куполомъ на невысокомъ сквозномъ тамбурѣ. Чертежи дѣлалъ Кальфа Комнинъ, константинопольскій архитекторъ, увѣковѣчившій свою бездарность.

Точныя измѣренія усыпальницы внутри, произведенныя въ 1886 г. Кибальчичемъ, [3] даютъ слѣдующія цифры: толщина дверей

---

[1] Отчетъ *Пр. Пал. Общ.* за 1886 годъ.

[2] *Tobler*, Golgotha, 197.

[3] *Отчетъ Имп. Пр. Пал. Общ.* за 1886 г., стр. 15.

пещеры — 1 арш. 1 верш.; длина пещеры Св. Гроба — 2 арш. 14 в.; высота дверей въ пещеру — 1 арш. 13 вершковъ: онѣ послѣ пожара 1808 г. были увеличены въ вышину, на старинныхъ же рисункахъ имѣютъ квадратную форму, такъ что входить можно было только на колѣнахъ и нужно было наклониться, чтобы заглянуть внутрь пещеры (Іоан. XX, 5); ширина этихъ дверей—13 в.; высота пещеры—4 аршина, ширина мѣстѣ съ ложемъ—2 арш. 8 вершк.; ширина ложа—1 арш. 5 вершк.; высота ложа отъ полу — 13 вершк.; толщина мраморной доски на ложѣ — 1 верш.; отъ доски до карниза, на которомъ стоятъ иконы и свѣча—4½ вершка; самый карнизъ—3½ вершка ширины; въ пещерѣ постоянно горятъ 43 лампады. [1]

Предъ пещерой, составляя съ нею нераздѣльное цѣлое, находится такъ-называемый придѣлъ Ангела, пристройка, замѣняющая древній вестибулъ, неосмотрительно снесенный при Св. Еленѣ и вскорѣ затѣмъ возстановленный въ видѣ искусственной камеры. Первоначальное стройное зданіе Св. Елены сильно испорчено присоединеніемъ придѣла, разрушившимъ прежнюю гармонію архитектурныхъ линій. Въ нынѣшнемъ видѣ придѣлъ сложенъ изъ мрамора и внутри имѣетъ слѣдующіе размѣры: толщина восточной стѣнки, то-есть входныхъ дверей въ часовню,—2 арш. 6 вершк.; отъ внутренней стѣнки до основанія священнаго камня (о которомъ ниже)—1 арш. 10 вершк.; толщина основанія камня отъ З. къ В.—9 вершковъ; отъ основанія камня до двери, ведущей въ усыпальницу — 1 арш. 9 вершк.; высота наружной двери, въ карнизахъ — 2 арш. 7½ в., сокращенная карнизами внутрь до 1 арш. 15½ в.; въ узкой своей части двери имѣютъ 13 вершк. ширины; высота придѣла—4 аршина; ширина—4 арш. 6 вершковъ.

Предъ входомъ въ часовню находится платформа, возвышенная на одну ступень надъ поломъ храма и вымощенная мозаикой. Непосредственно у двери по обѣимъ сторонамъ ея — двѣ каменныя скамьи со спинками.

Лицевой фасадъ, обращенный къ востоку, обремененъ мелочными украшеніями. Дверь обрамлена тройнымъ тяжелымъ валикомъ. Надъ нею виситъ продолговатая икона Воскресенія плохаго западнаго стиля; надъ нею небольшая мраморная пластинка

---

[1] 13 греческихъ, 13 латинскихъ, 13 армянскихъ и 4 коптскихъ. — Олесницкій, *Св. Земля*, стр. 520.

съ изображеніемъ креста (шестиконечнаго) съ буквами на верхнемъ перекрестіи—I N B I, по сторонамъ ниже N I—K A; надъ этимъ—главное украшеніе, большой мраморный рельефъ: въ срединѣ Христосъ, препоясанный развѣвающеюся плащаницей, возлетаетъ изъ гроба, благословляя десницей и держа въ лѣвой рукѣ длинный крестъ со стягомъ; Спаситель окруженъ лавровымъ, перевитымъ лентой вѣнцомъ; справа отъ Него солнце и молящійся ангелъ въ облакахъ между тремя звѣздами, а ниже этого трое бородатыхъ воиновъ, изъ которыхъ одинъ замахивается кривою саблей, другой обувается, а третій остается въ недоумѣніи; около—лежитъ аллебарда; съ другой стороны такой же ангелъ и луна, а ниже ангелъ благовѣствуетъ тремъ мироносицамъ. Сверху и снизу рельефа — бордюръ въ видѣ сплоенной ленты или оборки, а съ боковъ падаютъ мраморныя завѣсы съ узорами. На бордюрѣ греческая надпись: „помяни, Господи, раба твоего императорскаго архитектора, Кальфу Комнина изъ Митилены, 1810 г.“ Это главное украшеніе — ремесленная работа реставраторовъ 1808 — 10 годовъ, и ближайшіе образцы этой скульптуры слѣдуетъ искать въ манерныхъ изваяніяхъ латинскихъ костеловъ іезуитскаго стиля. Надъ этимъ рельефомъ—другой, такого же достоинства, изображающій двухъ летящихъ ангеловъ и гирлянду. Выше вѣситъ большая итальянская картина Воскресеніе, въ узкой золотой рамѣ. Все это надъ порталомъ. Справа и слѣва, на высокомъ цоколѣ, стоятъ двѣ витыя колонны и двѣ по угламъ часовни, сверху на половину закрытыя тремя рядами иконъ разнообразнаго содержанія итальянской работы и, вообще, плохаго качества. Вѣшались онѣ безо всякаго выбора, тутъ и Несеніе Креста, и Воскресеніе, и Мадонны, и францисканскіе святые монахи, и прелаты, и Предтеча-Отрокъ и т. п. Иконы тянутся вокругъ всей кувукліи. Въ верхнемъ ярусѣ фасада рядъ иконъ византійскаго пошиба, плохой греческой работы позднѣйшаго времени. Вообще, трудно представить себѣ что-нибудь менѣе достойное величайшаго памятника христіанскаго міра, какъ это греческое сооруженіе и невольно возстановляешь въ воображеніи часовню Св. Елены на основаніи того приблизительнаго и сокращеннаго изображенія, которое дошло до насъ на мюнхенскомъ рельефѣ; можно даже пожалѣть о простотѣ часовни, выстроенной Бонифаціемъ Рагузскимъ. Радикальное вырожденіе греческаго племени нигдѣ такъ не поражаетъ, какъ въ

художественномъ безсиліи новѣйшихъ Эллиновъ. Послѣдніе проблески византійскаго творчества чувствуются только въ константинопольскихъ мечетяхъ XVI и XVII вѣковъ и съ тѣхъ поръ художественный геній покидаетъ своихъ прежнихъ любимцевъ.

Внутри придѣлъ Ангела обложенъ мраморомъ. Стѣны разчленены гладкими колонками на высокихъ пьедесталахъ. Низкія притолоки внутренней двери обработаны въ видѣ пиластръ, на которыхъ съ каждой стороны по одному плоскому рельефу архаическаго стиля: слѣва отъ входа—мироносицы, справа — архангелъ Гавріилъ; надписи надъ ними греческія. Надъ мироносицами и ангеломъ—вазы съ длиннолистными растеніями и птицами. Надъ входомъ опять плоеный бордюръ съ греческою надписью, гирлянда съ тяжелыми перевязями и надъ этимъ воскресающій Спаситель въ такомъ же видѣ, какъ и снаружи, но безъ креста; по сторонамъ открытаго саркофага и надъ нимъ—длиннолистныя растенія; еще выше — летящіе ангелы. Скульптурныя украшенія сдѣланы, какъ и наружныя, въ 1808—10 гг. Авторъ ихъ неизвѣстенъ.

Посреди придѣла Ангела находится древній камень, по преданію закрывавшій входъ въ усыпальницу и на которомъ возсѣдалъ ангелъ, явившійся мироносицамъ. Камень составляетъ верхнюю плиту мраморнаго четырехграннаго ящика, стянутаго желѣзомъ, стоящаго на пьедесталѣ; все вмѣстѣ напоминаетъ купель или чашу на высокой ножкѣ. Во время литургіи этотъ камень служитъ у православныхъ престоломъ. Камень сталъ извѣстенъ почти одновременно съ Гробомъ Господнимъ. О немъ упоминаетъ уже Св. Кириллъ Іерусалимскій и древніе паломники не забываютъ его въ своихъ описаніяхъ св. мѣстъ. Антонинъ Мартиръ (570 г.) пишетъ, что камень, закрывавшій дверь, находится предъ входомъ въ усыпальницу, что онъ зеленаго цвѣта и вырубленъ изъ Голгоѳской скалы, но въ его время натуральный видъ камня былъ сокрытъ подъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Персы въ 614 году не пощадили и камня. Шестьдесятъ лѣтъ спустя камень является въ двухъ обломкахъ: меньшая часть, обдѣланная въ видѣ четырехугольной плиты, находилась предъ входомъ въ Гробъ Господень и была престоломъ; бо́льшая въ такомъ же видѣ была престоломъ въ восточной половинѣ храма. Камень оказывается уже красновато-бѣлымъ. Въ VIII вѣкѣ плиту предъ Гробомъ Господнимъ считали не настоящимъ гробовымъ камнемъ

камнемъ, но подобнымъ сему камню. [1] Въ слѣдующемъ столѣтіи вокругъ камня воздвигаются четыре колонны, вѣроятно съ куполомъ--зародышъ придѣла Ангела. Во время Крестовыхъ походовъ этотъ камень уже стоялъ на теперешнемъ мѣстѣ. Нашъ игуменъ Даніилъ замѣчаетъ, что онъ отстоитъ „на три стопы" отъ двери гроба. Въ 1300 году камень опять является въ двухъ кускахъ, одинъ изъ которыхъ, бо́льшій, въ часовнѣ Св. Гроба, другой—на Сіонѣ, за городомъ. О послѣднемъ съ тѣхъ поръ извѣстія прекращаются. Въ XVI вѣкѣ онъ описывается какъ мраморная плита пестраго цвѣта и ему приписывается цѣлебное свойство противъ змѣинаго укушенія.

Такова исторія усыпальницы Спасителя міра. Начиная съ VII столѣтія Персы и Евреи, [2] Арабы и Турки употребляютъ всѣ прямыя и косвенныя средства стереть съ лица земли погребальное ложе Богочеловѣка; пещера почти исчезаетъ, но самое ложе и часть стѣнокъ пещеры также несокрушимо устояли до нашихъ дней, какъ несокрушимо непрерывное преданіе о нихъ, какъ о подлинныхъ и несомнѣнныхъ памятникахъ, освященныхъ пребываніемъ въ нихъ Богочеловѣка. До конца дней многогрѣшной земли это каменное ложе будетъ тянуть къ себѣ вѣрующихъ, исторгать изъ очей слезы отрады и умиленія и отпускать съ примиренною душой припадающихъ къ нему. Можно было бы наполнить цѣлую книгу разказами о проявленіяхъ религіознаго чувства у Св. Гроба, говоритъ протестантъ Тоблеръ. „Можетъ ли быть что-нибудь болѣе достойное почтенія, нежели Гробъ Господень? пишетъ Іеронимъ. Всякій разъ, какъ я вступаю въ него, я тотчасъ вижу Спасителя, повитаго пеленой и, помедливъ мало, вижу потомъ ангела, сидящаго у ногъ Его, а на главѣ Его убрусъ". Св. Павла со слезами склоняется предъ каменнымъ ложемъ. Радостныя слезы, пламенныя молитвы въ теченіе столѣтій изливались въ этой святынѣ. По взятіи города въ 1099 году крестоносцы на колѣняхъ, съ плачемъ ползли къ кувуклiи. Всюду слышались вздохи и рыданія, но не отъ печали и страха, а отъ радостнаго восторга о Господѣ. Ликованіе восходило до звѣздъ, говоритъ Вильгельмъ Тирскій. — Кто можетъ приблизиться къ

---

[1] Et ibi ante januam sepulchri jacet illi lapis magnus quadrans in similitudine prioris, quem Angelus revolvit ab ossio monumenti. Willibald.—*Tobler*, Golgotha, 172.

[2] Въ войскѣ Хозроя было 26.000 Евреевъ.

этому мѣсту безъ сердечнаго трепета и слезъ? спрашиваетъ одинъ паломникъ XIV вѣка. У другихъ тихое умиленіе переходило въ религіозное изступленіе. Одинъ путешественникъ XVIII вѣка разказываетъ, какъ стремительно порвалась толпа паломниковъ въ отпертыя Турками врата храма. Задыхаясь бѣгали по храму Армяне, Халдеи, Индійцы, Нубійцы, Сиріяне, Эѳіопы, лобызали помостъ, обнимали стѣны, колонны, били себя въ перси и громогласно вопіяли. Иные же, Турки и христіане, испытывали ужасъ при видѣ Св. Гроба. Бывали случаи внезапной смерти поклонниковъ у Святаго Гроба.

Въ древнее время многіе еретики, по сказанію патріарха Софронія, автора Луга Духовнаго, у Святаго Гроба сознавали свои заблужденія и возвращались въ лоно православія. У Гроба Господня съ теченіемъ времени установилось единеніе всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, независимо отъ доброй воли и намѣренія представителей различныхъ христіанскихъ исповѣданій: здѣсь единственное мѣсто на земномъ шарѣ, гдѣ на одномъ и томъ же престолѣ служатъ литургію православные, Армяне, Латиняне, не смущаясь тѣмъ, что святость его нарушается такимъ совмѣстительствомъ. Одни протестанты не присоединяются къ общему молитвенному хору христіанъ. „Никто еще изъ протестантскихъ проповѣдниковъ, входя въ часовню, не думалъ видѣть въ ней подлинное мѣсто погребенія Христа“, говоритъ Тоблеръ. „Не индифферентизмъ дѣлаетъ протестантовъ простыми зрителями въ храмѣ Св. Гроба, но болѣе высокое пониманіе религіозной жизни, которая не можетъ вмѣститься въ эти стѣны, стремленіе и исканіе истины, которая рано или поздно побѣдоносно преодолѣетъ хаосъ различныхъ, противорѣчащихъ одно другому мнѣній.“ Отчужденіе протестантовъ отъ общехристіанской святыни началось съ первыхъ лѣтъ реформаціи. Радивилъ (1599 года) сообщаетъ, что у Святаго Гроба онъ не видалъ ни одного протестантскаго проповѣдника, хотя *изъ любопытства* еретики и приходятъ изъ Франціи и Германіи. Въ отсутствіи протестантскаго богослуженія и настоящихъ поклонниковъ Радивилъ усматривалъ подтвержденіе своему мнѣнію, что протестанты вовсе нехристіане. На многихъ протестантскихъ путешественниковъ Святой Гробъ производилъ самое непріятное впечатлѣніе. Знаменитый палестинологъ Робинсонъ признается, что онъ чрезъ силу только могъ принудить себя одинъ разъ посѣтить кувуклію. *Ему было стыдно предъ мусульманами*, съ презрѣніемъ смотрѣвшими на

проявленія религіознаго чувства поклонниковъ. Диксонъ (*Святая Земля*, 314, 315), тоже протестантъ, очень польщенъ мнѣніемъ какого-то свѣдущаго бея: „подходя къ Святому Гробу, протестантъ не цѣлуетъ его, не зажигаетъ свѣчей и *держитъ себя совершенно, какъ мусульманинъ*, привлеченный любопытствомъ, *а протестантскій священникъ, какъ мулла*". Дѣйствительно, это очень лестно. [1]

Протестантъ Тоблеръ въ *согласномъ* поклоненіи *всѣхъ древнихъ церквей* святынѣ Гроба Господня умудрился усмотрѣть хаосъ *противорѣчивыхъ* мнѣній, но, углубленный въ археологію, онъ не потрудился заглянуть въ тотъ дѣйствительный хаосъ, который царствуетъ въ протестантскомъ богословіи и который приводитъ въ ужасъ даже самихъ протестантовъ. Храмовники, въ своей газетѣ *Die Warte des Tempels* за прошлый годъ, указывали, что въ числѣ церковныхъ сановниковъ, засѣдающихъ въ виртембергской консисторіи, сидѣли пасторы, отвергавшіе воплощеніе и воскресеніе Христа... Протестантизму нѣтъ мѣста у Гроба воскресшаго Богочеловѣка, ибо не Онъ основаніе ихъ вѣры, а нѣкій фантомъ, котораго они тщетно стараются себѣ усвоить. Понятно, что живая, непрерывная традиція не имѣетъ уже никакой важности для „развращенныхъ умомъ и невѣждъ въ вѣрѣ" (2 Тимоѳ., III, 8). Робинсонъ ограничивается простымъ отрицаніемъ подлинности Голгоѳы и Святаго Гроба, не высказывая никакихъ предположеній о настоящемъ ихъ мѣстѣ; Кларкъ помѣщаетъ Гробъ Господень на горѣ Злаго Совѣщанія, за южною стѣной Іерусалима; Отто Теній и Кондеръ указываютъ Голгоѳу и Святой Гробъ за Дамасскими воротами, къ сѣверу отъ Іерусалима, тогда какъ Барклай искалъ гробницу Спасителя въ Кедронской долинѣ, Тоблеръ на Сіонѣ, а Фергюсонъ утверждалъ, что Спаситель погребенъ былъ въ пещерѣ подъ мечетью Омара, на самой горѣ Моріа; всѣхъ же ихъ превзошелъ Ноакъ, убѣжденный, что не только Голгоѳа, но и весь Іерусалимъ во времена Христа находились въ сѣверной Галилеѣ, недалеко отъ Сафеда. [2]

---

[1] Въ романѣ Эдм. Абу, *Ахмедъ Феллахъ*, серьезно доказывается, что нѣтъ существенной разницы между исламомъ и кальвинизмомъ.

[2] Олесницкій, *Св. Земля*, т. I, 526.

VI.

Храмъ Гроба Господня.

Мы посѣтили Голгоѳу и пещеру Воскресенія Христова. Ради сихъ святыхъ мѣстъ былъ предпринятъ благополучно совершенный далекій путь. Все наше вниманіе было приковано къ этимъ неподдѣльнымъ и животворящимъ свидѣтелямъ величайшихъ событій исторіи христіанства, непрестающихъ могущественно дѣйствовать на сердце и душу, которыя ищутъ приблизиться къ Богу и здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было на землѣ, срѣтаемыя невидимо Богочеловѣкомъ. Радостно утоливъ напряженную потребность вѣры, обновивъ въ памяти все то, что̀ здѣсь, на этихъ мѣстахъ, было нѣкогда, можно было осмотрѣться кругомъ, дать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ здѣсь измѣнено людьми въ теченіе слишкомъ восемнадцати столѣтій, куда дѣвался каменистый пустырь, примыкавшій къ широкому и глубокому городскому рву, котловина, по которой шла дорога изъ города на сѣверо-западъ, имѣя направо—череповидную округленную Голгоѳу, налѣво—садъ, заботливо разведенный Іосифомъ на неблагодарной почвѣ вокругъ своихъ семейныхъ усыпальницъ. Вся мѣстность, двѣсти лѣтъ слишкомъ скрывавшаяся подъ мусуромъ, вновь показалась въ первоначальномъ видѣ, когда Св. Елена, исполняя волю державнаго сына, приступила къ постройкамъ, соотвѣтствующимъ святости своего назначенія и величію имперіи. Предположенная площадь построекъ уступала своими размѣрами только Константиновской базиликѣ Св. Петра въ Римѣ. Сооруженія происходили подъ надзоромъ константинопольскаго пресвитера Евстафія. Для нихъ недостаточно было одного загороднаго мѣста. Гробъ Господень долженъ былъ составить средоточіе храма, ограда котораго по проекту должна была перейти на югъ за стѣну города и занять часть городской земли. Для этого стѣна была отчасти снесена, отчасти вошла кусками въ составъ храма, тѣми частями, которыя открыты нынѣ на русскомъ мѣстѣ. Среди храма долженъ былъ находиться „гробъ жизни“, [1] занимая „мѣсто амвона“—

[1] Фотія архіепископа Константинопольскаго о Гробѣ Господа нашего Іисуса Христа, изданіе Пр. Пал. Общ. 1892 г.

то-есть возвышеннаго помоста, каѳедры. Точно также храмъ вдвинулся далеко въ городъ на востокъ, перейдя черезъ ровъ древняго города, шедшій съ сѣвера на югъ.

Сложная константиновская постройка въ Святомъ Градѣ была не столь долговѣчна, какъ римская базилика великаго императора и подверглась многократнымъ разореніямъ и перестройкамъ. Обильное второстепенными подробностями описаніе ея, сдѣланное современнымъ историкомъ еп. Евсевіемъ Памфиломъ, становится чрезвычайно сбивчивымъ, когда является желаніе возсоздать по его повѣствованію общія, основныя формы храма. Оттого доселѣ неконченъ споръ между археологами о храмѣ Константина. Археологическая реставрація тѣмъ болѣе затруднительна, что площадь древняго храма измѣнилась, уменьшилась, застроена примкнувшими ко Гробу Господню и Голгоѳѣ монастырями, которые въ эпохи мусульманскихъ насилій, какъ испуганныя овцы, тѣсно смыкались вокругъ христіанской святыни, закрывая ее отъ нечестивыхъ своимъ тѣломъ. Такъ какъ существованіе константиновскихъ сооруженій не возбуждаетъ сомнѣній, то пытливыя изысканія протестантскихъ католическихъ археологовъ на этомъ мѣстѣ даютъ положительные результаты, прежнія разнорѣчія постепенно исчезаютъ и величественный образъ перваго христіанскаго храма выясняется, становясь вожделѣннымъ идеаломъ будущаго, хотя и нескоро, обновленія храма воскресенія Христова.

Увѣренность, что животворящее древо креста Господня не погибло и можетъ еще быть найдено, издавна существовала въ христіанскомъ мірѣ и даже вызывала розыски, неувѣнчавшіеся успѣхомъ. Она, быть-можетъ, основывалась отчасти на ритуальномъ отвращеніи Евреевъ къ орудіямъ казни, къ предмету, коснувшемуся мертваго тѣла и ставшему вслѣдствіе того нечистымъ. Кресты были брошены въ ровъ или въ одну изъ пещеръ у Голгоѳы и сюда направились поиски. Кресты были найдены. Совершившіяся чудеса указали крестъ Спасителя. Обрѣтеніе креста было отпраздновано съ величайшимъ торжествомъ и донынѣ этотъ день вспоминается на всемъ христіанскомъ Востокѣ, отъ Берингова пролива до южныхъ предѣловъ тропической Эѳіопіи. Не только священный крестъ, но и самое мѣсто его обрѣтенія, часть городскаго рва, вырубленная въ скалѣ, на сѣверо-востокѣ отъ Голгоѳы, сдѣлались предметами благоговѣйнаго попеченія и поклоненія; впослѣдствіи къ нимъ присоединилась сухая цистерна,

открытая въ смежности со рвомъ, и обрѣтеніе крестовъ стали предполагать именно въ ней. Крестъ, украсившій побѣдоносныя знамена Константина, съ которымъ, какъ символомъ величія, изображался императоръ на мозаическихъ изображеніяхъ, былъ заключенъ въ драгоцѣнную рамку, а мѣсто его обрѣтенія назначено было подъ великолѣпную базилику. Такимъ образомъ, сооруженія Константина состояли изъ двухъ зданій: ротонды, круглаго храма, въ срединѣ коего былъ Гробъ Господень, и собственно храма, базилики Константина, такъ-называемаго мартиріума. Базилика почти цѣликомъ строилась уже внутри города, за рвомъ и разрушенною стѣной. Непоколебимымъ пунктомъ въ настоящее время стоитъ только Гробъ Господень. Всѣ реставраторы, разбирающіе сказаніе Евсевія, должны отправляться отъ кувукліи. Послѣднія и наиболѣе вѣроятныя предположенія и комментарій къ Евсевію сдѣланы извѣстнымъ знатокомъ іерусалимской топографіи, Шикомъ, въ 1883 году, и мы передадимъ ихъ въ сокращеніи. Ротонда, или Анастазисъ (воскресеніе) съ кувукліей, вообще, сохранила прежній объемъ и составляетъ западную часть сооруженій. Восточный предѣлъ ихъ обнаруженъ раскопками на русскомъ мѣстѣ, въ остаткахъ колоннъ и арки. Крайнія точки отстояли одна отъ другой на 66½ саженъ. Анастазисъ—нынѣшній храмъ Гроба Господня,—представлялъ собою круглый храмъ, съ куполомъ, утвержденнымъ на двадцати мраморныхъ колоннахъ коринѳскаго стиля, соединенныхъ арками и только въ 1808 году замѣненныхъ восемнадцатью столбами. Вышина купола, по мнѣнію Шика, осталась и теперь прежняя, то-есть около 17½ саженъ. Вверху куполъ былъ открытый, какъ въ Пантеонѣ Агриппы. Круглое верхнее окно помѣщалось, какъ и нынѣ, надъ самою кувукліей. Снаружи ротонда была окружена полукруглою стѣной, между которою и ротондой шелъ крытый ходъ съ тремя апсидами на западъ, сѣверъ и югъ. Тамбуръ купола утверждался на аркахъ, опиравшихся на столбы и колонны и въ свою очередь былъ для свѣта и уменьшенія тяжести прорѣзанъ частыми окнами. Были ли на стѣнахъ какія-нибудь священныя изображенія—неизвѣстно. Ротонда широкими вратами на восточной сторонѣ выходила на открытую площадь, атріумъ, окруженный съ юга и сѣвера крытыми портиками, примыкавшими къ крытому входу ротонды своими западными концами, а съ востока—базиликой Константина. Эта площадь занимала мѣсто прежняго сада, въ которомъ былъ новый гробъ, дорогу и мѣсто,

окружавшее Голгоѳу. Сѣверный портикъ состоялъ изъ ряда колоннъ и сплошной наружной стѣны; южный—изъ двухъ рядовъ колоннъ, покрытыхъ кровлей и открытыми арками, давалъ доступъ съ улицы въ атріумъ. Сама площадь была вымощена блестящимъ камнемъ. Въ 10 метрахъ отъ ротонды Шикъ помѣщаетъ такъ-называемое средоточіе (пупъ) земли. [1] Въ юго-восточной сторонѣ ея находилась подъ открытомъ небомъ Голгоѳа. Въ длину атріумъ около 45 метровъ, въ ширину около 40, слѣдовательно 1.800 кв. м.; атріумъ базилики Св. Петра въ Римѣ имѣлъ 2.600 кв. метровъ.

Ротонда надъ Святымъ Гробомъ хотя и заключала въ себѣ три апсида, по мнѣнію Шика, однако, не была настоящимъ храмомъ. Все свое царственное великолѣпіе и щедрость Константинъ Великій сосредоточилъ въ главной базиликѣ, Мартиріумѣ. Это величественное зданіе имѣло 65 метровъ въ длину и 45¾ метра въ ширину, покрывая пространство въ 3.000 кв. метровъ. Послѣ римской базилики іерусалимская была величайшимъ христіанскимъ храмомъ того времени. Четырьмя рядами колоннъ, по 17 въ каждомъ, она раздѣлялась на пять проходовъ или нефовъ, причемъ средній былъ вдвое шире боковыхъ и имѣлъ 20 метровъ ширины. Вышина колоннъ составляла треть вышины всего зданія. Соединенныя между собой арками, онѣ поддерживали высокій цилиндрическій тамбуръ, на которомъ покоился полусферическій куполъ. Полъ и стѣны внутри были выложены многоцвѣтными мраморами, а снаружи стѣны были тщательно сложены изъ полированныхъ камней, ничѣмъ неуступавшихъ мрамору. Крыша снаружи была покрыта свинцомъ, внутри же досками тонкой работы, обложенными блестящимъ золотомъ. Колонны средняго прохода отличались особенною массивностью; боковыя колонны были тоньше и легче. Средній проходъ оканчивался кругомъ колоннъ, на которыхъ утверждался куполъ. Подъ нимъ находился престолъ изъ серебра и золота, подъ сѣнію, утвержденной на девяти колоннахъ и вокругъ него, въ честь апостоловъ, двѣнадцать колоннъ, украшенныхъ на верху сере-

---

[1] Во второмъ вѣкѣ Тертулліанъ называлъ средоточіемъ земли (medium terrae) Голгоѳу. Первое извѣстіе о нынѣшнемъ центрѣ земли встрѣчается Бернарда, въ IX вѣкѣ. Эта точка отмѣчалась, какъ и нынѣ, особымъ камнемъ. По словамъ Бернарда, средина земли находилась на открытомъ мѣстѣ. Нѣтъ основаній думать, чтобъ она перемѣняла свое мѣсто. См. *Tobler*, Golgotha, 356 и сл.

бронзовыми чашами. Это—эмисферіонъ. Вскорѣ послѣ построенія базилики создалась легенда, что въ этихъ сосудахъ Соломонъ заключилъ бѣсовъ, а потомъ въ числѣ достопримѣчательностей базилики стали показывать и перстень, которымъ премудрый царь запечаталъ эти сосуды. Ближайшіе боковые нефы соединялись въ окружный проходъ за эмисферіономъ, а крайніе нефы непосредственно оканчивались у массивной восточной стѣны базилики, не имѣвшей полукруглыхъ апсидальныхъ выступовъ, такъ какъ алтарь находился не у стѣнъ, а подъ куполомъ. Западныя базилики того времени куполовъ вообще не имѣли, но на Востокѣ въ современныхъ храму постройкахъ они не составляли рѣдкости. Въ базилику вошла въ видѣ крипты, подземной церкви, часть рва, въ которой найденъ былъ крестъ, обращенная въ часовню Обрѣтеніе Креста. Это сооруженіе Шикъ помѣщаетъ недалеко отъ входа въ базилику. Своды были подперты короткими тяжелыми колоннами съ капителями сирійскаго (византійскаго) типа, сохранившимися до нашего времени. Впослѣдствіи нѣсколько ниже найдена была сухая цистерна и въ ней стали видѣть мѣстонахожденіе крестовъ. Колонны этой крипты, вѣроятно, были тѣми подземными колоннами, о которыхъ говоритъ Евсевій Памфилъ. Шикъ полагаетъ, что надъ мѣстомъ обрѣтенія креста была построена часовня, возвышавшаяся внутри базилики. Съ южной и сѣверной сторонъ базилики открывались проходы съ улицы, шедшей въ восточномъ направленіи, которые вели въ упомянутые выше пропилеи, а черезъ нихъ въ атріумъ и съ него къ тремъ входнымъ церковнымъ вратамъ въ западной стѣнѣ базилики. Съ юга и сѣвера эти проходы ограждались крытыми портиками, которые также примыкали западными концами къ восточнымъ концамъ портиковъ атріума.

Такимъ образомъ, въ Константиновомъ храмѣ было только два зданія церковнаго характера: Анастазисъ и базилика или Святой Константинъ. Послѣдующая исторія этихъ сооруженій характеризуется тѣмъ, что Св. Константинъ постепенно подвигался къ ротондѣ Святаго Гроба и въ настоящее время входныя колонны ротонды слились со входомъ въ греческій соборъ Воскресенія, который изъ Св. Константина передвинулся къ западу и занялъ мѣсто древняго атріума. Это передвиженіе обусловливалось печальною судьбой Св. Константина. Въ 614 году Хозроевы полчища разорили великолѣпное сооруженіе Константина. Патріархъ Модестъ возстановилъ погорѣвшія зданія, но съ этого времени

(616 – 626 года) появляются извѣстія о третьемъ храмѣ—на Голгоѳѣ. Въ 670 году французскій епископъ Аркульфъ сообщаетъ, что кромѣ названныхъ церквей была тамъ же четвертая, посвященная Богоматери, къ югу отъ ротонды. Тоблеръ помѣщаетъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится латинская часовня Пресвятой Дѣвы, направо отъ входа; пр. Помяловскій [1]—направо, въ связи съ ротондой. Въ IX столѣтіи при халифѣ Аль-Мамунѣ и патріархѣ Ѳомѣ куполъ обветшалъ и требовалъ перестройки. Патріархъ разобралъ старый куполъ и приступилъ къ возведенію новаго изъ кедроваго дерева. Надъ верхнимъ отверстіемъ ротонды онъ возвелъ второй, меньшій, сквозной куполъ для защиты кувукліи отъ дождя. Съ огромными издержками и усиліями удалось патріарху отдѣлаться отъ обвиненія въ томъ, что куполъ былъ при перестройкѣ увеличенъ и повышенъ. Въ 937 году мусульмане сожгли восточныя врата Константиновой базилики и половину портика, разорили Краніево мѣсто и самый храмъ Воскресенія. Въ 966 году храмъ подвергся новому разоренію. Мусульманскій правитель Іерусалима довелъ своими вымогательствами патріарха Николая до жалобъ верховному правителю Египта. Хотя этотъ послѣдній и призналъ справедливость патріаршей жалобы, но анархія, водворявшаяся въ халифатѣ, парализовала распоряженія центральнаго правительства. Іерусалимскій правитель, разгнѣванный такимъ поступкомъ патріарха, потребовалъ владыку къ отвѣту. Патріархъ, опасаясь за свою жизнь, заперся въ церкви Воскресенія. Въ понедѣльникъ предъ Троицынымъ днемъ (28 мая 966 года) мусульмане подожгли врата Святаго Константина, вошли чрезъ нихъ въ храмъ Воскресенія, похитили все, что̀ могли, и зажгли самую церковь. „И разрушали и грабили Евреи больше мусульманъ, замѣчаетъ современный историкъ Яхья Антіохійскій, [2]—и когда наступилъ слѣдующій день, вторникъ, они нашли патріарха спрятавшимся въ церкви Воскресенія, въ мѣхѣ съ масломъ, и убили они его, и потащили на дворъ церкви Святаго Константина и сожгли его на одной изъ колоннъ.“ Возстановленіе сгорѣвшихъ построекъ шло медленно. Три патріарха въ теченіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ трудились надъ починкой зданій. Сводъ Константина былъ достроенъ послѣ всего и не задолго до новаго разоренія, постигшаго храмъ

---

[1] *Пал. Сб.*, вып. II, стр. 64.

[2] *Сборн. Пр. Пал. Общ.*, вып. II, стр. 268.

при халифѣ Аль-Хакимѣ. Этотъ безумный халифъ, возмнившій себя воплощеніемъ божества, предписалъ разрушить церковь Воскресенія и разбить ея священные памятники. Повелѣніе было исполнено. По словамъ Яхьи, церковь была разрушена до основанія, за исключеніемъ тѣхъ частей, разрушеніе которыхъ было слишкомъ трудно. „И былъ разрушенъ Краніонъ (Голгоѳская церковь) и базилика Святаго Константина; и все находившееся въ ея предѣлахъ, и были окончательно уничтожены священныя реликвіи. И старался Ибнъ Захиръ уничтожить Гробъ Господень и стереть слѣдъ его, и разбилъ бо́льшую часть его, и разрушилъ его. И было начало разрушенія (церкви Воскресенія) 28 сентября 1009 года, [1] и были разграблены всѣ ея имѣнія и завѣщанныя имущества, и захвачены вся утварь ея и металлическія вещи.“ Никогда еще храмъ Гроба Господня не подвергался большему бѣдствію.

Бѣдствія, испытанныя въ X и XI столѣтіяхъ Іерусалимскою церковью, троекратное разрушеніе храма въ теченіе 73 лѣтъ (936—1009), болѣзненно отозвались во всемъ христіанскомъ мірѣ. За палестинскихъ Евреевъ жестоко поплатились Евреи Западной Европы. Христіанскіе паломники многолюдными караванами приходили во Святую Землю и своими разсказами о видѣнныхъ и испытанныхъ мусульманскихъ насиліяхъ производили глубокое впечатлѣніе, подготовляя величественный религіозный подъемъ западнаго христіанства, выразившійся въ крестовыхъ походахъ, лебединой пѣснѣ средневѣковаго феодализма. Въ то же время изъ всѣхъ христіанскихъ странъ неоскудно стекались пожертвованія на возстановленіе храма. Существуютъ извѣстія, что вскорѣ послѣ разрушенія, самъ Аль-Хакимъ въ томъ же 1009 году разрѣшилъ возстановить разоренный храмъ и что этому способствовала его мать-христіанка. Несомнѣнно, что около 1015 года постройка уже была начата. Насколько можно было воспользоваться уцѣлѣвшими частями строеній и что̀ приходилось строить заново—сказать трудно, такъ какъ въ теченіе полутораста лѣтъ X и XI вѣка мы не имѣемъ ни одного паломничества, описаннаго очевидцемъ, и принуждены довольствоваться скудными замѣтками мусульманскихъ писателей, изрѣдка упоминающихъ о храмѣ Святаго Гроба. Византійскій историкъ Куропалата

[1] Мусульманскіе писатели разно показываютъ годъ разоренія. Ибнъ-эль-Аширъ и Муджиръ-Эддинъ—1008 г., Макризи—1010 г.

говоритъ, что храмъ былъ возстановленъ императоромъ Михаиломъ IV (1034—1041) между 1032—1038 годами, но не вполнѣ. Въ 1047 году Персъ Назири Хусрау посѣтилъ храмъ и удивляется его благолѣпію. Внутри храмъ былъ украшенъ мраморами и парчей. Стѣны были покрыты живописью. Назири упоминаетъ объ изображеніи Іисуса Христа на осляти, пророковъ Авраама, Исаака, Іакова *и Измаила*; кромѣ того, онъ видѣлъ изображеніе ада и рая. Живопись была покрыта лакомъ изъ сандарака и защищена отъ пыли *стеклами:* вѣроятно, онъ видѣлъ блестящую обновленную мозаику, въ которой ласточки золота заключены между *стеклянными* пластинками. Окончательная реставрація храма произошла въ 1048 году, при халифѣ Мостанзирѣ, благодаря щедрой помощи императора Константина Мономаха. Собственно храмъ Гроба Господня, ротонда, просуществовалъ въ обновленномъ видѣ до 1488 года. Чрезвычайно трудно представить себѣ отчетливую картину этой четвертой или даже пятой постройки до пришествія крестоносцевъ. Базилика Константина, или вѣрнѣе—церковь Обрѣтенія Креста, трижды разрушенная, уже не поднималась въ прежнемъ объемѣ и видѣ. Ближайшія къ послѣдней реставраціи извѣстія говорятъ о храмѣ Св. Гроба, о Голгоѳѣ, о *темницѣ*, въ которой заключенъ былъ Спаситель съ Вараввой [1] предъ распятіемъ,—нынѣ особый придѣлъ, принадлежащій Грекамъ,—о церкви Св. Константина, о *садѣ* между Голгоѳой и Св. Гробомъ. Зевульфъ, посѣтившій Святую Землю въ 1003—1006 г., нашелъ церковь Обрѣтенія Креста въ развалинахъ. Все усиліе реставраторовъ было, какъ и слѣдовало ожидать, сосредоточено на возможно полномъ возстановленіи ротонды Св. Гроба. Паломники упоминаютъ о мѣстахъ бичеванія, раздѣленія ризъ, возложенія терноваго вѣнца и багряницы. Можетъ-быть, на этихъ мѣстахъ были часовни. Всѣ онѣ группировались уже около Св. Гроба, но были раздѣлены открытыми пространствами.

При владычествѣ латинскихъ іерусалимскихъ королей храмъ Святаго Гроба вступаетъ въ послѣдній фазисъ своего существованія, въ которомъ остался и донынѣ. Всѣ отдѣльныя церкви и часовни соединяются въ одно зданіе. Садъ Іосифа или атріумъ Константина исчезаетъ и на его мѣстѣ воздвигается хоръ и алтарь для канониковъ или нынѣшній греческій соборъ

---

[1] Сказаніе монаха святоградца Епифанія. *Прав. Пал. Сборникъ*, вып. II.

Воскресенія. При этомъ восточныя колонны храма Гроба Господня, ротонда, выходившія прежде на площадь атріума, становятся входными колоннами въ хоръ. Надъ новою постройкой былъ выведенъ „прекрасный, прочный, художественно-выстроенный куполъ“ (Идризи). Такимъ образомъ, въ новомъ храмѣ удержались два купола, которые, по мнѣнію Шика, были и въ константиновскихъ сооруженіяхъ. Вокругъ хора и алтаря образовался закругленный корридоръ, какъ и нынѣ. Средоточіе земли, находившееся на двухъ третяхъ длины атріума отъ базилики, очутилось среди хора, гдѣ стоитъ и въ настоящее время. Голгоѳа вошла въ составъ храма, какъ особая часовня, имѣвшая четыре свода. Храмъ Св. Гроба сохранилъ свою круглую форму. Открытый сверху куполъ опирался на 16 колоннъ и пилястровъ, за которыми шелъ круглый крытый корридоръ. [1] Главный порталъ былъ устроенъ въ новой стѣнѣ, къ югу отъ Голгоѳы и назывался голгоѳскими вратами, или вратами распятія. Былъ входъ и съ сѣверной стороны—врата Св. Маріи, указать мѣсто которыхъ теперь невозможно. Съ прочихъ сторонъ храмъ былъ уже обстроенъ монастырями. Внутри храмъ, при крестоносцахъ, отличался богатымъ убранствомъ, коврами, мозаикой и серебряною статуей Христа, о которой упомянуто выше. На мѣстѣ церкви Св. Маріи была выстроена колокольня, покрытая осьмигреннымъ куполомъ, нынѣ—разрушеннымъ. Нижняя церковь Обрѣтенія Креста, бывшая въ первой базиликѣ, теперь оказалась въ значительномъ разстояніи отъ окружной стѣны новаго храма. Гробницы Годфрида и Балдуина стояли у подножія Голгоѳы. Члены королевскаго семейства также погребались въ храмѣ, у наружной стѣны хора, противъ камня Помазанія. Латинской эпохѣ принадлежатъ капитальныя стѣны храма, кромѣ стѣнъ ротонды, но изъ архитектурной орнаментаціи западныхъ художниковъ уцѣлѣли только барельефъ надъ дверями южной стѣны. Колонны съ коринѳскими капителями и высокими базами взяты изъ прежнихъ сооруженій, или изъ какихъ-нибудь античныхъ развалинъ. Въ храмѣ нѣтъ украшеній затѣйливой скульптурной работы, которыми наполнены западные храмы романской и готической эпохъ. Побѣда Саладина вновь предала храмъ во власть мусульманъ. Спасаясь бѣгствомъ изъ Іерусалима, латинскій патріархъ снялъ всѣ

---

[1] En cel endroit, là où li monumens, estoit li moustiers tous roons. (La Citez de Jerusalem, 1187). Tobler. l. c. 125.

драгоцѣнныя украшенія съ Гроба Господня и храма и увезъ съ собой. Наступили вновь тяжкія времена для храма. Чего не бывало прежде, храмъ поступилъ во владѣніе мусульманскаго имама, который дозволилъ посѣщать храмъ за большую плату, и этотъ порядокъ держался до половины нашего столѣтія. Попеченіе о храмѣ и богослуженіе были возвращены мѣстному православному духовенству. Въ 1244 году храмъ претерпѣлъ послѣднее разореніе отъ мусульманъ. Кувуклія была ограблена и разрушена. Гробы франкскихъ королей были открыты, останки ихъ были выброшены и сожжены. Мусульмане выломали и унесли колонны, облупили стѣны и разбили мозаическія иконы. Когда и какимъ образомъ совершилось обновленіе церкви, исторія умалчиваетъ, но въ 1310 году церковь опять имѣла много богатоукрашенныхъ алтарей, число которыхъ въ XVI вѣкѣ доходило до 20. Около 1400 года упоминаются опять на храмѣ два купола. На рисункѣ Брейденбаха 1483 г. оба купола сохраняютъ древній полусферическій видъ; но уже въ XVI вѣкѣ открытый куполъ ротонды является въ видѣ усѣченнаго открытаго конуса. Онъ опирался на тамбуръ съ 16 глухими окнами, который стоялъ на двухъярусной аркадѣ. Верхняя состояла изъ восьми столбовъ и 8 тонкихъ колоннъ и образовывала верхнюю сквозную галлерею; нижняя—изъ 12 массивныхъ колоннъ и 4 столбовъ. Въ XVII вѣкѣ въ этомъ видѣ засталъ его нашъ паломникъ Арсеній Сухановъ, который изготовилъ точные рисунки и размѣры ротонды, по порученію патріарха Никона, сооружавшаго тогда точное подобіе іерусалимской святыни въ своемъ Новомъ Іерусалимѣ, подъ Москвой. Съ тѣхъ поръ перемѣны въ храмѣ вызывались только обветшаніемъ. Всякій разъ, какъ требовалась поправка или перестройка, разрѣшеніе получалось послѣ долгихъ проволочекъ и неиначе какъ за огромныя суммы денегъ. Арабы и Турки не упускали случая издѣваться надъ христіанскимъ религіознымъ чувствомъ. Въ эпоху арабскаго владычества безраздѣльное владѣніе православнаго духовенства прекратилось. За деньги получали права богослуженія въ храмѣ Латиняне, Эѳіопы, Копты, Грузины, Армяне, послѣдніе уже при турецкомъ правительствѣ. Если прекратились внѣшнія опасности со стороны мусульманъ, то исторія многострадальнаго храма обратилась въ прискорбную повѣсть объ ожесточенныхъ раздорахъ между христіанскими совладѣльцами изъ-за каждой пяди земли въ священныхъ стѣнахъ, окружающихъ мѣста распятія и воскресенія Спасителя міра.

Въ іюнѣ, а по другимъ извѣстіямъ, въ октябрѣ 1808 года, среди ночи въ храмѣ вспыхнулъ пожаръ. Огонь показался въ юго-восточномъ углу храма, перекинулся въ армянскій монастырь и охватилъ храмъ Св. Гроба. Погода была ясная и дулъ сильный сѣверный вѣтеръ. Съ трескомъ падали столбы, аркады и колонны, окружающія Св. Гробъ. Сверху лился растопленный свинецъ кровли. Между пятью и шестью часами утра рухнулъ куполъ съ балками и крышей и всею тяжестью навалился на кровлю кувукліи, которая не выдержала и развалилась. Огонь истребилъ все, что̀ могло горѣть въ соборѣ Воскресенія и на Голгоѳѣ, въ греческомъ и армянскомъ монастыряхъ и повредилъ кое-что въ монастырѣ францисканцевъ. Остались въ цѣлости колокольня, фасадъ храма, соборъ съ куполомъ, церковь Св. Елены, придѣлъ Темницы Христовой, Обрѣтенія Креста и латинская капелла Св. Маріи. Пожаръ продолжался до половины слѣдующаго дня. Попытки остановить его были безплодны и парализовались струями расплавленнаго кровельнаго свинца. Причина пожара осталась невыясненною: Армяне, Греки и Латиняне обвиняли другъ друга въ умышленномъ поджогѣ; послѣдніе приписывали Грекамъ умыселъ захватить нѣсколько лишнихъ мѣстъ и подтверждали обвиненіе тѣмъ, что у Грековъ однихъ заранѣе припасены были наличныя деньги, необходимыя для возобновленія храма. Греки же, не жалѣя денегъ на бакшиши въ столицѣ и Іерусалимѣ, воспользовались тѣмъ, что Западной Европѣ, охладѣвшей въ то время къ церкви и объятой непрерывными наполеоновскими войнами, не было ни охоты, ни возможности вмѣшиваться въ церковныя дѣла Палестины, успѣли добиться у турецкаго правительства права возстановить храмъ Гроба Господня безъ участія духовенства другихъ исповѣданій. Французы спохватились, но было поздно. Хатти-шерифъ о допущеніи къ этому дѣлу францисканцевъ былъ полученъ въ 1811 году, когда всѣ работы были кончены.

Греческая реставрація ограничилась куполомъ и внутренними передѣлками. Кальфа Комнинъ, строитель кувукліи, распоряжался работами въ ротондѣ. Послѣдніе слѣды украшеній исчезли. Вмѣсто колоннъ верхней и нижней галлереи появились однообразные четырегранные столбы, соединенные вверху арками. Ни живописи, ни мозаикъ нѣтъ на стѣнахъ храма. Голый сѣроватый камень, кое-гдѣ оштукатуренный, глядитъ со стѣнъ. Нынѣшнія арки ротонды выше прежнихъ. Платформа Голгоѳы была удлин-

нена и вслѣдствіе этого вторая дверь южнаго портала была заложена изнутри. Надгробія Годфрида, Балдуина и прочія франкскія могилы исчезли безслѣдно. Пользуясь перестройкой, Греки удалили изъ церкви Св. Елены латинскій гербъ, вмазанный въ стѣну и не позволили возобновить его. Владѣнія различныхъ вѣроисповѣданій остались, впрочемъ, безъ измѣненій. Обновленіе храма поглотило огромныя суммы и остается только пожалѣть, что реставрація попала въ руки совершенно бездарныхъ зодчихъ. По чертежамъ Бернардино Амика, подробнѣйшимъ образомъ снявшаго храмъ въ 1598 году, можно видѣть, какъ далеко уступаетъ въ красотѣ нынѣшній внутренній видъ храма тому, какимъ былъ онъ въ XVI вѣкѣ. Куполъ ротонды опять воспріялъ круглую форму, сохранивъ верхнее круглое окно, черезъ которое дождь продолжалъ безпрепятственно падать на кувуклію. Чтобы защитить ее отъ непогоды, надъ Гробомъ Господнимъ натянули огромное полотно, которое оставалось до послѣдней перестройки купола въ 1868 году. Некрасивая постройка Кальфы Комнина оказалась и непрочною. Прошло съ небольшимъ сорокъ лѣтъ, а ужь куполъ сталъ грозить паденіемъ. На сей разъ не духовенство, но свѣтская власть взялась за дѣло. Куполъ былъ обновленъ совокупными силами русскаго, французскаго и турецкаго правительствъ. Онъ двойной и состоитъ изъ желѣзныхъ стропилъ, покрытыхъ свинцовыми листами. Наружныя стропила обшиты досками, войлокомъ и свинцомъ. Внутренніе и внѣшніе купола соединены поперечными распорками. Круглое верхнее окно покрыто, какъ было тысячу лѣтъ тому назадъ, особымъ навѣсомъ, боковая сторона котораго закрыта стеклами; на верху же водруженъ впервые большой вызолоченный крестъ. Внѣшній видъ купола принялъ болѣе красивое очертаніе. Внутри перестроенъ былъ тамбуръ, укрѣплены столбы и арки. Окна тамбура возобновлены не были, но исчезли и глухія арки, и вся поверхность его была расписана орнаментами. Сводъ купола—голубой съ золотыми звѣздами, и это единственное мѣсто во всемъ храмѣ, гдѣ глазъ отдыхаетъ отъ безвкусицы украшеній, чередующейся съ обнаженною нищетой сѣрыхъ стѣнъ.

Таковы судьбы храма Св. Гроба. Величественная, простая планировка построекъ Св. Елены соотвѣтствовала невозмущаемому единству древней церкви. Востокъ и Западъ благоговѣйно преклонялись предъ Гробомъ Господнимъ и торжественно славословили Бога въ великолѣпномъ мартиріумѣ Константина, подъ

охраной могущественныхъ римскихъ императоровъ. Сектанты бродили по окраинамъ церкви вселенской, не проникая въ храмъ. Наступили иныя времена. Исчезъ мартиріумъ, вокругъ гроба Господня, влекомыя тайно къ единству Христова царства, собрались разсѣянныя и враждующія овцы единаго стада, вновь раздрали ризы Христовы, захвативъ въ ревнивое обладаніе отдѣльные куски въ храмѣ и облѣпили жалкими часовенками неменѣе жалкую оболочку полуразрушенной пещеры. Не довольствуясь общехристіанскими святынями Голгоѳы и Воскресенія, состоящими въ совокупномъ пользованіи православныхъ, Латинянъ и Армянъ, каждое вѣроисповѣданіе стремилось удержать за собой какое-нибудь знаменательное мѣсто въ исключительное обладаніе и количествомъ такихъ мѣстъ доказывать свою вселенскую правоту, обвиняя другихъ въ отпаденіи отъ истинной вселенской церкви. Вслѣдствіе этого появились многочисленные придѣлы, посвященные воспоминаніямъ: сирійскій съ гробницами Іосифа и Никодима; латинскій: Явленія Господа Маріи Магдалинѣ съ отдѣленіемъ для колонны бичеванія Христа, украшенный преданіемъ, что на этомъ мѣстѣ стояло жилище садовника при садѣ Іосифа Аримаѳейскаго; противъ кувукліи—греческій Воскресенскій соборъ, прежній латинскій храмъ, выстроенный архитекторомъ Іорданомъ (Iourdain) въ 1140—1149 году, лучшая архитектурная часть храма; въ полутемномъ коррндорѣ вокругъ собора греческій придѣлъ Св. Лонгина Сотника; армянскій—Раздѣленія Ризъ; далѣе спускъ въ церковь Св. Елены; греческій придѣлъ Поруганія Христа, или Терноваго Вѣнца, съ колонной, у которой якобы это совершалось. Отдѣльное, огороженное мѣсто указываетъ, гдѣ именно стояла Марія Магдалина, когда увидѣла воскресшаго Спасителя. Пятнадцать вѣковъ христіане украшаютъ святыя мѣста; болѣе пятисотъ лѣтъ прошло со времени расхищенія сокровищъ храма мусульманами и, несмотря на это, всѣ придѣлы имѣютъ жалкій, бѣдный видъ, не выдаютъ усердія поклонниковъ ни изяществомъ, ни богатствомъ своихъ украшеній. На стѣнахъ ротонды и въ придѣлѣ Явленія западное искусство не возвышается выше посредственности и недалеко ушло отъ несчастныхъ скульптуръ Кальфы Комнина. Мало того, чѣмъ безопаснѣе живется христіанамъ во Св. Градѣ, тѣмъ запущеннѣе, бѣднѣе и неприглядпѣе становятся и его придѣлы. Послѣднія мозаики ротонды безповоротно исчезаютъ въ XVII вѣкѣ, въ соборѣ Воскресенія—въ XVIII. Мраморная обли-

цовка стѣнъ не возобновлена со времени послѣдняго пожара. О стѣнной живописи нѣтъ и помину, если не считать малярной пачкотни въ соборѣ, да плохой стѣнописи на Голгоѳѣ. Многочисленныя мраморныя колонны собора также болѣе не существуютъ. Обиліе разновременныхъ свидѣтельствъ объ украшеніи ротонды и Св. Гроба даютъ возможность почти полной реставраціи. Изъ всѣхъ придѣловъ наиболѣе интереса представляютъ Воскресенскій соборъ, капелла Св. Елены и Сирійскій придѣлъ.

Высокіе своды французской постройки производятъ на первый взглядъ пріятное впечатлѣніе, напоминаютъ наши величавые старинные и новые храмы расписанными стѣнами и сводами, высокимъ стройнымъ позолоченнымъ иконостасомъ и ризами иконъ. Драгоцѣнная плащаница, дорогія ризы и канделябры, конечно, изъ Россіи. Начинаете приглядываться, и надъ русскимъ золотомъ, каменьями и серебромъ оказываются отсырѣвшія, осыпавшіяся стѣнныя изображенія, нерѣдко просто замазанныя штукатуркой: это уже признаки греческаго храмостроительства: греческому глазу не претитъ грязная заплата на великолѣпной одеждѣ изящныхъ стѣнъ. Такой контрастъ разсчитанъ на то, чтобы подстрекнуть усердіе русскихъ поклонниковъ убожествомъ греческой іерусалимской церкви. Внутри алтаря, задняя стѣна иконостаса также расписана въ прошломъ году какимъ-то аѳинскимъ маляромъ. При громадныхъ доходахъ, какими не обладаетъ ни одна изъ нашихъ митрополій, іерусалимская патріархія не считаетъ нужнымъ удѣлить приличную сумму на приведеніе въ благолѣпный видъ храма, перваго по важности между всѣми греческими храмами. Полъ храма вымощенъ прекрасною мраморною мозаикой. Среди стоитъ небольшой чашеобразный столпъ—пупъ земли, на которомъ горитъ канунъ. По сторонамъ „формы“, то-есть отдѣленія съ поручнями и скамейками для утомленныхъ стояніемъ во время продолжительныхъ богослуженій. Вблизи клиросовъ—престолы трехъ патріарховъ: іерусалимскаго, антіохійскаго и александрійскаго. На стѣнахъ надъ формами портреты патріарховъ. Алтарь стоитъ подъ нарядною мраморною сѣнью. Я нѣсколько разъ заходилъ въ соборъ, но непривычное, гнусавое пѣніе на непонятномъ языкѣ скоро заставляло меня удаляться изъ церкви. Слова пѣснопѣнія обыкновенно выкрикиваетъ одинъ, остальные пѣвцы тянутъ мелодію, къ пѣвцу присоединяется одинъ или два другихъ, первый замолкаетъ, а къ новому пѣвцу приходитъ на помощь новый голосъ и т. д. Уловить напѣвъ трудно,

но даже пѣніе нашихъ старообрядцевъ, нѣсколько напоминающее греческіе напѣвы, представляетъ болѣе привлекательности. Нельзя сказать, что предпочтеніе вызывается тѣмъ, что старообрядцы поютъ на понятномъ языкѣ: въ ихъ грубомъ пѣніи слышится усердіе и „истовость“, тогда какъ въ греческомъ богослуженіи въ особенности непріятно замѣчается какая-то небрежность, отсутствіе благоговѣнія, невиданныя въ Россіи.

Церковь Св. Елены принадлежитъ къ почтеннымъ остаткамъ древнехристіанскихъ сооруженій. Изъ темнаго корридора въ нее сходятъ по лѣстницѣ въ 29 ступеней. Внутри четыре толстыя колонны-монолиты изъ красноватаго мрамора поддерживаютъ куполъ, выступающій на платформѣ эѳіопскаго монастыря. Освѣщеніе получается изъ шести оконъ купольнаго тамбура. Капители этихъ колоннъ одного типа съ тѣми, которыя открыты въ древнихъ сирійскихъ церквахъ IV и V вѣковъ, обыкновенно называемыя византійскими. Онѣ представляютъ кубъ, округленный внизу съ плоскою насѣчкой акантовыхъ листьевъ, выходящихъ изъ плетеной корзинки, и равняются почти половинѣ высоты ствола колонны. Колонны приписываются времени патріарха Модеста, возстановлявшаго храмъ, разрушенный Хозроемъ. Острыя арки сводовъ относятся къ XII вѣку. Церковь принадлежитъ Эѳіопамъ, но они уступили право богослуженія Армянамъ за пропитаніе, которое Армяне выдаютъ имъ неаккуратно и въ самомъ скудномъ размѣрѣ. Церковь стоитъ на 12 футовъ ниже Воскресенскаго собора, на 26 фут. ниже поверхности земли, на томъ мѣстѣ, гдѣ Св. Елена открыла крестъ, то-есть въ городскомъ рвѣ. Стѣны сложены изъ крупныхъ камней, своды выбѣлены, полъ вымощенъ плитами и прикрытъ плохими коврами. Въ юго-западномъ углу новая лѣстница въ 13 ступеней ведетъ въ нижнее отдѣленіе церкви (въ сухую цистерну), о которомъ въ первые упоминается въ 1400 году. Послѣднія три ступени вырублены уже въ кряжѣ скалы. Небольшая капелла (7 метровъ въ квадратѣ) въ настоящее время указывается, какъ подлинное мѣсто обрѣтенія Креста Господня. Она на 35 ф. ниже Голгоѳы. Мѣсто, гдѣ находился крестъ, означено мраморною плитой и принадлежитъ Грекамъ. Богомольцы ставятъ на ней тонкія церезиновыя свѣчи въ шести или восьми мѣстахъ. Часовня освѣщается лампадами. Стѣны часовни вырублены въ скалѣ и задняя стѣна составляетъ продолженіе голгоѳской скалы. Полъ вымощенъ небольшими плитками. Латиняне устроили здѣсь алтарь въ 1857 году.

По христіанскому значенію послѣ Голгоѳы и Св. Гроба, придѣлъ Св. Елены имѣетъ первое значеніе среди достопамятностей храма. Преданіе, сохранившее память о Гробѣ Господнемъ, мѣстѣ Лобномъ—Голгоѳѣ, указываетъ въ придѣлѣ Св. Елены мѣсто обрѣтенія орудія нашего спасенія, Креста животворящаго. Поиски креста начались ранѣе, нежели были открыты Голгоѳа и Св. Гробъ. Римскій папа Евсевій еще въ 310 году оповѣстилъ епископовъ Тосканы и Кампаніи, что крестное древо обрѣтено и приглашалъ ихъ праздновать это событіе, но церковь усумнилась и предала забвенію объявленіе папы. Описывая труды Св. Елены, современный историкъ Евсевій (около 340 г.) не упоминаетъ ни объ открытіи креста, ни о томъ, что крестъ Господень былъ уже открытъ ранѣе, но Св. Кириллъ, епископъ Іерусалимскій, въ своихъ огласительныхъ словахъ (347—348 г.) указываетъ уже на честное древо, какъ на святыню не только общепризнанную, но уже розданную „отсюда маленькими частицами по всей вселенной“. Въ житіи пр. Евѳимія, писанномъ въ первой половинѣ VI вѣка Кирилломъ Скиѳопольскимъ, упоминается о части Св. Креста въ Евѳиміевой лаврѣ. Въ то время день Обрѣтенія Креста былъ уже однимъ изъ праздниковъ въ Іерусалимѣ и крестъ торжественно выставлялся на поклоненіе всему народу. Въ концѣ того же столѣтія паломникъ Антонинъ Мартиръ видѣлъ въ атріумѣ Св. Константина часовню, въ которой было положено древо Св. Креста, „которому мы поклонились и къ которому приложились, ибо я видѣлъ, держалъ въ своихъ рукахъ и облобызалъ и ту надпись, которая помѣщена была надъ головой Іисуса и которая гласила: Іисусъ Назорей Царь Іудейскій. Это древо креста — орѣховое“. [1] При крестѣ состоялъ особый инокъ хранитель. Такимъ былъ чудесно исцѣленный отъ недуга силой креста инокъ Порфирій, святой епископъ Базы. Изъ его житія, написаннаго его ученикомъ Маркомъ, узнаемъ, что крестъ находился въ *золотомъ* ковчегѣ (см. житіе Св. Порѳирія въ Четьи-Минеяхъ, 26 февраля). Во время персидскаго погрома крестъ въ *серебряномъ* ковчегѣ былъ увезенъ въ Персію. Императоръ Ираклій получилъ его обратно въ неприкосновенности, даже нераспечатаннымъ, и вознесъ его своими руками на Голгоѳу. Однако, можно предположить, что въ Іерусалимѣ находилась только часть креста. Церковные историки Сократъ,

[1] Ant. § 20. *Прав. Пал. Сб.*, вып. 7.

Созоменъ и Ѳеодоритъ пишутъ, что Св. Елена оставила въ Іерусалимѣ только значительную часть креста; Кедринъ извѣщаетъ, что, покидая Сирію, имп. Ираклій увезъ Св. Крестъ въ Константинополь. Аркульфъ (670 г.), подтверждая это извѣстіе, говоритъ, что на Голгоѳѣ стоялъ серебряный крестъ, „на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда водруженъ былъ крестъ деревянный, на которомъ претерпѣлъ страданіе Господь". Однако, неизвѣстно въ какомъ году, подлинная часть животворящаго древа была возвращена въ Іерусалимъ и бдительно охранялась въ тайномъ мѣстѣ, страха ради мусульманскаго. Православные таили святыню и отъ крестоносцевъ и только по указанію Сирійцевъ или Армянъ крестоносцы открыли мѣсто храненія креста и овладѣли святыней. Франкскіе лѣтописцы описываютъ его, какъ небольшую часть, оправленную въ золото. Крестоносцы помѣстили его на Голгоѳу. Въ роковой битвѣ при Хаттинѣ (1187 г.) крестъ этотъ находился при франкскомъ войскѣ. Латинскому епископу Птолемайды выпала честь держать его во время битвы и онъ былъ убитъ, защищая драгоцѣнную ношу. Крестъ достался мусульманамъ. Черезъ тридцать лѣтъ крестоносцы нашли его лишеннымъ всѣхъ прежнихъ украшеній въ Даміеттѣ. Съ того времени крестъ раздѣлился на безчисленное множество частицъ, которыя разошлись по всему свѣту. Самыя большія части находятся теперь въ Іерусалимѣ, на Аѳонѣ, въ Константинополѣ и Римѣ. Не мало мелкихъ частицъ перешло въ Грузію, Россію и Сербію. Между прочимъ, эѳіопская царица Елена въ 1509 году подарила португальскому королю Эммануилу крестъ, сдѣланный изъ подлинной части животворящаго древа, полученной ею изъ Іерусалима. Іерусалимская часть,—отношенія которой къ кресту, бывшему во власти Латинянъ-крестоносцевъ, опредѣлить трудно,—распредѣлена нынѣ въ трехъ крестахъ. По описанію архим. Леонида,[1] „Крестъ, въ коемъ хранится бо́льшая часть,—въ оправѣ серебряной, вызолоченной, водруженъ въ серебряной чашѣ, какъ бы на Голгоѳѣ, осыпанъ по мѣстамъ крупнымъ жемчугомъ и брилліантами; оправа, какъ говорятъ, сто́итъ до 90.000 р.; въ оправѣ съ обѣихъ сторонъ за слюдой видно животворящее древо перцоваго цвѣта, нецѣльное, а составленное изъ маленькихъ частицъ, наклеенныхъ на простое дерево. Ширины въ немъ два пальца, а вышины шесть вершковъ". Два другіе креста поменьше. У Грековъ не въ обычаѣ выносить крестъ въ концѣ

[1] *Старый Іерусалимъ*, 89.

обѣдни, но въ видѣ исключенія въ тотъ день, когда я причащался Св. Таинъ, мнѣ доставили счастье приложиться къ животворящему древу. Небольшой темный крестъ около трехъ вершковъ длины, въ полпальца ширины былъ вложенъ въ позолоченный крестъ, украшенный драгоцѣнными цвѣтными каменьями. Въ ризницѣ хранятся крупицы Св. Креста и вкладываются въ золотой крестъ Св. Гроба, который дается патріархомъ лицамъ, оказавшимъ услуги патріархіи для ношенія на шеѣ на ярко-красной лентѣ. Запасъ этихъ частицъ подновляется примѣсью свѣжихъ крупинокъ. Независимо отъ этого святогробческаго знака отличія, которымъ бывшій патріархъ Никодимъ наградилъ очень многихъ высокопоставленныхъ особъ, въ Россіи довольно частей святаго древа въ общемъ церковномъ и въ частномъ владѣніи: крестъ Евфросиніи Полоцкой (XII в.), крестъ московскихъ соборовъ и крестъ, принадлежавшій гр. А. Г. Толстой, рожденной княжнѣ Грузинской.

Мы выходимъ изъ храма. Подробное обозрѣніе его, посѣщеніе всѣхъ часовенъ и придѣловъ оставляетъ грустное и тревожное впечатлѣніе. Только въ русскій поклоническій сезонъ, съ октября по май, храмъ наполняется богомольцами. Я былъ въ мертвое время между Вознесеньемъ и Рождествомъ Христовымъ, когда Русскихъ нѣтъ, а мѣстные христіане и западные путешественники малочисленны и неусердны. Никогда я не видалъ такого стеченія молящихся у Гроба Господня, какое всегда бываетъ въ любой русской церкви или часовнѣ у чудотворной иконы или мощей. Ни разу я не слыхалъ молебнаго пѣнія. Свѣчи ставятся рѣдко и скупо. Часовни и придѣлы въ особенности отличаются запущеннымъ видомъ. Нагроможденіе урочищъ, съ которыми болѣе или менѣе древнее преданіе соединяетъ разные эпизоды страданія и воскресенія Спасителя, послѣ посѣщенія Голгоѳы и Святаго Гроба не производитъ никакого впечатлѣнія на душу, представляется пріятнымъ повтореніемъ послѣднихъ главъ Евангелія, которыя воскресаютъ сразу въ необыкновенной полнотѣ душевнаго потрясенія при Гробѣ Господнемъ. Одна изъ удивительныхъ особенностей Евангелія въ томъ, что оно совершенно пренебрегаетъ топографическими указаніями. Событія совершаются, какъ бы не касаясь земли, словно рѣютъ надъ нею въ атмосферѣ и способны передвинуться и совершаться снова предъ погруженными въ духовное созерцаніе ихъ по Евангельскимъ сказаніямъ. Не однимъ наивнымъ невѣдѣніемъ можно объяснить средне-

вѣковыя картины, на кот орыхъ художникъ изображаетъ Евангельскія событія въ современной ему обстановкѣ. Знаменитый арх. Иннокентій видѣлъ вокругъ Гроба Христова въ своемъ соборѣ Пилата и Каіафу, и тщетно искалъ мироносицъ и кающагося Петра. Служба Страстной Седмицы, преисполненная воспоминаніями о страданіи Богочеловѣка, не нуждается въ часовняхъ Лонгина и терноваго вѣнца. Да и что же нужно, когда есть Голгоѳа и Гробъ Господень? Гдѣ сильнѣе чувствуетъ человѣкъ свою грѣховность, гдѣ неотразимѣе дѣйствуетъ въ немъ потребность покаянія, очищенія исповѣдью, если не на Голгоѳѣ? Гдѣ могущественнѣе охватываетъ его радость примиренія, дѣтское раскаяніе предъ всеблагимъ Отцомъ, какъ не при Гробѣ Господнемъ? Эти чувства переживаетъ всякій, кому дано исповѣдаться и пріобщиться Святыхъ Таинъ въ храмѣ Гроба Господня.

Благодаря учрежденію русской миссіи, русскіе поклонники могутъ молиться и слушать богослуженіе на своемъ церковномъ языкѣ. Храмъ запирается съ закатомъ солнца на цѣлую ночь. Мы пошли туда въ шесть часовъ. Престарѣлый, но бодрый духомъ и тѣломъ архимандритъ Антонинъ, знаменитый начальникъ нашей миссіи, началъ служить всенощную на Голгоѳѣ. Нѣсколько исповѣдниковъ и десятка три русскихъ жителей святаго града собрались въ церковь. Послѣ полунощницы, часовъ въ десять, восьмидесятилѣтній іеромонахъ отецъ Веніаминъ приступилъ къ исповѣди. Я не стану говорить о той прозорливой простотѣ, о той глубокой старческой опытности, съ которою почтенный старецъ входитъ въ душевное положеніе кающагося, какъ осторожно и прямо находитъ онъ ключъ къ душѣ, которая жаждетъ раскрыться и обнаружить сокровенное въ ней на томъ мѣстѣ, гдѣ искупитель взялъ на себя грѣхи міра! Исповѣдь окончена. Гаснутъ свѣчи, слабое мерцаніе лампадъ тонетъ въ сумракѣ переходовъ и около кувукліи. Всѣ расходятся, кто по угламъ, кто въ греческія кельи, мы съ отцомъ архимандритомъ въ комнаты ризничаго, гдѣ готовы диваны и подушки. Но намъ не до сна. Мы отправляемся бродить по храму. Въ полночь начался громкій, но нестройный трезвонъ въ греческомъ соборѣ, а вслѣдъ за этимъ громкое пѣніе въ латинской капеллѣ Явленія Христа. Утреня началась одновременно въ восточной и западной церкви. Черезъ часъ кувуклія ярко озарилась лампадами и свѣчами, и началась литургія. Надо замѣтить, что греческій патріархъ никогда не отказываетъ нашему досточтимому отцу архимандриту

въ разрѣшеніи служить литургію у Гроба Господня, но въ послѣднее время, давши такое разрѣшеніе, онъ предъ самою литургіей всегда встрѣчаетъ необходимость кого-нибудь посвятить и назначаетъ для сослуженія какого-нибудь титулярнаго (то-есть не имѣющаго епархіи) епископа, такъ что русскій священникъ отодвигается на второе мѣсто, и литургія служится на половину по-гречески. Шестаго октября мы ожидали, что священнодѣйствовать будетъ отецъ Антонинъ, но неожиданно появился архіепископъ Іорданскій (?) Епифаній съ довольно многочисленнымъ духовенствомъ. Придѣлъ Ангела превратился въ алтарь, камень сдѣлался престоломъ, Гробъ Господень—проскомидіей, а самое ложе—жертвенникомъ. Входъ былъ прикрытъ короткою завѣсой. Греческіе пѣвцы приноровились къ нашимъ напѣвамъ и пѣли очень сносно. Архіепископъ, полный, представительный старецъ, половину возгласовъ дѣлалъ по-славянски. Священнодѣйствовалъ онъ съ внушительнымъ величіемъ. Во время великаго входа мы, трое причастниковъ, были приглашены идти за Святыми Дарами вокругъ кувуклія. На всѣхъ ектеніяхъ, какъ у насъ, поминался царствующій домъ. Народа собралось довольно много. Вблизи отъ меня стояла Арабка, задрапированная на иконный ладъ въ сѣроголубое покрывало. Воздѣвъ очи къ небу, она беззвучно шептала слова молитвы, раскинувъ руки, творила крестное знаменіе, скрещивала руки и склоняла голову, потомъ опять поднимала лицо къ небу и разводила руки, открывая ладони, какъ бы въ знакъ того, что душа ея и сердце открыты предъ Богомъ. Эти тѣлодвиженія я уже видѣлъ на первобытныхъ фрескахъ римскихъ катакомбъ: такъ молились первые христіане. Мы ограничиваемся крестнымъ знаменіемъ и поклономъ. Молитвенныя движенія бѣдной Арабки были сложнѣе, символичнѣе и прекраснѣе. Облаченіе митрополита и сослужащихъ было изъ дорогихъ легкихъ тканей; на немъ былъ бѣлый глазетовый саккосъ, широкій и короткій омофоръ на одномъ плечѣ и блестящая митра русскаго образца. Фелони священниковъ были почти древней формы, съ небольшимъ вырѣзомъ спереди, цвѣтныя. Посвящаемый иподіаконъ почти всю обѣдню стоялъ съ лицомъ, закрытымъ пеленой. Потиръ былъ великолѣпный, украшенный каменьями. Послѣ причастія вмѣсто „теплоты“ давали чистое и прекрасное виѳлеемское вино. Наконецъ, въ видѣ исключенія, послѣ обѣдни вынесли одинъ изъ крестовъ съ частицей животворящаго древа. Внимательность его преосвя-

щенства простерлась до того, что онъ удостоилъ насъ приглашеніемъ откушать въ помѣщеніи ризничаго чашку чая и воды съ глико, то-есть вареньемъ. Было еще темно, но турецкая стража не спала и, получивъ нѣсколько франковъ, отперла храмъ, и мы возвратились домой при яркомъ лунномъ освѣщеніи часа за два до восхода солнца.

Но еще очень недавно входъ и выходъ въ храмъ Гроба Господня былъ обставленъ великими затрудненіями. Теперь каждый день храмъ открытъ для всѣхъ. Прежде было не такъ.

До XIII столѣтія христіане невозбранно распоряжались въ храмѣ Святаго Гроба. Послѣ завоеванія Іерусалима Саладиномъ мусульмане въ видахъ прекращенія поводовъ къ вмѣшательству Франковъ въ дѣла Палестины, предполагали даже совсѣмъ уничтожить и храмъ и Святой Гробъ, но ограничились однако тѣмъ, что заперли храмъ и отворяли его въ рѣдкихъ случаяхъ и за большія деньги. Нѣкоторое время храмъ былъ въ запустѣніи, безъ украшеній, безъ лампадъ, безъ священниковъ. Даже въ XV вѣкѣ всенародно и безплатно онъ открывался только два раза въ годъ: на Пасхѣ и въ день Воздвиженія креста Господня. Ключи отъ дверей храма со временъ египетскихъ султановъ были отданы въ потомственное владѣніе одного мусульманскаго рода, потомъ, при Туркахъ, жаловались въ качествѣ доходной статьи разнымъ сановникамъ. Входная плата измѣнялась въ разное время. Уплатившій имѣлъ право посѣтить храмъ три раза, причемъ въ послѣдній день могли вмѣстѣ съ уплатившимъ войти и неимущіе паломники. Только въ XVIII вѣкѣ, въ силу договоровъ, храмъ сталъ отворяться для всѣхъ по праздникамъ, но въ первой половинѣ того столѣтія храмъ былъ назапертп. Нельзя безъ волненія читать, какъ бѣдный Барскій, не имѣя средствъ заплатить за входъ, бродилъ около храма, выжидая, чтобъ явился какой-нибудь паломникъ, обладающій возможностью удовлетворить стражей, чтобы вмѣстѣ съ нимъ проскользнуть къ вожделѣнной святынѣ. Даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія православные паломники имѣли право входить въ храмъ только по опредѣленнымъ днямъ и оставаться тамъ не болѣе часа. Съ 1832 года храмъ сталъ отпираться ежедневно, и прекратилась плата за входъ. Турецкая стража съ XV вѣка стоявшая сначала на площадкѣ предъ входомъ, а потомъ перебравшаяся въ преддверіе храма, осталась, но теперь она имѣетъ значеніе полицейскаго поста, къ сожалѣнію, необходимаго для прекращенія нерѣдкихъ

безпорядковъ между христіанами внутри храма. Входъ въ храмъ доступенъ для всѣхъ. При мнѣ по храму ходилъ, присматриваясь внимательно ко всѣмъ святынямъ, какой-то турецкій офицеръ. Только Жидамъ опасно не только входить въ храмъ, но даже приближаться къ нему. Палестинологъ Тоблеръ разсказываетъ, что въ 1848 году одинъ жидъ, переодѣвшись Англичаниномъ, вздумалъ побывать въ храмѣ въ Великую Пятницу, но былъ узнанъ и избитъ до полусмерти.

Входная плата въ пользу мусульманъ упоминается впервые въ 1212 году, хотя паломники со временъ Омара платили патріарху за посѣщеніе св. мѣстъ по 1½серебряной драхмѣ съ человѣка. Въ сущности это продолжается и до сихъ поръ. Въ поклонническій сезонъ нашихъ паломниковъ прежде всего ведутъ къ патріарху, и каждый изъ нихъ обязательно платитъ, смотря по усердію, на нужды патріархіи. Таксы нѣтъ, но, по заведенному порядку, наши поклонники въ теченіе первыхъ трехъ дней переходятъ отъ одного агента патріархіи къ другому при поклоненіи святынямъ Іерусалима, и это обходится каждому, считая тутъ же и свѣчи, отъ 10 до 15 рублей.

Въ пользу мусульманъ поклонники платили:

Въ XIII	столѣтіи	...	8½ драхмъ
„ XIV	„	...	6 дукатовъ
„ XV	„	...	5 „
„ XVI	„	...	9 „
„ XVII	„	...	14 и 6 дукатовъ, потомъ 3, 10, 16, 28 піастровъ
„ XVIII	„	...	16 піастровъ и 4 дуката
„ XIX	„	...	отъ 3 до 33 піастровъ.

Въ послѣдній разъ извѣстіе о платѣ за входъ встрѣчается въ 1820 году въ путешествіи Дамуазо, который заплатилъ 18 піастровъ. Колебаніе платы указываетъ на произвольность ея назначенія. Взыскивалась она съ неумолимою строгостью. Съ монашествующихъ брали меньше, и бѣдные паломники нерѣдко выдавали себя за монаховъ, какъ, напримѣръ, нашъ Барскій, чтобъ избавиться отъ расходовъ. Иногда духовныя лица совсѣмъ освобождались отъ платы. Случалось, что путешественники допускались безплатно въ силу спеціальнаго фирмана. Въ XVI вѣкѣ венеціанскіе купцы пользовались льготой платить вмѣсто девяти дукатовъ только пять. Христіанскіе подданные султана платили меньше иностранцевъ: принадлежавшіе къ константинопольской патріархіи—4 дуката, Антіохійцы и Александрійцы—2, иногда принималась въ

соображеніе отдаленность родины паломника отъ Св. Града; уроженцы Дамаска платили 3 цехина, Сирійцы изъ-за Ливана—4, Анамейцы и Европейцы—5 и 9 цехиновъ, Малоазіятцы—6 ц. Въ XVII в. турецкіе христіане платили 2—4 піастра или ½ талера; въ текущемъ столѣтіи Греки платили 25—40 піастровъ. Въ эпоху египетскаго владычества, въ XV вѣкѣ, Эѳіопы были освобождены отъ всякой платы. Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира русскіе подданные получили право входить въ храмъ безплатно. Тоблеръ вычислилъ, что съ 1200 по 1832 годъ мусульмане получили за входъ въ храмъ болѣе шести милліоновъ дукатовъ. Въ настоящее время приходится платить, если паломникъ желаетъ посѣтить храмъ въ такое время, когда храмъ долженъ быть запертъ, и то не болѣе франка съ человѣка. Днемъ входъ свободенъ. Мусульманская стража апатично дремлетъ при входѣ на коврахъ, покуривая кальянъ и не пытаясь даже попросить столь обычнаго на Востокѣ бакшиша, заранѣе увѣренная въ отказѣ. Получаютъ ли Турки какое-нибудь вознагражденіе за отмѣну входнаго сбора и если получаютъ, то отъ кого—не знаю, но, какъ уже упомянуто, православные паломники продолжаютъ уплачивать за посѣщеніе св. мѣстъ довольно значительныя суммы подъ разными благовидными предлогами. Въ обыкновенный годъ Греки получаютъ отъ русскихъ богомольцевъ не менѣе 100.000 руб., но эта сумма приводится въ отчетахъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества какъ наименьшая. Католическіе и протестантскіе писатели исчисляютъ ее въ 300.000 руб.

М. Соловьевъ.

НОВАЯ САНДРИЛЬОНА.

Романъ.

(Изъ современныхъ французскихъ нравовъ.)

XI.

Покуда Эльза бывала въ школѣ, а Этьенъ бродилъ меланхолично около дома, руки въ карманахъ, или за Баптиста справлялъ должность заставнаго сторожа, Анна сидѣла цѣлые дни въ горницѣ, служившей ей спальней съ работой въ рукахъ. Только часа два во дню проводила она въ кухнѣ, чтобы приготовить незатѣйливый, но всегда вкусный обѣдъ.

Фламандка очень любила и хорошо знала два искусства, въ которыхъ была мастерицей: шить и готовить кушанье. Относительно поварскаго искусства самыя домовитыя хозяйки приходили просить ея совѣта. Работа же швейная ея рукъ отличалась удивительною правильностью, тонкостью и крѣпостью. Обывательницы Теріэля всегда предпочитали отдавать Аннѣ Карадоль, а не какой-либо другой швеѣ, всякій парадный заказъ, въ родѣ сорочекъ для приданаго невѣстѣ или бѣленькое платьице для дѣвочки по случаю première communion. Кромѣ того, всегда всѣ layettes богатыхъ обывателей Теріэля поручались непремѣнно Аннѣ и всякій буржуа считалъ долгомъ похвастать на крестинахъ хотя бы и скромною по размѣрамъ layette, но за то работы искустницы Фламандки.

Такимъ образомъ женщина, вѣчно сидящая дома за швейною

работой, зарабатывала иногда до ста франковъ въ мѣсяцъ. Съ такими средствами, помимо еще жалованья Вигана въ качествѣ желѣзнодорожнаго служащаго, можно было бы жить очень хорошо и считаться зажиточными людьми.

А между тѣмъ Эльза и Этьенъ часто пили утренній кофе безъ молока, а сахаръ получали счетомъ восемь кусковъ въ день на обоихъ. Этьенъ имѣлъ всего двѣ простыя синія блузы и двое панталонъ и каждую пару носилъ недѣлю. Башмаки полагались мальчугану только въ праздникъ или когда его посылали въ лавку въ Теріэль, дома же лѣтомъ онъ бѣгалъ босикомъ, а зимой въ деревянныхъ, но удобныхъ sabots съ сукномъ внутри.

Эльза имѣла для перемѣны два сѣренькія платьица изъ простаго ситца, изъ которыхъ одно было очень уже ветхо и кой-гдѣ заштопано. Для парадныхъ случаевъ у нея было голубое фланелевое платье съ бѣлыми пуговицами и другое бѣлое полотняное, сдѣланное не такъ давно ради première communion. Дѣвочка точно также всегда ходила дома босикомъ, а въ дурную погоду въ sabots и только въ послѣднее время, въ виду того, что внѣшностью стала казаться старше своихъ лѣтъ, мать стала ей, ради стыда предъ знакомыми, покупать ботинки.

Сама Анна одѣвалась болѣе, чѣмъ скромно и почти не покидала своего чернаго платья изъ смѣси шерсти съ бумагой.

Женщина съ двумя дѣтьми и со своимъ фаворитомъ жила на его жалованье сторожа, но все, что̀ зарабатывала, отдавала ему. Поэтому Баптистъ Виганъ бывалъ въ праздникъ одѣтъ en bourgeois, въ черной парѣ. Однажды онъ даже завелъ себѣ цилиндръ, но насмѣшки Теріэльцевъ заставили его припрятать шляпу. Всѣ деньги, получаемыя отъ Анны, молодой малый тратилъ съ пріятелями въ кафе, проигрывалъ въ домино и на билліардѣ. Иногда же, поэкономивъ мѣсяцъ и два и собравъ сумму денегъ, онъ отправлялся prendre l'air въ Парижъ, откуда чрезъ недѣлю являлся безъ гроша и безъ обновокъ, но съ удивительными разсказами для Анны и пріятелей о своихъ бульварныхъ похожденіяхъ, приключеніяхъ и побѣдахъ. Анна добродушно выслушивала все и всему вѣрила и не будучи нисколько ревнива по характеру, однако страшно боялась, что когда-нибудь любимецъ застрянетъ въ омутѣ столицы и не вернется къ ней.

Женщина, побывавшая въ Парижѣ только разъ пять въ жизни, да еще во время заключенія мужа въ тюрьмѣ, имѣла о столицѣ самое смутное понятіе.

Ей почему-то казалось, что если Баптистъ захочетъ, то можетъ имѣть тамъ всякій успѣхъ и, конечно, съ его красотой, умомъ и внѣшнимъ лоскомъ можетъ легко найти очень богатую женщину, съ которою устроится такъ же, какъ съ ней. Баптистъ, конечно, былъ тайно не прочь отъ этого, но все, что̀ пробовалъ въ этомъ отношеніи въ Парижѣ, не привело ни къ чему. Все что̀ имѣлось въ виду, казалось ему не настолько прочнымъ, какъ его положеніе служащаго на желѣзной дорогѣ, гдѣ онъ мечталъ стать когда-нибудь Chef d'équipes, а затѣмъ Piqueur—желѣзнодорожныя должности съ большимъ жалованіемъ и съ пенсіей въ будущемъ. Кромѣ того, спокойно получать и тратить въ Теріэлѣ болѣе тысячи франковъ въ годъ зарабатываемые Анной представлялись ему болѣе привлекательными, чѣмъ четыре и пять тысячъ въ Парижѣ.

Пошло-самолюбивому молодцу было пріятнѣе играть роль въ Теріэлѣ, быть изъ первыхъ въ мѣстныхъ кафе, нежели затеряться въ толпѣ себѣ подобныхъ въ Парижѣ. Тамъ онъ могъ только быть или работникомъ, гарсономъ, или прикащикомъ въ мелкой лавочкѣ, или же всего вѣрнѣе по характеру и натурѣ дерзкимъ souteneur'омъ, часто бывающимъ au clou, то-есть въ полицейскомъ участкѣ.

Молодой человѣкъ, крайне развращенный вслѣдствіе жизни, которую велъ съ дѣтства, таскаясь сиротой съ мѣста на мѣсто, изъ города въ городъ, прислугой и подмастерьемъ—былъ въ дѣйствительности Французъ по отцу, но польско-еврейскаго происхожденія по матери. Если онъ молчалъ о своемъ прошломъ, то отчасти и потому, что самъ не зналъ почти ничего о себѣ, оставшись одинъ на свѣтѣ лѣтъ съ шести. Онъ помнилъ смутно во дни ранняго дѣтства какую-то другую обстановку и другую страну, гдѣ говорили на ломаномъ французскомъ языкѣ и на какомъ-то еще другомъ, изъ котораго уцѣлѣло въ его памяти десятка два словъ.

Теперешнее его положеніе, благодаря привязанности къ нему пожилой Анны, было сравнительно съ прежнимъ блестящее.

Наоборотъ, Эльза, а со словъ ея и Этьенъ хорошо понимали, что ихъ существованіе — трудное и горькое. Эльза хорошо помнила Кальвадосъ, собственный домъ и садъ, собственныя поля и луга, лошадей и скотъ, и всю обстановку зажиточнаго землевладѣльца, какимъ былъ отецъ до несчастія и разоренія. Она помнила даже, хотя и смутно, что будучи пяти, шести лѣтъ, имѣла

такія же платья, какія видитъ теперь на дѣвочкахъ богатыхъ буржуа Теріэля.

Когда Эльза, вернувшись изъ школы, рѣзко объяснялась съ Баптистомъ по поводу предложенія графини Отвиль, Анна, бросивъ швейную работу, перешла въ кухню готовить обѣдъ и была занята приготовленіемъ какого-то соуса. Всегда медленная въ движеніяхъ, она тихо, какъ будто лѣниво, съ паузами, возилась съ овощами, мыла ихъ, рѣзала, безъ нужды перебирала и переглядывала... Мысли ея заняты были не тѣмъ. Она мысленно тоже перебирала и обдумывала тѣ похвалы красотѣ дочери, которыя расточали ей по утру графиня Отвиль и господинъ изъ Парижа. Сама она считала красивою только одну свою дочь, бѣлокурую Марьетту, которая была наиболѣе на нее похожа.

Смуглыхъ и черныхъ Ренъ и Эльзу, уродившихся въ отца и по атласно оливковой кожѣ истыхъ квартеронокъ—Анна считала оригинальными дурнушками, и удивляясь, что обѣ всѣмъ нравятся, все-таки была этимъ по-матерински горделиво довольна.

— Что̀ мои дочери! говорила она часто знакомымъ.—Вотъ еслибы вы видѣли меня, когда мнѣ было 18 лѣтъ. Вотъ моя Марьетта—иное дѣло. Она вся въ меня уродилась. А тѣ двѣ совсѣмъ въ бабушку, которая была негресса. . Подумайте! C'est tout dire—des quarteronnes!

— Оттого именно онѣ обѣ и красивы! заявляли нѣкоторые Теріэльцы.—Креолы славятся красотой по всему міру и въ особенности квартероны.

— Quelle blague! восклицала всегда Анна.—Можно ли быть красивою съ оранжевою кожей. Подумаешь, что Ренэ и Эльзира вѣчно больны, что у обѣихъ... On dirait la jaunisse...

— Такъ, такъ. On dirait du veau! думалось иному шутнику-собесѣднику, которому нравилась Эльза и въ особенности величаво красивая Ренъ

XII.

Войдя въ домикъ и въ кухню, Эльза молча, не здороваясь съ матерью, сѣла на деревянный табуретъ и внимательно приглядѣлась къ Аннѣ, стоявшей къ ней профилемъ. Она всегда могла прочесть тотчасъ на лицѣ матери что-либо могущее ее смутить или же совсѣмъ успокоить. Анна не умѣла хитрить и когда ей

приходилось дѣйствовать по наущенію или подъ давленіемъ приказа своего любимца, она, смущаясь, объяснялась съ дочерью, не смѣя заглянуть ей въ лицо.

На этотъ разъ Анна была спокойна и ея свѣтлые глаза, еще красивые, если не цвѣтомъ, то очертаніями, спокойно и ласково глянули на дочь.

На разспросы Эльзы о цѣли нежданнаго визита Отвилей, Анна объяснила ей, что все дѣло затѣялъ находящійся въ гостяхъ у графини un faiseur de poupées изъ глины и изъ мрамора, какъ онъ самъ объяснилъ про себя.

— Что̀ же онъ хочетъ отъ меня! спросила Эльза.

Мать объяснила все то же, что̀ и Баптистъ... Эльза должна будетъ спокойно сидѣть для того, чтобъ этотъ господинъ изъ Парижа, monsieur de Montclaire, дѣлалъ съ нее изображеніе дѣвочки изъ глины.

— Мы уговорились... rien que la tête, прибавила Анна съ удареніемъ.

— Какъ? спросила Эльза, не понимая.

— Только одну твою голову, то-есть лицо и шею. А не болѣе.

— Я же не понимаю, что̀ ты говоришь... А то, что̀ же еще?

— Онъ было хотѣлъ сначала тебя всю дѣлать. Такъ сказала графиня. Ну, а потомъ...

— Что̀-о? протянула Эльза и вытаращила глаза на мать.— Всю?.. Какъ всю?!..

— Они, эти артисты дѣлаютъ цѣлыя этакія фигуры. Называются статуями. Цѣлыя изображенія. Des corps entiers. И графиня сначала начала было говорить, чтобъ я тебѣ позволила poser devant lui для цѣлаго изображенія.

Наступило молчаніе.

Анна, занятая соусомъ, не смотрѣла на дочь и не могла увидѣть выраженія, которое появилось на лицѣ Эльзы.

Дѣвочка сидѣла недвижно, какъ одурманенная ударомъ въ голову и, не сморгнувъ, глядѣла на мать своими большими яркими глазами. Наконецъ, она будто очнулась и выговорила глухо:

— Онъ хотѣлъ дѣлать съ меня куклу... со всей...

— Да. Tout le corps.

— Но вѣдь тогда надо быть раздѣтой.

— Да. Въ этомъ и дѣло.

— Toute nue?

— Ну да. Я на это не согласилась.

— Кто это первый сказалъ и предложилъ тебѣ?

— Графиня. А потомъ и онъ заговорилъ, сталъ упрашивать, объясняя, что это самое обыкновенное дѣло... Не обидное.

— И ты ихъ не вышвырнула за дверь... этихъ свиней.

Анна пожала плечами...

— Охъ, еслибы былъ живъ отецъ! воскликнула Эльза и вдругъ расхохоталась громко и дико.—Да! Какъ бы онъ угостилъ этихъ сытыхъ свиней. Знаешь, что, матушка, я завтра пойду въ зáмокъ и скажу этому Монклеру, что я согласна на его условіе. Я буду сидѣть предъ нимъ безъ платья. Но съ условіемъ, чтобъ онъ раздѣлся и голый пробѣжалъ пѣшкомъ отъ Теріэля до Парижа.

— Его арестуютъ, какъ сумашедшаго! разсмѣялась Анна.

Эльза ничего не отвѣтила, задумалась и затѣмъ вдругъ заговорила рѣзко и рѣшительно.

— Ты говоришь, что получишь за это сто франковъ?

— Да. Ты должна тотчасъ же съ перваго дня спросить ихъ у графини впередъ.

— Хорошо. Но я тебя предупреждаю, что половина денегъ должна пойти для Этьена. У него многаго необходимаго нѣтъ.

— Ты съ ума сошла! почти изумилась Анна. — Чего у него нѣтъ?

— Многаго нѣтъ. Да вотъ хотя бы пальто теплаго на осень и зиму, и того нѣтъ. Чего-жь больше...

Анна стала спорить и понемногу пришла въ крайнее волненіе... Эльза печально задумалась и наконецъ вымолвила.

— Хорошо. Я удержу для Этьена только двадцать пять франковъ. Но менѣе этого ни гроша. Иначе я не пойду въ зáмокъ.

— Soit, выговорила Анна насупясь.

Эльза поднялась и вышла на улицу къ чуланчику, гдѣ были дрова и коксъ, и гдѣ всегда въ ея отсутствіи пребывалъ ея любимецъ кроликъ. Она присѣла на корточки у дверки и чуть-чуть пріотворивъ ее выговорила ласково и на распѣвъ:

— Bonjour Coco!

Любимецъ зацарапался въ дверь и старался, какъ всегда, просунуть мордочку. Выпустивъ умнаго кролика тотчасъ вскочившаго къ ней въ подставленный подолъ платья, Эльза взяла его на руки и лаская, прижимаясь щекой къ его мягкой и пушистой шерсткѣ, пошла въ домъ.

— Ты соскучился, mon petit Coco!.. Тебѣ скучно было sans ta petite maman! съ жалобною нѣжностью и на распѣвъ заговорила она, цѣлуя кролика въ мордочку.

Кроликъ топорщилъ длинныя уши, таращилъ выпуклые глаза и если онъ не понималъ словъ своей petite maman, то снова ощущалъ, что онъ въ тѣхъ рукахъ, которыя всегда кормятъ и ласкаютъ его, и на которыхъ бываетъ всегда лучше, мягче и теплѣе, чѣмъ въ темномъ чуланѣ. Вернувшись въ кухню и покормивъ кролика, Эльза уложила его на своихъ колѣнахъ и снова заговорила о томъ же, что̀ смутило совершенно ея мысли и чувства.

— Что̀ же это за человѣкъ этотъ господинъ Монклеръ?

— Вѣроятно его мастерство въ почетѣ, объяснила Анна, вдругъ принимая важный видъ,—потому что у него много медалей и онъ долженъ получить вскорѣ, по словамъ графини, la Légion d'honneur.

— La region d'honneur? угрюмо отозвалась Эльза, понявъ по своему.—Намъ-то что̀ за дѣло если ему подарятъ хоть цѣлую коммуну или хоть департаментъ. Что̀ онъ за человѣкъ по твоему...

— La légion, поправила ее мать свысока.

— Ну, la légion, вдругъ разсердилась Эльза.—Что̀ ты повторяешь съ чужаго голоса, чего не смыслишь. Вѣдь ты не знаешь, что такъ проповѣдуешь, comme un curé de sa chaire!

— Нѣтъ, знаю. Это награда...

— Какая награда?! Вѣдь не знаешь. Какъ вы всѣ на одинъ ладъ глупы. Какъ можно повторять чего не понимаешь и что̀ языкъ самъ болтаетъ.

— Почетный легіонъ—это красная ленточка, которую носятъ въ петлицѣ сюртука, обидчиво заявила Анна.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ?.. Затѣмъ... затѣмъ чтобы... Ну... чтобы носить.

— Да зачѣмъ носить эту ленточку?

— Чтобы другіе глядѣли. Тѣ у кого ее нѣту...

— А зачѣмъ другимъ нужно это видѣть... А тѣ, у которыхъ она тоже есть, не должны глядѣть. Должны глаза зажмуривать.

— Ah!.. Tu m'agaces... кротко отозвалась Анна.

— То-то... всегда такъ... задумчиво произнесла Эльза.

Чрезъ минуту она заговорила тихо и мѣрно, какъ бы не матери, а себѣ самой.

— Вѣчно... Всѣ... Ложь и ложь... Всякій, что-то представ-

лаетъ... Вотъ точь-въ-точь, какъ пріѣзжіе на ярмарку паяцы... Тѣ, спасибо, изъ-за денегъ кривляются. Одинъ лягушку на коврикѣ изображаетъ, другой клубкомъ и колесомъ вертится, третій горящую бумагу ѣстъ... Они этимъ живутъ. Ils gagnent leur pain. А вы что дѣлаете... Вы что-то изъ себя изображаете, чтобы другихъ удивить, а эти другіе надъ вами смѣются... А сами тоже ломаются... И вы тоже надъ ними смѣетесь. Вонъ Куртуа всегда говоритъ о какихъ-то les d'Orleans, а когда разъ при мнѣ спросили у него, что-то такое про нихъ, онъ такъ совралъ, что пять человѣкъ хохотали до слезъ. Это было на станціи. А вотъ Баптистъ,—когда пріѣдетъ изъ Парижа. Что онъ говоритъ?.. И зачѣмъ?!.. Вѣдь всякій чувствуетъ, что это ложь, выдумки... Да... Мнѣ часто кажется, что всѣ люди на свѣтѣ ne sont que des paillasses. Лгутъ, притворяются, стараются, чтобы на нихъ смотрѣли съ удивленіемъ, чтобъ ихъ сочли чѣмъ-то особеннымъ. Паяцъ—такой же человѣкъ, какъ и мы, на двухъ ногахъ, а онъ дѣлаетъ изъ себя лягушку и квакаетъ. И всѣ смѣются, и онъ самъ доволенъ. И вы всѣ тоже будто лягушекъ изображаете всю жизнь.

— Ma pauvre fille, вздохнула Анна.—Я видно не доживу до того, чтобъ у тебя голова справилась. Баптистъ правду говоритъ, что ты съ придурью.

— Можетъ-быть... грустно отозвалась Эльза.—Я сама иногда думаю que j'ai la tete à l'envers... Но отчего же мнѣ чувствуется, что всѣ кругомъ лгутъ... при людяхъ... Всѣ стараются быть чѣмъ-то другимъ. Вотъ госпожа Мартò, l'epicière, я ее ужасно люблю. Она добрая, честная, со мной всегда удивительно ласкова, и я знаю, что она меня тоже очень любитъ.. Сидитъ она спокойно въ лавкѣ и разговариваетъ. Со мной или съ дочерью... А какъ войдетъ какой покупатель, такъ сейчасъ она и говоритъ и даже глядитъ иначе. Даже руками двигаетъ иначе. Старается двигать красивѣе. Беретъ все кончиками пальцевъ. А когда дѣлаетъ un cornet для чего-нибудь проданнаго, то я не могу смотрѣть. Я отворачиваюсь. Мнѣ обидно или стыдно за нее. Она притворяется, если не языкомъ, то руками и пальцами лжетъ. Это еще какъ-то противнѣе.

Анна начала смѣяться.

— А ты думаешь нельзя лгать руками!? воскликнула Эльза горячо.—Нельзя? Такъ ты не понимаешь... Не видишь! А я вижу. Развѣ графиня Отвиль не лжетъ даже ногами?

— Какъ ногами? громко вымолвила и быстро обернулась Анна, что̀ бывало съ ней крайне рѣдко.

— Да... Лжетъ ногами. Я видѣла ее разъ въ полѣ съ сыновьями. Она рвала цвѣты, ходила и бѣгала какъ вотъ мы... какъ я... какъ мои товарки по школѣ. А когда она выходитъ изъ экипажа на станціи или идетъ по улицѣ въ Теріэлѣ... то дѣлаетъ что-то ногами... Шагаетъ иначе... И я знаю. Пойми, что̀ я тебѣ говорю. Я знаю. Я чувствую... Je donnerai ma boule à couper, что она дѣлаетъ то же, что̀ и старый паяцъ, когда онъ рукой посылаетъ публикѣ поцѣлуи... Но этотъ изъ благодарности. Parcequ'on le „brave"! А она зачѣмъ двигаетъ ногами не такъ, какъ ея ноги привыкли. Ты знаешь ли, я постоянно вспоминаю, что̀ говорилъ мнѣ notr pauvre bon homme. Ко всякому слову отца у меня une adoration. А я помню, какъ онъ выразился разъ про молодаго Парижанина, который былъ у насъ на ярмаркѣ и все егозилъ, кривлялся и ломался. Отецъ сказалъ: Il ferait des manières même pour les puces de son lit.

— Твой отецъ, заявила Анна сурово,—обладалъ порокомъ самомнѣнья. Онъ всѣхъ находилъ хуже себя, и глупѣе, и смѣшнѣе... До несчастья! Послѣ тюрьмы небось сталъ разсудительнѣе и менѣе заносчивъ.

— И онъ былъ правъ. Онъ могъ всѣхъ презирать. Онъ одинъ никогда не лгалъ, какъ всѣ лгутъ. А я знаю людей, которымъ бы слѣдовало давно быть въ тюрьмѣ... а они гуляютъ на свободѣ!

— Они никого не убивали! сухо замѣтила Анна, понявъ намёкъ.

— Ils sont trop laches pour ça! воскликнула Эльза.—И на убійство нужны рѣшимость и смѣлость. Они умѣютъ только хвастаться, лѣнтяйничать и тратить деньги не ими заработанныя.

— Не смѣй мнѣ этого говорить, тихо и плаксиво произнесла Анна.—Это не твое дѣло.

— Такъ не говорите про тюрьму, madame Caradol!..

— Къ слову пришлось. Я не попрекаю.

— Еще бы... За всю вашу жизнь вы не могли ни въ чемъ попрекнуть отца.

— А его пьянство... Побои...

— Это не бѣда. Мало ли порядочныхъ людей пьютъ. А пьяный не знаетъ, что̀ дѣлаетъ... По моему лучше пить, чѣмъ лукавить, лгать. Лучше убить, чѣмъ солгать! нервно вымолвила Эльза.

— Какую ты дичь порешь... покачала Анна головой.—Довольно... Съ тобой вѣдь не сговоришь... Tu es toquée.

— А вы повторяете слова мнѣнія Баптиста, не имѣя своихъ.

XIII.

Въ эту минуту Этьенъ, уже давно стоявшій на порогѣ не замѣченный ни матерью, ни сестрой, вдругъ вымолвилъ сурово.

— Bon! Voila encore les femelles en route de se chamailler.

Слова эти успокоили сразу обѣихъ спорящихъ. Эльза улыбнулась и уже ласковымъ голосомъ позвала мальчугана.

— Иди, mon gars, скажи: что̀ лучше—убить или вѣчно лгать?

— Ни то, ни другое—не слѣдъ...

— Но если заставятъ выбирать... Всегда лги или разъ убей...

— Даромъ не слѣдъ... А за дѣло убить—можно... Когда я буду большой—я пожалуй тоже кого-нибудь убью... Il me prend souvent des envies d'assommer le monde... Вотъ хоть бы тѣхъ, что ночью не даютъ тебѣ спать и принуждаютъ тебя вставать ради проѣзда.

— C'est Baptiste alors! воскликнула Анна.

— Нѣтъ. Тѣхъ, что шатаются ночью, вмѣсто того чтобы сидѣть дома и спать, угрюмо отвѣтилъ Этьенъ.

— Но ты вѣдь знаешь, что Эльза замѣняетъ Баптиста, уставшаго за цѣлый день.

— Да... конечно... отвѣтилъ Этьенъ. Дать за̀-день сто концовъ вокругъ бильярда утомительно...

Анна не выдержала, бросила на столъ кастрюльку, которую вытирала и тихо пошла изъ кухни, но затѣмъ остановилась и обернулась съ порога дверей.

— Вы не будете счастливы въ жизни! вымолвила она нѣсколько театрально. Не будете за то, что оскорбляете мать. Священное Писаніе говоритъ, что дѣти не почитающія родителей всегда несчастливы на свѣтѣ... Vous serez de pauvres malheureux.

— Mais nous le sommes déjà! вымолвилъ мальчуганъ просто и почти наивно.

Анна ушла къ себѣ въ горницу и стала терѣть платкомъ сухіе глаза. Ей иногда доставляло удовольствіе изображать изъ

себя самую несчастную, забитую женщину, оскорбляемую всѣми, даже маленькими дѣтьми.

Эльза и Этьенъ остались въ кухнѣ одни и молчали... Наконецъ дѣвочка взяла кастрюлю, вытерла ее, переложила въ нее все приготовленное матерью для соуса и поставила на огонь.

— Съ чего у васъ началось? спросилъ Этьенъ.

— Не помню.

— Съ Отвилей?

— Да... Я придралась... Мнѣ сегодня какъ-то грустно... Или я сегодня злая, презлая. На всѣхъ бы кидалась

— Пойдешь въ за́мокъ завтра.

— Да, надо... Но я выговорила двадцатьпять франковъ для тебя. И я ихъ отстою. Я ихъ даже оставлю, не отдамъ ей. Вѣдь я деньги получу и понесу сюда. Ну вотъ я прямо пройду въ Теріэль и куплю тебѣ кашнэ на осень, картузъ, сапоги и еще что-нибудь.

— А себѣ.

— Мнѣ ничего не надо.

— А башмаки? Гляди, какіе на тебѣ. Какъ ты завтра къ Отвилямъ пойдешь этакъ.

— Да. Правда. Я это забыла... Стыдно...

Эльза двинула правою ногой, поглядѣла на худую ботинку и тотчасъ же понурилась и задумалась. Дѣвочка всегда особенно сильно, съ какимъ-то болѣзненнымъ чувствомъ на сердцѣ, стыдилась неряшества или убогости своей одежды. Она тщательно старалась всегда быть чистой. Иногда она предпочитала идти къ знакомымъ въ мѣстечко боскомъ или въ сабо, нежели въ худыхъ башмакахъ. Малѣйшую дырочку на платьѣ или на чулкахъ она старательно и очень искусно заштопывала.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она всегда во всемъ отказывала себѣ ради любимца-брата, котораго считала лучше, честнѣе и умнѣе всѣхъ. А бѣдный Этьенъ хотя и былъ очень умный мальчикъ „un enfant précoce“, какъ говорили въ Теріэлѣ, но въ дѣйствительности онъ былъ явленіе не нормальное. Условія, при которыхъ онъ родился, были исключительныя. Не даромъ покойной Карадоль звалъ сына: L'enfant du malheur.

И мужъ и жена переживали тогда самое тяжелое время. Карадоль страдалъ нравственно при мысли, что онъ отбываетъ наказаніе сравнительно легкое за преступленіе, воспоминаніе о которомъ его тяготило. Анна любившая тогда мужа попрежнему,

не пылко, но просто и глупо, въ силу привычки,—тоже мучилась мыслью, что она съ дочерьми—семья преступника и вдобавокъ люди разоренные и нуждающіеся.

Выросши и ставъ на ноги мальчикъ оказался особенно вялъ тѣломъ, движеніями, походкой и пылокъ взглядомъ, мыслію, мѣткимъ словомъ и тѣмъ, что̀ называется esprit de repartie, или опредѣляется выраженіемъ: за словомъ въ карманъ не полезетъ.

На ребенка сильно повліяли особенныя условія жизни, не лады между отцомъ и матерью, намеки и шутки постороннихъ, дерзости и пинки изъ-подтишка отъ подмастерья Баптиста, наивно неосторожныя сужденія сестры Эльзы, наконецъ, вѣчно грустное лицо отца и его взглядъ исподлобья на все и на всѣхъ. Вся домашняя обстановка заставила умнаго мальчика съ болѣзненно или неестественно развивающимися умственными способностями больше приглядываться, думать и соображать нежели бѣгать, рѣзвиться и играть.

Этьенъ съ двухлѣтняго возраста уже разхаживалъ, а не бѣгалъ; а его особенностью кидающеюся въ глаза—была странная, подчасъ забавная, суровость въ голосѣ и въ лицѣ.

Когда ему пошелъ четвертый годъ, отецъ, котораго онъ любилъ болѣе всѣхъ, умеръ... изчезъ изъ дому и лежалъ тамъ... за Теріэлемъ, въ землѣ... Только позднѣе понялъ Этьенъ, что̀ такое смерть, кладбище, могила. Человѣкъ, котораго онъ ненавидѣлъ или презиралъ—насколько чувство презрѣнья доступно ребяческой натурѣ—сталъ хозяиномъ въ домѣ.

Старшая сестра тотчасъ ушла изъ дому и поселилась въ Теріэлѣ и съ нею почти прекратились всякія сношенія, другая совсѣмъ изчезла и пропала безъ вѣсти, третья осталась и его любитъ, какъ любилъ отецъ. Но она также груститъ и ей также тяжело какъ и ему.

И со смертью отца мальчуганъ сталъ еще угрюмѣе. Разумѣется, ему случалось бѣгать и кричать, случалось забавляться игрушкой, змѣемъ, случалось драться съ мальчишками Теріэля, случалось не разъ напроказить дома, изломать или разбить что-нибудь... Но все это бывало порывомъ, вдругъ, неожиданно для него и для другихъ. Бо́льшая часть дня проходила въ томъ, что онъ сидѣлъ и разсѣянно глядѣлъ о чемъ-то раздумывая.

— Что̀ ты молчишь и сидишь? спрашивали не разъ мать или сестра.

— Думаю, отвѣчалъ ребенокъ.

— О чемъ?

— А вотъ... обо всемъ...

И мальчикъ зачастую не могъ сказать о чемъ онъ думаетъ, потому что не умѣлъ или просто не находилъ словъ на своемъ дѣтскомъ языкѣ, чтобы передать тѣ мысли, которые роились въ преждевременно развитой головѣ.

На усиленные допросы любимицы сестры, Этьенъ всегда отвѣтилъ бы сущую правду, еслибы могъ... Но правдивый отъ природы, онъ отвѣчалъ:

— Не знаю. Трудно сказать. Вотъ небо синее, а деревья зеленыя. Почему? Мы ходимъ на двухъ ногахъ, а животныя на четырехъ. Почему?

Вообще на все, что̀ иногда объяснялъ Этьенъ, его сестра не могла удовлетворительно отвѣчать, ибо за ея отвѣтомъ неминуемо возникалъ опять тотъ же вопросъ:

— Почему?

Чаще всего Этьенъ говорилъ объ отцѣ, зачѣмъ онъ умеръ, когда многіе отцы живы. Зачѣмъ у нихъ въ домѣ чужой человѣкъ командуетъ, когда у другихъ вдовъ такихъ пріятелей нѣту.

Эльза давно привыкла къ характеру брата и привыкла говорить съ нимъ какъ со взрослымъ. Анна судила сына словами покойнаго мужа: Enfant du malheur—и думала, что этимъ все объясняла.

Баптистъ опредѣлялъ характеръ мальчика по своему и говорилъ:

— Une mauvaise nature. Онъ тоже будетъ въ тюрьмѣ.

Когда случалось ему бросать эту злую фразу мальчику, Этьенъ отзывался озлобляясь:

— Et pourquoi pas!

XIV.

— Да... Кашнэ на зиму, сапоги, картузъ... Это не шутка... Все самое нужное... И вдругъ... Неожиданно!.. А еслибы не это... не Этьенъ—ни за что̀ бы не пошла въ за́мокъ!

Такъ думала дѣвочка волнуясь...

Мысль отправляться въ за́мокъ Отвиль для чего-то очень страннаго, для какого-то особеннаго занятія, смущала ее. Она хорошо знала графиню и ея двухъ мальчиковъ, которые часто проѣзжали черезъ заставы въ Теріэль или на станцію желѣзной дороги. Раза два, не болѣе, вскользь видѣла она стараго графа, такъ какъ онъ жилъ всегда въ Парижѣ, являлся въ за́мокъ

только лѣтомъ, но и то проѣзжалъ всегда въ закрытой каретѣ. Чаще видала она молодаго человѣка, красиваго франта, который былъ ей почему-то столько же непріятенъ, какъ и работникъ съ мельницы Филиппъ. Онъ ни разу не заговорилъ съ ней, но взглядъ его всегда сердилъ Эльзу. Это былъ сынъ графа отъ перваго брака, уже тридцатилѣтній виконтъ Отвиль.

Раза три, четыре случилось Эльзѣ, гуляя около зáмка вмѣстѣ съ братомъ, встрѣчать графиню съ дѣтьми и говорить съ ней, и только одинъ разъ пришлось ей отправиться въ зáмокъ по дѣлу. Ея большой другъ, Фредерикъ, зайдя по дорогѣ и чувствуя себя хворымъ, попросилъ дѣвочку доставить въ зáмокъ маленькую посылку, и Эльза съ удовольствіемъ исполнила порученіе, передавъ ее привратнику зáмка.

Теперь же придется быть въ самомъ зáмкѣ. Если дѣвочка иногда конфузилась въ обществѣ разныхъ буржуа Теріэля, то мысль очутиться среди важныхъ и высокопоставленныхъ лицъ должна была еще болѣе смущать ее.

Вечеромъ послѣ ужина Баптистъ объявилъ ей, что она можетъ спать спокойно всю ночь, такъ какъ онъ самъ будетъ вставать для заставъ. Эльза удивилась. Баптистъ поспѣшилъ добавить, что это вовсе не есть любезность, а необходимость.

— Если есть дураки, которые даютъ деньги за твою рожу, то нужно, чтобъ она была не сонная и не измятая. Тебѣ нужно хорошенько выспаться. Я и безъ того опасаюсь, что онъ видѣлъ тебя только ночью и даже не при свѣчкѣ, а при спичкѣ! Пожалуй онъ ахнетъ, какую обезьяну собрался лѣпить изъ глины.

Часовъ въ десять сторожевой домикъ уже стоялъ темный, такъ какъ огонь былъ потушенъ. Эльза и Этьенъ спали въ своей маленькой горницѣ на вышкѣ. Внизу уже раздавался храпъ Баптиста. Эльза, проспавъ часа полтора глубокимъ сномъ, проснулась, вспомнила о предстоящемъ посѣщеніи зáмка и снова начала волноваться. Она вертѣлась въ постелѣ, не имѣя возможности опять заснуть.

Около полуночи раздался окликъ проѣзжаго. Три раза прохлопалъ онъ бичемъ и прокричалъ слова:

— La barrière!

Эльза прислушалась и убѣдилась, что Баптистъ не двигается. Проѣзжій, потерявъ терпѣніе, приблизился къ окнамъ и прооралъ:

— Переколѣли что̀ ли всѣ въ этой конурѣ? И онъ началъ бичемъ стучать въ окошко кухни.

Эльза быстро вскочила съ постели, въ нѣсколько секундъ накинула платье и большой платокъ, и быстро спустившись по лѣсенкѣ, выскочила съ ключемъ. Предъ заставой стояла телѣга. Высокій и плечистый блузникъ встрѣтилъ дѣвочку уже у самаго крыльца и, грозя бичемъ, выговорилъ грубо:

— Что же вы, чортъ васъ подери, дрыхнете! Вы отпираете заставы только au son de la trompette du jugement dernier. Ну! живо! Дьяволёнокъ.

Ни слова не отвѣтивъ на грубость, Эльза пропустила проѣзжаго, снова заперла обѣ заставы и хотѣла идти въ домъ. Но въ то же мгновеніе она услыхала среди тишины окрестности звукъ отъ шибко катящагося по шоссе экипажа. Должность, которую она справляла уже около двухъ лѣтъ, сдѣлала ея слухъ особенно чуткимъ. По одному звуку, хотя бы очень далекому, она могла всегда опредѣлить родъ экипажа или количество лошадей. Теперь очевидно катилась большая карета или коляска парой.

Эльза собралась снова отворять заставы, но въ то же самое время, съ противоположной стороны, у станціи, раздался свистокъ, и затѣмъ характерный хрипъ толчками, какъ бы вздохи вырывавшіеся изъ пасти огромнаго животнаго. Товарный поѣздъ двинулся отъ платформы къ мосту и почти одновременно къ самымъ заставамъ подкатила коляска съ парой красивыхъ лошадей. Эльза тотчасъ узнала ихъ... Это были лошади изъ Отвиля, но въ коляскѣ при свѣтѣ мѣсяца она разглядѣла совершенно незнакомаго ей господина.

— Dites donc, Gazelle! крикнулъ кучеръ.—Мы право успѣемъ проѣхать. Пустите.

— Не могу! откликнулась Эльза.—Слышите, поѣздъ уже вышелъ, идетъ.

И быстро найдя фонарь и спички около столба заставы, гдѣ онѣ оставлялись на ночь, она зажгла огонь, и стала предъ полотномъ дороги—signaler le train.

— Soyez gentille. Ей-Богу, успѣемъ проѣхать, говорилъ кучеръ, любезно и ласково. Голосъ его послѣ грубаго блузника прозвучалъ какъ-то еще мягче. Она невольно разсмѣялась и вымолвила:

— Неужели вамъ, monsieur Charles, такъ хочется быть убитымъ? Если такъ, то мало ли на свѣтѣ другихъ способовъ самоубійства? По крайней мѣрѣ тогда я въ отвѣтѣ не буду, ни предъ Богомъ, ни предъ начальствомъ.

Господинъ, сидѣвшій въ коляскѣ, спросилъ что-то у кучера.

— Да-съ, служитъ тутъ... Эльза-Газель, отвѣтилъ этотъ оборачиваясь съ козелъ и, на новый вопросъ господина, прибавилъ:

— Не знаю... Всѣ такъ зовутъ. И я тоже.

— А лошади не испугаются? громче и какъ бы вдругъ спохватившись, выговорилъ проѣзжій.

— Нѣтъ. Онѣ у насъ привыкли. Имъ въ самую морду, бываетъ, свиснетъ иной подлецъ машинистъ – и то ничего.

— Ну, я все-таки лучше сойду...

И выйдя изъ коляски на шоссе, проѣзжій приближался къ самой заставѣ, гдѣ стояла Эльза. Дѣвочка вспомнила, что на ней кое-какъ накинуто и совсѣмъ не застегнуто платье, волосы черезчуръ взлохмачены послѣ постели. Она быстро накинула платокъ на голову, скрестила его крѣпко на груди и повернулась совсѣмъ спиной.

Господинъ, ставъ за ней вплотную, облокотился на заставу и вымолвилъ страннымъ голосомъ, будто думая о чемъ-то другомъ.

— Васъ зовутъ Газель?

— Меня! произнесла дѣвочка, не оборачиваясь и проворчала себѣ подъ носъ: вѣчно тотъ же вопросъ!

— Почему васъ такъ зовутъ?

Эльза не отвѣтила и глядѣла въ сторону громыхавшаго вдали поѣзда.

— Странное это имя! вымолвилъ господинъ будто себѣ самому. Эльза снова ничего не отвѣтила и подумала про себя.

— Еще страннѣе, какъ ты говоришь! Фредерикъ странно говоритъ по-французски, потому что онъ Альзасецъ, а ты еще чуднѣе произносишь слова. Должно быть иностранецъ

И ей очень захотѣлось видѣть лицо человѣка такъ произносящаго французскія слова, какъ она еще никогда не слыхала. Обернуться ей не хотѣлось. Она догадалась и тотчасъ перебѣжавъ на другую сторону полотна, стала противъ него и наведя фонарь, ярко освѣтила его съ головы до ногъ.

— Tiens! подумалось ей. А на видъ Французъ.

Дѣйствительно, лицо господина съ черными усами и острою бородкой une imperiale—показалось ей совсѣмъ обыкновеннымъ, но его черезчуръ серьезное лицо, большіе, задумчивые и странно устремленные глаза, особенная поза, будто даже унылая — все почему-то заинтересовало дѣвочку. Эльза знала, что благодаря

фонарю, ее самое совершенно невидно, но она все-таки поправила платокъ и снова плотнѣе скрестила его на груди.

Поѣздъ гудѣлъ уже близко, Эльза подняла выше руку съ фонаремъ. Не прошло тридцати секундъ, что она и проѣзжій стояли у двухъ заставъ, глядя другъ на друга черезъ полотно желѣзной дороги, какъ появился товарный поѣздъ. Онъ не пролетѣлъ гулко, а какъ бы протащился мимо нихъ, медленно, грузно, будто отбивая тактъ колесами и мигая просвѣтами между вагоновъ. Каждый разъ передъ глазами Эльзы въ этомъ просвѣтѣ появлялась на мигъ ею же освѣщаемая фигура господина облокотившагося на заставу.

— Если онъ запоздаетъ сѣсть въ экипажъ, я успѣю спросить г. Шарля! рѣшила она.

Когда послѣдній вагонъ промелькнулъ мимо, Эльза потушила фонарь, отворила заставу и перебѣжала съ ключемъ къ другой. Но господинъ не двигался и мѣшалъ ей. Эльза подумала было, что это одинъ изъ тѣхъ проѣзжихъ, которые любятъ глупо шутить у заставъ, забывая, что человѣку, выбѣгающему поневолѣ на улицу среди ночи и сна, далеко не до смѣха и шутокъ. Но приглядѣвшись, дѣвочка увидала, что онъ просто задумался настолько глубоко, что забылъ, какъ стоитъ, опираясь на заставу, которую нужно отворять.

— Позвольте... выговорила она, вкладывая ключъ въ замокъ.

— Что̀? разсѣянно спросилъ онъ.

— Позвольте отворить.

Проѣзжій поглядѣлъ на нее, потомъ себѣ на руки, и вдругъ придя въ себя, вымолвилъ, улыбаясь:

— Ахъ, pardon!

И онъ какъ будто слегка сконфузился, почувствовавъ себя въ глупомъ положеніи. Когда застава растворилась, онъ тронулъ пальцами шляпу и выго̀ворилъ:

— Bonsoir!

— Bonne-nuit, monsieur! шутливо и ласково поправила его Эльза!

— Ахъ да... Правда. Доброй ночи, отозвался онъ, и двинулся пѣшкомъ черезъ рельсы.

Когда экипажъ поровнялся съ ней, она близко подскочила къ козламъ и на ходу произнесла шепотомъ:

— Господинъ Шарль, кого это вы везете? Онъ не Французъ?

— Нѣтъ, мамзель Газель, иностранецъ. Гость графа и графини! тихо отвѣтилъ кучеръ.

— Вѣрно Нѣмецъ или Швейцарецъ?

— Охъ, нѣтъ, Полякъ, что̀ ли? Не помню... Но вѣрно знаю, что онъ... Кажется...

Эльза не разслышала послѣднихъ словъ. Кучеръ быстро переѣхалъ черезъ полотно дороги, господинъ сѣлъ, и экипажъ тотчасъ умчался.

Она затворила обѣ заставы и пошла домой, но вдругъ остановилась и вскрикнула. Она вспомнила и сообразила, что когда растворяла заставы, то платокъ ея распахнулся на груди, обнажая голую шею и открывая бѣлую сорочку подъ растегнутымъ воротомъ платья. И стоя теперь одна, дѣвочка оглядѣвъ себя вспыхнула отъ стыда, сообразивъ, что проѣзжій положительно видѣлъ ее въ такомъ видѣ.

„Ну, что̀ же дѣлать, c'est fait!“ вздохнувъ подумала она и двинулась домой. „Можетъ никогда больше въ жизни не увидимся“.

— Полякъ? думалось ей чрезъ мгновеніе,—странно. Совсѣмъ не похожъ на этакого.

Когда Эльза проходила чрезъ спальню, чтобы подняться по лѣсенкѣ къ себѣ въ горницу, Баптистъ окликнулъ ее въ темнотѣ.

Для Эльзы Полякъ былъ нѣчто враждебное, тоже что Еврей или Корсиканецъ. Разумѣется по милости ненавистнаго ей Баптиста.

— Что̀ тамъ было? спросилъ онъ.—Кто тутъ ругался?

Эльза объяснилась.

— Я проспалъ, но теперь спи, я буду вставать.

— Я врядъ ли опять засну, холодно сказала Эльза,—поэтому если желаете...

— Ахъ, отстань! Вѣчныя противорѣчія! вскрикнулъ онъ и зашевелился на постелѣ, поворачиваясь на другой бокъ.

— Что̀ такое? послышался голосъ Анны.

— Ничего! Спи! рѣзко отозвался Баптистъ.

Эльза поднялась къ себѣ и сбросивъ платокъ и платье, снова улеглась въ постель. Но спать ей не хотѣлось. Едва положила она голову на подушку, какъ снова ей представилось ясно, какъ она вкладываетъ ключъ въ замки, а платокъ распахивается на груди, обнажаетъ всю шею, и бѣлую сорочку подъ растегнутымъ на груди платьемъ.

— И какъ нарочно иностранецъ отъ Отвилей. Ну, пусть бы какой крестьянинъ. Ну да авось никогда больше не явится сюда.

XV.

При выѣздѣ изъ мѣстечка Теріэль, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ послѣднихъ домовъ, стоялъ сравнительно большой двухъэтажный домъ, съ большимъ дворомъ и очень большимъ садомъ, гдѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ рядовъ тополей аллеями, были только плодовыя деревья.

Домъ этотъ былъ аригинальной архитектуры. Но во всемъ было что-то красиво тяжеловатое. Подобныя очертанія, линіи и углы могли бы идти къ зданію большихъ размѣровъ. Это былъ тотъ стиль, который появился во времена Наполеона III, когда Парижъ быстро разростался во всѣ стороны, а пустые парки, въ томъ числѣ и паркъ, конфискованный у Орлеанскихъ принцевъ— покрывались новыми домами въ глубинѣ дворовъ и садовъ и окрещивались итальянскимъ словомъ „вилла“ или англійскимъ „коттеджъ“.

Домъ принадлежалъ мѣстному буржуа, Грожану, быстро разбогатѣвшему на глазахъ у всѣхъ лѣтъ за двадцать.

Имѣя въ молодости не болѣе трехъ тысячъ дохода, Грожанъ, потерявъ отца и оставшись одинъ на свѣтѣ, сталъ часто отлучаться въ Парижъ. Скоро онъ почти раззнакомился съ теріэльцами, пріятелями отца, и всѣ, конечно, были убѣждены, что двадцатипятилѣтній Грожанъ ѣздитъ въ Парижъ кутить и скоро его небольшой домикъ съ землей, полученный въ наслѣдство, будетъ проданъ съ аукціона за долги. Однако прошли года, Грожанъ не разорился, а напротивъ, аккуратно подновлялъ отцовскій домикъ. Причины своихъ частыхъ отлучекъ въ Парижъ Грожанъ почти никому не объяснялъ, отвѣчая кратко, что у него есть дѣла. Иногда случалось ему пропадать на цѣлую недѣлю, но онъ все-таки снова возвращался и снова пробывалъ день, два въ Теріэлѣ. Вообще, разъѣзжая, онъ проводилъ половину времени года у себя дома и половину въ Парижѣ. Только лѣтомъ исчезалъ онъ надолго, ради того, чтобы сдѣлать дальнее путешествіе.

Прошло лѣтъ восемь, и однажды явились рабочіе, разрушили маленькій домъ и начали строить другой, который для Теріэльцевъ, сравнительно съ другими домами, казался полудворцомъ.

То, что̀ было прежде тайной, теперь уже давно стало извѣстно

всѣмъ. Грожанъ велъ долго счастливую игру на биржѣ, но не увлекся, какъ многіе, не сталъ гоняться за милліонами и во время бросилъ азартъ и предательскій путь наживы. Хотя всѣ его биржевые друзья и маклеры признавали въ немъ la bosse de la hausse et la baisse, онъ занялся всякаго рода вѣрными предпріятіями въ компаніи съ солидными людьми.

Попавъ компаніономъ въ одно изъ самыхъ выгодныхъ по времени предпріятій, онъ сразу удвоилъ свое состояніе. Его компаніонъ нажилъ сотни тысячъ, онъ нажилъ десятки. Предпріятіе это было то, которое въ то время сводило всѣхъ съ ума, какъ новость и какъ вѣрная нажива, а именно добыча газа. Вся Европа начинала освѣщаться на новый ладъ и всѣ газовыя общества всѣхъ странъ наживали огромные капиталы.

Разумѣется, будучи уже мѣстнымъ богачемъ. Грожанъ тотчасъ же составилъ и у себя общество и освѣтилъ газомъ Теріэль. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ должностнымъ лицомъ своего мѣстечка, почти сталъ сановникомъ и уже подписывался Graujant, бросивъ настоящее правописаніе.

Послѣ окончанія большаго и красиваго дома, домохозяинъ обзавелся всевозможнымъ комфортомъ. Въ домѣ появилась не только изящная мебель изъ Парижа, но появились и картины, появились породистыя лошади и красивые экипажи.

Вскорѣ уже Теріэль ко всему этому привыкъ, но однажды вновь всполошился. Въ домѣ появилась красивая и бойкая молодая женщина. Послѣ всякихъ разспросовъ наемной изъ Парижа прислуги, Теріэльцы узнали, что дама не жена Грожана.

Живя на правахъ полновластной хозяйки, она изрѣдка отлучалась въ Парижъ вмѣстѣ съ буржуа, и однажды мѣсяцевъ черезъ восемь уѣхала и уже не вернулась. Багажъ ея былъ высланъ на ея имя въ Парижъ. Черезъ два мѣсяца въ домѣ появилась другая дама, менѣе красивая, но болѣе скромная и приличная на видъ и вступила въ тѣ же права. Теріэльцы стали ждать и ея исчезновенія, но однако прошло болѣе года и ничего подобнаго не случилось.

За это же время въ одномъ изъ домиковъ Теріэля появилась и поселилась пріѣзжая семья: пожилая женщина съ тремя дочерьми. Самая маленькая, лѣтъ семи, была красива и страшно смугла, почти черна лицомъ, вторая, лѣтъ двѣнадцати, была прелестна, а восемнадцатилѣтняя дочь просто поражала всѣхъ своею типическою красотой. Кромѣ того, она неотразимо прельщала

всѣхъ своею скромною любезностью при горделивой осанкѣ. Вскорѣ она всѣхъ очаровала, отъ старпковъ до дѣтей включительно.

— Эта Ренъ—настоящая королева! говорили всѣ.

И скоро это прозвище Rène-la-reine стало извѣстно всѣмъ и осталось за ней навсегда.

Вскорѣ послѣ появленія семьи Карадоль, однажды, во время маленькой ярмарки въ Теріэлѣ въ новогодніе праздники, Грожанъ встрѣтилъ молодую Ренъ и тотчасъ же началъ усиленно ухаживать за ней. Обстоятельства, въ которыхъ находилась вся семья, были какъ нельзя болѣе благопріятны для всякаго рода плановъ и намѣреній человѣка независимаго и богатаго.

Однако Ренъ вела себя безукоризненно, и ея репутація соотвѣтствовала ея горделивой фигурѣ. Не только въ кокетствѣ самомъ невинномъ нельзя было ее упрекнуть, но она даже не любила болтать съ молодежью, а съ кучей всякихъ ухаживателей обращалась настолько высокомѣрно и съ высоты своего величія, что клевета не могла коснуться ее.

Тѣмъ не менѣе, Грожанъ,—Цезарь въ деревнѣ,—хотя и не скоро и съ трудомъ, но обратилъ на себя милостивое вниманіе „королевы Ренъ“. Однажды женщина, жившая въ его домѣ, вдругъ исчезла такъ же, какъ и первая. Грожанъ остался одинъ. Вскорѣ мѣстные охотники до чужихъ дѣлъ, сплетники и болтуны разнесли удивительную молву, что la reine видѣли, и не разъ, входящую вечеромъ въ садовую калитку дома Грожана. А прежде этой калитки не было, и ее, пробивъ стѣну, сдѣлали вдругъ! Въ какіе-нибудь три дня! Неизвѣстно зачѣмъ!

Вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумные люди спорили, что умная, степенная и чрезвычайно красивая дѣвушка слишкомъ благоразумна, чтобы броситься зря и легко на скользкій и двусмысленный путь. Еслибъ она стремилась къ этому по своей натурѣ, то могла бы уѣхать въ Парижъ и найти тамъ человѣка еще болѣе богатаго, нежели Грожанъ.

Ренъ однако дѣйствительно сошлась съ пожилымъ буржуа, но проводя у него всякій вечеръ, жила съ матерью.

Одновременно мѣстный нотаріусъ сообщилъ кое-что по секрету своей женѣ и такъ какъ онъ умолялъ супругу ни слова никому не говорить, то разумѣется на другой же день двѣ ея пріятельницы и ихъ мужья узнали все. И въ Теріэлѣ стало извѣстно, что красавица Ренъ, прежде чѣмъ рѣшиться переступить садовую калитку, заставила богача буржуа подписать одну бумагу. Это

была une donation со стороны Грожана, въ случаѣ если онъ разстанется съ Ренъ.

Теріэльцы, болтая отъ праздности, вскорѣ довели эту сумму до ста тысячъ, но въ дѣйствительности донація была въ суммѣ пятнадцати тысячъ.

Пріятель Грожана Бретейль первый явился предупредить богача, что по собраннымъ имъ справкамъ, Карадоль, сидящій въ тюрьмѣ—человѣкъ, съ которымъ шутить опасно. Но Грожанъ, разсчетливый и практикъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, отвѣчалъ пріятелю, что за четыре мѣсяца до выпуска Карадоля изъ тюрьмы его возлюбленной минетъ двадцать одинъ годъ, и она выйдетъ изъ-подъ отцовской власти.

Дѣйствительно, когда Карадоль появился въ Теріэлѣ, то не произошло ничего особеннаго. Вдобавокъ семья съ его появленіемъ продолжала нуждаться. Самъ онъ, когда-то гордый и пылкій человѣкъ и почти богатый землевладѣлецъ, теперь былъ опозореннымъ человѣкомъ и отъ нужды рабочимъ-слесаремъ.

Чрезъ три года, когда отецъ Ренъ слегъ и умеръ, она тотчасъ же переѣхала въ домъ Грожана и вступила въ права хозяйки. Одновременно съ ней появился въ домѣ и четырехлѣтній мальчикъ, котораго скрывали гдѣ-то отъ Карадоля. Чрезъ мѣсяцъ перебралась въ домъ и сестра Марьетта, которой было уже восемнадцать лѣтъ. Дѣвушка была совершенною противоположностью сестры и внѣшностью, и характеромъ. Насколько Ренъ была величаво спокойна и степенна въ привычкахъ и во вкусахъ, настолько Марьетта была жива, пуста и легкомысленна. И если Ренъ была горделивою креолкой, то Марьетта, уродившаяся въ мать, походила на граціозную егозу и бѣлокурую Нѣмку.

Не прошло мѣсяцевъ шести послѣ переѣзда двухъ сестеръ къ Грожану, какъ въ домѣ начались домашнія распри. Ренъ имѣла основаніе ревновать возлюбленнаго къ своей сестрѣ. Грожанъ былъ искренно привязанъ къ ней, но она знала, что онъ дозволялъ себѣ постоянно въ Парижѣ маленькія невѣрности, des escapades et des amourettes. Она поняла, что ему вздумалось включить и попрыгунью Марьетту въ число своихъ капризовъ.

Ренъ стала требовать удаленія сестры и настойчиво стояла на томъ, что иначе выѣдетъ изъ дому вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ и вдобавокъ вновь беременная... Быть-можетъ увлекшійся и досадовавшій Грожанъ и согласился бы на это, но ребенокъ, къ которому онъ привыкъ и эта новая беременность явились

камнемъ преткновенія. Мальчикъ, значившійся по записи отъ Ренэ Карадоль и d'un père inconnu, вполнѣ принадлежалъ по закону своей матери.

Глупо увлекшійся веселою кокеткой, ловкою и назойливою Марьеттой, Грожанъ боролся довольно долго между любовною вспышкой и довольно серьезнымъ чувствомъ къ ребенку и его матери. Онъ клялся своей возлюбленной, что это простая прихоть и что онъ вскорѣ броситъ Марьетту и снова будетъ ей вѣренъ, но Ренъ не уступала.

И однажды истерзавшаяся женщина уже хлопотала въ своей комнатѣ и, обливаясь слезами, разбирала бѣлье, вещи и посылала въ Парижъ купить нѣсколько сундуковъ. Въ домѣ пахло катастрофой. Но дѣло вдругъ рѣшилось очень просто.

Вслѣдствіе ли всякихъ ея обѣщаній Марьеттѣ, или ея моленій и упрашиваній, или вслѣдствіе собственной легкомысленной натуры, но Марьетта вдругъ исчезла изъ дома Грожана и, пробывъ съ недѣлю у матери, на разспросы его велѣла отвѣчать, что ее нѣтъ. Затѣмъ однажды утромъ, напившись кофе вмѣстѣ съ Анной и съ сестрой, она сообщила на ушко тринадцатилѣтней Эльзѣ, что она уѣзжаетъ въ Парижъ и вернется не скоро.

— Зачѣмъ? спросила дѣвочка. По какому дѣлу?

— Chercher le bonheur! разсмѣялась Марьетта. Дѣвочка, бывавшая часто очень наивною, поняла по своему и серьезно спросила:

— А гдѣ находится le bonheur? Знаешь ли ты хорошо, гдѣ и какъ найти его? Парижъ, говорятъ, страшно великъ.

— Нѣтъ, не знаю, но я буду разспрашивать.

Разумѣется Эльза понемногу сообразила о чемъ говоритъ сестра, разсудивъ, что счастіе не есть ни кварталъ, ни магазинъ, ни фамилія какого-либо лица. И дѣвочка рѣшила въ тотъ же день сообщить матери объ этомъ рѣшеніи сестры.

Въ сумерки Марьетта вышла погулять, а Эльза передала матери все, что̀ знала, и Анна взволновалась. Она предпочитала, чтобъ обѣ взрослыя дочери пристроились въ Теріэлѣ у нея на глазахъ. Она тотчасъ же посовѣтовалась съ Баптистомъ, который въ это время всячески хлопоталъ о томъ, чтобы получить мѣсто сторожа на желѣзной дорогѣ съ маленькою квартирой и былъ не прочь сбыть съ рукъ лишнюю жилицу и лишній ротъ. Однако онъ обѣщался Аннѣ обратиться за помощью и совѣтомъ къ тому же Грожану, чтобъ удержать дѣвушку отъ погибельнаго шага.

— Paris! смѣялся Бантистъ.—Въ одну недѣлю времени elle sera fichue!

Но рѣшеніе и планы ихъ не повели ни къ чему, такъ какъ прошелъ весь вечеръ, наступила ночь, а вышедшая изъ дому погулять Марьетта не появлялась.

И съ этого дня никто не видалъ ее.

Разумѣется, миръ и тишина наступили въ домѣ Грожана. Его влюбленность въ Марьетту скоро прошла и оказалась вдобавокъ на счастье Ренъ послѣднею вспышкой. Надъ всѣми своими прежними amourettes онъ всячески смѣялся, а этой послѣдней онъ даже отчасти стыдился. А все, что̀ Ренъ выстрадала на его глазахъ, привязало его къ ней еще сильнѣе, и онъ любилъ ее теперь болѣе, чѣмъ когда-либо. Теперь ему бросилось въ глаза то, чего онъ не замѣчалъ прежде. Онъ увидѣлъ, что Ренъ, которой хотя уже двадцать семь лѣтъ, тѣмъ не менѣе, много красивѣе восемнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ и женщинъ, которыхъ онъ встрѣчаетъ повсюду и даже въ Парижѣ. Кромѣ того, онъ, казалось, только теперь понялъ, насколько Ренъ была глубоко привязана къ нему, насколько была тиха, ровна характеромъ, правдива, степенна, и, наконецъ, какъ серьезно было вообще ея отношеніе къ жизни.

Вскорѣ появился на свѣтъ другой ребенокъ—тоже мальчикъ, но онъ былъ записанъ уже иначе. О неизвѣстномъ отцѣ не было ни слова и въ метрикѣ рядомъ съ именемъ матери стояло имя: Eustache Granjant.

Это была уже большая побѣда любви и преданности надъ эгоизмомъ и практичностью, но кротко настойчивой красавицѣ мерещилось въ будущемъ нѣчто болѣе серьезное, о чемъ она никогда никому не заикнулась. Даже у исповѣди, на вопросъ духовника, имѣетъ ли она намѣреніе и надежду когда-либо загладить свой грѣхъ законнымъ бракомъ—Ренъ отвѣчала уклончиво:

— Que la volonté de Dieu se fasse!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Гр. Саліасъ.

ТУНИСЪ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ.

Мусульмане съ презрѣніемъ смотрятъ на наше земное существованіе. Оно для нихъ важно настолько, насколько оно подготовляетъ человѣка къ другой формѣ жизни, начинающейся послѣ смерти и приводящей путемъ разныхъ измѣненій къ мученіямъ или блаженству. Этими понятіями и опредѣляется особая теократическая форма государствъ, исповѣдающихъ исламъ. Правители мусульманскихъ народовъ прежде всего верховные пастыри, поставленные на землѣ для того, чтобы вести людей къ другой загробной формѣ жизни убѣжденіемъ или силой. Поэтому они являются, главнымъ образомъ, блюстителями религіозной обрядности и предводителями священной войны. Отсюда также ихъ полное пренебреженіе къ государственнымъ мірскимъ задачамъ. Они не думаютъ ни о благосостояніи своихъ подданныхъ, ни о правильномъ отправленіи правосудія, ни объ экономическомъ развитіи страны; личные ихъ капризы и прихоти при этомъ, не зная границъ, не встрѣчаютъ преградъ въ заботахъ о процвѣтаніи отечества, понятія о которомъ у нихъ даже не существуетъ, и безпечность простирается до того, что правители, смѣняя одинъ другаго, не задумываются даже надъ дальнѣйшею судьбой своей собственной династіи. Такой государственный строй не можетъ имѣть, разумѣется, надлежащей прочности и приводитъ, наконецъ, къ полному разложенію. Но въ томъ случаѣ, когда мусульманскія страны соприкасаются съ европейскою цивилизаціей, или скорѣе съ внѣшними ея формами, то разложеніе это совершается еще быстрѣе. Являются капиталисты, которые знакомятъ правителей съ легкимъ и дорогимъ кредитомъ, воздвигаются роскошныя

и ненужныя постройки, остающіяся недоконченными или разрушающіяся отъ нерадѣнія; естественныя богатства страны, на которыя не обращается вниманія, становятся предметомъ вожделѣній безсовѣстныхъ европейскихъ эксплуататоровъ, и государственные долги, все увеличиваясь и увеличиваясь, незамѣтнымъ, но вѣрнымъ шагомъ ведутъ сначала къ разоренію, а затѣмъ и къ экономической опекѣ, которая при содѣйствіи представителей европейскихъ державъ, соперничающихъ другъ съ другомъ въ интригахъ, приводитъ, наконецъ, къ иноземному политическому протекторату. Такимъ образомъ, разрушаются мусульманскія государства. Понятно, послѣ того, что мусульманское населеніе, сталкиваясь съ такими темными сторонами европейской цивилизаціи, становится къ ней во враждебныя отношенія и что нѣкоторыя страны, какъ напримѣръ Марокко, совершенно отъ нея замыкаются, предпочитая медленную, естественную смерть отъ внутренняго истощенія быстрой и искусственной гибели съ помощью иностраннаго яда. Но прикосновеніе съ Европой и всегда было гибельно для мусульманскаго міра. Было время, когда между государствами, исповѣдующими исламъ, и сосѣдними христіанскими державами существовало общеніе и взаимодѣйствіе. Такъ, напримѣръ, въ XI и XII вѣкахъ въ Тунисѣ и Марокко существовали еще епископскія каѳедры, христіанскіе воины сражались подъ знаменами султановъ, мусульманскіе ученые и поэты окружали христіанскіе дворы Кастиліи и Сициліи, въ Тунисѣ, при династіи Гифсидовъ,[1] почти безпрерывно управлявшей страной до занятія ея Турками, проникали европейскіе придворные нравы, устраивались средневѣковыя охоты въ правильно содержимыхъ для того лѣсахъ, съ участіемъ въ нихъ даже придворныхъ женщинъ. Но эти времена давно прошли. Въ послѣдніе годы мы замѣчаемъ, напротивъ того, возрожденіе мусульманства въ болѣе враждебномъ Европѣ духѣ; представителемъ этого направленія въ особенности является опасное братство Сенусси,[2] распространяющее все болѣе и болѣе свое вліяніе среди мусуль-

---

[1] Династія эта происходитъ отъ Гафса, одного изъ сподвижниковъ Марокскаго махди Альмохадовъ Абдулъ-Мумена. Сначала Гафсиды были только правителями Туниса, а потомъ стали самостоятельными властителями.

[2] Братство это основано во второй четверти настоящаго столѣтія и центръ его находится въ Триполійскомъ оазисѣ Джербубъ. Цѣль его—выселеніе мусульманъ изъ странъ, занимаемыхъ христіанами, и объединеніе многочисленныхъ мусульманскихъ братствъ.

манства. Высказанныя соображенія чрезвычайно живо иллюстрируются вышедшею въ настоящемъ году книгой о Тунисѣ, принадлежащей перу талантливаго французскаго дипломата.[1] Съ историческою частью этого сочиненія не безынтересно познакомить русскаго читателя, тѣмъ болѣе, что событія, происходившія въ Тунисѣ въ настоящемъ столѣтіи, связаны съ интересами первостепенныхъ европейскихъ державъ и съ самыми выдающимися страницами ихъ исторіи.

Въ началѣ XVI столѣтія Тунисъ обращается въ турецкую провинцію, но вскорѣ турецкіе правители—деи, вслѣдствіе возстаній, перестаютъ быть хозяевами страны и получаютъ значеніе лишь посланниковъ. Ихъ замѣняютъ самостоятельные беи, избранные мѣстными янычарами, съ которыми деи ведутъ постоянную борьбу. Только съ 1705 года утверждается наслѣдственная династія беевъ, въ лицѣ Гуссейна-бенъ-Али, Грека по происхожденію и аги милиціи, его избравшей. Потомки Гуссейна и понынѣ номинально управляютъ Тунисомъ подъ французскимъ протекторатомъ.

Географическое положеніе, политическія обстоятельства и историческія преданія, уже начиная со второй четверти настоящаго столѣтія, связываютъ судьбу Туниса съ Франціей и упрочиваютъ въ немъ французское вліяніе. Въ то время объединенной сильной Италіи еще не существовало и самою могущественною сосѣднею съ Тунисомъ европейскою державой была одна Франція. Кромѣ того, утвердившись съ 1830 года въ Алжирѣ и свергнувъ власть алжирскихъ деевъ, этихъ наслѣдственныхъ враговъ тунисскихъ правителей, Франція приблизилась къ Тунису и въ Африкѣ. Эта близость создавала общіе для обѣихъ странъ интересы. Для Франціи было важно, чтобы въ Тунисѣ поддерживался порядокъ и чтобы въ немъ не находили убѣжища предводители арабскихъ возстаній, могущихъ поддерживать смуты въ Алжиріи. Со своей стороны тунисскіе беи, поощряемые примѣромъ египетскихъ хедивовъ, искали во Франціи опоры противъ усиленныхъ попытокъ Турціи къ возстановленію своихъ утерянныхъ сюзеренныхъ правъ. Такимъ образомъ, съ тридцатыхъ

---

[1] *La politique française en Tunisie*, par P. H. X. Librairie Plon. Авторомъ ея считаютъ T. d'Estournelle de Constant.

годовъ французское вліяніе въ Тунисѣ становится уже ощутительнымъ и можно сказать, что послѣдующій быстрый упадокъ и разореніе этой страны, вызвавшія иноземное вмѣшательство, было слѣдствіемъ французскаго сосѣдства и французскихъ совѣтовъ. Но независимо отъ географическаго положенія Тунисъ связывали съ Франціей и историческія преданія. Еще въ XIII столѣтіи Лудовикъ Святой мечталъ о созданіи въ Тунисѣ подчиненнаго ему полумагометанскаго, полухристіанскаго государства на подобіе государства, основаннаго норманскими герцогами въ Сициліи. Онъ предпринималъ для того походъ, не имѣвшій успѣха лишь вслѣдствіе смерти его, послѣдовавшей на развалинахъ древняго Карѳагена, во время осады имъ столицы Гафсидовъ, но воспоминаніе объ этомъ походѣ всегда живо сохранялось въ памяти Французовъ.

Слѣдуя традиціямъ восточныхъ калифовъ, тунисскіе властители уже въ концѣ XVIII столѣтія поражали своею роскошью и расточительностью. Ихъ дворъ представляется, въ разсказахъ путешественниковъ, какъ бы страницей изъ тысячи и одной ночи. Соприкоснувшись съ Франціей, тунисскіе беи поэтому прежде всего поражаются европейскимъ наружнымъ блескомъ и европейскою роскошью, которымъ и стараются подражать. Первымъ изъ такихъ беевъ былъ Ахметъ (1837—1855 гг.). Побывавъ въ Парижѣ, онъ началъ подражать Европѣ въ грандіозныхъ сооруженіяхъ. Онъ построилъ въ Порто-Фарина морской арсеналъ, военный портъ и казармы. Но только тогда, когда все было готово, замѣтили, что рѣка Меджерда, впадающая въ Средиземное море у залива Порто-Фарина, заноситъ портъ землей и что вслѣдствіе того, по мелководію, ни одинъ корабль не можетъ въ него войти. Грустнымъ, разрушающимся памятникомъ восточной безпечности стоятъ эти колоссальныя каменныя постройки и понынѣ. Другой памятникъ подражательной роскоши Ахмета представляетъ собой Мохамедія,—громадный дворецъ, воздвигнутый имъ въ двѣнадцати верстахъ отъ Туниса. Въ силу существующаго предразсудка, по которому новый бей не можетъ жить во дворцѣ своего предмѣстника, роскошная Мохамедія была оставлена, и въ настоящее время среди ея великолѣпныхъ залъ, еще сохранившихъ свои расписанныя стѣны и позолоченные карнизы, растутъ дикіе кустарники и фиговыя деревья. Построивъ казармы, Ахметъ захотѣлъ имѣть по-европейски обученныя войска. Лудовикъ-Филиппъ, по его желанію, поторопился прислать ему французскихъ

инструкторовъ. Основана была высшая политехническая школа, въ которой воспитанники нерѣдко не умѣли писать даже на своемъ родномъ языкѣ. Собранные для обученія военному дѣлу земледѣльцы равнинъ и торговцы городовъ думали лишь о томъ, какъ бы поскорѣе разбѣжаться, а горцы проявляли, напротивъ того, такую энергію, что ихъ поторопились распустить по домамъ и освободить отъ воинской повинности, опасаясь ихъ недовольства. Такимъ образомъ, на службѣ оставались только люди слабые и неспособные ни къ какому сопротивленію. Обращики этого жалкаго войска окружали еще бея въ то время, когда Французы вступили въ Тунисъ. Худые и блѣдные, въ мундирахъ французскаго покроя, они стояли на часахъ предъ казармами и, сложивъ ружья на землю, вязали чулки. Но бей все-таки захотѣлъ испытать свое войско на полѣ сраженія. Крымская война какъ разъ представляла для того удобный случай. Не имѣя въ то время соперниковъ въ Тунисѣ, Франціи не зачѣмъ было напоминать о вассальныхъ отношеніяхъ Туниса къ Турціи. Тѣмъ не менѣе посылка на Востокъ тунисскихъ войскъ была рѣшена. Алчный первый министръ бея, казнодаръ Мустафа, былъ на сторонѣ этой экспедиціи, которая вызывала значительныя денежныя операціи. Контингентъ вспомогательнаго войска былъ сначала опредѣленъ въ сорокъ тысячъ, но могли набрать всего только восемь тысячъ, да и то не сразу. Солдаты, разумѣется, оказались вовсе необученными, а ружья ихъ разрывались отъ выстрѣла. Употреблять ихъ въ дѣло было невозможно, и ихъ перевезли въ Батумъ, гдѣ они погибали отъ нищеты и болѣзней. Между тѣмъ бей уплачивалъ на ихъ содержаніе громадныя суммы, которыя шли въ турецкое казначейство, а потому никому не было интереса возвращать войска обратно на родину. Всѣ эти неудачныя послѣдствія европейской подражательности не остановили дальнѣйшихъ попытокъ въ томъ же направленіи. Наслѣдникъ Ахмета, его двоюродный братъ Магометъ, Арабъ по образу жизни и вкусамъ, хотя и былъ нерасположенъ къ европейскимъ новшествамъ, но, слѣдуя совѣтамъ консуловъ, оставилъ при себѣ всесильнаго казнодара. При немъ обнаружились политическіе результаты участія Туниса въ Крымской войнѣ. Участіе это, какъ и слѣдовало ожидать, повело къ нѣкоторому сближенію Туниса со Стамбуломъ. По примѣру султана, отъ котораго союзники добились обнародыванія европейскихъ реформъ, бей былъ также приглашенъ заняться полнымъ преобразованіемъ своего управ-

ленія. Въ то время блестящимъ представителемъ Франціи въ Тунисѣ былъ Леонъ Рошъ, прибывшій туда въ 1855 году. Жизнь его была полна приключеній. Выдавая себя за мусульманина, онъ снискалъ дружбу извѣстнаго алжирскаго вождя Абхелькадера, и въ качествѣ его секретаря участвовалъ съ нимъ въ разныхъ походахъ противъ непокорныхъ племенъ. Предъ послѣднею борьбой Абхелькадера съ Французами онъ бѣжалъ обратно къ своимъ соотечественникамъ и сдѣлался первымъ переводчикомъ и довѣреннымъ лицомъ при маршалѣ Бюжо. Впослѣдствіи, имѣя секретное порученіе отъ французскаго правительства и выдавая себя опять за мусульманина, онъ посѣтилъ Каиръ и Мекку, гдѣ былъ узнанъ и едва за то не поплатился жизнью. Полуарабъ по нравамъ, прекрасный наѣздникъ, храбрый и краснорѣчивый Рошъ сразу пріобрѣлъ довѣріе и дружбу бея. Поэтому ему не трудно было занять первенствующую роль въ томъ, чтобы склонить его въ пользу европейскихъ реформъ, согласно получаемымъ изъ Парижа указаніямъ. Въ этомъ случаѣ онъ встрѣтилъ поддержку въ англійскомъ консулѣ Ричардѣ Вудѣ. Этотъ замѣчательно ловкій дипломатъ прибылъ въ Тунисъ вскорѣ послѣ Роша. Принявъ сначала на себя личину скромности, онъ не думалъ оспаривать выдающееся положеніе, занятое его сотоварищемъ. Бей почему-то отнесся къ нему недружелюбно и не дозволилъ ему даже помѣститься въ домѣ, который занималъ его предмѣстникъ. Рошъ пригласилъ его къ себѣ, и затѣмъ уже самъ нашелъ для него другое помѣщеніе. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ Англичанинъ отблагодарилъ за французское гостепріимство. Хотя въ дѣлѣ реформъ Вудъ дѣйствовалъ за одно съ Рошемъ, но онъ имѣлъ при этомъ совершенно иную цѣль: ему нужно было отдалить Тунисъ отъ Франціи и сблизить съ Турціей, можетъ-быть даже образовать изъ Туниса турецкую провинцію, на которую Франція не могла бы наложить своихъ рукъ, не коснувшись восточнаго вопроса. Кромѣ Роша и Вуда, третьимъ выдающимся лицомъ, повліявшимъ на бея въ смыслѣ реформъ, былъ генералъ Хейреддинъ, Тунисецъ турецкаго происхожденія. Онъ бывалъ въ Парижѣ, зналъ французскій языкъ и былъ сторонникомъ реформъ и Французовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ боялся властолюбія Франціи, а потому впродолженіи всей своей политической дѣятельности стремился къ сближенію съ Турціей, которую почиталъ менѣе опасною. Вслѣдствіе нерѣшительности характера бей Магометъ постоянно колебался между совѣтами консуловъ и Хейреддина, и

нашептываніями фанатиковъ-улемовъ, ставившихъ ему въ примѣръ марокскаго султана. Наконецъ, подъ сильнымъ европейскимъ давленіемъ Магометъ былъ вынужденъ дать обѣщаніе ввести у себя тѣ же реформы, которыя были обѣщаны и турецкимъ султаномъ. Практическимъ послѣдствіемъ этого обѣщанія было установленіе весьма значительной поголовной подати—„межба", которая должна была замѣнить прежніе произвольные налоги. На дѣлѣ же старые налоги все-таки продолжали взыскиваться. Когда совѣтчики бея уговаривали его ввести не поголовную, а пропорціональную подать, онъ очень характерно отвѣчалъ имъ: „Дѣйствительно, пропорціональная подать болѣе согласна со справедливостью, но еслибъ я ее ввелъ, то богатые подкупали бы каидовъ, чтобы быть записанными въ число бѣдныхъ, а бѣдные, не имѣя возможности этого сдѣлать, были бы записаны въ число богатыхъ." Случайное обстоятельство ускорило дальнѣйшіе шаги по пути либеральныхъ реформъ. Два смертные приговора за кощунство и прелюбодѣяніе, немедленно тутъ же приведенные въ исполненіе, вызвали общее негодованіе. Консулы забили тревогу и устыженный бей, для обезпеченія правъ своихъ подданныхъ отъ дальнѣйшаго произвола, рѣшился обнародовать нѣчто въ родѣ конституціи съ краснорѣчивыми фразами о прирожденныхъ человѣку правахъ. Въ торжественномъ засѣданіи, въ присутствіи улемовъ, консуловъ и французскихъ моряковъ, бей обязался свято исполнять этотъ такъ-называемый „Основной договоръ". Поздравленія посыпались на него изъ Парижа, и Наполеонъ прислалъ ему орденъ Почетнаго легіона. Бей, со своей стороны, не остался въ долгу. Онъ предоставилъ Франціи исключительное право на устройство телеграфныхъ линій по всей странѣ, поручилъ французскому инженеру исправленіе древняго римскаго водопровода и приказалъ построить на свой счетъ новое зданіе для французскаго консульства. Но англійскій консулъ Вудъ не дремалъ и, пользуясь временною отлучкой Роша, добился отъ бея болѣе существенной привилегіи, а именно концессіи на постройку важной желѣзной дороги отъ порта Ла-Гулетъ до города Туниса. Подобно прежнимъ беямъ, Магометъ не отличался бережливостью, но бросалъ онъ деньги все-таки не безъ счета и во всякомъ случаѣ съ большимъ вкусомъ, нежели его предмѣстники.

Построенный имъ дворецъ—„Гаремъ"—образецъ самаго чистаго

арабскаго искусства.[1] Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ его кончить: онъ умеръ въ 1859 году. Ему наслѣдовалъ братъ его Сиди-Садокъ,[2] который пріобрѣлъ раньше того общую извѣстность своею строгостью въ качествѣ „лагернаго бея". Это званіе соединялось всегда съ положеніемъ наслѣдника престола. По древнему обычаю лагерные беи во главѣ военной экспедиціи торжественно со знаменами отправлялись два раза въ годъ во внутрь страны для побужденія къ исправной уплатѣ податей и наводили страхъ на все населеніе. Подъ красивою наружностью и мягкимъ взоромъ Сиди-Садокъ скрывалъ жесткую и преступную душу. Ближайшимъ его совѣтникомъ оставался все тотъ же старый казнодаръ. Выдавая себя за сторонника Франціи, Сиди-Садокъ не только подтвердилъ основной договоръ, но находилъ его недостаточнымъ и потому приступилъ къ редакціи новыхъ кодексовъ и обѣщалъ введеніе новыхъ смѣшанныхъ судовъ. Во время посѣщенія Наполеономъ Алжиріи въ 1860 году, онъ отправился самъ туда его привѣтствовать. Между тѣмъ наступили другія времена. Объединеніе Италіи, послѣдовавшее вслѣдъ за побѣдоносными экспедиціями Гарибальди, и вмѣшательство Наполеона въ мексиканскія дѣла нанесли ударъ могуществу Франціи въ Европѣ. Это не замедлило отозваться и въ Тунисѣ и совпало тамъ съ періодомъ иностранныхъ займовъ, внутреннихъ возмущеній и европейскаго вмѣшательства, приведшихъ къ полному разоренію богатѣйшей страны. Государственныя реформы Сиди-Садока были увѣнчаны учрежденіемъ Верховнаго Совѣта изъ шестидесяти членовъ, назначаемыхъ беемъ. Безъ одобренія этого совѣта ни одно изъ распоряженій бея не могло быть приведено въ исполненіе, но такъ какъ, по проискамъ казнодара, совѣтъ былъ образованъ изъ большинства его приверженцевъ, то и неограниченная и безотвѣтственная власть бея перешла въ дѣйствительности къ нему. У бея руки оказались связанными, а казнодаръ прикрывался авторитетомъ совѣта. Плачевные результаты реформъ не замедлили обнаруживаться. Консулъ Рошъ, принимавшій въ нихъ такое дѣятельное участіе, теперь не зналъ уже къ кому обращаться; его вліяніе быстро падало и, сознавая свою ошибку, онъ вскорѣ вынужденъ былъ покинуть

---

[1] У Магомета было 1.200 женъ и наложницъ. Дворецъ его Гаремъ обращенъ въ настоящее время въ музей.

[2] При немъ послѣдовало занятіе Туниса Французами въ 1881 году.

свой постъ. Напротивъ того, значеніе Англичанина Вуда расло съ каждымъ днемъ. Онъ не только поддерживалъ новые порядки, но даже соглашался и на то, чтобъ англійскіе подданные были подсудны мѣстнымъ судамъ. Впрочемъ, не одни Французы были недовольны реформами; болѣе всѣхъ недовольны ими оставались сами Арабы. Они не чувствовали болѣе той власти, къ которой привыкли обращаться. Совѣтъ—это собраніе, то-есть непонятная для нихъ отвлеченность. Кромѣ того, въ числѣ членовъ совѣта находились разные проходимцы, большею частью иностранцы, ренегаты, хищники, и недовольство противъ Европейцевъ, а въ особенности противъ Французовъ, которыхъ почитали виновниками всѣхъ нововведеній, все расло и расло. Среди такого броженія умовъ, подати медленно поступали въ казну, но казнодара это не озабочивало: онъ производилъ уплаты бумажками, обезпеченными будущимъ урожаемъ. Чиновники, не получая жалованія, давили населеніе и вымогательство обратилось въ явленіе повсемѣстное и обыденное. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда требовалась звонкая монета, казнодаръ обращался къ займамъ у мѣстнаго банкира—Еврея, съ которымъ тайно состоялъ въ сообществѣ. Наконецъ прибѣгли впервые къ европейскимъ банкирамъ. Изъ заключеннаго въ Парижѣ въ 1863 году займа въ 35 милл. фр., казна получила всего только 6 милл. фр.; остальная сумма осталась въ рукахъ посредниковъ, въ числѣ которыхъ находился не только казнодаръ, но и самъ бей. Въ это время европейскія дѣла совершенно отвлекали вниманіе Наполеона отъ Туниса, гдѣ, со времени отъѣзда Роша, Вудъ сдѣлался настоящимъ руководителемъ внѣшней политики и направлялъ ее къ завѣтной своей цѣли, сблизить Тунисъ съ Турціей, причемъ онъ не забывалъ и непосредственныхъ интересовъ англійскихъ подданныхъ: онъ добился для нихъ права владѣть недвижимыми имуществами. Долги, между тѣмъ, далеко неуспокоивали населеніе, а одновременное увеличеніе вдвое размѣра безъ того непопулярной поголовной подати вызвало сначала общій протестъ, а затѣмъ и открытое возстаніе. Ослабленная Франція не нашла въ себѣ достаточно энергіи, чтобы принять на себя всѣ послѣдствія одиночнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи, она измѣнила въ этомъ случаѣ своей традиціонной политикѣ и рѣшилась раздѣлить съ Англіей и Италіей свое прежнее исключительное положеніе. Послѣдовала морская демонстрація, въ которой приняли участіе всѣ три державы, къ которымъ

непрошенно присоединилась и Турція. Эта демонстрація заставила бея уменьшить поголовную подать. Но бей пошелъ еще дальше: онъ совершенно отмѣнилъ конституцію, о которой страна не хотѣла и слышать. Возстаніе тѣмъ не менѣе продолжалось, несмотря на то, что казнодаръ ловко старался разъединить своихъ враговъ и противоставить ихъ одинъ другому. Консулъ Вудъ и особый коммиссаръ, присланный султаномъ, всюду проповѣдовалъ о необходимости турецкаго вмѣшательства. Уже въ Константинополѣ было рѣшено послать въ Тунисъ оккупаціонный корпусъ для водворенія порядка. Въ эту критическую минуту французское правительство пробудилось: оно рѣшительно объявило, что не допуститъ къ тунисскимъ берегамъ ни одного турецкаго корабля, и что въ случаѣ посылки турецкихъ войскъ, сосредоточенная въ Алжиріи армія немедленно вступитъ въ турецкіе предѣлы. Эта угроза возымѣла свое дѣйствіе, и турецкій коммиссаръ поторопился оставить Тунисъ. Но энергическій протестъ Франціи былъ только минутною вспышкой: казнодаръ все-таки остался на своемъ мѣстѣ, а напротивъ того, его противникъ, французскій агентъ, былъ отозванъ. Тогда началась расправа казнодара съ возставшими Арабами, и расправа эта была ужасна: хватали людей по одному только подозрѣнію, подвергали пыткѣ; безо всякаго суда вѣшали и разстрѣливали; возставшихъ Каидовъ измѣнническиманивали, обѣщая помилованіе, и затѣмъ бросали ихъ въ тюрьму, гдѣ они умирали отравленными. Казнодаръ уже не вооружалъ болѣе одно племя противъ другаго, но стремился соединить ихъ въ общей ненависти противъ Европейцевъ, которые во многихъ мѣстахъ, вмѣстѣ съ Евреями, подвергаются погромамъ. Вслѣдствіе безпорядковъ и неурожая появился голодъ; за нимъ слѣдовали болѣзни: холера, тифъ, даже чума; нелѣпыя финансовыя мѣры вызывали множество банкротствъ. Для увеличенія доходовъ, совершенно истощавшихся, прибѣгали къ чеканкѣ фальшивой звонкой монеты, и, наконецъ, опять обратились къ европейскому займу, часть котораго была выплачена старыми заржавленными пушками и негодными фрегатами, несмотря на то, что заемъ былъ обезпеченъ таможенными пошлинами. Положеніе страны было настолько безотраднымъ, что у населенія не хватило болѣе силъ поднять знамя серьезнаго возстанія. Въ 1865 году младшему брату бея удалось однако увлечь за собою нѣкоторыхъ недовольныхъ, но эта вспышка послужила лишь поводомъ къ новымъ жестокостямъ. Среди всего этого

хаоса европейское вмѣшательство становилось неминуемымъ. Самъ казнодаръ начиналъ это сознавать и, опираясь на англійскаго и итальянскаго консуловъ, желалъ только одного: отстранить отъ вмѣшательства Францію. Съ этою цѣлью была пущена въ ходъ мысль о нейтрализаціи Туниса, на подобіе Бельгіи и Швейцаріи. Италія, которая послѣ присоединенія Венеціи, начала обращать особое вниманіе на Тунисъ, сочувственно отнеслась къ этой мысли. Но прежде всего было необходимо заняться финансами страны. Большею частью кредиторами бея въ Тунисѣ были Англичане и Итальянцы, тогда какъ внѣшніе государственные займы были заключены во Франціи. Чтобы получить совмѣстно съ Франціей право голоса въ общемъ преобразованіи финансовъ, необходимость котораго уже никѣмъ не оспаривалась, нужно было добиться того, чтобы частнымъ долгамъ бея былъ приданъ государственный характеръ. Съ этою цѣлью нѣсколько слѣдующихъ, одна за другою, конверсій превратили эти частные долги въ общій облигаціонный двѣнадцатипроцентный долгъ; но выпущенныя казнодаромъ облигаціи значительно превысили цифру долговъ и излишекъ этотъ продавался казной сначала по 84 и 82, а потомъ по 18, 16 и даже по 4 франка за сто. Обезпеченіемъ этихъ конвертированныхъ долговъ должны были служить тѣ же самыя пошлины, которыя уже гарантировали французскіе долги. Въ отвѣтъ на вызванный, по этому поводу, протестъ со стороны парижскихъ кредиторовъ, имъ перестали уплачивать купоны. Тогда французское правительство взяло подъ свою защиту интересы своихъ подданныхъ, и бей согласился на учрежденіе франко-тунисской коммиссіи для правильнаго распредѣленія поступающихъ доходовъ. Разумѣется, Англія и Италія, черезъ посредство казнодара, потребовали участія своего въ этой коммиссіи. Бей, чувствуя поддержку, склонился на сторону соперниковъ Франціи и уничтожилъ уже состоявшееся съ нею соглашеніе. Въ то время Франція не могла поддержать своего тунисскаго представителя: послѣ 1866 года она была слишкомъ озабочена германскими дѣлами и потому должна была дѣлать уступки въ Тунисѣ: франко-тунисская коммиссія превратилась такимъ образомъ въ международную финансовую коммиссію съ участіемъ въ ней Англіи и Италіи. Слабостью Франціи воспользовался тогда же итальянскій консулъ для заключенія съ беемъ чрезвычайно выгоднаго для Италіи торговаго договора и для пріобрѣтенія права на разработку богатыхъ оловянныхъ рудниковъ. Но

судьба иногда подсмѣивается надъ политическими разсчетами государственныхъ людей, какъ и вообще надъ всѣми человѣческими предположеніями: международная коммиссія, образованная съ цѣлью изъять Тунисъ изъ-подъ исключительной опеки Франціи, является учрежденіемъ, которое совершенно во-время умѣрило властолюбіе союзниковъ Франціи, проявившееся съ особою силой въ Тунисѣ непосредственно послѣ Франко-Прусской войны. Это отодвинуло, правда, на десять лѣтъ европейское дѣятельное вмѣшательство въ тунисскія дѣла, но за то послужило охраной традиціонныхъ правъ Франціи въ эпоху, послѣдовавшую вслѣдъ за Седаномъ и Коммуной, остановило дальнѣйшіе шаги Англіи и Италіи, раздѣлило ихъ взаимные интересы и потому ослабило ихъ вліяніе. Въ это время Франція успѣетъ окрѣпнуть, дать почувствовать снова свою силу и завоевать обратно прежнее положеніе. Финансовая коммиссія, конечно, не успѣла достигнуть своей цѣли благодаря интригамъ бея и внутреннему разладу, но за то внесла въ управленіе финансами нѣкоторый порядокъ и подготовила добросовѣстныхъ чиновниковъ, которые оказались весьма полезны впослѣдствіи, при окончательномъ занятіи Туниса Французами. Для того, чтобы понять дальнѣйшій ходъ событій необходимо ближе познакомиться съ устройствомъ этой коммиссіи. Она состояла изъ двухъ комитетовъ: исполнительнаго и контрольнаго. Первый изъ нихъ обязанъ былъ управлять финансами страны, заботиться о сокращеніи расходовъ и долговъ, объ увеличеніи доходовъ и объ ограниченіи раздаваемыхъ беемъ привилегій. Представителемъ комитета былъ назначенъ генералъ Хейрединъ, открытый врагъ казнодара и пользовавшійся довѣріемъ Франціи. Контрольный комитетъ наблюдалъ за дѣйствіями исполнительнаго комитета и имѣлъ право пріостановить исполненіе всякаго его рѣшенія. Онъ состоялъ изъ шести членовъ, представителей кредиторовъ страны: двухъ англо-Мальтійцевъ, двухъ Итальянцевъ и двухъ Французовъ. Всѣ тунисскіе долги равнялись 160 милл. фр., и по нимъ уплачивалось ежегодно по 20 милл. фр. процентовъ. Доходы же превышали 13 мил. При такомъ дефицитѣ оставалось только одно: войти въ соглашеніе съ кредиторами, послѣ чего долгъ, дѣйствительно, уменьшился до 125 милліоновъ, а проценты сократились до 6¼ милліоновъ въ годъ. Въ замѣнъ суммы долга коммиссія выдавала кредиторамъ новыя облигаціи. Такимъ образомъ, въ распоряженіи бея оставались только 7 милліоновъ франковъ въ годъ. Сумма, очевидно, недо-

статочная при укоренившейся привычкѣ къ расточительности, не принимая уже въ разсчетъ неурожайные годы, когда доходы должны еще сократиться. Изъ этого видно, что интересы кредиторовъ далеко не были обезпечены. Успѣшному ходу дѣлъ, кромѣ того, препятствовала и всеобщая вражда: казнодаръ ненавидѣлъ Хейредина, между обоими комитетами былъ полный разладъ, консулы интриговали другъ противъ друга и боролись то съ исполнительными комитетами, то съ болѣе требовательными кредиторами. Италія, послѣ разгрома Франціи, стремилась завладѣть ея наслѣдствомъ не только въ Тунисѣ, но и на всемъ Востокѣ. Непомѣрныя притязанія Итальянцевъ устрашили бея: онъ вдругъ становится снова сторонникомъ Франціи и даже изгоняетъ извѣстнаго нѣмецкаго путешественника Рольфса, прибывшаго съ цѣлью поднять алжирскихъ Арабовъ. Между тѣмъ, итальянскій консулъ началъ дѣйствовать уже черезчуръ смѣло. Поддерживая несправедливую денежную претензію одного итальянскаго аферисто, онъ потребовалъ для своихъ соотечественниковъ полнаго изъятія отъ податей. Противъ такихъ притязаній коммиссія энергически протестовала. Даже Вудъ, предвидя опасность со стороны Италіи, поддержалъ французскаго агента, и бей остался непроклоннымъ. Тогда консулъ прервалъ съ нимъ сношенія, угрожая вызвать военную эскадру, которая была остановлена только совокупными представленіями, сдѣланными Франціей, Англіей и Турціей флорентинскому кабинету. По возникшему недоразумѣнію назначенъ былъ третейскій судъ, который рѣшилъ дѣло въ пользу бея, и слѣдовательно противъ Италіи. Сиди-Садокъ, смущенный смѣлостью, обнаруженною Итальянцами, рѣшился, по совѣту Вуда, послать Хейредина къ султану, съ просьбой принять его подъ свое покровительство. Хейрединъ вскорѣ возвратился и дѣйствительно привезъ фирманъ, утверждающій сюзеренныя права Турціи. Этотъ фирманъ никогда не былъ признанъ Франціей, но послужилъ для нея впослѣдствіи источникомъ разныхъ затрудненій. Выдающееся положеніе, занятое въ этотъ періодъ времени Вудомъ, позволило ему добиться уступки новыхъ концессій на постройку двухъ желѣзно-дорожныхъ линій: отъ Ла-Гулетъ въ Тунисъ [1] и отъ Туниса къ Алжирской границѣ. Къ счастью Франціи для постройки этой

---

[1] Сила прежней концессіи на эту дорогу, которою никто своевременно не воспользовался, прекратилась за истеченіемъ давности.

послѣдней дороги не нашлось въ Англіи капиталовъ. Практическіе Англичане, какъ бы предусматривая будущее, всегда неохотно помѣщали свои капиталы въ тунисскія предпріятія. Между тѣмъ, дѣла шли плохо: и половины ожидаемыхъ доходовъ не поступало въ казну. Окончательное банкротство ожидало снова Тунисъ. Члены контрольной коммиссіи подали въ отставку. Казнодаръ продолжалъ интриговать и покровительствовать иностраннымъ аферистамъ въ ущербъ прежнимъ кредиторамъ. Черезъ его посредство бей раздавалъ земли и лѣса для разныхъ промышленныхъ предпріятій безсовѣстнымъ спекуляторамъ, которые, не затративъ ни копѣйки, предъявляли затѣмъ требованія о милліонныхъ убыткахъ подъ тѣмъ предлогомъ, что вслѣдствіе отсутствія безопасности въ странѣ, они лишились возможности получить ожидаемыя выгоды. Исполнительный комитетъ всѣми силами противодѣйствовалъ такимъ мошенническимъ сдѣлкамъ, но ихъ тщательно отъ него скрывали и онѣ продолжали умножаться. Казнодаръ дошелъ до того, что посылалъ собственнаго сына грабить у самыхъ воротъ Туниса караваны, доставляющіе подати въ казну. О всѣхъ этихъ продѣлкахъ доводили до свѣдѣнія бея, но онъ почему-то не хотѣлъ имъ вѣрить и казнодаръ попрежнему оставался всесильнымъ. Тѣмъ не менѣе паденіе его уже приближалось. Самъ казнодаръ выдвинулъ новаго любимца, который долженъ былъ его свергнуть. На улицахъ порта Ла-Гулетъ красивый мальчикъ подбиралъ окурки сигаръ около кофейнъ. Его звали Мустафой-бенъ-Измаилъ. Его замѣтилъ какой-то тунисскій офицеръ и взялъ его къ себѣ. Казнодаръ его увидѣлъ и, желая угодить бею, послалъ его къ нему. Сиди-Садокъ былъ сразу совершенно очарованъ Мустафой. Не имѣя дѣтей мужскаго пола, онъ его усыновилъ и выдалъ за него свою дочь. Затѣмъ Мустафа былъ назначенъ дивизіоннымъ генераломъ, и первое время былъ преданнѣйшимъ слугой казнодара. Но властолюбивый и завистливый характеръ новаго любимца не замедлилъ обнаружиться. Слухи о стомилліонномъ состояніи казнодара пробудили его алчность, и между двумя приближенными началась борьба. По мѣрѣ того, какъ возвышался Мустафа, вліяніе казнодара слабѣло. Этимъ воспользовался Хейреддинъ, чтобы представить бею письменныя доказательства злоупотребленія казнодара. У бея открылись глаза, и онъ, наконецъ, убѣдился въ своемъ заблужденіи; казнодаръ былъ постыдно изгнанъ, и часть его имущества, хотя и незначительная, была

конфискована. Мѣсто казнодара занялъ пока Хейреддинъ, а Мустафа былъ назначенъ морскимъ министромъ. Положеніе Хейреддина было затруднительно: бей его не любилъ, и находилъ слишкомъ серьезнымъ; Мустафа тайно стремился занять его мѣсто, а соперники Франціи, въ томъ числѣ англійскій и итальянскій консулы, были его врагами. Послѣ Роша, французское правительство не имѣло въ Тунисѣ вліятельныхъ представителей, и вотъ въ 1875 году оно рѣшилось назначить туда новаго консула, опытнаго и даровитаго дипломата г. Рустана. [1] Съ пріѣздомъ его, Хейреддинъ нашелъ ту опору, въ которой нуждался, и дѣла сразу получили благопріятный оборотъ. Порядокъ возстановился, населеніе обратилось снова къ труду и, по выраженію самого министра, „дѣвушка украшенная брилліантами могла безопасно пройти страну съ сѣвера до юга". Французское вліяніе усиливалось и уже французская компанія получаетъ концессію на постройку желѣзной дороги къ Алжирской границѣ, послѣ того, какъ Англичане лишились этого права, не приступивъ къ работамъ въ назначенный для того срокъ. Такъ прошло три года. Восточная война вдругъ измѣнила положеніе дѣлъ. Хейреддинъ имѣлъ слишкомъ много связей въ Константинополѣ, чтобъ отказать въ помощи Туркамъ, а потому было рѣшено послать вспомогательныя войска. Но пока медленно набирали солдатъ, нужно было успокоить нетерпѣніе Турціи денежными пожертвованіями, вслѣдствіе чего государственные доходы и собираемыя по подпискѣ деньги начали направляться къ султану. Эти денежныя субсидіи, поглотившія сбереженія страны, потребовали новаго сокращенія расходовъ и, между прочимъ, рѣшено было уменьшить размѣръ получаемыхъ принцами пенсій. Этого было достаточно, чтобы вызвать паденіе Хейреддина.[2] Вскорѣ послѣ того, мѣсто его занялъ Мустафа-бенъ-Измаилъ. Войска были, наконецъ, собраны и готовы къ отплытію въ Турцію, но было уже поздно. Санъ-Стефанскій миръ только что предъ тѣмъ прекратилъ войну. Въ интересахъ Франціи было необходимо привлечь новаго казнодара на свою сторону. Для достиженія этой цѣли не слѣдовало пренебрегать услугами

[1] На долю г. Рустана выпала впослѣдствіи подготовка и первоначальная организація французскаго протектората.

[2] Въ 1877 году Хейреддинъ удалился сначала во Францію, а потомъ въ Турцію, гдѣ султанъ въ награду за его преданность назначилъ его великимъ визиремъ.

разныхъ сомнительныхъ посредниковъ и вообще быть слишкомъ разборчивымъ въ средствахъ. Г. Рустанъ это вполнѣ понялъ и въ этомъ случаѣ воспользовался пріемами, употреблявшимися обыкновенно г. Вудомъ, столь успѣшно дѣйствовавшимъ на дипломатическомъ поприщѣ въ теченіе болѣе 50 лѣтъ. Старанія его увѣнчались успѣхомъ. Мустафа открыто объявилъ себя сторонникомъ Франціи и продолжалъ нѣкоторое время политику Хейреддина. Посѣщеніе имъ парижской выставки въ 1878 г. еще болѣе возвысило въ его глазахъ Францію. Въ это время засѣдалъ Берлинскій конгрессъ, на которомъ, одновременно съ восточнымъ вопросомъ, должна была рѣшиться и дальнѣйшая судьба Туниса. Англія только что захватила Кипръ и намѣчала уже для себя Египетъ, что̀ располагало ее снисходительно относиться и къ чужимъ захватамъ. Французскій уполномоченный Ваддингтонъ воспользовался этимъ настроеніемъ, чтобы заговорить о Тунисѣ: ему было важно укрѣпить въ будущемъ исключительное вліяніе Франціи въ этой странѣ. Маркизъ Салисбюри совершенно вошелъ въ его виды, и въ конфиденціальномъ разговорѣ заявилъ ему, что положеніе занятое Франціей въ Алжирѣ даетъ ей полное право распространить во всякое время свою власть и на сосѣдній Тунисъ, что Англія тамъ не имѣетъ существенныхъ интересовъ и намекая затѣмъ на возможность въ будущемъ французскаго занятія Туниса, увѣрялъ, что отношеніе Англіи въ этомъ случаѣ не измѣнится. Такія важныя уступки были сдѣланы не случайно. Признавая неминуемымъ европейское вмѣшательство въ тунисскія дѣла, интересъ Англіи заставлялъ ее поддерживать Францію противъ Италіи для того, чтобы помѣшать соединенію въ однѣхъ рукахъ европейскаго и африканскаго побережья въ той узкой части Средиземнаго моря, между Сициліей и Тунисомъ, черезъ которую лежитъ путь въ Египетъ и Индію. Этотъ взглядъ обнаружила Англія еще раньше, во время флорентинскихъ переговоровъ 1871 года, когда итальянская пресса довольно громко начала выражать претензіи Италіи на Тунисъ. Германія, со своей стороны, совершенно равнодушно относилась къ тунисскому вопросу; князь Бисмаркъ даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на распространеніе французскаго вліянія въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно не могло встрѣтиться съ германскими интересами. Отчего же Франція немедленно не воспользовалась благопріятными обстоятельствами и тогда же не заняла Туниса? Отвѣтъ

на этотъ, еще мало разслѣдованный, вопросъ дается двоякій, смотря по тому, изъ какого лагеря онъ исходитъ: французскаго или итальянскаго. Французская версія заключается въ слѣдующемъ. Въ 1878 году общественное мнѣніе высказывалось противъ увлеченія колоніальною политикой; находили, что всякая морская военная экспедиція можетъ ослабить силы страны и уменьшить значеніе ея въ Европѣ. Такъ думалъ и Гамбетта, который не только не желалъ занятія Туниса Французами, но былъ даже противъ участія Франціи въ Берлинскомъ конгрессѣ. Кромѣ того, не было никакой побудительной причины къ немедленному вступленію въ Тунисъ: бей и Мустафа были въ то время болѣе чѣмъ когда-либо преданы Франціи, а консулъ Вудъ, продолжавшій, несмотря на заявленія Салисбюри, дѣйствовать въ прежнемъ духѣ, былъ отозванъ, что̀ было всѣми понято какъ отреченіе Англіи отъ всякаго вмѣшательства. Итальянцы, напротивъ того, объясняютъ дѣло совершенно иначе. Они утверждаютъ, что на Берлинскомъ конгрессѣ князь Бисмаркъ предлагалъ сначала Тунисъ Италіи, которая отъ него отказалась только въ виду дружественныхъ отношеній съ Франціей, заявившей положительно, что и она, со своей стороны, никогда не займетъ Туниса. Это объясненіе, впрочемъ, представляется мало вѣроятнымъ. Документально извѣстно, что французскіе министры и французскій посолъ въ Римѣ увѣряли только, что они вовсе не желаютъ занять Тунисъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, что они не потерпятъ, чтобы кто-либо другой ихъ въ томъ опередилъ. Кромѣ того, о свободѣ дѣйствій въ Тунисѣ, предоставленной на конгрессѣ Франціи, говорили уже тогда съ горечью всѣ итальянскія газеты, и это обстоятельство не могло оставаться тайной для итальянскихъ правителей. Оставивъ Берлинъ съ пустыми руками, разочарованная Италія немедленно проявила все свое неудовольствіе въ отношеніяхъ къ Тунису, гдѣ политика ея съ того времени направлена исключительно на устраненіе Франціи. Съ этою цѣлью былъ назначенъ новый, энергическій консулъ, г. Маччіо, который вступилъ немедленно въ воинственную роль г. Вуда, только-что предъ тѣмъ отозваннаго. Одновременно глава итальянскаго кабинета убѣждалъ Итальянцевъ помѣщать свои капиталы въ тунисскихъ предпріятіяхъ, а итальянскій парламентъ значительно увеличилъ субсидію итальянскимъ школамъ въ Тунисѣ.

Между тѣмъ г. Рустанъ открыто дѣйствовалъ, какъ предста-

витель державы, исключительное вліяніе которой въ Тунисѣ должно быть съ того времени преобладающимъ. Онъ также старался привлечь туда французскіе капиталы, съ тѣмъ чтобы восполнить ими малочисленность французскихъ подданныхъ въ сравненіи съ Итальянцами и Мальтійцами. Противодѣйствіе встрѣтилъ онъ въ исполнительномъ комитетѣ и, что всего удивительнѣе, въ вице-предсѣдателѣ его, Французѣ, но изъ этой борьбы вышелъ побѣдителемъ. Единственнымъ серіознымъ противникомъ его оставался г. Маччіо, смѣлость котораго все увеличивалась, несмотря на то, что онъ не находилъ дѣятельной поддержки въ мѣстныхъ Итальянцахъ, большею частью людей почтенныхъ и скромныхъ, и не имѣющихъ ничего общаго съ крикливыми и властолюбивыми итальянскими жидами, почитающими себя представителями всей итальянской колоніи. Смѣлость г. Маччіо вскорѣ дошла до дерзости: онъ вздумалъ лишить Французовъ предоставленной имъ еще въ 1861 году телеграфной монополіи. Несмотря на точный смыслъ конвенціи, не безъ труда и послѣ долгихъ переговоровъ, бей подтвердилъ данную имъ привилегію. Еще съ большею настойчивостью выступилъ представитель Италіи въ вопросѣ о продажѣ желѣзной дороги отъ Ла-Гулетъ въ Тунисъ. Дорога эта была построена англійскою компаніей, пожелавшею отъ нея отдѣлаться, находя предпріятіе это для себя невыгоднымъ. Покупателемъ явилось алжирское желѣзнодорожное общество, встрѣтившее конкуррента въ итальянской компаніи Рубатино, которая предложила вдвое высшую покупную плату, что не помѣшало, однако, Французамъ въ концѣ-концовъ пріобрѣсти эту дорогу. Но дѣло этимъ не окончилось. Компанія Руббатино опротестовала покупку въ Лондонѣ, ссылаясь на то, что, вопреки существующему въ Англіи закону, продажа была совершена безъ разрѣшенія верховнаго лондонскаго суда. Лондонскій судъ, основываясь на этомъ упущеніи, отмѣнилъ продажу и предписалъ произвести ее вновь, но только съ публичнаго торга. На происходившихъ торгахъ компанія Руббатино, съ денежною поддержкой Итальянскаго правительства, предложила такую высокую плату, что дорога, разумѣется, осталась за ней. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Итальянское правительство предоставило денежную субсидію итальянскимъ пароходамъ, для учащенія рейсовъ къ новой желѣзной дорогѣ. Эти происшествія происходили въ 1880 году, и послужили началомъ къ болѣе энергическому вмѣшатель-

ству Франціи, которое и привело, наконецъ, къ оккупаціи страны и къ протекторату.

Такъ-называемая „побѣда“ Италіи въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ позволила врагамъ Франціи поднять головы. Дарованное Франціи право на постройку нѣсколькихъ, не столь важныхъ, желѣзнодорожныхъ вѣтвей, а равно и на устройство порта въ Тунисѣ, [1] нисколько не ослабило произведеннаго впечатлѣнія. Даже бей призадумался и началъ подозрительно смотрѣть на будущность Франціи. Среди этихъ столкновеній, онъ и его управленіе почувствовали себя болѣе самостоятельными, и своими дѣйствіями снова ввергли страну въ анархію. Жители уже настолько обѣдняли, что не имѣли болѣе возможности уплачивать прежнихъ податей, и кредиторамъ облигацій могли выплатить лишь половинную стоимость ихъ купоновъ. Одновременно, съ разрѣшенія коммиссіи, заключались новые займы, появились снова разные спекулянты и аферисты. Сиди-Садокъ, тайкомъ отъ коммиссіи, началъ отчуждать государственныя имущества и собственность мечетей; каиды, на которыхъ лежала обязанность взыскивать подати, утаивали ихъ, показывая оффиціально меньшія суммы; общественныя зданія становились необитаемыми и улицы обращались въ клоаки; базары пустѣли; толпы жалобщиковъ осаждали ежедневно дворецъ; значеніе власти окончательно падало; никто не хотѣлъ болѣе ее знать, и прежде всего Европейцы, которые почитали для себя все дозволеннымъ. Въ 1880 году какъ будто бы возвратились времена знаменитаго казнодара. На всѣ представленія французскаго консула бей ссылался на свое безсиліе водворить порядокъ. Еще въ 1878 году выброшенный на берегъ французскій пароходъ былъ разграбленъ прибрежными горцами-Крумирами, въ виду бездѣйствовавшихъ тунисскихъ солдатъ. Потомъ тунисскія шайки начали постоянно переходить алжирскую границу и безнаказанно тревожить подчиненныя Франціи племена. Возставшіе въ 1879 году алжирскіе Арабы продовольствовались въ Тунисѣ, гдѣ главные виновные находили для себя убѣжище; наконецъ, матросы находящагося въ распоряженіи консула парохода подверглись оскорбленіямъ со стороны тунисскихъ солдатъ, и одинъ изъ нихъ былъ даже раненъ.

---

[1] Каналъ чрезъ мелководное озеро, соединенное съ моремъ, который дозволитъ пароходамъ прямо подвозить товары и пассажировъ къ Тунису, минуя желѣзную дорогу отъ Ла-Гулетъ, въ настоящее время уже почти готовъ.

постоянныя представленія г. Рустана стали раздражать бея; онъ былъ поставленъ въ невозможность дать надлежащее удовлетвореніе и потому постороннее вмѣшательство, постоянно напоминающее ему объ его безсиліи, тяготило его. Внушенія соперниковъ Франціи и неудача ея въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ мало-по-малу совершенно измѣнили отношенія его къ г. Рустану. Онъ тайно началъ поддерживать враговъ Франціи, а потомъ и открыто выступилъ противъ нея въ надѣлавшемъ большаго шума въ Европѣ дѣлѣ о продажѣ „Энфиды"—обширнаго имѣнія, принадлежавшаго Хейреддину. Это имѣніе заключалось не только въ дворцахъ съ садами въ окрестностяхъ Туниса, но и въ помѣстьи равняющемся цѣлой провинціи и находящемся въ самой плодородной части Туниса, на югѣ отъ столицы. Имѣніе это давало мало дохода и требовало затраты большихъ капиталовъ. Для пріобрѣтенія его учредилась въ Марсели французская компанія. Когда все было устроено и оставалось только оформить сдѣлку, мѣстные суды и нотаріусы, вслѣдствіе полученныхъ секретныхъ приказаній, отказались отъ утвержденія купчей. На подаваемыя со стороны покупщиковъ жалобы бей не обращалъ никакого вниманія подъ тѣмъ предлогомъ, что имѣніе было пожаловано Хейреддину будто бы только для личнаго пользованія, а не для продажи иностранцамъ. Между тѣмъ по документамъ права Хейреддина не подлежали никакому сомнѣнію, и врагамъ Франціи пришлось прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. По мусульманскимъ законамъ сосѣдъ продающагося имѣнія пользуется преимущественнымъ предъ другими правомъ покупки. Этимъ закономъ воспользовался Мустафа-бенъ-Измаилъ, чтобы подставить нѣкоего Еврея Леви, англійскаго подданнаго, для предъявленія своихъ правъ на пріобрѣтеніе Энфиды. Хейреддинъ, знакомый со всѣми мусульманскими тонкостями, въ свою защиту прибѣгнулъ къ другой лазейкѣ: онъ при продажѣ оставилъ за собою полосу земли прилегающую будто бы къ владѣніямъ Леви, который въ такомъ случаѣ уже не былъ смежнымъ владѣльцемъ, а потому никакихъ правъ на Энфиду болѣе не имѣлъ. Но подпольные враги Франціи этимъ не успокоились: Леви аппеллировалъ къ судьямъ дѣйствующимъ на основаніи законовъ обряда Ганефи, [1] которые признаютъ права сосѣда,

[1] У африканскихъ мусульманъ дѣйствуютъ два различные обряда и законоположенія установленныя двумя знаменитыми улемами Малеки и Ганефа.

несмотря на оставленную во владѣніи собственника граничную полоску. Вызванный для защиты Леви, англійскій адвокатъ Бродлей перенесъ агитацію за предѣлы Туниса. Корреспонденціями своими въ англійскія газеты онъ взволновалъ англійское общественное мнѣніе; на Леви начали смотрѣть какъ на жертву французскаго властолюбія, и всѣ эти интриги не замедлили отозваться на отношеніяхъ между парижскимъ и лондонскимъ кабинетами. Переговоры тянулись болѣе года и прекратились только послѣ занятія Туниса Французами. Что же затѣмъ оказалось? Леви никогда не владѣлъ ни одною пядью земли, соприкасающеюся съ Энфидой. Онъ болѣе двухъ лѣтъ вводилъ всѣхъ въ заблужденіе съ цѣлью заставить заплатить за свою собственность баснословно высокую цѣну. Обманъ былъ во-время обнаруженъ, и дѣло было вполнѣ разъяснено рѣшеніемъ тунисскаго трибунала. Но это все открылось уже въ то время, когда Французы крѣпко засѣли въ Тунисѣ, и когда постороннія интриги и властолюбивыя надежды отчасти разсѣялись предъ совершившимся фактомъ французской военной оккупаціи, но пока дѣло тянулось, интриганы бодрствовали и положеніе г. Рустана становилось невозможнымъ. Мустафа считалъ значеніе его окончательно потрясеннымъ и болѣе съ нимъ не стѣснялся: все что было противъ интересовъ Франціи находило въ немъ поддержку. Бей также принималъ долготерпѣніе Франціи за признакъ слабости, и вотъ начинается, съ его стороны, цѣлый рядъ открытыхъ враждебныхъ дѣйствій: разгоняются силой рабочіе, приступившіе къ сооруженію желѣзной дороги къ алжирской границѣ, подъ предлогомъ существованія другой, давно уже погашенной давностью, концессіи; раздаются оружіе и порохъ прибрежнымъ жителямъ; Крумиры начинаютъ похищать скотъ у сосѣднихъ Алжирцевъ, задерживать ихъ гонцовъ и поджигать ихъ лѣса, съ начала 1881 года вооруженныя шайки въ нѣсколько сотъ человѣкъ переходятъ границу; наконецъ, 31 марта и 1 апрѣля того же года уже нѣсколько тысячъ Арабовъ врываются въ Алжирію и атакуютъ французскія войска. Они, разумѣется, были отражены, но между Французами оказались убитые и раненые. Всѣ эти происшествія совершались не безъ тайнаго подстрекательства бея и его министра, что подтверждалось и отношеніями Арабовъ къ испуганнымъ рабочимъ—Итальянцамъ, которыхъ они увѣряли, что имъ нечего бояться. Волненіе вскорѣ распространилось по всему Тунису и безпокойство не замедлило охватить

и алжирскія племена, между которыми начали обнаруживаться частыя преступленія, провозвѣстники возстаній. Становилось ясно, что бею была обѣщана иностранная помощь, иначе поведеніе его было необъяснимо. Не даромъ г. Маччіо постоянно призывался во дворецъ. Наступило время для Франціи воспользоваться, наконецъ, плодами Берлинскаго конгресса и приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Г. Ферри становится главой кабинета, и посылка военной экспедиціи въ Тунисъ для наказанія Крумировъ рѣшена. Какъ всегда рѣшительный и энергическій образъ дѣйствія обезоруживаетъ враговъ, не расположенныхъ вступать въ открытый бой, воинственные голоса въ Англіи сразу утихаютъ; Германія остается попрежнему равнодушною; султанъ протестуетъ, но тщетно; изолированная Италія сознаетъ, что она ничего не можетъ предпринять безъ содѣйствія Англіи, а потому сдерживаетъ до поры до времени свое неудовольствіе: [1] Г. Маччіо отзывается и издававшаяся въ Сардиніи на арабскомъ языкѣ газета, имѣвшая цѣлью возбудить Арабовъ противъ Франціи, перестаетъ выходить. Одинъ только бей еще надѣется; онъ не хочетъ вѣрить, что онъ всѣми оставленъ, и продолжаетъ сопротивляться; но французскія войска уже подъ стѣнами Туниса, и онъ смиряется. 12 мая 1881 г. былъ подписанъ Кассаръ-Сандскій договоръ, [2] установляющій французскій протекторатъ надъ Тунисомъ. Въ силу этого договора французскія войска занимаютъ страну и всѣ сношенія съ иностранными государствами должны происходить не иначе, какъ черезъ посредство французскаго министра-резидента. Казалось, что все было кончено. Но Мустафа однако не отчаявается: онъ играетъ въ двойную игру, и выступивъ сторонникомъ договора, тайно сносится съ Константинополемъ и подготовляетъ новое возстаніе. Это не мѣшаетъ ему одновременно отправиться во главѣ оффиціальной миссіи въ Парижъ, гдѣ его ожидаетъ большой крестъ ордена Почетнаго Легіона. Но вскорѣ его замыслы обнаруживаются: было замѣчено, что въ его отсутствіе бей становился болѣе сговорчивымъ, и Мустафа не успѣлъ еще оставить Франціи, какъ

---

[1] Италія не долго сохранила сдержанное отношеніе къ Франціи: вслѣдъ за Кассаръ-Сандскимъ договоромъ пало министерство Кайроли, поддерживавшее надежды Италіи на Тунисъ. Вскорѣ Италія принимаетъ относительно Франціи враждебное положеніе, которое доводитъ ее до тройственнаго союза.

[2] Онъ называется также договоромъ Бардо, отъ зданія примыкающаго къ Кассаръ-Сандскому дворцу.

вспыхнуло возстаніе на югѣ Туниса, имъ подготовленное. Необходима была новая жертва со стороны бея, и г. Рустанъ потребовалъ увольненія любимца, на что̀ бей долженъ былъ дать свое согласіе, обливаясь слезами. [1] Возстаніе было усмирено французскими войсками, для чего понадобился новый походъ. Послѣ наказанія Крумировъ и полнаго умиротворенія страны, нужно было водворить въ Тунисѣ порядокъ и поднять его благосостояніе; это будетъ ближайшею задачей протектората. Теперь для Туниса начинается новая эра, описаніе которой не входитъ въ рамки настоящей статьи. Со времени протектората Тунисъ перестаетъ быть самостоятельнымъ мусульманскимъ государствомъ. Власть бея только номинальная, и дѣйствительными хозяевами страны являются Французы, которымъ Тунисъ и обязанъ настоящимъ своимъ благоденствіемъ. Выводы, которые сами собою вытекаютъ изъ исторіи Туниса, могутъ одинаково относиться ко всѣмъ мусульманскимъ государствамъ: разрушаясь отъ соприкосновенія съ европейскою цивилизаціей, имъ остается или обновиться и процвѣтать подъ тою или другою формой европейскаго протектората или же, совершенно замкнувшись отъ Европы, медленно разлагаться, продолжая свою агонію на неопредѣленное время.

Дмитрій Гессе.

Петергофъ, 1891.

---

[1] Мустафа уѣхалъ въ Парижъ, а потомъ въ Константинополь.

МОРОЗЪ.

(Страничка изъ жизни природы.)

...Полагаемъ задачей достойною ученаго труда первѣйшихъ ученыхъ: изслѣдовать три вершка ближайшаго къ изслѣдователю болота...

Рулье.

Я далекъ отъ мысли, что моихъ слабыхъ силъ можетъ оказаться достаточно для выполненія работы, заключающейся въ словахъ, взятыхъ мною эпиграфомъ. Слова эти—недостижимый идеалъ, къ нему я стремился всю жизнь каждый разъ, когда былъ свободенъ на нѣсколько дней отъ занятій, которыми такъ щедро награждаетъ насъ такъ-называемая практическая жизнь. Я могу, однако, сказать, что лучшими минутами моей жизни я не колеблясь признаю тѣ, что я провелъ за чтеніемъ великой книги природы. Страничку изъ этой книги, если вамъ угодно, читатель, мы прочтемъ вмѣстѣ.

Если вы принадлежите къ числу всегда и вездѣ рѣдкихъ искателей истины, идите со мной, я радъ такому товарищу, но если, подобно большинству, вы ищите только утилитарныхъ знаній, не читайте далѣе, потому что, предупреждаю васъ, я буду говорить о самыхъ обыкновенныхъ, въ практическомъ отношеніи ничего не стóящихъ и всѣмъ давно извѣстныхъ, предметахъ, въ числѣ которыхъ встрѣтятся и займутъ первое мѣсто: замерзшія лужи, болотныя кочки, комки земли, тѣ самые, чтò вы каждый день можете видѣть на пашнѣ и т. д. Стóитъ ли терять время на разсужденіе о такихъ предметахъ?

I.

Мое первое знакомство съ морозомъ произошло слѣдующимъ образомъ. Съ ранняго дѣтства я интересовался искусствомъ разведенія деревьевъ. Каждую осень я сѣялъ нѣсколько грядъ хвойныхъ деревьевъ, преимущественно сосну и ель. Весной появлялись всходы, держались все лѣто, а затѣмъ, когда я пріѣзжалъ на слѣдующую весну, они куда-то исчезали. Садовникъ увѣрялъ, что они вымерзали, но я зналъ, что это вздоръ, потому что Тамбовскій уѣздъ, гдѣ производились опыты, лежитъ южнѣе Москвы и Рязани, въ окрестностяхъ которыхъ я видѣлъ хвойные лѣса.

Загадка разъяснилась много позже, именно, когда я поселился окончательно въ деревнѣ.

Однажды, въ началѣ весны, лишь только сошелъ снѣгъ, я отправился посмотрѣть, что̀ дѣлается въ питомникѣ. Первая попавшая мнѣ на глаза грядка была занята однолѣтними вязами, пересаженными въ минувшую осень. Представьте мое удивленіе: почти всѣ деревца были выдернуты изъ земли и разбросаны (какъ мнѣ показалось) по поверхности грядки. Я уже готовъ былъ видѣть въ этомъ работу злонамѣренной руки, когда при болѣе внимательномъ осмотрѣ замѣтилъ, что деревца не совсѣмъ были извлечены изъ земли, а такъ, что нижніе кончики корней все еще проникали въ землю. но настолько незначительно, что деревца не могли держаться вертикально, а лежали на боку. Приглядываясь еще внимательнѣе, я нашелъ нѣсколько деревцевъ, которыя не были выдернуты, а только болѣе или менѣе приподняты изъ земли. Они сохранили вертикальное положеніе, но ихъ обнаженные, лишенные солнечнаго загара, корни рѣзко отличались отъ стволовъ и наглядно показывали насколько каждое деревцо было потянуто кверху. Ясно, что на моихъ грядкахъ работала не человѣческая рука, а иная сила. Я вспомнилъ, что гдѣ-то читалъ о выжиманіи морозомъ молодыхъ деревьевъ, несомнѣнно, предъ моими глазами былъ результатъ этого явленія. Теперь не трудно было догадаться отчего погибали хвойные посѣвы.

Первое точное наблюденіе надъ выжиманіемъ [1] хвойныхъ всхо-

---

[1] Держусь пока этого термина, впослѣдствіи я покажу, что его надо замѣнить другимъ.

довъ было мною сдѣлано въ 1881 году, оно сообщено въ *Листкѣ Общества Тамбовскихъ Сельскихъ Хозяевъ* за 1882 годъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „10 апрѣля 1881 года я осматривалъ сѣмянныя грядки лиственницы, занятыя однолѣтками. Онѣ только что вышли изъ-подъ снѣга, земля была мерзлая. Никакихъ признаковъ выжиманія не было, деревца сидѣли низко. На другой день около полудня я вновь пришелъ на тѣ же грядки. Земля успѣла оттаять; значительная часть сѣянцевъ была выжата. Многіе успѣли лечь на бокъ. Только быстрая помощь спасла ихъ отъ уничтоженія. Послѣ этого наблюденія я склоненъ думать, что замерзаніе сырой почвы *не производитъ* выжиманія и лишь подготовляетъ для этого условія. Послѣдній актъ процесса, то-есть извлеченіе растеній на поверхность, совершается въ моментъ оттаиванія такой замерзшей почвы.“

Все это было совершенно вѣрно, но механизмъ процесса оставался неразгаданнымъ и еслибы не счастливая случайность, онъ и до сихъ поръ могъ бы остаться неизвѣстнымъ.

Обстоятельства, при которыхъ мнѣ удалось вывѣдать у природы ея первую тайну изъ числа входящихъ въ циклъ разсматриваемыхъ нами явленій, описаны мной въ томъ *Листкѣ Тамбовскихъ Сельскихъ Хозяевъ* за 1883 годъ слѣдующими словами: „Въ началѣ апрѣля текущаго года, изслѣдуя въ морозный день обтаявшія было и вновь замерзшія грядки, я съ удивленіемъ нашелъ, что поверхность ихъ состояла изъ слѣдующихъ слоевъ: сверху лежалъ слой мерзлой земли толщиной около ½ вершка, онъ былъ настолько сухъ, что лишь кое-гдѣ можно было замѣтить блестящія точки замерзшей воды. Непосредственно подъ нимъ и рѣзко отдѣляясь отъ него, лежалъ слой чистаго льда толщиной около ¾ вершка. Строеніе этого льда оказалось въ высшей степени замѣчательное: онъ состоялъ изъ безчисленнаго множества вертикально расположенныхъ и смерзшихся между собой тонкихъ прямыхъ нитей. Мѣстами нити срослись въ пучкѣ различной толщины; мѣстами между пучками были пустоты. Въ общемъ ледъ напоминалъ строенія пчелинаго сота, хотя не имѣлъ правильности послѣдняго. Далѣе непосредственно подо льдомъ лежала талая земля.

„Происхожденіе тотчасъ описанныхъ наслоеній объяснить не трудно: подъ вліяніемъ низкой температуры вода, заключавшаяся въ сырой землѣ, начала кристаллизоваться. Въ силу неизвѣстныхъ намъ законовъ кристаллизаціи она отдѣлилась отъ земляныхъ

частицъ и начала собраться въ нѣкоторомъ разстояніи отъ поверхности почвы, непосредственно надъ тѣмъ слоемъ, до котораго проникло охлажденіе.

„Извѣстно, что переходъ воды изъ капельно-жидкаго состоянія въ твердое всегда сопровождается увеличеніемъ ея объема, здѣсь это увеличеніе должно было произойти тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, образовавшійся ледъ не былъ сплошной, а съ внутренними пустотами. Поэтому верхній слой замерзшей земли необходимо былъ приподнятъ и оторванъ отъ глубже лежащаго слоя талой земли, такъ какъ между обоими слоями земли помѣстился теперь вновь сформировавшійся слой *ячеистаго льда*."

Разъ что образованіе ячеистаго льда было подмѣчено, объясненіе процесса выжиманія сдѣлалось очень легко: *ячеистый ледъ*, образуясь въ формѣ новаго слоя между *талою землей* и *сухимъ слоемъ*, [1] приподнимаетъ послѣдній и отрываетъ его отъ *талой земли*. Въ *сухомъ слоѣ* находятся шейки корней и основанія стволовъ молодыхъ растеній, они крѣпко примерзаютъ къ *сухому слою* и потому слѣдуютъ за его движеніемъ, то-есть поднимаются вверхъ. При этомъ можетъ быть два случая: или растенія цѣликомъ приподнимутся изъ земли (деревья) или они не выдержатъ натяженія и разорвутся въ слабѣйшихъ частяхъ ствола или корня (травы). Всѣ поврежденія, то-есть разрывъ корней или ихъ выдергиваніе, совершаются ниже поверхности почвы, поэтому снаружи они незамѣтны, пока не наступитъ оттепель.

Съ наступленіемъ тепла слой *ячеистаго льда* исчезнетъ, вода, составляющая его, соединится съ землей; *сухой слой* опять сдѣлается мокрымъ и опустится на *талую землю*, но не сольется съ нею, а ляжетъ сверху, составляя особый пластъ, ясно различаемый въ теченіе всего лѣта, если, конечно, земля не подвергается обработкѣ. [2] Растенія, приподнятыя во время мороза

---

[1] Названіе слоевъ: *ячеистый ледъ*, *толстая земля* и *сухой слой* я употребляю здѣсь и буду употреблять, какъ термины, значеніе ихъ понятно изъ вышеизложеннаго.

[2] Каждый годъ когда раннею весной при весьма сырой почвѣ случится крутой утренникъ, поверхность озимыхъ полей *на все лѣто* получаетъ слѣдующее строеніе: она покрывается твердою сухою коркой, раздѣленною трещинами на отдѣльные комки весьма подвижные въ горизонтальномъ направленіи. Послѣднее свойство зависитъ оттого, что на извѣстной, почти для всѣхъ комковъ одинаковой, глубинѣ они отдѣлены отъ нижележащаго слоя горизонтальною трещиной. Нужно ли говорить, что комистый слой тождественъ *сухому*

вмѣстѣ съ *сухимъ слоемъ*, съ нимъ же и опустятся во время оттепели, но они не могутъ, конечно, ни сами собою стать на свои мѣста (вправиться), ни еще менѣе сростись и потому послѣ оттепели окажутся выдернутыми или оторванными. Если затѣмъ снова наступитъ морозъ, пока земля не просохла, повторится то же явленіе и слѣдующая затѣмъ оттепель покажетъ, что растенія еще больше извлечены изъ земли.

Итакъ, для механическаго поврежденія молодыхъ растеній морозомъ необходимы слѣдующія условія: 1) чтобы корни не представляли непреодолимаго сопротивленія для силы, развивающейся вслѣдствіе кристаллизаціи воды; 2) чтобы наступилъ достаточно сильный морозъ, и 3) чтобы верхніе слои почвы были достаточно влажны, безъ чего образованіе *ячеистаго льда* невозможно. [1]

Чѣмъ въ большей степени даны эти условія, тѣмъ выдергиваніе произойдетъ сильнѣе.

Очевидно, что различная степень водопроницаемости почвы, при прочихъ равныхъ условіяхъ, должна имѣть огромное значеніе при описываемомъ процессѣ. Почвы песчаныя, водопроницаемыя, быстро обсыхающія въ верхнихъ слояхъ, разумѣется, неблагопріятны для образованія *ячеистаго льда*, напротивъ почвы вязкія, типично-черноземныя и особенно черноземно-глинистыя [2] въ высшей степени благопріятствуютъ его образованію.

Скоро мы увидимъ какія важныя послѣдствія могутъ отъ этого возникнуть.

II.

Наблюденія надъ дѣйствіемъ мороза въ питомникѣ дали мнѣ право сдѣлать предположеніе, что нѣчто подобное можетъ совершиться и въ полѣ. Старинный вопросъ о вымочкахъ, выморозкахъ озимей близился къ разрѣшенію.

слою. Толщина (высота) комковъ совершенно точно показываетъ намъ на какой глубинѣ образовался *ячеистый ледъ* въ раннюю весну. Такимъ образомъ мы можемъ констатировать интересный фактъ, именно, что природа имѣетъ свои автоматическіе дѣйствующіе приборы, отчетливо и точно записывающіе ея работу: намъ остается только читать готовую запись.

[1] Гибель растеній при названныхъ условіяхъ наблюдалась давно, но, сколько мнѣ извѣстно, никто до сихъ поръ не далъ этому явленію раціональнаго объясненія, да и о самомъ процессѣ имѣли невѣрное представленіе. Всѣ авторы говорятъ о *выжиманіи* растеній, тогда какъ морозъ не выжимаетъ, а *выдергиваетъ* ихъ и *отрываетъ*.

[2] Примѣръ типичнаго чернозема: уѣзды Тамбовскій и Козловскій; черноземо-глинистаго—Ряжскій.

Однако прежде чѣмъ мои теоретическія соображенія подверглись провѣркѣ на поляхъ озимаго хлѣба, случаю угодно было познакомить меня съ довольно интереснымъ явленіемъ, къ описанію котораго приступаю.

По нѣкоторымъ причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, я сѣю иногда тимоѳеевку не весной, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, а въ августѣ. Однажды, именно въ 1885 году, я запоздалъ посѣвомъ, а тамъ установилась засуха. Первые всходы тимоѳеевки показались лишь въ концѣ сентября, въ зиму они пошли слабыми, мало укоренившимися.

Весной по стаяніи снѣга обнаружилось, что тимоѳеевка хорошо перезимовала; съ наступленіемъ тепла она зазеленѣла; потомъ выпалъ дождь, и прежде чѣмъ земля обсохла, сдѣлался морозъ—крутой утренникъ. По минованіи его оказалось, что корни тимоѳеевки до половины обнажены, поэтому она не могла держаться вертикально, какъ было до мороза, а легла на бокъ.

У тимоѳеевки, какъ и у многихъ другихъ злаковъ (gramineae), напримѣръ у проса, въ той точкѣ, гдѣ стебель соединяется съ корнями, существуетъ утолщеніе: узелъ или бугорокъ, изъ котораго выростаютъ добавочные корни. Порядокъ развитія ихъ очень интересенъ, они появляются сначала въ видѣ воздушныхъ корней, но очень скоро вонзаются въ землю.

При нормальныхъ условіяхъ развитія означенные бугорки приходятся какъ разъ на уровнѣ поверхности почвы, но такъ какъ тимоѳеевка была потянута морозомъ приблизительно на $1/2$ дюйма, то и бугорки приподнялись настолько же, а когда растенія упали, то очевидно, что бугорки должны были отойти отъ мѣста первоначальнаго нахожденія на $1/2$ дюйма въ сторону. Вслѣдъ за морозомъ установилась теплая погода съ частыми дождями, отъ которыхъ земля не успѣвала просыхать. Много тимоѳеевки погибло, но все-таки болѣе половины уцѣлѣло. Жизнь поддерживалась тѣмъ, что кончики корней оставались въ землѣ. По прошествіи нѣкотораго времени уцѣлѣвшія растенія выпустили изъ бугорковъ добавочные корни, которыми и переукрѣпились въ землѣ. Такимъ образомъ, окончательный результатъ утренника выразился въ слѣдующемъ: часть растеній погибла, а уцѣлѣвшія перемѣстились, такъ что каждое изъ нихъ перешло со своего мѣста приблизительно на $1/2$ дюйма въ сторону и тамъ укоренилось.

III.

Наступилъ 1890 годъ. Не стану описывать ни засухи, ни жары, которыми отличалось его лѣто. Кто ихъ не помнитъ? Извѣстно, что результатомъ такой погоды было опозданіе всходовъ озимей; въ зиму они пошли слабыми, не раскустившимися одноколками. Изъ всего вышеизложеннаго видно, чего слѣдовало опасаться для нихъ. Впрочемъ, зима наступила и продолжалась при условіяхъ весьма благопріятныхъ: съ осени не было большой сырости, поэтому ячеистый ледъ, столь опасный для всѣхъ слабыхъ недостаточно укоренившихся всходовъ, образоваться не могъ. Во всю зиму не было ни одной оттепели, поэтому рано выпавшій снѣжный покровъ всю зиму сохранялъ пушистое строеніе, и хотя былъ не толстъ, но превосходно защищалъ землю отъ холода.

Пошли дожди и мокрый слѣдомъ [1] таявшій снѣгъ. Прежде чѣмъ земля обсохла, стукнулъ 7—9° морозъ.

Какъ разъ въ это время, между 10—17 марта, я былъ въ городѣ и потому непосредственныхъ наблюденій на пашнѣ сдѣлать не могъ. Мой сосѣдъ по имѣнію А. А. Б—фъ первый сообщилъ мнѣ тревожное извѣстіе. Утромъ 10—11 марта у себя въ городскомъ саду онъ замѣтилъ на приготовленныхъ съ осени грядкахъ толстый слой *ячеистаго льда*.

17 марта я поѣхалъ въ деревню, гдѣ былъ удивленъ совершенно неожиданнымъ извѣстіемъ: мнѣ сказали, что озими цѣлы и даже не пострадали.

Издали рожь, дѣйствительно, казалась совершенно зеленою, но когда я подошелъ ближе, то сразу увидѣлъ картину страшнаго разрушенія. Въ семь дней, въ продолженіи которыхъ я не видалъ ржаныхъ всходовъ, съ ними произошла слѣдующая перемѣна: они (казалось) выросли, листья стали замѣтно длиннѣе, на ½—1 дюйма и болѣе, вмѣсто прежняго вертикальнаго положенія они наклонились и частію совсѣмъ легли на землю.

---

[1] Слѣдомъ—выраженіе мѣстное, народное, оно означаетъ, что дѣйствіе или состояніе совершается немедленно, въ слѣдъ зачѣмъ-либо: слѣдомъ вязать, слѣдомъ сгребать, слѣдомъ жать, слѣдомъ идти. Выраженіе это очень образно, конкретно и заслуживаетъ введенія въ литературный языкъ.

Особенно характерна была слѣдующая перемѣна: листья прежде сплошь зеленые или красноватые сдѣлались двухъ-цвѣтными: верхняя часть сохранила прежнюю окраску, а низъ на 1/2 — 1 дюймъ отъ земли и болѣе сталъ бѣловатый.

Другими словами: *Озими были выдернуты изъ земли.* Поэтому онѣ повалились на бокъ, сдѣлались длиннѣе и обнаружили подземныя, лишенныя хлорофила и слѣдовательно хлоротичныя части.

Пораженный смысломъ увидѣннаго, я не замѣтилъ, какъ ко мнѣ подошло нѣсколько человѣкъ крестьянъ; оказалось, что они еще не знали, какое горе ожидаетъ ихъ въ близкомъ будущемъ: такъ какъ погода была холодная, а земля все еще сырая, то даже вполнѣ оторванные отъ корней листья ржи оставались попрежнему зелеными и казались живыми, что̀ вводило крестьянъ въ заблужденіе, [1] но стоило лишь взять растенія въ руку и слегка потянуть—они немедленно вынимались изъ земли, „какъ подпаренная шерсть“, говорили крестьяне, когда поняли сущность явленія.

Придя домой, я немедленно написалъ рядъ писемъ къ разнымъ учрежденіямъ и лицамъ. Я писалъ, что приблизительно 2/3 всходовъ уничтожено, что уцѣлѣвшая треть повреждена, но при благопріятныхъ условіяхъ можетъ поправиться, а при исключительно хорошихъ даже дать 2/3 урожая, а если условія будутъ неблагопріятны—надо ждать голода.

Послѣдствія извѣстны. Метеорологическія условія сложились такъ, что наступилъ голодъ. [2]

Могутъ сказать: гдѣ доказательства, что неурожай озимыхъ хлѣбовъ въ средней Россіи въ 1891 году произошелъ вслѣдствіе механическаго поврежденія мартовскими морозами, [3] не гораздо ли проще объяснить гибель озимей такъ же, какъ и яровыхъ хлѣбовъ, засухой и жарами?

Отвѣчаю: Если доказательствъ, вытекающихъ изъ моихъ

---

[1] Въ сырые, прохладные дни даже въ іюнѣ скошенная трава по нѣсколько дней не вянетъ, она лежитъ на рядахъ, какъ *живая.*

[2] Я счелъ долгомъ дать самую широкую огласку результатамъ мартовскихъ наблюденій. Между прочимъ, я послалъ письма Департаменту Земледѣлія и Сельской Промышленности и въ редакцію *Земледѣльческой Газеты.* Ни одно изъ этихъ сообщеній напечатано не было, но это уже не моя вина.

[3] О физіологическомъ поврежденіи ржи морозами въ 7—9° не можетъ быть и рѣчи. Въ 1877 году не только рожь, но и пшеница отлично выдержали безснѣжную до 24 декабря зиму, при морозахъ 25—30°.

и блюденій, недостаточно (хотя они дали мнѣ возможность сдѣлать сбывшееся предсказаніе), то я могу привести такое доказательство, которое никто въ мірѣ отпарировать не въ состояніи; вотъ оно:

Извѣстно, что въ 1891 году въ средней Россіи рожь погибла не вездѣ, а только на *черноземныхъ* и *глинистыхъ* почвахъ, долго удерживающихъ воду, а на *пескахъ*, то-есть на почвѣ, отличающейся большою водопроницаемостью, вездѣ, *безъ исключенія*, уродилась прекрасная рожь, [1] и притомъ не только ранняго сѣва, окрѣпшая съ осени, каковая мѣстами уродилась и на черноземѣ, но и самая поздняя, едва съ осени взошедшая, которая на черноземѣ погибла.

Не угодно ли кому объяснить это явленіе? [2]

Я его объясняю очень просто: на пескѣ, какъ уже выше объяснено, *ячеистый ледъ образоваться не могъ*; прежде чѣмъ начался морозъ, поверхностные слои почвы настолько обсохли, что льду не изъ чего было сформироваться.

Еслибы засуха погубила озими въ 1891 году, то гдѣ же и выразиться было ея губительному вліянію, какъ не на сухихъ, *не влаго-ёмкихъ* песчаныхъ почвахъ.

Могутъ сказать: Если дѣйствительно на песчаныхъ почвахъ посѣвы должны были особенно страдать отъ засухи, то какъ же объяснить, что въ 1891 году здѣсь озими все-таки не пострадали. Вѣдь нельзя же отрицать, что въ 1891 году была засуха, и притомъ очень сильная, продолжительная, сопровождавшаяся жарами, *почему же на пескахъ озими вышли прекрасныя?*

Отвѣчаю: Вопервыхъ, нѣтъ надобности доказывать, что на песчаныхъ почвахъ посѣвы страдаютъ во время засухи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, кто этого не знаетъ? [3] а если нужны доказательства, то ихъ легко почерпнуть изъ опыта хотя бы того же 1891 года. Извѣстно, что въ этомъ году, рядомъ съ прекрасною рожью именно на пескахъ встрѣчались совершенно посохшіе

---

[1] Если мѣстами рожь, *вездѣ на пескахъ прекрасно удавшаяся соломой*, не дала зерна, то это произошло опять не отъ засухи, а отъ майскихъ морозовъ, убившихъ ржаной цвѣтъ.

[2] Позволю себѣ надѣяться, что наши ученые спеціалисты не откажутся дать объясненіе. Я буду благодаренъ каждому, кто отзовется на эту просьбу.

[3] Надѣюсь, что ученые спеціалисты не оставятъ это положеніе безъ вниманія: или подтвердятъ, или опровергнутъ его.

яровые; здѣсь они пострадали замѣтно болѣе чѣмъ на черноземѣ. Но почему же рожь на пескахъ не пострадала отъ засухи?

Очень просто: *Засуха для нея опоздала.*

Припомнимъ ходъ весны 1891 года. Она открылась въ первыхъ числахъ марта и съ тѣхъ поръ до первыхъ чиселъ мая, когда выпалъ послѣдній дождь, земля не просыхала. Это значитъ, что въ продолженіи цѣлыхъ *двухъ первыхъ* мѣсяцевъ весны земля была постоянно влажная. Переложимъ эти данныя на числа, соотвѣтствующія нормальному году. Обыкновенно у насъ (въ Тамбовскомъ уѣздѣ) весна открывается въ первыхъ числахъ апрѣля. Два первые весенніе мѣсяцы будутъ поэтому апрѣль и май. Представьте себѣ, что въ продолженіе *двухъ первыхъ* мѣсяцевъ, то-есть всего апрѣля и всего мая, будутъ идти частые дожди и земля ни разу не просохнетъ. Да вѣдь это идеальная для ржаныхъ посѣвовъ весна, и даже болѣе: въ такую весну на плодородной землѣ рожь не устоитъ, а поляжетъ, и только на пескахъ можно собрать полный урожай (какъ это и случилось), хотя бы съ іюня (въ 1891 году по ходу весны ему соотвѣтствовалъ май) установилась засуха. *Такая засуха опоздаетъ.*

Не ясно ли, что въ 1891 году засуха опоздала на пескахъ? Но она не опоздала на черноземѣ, гдѣ нашла израненныя, разорванныя, однимъ словомъ, механически (травматически) поврежденныя растенія, которыя не успѣли оправиться отъ смертельныхъ ранъ, нанесенныхъ имъ мартовскими морозами. [1]

Могутъ спросить: Почему въ 1891 году рожь уцѣлѣла и отлично уродилась на сѣверѣ Россіи?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить безошибочно, если будетъ извѣстно: 1) въ какомъ видѣ рожь пошла подъ зиму. Можетъ-быть во время сѣва осенью 1890 года здѣсь прошли дожди, и озими хорошо укоренились. Въ такомъ случаѣ ячеистый ледъ не могъ имъ сдѣлать вреда. 2) Возможно и такое предположеніе: не была ли полоса хорошаго урожая подъ снѣгомъ въ то время, когда мартовскій антициклонъ, сопровождаемый морозомъ, губилъ озими средней полосы. 3) Какая температура была здѣсь 10—17 марта? и т. д. Вотъ рядъ вопросовъ, на которые надо имѣть отвѣты, прежде чѣмъ отвѣтить на главный вопросъ.

---

[1] На очень сильныхъ, хорошо удобренныхъ десятинахъ, даже на черноземѣ рожь родилась недурно; это объясняется тѣмъ, что здѣсь, при *особо благопріятныхъ условіяхъ* со стороны почвы, уцѣлѣвшія озими сильно распустились и такимъ образомъ замѣстили убыль.

IV.

Пора, однако, кончить разсужденія объ условіяхъ урожая озимей, иначе этюдъ о морозѣ обратится въ сельско-хозяйственный трактатъ. Чтобъ уйти отъ соблазна, оставимъ поле и пойдемъ въ болото. Не думайте, что мы можемъ тамъ встрѣтить только обманчивый свѣтъ блуждающихъ огней, повѣрьте, что и въ болотѣ можетъ загорѣться путеводный свѣтъ истины.

Зима самое удобное время для прогулокъ по болоту. По глубокому снѣгу лучше всего ходить на лыжахъ, а чтобъ избѣжать утомительнаго движенія цѣликомъ, надо стараться попадать на старый слѣдъ, и такимъ образомъ въ теченіе зимы образуется тропинка. На открытомъ мѣстѣ послѣ метели очень трудно попасть на прежній слѣдъ, но въ лѣсу, пользуясь деревьями какъ діоптромъ, это дѣлается очень легко, если держаться совершенно прямаго направленія, отмѣчая его затесами на деревьяхъ.

Зимой 1890—91 года я избралъ мѣстомъ ежедневныхъ прогулокъ ольховый лѣсъ. Какъ всѣ лѣса этого рода, онъ растетъ на трясинѣ, окаймленной темнымъ лугомъ, который мѣстами въ видѣ мысовъ вдается въ глубь лѣса. Мой путь, какъ объяснено выше, строго прямолинейный, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выходилъ изъ лѣса, пересѣкалъ луговые мысы или, какъ ихъ называютъ, луки, и снова уходилъ въ лѣсъ. Весной, какъ только сбыла полая вода, мнѣ пришлось быть на одной лукѣ и хотя снѣга уже давно не было, но по затесамъ на деревьяхъ я могъ видѣть, гдѣ проходилъ мой зимній путь. Мнѣ бросилось въ глаза, что онъ съ совершенною точностью совпадалъ съ какимъ-то возвышеніемъ почвы, которое узкою полосой въ 1—1½ аршина шириной тянулось черезъ луку. Надъ уровнемъ остальной поверхности луга оно возвышалось на 3—4 вершка.

Въ тотъ же день я попалъ на другую луку и тамъ то же самое. Очевидно эти возвышенія не были естественными (первобытными) неровностями почвы, а находились въ какой-то причинной связи съ зимними прогулками.

Слѣдующій случай придалъ этому загадочному явленію еще большій интересъ.

2 апрѣля 1891 года выпалъ снѣгъ, пролежавшій нѣсколько часовъ. Къ серединѣ дня онъ растаялъ, такъ что, когда я

отправился въ лѣсъ, снѣга нигдѣ не было. Теперь представьте мое удивленіе, когда издали, съ горы, я увидѣлъ, что свѣжевыпавшій снѣгъ уцѣлѣлъ только на тѣхъ загадочныхъ возвышеніяхъ, о которыхъ сказано выше. На зеленоватомъ фонѣ остальной поверхности луга онъ отчетливо выдѣлялся въ видѣ бѣлыхъ правильно и рѣзко очерченныхъ полосъ.

Въ первую минуту я не зналъ, что̀ подумать. Затѣмъ разумѣется дѣло объяснилось, а именно: одновременно даны были слѣдующія условія: суровая зима, болотистый лугъ и очень пушистый снѣгъ, покрывавшій весь лугъ, исключая линіи моего пути. Здѣсь снѣгъ уплотнился и изъ идеально-плохаго проводника тепла сдѣлался проводникомъ хорошимъ. По направленію этой линіи холодъ въ теченіе зимы глубоко проникъ въ почву, заморозилъ въ ней воду, которая, превратившись въ ледъ, приподняла поверхность почвы. Втораго апрѣля земля на всемъ лугу была талая, исключая зимняго пути, здѣсь же на глубинѣ нѣсколькихъ вершковъ подъ землей все еще залегалъ толстый слой льда, который разумѣется производилъ охлаждающее вліяніе на соотвѣтствующую ему поверхность почвы и такимъ образомъ замедлилъ на нѣсколько часовъ растаяніе вновь выпавшаго снѣга.

Изслѣдованіе заступомъ подтвердило предположеніе: на глубинѣ 4—5 вершковъ отъ поверхности почвы оказался ледъ.

Только что описанное наблюденіе имѣетъ значеніе въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, оно наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, что почвенный ледъ дѣйствительно поднимаетъ поверхность земли и притомъ весьма значительно, [1] а вовторыхъ, оно дало мнѣ ключъ къ объясненію происхожденія болотныхъ кочекъ, который я издавна столь же настойчиво, какъ и тщетно, разыскивалъ. [2]

(Теорія образованія болотныхъ кочекъ будетъ напечатана въ слѣдующей статьѣ.)

---

[1] При наблюденіяхъ образованія *ячеистаго льда* въ питомникѣ и на пашнѣ я никогда не могъ точно и наглядно опредѣлить дѣйствительную высоту подъема, такъ какъ въ этихъ случаяхъ поднимается сплошь вся поверхность почвы и нѣтъ точки для сравненія.

[2] Если кто пожелаетъ повторить только что описанное наблюденіе, совѣтую поступить такъ: избравъ мѣсто *на сыромъ* болотистомъ лугу (достаточно одной квадр. сажени или немного болѣе), старательно и аккуратно очищать его отъ снѣга всю зиму до февраля. Весной по стаяніи снѣга окажется, что очищавшійся участокъ сильно приподнятъ.

V.

Едва ли проходитъ болѣе 5 лѣтъ подъ рядъ безъ того, чтобы морозъ не побилъ тѣ или другія культурныя растенія, а между тѣмъ большинство сельскихъ хозяевъ имѣетъ самое смутное понятіе о томъ, какъ совершаются эти поврежденія. Фраза, „какъ странно—морозъ побилъ...“ употребляется въ разговорѣ сельскихъ хозяевъ чаще, чѣмъ бы слѣдовало.

Было время, когда „странные случаи“ происходили и на моихъ поляхъ. Увы, время это миновало безвозвратно, и отъ будущихъ морозовъ я не жду ничего кромѣ убытковъ.

Случилось, что я сдѣлалъ 3 разновременные посѣва гречихи: ранній, средній и поздній. Только что послѣдняя взошла, средняя имѣла 3 листа, а ранняя 4 (считая сѣмя доли), какъ сдѣлался морозъ. Поздняя гречиха осталась невредима, въ средней погибла половина всходовъ, а ранняя убита вся, исключая узкой полосы шириной 2—3 аршина холстомъ тянувшейся чрезъ все раннее поле. По справкѣ оказалось, что эта уцѣлѣвшая полоска соотвѣтствуетъ дорогѣ, которая временно была проложена по полю послѣ первой вспашки земли подъ гречиху. Потомъ дорогу запахали и засѣяли такъ, что до мороза ее нельзя было отличить отъ остальной пашни.

Тотъ же морозъ убилъ на огородѣ турецкіе бобы (фасоль) и тоже не безъ разбора: грядки не прополанныя убилъ дочиста, а у тѣхъ, которыя были прополаны, пощипалъ концы, упиравшіеся въ лугъ, поросшій густою травой.

Съ картофелемъ опять различно: посѣвъ, сдѣланный вдали отъ деревьевъ, или расположенный къ западу отъ нихъ, уцѣлѣлъ, такъ же какъ и на поляхъ имѣвшихъ склонъ къ западу, а картофель, посѣянный на склонахъ, обращенныхъ къ востоку, или примыкавшій къ деревьямъ съ восточной стороны, былъ убитъ.

Все это казазось мнѣ тогда очень страннымъ.

Однажды я встрѣтилъ на большой дорогѣ обозъ переселенцевъ, или какъ ихъ называютъ у насъ сходцевъ, возвращавшихся изъ Сибири назадъ, кажется въ Орловскую губернію. Ничего нѣтъ печальнѣе обратныхъ переселеній! Я остановился и сталъ разспрашивать, отчего эти люди не остались за Ураломъ.

Изъ опыта мнѣ извѣстно, что простолюдины способны подмѣчать такія явленія природы, которыя могутъ ускользнуть отъ вниманія людей, тронутыхъ культурой, но разумѣется, что къ разсказамъ путешествующихъ въ лаптяхъ надо относиться скептически. Вѣрить имъ на слово, безъ критической оцѣнки, иногда столь же рискованно, какъ и путешественникамъ въ пледахъ.

Сходцы очень жаловались на поздніе весенніе морозы, которые, по ихъ словамъ, чуть не каждый годъ побиваютъ посѣвы. Они жаловались еще на камни, во множествѣ покрывающіе пашни и мѣшающіе обработкѣ; „а собрать нельзя, потому что морозъ начинаетъ бить еще сильнѣе“.

Я въ первый разъ слышалъ, что камни защищаютъ растенія отъ мороза и не зналъ, что̀ подумать.

Однажды мнѣ пришлось посѣять ленъ на двухъ смежныхъ и во всемъ совершенно одинаковыхъ десятинахъ, но одна изъ нихъ была нѣкоторое время подъ прогономъ скота, а другая нѣтъ. Первая послѣ вспашки оказалась очень комиста, а вторая разбороновалась хорошо. Стукнулъ морозъ: ленъ на комистой десятинѣ уцѣлѣлъ, а на мягкой убитъ наповалъ. Слѣдующій за морозомъ день вышелъ прохладный, но солнечный.

Раздумывая о „странностяхъ мороза“, я случайно подошелъ къ большему валуну, когда-то найденному въ оврагѣ и привезенному въ садъ. Случайно я дотронулся до него рукой... камень оказался теплымъ! Одно мгновеніе—и все стало ясно.

Всѣ странности, все загадочное разъяснилось до мельчайшихъ подробностей. Какъ будто теплота камня превратилась въ свѣтъ, который озарилъ сознаніе. Камень тепелъ не только потому, что на него цѣлый день падали солнечные лучи, но главнымъ образомъ потому, что относительно нѣкоторыхъ плоскостей, которыми камень ограниченъ, лучи имѣли перпендикулярное или близкое къ перпендикуляру направленіе. Сверхъ того, полученную теплоту камень могъ расходовать только лучеиспусканіемъ и проведеніемъ въ почву, а эти потери ничтожны сравнительно съ расходами на механическую работу, на испареніе, отъ котораго камень защищенъ тѣмъ, что не содержитъ свободной воды.

Но вѣдь почти въ такомъ же положеніи находятся и сухіе комки разбросанные по пашнѣ. Не точно ли такъ же дѣйствуютъ камни, о которыхъ говорили сходцы? Нагрѣтые днемъ, они ночью отдаютъ тепло воздуху и согрѣваютъ окружающія растенія

непосредственно, лучеиспусканіемъ, то-есть *дѣйствуютъ совершенно такъ же, какъ натопленныя зимой печи.*

Поздняя гречиха долѣе противостояла вліянію мороза, нежели ранняя потому, что послѣдняя сильнѣе оттѣняетъ почву и такимъ образомъ мѣшаетъ солнечнымъ лучамъ нагрѣвать землю въ теченіе дня; наступающую затѣмъ морозную ночь она будетъ проводить *съ нетопленными печами.* Кромѣ того, чѣмъ рослѣе растенія, тѣмъ больше общая поверхность ихъ листьевъ, а съ увеличеніемъ размѣровъ испаряющей поверхности увеличивается и потеря теплоты затрачиваемой на испареніе.

Полоска гречихи уцѣлѣла на раннемъ полѣ на мѣстѣ, гдѣ была дорога, очевидно потому, что здѣсь вышла комистая пашня, какъ всегда это бываетъ на утоптанныхъ мѣстахъ.

Картофель уцѣлѣлъ вездѣ, гдѣ могъ пользоваться солнечными лучами до послѣдней минуты дня, до заката солнца, и убитъ тамъ, гдѣ нагрѣваніе прекратилось раньше. Очевидно, что въ послѣднемъ случаѣ морозъ начался раньше и достигъ къ концу ночи большей силы, чѣмъ въ первомъ. Эта разница въ степени охлажденія восточныхъ и западныхъ склоновъ имѣетъ вѣроятно большее значеніе, чѣмъ обыкновенно думаютъ, ошибочно приписывая часто повторяющуюся гибель растеній восточныхъ склоновъ исключительно вліянію восходящаго солнца, слишкомъ быстро повышающаго температуру. Говорятъ, что послѣ мороза солнце обжигаетъ. Разумѣется, нельзя отрицать и то, что быстрыя колебанія температуры вредны живымъ организованнымъ тканямъ.

VI.

Искусство читать книгу природы состоитъ отчасти въ умѣньи читать между строками. Было бы ошибочно разсматривать всѣ случаи поврежденія растеній морозомъ съ какой-нибудь одной точки зрѣнія, упуская изъ виду множество остальныхъ. Мы только что разсмотрѣли случаи поврежденій, зависящіе отъ различной степени поглащенія почвой солнечной теплоты въ теченіе дня предшествовавшаго морозной ночи, причемъ принимали въ разсчетъ и потери теплоты, уходящей на испареніе, а сколько существуетъ еще условій, которыхъ мы даже не коснулись и между тѣмъ они сплошь и рядомъ имѣютъ рѣшающее значеніе, напримѣръ, относительная и абсолютная высота мѣста, рельефъ мѣст-

ности, степень влажности почвы въ связи съ относительною влажностью воздуха и т. д.

Извѣстно, что на низкихъ мѣстахъ морозъ бьетъ сильнѣе, потому что сюда стекаетъ болѣе холодный, то-есть болѣе тяжелый воздухъ, поэтому сосѣдство овраговъ является въ высшей степени полезнымъ для полей въ морозныя ночи. Такія поля могутъ быть залиты волнами морознаго воздуха (ниже нуля) не прежде того, какъ эти волны переполнятъ смежный оврагъ.

Поля низменныя, ровныя, неперерѣзанныя оврагами легко могутъ покрыться слоемъ морознаго воздуха достаточно глубокимъ, чтобы въ немъ утонули, а слѣдовательно и погибли боящіяся мороза растенія. Разумѣется, что указанныя особенности профиля и относительной высоты мѣста имѣютъ вліяніе при безвѣтріи, когда именно и случаются утренники, [1] а при морозахъ съ вѣтромъ топографическія условія не имѣютъ никакого значенія. Порывы вѣтра производятъ такую же пертурбацію въ различно нагрѣтыхъ слояхъ воздуха, какъ ложка въ горшкѣ отстоявшагося молока: одно движеніе—и сливки смѣшаны съ молокомъ.

Въ одной изъ моихъ прежнихъ работъ [2] я указывалъ на прогрессивное развитіе сѣти овраговъ, совершающееся на поверхности земли, какъ на роковое неотразимое бѣдствіе, угрожающее всему роду человѣческому и прежде всего земледѣльческой культурѣ. Теперь мы видимъ, что еслибъ овраговъ совсѣмъ не было, землелѣльческимъ интересамъ грозила бы по временамъ не меньшая опасность, хотя съ другой стороны. [3]

Все условно, все относительно въ природѣ, если мы будемъ

---

[1] Губительные утренники бываютъ и при вѣтрѣ, но къ счастію чрезвычайно рѣдко. Дѣйствіе ихъ распространяется на огромную площадь, что̀ и понятно: если вѣтеръ, смѣшавъ всѣ слои воздуха, не можетъ образовать смѣси выше нуля, то это указываетъ какъ значительны причины, произведшія охлажденія. Обыкновенно вѣтру удается получить смѣсь выше нуля, поэтому народная примѣта, что при вѣтрѣ не бываетъ мороза, имѣетъ нѣкоторое основаніе. Бо̀льшая часть утренниковъ происходитъ вслѣдствіе охлажденія земли и послѣдовательно нижнихъ слоевъ воздуха лученспусканіемъ и испареніемъ.

[2] Отчего мелѣютъ рѣки? *Русскій Вѣстникъ*, 1885 годъ, № 1.

[3] Въ ночь на 27 мая 1889 года въ Тамбовскомъ уѣздѣ рожь была убита на цвѣту и совсѣмъ не дала зерна на *низменныхъ удаленныхъ отъ овраговъ поляхъ*, особенно тамъ, гдѣ не задолго до мороза прошли дожди. На поляхъ высокихъ, изрѣзанныхъ оврагами, въ то же время рожь дала прекрасный сборъ, особенно тамъ, гдѣ до мороза дождя не было.

смотрѣть на нее съ невѣрной, утилитарной точки зрѣнія, позабывъ, что не природа создана для человѣка, а человѣкъ существуетъ въ природѣ.

VII.

Въ предыдущихъ главахъ мы разсматривали механическія и физическія условія дѣятельности мороза. Теперь на очереди условія физіологическія, причемъ мы ограничимся выясненіемъ нѣкоторыхъ отношеній мороза исключительно къ растеніямъ.

Къ сожалѣнію, наши знанія далеко не соотвѣтствуютъ уровню требованій, которыя здѣсь могутъ быть предъявлены, такъ что по истинѣ умѣстно будетъ сказать: мы знаемъ только одно, что мы ничего не знаемъ.

Наука располагаетъ, конечно, богатымъ фактическимъ матеріаломъ, къ которому мы можемъ добавить еще нѣсколько не лишенныхъ интереса случаевъ, но сущность процесса пока остается совершенно неизвѣстною.

На вопросъ, въ чемъ заключается ближайшая причина гибели растеній, подвергшихся вліянію мороза, обыкновенно отвѣчаютъ, что холодъ превращаетъ воду, содержащуюся въ тканяхъ растеній, въ ледъ, который механически повреждаетъ растительную ткань.

Несостоятельность такого взгляда бросается въ глаза. Вѣдь всякое сырорастущее [1] дерево, каждая зимующая трава содержатъ въ тканяхъ соки, то-есть водяные растворы нѣкоторыхъ солей и органическихъ веществъ, и не трудно убѣдиться, что въ сильный морозъ эти соки находятся въ замерзшемъ состояніи, но стóитъ только наступить оттепели, растеніе оттаетъ и останется невредимымъ, и, напримѣръ, молодая осенняя крапива такъ сейчасъ же начнетъ и стрекаться, то-есть весьма осязательно доказывать, что морозъ не повредилъ ни ея желѣзокъ, ни ихъ содержимаго. [2]

Мы знаемъ пожалуй, что древесныя растенія только въ такомъ случаѣ переносятъ зиму, когда до ея наступленія ихъ лѣтній

---

[1] Сырорастущее = живое дерево.

[2] Достойно вниманія, что крапива, способная выносить осенью и зимой до 30° мороза, а можетъ-быть и болѣе, была повреждена майскимъ морозомъ 1889 и іюньскимъ 1875 года.

приростъ успѣлъ одревесенѣть или выражаясь иначе, если древесина созрѣла.

Какъ фактъ, это не подлежитъ сомнѣнію, и практическіе древоводы скажутъ вамъ, что каждое древесное растеніе можетъ только въ такомъ случаѣ переносить климатъ извѣстной страны, если лѣто этой страны достаточно продолжительно для вызрѣванія древесины. На этой формулѣ зиждется пока все дѣло акклиматизаціи растеній.

Съ перваго взгляда можно подумать, что мы такимъ образомъ близко подошли къ познанію истины, можетъ показаться, что мы знаемъ если не сущность, то хоть условія для перезимованія растеній. Къ сожалѣнію, и этого нѣтъ. Деревья, у которыхъ лѣтніе побѣги не вызрѣли, разумѣется, потеряютъ ихъ, а иногда и сами погибнутъ, но рядомъ съ ними, въ буквальномъ смыслѣ рядомъ, растетъ много *травянистыхъ*, зимующихъ растеній, которыя отлично перезимовываютъ. Между ними попадаются иногда очень жирныя, водянистыя, какъ, напримѣръ, представители семействъ Crassulaceae: различные Sedum и Sempervivum. Поэтому травянистое состояніе лѣтняго прироста не исключаетъ возможности перезимованія растеній вообще, а только не благопріятствуетъ перезимованію исключительно древесныхъ растеній.

Рядъ интересныхъ случаевъ, касающихся отношенія мороза къ растеніямъ, описанъ мною въ статьѣ „Мелкіе факты изъ жизни деревьевъ“, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ *Вѣстника Садоводства, Плодоводства и Огородничества* за 1884 годъ. Съ тѣхъ поръ накопилась масса однородныхъ наблюденій, изъ которыхъ приведу здѣсь только самыя интересныя.

Осенью 1888 года я видѣлъ весьма продолжительное цвѣтеніе мѣсячной земляники (janus), длившееся безъ перерыва до наступленія морозовъ, причемъ много бутоновъ не успѣло раскрыться,— они были захвачены зимой. Эти бутоны отлично перезимовали и рано весной, тотчасъ же по стаяніи снѣга, начали распускаться и цвѣсти, какъ будто между осенью и весной не было перерыва въ видѣ суровой 5—6мѣсячной зимы.

Разсказанный случай принадлежитъ къ числу исключительныхъ, я его видѣлъ только одинъ разъ, но есть растеніе, которое позволяетъ дѣлать описанное наблюденіе каждый годъ, а именно: Thlaspi arvensis L, сорное растеніе изъ семейства крестоцвѣтныхъ (Cruciferae), постоянно встрѣчающееся въ озимой пшеницѣ

и на парахъ. До поздней осени оно цвѣтетъ бѣлыми цвѣтами, но много бутоновъ не успѣваетъ раскрыться, они отлично зимуютъ и рано весной, когда въ поляхъ лежитъ еще мѣстами снѣгъ, продолжаетъ цвѣтеніе

Точно также я ежегодно наблюдаю слѣдующій, сколько я знаю, мало извѣстный фактъ: На молодыхъ экземплярахъ бересклета Evonymus verrucosus Scop. очень легко перезимовываютъ листья, они остаются живыми всю весну и далѣе. Единственное условіе, чтобы кустики были прикрыты снѣгомъ. (Съ какого времени — точныхъ наблюденій не сдѣлалъ — думаю не позже января.)

Теперь приведу нѣсколько обратныхъ примѣровъ: опишу случаи померзанія растеній, повидимому, безъ достаточныхъ основаній.

Въ половинѣ сентября 1881 года морозъ около—10° Р. побилъ на смерть молодыя ветлы (Salix viridis), онѣ въ это время еще не остановили роста и побѣги были не зрѣлы.

Нѣсколько лѣтъ спустя вышелъ такой случай: около дома Тамбовской уѣздной земской управы расли тополи. Осенью ихъ подстригли очень сильно, такъ что бо́льшая часть сформировавшихся почекъ была удалена вмѣстѣ съ вѣточками, остались толстыя вѣтви и сучья. Весной они не могли своевременно одѣться листьями и начать ростъ, потому что потребовалась затрата времени на развитіе *скрытыхъ* почекъ. По этой причинѣ, а также и потому, что сильно обрѣзанныя деревья долго продолжаютъ выгонять ростъ, вегетативный періодъ у тополей замедлился настолько, что древесина не успѣла созрѣть, и они зимой погибли.

Далѣе, всѣмъ сельскимъ хозяевамъ извѣстны слѣдующіе факты: 1) Озимая пшеница, посѣянная по свѣжему удобренію, очень часто вымерзаетъ. 2) Падалица яровыхъ хлѣбовъ, взошедшая къ осени, несравненно лучше выноситъ морозъ, чѣмъ сѣянная весной. Вотъ факты, въ которыхъ надо разобраться, чтобы построить теорію физіологическаго отношенія растеній къ морозу.

Единственный выводъ, къ которому мы въ правѣ придти, заключается въ слѣдующемъ: Каждое растеніе особенно чувствительно къ вліянію холода въ періодъ усиленной вегетативной дѣятельности. Вотъ все, что мы можемъ пока сказать. Къ сожалѣнію, это слишкомъ мало. Что касается до специфическихъ отношеній

различныхъ видовъ растеній къ морозу, то-есть почему одни выдерживаютъ жестокую стужу, а другія погибаютъ, едва температура опустится немного ниже нуля, то здѣсь мы ровно ничего не знаемъ, если не считать непонятнаго въ свою очередь химическаго вліянія мороза на растительныя ткани. [1]

VIII.

Отъ положеній неоспоримыхъ, непосредственно вытекающихъ изъ точныхъ наблюденій, мы перешли шагъ за шагомъ въ область явленій весьма сложныхъ, гдѣ неизвѣстное получило рѣшительный перевѣсъ надъ извѣстнымъ.

Раздѣльно и *ясно* мы видѣли условія механическаго дѣйствія мороза. Съ достаточною отчетливостью могли оріентироваться среди разнородныхъ физическихъ условій, но когда коснулись условій физіологическихъ, наши знанія оказались несостоятельны.

Во всѣхъ предыдущихъ изысканіяхъ мы чувствовали однако почву подъ ногами и—что̀ очень важно—могли провести рѣзкую черту, которая отдѣляетъ то, что̀ мы знаемъ, отъ того, чего не знаемъ.

Но и на эти слабые проблески знанія мы не всегда въ правѣ разсчитывать, если будемъ изучать какое бы то ни было явленіе во *всѣхъ* его формахъ.

Въ числѣ явленій, обязанныхъ морозу происхожденіемъ, есть одно столь же обыкновенное, какъ и загадочное, а именно: появленіе узоровъ на стеклахъ въ морозные дни.

Меня всегда поражало сходство этихъ узоровъ съ рисунками растеній, особенно низшихъ формъ: мховъ и плауновъ. Сходство стеблей и листьевъ бываетъ иногда такъ велико, что глазъ невольно ищетъ плодовыя образованія, и я рѣдко прохожу мимо разрисованныхъ морозомъ стеколъ, чтобы не поискать органы воспроизведенія (цвѣты, плоды, сѣмена). Но только одинъ разъ во всю жизнь я нашелъ то, что̀ искалъ, и, постоянно отыскивая, не думалъ никогда найти.

Зимой 1875 или 1876 года въ селѣ Вороновѣ, Тамбовскаго

---

[1] Напримѣръ, подъ вліяніемъ мороза крахмалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходитъ въ сахаръ (картофель).

уѣзда. Александровской волости, въ домѣ бывшаго тогда мировымъ судьей Н. Ѳ. Кашаева я видѣлъ на стеклѣ морозный рисунокъ плауна (Licopodium), причемъ стебли, покрытые листьями, оканчивались явственно нарисованными плодовыми колосьями. Сколько разъ я жалѣлъ впослѣдствіи, что не употребилъ всѣ способы для скопированія рисунка, а еще болѣе о томъ, что неумѣстное, неоправдываемое обстоятельствами, чувство деликатности помѣшало мнѣ выпросить у хозяина завѣтное стекло; кто знаетъ, можетъ-быть, таинственный рисунокъ сталъ бы повторяться на немъ.

Если меня спросятъ: какъ объяснить то, что̀ я видѣлъ въ домѣ г. Кашаева, я отвѣчу: ученые прошлыхъ вѣковъ сказали бы, что это игра природы — lusus naturae, [1] но умъ современнаго естествоиспытателя скорѣе повѣритъ возможности слѣдствія безъ причины, чѣмъ признаетъ правдоподобнымъ объясненіе, основанное на предположеніи о lusus naturae.

Я не знаю, отчего зависитъ сходство морозныхъ рисунковъ на стеклѣ съ дѣйствительно существующими растеніями, но позволю себѣ высказать слѣдующее мнѣніе:

Я думаю, что изъ описаннаго наблюденія, а равно и изъ нѣкоторыхъ другихъ фактовъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, [2] позволительно вывести такое заключеніе: Законы, управляющіе кристаллизаціей неорганическихъ веществъ и лежащіе въ основѣ архитектуры растительныхъ организмовъ, находятся между собою въ какой-то внутренней связи, которая проявляется въ сходствѣ производимыхъ ими формъ, сходствѣ слишкомъ характеристичномъ, чтобы быть случайнымъ.

Ту же мысль можно выразить болѣе опредѣленно, но едва ли отъ этого выиграетъ ясность, можно сказать: Законами кристаллизаціи управляетъ сила, а въ жизненномъ процессѣ растеній проявляется воля. На стеклѣ въ домѣ Вороновой обнаружились тенденціи силы обязательныя впослѣдствіи и для воли, когда

---

[1] Историческая справка: Ученые очень долго и упорно объясняли происхожденіе окаменѣлостей, находимыхъ въ нѣдрахъ земли, игрой природы. Теперь мы не сомнѣваемся, что онѣ обязаны происхожденію дѣйствительно жившимъ организмамъ.

[2] Напримѣръ: изъ смѣси различныхъ растворовъ соли очень часто выкристаллизовываются въ видѣ чистыхъ кристалловъ, а изъ смѣси различныхъ бактерій выдѣляются чистыя колоніи и проч.

первая трансформируется во вторую. Слово воля я употребляю почти въ Шопенгауеровскомъ смыслѣ. Между силой и волей я не допускаю полнаго тождества, а смотрю на нихъ, какъ на различныя фазы развитія міровой энергіи.

Теперь мы должны перейти къ изученію важнѣйшаго изъ продуктовъ мороза, именно снѣга, и предметомъ слѣдующей статьи будетъ поэтому: *снѣжныя сугробы, ихъ жизнь и значеніе въ природѣ.* [1]

Ѳ. Игнатьевъ.

---

[1] Осенью 1891 года во многихъ губерніяхъ, напримѣръ, въ Саратовской, Воронежской и другихъ, рожь пошла въ зиму при такихъ же условіяхъ, какъ у насъ въ 1890 году. Поэтому въ высшей степени важно, какъ пойдетъ весна 1892 года, сложатся или нѣтъ условія благопріятныя для образованія ячеистаго льда и слѣдовательно неблагопріятныя для озимей. Еще важнѣе теперь же убѣдиться не сформировался ли уже ячеистый ледъ съ осени или зимой при оттепеляхъ. Если да—надежды на урожай нѣтъ.

САЛЛИ ДОУЗЪ.

Романъ Бротъ-Гарта, переводъ съ рукописи Ѳ. Д.

VI.

Куртлэндъ сейчасъ же овладѣлъ собой. Его безумная страсть исчезла и онъ въ первый разъ понялъ насколько она была безумна. Вернулся ясный взглядъ на вещи, не затемняемый больше чувствомъ; теперь онъ видѣлъ въ настоящемъ свѣтѣ и свои обязанности, и плантацію, и безпомощныхъ, недавно освобожденныхъ людей, которымъ угрожала преступная злоба, и обѣихъ женщинъ, онъ видѣлъ ихъ не какъ мучительное видѣніе, а просто какъ часть предстоявшей ему работы. Онъ смотрѣлъ на нихъ не сквозь измѣнчивую дымку нѣжности или условныхъ приличій, а съ прямотой дѣловаго человѣка.

Несомнѣнно, выстрѣлъ направленъ былъ въ Като. Если это было сдѣлано даже изъ личной мести, все же виновникъ покушенія дѣйствовалъ повидимому съ полнымъ сознаніемъ своей безопасности отъ преслѣдованія. Это указывало на соучастіе другихъ лицъ и на выработанный планъ дѣйствій. Преступникъ воспользовался грозой, блескомъ молніи и гуломъ громоваго раската, чтобы затруднить немедленное преслѣдованіе, а это было уловкой не безызвѣстною при пограничныхъ засадахъ. Покушеніе могло быть направлено противъ одного лица или же оно было только началомъ общаго нападенія на освобожденныхъ негровъ, находившихся на службѣ у синдиката. Въ первомъ случаѣ, онъ могъ защитить Като, не выпуская его изъ конторыдо

тѣхъ поръ, пока его можно будетъ спровадить въ безопасное мѣсто; въ послѣднемъ онъ долженъ сейчасъ же отправиться въ бараки негровъ и созвать ихъ, а Като взять съ собой. Онъ рѣшился на послѣднее. Негритянскіе бараки отстояли на полмили отъ жилища дѣвицъ Доузъ, а до него было двѣ мили отъ города.

Онъ сѣлъ и написалъ записку миссъ Доузъ, объясняя ей, что въ виду возможности безпорядковъ въ городѣ, онъ считаетъ благоразумнѣе не выпускать негровъ изъ ихъ бараковъ, куда отправляется самъ, а свою экономку съ ребенкомъ отсылаетъ къ ней, такъ какъ имъ лучше оставаться въ безопасномъ мѣстѣ, пока онъ не возвратится въ городъ. Записку онъ отдалъ Зоѣ и приказалъ ей скорѣе отправиться садомъ и полями въ усадьбу. Затѣмъ онъ обратился къ Като:

— Мы сейчасъ пойдемъ въ бараки, сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ,—а револьверъ вы можете сами снести въ оружейную. Онъ передалъ ему револьверъ. Негръ взялъ его съ благодарностью, но вдругъ вопросительно взглянулъ на хозяина. Однако въ выраженіи лица у Куртлэнда не замѣтно было никакой перемѣны. Когда Зоя ушла, онъ продолжалъ спокойнымъ тономъ:

— Мы пройдемъ туда лѣсною дорогой. А такъ какъ негръ казался удивленнымъ, то Куртлэндъ добавилъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ:—Здѣсь пахло сѣрой, Като, отъ пороховаго дыма; съ улицы въ *васъ* кто-то стрѣлялъ и я не желаю, чтобы выстрѣлъ могъ повториться при тѣхъ же благопріятныхъ для преступника условіяхъ.

Негръ сильно взволновался.

— Это сдѣлалъ тотъ подлый песъ—Томъ Хигби, угрюмо сказалъ онъ.

Куртлэндъ внимательно наблюдалъ за нимъ.

— Значитъ дѣло у васъ не ограничилось одними *словами*, Като? Что̀ же произошло? Отвѣча́йте!

— Онъ ударилъ меня хлыстомъ, а я хватилъ его по уху и сбилъ съ ногъ, сказалъ Като; при воспоминаніи къ нему вмѣстѣ съ гнѣвомъ вернулась и смѣлость.—Я имѣлъ право защищаться, сэръ.

— Да; надѣюсь, что вы и теперь сумѣете защититься, спокойно замѣтилъ Куртлэндъ, не обнаруживъ на лицѣ и признака опасенія, что судьба Като была ужь предрѣшена однимъ этимъ ударомъ, которымъ онъ отплатилъ за оскорбленіе.—Но въ баракѣ вамъ будетъ безопаснѣе. Потомъ онъ прошелъ въ спальню; взялъ

револьверъ, лежавшій у изголовья постели; вынулъ другой изъ коммода и вернулся, наскоро спрятавъ ихъ подъ застегнутымъ сюртукомъ.

— Когда мы выйдемъ въ поле и отойдемъ отъ дома, держитесь ближе ко мнѣ, и даже старайтесь идти со мной нога въ ногу. Все, что вамъ нужно сказать, говорите сейчасъ. Разговоровъ не должно быть, чтобы не обнаружить нашего направленія: мы должны идти молча, толковать будетъ некогда, надо только смотрѣть, да слушать. Я стану между вами и всякимъ, кто бы ни напалъ на васъ, но разсчитываю, что вы будете меня слушаться безъ разсужденій.

Онъ отворилъ заднюю дверь; знакомъ приказалъ Като выйти: вышелъ вслѣдъ за нимъ; заперъ за собою дверь на ключъ и взявъ негра за руку, прошелъ вдоль низкой изгороди до конца сада: тамъ они перелѣзли черезъ изгородь и очутились въ открытомъ полѣ.

Къ несчастью, тяжелыя тучи начали расходиться и стало свѣтлѣе, а таинственныя полосы луннаго свѣта то гонялись другъ за другомъ по полю, то серебрили дождевыя лужи между кочками. Чтобы ближе пройти, надо было взять прямо поперекъ поля и выйти на опушку лѣса, но теперь этотъ путь былъ самымъ открытымъ; безопаснѣе было идти вдоль изгороди до конца поля и до пограничнаго забора и въ тѣни его перейти поле подъ прямымъ угломъ, но при этомъ они потеряли бы много времени, а оно было дорого. Предполагая, что нападавшій на Като все еще держится гдѣ-нибудь по близости вмѣстѣ съ товарищами, Куртлэндъ окинулъ быстрымъ взглядомъ темную линію изгороди, около которой они стояли. Вдругъ Като схватилъ его за руку и указалъ по тому же направленію на замѣченный уже имъ пограничный заборъ изъ неотесанныхъ кольевъ, пересѣкавшій поле. При свѣтѣ низко стоявшаго мѣсяца, который освѣщалъ его сзади, онъ представлялся темною чертой съ блестящими серебристыми просвѣтами на освѣщенное луной поле. Сначала Куртлэндъ ничего больше не замѣтилъ. Затѣмъ его вдругъ поразило то обстоятельство, что просвѣты послѣдовательно и регулярно затемнялись, какъ будто за ними передвигались какіе-то непрозрачные предметы.

По ту сторону забора, другъ за другомъ, пробирались нѣсколько человѣкъ къ его дому, держась въ тѣни во время перехода черезъ поле. По приблизительному разчету числа мелькавшихъ тѣней, тамъ было человѣкъ двѣнадцать или пятнадцать.

Онъ не могъ дольше сомнѣваться въ ихъ намѣреніяхъ и не было времени для раздумыванія. Очевидно ему съ Като необходимо добраться до негритянскихъ бараковъ, хотя бы для этого пришлось перейти поле по открытому мѣсту. Онъ зналъ, что они будутъ избѣгать нападенія на него лично изъ боязни возможнаго вмѣшательства правительства и политическихъ усложненій и рѣшилъ воспользоваться этимъ для спасенія Като. Положивъ руки на плеча негра, онъ сталъ подталкивать его впередъ, шагая за нимъ нога въ ногу и держась такъ близко къ нему, что самому искусному стрѣлку было бы невозможно выстрѣлить въ одного, не рискуя попасть въ другаго. На половинѣ пути чрезъ поле, онъ замѣтилъ, что виднѣвшіяся въ просвѣтахъ забора тѣни пріостановились. Враги очевидно увидали двойное появленіе его и Като, поняли его уловку и, какъ онъ разсчитывалъ, не рѣшались стрѣлять. Онъ достигъ противоположнаго края вмѣстѣ съ Като и никто ихъ не тронулъ, а оттуда онъ замѣтилъ, что тѣ же тѣни снова задвигались, но ужь въ обратную сторону. Очевидно они старались опередить бѣглецовъ, но Курлэндъ зналъ, что шансы будутъ равны, разъ ему удастся добраться до лѣса. Като казался теперь менѣе взволнованнымъ и къ нему отчасти вернулся даже его прежній задоръ, остановленный раньше Куртлэндомъ. Хотя послѣдній и не довѣрялъ храбрости своего надсмотрщика, но повидимому явилась нѣкоторая надежда на благополучное доставленіе его до мѣста.

Необходимо было также довѣриться его большему знанію лѣсныхъ тропинокъ и окружающей мѣстности и, продолжая идти между нимъ и его преслѣдователями и прикрывать его отступленіе, Куртлэндъ предоставилъ Като указывать дорогу. Она шла по опускавшейся постепенно отлогости; мѣсто мелкаго подлѣска вскорѣ занялъ упругій мохъ, а отъ черныхъ стволовъ кипарисовъ стало значительно темнѣе. Ползущія лозы и ліаны били ихъ по лицу, у самой почвы ощущался какъ бы потокъ сыраго воздуха, въ которомъ ихъ ноги медленно передвигались словно въ текучей водѣ. До сихъ поръ не было еще никакихъ признаковъ преслѣдованія, но Куртлэндъ чувствовалъ, что оно не оставлено. У него еле хватило времени остановить негра, у котораго вырвалось восклицаніе, когда впереди имъ обоимъ ясно послышался топотъ скачущихъ лошадей. Это былъ второй отрядъ ихъ преслѣдователей, который очевидно былъ посланъ, чтобы помѣшать ихъ выходу изъ лѣса, пока тѣ, отъ которыхъ они только что ускольз-

нули, медленно и молча шли за ними пѣшкомъ. Такимъ образомъ они попали между двухъ огней.

— Что̀ за мѣстность влѣво отъ насъ? быстрымъ шепотомъ спросилъ Куртлэндъ.

— Болото.

Куртлэндъ стиснулъ зубы. Его несчастный спутникъ спокойно завелъ ихъ обоихъ въ западню! Однако, у него быстро созрѣло рѣшеніе. При лунномъ свѣтѣ, сквозь порѣдѣвшій лѣсъ виднѣлись уже фигуры всадниковъ.

— Вѣдь здѣсь проходитъ межа нашей плантаціи? То поле за ней уже наше?—спросилъ онъ.

— Да, отвѣтилъ негръ,—но до бараковъ еще двѣ мили.

— Ничего. Стойте здѣсь, пока я вернусь или позову васъ. Я пойду, переговорю съ этими молодцами. Но если вы цѣните свою жизнь, не смѣйте ни говорить, ни двигаться.

Онъ спокойно прошелъ между деревьями и вышелъ на поле освѣщенное луной. Появленіе его встрѣчено было подавленными восклицаніями и къ нему направилось съ полдюжины всадниковъ, замаскированныхъ и вооруженныхъ винтовками. Но онъ ожидалъ ихъ спокойно, не двигаясь, и когда ближайшій подъѣхалъ къ нему, онъ крикнулъ: „Стой!“

Повелительно звучавшій командный возгласъ заставилъ всадниковъ машинально подтянуть поводья.

— Что̀ вы дѣлаете тутъ? спросилъ Куртлэндъ.

— Мы полагаемъ, что это только *насъ* касается, полковникъ.

— Это касается и *меня* тоже, такъ какъ вы находитесь на землѣ того имѣнія, гдѣ я распоряжаюсь.

Говорившій съ нимъ не нашелся сразу, что̀ отвѣтить и вопросительно посмотрѣлъ на товарищей.

— Допускаю, что въ этомъ вы правы, полковникъ, сказалъ онъ наконецъ, съ дерзкимъ сознаніемъ того, что сила на ихъ сторонѣ,—и я пожалуй скажу вамъ, что намъ нуженъ негръ, который по всему смахиваетъ на вашего Като. Противъ *васъ*, полковникъ, мы ничего не имѣемъ и не хотимъ трогать вашего имущества и вмѣшиваться въ ваши распоряженія, но мы не допустимъ и иноземцевъ вмѣшиваться въ *наши* распоряженія и обычаи. Давайте сюда вашего негра—вы, Сѣверяне, вѣдь не считаете ихъ своимъ имуществомъ—и мы уѣдемъ съ вашей земли.

— А могу я спросить, на что̀ вамъ Като понадобился? спокойно спросилъ Куртлэндъ.

— Чтобы показать ему, что никакой федеративный законъ во всемъ аду не спасетъ его, разъ онъ ударилъ бѣлаго, порывисто вмѣшался одинъ изъ замаскированныхъ, выѣзжая впередъ.

— Тогда вы заставляете меня показать вамъ, сказалъ Куртлэндъ, не мѣняя тона,—что̀ въ защиту федеративныхъ законовъ можетъ сдѣлать каждый гражданинъ Федераціи. Потому что я убью перваго, кто попробуетъ тронуть его на моей землѣ. Нѣкоторыхъ изъ васъ, пробовавшихъ уже совершенно хладнокровно убить его въ предѣлахъ вашихъ владѣній, я встрѣчалъ раньше въ болѣе честномъ бою, чѣмъ этотъ, и они знаютъ, что я умѣю держать свое слово.

Послѣдовало минутное молчаніе, револьверъ блеснулъ у него въ рукѣ при лунномъ свѣтѣ, но онъ не двинулся съ мѣста. Двое всадниковъ подъѣхали къ тому, который говорилъ первымъ и обмѣнялись съ нимъ нѣсколькими словами. Послышался легкій смѣхъ и первый снова обратился къ Куртлэнду съ насмѣшливою вѣжливостію:

— Прекрасно, полковникъ; если это ваше мнѣніе и вы не допускаете насъ охотиться за дичью на вашей землѣ, намъ остается только уступить мѣсто тѣмъ, которые могутъ это дѣлать. Сожалѣемъ, что безпокоили васъ; покойной ночи!

Онъ иронически приподнялъ шляпу, махнулъ ею товарищамъ и, въ слѣдующую минуту, всѣ они бѣшено помчались по направленію къ большой дорогѣ.

Въ первый разъ за весь вечеръ Куртлэндъ нервно вздрогнулъ отъ опасенія. Неизвѣстная опасность предстоящая смѣлому человѣку всегда страшнѣе для него, чѣмъ самыя грозныя бѣды, которыя онъ можетъ предвидѣть и обдумать. Куртлэндъ инстинктивно понялъ, что ихъ фраза не была пустымъ хвастовствомъ ради прикрытія пораженія; было еще что-то, на что̀ они съ увѣренностью разсчитывали, но что̀ именно? Не было ли это только зловѣщимъ намекомъ на другой отрядъ продолжавшій слѣдить за ними, на который теперь только и полагались ихъ враги? Онъ быстро вернулся къ Като; бѣлые зубы глуподовѣрчиваго негра блеснули въ улыбкѣ воображаемаго торжества, которою онъ встрѣтилъ хозяина. У Куртлэнда замерло сердце.

— Мы еще не вышли изъ лѣсу, Като, сухо сказалъ онъ,— такъ же, какъ и они. Откройте глаза и уши и слушайте, что̀ я скажу. Какъ долго можемъ мы идти лѣсомъ, не уклоняясь отъ нашего пути?

— Есть тропинка по краю болота, сэръ, но надо вернуться немного, чтобъ ее найти.

— Не бѣда.

— Но на этой тропинкѣ много змѣй. Насъ-то онѣ обыкновенно не трогаютъ... Но... онъ нерѣшительно растянулъ слова,— бѣлымъ плохо отъ нихъ приходится.

— Прекрасно! значитъ для нашихъ преслѣдователей это такъ же скверно, какъ и для меня. Этого достаточно. Указывайте дорогу.

Они осторожно пошли назадъ, пока негръ не свернулъ на боковую болѣе освѣщенную тропинку. Какой-то странный, удушливый запахъ подымался отъ гнилыхъ листьевъ и мха, шуршавшихъ подъ ихъ ногами. Нѣсколько минутъ они продолжали идти молча; захирѣвшіе ивы и кипарисы становились все рѣже и рѣже, и все чаще встрѣчались открытыя мѣста, поросшія осокой. Куртлэндъ снова началъ бояться за негра, котораго здѣсь легче было замѣтить, и ближе придвинулся къ нему, когда вдругъ тотъ схватилъ его за руку и сильно задрожалъ. Губы у него раскрылись, зубы и глаза заблестѣли; отъ страха у него замерло дыханіе и онъ не могъ говорить.

— Въ чемъ дѣло, Като? спросилъ Курлэндъ, инстинктивно оглядываясь.—Говорите же! Змѣя что̀ ли васъ ужалила?

Слова эти вызвали у несчастнаго безумно-отчаянный крикъ.

— Какая тамъ змѣя! Нѣтъ. Но, развѣ вы не слышите, какъ они бѣгутъ... Тамъ!.. Боже мой!.. Развѣ вы ихъ не слышите?'.

— Кого?

— Собакъ!.. Борзые!... Волкодавы!... Они натравили ихъ на меня.

Это было вѣрно. Теперь и Куртлэндъ услыхалъ звуки отдаленнаго лая. Онъ понялъ настоящее, жестокое значеніе словъ предводителя шайки: „Тѣ, которые могутъ“ преслѣдовать, явились за своею добычей!

Послѣдніе признаки мужества исчезли у дрожавшаго негра. Стараясь его успокоить и побудить къ самозащитѣ, Куртлэндъ рѣшительнымъ движеніемъ положилъ ему руку на плечо.

— Довольно! Я здѣсь, и постою за васъ, что̀ бы ни случилось! Собаки не такъ страшны, какъ негодяи, которые натравили ихъ на васъ. Ободритесь или, по крайней мѣрѣ, помогите мнѣ при столкновеніи.

— Нѣтъ! нѣтъ! кричалъ обезумѣвшій отъ ужаса негръ.— Пустите меня! Пустите назадъ къ господамъ! Скажите имъ, что

я приду! Скажите, чтобъ отозвали собакъ и я приду безъ сопротивленія! Пустите!..—Онъ неистово рвался изъ удерживавшихъ его рукъ.

Вѣроятно, подъ самообладаніемъ, хладнокровіемъ и привычкой къ дисциплинѣ, у Куртлэнда все еще сохранилось кое-что изъ характера старинныхъ піонеровъ. Лицо у него поблѣднѣло, глаза мрачно блеснули и только голосъ сохранилъ свою ровную отчетливость, которая въ эту минуту дѣлала его для негритянскаго слуха даже болѣе страшнымъ, чѣмъ лай натравленныхъ собакъ.

— Като, сказалъ онъ,—попробуйте только убѣжать теперь, и, клянусь Богомъ! живой вы собакамъ не достанетесь! Сюда! Лѣзьте на это дерево. Онъ указалъ на болотную магнолію,—и не смѣйте двигаться, пока я буду въ состояніи держаться! А тогда спасайтесь какъ знаете... Подталкивая его, онъ дотащилъ безмолвнаго теперь Африканца до одиноко стоявшаго дерева; когда лай одной изъ собакъ сталъ приближаться, негръ конвульсивно вскарабкался съ помощью колѣнъ и плечъ Куртлэнда до вѣтви футахъ въ двѣнадцати отъ земли. Куртлэндъ вынулъ револьверъ, выступилъ нѣсколько шаговъ впередъ на открытое мѣсто и сталъ ждать нападенія.

Оно началось неожиданно. Злобный, задыхающійся лай, бѣшено предвкушающій добычу, раздался у Куртлэнда за спиной, заставивъ его быстро обернуться, и мимо него промелькнула сѣроватая неопредѣленная тѣнь съ змѣиною шеей и оскаленными зубами. Съ ужаснымъ, сверхъестественнымъ инстинктомъ она безошибочно направилась къ одинокому дереву! Но это доставило удобный случай Куртлэнду. Блеснулъ огонь его револьвера и онъ не промахнулся. Животное съ пробитою головой ударилось по инерціи о дерево, перевернулось и въ судорогахъ покатилось по землѣ. Снова послышался лай приближавшійся по тому же направленію. Куртлэндъ понялъ, что преслѣдователи перегнали его и собаки бѣжали прямикомъ черезъ болото. И онъ приготовился; опять такая же тѣнь, чудовищная и воздушная, какъ кошмаръ мелькнула на освѣщенномъ мѣстѣ, но на этотъ разъ она была остановлена и повалена раньше, чѣмъ успѣла добѣжать до дерева. Возбужденный, разгорѣвшійся отъ борьбы, онъ почти презрительно отвернулся отъ убитыхъ животныхъ лежавшихъ у его ногъ, чтобы встрѣтить нападеніе болѣе трусливыхъ охотниковъ, которые, какъ онъ зналъ, слѣдовали за ними по пятамъ.

Въ эту минуту первому изъ нихъ пришлось бы плохо. Это былъ уже не разсудительный дѣлецъ и дипломатъ - управитель, не хладнокровный посредникъ въ сталкивающихся интересахъ, онъ готовился встрѣтить ихъ не съ однимъ дисциплинированнымъ солдатскимъ безстрашіемъ, но съ возбужденною враждебностью и партійною ненавистью, равною ихъ собственной.

Однако, къ его удивленію, никто не являлся; слышенъ былъ лай третьей собаки, но казалось ее кто-то заставилъ смолкнуть и остановилъ; затѣмъ молчаніе нарушили крики спорившихъ голосовъ и топотъ копытъ. За этимъ послѣдовали два, три отдаленные выстрѣла, но не по направленію негритянскихъ бараковъ или усадьбы Доузовъ. Преслѣдованіе было прервано, произошла какая-то диверсія, но онъ не понималъ, что̀ случилось. На мысль ему не приходило никого, кто бы могъ вмѣшаться въ его пользу, и крики, и споры повидимому раздавались въ томъ же отрядѣ его преслѣдователей. Онъ осторожно позвалъ Като. Негръ не отвѣчалъ. Онъ подошелъ къ дереву и сталъ его нетерпѣливо трясти. Но вѣтви его опустѣли; Като ушелъ. Несчастный негръ, должно-быть, воспользовался первою же удобною минутой, чтобы бѣжать. Но куда онъ бѣжалъ и какъ это случилось? На это не было никакихъ указаній.

Куртлэндъ не обращалъ вниманія на тропинку, которою они шли и поэтому не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, гдѣ находится. Онъ зналъ, что ему надо вернуться на опушку, подъ кипарисы, чтобы выйти въ поле и добраться до негритянскихъ бараковъ, куда, можетъ-быть, Като и успѣлъ еще добѣжать. Опредѣлявъ приблизительно направленіе по немногимъ звѣздамъ, сіявшимъ надъ поляной, онъ попытался вернуться по своимъ слѣдамъ, но ему теперь не хватало негра и его знанія лѣса. Мѣстами его ноги запутывались въ ползущихъ лозахъ, которыя какъ бы обвивались вокругъ нихъ съ зловѣщимъ предзнаменованіемъ; мѣстами колеблющаяся подъ ногами почва указывала на опасную близость болота и на то обстоятельство, что онъ начинаетъ вращаться по кругу, въ силу безнадежнаго инстинкта всѣхъ растерявшихся и заблудившихся. Къ счастью, на окраинѣ болота должны встрѣтиться болѣе открытыя мѣста и ему удастся опять опредѣлить направленіе по звѣздамъ. Но ему стало холодно и безполезныя усилія утомили его; когда же, наконецъ, послѣ новаго, болѣе продолжительнаго обхода, онъ опять подошелъ къ болоту, то рѣшилъ идти вдоль края, чтобъ отыскать

другой выходъ. Впереди было свѣтлѣе, какъ-будто тамъ находилась большая поляна или расчищенное мѣсто, а въ концѣ болота что-то блестѣло, словно блуждающій огонекъ или чистая вода. Еще нѣсколько шаговъ и онъ дошелъ до этого мѣста, съ котораго на противоположномъ краю болота увидѣлъ залитый луннымъ свѣтомъ пригорокъ съ симметричными рядами бѣлыхъ квадратовъ, спускавшихся въ лощину, гдѣ блистали колонны, пирамиды и кресты. Это было кладбище; бѣлые квадраты на пригоркѣ были могилы павшихъ на войнѣ. И между ними, даже на этомъ разстояніи, какъ негодующій призракъ, ясно виднѣлся обломанный столбъ надъ прахомъ Честера Брукса.

Съ картиной этого злополучнаго мѣста, котораго онъ не видалъ со времени послѣдней встрѣчи съ Салли Доузъ, на него надвинулась волна воспоминаній. Бѣловатый туманъ, нависшій надъ дальнимъ концомъ болота, показался ему дымомъ его батареи, сквозь который неслась въ атаку на орудіе зловѣщая фигура убитаго всадника; въ бѣлыхъ перьяхъ похороннаго вѣнка представился ему воздушный обликъ миссъ Салли. Еще мгновеніе и—обезсиленный—онъ подпалъ бы опять подъ власть ея очарованія, воспроизведеннаго памятью, но съ негодованіемъ отвергнулъ эту мысль, быстро вспомнивъ ея ничѣмъ не вызванный обманъ и свою слабость. Повернувшись спиной къ кладбищу, онъ сердито, но съ какимъ-то суевѣрнымъ чувствомъ углубился опять въ темноту бездорожнаго лѣса. Но онъ сознавалъ, что глаза его постепенно затуманиваются и силы падаютъ. По временамъ ему приходилось останавливаться и собираться съ мыслями, начинавшими блуждать и какъ бы тяжелѣть подъ вліяніемъ какихъ-то убійственныхъ міазмовъ, которые подымались вокругъ него. Ему казалось даже, что онъ слышитъ знакомые голоса, но онъ не довѣрялъ своему слуху. Наконецъ, онъ споткнулся. Протянувъ руку, чтобъ опереться на что-нибудь, онъ тяжело упалъ на траву, ударившись о мягкій, эластичный корень, который—это вѣроятно былъ самообманъ—какъ бы задвигался подъ нимъ. Ему даже показалось—такъ отуманены были его чувства—что этотъ корень сердито набросился на его протянутую руку. Рѣзкая боль проницала ее отъ локтя до плеча и на мгновеніе возвратила его къ полному сознанію. Разумѣется, слышались голоса и конечно голоса ихъ преслѣдователей! Если они хотятъ отомстить ему за спасеніе Като, онъ готовъ ихъ встрѣтить! Онъ всталъ на ноги и взвелъ курокъ у револьвера. Между деревьями

блеснулъ огонь факела. Но въ то же время пелена затянула ему глаза, онъ зашатался и упалъ.

Наступилъ промежутокъ безпомощнаго полусознанія. Онъ почувствовалъ, что его подымаютъ и несутъ сильныя руки, а его собственная рука виситъ безсильная. Тяжелая сырость лѣса вскорѣ смѣнилась свѣжимъ воздухомъ открытаго поля, при лунномъ свѣтѣ потушены были пылавшіе сосновые факелы. Какіе-то люди толпились около него, но виднѣлись они такъ неясно, что онъ не могъ ихъ узнать. Казалось, все сознаніе его сосредоточилось на жгучей боли въ рукѣ. Онъ понялъ, что его кладутъ на землю, отрѣзываютъ рукавъ у самаго плеча;—почувствовалъ облегченіе, когда горячая, опухшая рука обнажилась на ночномъ воздухѣ и ощутилъ легкое, освѣжающее, не поддающееся описанію давленіе на ранкѣ, которой раньше не чувствовалъ. Затѣмъ раздался голосъ—громкій, лѣниво протестующій и знакомый ему,—который онъ тщетно старался признать...

— Спаси Господи, миссъ Салли! Что̀ вы дѣлаете? Вы убьете себя! Навѣрно убьете!..

Странное давленіе продолжалось, ощущаемое даже сквозь боль. Затѣмъ оно прекратилось и голосъ, отъ котораго онъ вздрогнулъ, произнесъ:

— Это одно только и можетъ его спасти! Молчите! Болтливая черная ворона! Скажите хоть одно слово объ этомъ кому-нибудь и я велю васъ высѣчь! Теперь достаньте бутылку и вылейте всю водку ему въ горло!..

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПИСЬМА О КРЫМѢ.

Я писалъ эти письма по дневнику, который я велъ въ продолженіи этого путешествія.

Графъ де-Людольфъ.

Письмо первое.

Въ карантинѣ близъ Севастополя, 3 мая 1787 года.

Мы выѣхали изъ Буюкдере въ ночь 25 апрѣля, при самомъ сильномъ южномъ вѣтрѣ. Каналъ мы проплыли менѣе чѣмъ въ два часа, а къ восьми часамъ утра мы уже потеряли изъ глазъ землю. Мы радовались столь благопріятной погодѣ и, искренно желая ея продолженія, разсчитывали, что такъ какъ намъ предстоитъ плаваніе не болѣе какъ во сто миль, то мы и совершимъ его не болѣе какъ въ два дня; но вскорѣ вѣтеръ перемѣнился, сдѣлался встрѣчнымъ, и все время, до окончанія нашего пути, дулъ съ сѣвера. 29-го мы увидали горы Балаклавы, расположенныя въ самой южной части Крыма. Я уволю васъ отъ описанія бури, которую мы чувствовали, однако, довольно слабо, я не стану вамъ расказывать, какъ мы страдали въ открытомъ морѣ, на многихъ изъ насъ качка дѣйствовала весьма сильно. Вы легко можете представить себѣ, что при встрѣчномъ вѣтрѣ на корабль къ намъ забралась скука; не знаю, чѣмъ занимались мои спутники, что же до меня, то воображеніе мое не осталось празднымъ, весьма часто оно переносило меня въ Константинополь, а оттуда въ Крымъ. Вы лучше меня знаете, что воображеніе наше расширяетъ намъ мѣрку возможнаго въ хорошую ли,

въ дурную ли сторону, и питаетъ желанія надеждой ихъ удовлетворенія. Съ самой полуночи Севастополь находился уже у насъ въ виду, но встрѣчный вѣтеръ все заставлялъ насъ лавировать, нисколько не подвигаясь впередъ. Берегъ съ этой стороны очень низменный, но окружающія южную часть Балаклавскія горы очень высоки, и служатъ указаніемъ судамъ, огибающимъ Херсонесскій мысъ, на самомъ окончаніи котораго видны развалины стариннаго маяка; налѣво вдали видна вершина одиноко стоящей горы, самой высокой во всемъ Крымѣ и названной, вслѣдствіе своихъ очертаній, Татарами *Чатырдагомъ* (Шатеръ-гора), но князь Потемкинъ, нерасположенный ко всѣмъ татарскимъ названіямъ, назвалъ ее *горой Геллейономъ*.

30 апрѣля, въ пять часовъ вечера, мы бросили якорь близь Севастопольской гавани, въ маленькой пустынной бухтѣ, гдѣ мы должны были выдержать карантинъ. Командиръ флота, графъ Войновичъ, явился встрѣтить г. Булгакова и заявилъ намъ, что мы должны пробыть въ карантинѣ пять дней. Графъ показался мнѣ человѣкомъ любезнымъ; онъ свободно говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ, и пріобрѣлъ себѣ такую репутацію, которая естественнымъ образомъ доставила ему и тотъ постъ, который онъ занимаетъ, и знаки орденовъ Св. Владиміра и Св. Георгія. Мѣстечко, гдѣ мы стали на якорѣ, предназначено для карантина, но оно не только совершенно пустынно, но даже не позаботились о томъ, чтобы возвести тамъ какія бы то ни было строенія, такъ что, если не спать подъ открытымъ небомъ въ крайне холодныя и вредныя для здоровья ночи, приходится довольствоваться пребываніемъ на кораблѣ. При нашемъ прибытіи мы нашли приготовленными на землѣ двѣ палатки, но всѣ предпочли остаться на кораблѣ, гдѣ мы очень удобно устроились. Намъ предоставили свободу сколько угодно гулять по окрестности, съ тою, однако, предосторожностью, чтобы насъ сопровождалъ карантинный офицеръ для отстраненія отъ насъ всѣхъ. Предосторожность довольно излишняя, потому что за исключеніемъ нѣсколькихъ солдатъ, приставленныхъ къ намъ для нашей безопасности, нигдѣ не встрѣтишь ни одной живой души. Здѣсь находился древній городъ Херсонесъ, развалины котораго покрываютъ довольно значительное пространство; уцѣлѣвшія еще стѣны сложены изъ тесанаго камня, который ежедневно выламываютъ для постройки новыхъ домовъ въ Севастополѣ, которые не будутъ имѣть ни красоты, ни прочности прежнихъ строеній. Мнѣ трудно дать вамъ

точное подробное описаніе этого древняго города; покрываемое имъ пространство представляетъ собою зрѣлище всеобщаго опустошенія, а окружающія его окрестности въ настоящее время представляютъ собою не болѣе, какъ обширную дикую пустыню, покрытую развалинами и обломками.

Куда ни глянетъ взглядъ не видно ни одного жилища, ни одного дерева. И по морскимъ берегамъ и даже внутри страны есть глубокія обширныя пещеры; первыя по всей вѣроятности вымыты водой и повидимому море нѣкогда покрывало всю эту мѣстность, на это достаточно указываютъ замѣчаемые всюду обломки морскихъ судовъ; пещеры же внутреннія, повидимому, сдѣланы рукой человѣка, во многія изъ нихъ ведутъ высѣченныя въ утесѣ ступеньки; въ нѣкоторыхъ пещерахъ есть колонны, поддерживающія своды; въ другихъ встрѣчается узкая окружающая ихъ эстрада. Пещеръ этихъ очень много и нѣкоторыя изъ нихъ между собой сообщаются. Не знаю для чего онѣ могли служить прежде, въ настоящее же время въ нихъ складываютъ находящіеся въ карантинѣ товары. Точно также пещеры эти являются единственнымъ обиталищемъ для тѣхъ, кто не желаетъ жить на кораблѣ. При раскопкахъ въ развалинахъ Херсонеса найдено множество медалей Александра Великаго, нѣкоторыхъ римскихъ императоровъ и Русскаго царя Владиміра Перваго, явившагося сюда въ 988 году, чтобы креститься. Онъ женился на дочери Константинопольскаго императора Аннѣ, а дочь его внука [1] *Ярослава* въ 1051 году вышла замужъ за Генриха I французскаго.

На дняхъ я дошелъ, гуляя, до большаго Севастопольскаго порта, находящагося на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ этого мѣстечка. Я былъ пораженъ красотой порта; я видѣлъ только нѣкоторую его часть, гдѣ нѣсколько военныхъ кораблей стояли на якорѣ въ бухтахъ, изъ которыхъ каждая представляетъ собою обширную, вполнѣ защищенную гавань. Входъ въ главный портъ очень узокъ и хорошая батарея въ состояніи защищать его отъ всякой морской атаки. Никакъ нельзя назвать городомъ двѣ длинныя улицы, состоящія изъ офицерскихъ, матросскихъ и солдатскихъ бараковъ, съ маленькою церковью, нѣсколькими магазинами и адмиралтействомъ; почти всѣ строенія здѣсь покрыты соломой. На зданіи адмиралтейства отразилась та

---

[1] Замѣчаніе редакціи: разумѣется сына.

поспѣшность, съ которою старались всему придать видъ великолѣпія и важности, замѣтно, что здѣсь трудно было справиться съ постройкой за отсутствіемъ средствъ. Видъ этого порта былъ бы великолѣпенъ, еслибъ окружающіе его холмы были заселены, воздѣланы и покрыты лѣсомъ. Съѣстные припасы для эскадры, какъ-то: мука, сухари, соленое мясо, съ большими издержками привозятся сюда изъ Россіи, а нѣкогда столь густо заселенный и столь плодородный Крымъ не въ состояніи кормить остающихся въ немъ немногочисленныхъ жителей; здѣсь всего мало и все здѣсь страшно дорого, дрова доставляются сюда болѣе, чѣмъ за двадцать, за тридцать верстъ. У насъ были блюда, состоящія изъ рыбъ различныхъ сортовъ; я назову вамъ нѣкоторыя изъ нихъ, которыхъ у насъ нѣтъ въ Леванте; это осетрина и судакъ, очень нѣжныя рыбы, которыя въ большомъ количествѣ ловятся зимой и которыя несравненно рѣже попадаются въ это время года.

Въ здѣшней мѣстности существуетъ всего одинъ огородъ, впрочемъ крайне бѣдный; здѣсь есть цикорій и въ большомъ количествѣ дикая, довольно толстая, но горькая спаржа, которые и замѣняютъ собою всякіе другіе овощи.

Письмо второе.

Севастополь, 5 мая 1787 г.

Вотъ мы и внѣ карантина: я не скажу, чтобы мы вздыхали о томъ, чтобъ онъ поскорѣе кончился, потому что онъ продолжался всего пять дней, которые мы провели весьма пріятно, не будучи нисколько стѣсняемы въ нашихъ прогулкахъ. Сегодня насъ окончательно выпустили на свѣтъ. Губернаторъ Крыма и его братъ генералъ Каковскій (?) пріѣзжали послѣ, чтобы видиться съ г. Булгаковымъ; они его старинные друзья. Намъ очень хвалили губернатора, онъ дѣйствительно весьма любезенъ, очень образованъ и легко изъясняется на нѣсколькихъ языкахъ. Младшій его братъ—генералъ, главнокомандующій и въ его вѣдѣніи находится военная часть; онъ говоритъ только по-русски, весьма плохо по-нѣмецки, и крайне рѣзокъ. Господъ этихъ сопровождалъ графъ Войновичъ и часовъ въ 11 мы сѣли въ его шлюпку, которая и отвезла насъ въ Севастополь, гдѣ мы и поѣхали къ нему. Домикъ у него хотя и невеликъ, но довольно

удобный; онъ былъ выстроенъ въ англійскомъ вкусѣ покойнымъ адмираломъ Мекензи и готовился для императрицы; за то это единственный домъ, въ которомъ возможно жить. Послѣ обѣда г. Булгаковъ уѣхалъ съ братьями Каковскими, чтобы переночевать въ 10 верстахъ отсюда въ имѣніи князя Потемкина. Мы воспользовались этимъ промежуткомъ времени, чтобъ осмотрѣть городъ и сдѣлать нѣсколько визитовъ. Всѣ домики офицеровъ построены матросами ихъ кораблей. Мы не разсчитывали найти въ нихъ особеннаго великолѣпія и разсчитаны они не на вѣчность. Всѣ они построены изъ развалинъ древняго Херсонеса. По окончаніи визитовъ, мы взяли шлюпку и объѣхали портъ; я полагаю, что нигдѣ природа не устроила бассейна, который возможно было бы сравнить съ этою гаванью. Длиной она въ семь верстъ, совершенно защищена, а глубина ея, нигдѣ не измѣняющаяся, всюду достигаетъ десяти саженъ. Корабли перваго ранга стоятъ на якорѣ у самаго берега и каждый корабль имѣетъ свои особенныя казармы и свои магазины для провіанта и боевыхъ запасовъ, и насъ завѣряли, что все находится въ такомъ хорошемъ порядкѣ, что одного дня достаточно для вооруженія и экипировки всей эскадры. Русскій дворъ понимаетъ все значеніе этого порта и серьезно помышляетъ о томъ, чтобы поставить его внѣ возможности всякаго оскорбленія. Будетъ построенъ городъ и при входѣ въ него сооружены двѣ батареи, затѣмъ верфь и главный арсеналъ для флота. Херсонская верфь, которую находятъ слишкомъ дорого стóящею и подверженною многимъ неудобствамъ, будетъ оставлена. Таганрогская верфь на Азовскомъ морѣ будетъ также преобразована. Князь Потемкинъ даже заявилъ, что онъ желаетъ совершенно уничтожить этотъ городъ и перевести все его населеніе въ какое-нибудь другое мѣсто. Однако я не думаю, чтобы планъ этотъ осуществился, потому что городъ этотъ во всѣ времена имѣлъ большое значеніе для торговли, былъ рынкомъ для сбыта всѣхъ произведеній Астраханской губерніи.

Донъ чудеснымъ образомъ облегчаетъ сюда доставку товаровъ. Изъ этого города вывозятъ рожь, сало, смолу, полотна, водку, лѣсной строительный матеріалъ, масло и проч. Въ этой странѣ ежедневно являются новые планы; они могутъ быть лишь вредными, если они не выполняются съ мудростью и если они не представляютъ собою никакой дѣйствительной пользы; но я

замѣчаю, что особенно въ данную минуту это есть наиболѣе обильная подобными проектами въ мірѣ страна. Вотъ каково состояніе морскихъ силъ Россіи на Черномъ Морѣ:

Въ Севастополѣ:

3 линейныхъ корабля	съ	66	пушками.
2 фрегата	„	50	„
10 фрегатовъ	„	40	„
4 корвета	„	24	„

Въ Таганрогѣ.

4 фрегата	„	40	„

Въ Херсонесѣ:

1 линейный корабль	„	80	„
1 „ „	„	66	„
1 фрегатъ	„	50	„

Итого 26 судовъ.

Всѣ эти суда плохо вооружены, комплектъ экипажа далеко не полонъ. Каждый линейный корабль долженъ имѣть 550 человѣкъ экипажа и 120 человѣкъ солдатъ, но количество матросовъ и флотскихъ солдатъ не полно: въ настоящую минуту общее количество доводятъ до 6.000 человѣкъ. Все это крестьяне, которыхъ набираютъ въ различныхъ частяхъ имперіи; кое-какъ здѣсь стараются обучить ихъ военнымъ упражненіямъ, а такъ какъ въ этой странѣ все преувеличиваютъ, то меня увѣряютъ, что по добротѣ они превосходятъ матросовъ всѣхъ прочихъ европейскихъ державъ. Повѣрить этому было бы довольно трудно, потому что возможно ли сравнивать взятыхъ въ извѣстномъ возрастѣ прямо отъ сохи людей, которые видятъ море только при нѣкоторыхъ производимыхъ каждое лѣто въ окрестностяхъ Крымскихъ береговъ эволюціяхъ, возможно ли ихъ сравнивать съ матросами европейскихъ морскихъ державъ, которые съ самаго нѣжнаго дѣтскаго возраста упражняются на морѣ? Въ состояніи ли они пріобрѣсти ту силу, ту ловкость, которыя пріобрѣтаются только упражненіями? Я не думаю, чтобъ эта толпа флотскихъ офицеровъ имѣла бы больше способности, потому что еслибъ это было такъ, то для морской службы не старались бы по преимуществу предъ другими иностранцами набирать Англичанъ. Русскіе матросы получаютъ въ годъ 12 рублей жалованья и двѣ полныя пары платья: когда они находятся на службѣ, они

получаютъ 1½ фунта сухарей въ день; двѣ чарки водки, супъ съ солониной утромъ и вечеромъ и фунтъ масла и муки на недѣлю. Но ихъ нисколько не берегутъ; ихъ заставляютъ безъ устали работать, исполнять всѣ общественныя работы. Если ихъ доля представляется лучшею при сравненіи съ участью простыхъ солдатъ, то какъ тѣмъ, такъ и другимъ нечего хвалиться правительствомъ. Всѣ пушки большею частью льются въ Москвѣ, сперва онѣ перевозятся въ Херсонъ, а оттуда сюда. Кромѣ того, каждый корабль имѣетъ свои бронзовыя пушки; изъ нихъ бросаютъ въ непріятеля большія чугунныя ядра, наполненныя горючимъ веществомъ, которое зажигаетъ все, куда оно попадаетъ и даже не гаснетъ въ водѣ. Вещество это горитъ очень жарко и распространяетъ одно изъ самыхъ ужаснѣйшихъ зловоній. Русскіе претендуютъ на то, что только имъ однимъ и извѣстенъ секретъ этого состава; я полагаю, что это нѣчто вродѣ греческаго огня. Невозможно удержаться отъ содроганія при мысли, что не перестаютъ постоянно умножать средства разрушенія. Человѣчество должно было бы издать законъ для сокращенія уже существующихъ средствъ разрушенія. Но это желаніе, которое честолюбіе царей будетъ всегда обращать въ ничто!—Весь матеріалъ, снасти, огонь, всѣ боевые запасы точно также привозятся изъ Россіи; здѣсь еще не устроено никакихъ фабрикъ. Русскіе, насколько только возможно, стараются составлять себѣ иллюзіи и скрывать, особенно отъ иностранцевъ, печальное положеніе вещей; тѣмъ не менѣе трудно не видѣть, насколько Русская имперія тяготится этимъ отдаленнымъ завоеваніемъ.

Императрица, питающая неутолимую жажду къ славѣ, желаетъ, чтобъ ежегодно на Черномъ Морѣ строилось по четыре линейные корабля. Но сообразила ли она что̀ это сто́итъ? Подобнаго рода учрежденіе требуетъ бо́льшаго количества расходовъ, чѣмъ можетъ выдержать Россія и задержитъ успѣхи этого рождающагося флота. Меня увѣряютъ, что экипированный корабль обходится болѣе, чѣмъ въ 500 тысячъ рублей. Мнѣ было трудно точно узнать сколько сто́итъ казнѣ содержаніе этого флота въ виду того, что стараются скрывать истину особенно отъ черезчуръ любопытныхъ иностранцевъ, къ которымъ обыкновенно относятся подозрительно. Мнѣ не позволили снять копіи съ плана порта, который мнѣ показывали; тѣмъ не менѣе мнѣ удалось начертить его во время различныхъ моихъ прогулокъ.

Воздухъ не плохъ при настоящемъ состояніи города, но у

самаго порта впадающая въ него рѣка Инкерманъ составляетъ зловонное болото, которое отравляетъ здѣсь воздухъ лѣтомъ. Цѣлый полкъ стрѣлковъ, стоявшій здѣсь лагеремъ въ прошедшемъ году, сдѣлался жертвой этого воздуха. За отсутствіемъ населенія и культуры множество другихъ мѣстностей Крыма находится въ точно такомъ же состояніи. Севастополь былъ едва извѣстенъ во время владычества Татаръ, а Русскіе увѣряютъ меня, что когда они явились для поселенія сюда, то нашли здѣсь всего нѣсколько рыбачьихъ хижинъ. Его называли *Аксъ-Жоръ* вслѣдствіе бѣловатой пустопорожней окружающей его почвы. Вотъ, мой милый другъ, что мнѣ представляется наиболѣе интереснымъ въ этомъ мѣстечкѣ. Черезъ нѣсколько дней я намѣреваюсь покинуть его, я проѣду всѣмъ Крымомъ, а по моемъ прибытіи въ Херсонъ сообщу вамъ всѣ подробности о видѣнной мною странѣ.

Письмо третье.

Херсонъ, 12 мая 1787 г.

Мы выѣхали изъ Севастополя 7 мая въ десять часовъ утра. Въ продолженіе двѣнадцати верстъ мы слѣдовали по берегу рѣки Бельбека, дающей свое имя прелестной долинѣ, осѣненной тѣнью всевозможныхъ деревьевъ и окруженной холмами, возвышающимися амфитеатромъ и представляющими самые разнообразныя и самыя пріятныя очертанія. Эта поистинѣ живописная долина частью принадлежитъ графу Черникову, но она почти не воздѣлана и всюду являетъ слѣды прежнихъ разоренныхъ жителей. Мы перемѣнили лошадей въ *Диванъ-Кене*, татарскомъ селеніи, нѣкогда весьма обширномъ, а теперь состоящемъ всего изъ нѣсколькихъ саклей; путь свой мы продолжали по горамъ и весьма пріятнымъ равнинамъ до *Бахчи-Сарая*, куда мы прибыли въ три часа пополудни. Городъ этотъ расположенъ въ горномъ ущельи и отстоитъ въ 42 верстахъ отъ моря. Мы посѣтили дворецъ хана *Шагинъ-Гирея* и отобѣдали у коменданта города майора Рыбы. Здѣсь были заняты поправкой дорогъ города, штукатуркой домовъ и возстановленіемъ многочисленныхъ покинутыхъ Татарами лавокъ; дабы онѣ не были пусты и дабы императрица не замѣтила отсутствія населенія, князь Потемкинъ приказалъ многимъ купцамъ устроиться въ нихъ на то время, пока здѣсь будетъ государыня. Дворецъ ханскій поправлялся съ величайшею

внимательностью, а поправки здѣсь громадны, такъ какъ зданіе это находилось въ большомъ небреженіи со времени уступки Крыма. Покои, которые будетъ занимать императрица, всѣ будутъ отдѣланы въ восточномъ вкусѣ съ большимъ великолѣпіемъ и тщательною старательностью.

Зданіе дворца весьма обширно и во всемъ схоже съ большими турецкими домами въ Константинополѣ; при немъ находится большой дворъ съ обширнымъ садомъ, окруженнымъ высокими служившими для гарема стѣнами. Рядомъ стоитъ мечеть. Виденъ также обширный куполъ, подъ сводами котораго хоронились ханы, предшественники *Шагинъ-Гирея*. Городъ очень великъ, но виденъ онъ только, когда въ немъ находишься; онъ окруженъ высокими утесами и на многихъ изъ нихъ еще замѣтны генуэзскіе гербы. Скалы эти доставляютъ извѣстную глину, которую жители употребляютъ въ качествѣ мыла. Этотъ нѣкогда цвѣтущій городъ имѣлъ сорокъ тысячъ жителей, но въ настоящее время едва ли наберется тысячъ шесть, и количество это съ каждымъ днемъ убываетъ; бѣгство это нельзя не замѣтить, потому что жители, тотчасъ же послѣ завоеванія покинувшіе свое несчастное отечество, не только увезли съ собою все, что̀ у нихъ было лучшаго, но съ бѣшенствомъ въ сердцѣ разрушили и самыя свои жилища. Россія старается кротостью удержать ихъ въ повиновеніи. Она оставила имъ полицейскаго поручика изъ ихъ соплеменниковъ, свободу исполненія ихъ религіозныхъ обрядовъ и избавила ихъ отъ всякихъ налоговъ въ теченіе десяти лѣтъ. Только-что составлена гвардія изъ 800 человѣкъ Татаръ, богато одѣтыхъ и вооруженныхъ саблей, копьемъ и стрѣлами: они должны эскортировать императрицу и служить ей почетными тѣлохранителями. Я видѣлъ ученіе этого полка въ равнинѣ и онъ производитъ весьма красивое впечатлѣніе. Этотъ корпусъ, великолѣпно содержанный на средства двора и командуемый *мирзами*, возведенными въ чинъ полковниковъ, долженъ существовать постоянно и составлять регулярное войско; 200 человѣкъ отсюда назначены въ Петербургъ и они будутъ находиться на одномъ положеніи съ гвардейцами. *Бахчи-Сарай* еще могъ бы быть столицей Крыма, но князь Потемкинъ хочетъ лишить его этой чести и приказалъ строить новый городъ, который онъ уже назвалъ *Симферополемъ*. Довольно странно, что у Русскихъ есть манія уничтожать существующіе города, чтобы строить города новые въ странѣ, гдѣ нѣтъ населенія и гдѣ ничего нельзя пред-

принимать безъ огромныхъ затратъ. *Бахчи-Сарай* въ прежнія времена представлялъ много предметовъ торговли и былъ, такъ-сказать, складомъ всѣхъ произведеній Крыма. Теперь здѣсь сохранилась только одна весьма посредственная сафьяновая фабрика, да еще фабрика грубыхъ ковровъ или войлоковъ, которые служатъ для покрышки татарскихъ палатокъ и телѣгъ, которыя Татары всюду возятъ за собою и которыя въ случаѣ нужды защищаютъ ихъ отъ стужи и непогоды. Близь города находятся обширныя развалины татарскихъ селеній, которыя повидимому были весьма значительными; онѣ расположены на холмахъ и по берегамъ рѣки *Бодрака*, которая извиваясь протекаетъ по великолѣпной мѣстности.

Довольно поздно послѣ обѣда мы снова двинулись въ путь. Къ вечеру мы перебрались въ бродъ черезъ рѣку *Альму;* она весьма опасна въ дождливый періодъ вслѣдствіе своихъ разливовъ. Мѣстность здѣсь одна изъ самыхъ пріятныхъ, всѣ ручейки извиваются въ тѣни итальянскихъ тополей и всевозможныхъ плодовыхъ деревьевъ, растущихъ здѣсь на открытомъ воздухѣ. Маленькія сакли по берегамъ этихъ рѣкъ окружены плодовыми деревьями и производятъ самое очаровательное впечатлѣніе среди необозримой равнины, покрытой самою прекрасною въ мірѣ травой. Нигдѣ я не видалъ подобной травы и ее можно считать въ числѣ благихъ даровъ, щедро дарованныхъ природой этому интересному полуострову. Здѣсь всюду разставлены пикеты казаковъ, это легкія войска, одѣтыя въ польскіе жупаны и вооруженныя копьями и саблями; Россія употребляетъ ихъ для быстрыхъ нападеній. Они имѣютъ большія поселенія на Дону, а въ настоящее время они селятся также въ Крыму и по Днѣпру. Правительство благопріятствуетъ имъ и надѣется, что они замѣнятъ собой покинувшихъ свою родину Татаръ. Казаки воры, непослушны и разоряютъ Татаръ, у которыхъ они отнимаютъ все, что̀ возможно, особенно ихъ женъ и ихъ стада. Русскіе закрываютъ глаза на эти безпорядки.

Въ Симферополь мы прибыли въ 10 часовъ вечера. Мѣстный губернаторъ по гражданской части г. Калковскій насъ ждалъ къ ужину и всѣхъ насъ оставилъ у себя ночевать. На слѣдующій день 8 мая мы посѣтили новый городъ Симферополь, который долженъ сдѣлаться столицей Крыма. Но до сихъ поръ столица эта только состоитъ изъ одного правительственнаго зданія. Оно очень обширно и его только что окончили для пріема импера-

трицы. Новая мебель сдѣлана чрезвычайно изящно и съ большимъ вкусомъ и безъ сомнѣнія поразитъ эту принцессу, которая не ожидаетъ найти такого великолѣпія, такъ-сказать, среди пустыни. Здѣсь спеціально для ея пріѣзда насадили большой садъ, а чтобы не было недостатка въ деревьяхъ, то насадили даже и лѣсъ, по счастью болѣе мудрая природа дала соковъ только его небольшой части. Такъ какъ дома этого и нѣсколько существующихъ бараковъ недостаточно для размѣщенія всей свиты императрицы, то здѣсь устроили большое количество палатокъ весьма красивой формы. Онѣ восьмиугольныя, обтянутыя бѣлымъ полотномъ, украшеннымъ разноцвѣтными шелковыми фестонами; онѣ переносныя и будутъ служить всюду, гдѣ будетъ останавливаться дворъ.

Мѣстоположеніе Симферополя очаровательно; городъ находится на небольшой возвышенности, командующей маленькимъ татарскимъ городкомъ *Амедшедомъ*, небольшая, довольно быстрая рѣчка Салгиръ, берега которой очень красивы, отдѣляетъ оба города одинъ отъ другаго.

Всѣ гражданскія дѣла находятся въ вѣдѣніи г. Калковскаго, но рѣшаются они окончательно въ Петербургѣ, что̀ ихъ до крайности затягиваетъ. Департаментъ г. Калковскаго состоитъ изъ канцеляріи, имѣющей нѣсколькихъ членовъ, въ главѣ которыхъ находится г. Стаблицъ. Онъ принималъ участіе въ экспедиціи г. Генклина въ Персію и на гору Кавказъ, гдѣ, какъ вы знаете, этотъ ученый и умеръ. Стаблицъ собралъ его записки, которыя затѣмъ и были напечатаны. Стаблицъ написалъ естественную исторію Крыма, которая, какъ говорятъ, очень интересна. Въ настоящее время онъ занятъ изложеніемъ исторической стороны. Онъ увѣрялъ меня, что несмотря на всѣ свои изысканія, онъ не былъ въ состояніи о́ткрыть какихъ-либо слѣдовъ развалинъ въ горахъ Крыма, что̀ противорѣчитъ показаніямъ г. Таца. Я имѣлъ честь обѣдать съ нѣсколькими татарскими мирзами, которымъ пожалованы различные воинскіе чины. Они приняли нашу манеру ѣсть, пьютъ вино, но воздерживаются отъ употребленія запрещеннаго ихъ религіей мяса. Довольно странно видѣть этихъ людей одѣтыхъ по своему, но въ платьѣ изъ русскихъ цвѣтовъ.

Изъ Крыма въ прежнее время вывозились шерсть, воскъ, медъ и проч., а теперь изобиліе этихъ произведеній сильно сократилось и страна эта, нѣкогда столь богатая стадами, особенно

баранами, не производитъ тѣхъ же предметовъ въ достаточномъ количествѣ для потребленія теперешняго населенія.

До Симферополя нашъ экипажъ везли полковыя лошади, а почталіонами были солдаты; это также барщина и если подружиться съ офицерами, то всегда можно добиться этой милости. Это хорошій доходъ для начальствующихъ, потому что за военныхъ лошадей платится такая же цѣна, какъ и за почтовыхъ. Но Симферополь находится на разстояніи 120 верстъ отъ Перекопа и такъ какъ военныхъ ставокъ здѣсь уже не имѣется въ достаточномъ количествѣ, то намъ дали Татаръ, которые должны были сбѣгать за своими лошадьми, которыя пасутся здѣсь на волѣ большими табунами въ огромныхъ степяхъ, служившихъ мѣстопребываніемъ Татарамъ кочевникамъ.

Изъ Симферополя мы выѣхали въ 3 часа пополудни и къ наступленію ночи добрались до татарскаго селенія *Ушъ-Аблама*, перемѣнивъ всего одинъ разъ лошадей. Жилища Татаръ находятся въ землѣ, видны только однѣ крыши, большею частью крытыя сѣномъ или землей съ отверстіемъ наверху для дыма. Эти логовища крайне сыры и вонючи, воздухъ въ нихъ не проникаетъ, а коровій навозъ, которымъ ихъ топятъ за отсутствіемъ дровъ, придаетъ невыносимый запахъ не только самому помѣщенію и съѣстнымъ припасамъ, но и обитающимъ въ нихъ Татарамъ, которыхъ чувствуешь обоняніемъ на большомъ разстояніи. Обыкновенно возлѣ ихъ жилищъ находятся и еще жилыя помѣщенія для ихъ женъ, которыхъ они держатъ взаперти, будучи крайне ревнивы. О своихъ стадахъ, составляющихъ ихъ богатство, они очень заботятся. Они разводятъ ихъ столько, сколько могутъ, особенно барановъ. Питаются они только молокомъ и сыромъ и весьма рѣдко ѣдятъ мясо. Я не былъ въ состояніи провѣрить сохранилось ли у нихъ въ обычаѣ ѣсть лошадиное мясо; я сомнѣваюсь въ этомъ, потому что на мой вопросъ касательно этого мой хозяинъ Татаринъ выразилъ чувство отвращенія. Я полагаю, что только голодъ и отсутствіе иныхъ припасовъ вынуждаютъ ихъ убивать своихъ больныхъ лошадей, которыя уже не въ состояніи долѣе служить имъ. Вообще Татары очень воздержанны и въ состояніи дѣлать далекіе концы, питаясь только просяною или рисовою мукой съ водой.

Нашъ хозяинъ Татаринъ далъ намъ свѣжихъ яицъ и прекраснаго молока. На очагѣ у нихъ всегда стоитъ полный котелокъ.

а хлѣбъ ихъ, испеченный въ золѣ, очень плохъ. Татары все еще сохранили во всѣ времена отличавшее ихъ гостепріимство. Это очень простой и добрый народъ и Россія извлекла бы изъ нихъ болѣе пользы, еслибы по мудрой политикѣ она обращалась кротко вмѣсто того, чтобъ управлять ими съ тою суровостью, которая составляетъ основаніе ея управленія.

9 мая на разсвѣтѣ мы выѣхали далѣе. Намъ стоило неимовѣрныхъ усилій заставлять двигаться наши экипажи, лошади вовсе не шли бы еслибъ ихъ не подгоняли сабельными ударами. Татарскіе возницы не особенно искусны и мы ѣхали крайне медленно, не взирая на хорошія спускающіяся легкимъ скатомъ дороги, идущія по необозримымъ сливающимся съ горизонтомъ степямъ. Нигдѣ, куда только не хваталъ глазъ, не было видно ни одного селенія и въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ мы не встрѣтили ни одной живой души. Единственными населенными мѣстечками являлись нѣсколько жалкихъ хижинъ вдоль дороги, служившихъ для остановокъ почты и обитаемыхъ нѣсколькими солдатами-инвалидами, которымъ дали женъ и поручили надзоръ за почтовыми лошадьми; онѣ пасутся здѣсь на полной свободѣ и, чтобы ловить ихъ для насъ, постоянно требовалось безконечное количество времени, это было заботой сопровождавшихъ насъ Татаръ. Они производятъ эту операцію чрезвычайно искусно, бѣгая кругами вокругъ лошадей и ловя самыхъ упрямыхъ изъ нихъ арканами, которые они безъ промаха умѣютъ забрасывать на очень большомъ разстояніи.

Въ этихъ степяхъ вода встрѣчается крайне рѣдко, и часто приходится дѣлать большой крюкъ, чтобы добыть самой посредственной воды. Существуетъ всего нѣсколько, почти пересохшихъ, колодцевъ, а для водопоя скота есть только кое-какія зловонныя болота. Не взирая на это, пастбища весьма тучны. Почва здѣсь черноземная и повидимому очень плодородная, она производитъ въ большомъ количествѣ полынь и хрѣнъ. Во времена хановъ степи эти служили пастбищами для огромнаго количества быковъ, лошадей и барановъ, но со времени русскаго завоеванія, выселенія Татаръ и потребленія скота русскими войсками, количество всякаго скота до такой степени сократилось, что для сохраненія породы вмѣсто мѣстныхъ быковъ стали потреблять въ пищу быковъ изъ Россіи. Бараны здѣсь хорошаго качества, но въ прошломъ году ихъ погибло отъ холода 50.000 и вслѣдствіе этого теперь ихъ можно рѣзать только въ извѣстномъ количе-

ствѣ. Птицы здѣсь также стало меньше и она вздорожала. Размножаются еще теперь только одни верблюды, составляющіе значительную отрасль торговли. Дичи всюду очень много, особенно зайцевъ; ихъ ежегодно избиваютъ безконечное количество и шкурки ихъ продаютъ очень дешево.

Около 6 часовъ вечера мы проѣзжали большимъ селеніемъ по имени *Эрмени Пазанъ* (армянскій базаръ). Очевидно этотъ дѣятельный народъ не пренебрегалъ этою мѣстностью, представляющею широкое поле для сельской промышленности и разведенія верблюдовъ. Около 8 часовъ вечера мы прибыли въ Перекопъ.

По счастью мы встрѣтили бывшаго херсонскаго таможеннаго нѣкоего г. Свербеева, который здѣсь завѣдуетъ соляным промысломъ. Г. Булгаковъ былъ съ нимъ знакомъ и онъ имѣлъ любезность оказать намъ пріютъ, иначе мы очутились бы въ весьма жалкомъ положеніи, потому что Перекопъ не представляетъ никакихъ удобствъ для путешественниковъ. Здѣсь оканчивается Татарія-Крымъ или Херсонесъ-Таврическій. Полуостровъ этотъ со всѣхъ сторонъ окруженъ Чернымъ Моремъ и Набъ-Маотидомъ, за исключеніемъ того мѣстечка, гдѣ перешеекъ соединяетъ его съ твердою землей.

Нѣкогда этою страной владѣли Скиѳы, потомъ Греки, Генуэзцы и, наконецъ, въ 1471 году ею завладѣли Татары: они изгнали всѣ чужеземные народы и учредили ханство.

Если вамъ любопытно прочитать объ историческихъ эпохахъ этой страны, то я вамъ рекомендую маленькій хронологическій трактатъ бывшаго Полтавскаго архіепископа Евгенія Я уволю васъ отъ подробнаго описанія присоединенія Крыма, оно вамъ извѣстно. Россія искусно воспользовалась слабостью хана Шагинъ-Гирея, весьма кстати раздала множество денегъ наиболѣе выдающимся мирзамъ и безъ кровопролитія овладѣла провинціей, которую въ эту минуту Турки не были въ состояніи у нея оспаривать. Я не даю вамъ тщательнаго описанія страны, но изъ моего письма вы могли замѣтить, что уменьшеніе населенія здѣсь чрезвычайное, что произведеній этой страны, которыя идутъ на прокормленіе 20 или 30 тысячъ Русскихъ, недостаточно для ихъ потребленія. Вслѣдствіе невоздѣланности почвы воздухъ на полуостровѣ сдѣлался крайне нездоровымъ и до сихъ поръ Россія еще не извлекаетъ никакой дѣйствительной пользы изъ своего завоеванія, за исключеніемъ развѣ страха, внушаемаго ею сосѣдямъ и пріобрѣтеннаго ею преобладанія на Черномъ Морѣ.

Перекопскій перешеекъ имѣетъ 12 верстъ или около 2 льё ширины, вотъ здѣсь-то и находятся тѣ знаменитыя укрѣпленія, надъ которыми, какъ говорятъ, работало 5 тысячъ Турокъ. Они нѣкогда были возведены противъ набѣговъ Русскихъ и другихъ сосѣднихъ народовъ. Татары считали эти укрѣпленія неприступными, но Русскіе доказали имъ противное, сначала подъ начальствомъ генерала Миниха въ 1736 году и затѣмъ подъ начальствомъ князя Долгорукова въ 1771 году. Укрѣпленія эти суть не что иное какъ двойной, очень глубокій ровъ, окруженный высокими развалившимися стѣнами и довольно крѣпкимъ полисадомъ. Между обоими рвами находится нѣчто вродѣ крѣпости, но она почти разрушена и служитъ жилищемъ для коменданта. Пунктъ этотъ имѣетъ весьма важное значеніе для многочисленныхъ находящихся въ его окрестностяхъ мѣстечекъ для добыванія соли. Это соляныя озерки, изъ которыхъ въ сильные жары вода испаряется и оставляетъ послѣ себя кристаллизованныя массы, составляющія крайне твердую кору, которую брать очень легко. Солончаки эти столь изобильны, что они безо всякихъ затратъ могутъ доставлять большіе доходы государству. Поляки ежегодно пріѣзжаютъ сюда, чтобы запастись солью; они употребляютъ для этого очень большія телѣги и платятъ за каждую изъ нихъ всего 10 рублей пошлины у самаго Перекопа. Съ нихъ не требуютъ никакого отчета относительно количества соли, которое они могутъ увезти, но лишь при томъ условіи, чтобы въ телѣгу была впряжена всего одна пара воловъ, а если телѣга сломается отъ чрезмѣрнаго груза или вслѣдствіе какой-либо случайности, то собственникъ лишается своего груза. Въ прошедшемъ году вывозъ соли доставилъ сумму въ 260 тысячъ рублей. Здѣсь къ проѣзду Императрицы возведены красивыя тріумфальныя арки съ надписями, относящимися до уступки Крыма. Послѣ вполнѣ русскаго обѣда, за которымъ я пробовалъ совершенно новыя для меня блюда и пилъ сдѣланные изъ различныхъ плодовъ напитки, мы отправились къ берегамъ Днѣпра. Часамъ къ 6 вечера мы прибыли къ находящемуся среди пустыни Каменному Молу; но каково же было мое удивленіе при видѣ правильныхъ земляныхъ покрытыхъ дерномъ укрѣпленій, посреди которыхъ стоялъ хорошенькій каменный домикъ, окруженный нѣсколькими павильонами, расположенными по строгой симметріи. Мебель въ домѣ была весьма изящна; заканчивалось устройство большаго сада, который забыть трудно. Укрѣпленіе это было окружено

широкимъ рвомъ съ подъемнымъ мостомъ. Я полагалъ, что работы эти являются результатомъ многолѣтняго труда, но мнѣ сказали, и я легко этому повѣрилъ, что всѣ работы были начаты всего нѣсколько недѣль тому назадъ и спеціально для проѣзда императрицы, а что раньше существовалъ только одинъ садъ.

Признаюсь, я былъ пораженъ всѣмъ, что̀ видѣлъ, мнѣ казалось, что я вижу волшебную палочку феи, которая всюду создаетъ дворцы и города. Палочка князя Потемкина могущественна, но она ложится тяжелымъ гнетомъ на Россію и огромные проистекающіе отсюда расходы не разсчитаны по странѣ. Я съ прискорбіемъ смотрѣлъ на старанія, которыя дѣлаются для того, чтобы все показать императрицѣ въ лучшемъ свѣтѣ. Постарались даже и о томъ, чтобы испахать вдоль дороги поля, чтобы скрыть отъ ея глазъ пустынное состояніе этой провинціи. Государыню повезутъ только по самой видной части полуострова и наименѣе пострадавшей со времени завоеванія Крыма. Судьба царственныхъ особъ бывать обманутыми и императрица будетъ думать, что все идетъ самымъ наилучшимъ образомъ. И сколько лицъ заинтересовано въ томъ, чтобъ увѣрить ее въ этомъ! А между тѣмъ, если она не хочетъ составлять себѣ иллюзій, еслибъ она дала себѣ трудъ внимательнаго наблюденія и безъ предвзятой мысли къ этому Крыму, составлявшему со временъ Петра I предметъ желаній Россіи, государыня взглянула бы на него совершенно иными глазами.

Покинувъ Каменный Молъ, мы остановились верстахъ въ сорока отъ него въ надеждѣ найти тамъ обѣщанныхъ намъ почтовыхъ лошадей, но мы ихъ не нашли, что̀ нисколько не удивительно въ этихъ огромныхъ равнинахъ, гдѣ не проведено никакихъ дорогъ. Мы проѣхали еще нѣсколько верстъ, но куда только ни хваталъ взглядъ, всюду была видна лишь совершенно пустынная степь. Наступила уже ночь, лошади дошли до полнаго изнеможенія вслѣдствіе того, что довольно долгое время намъ приходилось ѣхать песками. Намъ не оставалось ничего другаго, какъ остановиться. Лошадямъ мы дали отдыхъ, кормъ былъ подъ рукой, а сами легли спать въ экипажѣ. Ночь мы провели плохо. Густой туманъ пронизывалъ насъ до костей и появленіе зари мы встрѣтили съ живѣйшею радостью. Въ 4 часа утра мы двинулись въ путь на тѣхъ же лошадяхъ, которыя къ 11 часамъ привезли насъ къ берегамъ Днѣпра въ *Сборовскъ*, одну изъ

первыхъ крѣпостей, которую имѣли здѣсь Русскіе. Мы отправились къ коменданту крѣпости генералу Боборыкину, который и оставилъ насъ у себя обѣдать. Это большое мѣстечко, въ немъ 7.000 человѣкъ гарнизона. Церковь, дома и казармы построены весьма правильно изъ вымазаннаго глиной камыша или изъ глиняныхъ кирпичей. Здѣсь отлично умѣютъ пользоваться въ изобиліи растущимъ у рѣки камышомъ. Во всѣхъ окрестностяхъ нѣтъ ни лѣса, ни камня и пришлось прибѣгнуть къ этому болотному растенію, которымъ въ такомъ изобиліи наградила природа рѣку.

Разстояніе отъ Перекопа до береговъ Днѣпра составляетъ 120 верстъ. Это часть Баджакской Татаріи и ее называютъ степью, то-есть пустыней. Это прежнее мѣстопребываніе Ногайскихъ Татаръ и казаковъ Запорожцевъ, все богатство которыхъ состояло въ многочисленныхъ стадахъ, кормить которыя ничего не стоило въ этихъ плодородныхъ равнинахъ и превосходныхъ пастбищахъ. Земля настолько хороша, что трава всюду бываетъ въ ростъ лошади. Народы эти переселились въ оттоманскія земли въ Бессарабіи, угнавъ съ собою свои многочисленныя стада и оставивъ между Россіей и Крымомъ полную пустыню. Здѣсь встрѣчаются только во множествѣ хищныя птицы, драхвы и др.

Нѣсколько верстъ ниже Сборовска въ Голой Пристани мы сѣли въ казачьи лодки. Днѣпръ здѣсь имѣетъ въ ширину 18 верстъ. На переправу черезъ него мы употребили болѣе трехъ часовъ. Рѣка усѣяна множествомъ низменныхъ островов и песчаныхъ банокъ, за исключеніемъ одного своего рукава, между тѣмъ какъ всѣ остальные ея рукава совершенно невозможны для плаванія торговыхъ судовъ и даже большой каналъ не годится для судовъ, сидящихъ болѣе семи футовъ въ водѣ. Лѣтомъ острова обитаемы казаками, существующими весьма обильною здѣсь рыбною ловлей. Здѣсь ловятся осетры всякихъ видовъ и множество другихъ очень хорошихъ рыбъ, но которыя считаются весьма нездоровыми въ это время года. Отъ рыбы обыкновенно здѣсь дѣлается лихорадка. Свѣжая икра, которая дѣлается въ этой странѣ, восхитительна и составляетъ весьма значительный предметъ торговли; частые посты Русскихъ и Грековъ благопріятствуютъ ея огромному сбыту. Всѣ эти островки весной бываютъ покрыты водой и только лѣтомъ послѣ убыли воды вся эта мѣстность бываетъ нездоровою: мало кто можетъ уберечься отъ

ея вліянія, потому что лихорадки эти обыкновенно бываютъ смертельными вслѣдствіе отсутствія средствъ остановить ихъ развитіе въ самомъ началѣ. Рѣка эта и эти острова, кромѣ того, изобилуютъ невѣроятнымъ количествомъ водяной дичи.

Около шести часовъ вечера мы приплыли въ Херсонъ, гдѣ намъ посчастливилось найти очень хорошее помѣщеніе въ купеческомъ предмѣстьѣ. Прошу у васъ извиненія за это длинное письмо, но мнѣ такъ много надобно было сообщить вамъ, что я не могъ сократить письма безъ того, чтобы не урѣзать самыхъ предметовъ, о которыхъ писалъ.

Письмо четвертое.

Херсонъ, 18 мая 1787 г.

Вы безъ сомнѣнія думаете, другъ мой, что Херсонъ пустыня, что мы живемъ подъ землей; разувѣрьтесь. Я составилъ себѣ объ этомъ городѣ такое плохое понятіе, особенно при мысли, что еще восемь лѣтъ тому назадъ здѣсь не было *никакого* жилья, что я былъ крайне пораженъ всѣмъ, что̀ видѣлъ. Этотъ городъ, построенный на берегу Днѣпра, находится на разстояніи двадцати пяти верстъ отъ моря. Первый его камень былъ положенъ послѣ послѣдней войны; нельзя было выбрать болѣе плохаго пункта для торговли, потому что мѣстечко это окружено островами и низинами такъ, что суда извѣстной величины принуждены останавливаться за шесть миль ниже въ *Глубокомъ*, гдѣ приходится выгружать товары, которые потомъ везутся сухимъ путемъ или на плоскодонныхъ лодкахъ. Воздухъ, вслѣдствіе окружающихъ городъ болотъ и стоячихъ водъ, лѣтомъ бываетъ наполненъ зловоніемъ. Не взирая на всѣ эти суровыя стороны, князь Потемкинъ, стремившійся содѣйствовать осуществленію желанія императрицы имѣть городъ на Черномъ Морѣ еще до того времени, какъ было задумано овладѣніе татарскими провинціями, бросилъ на учрежденіе здѣсь города семь милліоновъ рублей. Городъ этотъ, выстроенный вдоль рѣки, долженъ быть около семи верстъ длиной. То что̀ называется кремлемъ собственно и есть самый городъ, онъ возвышается въ самомъ центрѣ, а по обѣ его стороны разстилается военное и купеческое предмѣстья. Военное предмѣстье лежитъ къ сѣверу отъ кремля и заключаетъ въ себѣ казармы всѣхъ составляющихъ гарнизонъ города полковъ, дома офице-

ровъ, магазины, госпитали и проч. Казармы, называемыя *землянками*, всѣ выкопаны въ землѣ и покрыты камышомъ, промазаннымъ глиной или известью, но построены онѣ въ строгомъ порядкѣ, а улицы всѣ проведены по веревочкѣ. Предмѣстье это занимаетъ весьма обширное пространство и живутъ въ немъ только одни солдаты. Каждый полкъ имѣетъ свои особыя казармы, свою церковь, свои магазины и свой госпиталь. Въ каждомъ отдѣленіи есть своя печка для печенія хлѣба, и въ каждомъ отдѣленіи живутъ по двадцать человѣкъ солдатъ, которые спятъ вдоль стѣнъ на нарахъ изъ камыша. Эти подземныя жилища чрезвычайно сыры и весьма нездоровы. Удушливый воздухъ здѣсь еще болѣе смраденъ вслѣдствіе испареній живущихъ здѣсь людей, которые не грѣшатъ излишнею чистоплотностью. Количество солдатъ, составляющихъ гарнизонъ Херсона, достигаетъ двадцати пяти тысячъ человѣкъ кавалеріи и пѣхоты. Мнѣ сказали, что въ настоящую минуту для безопасности императрицы численность гарнизона болѣе чѣмъ удвоена, и что теперь въ городѣ и его окрестностяхъ насчитывается около шестидесяти тысячъ человѣкъ солдатъ.

Повидимому здѣсь очень тревожатся операціями Турокъ въ Очаковѣ. На Бугъ двинутъ большой корпусъ для наблюденій, и князь Потемкинъ отправилъ г. Лошкарева съ подарками къ пашѣ въ Очаковъ.

Русскіе солдаты получаютъ семь рублей жалованья въ годъ и по два фунта чернаго хлѣба въ день; они кормятся соленымъ мясомъ и рыбой, которою изобилуетъ рѣка и которая здѣсь не по чемъ, но рыба здѣсь очень вредна. Вода здѣсь очень плохая и потому солдаты дѣлаютъ себѣ питье изъ распущенной въ водѣ муки, питье это называется *квасомъ*. Квасъ кисловатъ и не думаю, чтобъ онъ былъ вреденъ, ибо составляетъ прекрасное противоскорбутное средство. Я былъ пораженъ ужасною субординаціей, которой подчинены солдаты; полагаютъ, что субординація эта и составляетъ могущество Россіи. Еще болѣе былъ я пораженъ тупостью и нечувствительностью русскихъ солдатъ и крестьянъ. Солдаты въ Херсонѣ безъ устали исполняютъ общественныя работы, они строятъ дома, казармы, содержатъ укрѣпленія, возятъ камень, отправляются къ рѣкѣ за камышомъ, который здѣсь употребляютъ вмѣсто топлива и т. д. При рѣзкѣ камыша они обыкновенно находятся по-поясъ въ водѣ и затѣмъ возвращаются въ свои подземныя жилища, гдѣ не имѣютъ возможности ни пере-

одѣться, ни обсушиться, за то и смертность между ними очень велика. Военные госпитали, которые я посѣтилъ, чисты и каждый солдатъ здѣсь имѣетъ отдѣльную койку. Сопровождавшіе меня сюда офицеры выражали свое удовольствіе по поводу того, что въ это самое нездоровое время года на каждый полкъ оказывается не болѣе 200 человѣкъ больныхъ. Въ купеческомъ предмѣстьѣ есть много хорошихъ каменныхъ домовъ генераловъ и иностранныхъ купцовъ, имѣющихъ большіе магазины для своихъ товаровъ. Улицы широки и на нихъ оставлены площади, которыя разсчитываютъ украсить лавками. Въ уже существующихъ лавкахъ имѣются только мелочные желѣзные товары, да нѣкоторые предметы роскоши, продаваемые по страшно дорогой цѣнѣ; правда, платимыя за иностранные товары высокія пошлины до такой степени возвышаютъ ихъ цѣну, что только крайняя необходимость можетъ заставлять покупать ихъ. Не взирая на стѣсненія и многочисленные пороки, которыми кишитъ торговая часть, городъ этотъ современемъ можетъ имѣть нѣкоторое значеніе, до сихъ поръ вѣсы склоняются въ его сторону. Повидимому, императрица намѣрена посвятить этому городу все свое вниманіе. Сбираются обнародовать новыя постановленія, чтобы поставить вещи на лучшую ногу и ободрить торговлю, которая идетъ крайне вяло. Свобода по отношенію къ торговлѣ несравненно лучше, чѣмъ самыя мудрыя регламентаціи, потому что купцы несравненно болѣе правительства понимаютъ, что̀ для нихъ полезно и прибыльно. Такъ какъ Порта даровала свободное плаваніе въ Черномъ Морѣ двумъ императорскимъ дворамъ, то торговлю здѣсь и производятъ лишь суда подъ этими двумя флагами.

Австрійскія суда находятся подъ управленіемъ одного Левантійскаго учрежденнаго въ Тріэстѣ общества, получившаго различныя преимущества отъ императора. Суда эти большею частью плывутъ пустыми въ Галацъ на Дунаѣ, гдѣ они и забираютъ грузъ, состоящій изо ржи, вина, табака и прочихъ произведеній Венгріи и Трансильваніи. Въ Херсонъ они доставляютъ произведенія австрійскихъ фабрикъ: сукна, полотна, желѣзные и мѣдные товары, водку и т. д., а взамѣнъ того берутъ тамъ желѣзо, коноплю, снасти, москательные товары и продаютъ ихъ въ Турцію и по средиеморскому побережью. Суда подъ русскимъ флагомъ большею частью принадлежатъ греческимъ или французскимъ купцамъ, имѣющимъ магазины въ Херсонѣ, потому что не существуетъ ни одного собственно русскаго судна и

иностранныя суда, въ количествѣ 110, получаютъ русскій флагъ въ русскомъ отдѣленіи иностранныхъ дѣлъ въ Константинополѣ. Предметы вывоза, предоставляемаго херсонской торговлѣ, идутъ изъ Польши и южно-русскихъ губерній, это масло, икра, воскъ, канаты, веревки, кожи, конопля, свѣчи, рыбный клей, рыбьи зубы, всевозможная соленая и сушеная рыба, овощи, сало, мыло, табакъ, китайскій чай, якори, сѣмя, мѣха, парусина, войлоки, цѣновки, сафьянъ съ татарскихъ фабрикъ и т. д.

Вывозъ всѣхъ этихъ различныхъ предметовъ въ прошломъ году доставилъ сумму въ 735.117 рублей.

Предметы ввоза изъ различныхъ частей Европы состоятъ изъ миндаля, всевозможныхъ ликеровъ изъ Англіи, Франціи и Италіи, водки, французскихъ суконъ, шелковыхъ чулокъ, нитокъ и шерсти, различныхъ шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ матерій, сухихъ фруктовъ, сыровъ, фарфора, жидкихъ маслъ, южныхъ травъ и другихъ аптекарскихъ и москательныхъ товаровъ, кисеи, оливковъ, лимоновъ, апельсиновъ, рыбы, пряностей, соленій, курительнаго табака, винъ изъ Архипелага, Италіи и Франціи, всего на сумму 480.977 рублей. Такимъ образомъ, польза торговли съ Херсономъ выражается въ суммѣ 254.140 рублей.

Ни одно деревцо само по себѣ не растетъ въ окрестностяхъ Херсона, представляющихъ собою лишь обширныя, пустынныя и безплодныя равнины.

Домохозяева обязаны сажать передъ домомъ и вдоль улицъ ивы, которыя очень хорошо принимаются. На разстояніи 5 верстъ отсюда находится большой садъ, именуемый „садомъ императрицы“, въ немъ 80 тысячъ всевозможныхъ плодовыхъ деревьевъ, которыя процвѣтаютъ.

Такъ какъ городъ не мощенъ, то пыль здѣсь нестерпимая. Берега Днѣпра изобилуютъ мелкимъ камнемъ, перевозка котораго стоила бы очень дешево, но онъ пористъ и можетъ быть слишкомъ мягокъ. Крѣпость очень правильна и очень велика, она земляная, но въ случаѣ нападенія можетъ держаться, такъ какъ она окружена двойнымъ рвомъ и крѣпкимъ палисадомъ. Надъ крѣпостью находится цитадель, командующая адмиралтействомъ. Здѣсь находится только что построенный дворецъ императрицы и магазины адмиралтейства. На берегу Днѣпра находится верфь. Здѣсь выкопано 5 бассейновъ для постройки такого же количества судовъ; для той же цѣли копаются еще 12 бассейновъ. Въ настоящую минуту

работаютъ надъ тремя судами, которыя должны быть окончены къ пріѣзду императрицы. Киль 80-пушечнаго корабля былъ положенъ въ январѣ, а теперь надобно еще всего нѣсколько дней для завершенія его постройки.

Херсонъ имѣетъ около 3.000 жителей, большинство изъ нихъ ремесленники, торговцы и крестьяне. Крестьяне здѣсь живутъ не земледѣліемъ, ибо во всѣхъ окрестностяхъ весьма мало воздѣланной земли, а занимаются весьма прибыльнымъ извозомъ, доставляя издалека, особенно изъ Польши, муку и прочіе съѣстные припасы.

Полицейская часть здѣсь очень плоха, никто не безопасенъ даже въ своемъ собственномъ домѣ. Здѣсь столько несчастныхъ, влачащихъ самое жалкое существованіе, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ежедневно приходится слышать о воровствѣ, грабежахъ и даже иногда объ убійствахъ.

Никто, какъ мнѣ показалось, недоволенъ здѣсь городомъ, всякій судитъ со своей личной точки зрѣнія. Негоціанты недовольны плохимъ положеніемъ Херсона, отсутствіемъ ободренія со стороны правительства, его небрежностью, мѣстными непріятностями, обманами, грабежами, совершающимися безнаказанно. Дѣйствительно, трудно составить себѣ понятіе о проникшихъ сюда всякихъ злоупотребленіяхъ. Петербургъ слишкомъ далеко, чтобы возможно было добиться правосудія, а это-то и ободряетъ злоумышленниковъ, которыхъ можно встрѣтить даже въ карантинѣ, гдѣ совершается множество мелѣпостей. Здѣсь есть главнокомандующій войсками, въ вѣдѣніи котораго находятся также и гражданскія дѣла, это г. Самойловъ, племянникъ князя Потемкина и кавалеръ многихъ орденовъ. Всѣ дѣла въ послѣдней инстанціи должны рѣшаться въ Петербургѣ. Человѣкъ этотъ обязанъ своею карьерой своему дядѣ, онъ не обладаетъ требуемыми для его поста способностями, весьма мало образованъ, но весьма дѣятеленъ. Вторымъ по своему положенію лицомъ здѣсь является князь Вяземскій, племянникъ министра финансовъ. Онъ путешествовалъ по многимъ частямъ Европы и путешествовалъ съ пользой; онъ уменъ и выигрываетъ при болѣе близкомъ съ нимъ знакомствѣ. Есть здѣсь еще нѣсколько другихъ генераловъ и офицеровъ генеральнаго штаба, потому что здѣсь всѣ военные, но я о нихъ упоминать не стану. Я ихъ видѣлъ у генерала Самойлова, мало кто изъ нихъ говоритъ на иностранныхъ языкахъ, а вы знаете, что я не понимаю по-русски.

Я обѣдалъ у нѣсколькихъ изъ этихъ господъ, съ которыми могъ изъясняться лишь знаками и тѣлодвиженіями. Ѣдятъ здѣсь весьма плохо, почти все холодное и очень грязно. Вина отвратительны и, по правдѣ говоря, здѣсь трудно и достать хорошаго вина. Этому стараются пособить устройствомъ напитковъ изъ различныхъ плодовъ. Квасъ и кислыя щи дѣлаются изъ муки, заквашенной въ водѣ. Здѣсь есть хорошій медъ, вишневка, пиво, но къ этимъ напиткамъ приходится привыкать насильно. Вода плохая, солодковатая и нездоровая, ее никогда и не пьютъ за столомъ. Общество вообще далеко не изъ самыхъ пріятныхъ, потому что на всемъ отзывается военная субординація. Предъ генераломъ никто не садится, если только онъ самъ не прикажетъ сѣсть, точно также никто не рѣшается говорить безъ его приказанія, всѣ неустанно слѣдятъ за каждымъ движеніемъ своего начальника. Иностранцевъ вообще принимаютъ очень хорошо, и мы можемъ только хвалить русское радушіе.

Графъ Фалькенштейнъ (императоръ Іосифъ II) прибылъ 14 въ 6 часовъ вечера. Его величество сопровождали генералъ Кинскій, два секретаря, священникъ, хирургъ Брамбилла и два офицера его гвардіи. Свита его состояла изъ нѣсколькихъ человѣкъ прислуги, и всего на всего было восемь экипажей. Никогда еще не путешествовалъ онъ съ такою важностью. Онъ остановился у графа Розаровича, и я имѣлъ честь тотчасъ же быть ему представленнымъ. Я былъ пораженъ перемѣной, которую я замѣтилъ во всей его особѣ съ 1780 года, когда я его въ послѣдній разъ видѣлъ; я нашелъ его очень постарѣвшимъ и сильно сгорбившимся.

16-го, рано утромъ, его величество выѣхалъ въ Кайдакъ, отстоящій отсюда въ 300 верстахъ, гдѣ должно было произойти его первое свиданіе съ императрицей, которая остановится здѣсь на одинъ вечеръ, чтобы положить первый камень для основанія города, который она намѣревается построить, ему уже заранѣе дано названіе Екатеринославль и онъ дастъ свое имя губерніи, въ составъ которой войдетъ и городъ Херсонъ. По плану этого новаго города, подлежащія постройкѣ зданія будутъ великолѣпны. Не забыта даже музыкальная академія, которою будетъ завѣдывать знаменитый Сарти. На постройку этого города предназначено нѣсколько милліоновъ, остается только рѣшить вопросъ, какъ населить этотъ городъ. Невозможно составить себѣ понятія о тщеславіи Русскаго двора и о склонности императрицы къ велико-

лѣнію. Ее очень поддерживаетъ князь Потемкинъ, повидимому, обладающій самою плодовитою изобрѣтательностью великихъ предпріятій. Императрица останавливалась на нѣсколько дней въ Кайдакѣ, гдѣ у нея было свиданіе съ польскимъ королемъ. Полагаютъ, что здѣсь въ значительной мѣрѣ играетъ роль система, которую называютъ „Восточною и Соединительною". Князь Потемкинъ прибылъ сюда за сутки до пріѣзда императрицы. Его пріѣздъ привелъ въ движеніе весь городъ. Я былъ пораженъ страхомъ, покорностью, почтеніемъ, съ которыми его здѣсь встрѣтили, но еще болѣе былъ я пораженъ достоинствомъ, съ которымъ онъ принималъ почести ото всѣхъ военныхъ.

Письмо пятое.

Херсонъ, 28 мая 1787 г.

23 мая, въ день, назначенный для пріѣзда императрицы, съ 12 часовъ дня по всему пути, начиная отъ военнаго предмѣстья и до дворца государыни, на пространствѣ въ три версты, былъ разставленъ шпалерами гарнизонъ подъ командой офицеровъ различныхъ полковъ, знамена были развернуты и музыка была наготовѣ, чтобъ играть. Въ 6 часовъ пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ о прибытіи ея величества; впереди нея ѣхали верхомъ многочисленные конногвардейцы. Она подвигалась шагомъ среди рядовъ солдатъ, при восторженныхъ кликахъ всего собравшагося ее видѣть народа, при колокольномъ звонѣ и 101 пушечномъ выстрѣлѣ, которымъ ей салютовала крѣпость. Государыня ѣхала въ шестимѣстной каретѣ. По правую ея руку сидѣлъ графъ Фалькенштейнъ съ княземъ Потемкинымъ, противъ нея помѣщались ея фрейлина графиня Браницкая, посланникъ императора и флигель-адъютантъ генералъ Мамоновъ. За каретой государыни слѣдовало еще нѣсколько каретъ, въ которыхъ находились дамы и кавалеры ея свиты. Согласно обычаю прежде всего императрица вошла въ церковь. Затѣмъ она проѣхала къ адмиралтейству и отсюда прослѣдовала въ приготовленный для нея дворецъ. Нѣкоторое время она пробыла въ залѣ и затѣмъ въ саду, потомъ удалилась во внутренніе покои. Толпа собралась очень большая, но князь Потемкинъ позаботился о томъ, чтобы всѣхъ привести къ порядку и мало-по-малу всѣ разошлись. Я былъ представленъ и князю Потемкину, и графу Безбородко. 24-го въ

10 часовъ утра императрица появилась въ пріемной залѣ, и тогда я имѣлъ честь быть ей представленъ точно такъ же, какъ и всѣ находившіеся въ Херсонѣ иностранцы. Придворный маршалъ князь Барятинскій пригласилъ меня къ столу императрицы.

Императрица и графъ Фалькенштейнъ бесѣдовали со всѣми присутствующими, поочередно разговаривая съ каждымъ и прогуливаясь съ одного конца комнаты до другаго. Столъ въ формѣ подковы былъ накрытъ на сто кувертовъ въ великолѣпной нарочно для сего случая выстроенной и съ большимъ вкусомъ убранной залѣ. Въ глубинѣ залы помѣщался оркестръ во 160 человѣкъ музыкантовъ, считая инструменты и голоса. Инструменты состояли изъ различныхъ величинъ трубъ, очень похожихъ на органныя трубы. Каждый музыкантъ извлекаетъ только одинъ звукъ изъ своего инструмента, а все вмѣстѣ производитъ великолѣпное впечатлѣніе. Эта музыка особенно хорошо аккомпанируетъ пѣснію. Исполнялись прелестныя піесы. Оркестръ этотъ принадлежитъ князю Потемкину, купившему его за 50 тысячъ рублей у графа Румянцева. Вся эта труппа принадлежитъ къ свитѣ императрицы, а директоромъ у нихъ состоитъ знаменитый капельмейстеръ Сарти. Столъ ея величества былъ обильно снабженъ всѣмъ, что въ состояніи доставить страна, но тутъ не было ничего чрезвычайнаго, ничего тонкаго. Были очень плохія вина, но за то великое множество всевозможныхъ русскихъ напитковъ. Послѣ обѣда императрица съ графомъ Фалькенштейномъ и нѣсколькими придворными объѣзжала городъ. Вечеромъ было собраніе, продолжавшееся до 8 часовъ.

25-го императрица со всѣмъ дворомъ отправилась обѣдать въ деревню графа Безбородко, Бѣлозерку, на Днѣпрѣ, въ 20 верстахъ отсюда. До ея отъѣзда было собраніе, около 11 часовъ императрица сѣла въ лодку въ адмиралтействѣ. Вся дорога, по которой она должна была пройти къ рѣкѣ, была устлана краснымъ сукномъ. При ея лодкѣ находилось 14 человѣкъ роскошно одѣтыхъ гребцовъ; надъ лодкой возвышался красный бархатный балдахинъ съ золотыми галунами, внутри же все было обито и убрано самыми драгоцѣнными константинопольскими и индійскими тканями. Всѣ прочія лодки были менѣе великолѣпны, но всѣ нарядны и чисты. Флотилія эта отплыла при громѣ артиллерійскихъ орудій; она производила чрезвычайно красивое впечатлѣніе.

Часамъ къ четыремъ вечера флотилія вернулась и ея величество рано удалилась къ себѣ.

26-го я присутствовалъ при самомъ великолѣпномъ въ мірѣ зрѣлищѣ, такъ какъ въ этотъ день былъ назначенъ спускъ военныхъ кораблей. По моемъ пріѣздѣ въ Херсонъ, я не могъ себѣ представить того, чтобъ эти суда могли быть готовы къ прибытію императрицы, но работали такъ усердно, что къ назначенному сроку все было готово. 80-пушечный корабль былъ едва начатъ въ январѣ, но такъ какъ не слѣдуетъ довольствоваться только одною внѣшностью, то я могу васъ увѣрить, что и сейчасъ за нимъ еще есть работа на шесть мѣсяцевъ, потому что все сдѣлано только на скорую руку. Тѣмъ не менѣе я былъ пораженъ прилагаемою ко всему дѣятельностью. Это страна вещей удивительныхъ и я ихъ всегда сравниваю съ тепличными произведеніями, только ужь не знаю будутъ ли они долговѣчны. Въ 11 часовъ утра мы явились ко двору; весь гарнизонъ былъ въ парадной формѣ. Ея величество во флотскомъ мундирѣ въ сопровожденіи графа Фалькенштейна и всего двора въ парадныхъ мундирахъ двинулась въ путь пѣшкомъ при залпахъ артиллерійскихъ орудій и громѣ военной музыки всѣхъ полковъ. Весь путь царицы былъ устланъ краснымъ сукномъ. Ея величество спустилась на плавучую галлерею, которая была прикрѣплена къ лѣстницѣ и которая нарочно для сего случая была построена; она состояла изъ двухъ большихъ покоевъ, окруженныхъ золоченою балюстрадой. Въ первомъ покоѣ былъ накрытъ столъ съ великолѣпнымъ завтракомъ. Второй покой былъ великолѣпно меблированъ самыми богатыми константинопольскими и индійскими тканями. Здѣсь находился турецкій диванъ, то-есть наложенные одинъ на другой большіе тюфяки изъ этихъ тканей, на немъ было устроено нѣчто вродѣ трона съ балдахиномъ, украшеннымъ тюрбанами, полумѣсяцами и страусовыми перьями. Всѣ стѣны и колонны были вызолочены и отдѣланы самымъ изящнымъ образомъ. Вся эта галлерея была покрыта обширнымъ навѣсомъ, обшитымъ золотыми и серебряными галунами и бахромой. Эта галлерея помѣщалась между двумя кораблями. Рядомъ съ нею находилась еще другая обширная галлерея для дамъ и кавалеровъ свиты, она была самымъ удивительнымъ образомъ убрана всѣмъ, что̀ есть самаго красиваго и самаго богатаго въ отношеніи восточныхъ тканей. Берега Днѣпра были покрыты несмѣтною толпой, что̀ прилавало еще болѣе интереса общему виду. Около полудня былъ

поданъ сигналъ и первый корабль поплылъ при громѣ артиллерійскихъ орудій и кликахъ всѣхъ зрителей. Менѣе чѣмъ въ двадцать минутъ съ тою же легкостью были спущены и два другіе корабля. Императоръ Іосифъ и весь дворъ поздравляли императрицу съ такимъ успѣхомъ, государыня спросила у императора по-нѣмецки о томъ, *что онъ думаетъ объ ея хозяйствѣ?* Но онъ ограничился тѣмъ что отвѣтилъ ей *глубокимъ безмолвнымъ поклономъ*, предоставивъ зрителямъ истолковывать по своему усмотрѣнію это весьма двусмысленное выраженіе того, что̀ онъ думаетъ!

Ея величество назвала 80-типушечный корабль Іосифомъ II. Затѣмъ въ галлереѣ она допустила къ своей рукѣ начальниковъ адмиралтейства и строителя, которому слѣдуетъ съ каждой пушки по три рубля, которые ему и были вручены на серебряномъ блюдѣ. Строитель Русскій и никогда не выѣзжалъ изъ своего отечества, но, повидимому, онъ хорошо знаетъ свое дѣло, потому что знатоки говорятъ, что корабли эти очень хорошо сооружены.

Императрица воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать нѣсколько повышеній по службѣ и оказать различныя милости военнымъ. По окончаніи церемоніи она сѣла въ лодку, чтобъ объѣхать гавань и вернулась тѣмъ же порядкомъ, предшествуемая своими камергерами. До обѣда было собраніе, и государыня и графъ Фалькенштейнъ опять бесѣдовали со всѣми присутствовавшими. Около 2 часовъ былъ обѣдъ на сто кувертовъ, та же музыка, а вечеромъ происходило собраніе до 8 часовъ. Послѣ этого всѣ свободны отправляться, куда кому хочется. Обыкновенно заходятъ къ князю Потемкину, гдѣ иногда и ужинаютъ.

Въ воскресенье 27-го происходило богослуженіе. Окрестили находившихся здѣсь съ нѣкотораго времени троихъ Татаръ, которые, какъ говорятъ, были Лезгинами. Вся эта церемонія продолжалась болѣе часа и императрица, и графъ Фалькенштейнъ при ней присутствовали. Государыня обнаружила большую набожность, молясь предъ каждымъ образомъ, которыхъ въ храмѣ было очень много. Количество этихъ образовъ столь велико, что ихъ видно повсюду. Въ русскихъ домахъ, во всѣхъ комнатахъ есть образа и наканунѣ большихъ праздниковъ предъ ними зажигаются восковыя свѣчи. Образовъ наставили по всѣмъ комнатамъ императрицы. Послѣ богослуженія снова былъ большой обѣдъ. Вечеромъ императрицѣ представлялись херсонскія дамы,

а послѣ того былъ балъ по этикету, самый скучный и самый монотонный изъ когда-либо видѣнныхъ мною. Оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ открылъ балъ польскимъ минуэтомъ и танецъ продолжался по порядку, рангамъ и чинамъ; послѣ минуэта слѣдовалъ русскій контрдансъ. Въ это время императрица играла въ вистъ съ княземъ Потемкинымъ, англійскимъ министромъ и министромъ императора. Какъ только она поднялась со своего мѣста, музыка прекратилась и къ 8 часамъ балъ окончился; херсонскія дамы отправились танцовать въ другое мѣсто.

Сегодня и съ той, и съ другой стороны раздавались подарки. Императоръ угощалъ всѣхъ кавалеровъ свиты императрицы и поручилъ своему послу раздать массу табакерокъ, перстней и прочихъ драгоцѣнностей, онъ никого не позабылъ. Императрица со своей стороны великолѣпно угощала лицъ свиты императора. Она раздала также 23.000 рублей солдатамъ гарнизона.

28-го рано по утру всѣ явились ко двору пожелать добраго пути императрицѣ. Въ 11 часовъ былъ большой обѣдъ, а въ 1 часъ пополудни ея величество съ частью своей свиты двинулась въ Крымъ. Она сидѣла въ большомъ 8-мимѣстномъ фаэтонѣ, съ нею вмѣстѣ находились императоръ, герцогъ де-Линь, оберъ-камергеръ Шуваловъ, флигель-адъютантъ Мамоновъ и князь Потемкинъ. Число лицъ двора императрицы вмѣстѣ со слугами достигаетъ количества 1.000 человѣкъ, на каждой станціи нужно 550 лошадей и считаютъ, что въ общемъ число служащихъ достигаетъ 150 тысячъ человѣкъ. Не оставляютъ безъ порицанія великолѣпія, съ которымъ путешествуетъ эта государыня и количества народа, которое она возитъ за собою въ своей свитѣ. Полагаютъ, что путешествіе это обойдется болѣе чѣмъ въ 12 милліоновъ рублей, а сумма эта далеко не безразлична для имперіи, имѣющей самое большее 32 милліона доходовъ. Всѣ лошади привезены изъ внутреннихъ губерній, такъ какъ почтовыхъ лошадей не хватаетъ. Множество лошадей гибнетъ въ этихъ форсированныхъ переѣздахъ, а потому судите, какой ущербъ для земледѣлія! Отданъ приказъ платить за всѣхъ павшихъ лошадей. Меня увѣряютъ, что деньги дѣйствительно платятся, но никогда не доходятъ до рукъ собственниковъ! Всюду, гдѣ останавливается императрица, всѣ съѣстные припасы и все что̀ нужно посылается впередъ, такъ чтобъ она всюду могла имѣть все, что̀ только ей вздумается. Всегда, какъ это и вполнѣ есте-

ственно, остается огромный излишекъ, который прислуга затѣмъ продаетъ по дешевымъ цѣнамъ и въ свою пользу. Прибавьте къ этому крайнюю щедрость государыни всюду, гдѣ она только проѣзжаетъ, и вы согласитесь со мною, что для разоренія Россіи надобно не особенно много такихъ путешествій и такихъ расходовъ. Только бумажныя деньги въ состояніи возмѣщать недостатокъ въ звонкой монетѣ; операціи только что учрежденнаго банка достаточно указываютъ на потребность въ деньгахъ, если нѣтъ прибыли въ столь опасной операціи. Впрочемъ, всюду существуетъ такое отсутствіе денегъ, что если не носить съ собою огромнаго мѣшка съ мѣдью, то волей-неволей приходится принимать банковые билеты, которые бываютъ стоимостью 15, 10 и 25 рублей, и постоянно приходится терять 5, 6, а иногда и 10%, если торопиться ихъ реализировать. Директоромъ этого банка состоитъ знаменитый г. Шуваловъ, котораго я знавалъ и о которомъ говоритъ Вольтеръ. Прощайте, любезный другъ, я очень налегъ на подробности, потому что современемъ они составятъ эпоху и пріятно вспоминать о томъ, что́ довелось видѣть. Я оканчиваю это длинное письмо и оставляю до другаго раза намѣреніе поговорить съ вами о главнѣйшихъ лицахъ свиты императрицы, съ которыми я познакомился.

Письмо шестое.

Херсонъ, 29 мая 1787 г.

Начну съ того, что буду говорить объ императрицѣ. Эта принцесса роста средняго, очень полная и уже довольно почтенныхъ лѣтъ. Она пользуется хорошимъ здоровьемъ, кажется кроткою и исполненною доброты. Осанка ея исполнена благородства и достоинства, въ глазахъ у нея много живости. Говорятъ, что она умна и геніальна. Я слышалъ, какъ она пріятно и легко что-то разсказывала. Дѣятельность ея изумительна. Ея непомѣрная страсть къ славѣ, точно такъ же, какъ и ея честолюбіе извѣстны, и она жертвуетъ имъ каждою минутой своей жизни; до сихъ поръ счастіе увеличивало бо́льшую часть ея предпріятій, только нѣкоторыя облачка въ ея семействѣ время отъ времени нарушаютъ ея спокойствіе. Всѣ приближающіеся къ ней люди чувствуютъ на себѣ ея доброту и ея великодушіе. Всѣ ея часы распредѣлены. Она встаетъ рано, тотчасъ же прини-

мается за работу, торопитъ своихъ министровъ и сама знакомится со всѣми важнѣйшими дѣлами.

Императоръ Іосифъ роста средняго. Онъ былъ очень красивымъ принцемъ, но утомленія, вліянія непогоды, которымъ онъ постоянно подвергается, измѣнили его черты. Я близко наблюдалъ его; мнѣ казалось, чтобы человѣкъ его положенія могъ относиться ко всѣмъ, кто имѣетъ честь приблизиться къ нему, такъ чтобы всякому было до такой степени по себѣ, можетъ быть онъ даже слишкомъ фамильяренъ: онъ мнѣ показался совершенно свободнымъ отъ того высокомѣрія, той сдержанности, которыя иногда даются высокимъ происхожденіемъ. Его можно упрекнуть въ излишней дѣятельности и въ чрезмѣрномъ пристрастіи къ преобразованіямъ; онъ постоянно занятъ ими и если его взгляды и благодѣтельны, то все же ему слѣдовало бы выжидать отъ времени полезныхъ плодовъ, на которые онъ надѣется, а не рубить съ плеча обычаи и предразсудки своихъ подданныхъ. Одежда его самая простая и онъ мало тратитъ на безполезную пышность. Я замѣтилъ, что всѣ его вопросы разсудительны и что онъ обладаетъ способностью касаться именно тѣхъ предметовъ, которые наиболѣе могутъ быть знакомы лицамъ, съ которыми онъ бесѣдуетъ, и онъ пользуется тѣми свѣдѣніями, которыя ему удается получить отъ нихъ.

Я крайне стремился познакомиться съ княземъ Потемкинымъ, съ этимъ колоссомъ, предъ которымъ склоняются всѣ колѣни. Это странное во всѣхъ отношеніяхъ существо! Вмѣстѣ съ геркулесовскимъ ростомъ, онъ соединяетъ самый суровый взглядъ, на его пріемахъ и его правахъ слишкомъ отражается его воспитаніе и при видѣ его я легко представляю себѣ старыхъ русскихъ бояръ. Онъ окруженъ многочисленною свитой, подражающею свитѣ государыни. Князь Потемкинъ первое лицо въ Россіи послѣ императрицы, кругъ его вѣдѣнія чрезвычайно обширенъ, сюда безразлично входитъ все, политическія и военныя дѣла, внутренняя экономія, словомъ, все исходитъ отъ него; онъ состоитъ во всѣхъ совѣтахъ, ему извѣстны всѣ тайны императрицы, за то онъ и пользуется удивительнымъ вліяніемъ на умъ государыни, которая выслушиваетъ, уважаетъ его, но которая можетъ быть его боится и во всякомъ случаѣ не любитъ его. Увѣренный въ своихъ достоинствахъ и зная свою власть, онъ слишкомъ часто даетъ чувствовать свое превосходство. Если у него много недруговъ, если противъ него есть партія, то все же его

собственная партія сильнѣе, такъ что никакія попытки отдалить его не удались и онъ достаточно уменъ для того, чтобъ умѣть быть необходимымъ. Впрочемъ, это самый странный въ мірѣ человѣкъ: то капризный, то снисходительный, то лѣнивый, то удивительно дѣятельный, въ немъ соединяются всѣ крайности; честолюбія онъ непомѣрнаго и обладаетъ огромными богатствами; ему приписываютъ обширные замыслы, въ которые я не прочь вѣрить. Онъ съ добротой принимаетъ лицъ, которыя въ состояніи представить ему полезные для государства проекты, а такъ какъ нельзя отказать ему въ большой геніальности и великихъ, и можетъ-быть даже слишкомъ химерическихъ идеяхъ, то непредупрежденный противъ него наблюдатель никогда не можетъ смѣшать его достоинствъ съ его многочисленными недостатками.

Графъ Безбородко прежде былъ личнымъ секретаремъ императрицы. Она замѣтила въ немъ способности и ввѣрила ему департаментъ иностранныхъ дѣлъ. Ему нельзя отказать въ умѣ и особенно въ обширномъ образованіи; кромѣ того, онъ обладаетъ замѣчательною памятью; но департаментъ его весьма значителенъ и онъ не въ состояніи услѣдить за всѣмъ, вслѣдствіе чего и относится безъ должнаго вниманія ко многимъ дѣламъ, многія дѣла затягиваетъ и, не имѣя возможности соединить свою чрезмѣрную страсть къ удовольствіямъ съ занятіями дѣлами, онъ причиняетъ неудовольствіе весьма многимъ людямъ. Онъ и князь Потемкинъ постоянно находятся въ оппозиціи другъ противъ друга, можетъ-быть изъ чувства взаимной зависти, можетъ-быть вслѣдствіе различія взглядовъ, но чаще всего оба они дѣйствуютъ противъ интересовъ государства ради удовлетворенія своихъ личныхъ страстей. Впрочемъ, графъ Безбородко весьма ловкій придворный, вѣжливый до чрезмѣрности, скрытыми и окольными путями почти всегда достигающій своихъ цѣлей.

Г. Мамоновъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, обязанный своимъ настоящимъ блестящимъ положеніемъ при императрицѣ князю Потемкину, при посредствѣ котораго онъ замѣнилъ другое лицо, которое противная партія старалась приблизить къ ея величеству. Г. Мамоновъ—генералъ-майоръ и флигель-адъютантъ императрицы; роста онъ не колоссальнаго, но сложенъ очень хорошо и наружность имѣетъ пріятную; со времени занятія этого поста онъ принялъ на себя видъ придворнаго человѣка, не достаточно однако скрывающій его прежнія привычки. Я замѣтилъ на его лицѣ весьма

явный отпечатокъ грусти и скуки; вообще онъ всѣми любимъ, потому что не злоупотребляетъ милостью, которою пользуется.

Я не упоминаю вамъ о цѣлой массѣ другихъ лицъ, съ которыми я познакомился и которыя составляютъ дворъ императрицы. Нѣкоторые изъ нихъ отличаются не своими талантами, а несравненно болѣе своею посредственностью и преобладающимъ среди нихъ дурнымъ тономъ. Всѣ они переняли французскія манеры и стараются походить на Французовъ, но представляютъ собою лишь плохія копіи, то-есть они стараются подражать именно тому, что̀ есть достойнаго порицанія у Французовъ, что̀ вмѣстѣ съ русскимъ воспитаніемъ, сквозящимъ сквозь этотъ внѣшній лоскъ, представляетъ ему противоположность и составляетъ весьма неправильное цѣлое.

Нынѣшній дворъ весь состоитъ изъ новыхъ лицъ и было приложено стараніе къ наивозможно большему устраненію стараго дворянства, состоящаго въ оппозиціи относительно князя Потемкина.

Графъ Чернышевъ является послѣднимъ изъ людей древняго рода, готовящимся покинуть дворъ. Будучи президентомъ коллегіи адмиралтейства и кавалеромъ многихъ орденовъ, онъ не пожелалъ рабски ухаживать за княземъ Потемкинымъ. Они поссорились и графъ Чернышевъ просилъ позволенія отправиться путешествовать, что̀ и было ему тотчасъ же разрѣшено.

Императрицу сопровождаютъ три иностранные министра. Посланникъ императора графъ Кобенгель пользуется со стороны государыни большимъ уваженіемъ, которымъ онъ обязанъ узамъ, связывающимъ между собою оба двора. Его политическіе таланты довольно двусмысленны. Французскій посланникъ г. де-Сегюръ пользуется большимъ уваженіемъ, и меня увѣряютъ, что онъ имѣлъ минуту милости, которую старательно позаботились затушить при самомъ ея возникновеніи. У него весьма пріятный умъ, а любезность его заставляетъ всѣхъ любить его. Меня увѣряютъ, что въ данную минуту ему дали почувствовать насколько прискорбно видѣть, что его дворъ принялъ мѣры вмѣстѣ съ Портой, отправивъ туда своихъ офицеровъ, и не скрыли насколько ихъ пребываніе въ Очаковѣ непріятно. Говорятъ также, что его христолюбивое величество приказалъ заявить, что онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ проектамъ, которые обѣ имперіи повидимому намѣрены предпринять противъ Турокъ.

Англійскій министръ г. Фитцъ-Гербертъ съ чрезвычайно простыми манерами соединяетъ и чисто англійскую откровенность, онъ говоритъ такъ, какъ думаетъ. Императрица настолько хорошо знаетъ его съ этой стороны, что нисколько не бываетъ шокирована тѣмъ, что онъ часто высказываетъ противоположное съ нею мнѣніе; онъ даже дѣлаетъ видъ, что высказываетъ истины, не ускользающія отъ внимательнаго наблюдателя, который можетъ думать, что подобная манера говорить служитъ выраженіемъ системы его двора или что ему приказано такъ поступать. Впрочемъ, онъ очень уменъ и обладаетъ обширною литературною начитанностью.

Вотъ вамъ, любезный другъ, вѣрное изображеніе лицъ, частью составляющихъ дворъ императрицы въ время путешествія. Впрочемъ, вы будете не менѣе меня удивлены, узнавъ о томъ, что недостаточно ухаживать за императрицей, но что люди, уже достигшіе извѣстнаго положенія, или ожидающіе какихъ-либо милостей, весьма продолжительно и для себя крайне стѣснительно еще ухаживаютъ и за княземъ Потемкинымъ. При его утреннемъ вставаніи зала бываетъ переполнена самыми высокопоставленными людьми и даже графъ Фалькенштейнъ не пренебрегъ появиться сюда. Князь заставляетъ ожидать цѣлые часы самыхъ выдающихся въ Россіи людей и затѣмъ отпускаетъ всѣхъ съ возмутительнымъ высокомѣріемъ и презрѣніемъ; всѣ на это жалуются и тѣмъ не менѣе всякій считалъ бы себя погибшимъ человѣкомъ, еслибы не отправлялся въ пріемную князя, такъ много власти имѣетъ надъ человѣкомъ его личная выгода!

Послѣ отъѣзда двора Херсонъ сталъ похожъ на настоящую пустыню и особенно чувствуется та пустота, которая всегда ощущается послѣ большой суеты. Я разсчитывалъ сухимъ путемъ проѣхать въ Севастополь черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда двора, но свита императрицы была черезчуръ многочисленна, на каждой станціи для нея нужно было 550 лошадей, и на мою долю лошадей бы не нашлось; кромѣ того, князь Потемкинъ распорядился, чтобы никому не выдавалось подорожныхъ, а его приказанія всегда выполняются съ самою крайнею строгостью. Такимъ образомъ, не имѣя иныхъ средствъ, желавшій посмотрѣть Крымъ маркизъ де-Галлъ и я, мы прибѣгли къ одному купеческому судну, которое должно было отплыть черезъ нѣсколько дней. Прощайте, любезный другъ, я вамъ буду писать по моемъ пріѣздѣ въ Севастополь.

Письмо седьмое.

Севастополь, 8 іюня 1787 года.

Я выѣхалъ изъ Херсона 30 мая и сухимъ путемъ проѣхалъ въ Глубокое, отстоящее въ 35 верстахъ отъ города. Здѣсь находится гавань торговыхъ судовъ, здѣсь же они и выдерживаютъ карантинъ. Слишкомъ большія и слишкомъ глубокосидящія въ водѣ суда, чтобы быть въ состояніи подниматься по рѣкѣ до Херсона, отправляютъ туда свои товары сухимъ путемъ. До сихъ поръ здѣсь существуетъ только одинъ польскій домъ графа Протъ-Потоцкаго, имѣющаго здѣсь магазинъ. Мѣсто это было бы весьма выгодно для постройки здѣсь Херсона, оно еще хорошо и тѣмъ, что командуетъ обширною гаванью, имѣетъ хорошій воздухъ и нисколько не подлежитъ неудобствамъ теперешняго мѣстоположенія города. Мы не могли тотчасъ же пуститься въ плаваніе, такъ какъ судно, на которомъ мы должны были отправиться, еще находилось въ карантинѣ и чтобы поднять паруса требовалось разрѣшеніе генерала Самойлова: онъ обѣщалъ намъ дать это разрѣшеніе, но будучи обязанъ сопровождать императрицу, позабылъ обо всемъ на свѣтѣ, такъ что пришлось отправить къ нему нарочнаго, который и вернулся съ разрѣшеніемъ уже ночью. Во всей этой администраціи большія неудобства и множество потери времени. Мы подняли паруса въ 10 часовъ утра 31 мая; въ два часа пополудни мы были принуждены еще остановиться, чтобы показать наши паспорты береговой стражѣ, которая не пропускаетъ ни одного судна безъ продѣлыванія этой церемоніи.

Около 9 часовъ вечера мы стали на якорь посрединѣ рѣки, въ ней множество отмелей, помѣченныхъ прикрѣпленными къ коламъ красными флагами, и продолжать здѣсь плаваніе ночью было бы опасно. 1 іюня мы подняли якорь въ 4 часа утра и вскорѣ затѣмъ увидали Очаковъ, куда и направились, не взирая на встрѣчный вѣтеръ. Переѣздъ этотъ мы совершили въ тридцать часовъ времени. Излучины рѣки удлиняли нашъ путь для обѣзда Кильборна, который глубоко вдается въ море, затрудняя входъ и выходъ изъ рѣки, а теченіе здѣсь чрезвычайно быстрое. Противный вѣтеръ продолжалъ дуть со страшною силой, такъ что, несмотря на старательное лавированіе, намъ пришлось

вернуться и бросить якорь подъ очаковскими пушками и посреди турецкой эскадры. Здѣсь существуетъ очень быстрое теченіе, относящее суда къ европейскому берегу, чрезвычайно опасному вслѣдствіе близь лежащаго низменнаго, окруженнаго скалами острова, по имени Березинъ-Ада; онъ укрѣпленъ и въ немъ находится турецкій гарнизонъ.

Днѣпръ отъ Глубокаго и до своего устья имѣетъ 60 верстъ длины, ширина же почти повсюду достигаетъ 6 верстъ, глубина довольно разнообразна, но посрединѣ рѣки она всюду около 6 футовъ, къ берегамъ же подплыть невозможно вслѣдствіе отмелей. Разстояніе между Кильборномъ и Очаковымъ 3 версты, но вдающійся въ море песчаный мысъ до такой степени сжимаетъ устье, что тутъ оказывается не болѣе одной версты, такъ что Порта безо всякаго труда можетъ заградить входъ въ рѣку.

Столица Буджакской Татаріи—городъ Очаковъ расположенъ на западномъ берегу Днѣпра, тамъ, гдѣ онъ впадаетъ въ Черное Море; это не что̀ иное, какъ открытая гавань, въ которой суда могутъ стоять лишь лѣтомъ, такъ какъ дурная погода осенью и льды зимой должны заставлять ихъ уходить съ этой стоянки Городъ построенъ на холмѣ, командующемъ надъ входомъ въ рѣку. Говорятъ, что Очаковъ очень хорошо укрѣпленъ и что въ настоящее время Порта еще болѣе усиливаетъ его укрѣпленія. Я замѣтилъ множество рабочихъ подъ управленіемъ французскаго инженера, занятыхъ возведеніемъ новыхъ бастіоновъ въ сторону Россіи. Туркамъ стоило бы потопить въ устьѣ Днѣпра одно какое-нибудь судно и Херсонъ лишился бы всякаго значенія. Я нисколько не удивляюсь, что Россія обнаруживала стремленіе овладѣть этимъ пунктомъ, и пока она будетъ желать имѣть преобладаніе на Черномъ Морѣ, пунктъ этотъ для нея долженъ быть крайне важенъ для защиты Херсона, развѣ только городъ этотъ будетъ покинутъ, какъ и возникалъ было проектъ касательно этого. Очаковъ уже осаждался въ 1733 году графомъ Минихомъ и когда бомбой былъ взорванъ главный магазинъ и въ городѣ вспыхнулъ пожаръ, то Русскіе взяли городъ приступомъ. Однако они были принуждены покинуть Очаковъ, потерявъ здѣсь 20 тысячъ человѣкъ. Петербургскій дворъ пришелъ къ тому убѣжденію, что ничего не имѣя въ то время на Черномъ Морѣ, трудно удерживать этотъ пунктъ и оказывать покровительство его гарнизону въ совершенно пустынной странѣ, въ которую не можетъ вступить армія, не имѣя при себѣ всего, что̀ только для

нея необходимо. Во время послѣдней войны противъ этой крѣпости предпринимались нѣкоторыя попытки, но онѣ не увѣнчались успѣхомъ.

Турецкая эскадра выстроена въ линію вдоль берега по направленію къ Черному Морю. Она состоитъ изъ четырехъ линейныхъ кораблей и шести фрегатовъ. Въ сторону рѣки стоятъ на якорѣ канонерки и прочія мелкія военныя суда. Стоящая противъ Очакова крѣпость Кильборнъ была взята Русскими въ 1737 году, затѣмъ она была ими покинута и теперь снова принадлежитъ имъ; укрѣпили они ее довольно хорошо; главнымъ образомъ она служитъ къ обереженію добыванія соли, которою изобилуютъ окрестности и которою по Кайнарджикскому договору въ правѣ пользоваться гарнизонъ Очакова.

Все утро 2 іюня мы провели въ томъ, что все выжидали попутнаго вѣтра; со вчерашняго дня все продолжалъ дуть вѣтеръ съ юга, онъ дулъ рѣзкими порывами, съ дождемъ, и положеніе наше было крайне опасно, потому что мы стояли на якорѣ близь несчастнаго Кильборнскаго мыса. Около полудня вѣтеръ внезапно перемѣнился, а около 5 часовъ онъ сдѣлался для насъ благопріятнымъ, мы подняли якорь и скоро Очаковъ скрылся у насъ изъ глазъ. 4 іюня, около 2 часовъ пополудни, мы увидали землю, то былъ парящій надъ всѣмъ Крымомъ Чатыръ-Дагъ. Мы подплыли къ полуострову на разстояніи трехъ миль отъ него и на другой день 5 іюня бросили якорь въ Севастополѣ. Русская эскадра стояла въ боевомъ порядкѣ. Императрица уѣхала наканунѣ нашего пріѣзда. Намъ говорили, что она была въ восторгѣ, а императоръ былъ нѣсколько удивленъ при видѣ состоянія эскадры и успѣховъ этого флота. Государыня одобрила все, что было сдѣлано, раздала подарки начальникамъ адмиралтейства и приказала выдать по 1 рублю всѣмъ матросамъ. Она не удержалась отъ того, чтобы не сказать г. де-Сегюру: „Теперь уже не станутъ говорить, что у меня ничего нѣтъ въ Крыму“

Въ портѣ было произведено нѣсколько эволюцій, затѣмъ была бомбардирована маленькая деревянная крѣпосца, которая нарочно была выстроена для сего случая и которая походила на замокъ Фанараки у устья Чернаго Моря. Какая неосторожность! Здѣсь ходилъ слухъ о томъ, что Екатерина II не встрѣтила въ своемъ союзникѣ ожидаемой готовности содѣйствовать ей въ будущемъ въ ея планахъ еще бо́льшаго расширенія ея территоріи и что императоръ не сумѣлъ скрыть своего неудовольствія по поводу

столь важнаго для Россіи пріобрѣтенія, чему онъ самъ такъ охотно содѣйствовалъ. Но что̀ не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ это то, что въ данную минуту, когда не дѣлаютъ никакихъ приготовленій къ войнѣ, всѣ полагаютъ, что князь Потемкинъ единственный человѣкъ, который жаждетъ войны, чтобы быть необходимымъ. Но императрица и ея министерство держатся противоположнаго взгляда. Ея величество останавливалась здѣсь всего на однѣ сутки и прослѣдовала въ Бахчисарай. Г. Булгаковъ поѣхалъ вслѣдъ за нею и такимъ образомъ мы здѣсь остались одни. Графъ Войновичъ принялъ насъ съ обычными ему учтивостью и любезностью; онъ доставилъ намъ очень хорошее помѣщеніе и каждый день мы обѣдаемъ у него.

Письмо восьмое.

Севастополь, 14 іюня 1787 года.

Мы съ г. де-Галло воспользовались нашимъ пребываніемъ здѣсь, чтобы совершить нѣсколько поѣздокъ внутрь страны и я вамъ сообщу о наиболѣе интересныхъ изъ нихъ. Начну съ прогулки вокругъ порта въ мѣстечко, называемое Инкерманъ. Мы ѣхали туда въ шлюпкѣ и я болѣе чѣмъ когда-либо восхищался красотой порта. Всюду онъ представляетъ убѣжища для кораблей перваго ранга, ибо глубина его всюду достигаетъ 10 саженъ. Длина порта 7 верстъ, онъ окруженъ высокими холмами, но совершенно лишенными большихъ деревьевъ; его обнаженные берега совершенно бѣлые, что̀ и заставило прежнихъ обитателей дать ему татарское названіе Акъ-Джасъ, то-есть Бѣлая земля.

Инкерманомъ называется маленькая впадающая въ портъ рѣчка, которая и дала свое имя этому мѣстечку; весной Инкерманъ обыкновенно разливается и образуетъ обширное и глубокое болото и, какъ я уже говорилъ, ежегодно здѣсь погибаетъ множество солдатъ, казармы которыхъ какъ разъ находятся на болотѣ. Для пріѣзда императрицы здѣсь выстроили на плоской возвышенности весьма красивую галлерею, отсюда виденъ весь портъ и глазамъ представляется великолѣпное зрѣлище. Неподалеку отсюда лежитъ глубокая долина, которая тянется на 15 верстъ до Балаклавскихъ увѣнчивающихъ ее горъ. По этой долинѣ вьется рѣчка Инкерманъ; берега ея осѣнены множествомъ деревьевъ, раскинутыхъ группами по чуднымъ лужайкамъ, и придающихъ

всей картинѣ чрезвычайно веселый видъ. Долина эта окружена скалистыми горами, самыхъ разнообразныхъ и самыхъ романтическихъ видовъ. Налѣво при въѣздѣ въ долину на большомъ утесѣ виднѣются остатки зáмка, окруженнаго крѣпкими стѣнами: посрединѣ этой крѣпости устроено отверстіе, изъ котораго по высѣченнымъ въ утесѣ ступенямъ можно спускаться въ различныя подземелья и въ устроенныя природой пещеры, выходящія своими отверстіями въ поле. Одна изъ этихъ пещеръ, самая обширная, служила церковью; она сохранилась довольно хорошо, вся окружена колоннами, сохранился еще алтарь и нѣсколько гробницъ, но ни одной надписи, ни одной даты не уцѣлѣло. Я полагаю, что работы эти относятся ко временамъ Генуэзцевъ. А можетъ-быть онѣ принадлежатъ ко временамъ Грековъ. Меня заставляетъ это предполагать то обстоятельство, что противъ этого холма, направо, находится еще другой холмъ съ точно такими же отверстіями, съ тою только разницей, что здѣсь пещеры являютъ собой подобіе монастыря. Высѣченная въ скалѣ галлерея ведетъ въ обширную пещеру, въ которую свѣтъ проникаетъ сквозь продѣланныя въ скатахъ горы отверстія и которая служила храмомъ. Видны еще нѣкоторые слѣды живописи, весьма схожей съ живописью современныхъ Грековъ. Кромѣ того, вдоль утеса находится множество келій, такимъ образомъ эти пещеры по всей вѣроятности были монастыремъ греческихъ отшельниковъ.

У подошвы этой горы есть обширная пещера, превращенная въ солдатскія бани, которыя какъ разъ въ это время топились. Я вошелъ туда. Это паровыя бани, но столь жаркія, что я не въ силахъ былъ выдержать такого жара; несмотря на это я видѣлъ тамъ множество совершенно нагихъ солдатъ, которые по выходѣ изъ бани спѣшили бросаться въ протекающую близь утеса рѣку. Я былъ въ высшей степени пораженъ этимъ, но мнѣ сказали, что это общепринятый обычай и я удовлетворился этимъ объясненіемъ. Впрочемъ, русскія бани въ высшей степени грязны. Однѣ и тѣ же бани служатъ и для мужчинъ, и для женщинъ и раздѣлены между собою только тоненькою перегородкой. Люди обоего пола входятъ въ нихъ совершенно нагіе, ни мало не смущаясь зрителями, которые иногда забавляются тѣмъ, что смотрятъ, какъ они бросаются въ холодную воду, такъ какъ русскія бани всегда стоятъ возлѣ какой-нибудь рѣки.

Никерманская долина очаровательна; во времена Татаръ она

была воздѣлана и въ ней обитало множество жителей, но Русскіе, повидимому, завладѣли всѣмъ лишь затѣмъ, чтобы все уничтожить и въ этой нѣкогда столь плодоносной долинѣ въ настоящее время остались лишь одни слѣды, одни развалины селеній, служившихъ ея главнымъ украшеніемъ. Нагулявшись вдоволь въ этой долинѣ, отъ которой я не могъ оторваться, и нарисовавъ нѣсколько видовъ, я вернулся въ Севастополь, оплакивая участь страны, облагодѣтельствованной природой во всѣхъ отношеніяхъ.

Теперь я вамъ опишу другую мою поѣздку въ мѣстечко, называемое Баджаръ, въ 50 верстахъ разстоянія отсюда, въ горахъ. Мѣстечко это принадлежитъ князю Потемкину; для поѣздки туда я добылъ себѣ русскій экипажъ, называемый кибиткой. Изо всѣхъ извѣстныхъ мнѣ экипажей это самый удобный въ томъ отношеніи, что лежишь на его матрацѣ, но въ то же время это и самый тряскій, потому что онъ не виситъ на рессорахъ, а такъ какъ здѣсь ѣздятъ крайне быстро, то и трясетъ въ немъ всю дорогу до такой степени, что приходишь въ состояніе, близкое къ умопомѣшательству; въ качествѣ любопытнаго путешественника мнѣ захотѣлось испытать и кибитку, но я не имѣю никакого основанія быть довольнымъ тѣмъ, что удовлетворилъ своему любопытству. Изъ Севастополя я выѣхалъ въ 8 часовъ утра и свернулъ съ дороги, чтобы взглянуть на Балаклавскую гавань въ 12 верстахъ отсюда; это маленькій портъ, со всѣхъ сторонъ окруженный высокими вполнѣ надежными утесами; онъ настолько закрытъ, что даже не видно входа въ него, который чрезвычайно узокъ и труденъ и даже совершенно недоступенъ для большихъ кораблей. Видъ съ моря на эту мѣстность очень дикъ и страшенъ. На вершинѣ высокаго гористаго мыса видны развалины старинной башни, которая вѣроятно служила маякомъ для кораблей во времена Генуэзцевъ, которые точно также позаботились о томъ, чтобъ укрѣпить всѣ командующія надъ гаванью высоты и мѣстность, гдѣ находился древній городъ Балаклавы, развалины котораго существуютъ еще и теперь. Теперешній городъ представляетъ собою нѣчто крайне ничтожное. Въ немъ живутъ только одни албанскіе Греки, составившіе свой собственный національный полкъ; они уже давно основались здѣсь. Живутъ они произведеніями находящихся въ ихъ владѣніи земель въ этихъ окрестностяхъ и торговлей, которую они ведутъ съ кораблями своей національности. Комендантомъ

города здѣсь состоитъ русскій маіоръ и при немъ находится нѣсколько человѣкъ солдатъ.

По нашемъ выѣздѣ изъ Балаклавы мой возница направился горною дорогой. Здѣсь взорамъ моимъ представилось новое зрѣлище и впервые со времени моего отъѣзда изъ Константинополя я наслаждался ландшафтомъ, доставившимъ мнѣ величайшее удовольствіе. Я безъ устали любовался чудными видами, представляемыми мнѣ страной со всѣхъ сторонъ; лѣса, скалы, долины, все приводило меня въ восторгъ. Но еще новое восхитительное зрѣлище представилось мнѣ, когда съ вершины высокой горы я увидалъ Байдарскую долину. Я очень желалъ бы подѣлиться съ вами тѣмъ наслажденіемъ, которое я испытывалъ, окидывая взоромъ все, что̀ только есть въ природѣ *прекраснѣйшаго!* Вообразите себѣ великолѣпную долину въ три мили длиной и около мили шириной, перерѣзанную покрытыми деревьями, холмами и орошенную множествомъ извилистыхъ ручейковъ, еще болѣе содѣйствующихъ плодородію ея почвы; нарисуйте себѣ нѣсколько татарскихъ деревенекъ, живописно расположенныхъ на возвышенностяхъ, стада, разбредшіяся по великолѣпнымъ тучнымъ пастбищамъ. Вообразите себѣ эту чудную картину, окруженную горами, поросшими громадными деревьями и увѣнчанными скалами самыхъ разнообразныхъ и самыхъ романтическихъ очертаній, и вы будете имѣть слабое понятіе о восхитительномъ зрѣлищѣ, которое представляетъ собою Байдарская долина. Я встрѣтилъ только три или четыре хижины съ воздѣланною вокругъ нихъ мѣстностью. Я остановился, чтобы нѣсколько отдохнуть въ селеніи Байдары. Я просилъ своего возницу попросить мнѣ какой-нибудь пищи, но большинство Татаръ съ отталкивающимъ и холоднымъ видомъ держались вдали отъ насъ. Возница мой, солдатъ, уже хотѣлъ было пустить въ дѣло свой авторитетъ, а я между тѣмъ уже успѣлъ замѣтить нѣкоторое движеніе, свидѣтельствовавшее о неудовольствіи. Я угомонилъ его и, подойдя къ этимъ добрымъ людямъ, сталъ разговаривать съ ними на турецкомъ языкѣ. Я сказалъ имъ, что пріѣхалъ изъ Константинополя, что я *муссафиръ.*—„*А зачѣмъ же вы пріѣхали?* съ грустнымъ видомъ спросили они меня,—*здѣсь смотрѣть уже не на что̀!*“ Таковъ былъ ихъ отвѣтъ и онъ печально подѣйствовалъ на меня: въ этихъ немногихъ словахъ онъ напоминалъ о томъ, чѣмъ были Татары, о томъ, чего они лишились! Они должны были быть твердо убѣждены въ томъ, что ихъ не слышетъ мой

возница. Чтобъ имъ было болѣе по себѣ, я оставилъ его у кибитки и отдался подъ ихъ покровительство. Они не измѣнили въ данномъ случаѣ свойственному ихъ чувству гостепріимства. Наиболѣе выдающійся изо всей группы Татаринъ въ сопровожденіи своихъ товарищей повелъ насъ, г. де-Галло и меня, къ своему дому, и Татары принесли намъ все, чѣмъ они были въ состояніи угостить насъ, кислаго молока и яицъ. Вотъ въ чемъ заключался нашъ обѣдъ, и эти бѣдняки ни на что не захотѣли что-либо взять за него. Они разсказали мнѣ о своихъ бѣдствіяхъ, о потерѣ своихъ родственниковъ и своей свободы, что сильно удручаетъ ихъ! Они очень стремились посмотрѣть Императрицу и монархиня эта приказала раздать по всѣмъ селеніемъ, чрезъ которыя она проѣзжала, сумму въ 200 рублей. Но они очень жаловались на ея свиту, которая отобрала у нихъ всѣ ихъ съѣстные припасы, яйца, молоко, сыръ, цыплятъ. Словомъ, было произведено ужасное опустошеніе безо всякаго возмѣщенія за убытки. Всѣ лошади были отобраны у Татаръ для двора и до сегодня еще ни одной лошади имъ еще не возвращено. Значительные лѣса покрываютъ всѣ эти горы, но Татарамъ подъ страхомъ ужаснѣйшихъ наказаній воспрещено рубить въ нихъ себѣ топливо. Они жаловались на то, что зимой имъ придется умереть отъ холода и что скоро они не будутъ знать, какъ строить свои хижины, которыя всѣ деревянныя, хотя и весьма жалкія, и обмазаны глиной. Вообразите себѣ только то впечатлѣніе, которое деспотическія распоряженія должны производить на прежде бывшихъ свободными людей! Они мнѣ показались превосходнѣйшими въ мірѣ людьми, благодушными и простыми въ высшей степени. Они боятся Русскихъ столько же, сколько они ихъ ненавидятъ, и только ищутъ случая, чтобы бѣжать и соединиться со своими кавказскими соплеменниками.

Наконецъ, послѣ 5 часовъ я разстался со своими гостепріимными хозяевами. Въ продолженіе часа я слѣдовалъ вдоль горы, у подошвы которой извивался прекрасный ручей, а къ наступленію ночи я пріѣхалъ въ Искели, маленькое селеньице, состоящее изъ нѣсколькихъ маленькихъ хижинокъ. Здѣсь останавливалась обѣдать императрица во время своей поѣздки въ Бахчисарай. Это крюкъ болѣе, чѣмъ въ 50 верстъ, но имѣніе это принадлежитъ князю Потемкину и надобно было заѣхать сюда на часъ времени, чтобъ оказать ему любезность. Для сего случая здѣсь построили хорошенькій одноэтажный домъ, весь

покрытый красивымъ расписнымъ полотномъ. Домъ этотъ превосходно меблированъ, расположенъ въ одномъ изъ самыхъ дикихъ мѣстечекъ и окруженъ громадными деревьями, придающими ему чрезвычайно мрачный видъ. Прибавьте еще къ этому водопадъ, который съ грохотомъ низвергается среди скалъ и нѣкоторыя работы, чтобы придать этому мѣстечку видъ англійскаго сада. Нельзя было выбрать болѣе пріятнаго мѣстоположенія для обѣда на открытомъ воздухѣ, но это былъ обѣдъ придворный и слѣдовательно былъ лишенъ всякой веселости,—тѣнь какого-нибудь дуба имѣла бы больше прелести.

Мы разсчитывали тѣмъ же днемъ вернуться въ Севастополь, но новопроложенныя здѣсь дороги идутъ по горамъ, окружены пропастями, и мы не пожелали рисковать ѣхать по нимъ ночью, впрочемъ и лошади были утомлены; спать въ лѣсу намъ не хотѣлось и потому мы рѣшились просить позволенія переночевать во дворцѣ императрицы. Находившійся здѣсь на стражѣ сержантъ охотно разрѣшилъ намъ это; мы долгое время объяснялись знаками, потому что я едва понимаю нѣсколько словъ по-русски. Я чувствовалъ себя больше по себѣ съ нѣсколькими Татарами, принесшими намъ молока, сливокъ и кое-какихъ своихъ блюдъ. По счастью съ нами былъ хлѣбъ и послѣ весьма скромнаго ужина мы приказали разостлать наши матрацы на коврѣ ея императорскаго величества и крѣпко проспали до полуночи, когда насъ разбудила самая ужасная изъ когда-либо видѣнныхъ мной грозъ. Раскаты грома были еще оглушительнѣе вслѣдствіе того, что они отдавались во всѣхъ ущельяхъ, придававшихъ имъ еще бо́льшую силу и продолжительность. Наконецъ громъ утихъ и хлынулъ проливной дождь, продолжавшійся до 8 часовъ утра. Вообразите себѣ въ какомъ положеніи оказался крытый полотномъ дворецъ императрицы, въ немъ было все равно, что подъ открытымъ небомъ: ковры, цѣновки, великолѣпная обивка, все подверглось наводненію, оно пощадило лишь маленькій уголокъ, въ которомъ мы пріютились съ г. де Галло. Сержантъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы сбирать воду въ бадьи, но развѣ была къ тому какая-либо возможность! Когда мы уѣзжали, то замѣтили, что онъ былъ въ полномъ отчаяніи отъ такого разрушенія. За его любезность въ оказаніи намъ пріюта я вознаградилъ его, и это его нѣсколько утѣшило. Онъ произнесъ мнѣ длинную рѣчь, которой я не понялъ и на которую я наудачу отвѣчалъ русскимъ словомъ *хорошо!*

Въ обратный путь мы пустились другою дорогой. Дороги были испорчены дождемъ, и такъ какъ почва здѣсь очень вязка, то мы не могли ѣхать особенно скоро, но я не пожалѣлъ потраченнаго на этотъ путь времени, потому что я все болѣе восхищался всѣми этими окрестностями. Природа сдѣлала все для этого земнаго уголка. Искусство ничего бы не было въ состояніи прибавить, безъ того чтобы не попортить его. Дорогой я видѣлъ огромное количество всевозможныхъ плодовыхъ деревьевъ въ цвѣту, яблонь, грушъ, вишенъ, но почти всѣ они были въ дикомъ состояніи. Нѣкогда за ними былъ уходъ и видно было, что они посажены съ нѣкоторою правильностью, но въ настоящее время, находясь въ очень далекомъ разстояніи ото всякаго жилья, они предоставлены самимъ себѣ. Здѣсь видѣлъ я самыхъ великолѣпныхъ въ мірѣ быковъ и самыхъ жирныхъ въ мірѣ коровъ, но, правда, въ весьма ограниченномъ количествѣ; коровы кормятъ небольшое число еще оставшихся здѣсь жителей и молоко ихъ превосходно. Я снова поѣхалъ горною дорогой, которая вывела меня на Балаклавскую дорогу, и къ пяти часамъ вечера я прибылъ сюда, очарованный своею прогулкой, но крайне утомленный и съ полнымъ отвращеніемъ къ русской кибиткѣ.

На слѣдующій день, однако, я совершилъ новую прогулку въ Белбекскую долину, что̀ доставило бы мнѣ громадное удовольствіе еслибы погода была болѣе благопріятна и еслибы стоявшій въ продолженіе нѣсколькихъ дней туманъ не заставилъ насъ сбиться съ пути. Мы были верхомъ и въ продолженіи цѣлыхъ двухъ часовъ положительно не знали куда ѣдемъ. Наконецъ, мы обратили вниманіе на дувшій вѣтеръ, оріентировались и выбрались на дорогу.

Вечеръ мы провели у подполковника Ливоньева, который пригласилъ насъ отужинать у него. Совершили мы и много другихъ экскурсій, между прочимъ, въ Каффу, теперешнюю Ѳеодосію, представлявшую собою лишь груду камней. Этотъ городъ былъ однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ Крыма и велъ весьма обширную торговлю, занимаемое имъ положеніе это достаточно доказываетъ. Сюда направлялись всѣ суда изъ Трапезунда, отъ береговъ Азіи и изъ Константинополя; въ настоящее время здѣсь существуетъ только нѣсколько человѣкъ поселившихся Армянъ. Здѣсь была вычекана первая русская монета, но курса на эти монеты не существуетъ и онѣ послужатъ лишь къ тому, чтобы быть представленными императрицѣ.

Я не стану упоминать вамъ о прочихъ совершенныхъ мною поѣздкахъ, чтобы не быть принуждену повторять описаній всюду встрѣчаемаго мною опустошенія и разоренія. Крымъ являетъ собою разительный примѣръ отдаленнаго и дорого стоящаго завоеванія, когда предпринимающая подобное завоеваніе держава не имѣетъ иной цѣли кромѣ побѣды для удовлетворенія своего честолюбія, въ то же время не имѣя средствъ на то, чтобы содѣйствовать процвѣтанію провинціи, которая не оказалась въ состояніи что-либо прибавить къ ея величію, и которая, наоборотъ, до сихъ поръ лишь въ крайней степени увеличиваетъ ея расходы и истощаетъ ея силы. Единственная дѣйствительная польза, которую я усмотрѣлъ въ этомъ завоеваніи, заключается, какъ я уже неоднократно повторялъ это, въ преобладаніи, пріобрѣтенномъ Россіей на Черномъ Морѣ, и въ тревогѣ, которую она этимъ доставляетъ Туркамъ.

Предъ своимъ отъѣздомъ я отправился повидаться съ г. Булгаковымъ въ Ахметъ-Шедъ, гдѣ во всемъ еще ощущается пребываніе здѣсь императрицы и надобно не мало времени, чтобы все здѣсь снова вошло въ порядокъ. Государыня была въ восторгѣ отъ страны, отъ устраиваемыхъ ей всюду пріемовъ и празднествъ. Она раздала весьма значительные подарки гражданскимъ и военнымъ властямъ. Всѣ мирзы и 800 человѣкъ Татаръ, составлявшихъ ея стражу, были щедро награждены деньгами, драгоцѣнными вещами и шубами. Эта татарская стража составитъ отдѣльный регулярный корпусъ, находящійся подъ командой мирзъ, которымъ данъ чинъ полковниковъ съ жалованьемъ, и они уже носятъ мундиръ. Это совершенно излишнее и безполезное увеличеніе расходовъ, но расходы здѣсь считаются ни во что. Императрица никого не позабываетъ и щедрости ея нельзя достаточно надивиться.

Г. Булгакову было необходимо покончить различныя дѣла и, кромѣ того, онъ долженъ былъ еще ожидать инструкцій отъ своего двора, вслѣдствіе чего я рѣшилъ разстаться съ нимъ и ѣхать въ Константинополь вмѣстѣ съ маркизомъ де-Галло, который ради этой цѣли нанялъ судно. Вчера въ 9 часовъ вечера я вернулся въ Севастополь. Графъ Войновичъ далъ въ честь насъ балъ и большой ужинъ въ палаткахъ, продолжавшійся до 4 часовъ утра. Прямо оттуда мы отправились на нашъ корабль и покинули Крымъ, по всей вѣроятности, чтобы никогда не видѣть его снова.

Прощайте, любезный другъ, надѣюсь, что попутный вѣтеръ насъ скоро доставитъ въ Константинополь, гдѣ я стремлюсь обнять васъ.

Письмо девятое.

Буюкдаре, 25 іюня 1787 года.

Какъ вамъ уже извѣстно, я покинулъ Севастопольскій портъ 18 іюня. Вслѣдствіе встрѣчныхъ вѣтровъ, которые, повидимому, всѣ соединились противъ насъ, намъ пришлось употребить цѣлую недѣлю на этотъ переѣздъ. Мы испытали сильную бурю съ громомъ и страшнымъ ливнемъ, продолжавшуюся цѣлыя сутки. Моряки никогда не боятся бурь, когда они находятся далеко отъ твердой земли и съ этой стороны намъ нечего было опасаться, но я сильно страдалъ отъ морской болѣзни. Впрочемъ, плаваніе по Черному Морю, которое намъ описывали въ столь темныхъ краскахъ, не представляетъ ничего особеннаго для опытныхъ моряковъ, слѣдуетъ только избѣгать береговъ, особенно береговъ европейскихъ, которые очень опасны и нигдѣ не представляютъ собой ни одной надежной гавани. Турки же и Греки никогда не отдаляются отъ этихъ береговъ, вотъ почему суда ихъ и гибнутъ во время бурь въ такомъ громадномъ количествѣ. Древніе называли Черное Море Понтомъ Эвксинскимъ. Находясь между Европой и Азіей, оно служитъ стокомъ для ихъ многихъ большихъ рѣкъ, каковы Дунай, Днѣстръ, Днѣпръ, Донъ, Фасизъ, Кубань и т. д., а посредствомъ ихъ и всѣ прочія текучія воды нашей Европы и Средней Азіи изливаются въ то же море. А между тѣмъ Черное Море несетъ весьма малое количество водъ чрезъ проливъ Босфоръ Фракійскій въ Средиземное море и въ немъ самомъ вода отъ этого не прибываетъ. Причина этого явленія подобно многимъ другимъ ускользаетъ отъ моего пониманія. Скажутъ, правда, что испареніе и теченіе водъ чрезъ Константинопольскій проливъ достаточно объясняютъ это явленіе. Можно прибавить также, что море сообщается подземными каналами съ какимъ-нибудь изъ сосѣднихъ морей. Ничто однако не доказываетъ вѣрности подобнаго утвержденія, которое по всей вѣроятности еще долгое время будетъ находиться въ числѣ простыхъ предположеній. Море это представляетъ наблюдателямъ еще одинъ весьма любопытный фактъ: какъ ни быстро теченіе водъ въ Константинопольскомъ проливѣ, тѣмъ не менѣе случалось, что

онъ замерзалъ въ особенно суровыя зимы. Такъ, мы читаемъ въ исторіи, что при Константинѣ Копронимѣ, по сообщенію Зуара, проливъ этотъ покрылся такимъ толстымъ льдомъ, что и пѣшеходы и колесницы могли перебираться съ одного его берега на другой. Явленіе это было еще удивительнѣе въ царствованіе императора Аркадія въ 401 г. Черное Море въ теченіе двадцати дней все было покрыто льдомъ, а когда ледъ поломался, то черезъ проливъ въ Архипелагъ плыли громадныя льдины къ величайшему изумленію Константинопольскаго народа. Причина этого явленія легко рисуется уму, если вспомнить всѣ рѣки, которыя принимаетъ Черное Море.

Это обиліе впадающихъ въ него прѣсныхъ водъ препятствуетъ слишкомъ соленому составу воды этого моря и доставляемыя ими въ море льдины составляютъ во многихъ его мѣстахъ скопленіе льда, вокругъ которыхъ начинается обледенѣніе, которое можетъ иногда охватывать и всю поверхность моря. Полагаютъ, что даннымъ ему названіемъ Чернаго Моря имѣлось въ виду при помощи этого образнаго выраженія указать на свирѣпствующія на немъ бури. Дѣйствительно, короткія и высокія волны дѣлаютъ по немъ плаваніе крайне затруднительнымъ; море это представляетъ мало спокойныхъ портовъ и защищенныхъ гаваней. Воды его, какъ я это замѣтилъ, дѣйствительно мѣстами принимаютъ черный оттѣнокъ, но я полагаю, что цвѣтъ этотъ случайный или по крайней мѣрѣ онъ не зависитъ ни отъ самой воды, ни отъ дна моря. На Черномъ Морѣ вовсе нѣтъ острововъ, несмотря на то, что оно имѣетъ около 150 миль длины и около 100 миль ширины. Нѣкоторые древніе, и между прочимъ Діодоръ Сицилійскій, полагали, что Понтъ Эвксинскій или Черное Море нѣкогда было вродѣ обширной рѣки или обширнаго озера, не имѣвшаго никакого сообщенія съ Греческимъ моремъ, но что озеро это съ теченіемъ времени увеличилось вслѣдствіе впадающихъ въ него рѣкъ и наконецъ промыло себѣ стокъ сперва близь горъ Ціоннійскихъ, а затѣмъ и въ Геллеспонтъ. Мнѣніе это кажется правдоподобнымъ г. Бюффону. „Не трудно“, говоритъ онъ, „объяснить этотъ фактъ, ибо предположивъ, что ложе Чернаго Моря нѣкогда было ниже теперешняго, будетъ очевидно, что впадающія въ него рѣки подняли его дно приносимыми ими съ собой иломъ и песками, и что вслѣдствіе этого могло случиться, что уровень этого моря поднялся настолько, чтобъ устроить стокъ для его водъ.“ Что до меня, то если позволительно предполо-

женію противопоставлять предположеніе, то я нахожу болѣе правдоподобнымъ, что Понтъ Эвксинскій или Черное Море представляетъ собой продолженіе моря Средиземнаго, и что оно изливается въ Босфоръ лишь затѣмъ, чтобъ освободиться отъ избытка изливаемыхъ въ него водъ впадающими въ него большими рѣками Европы и Азіи.

Вотъ вамъ, любезный другъ, форменная диссертація. Разсужденія могли бы затянуться очень долго, ибо существуетъ множество различныхъ мнѣній, а я не былъ бы въ состояніи вѣчно держаться своего собственнаго мнѣнія касательно подобныхъ предметовъ. Неизмѣнны у меня всегда только одни мои чувства къ вамъ!

Примите эти письма, ихъ содержаніе и все, что̀ представляло интереснаго мое путешествіе.

Графъ де Л.

30 августа 1889 года.

„ПРОЛОГЪ НА НЕБѢ."

(Изъ „Фауста" Гёте.)

Господь, Небесное Воинство, потомъ Мефистофель.

Три Архангела выступаютъ впередъ.

Рафаилъ.

Какъ древле, солнце гимнъ сливаетъ
Съ немолчной музыкой міровъ
И громоносный путь свершаетъ.
И видъ его толпѣ духовъ
Даруетъ силу и смиренье:
Никто зажечь его не могъ.
Кругомъ, какъ въ первый день творенья,
Прекрасно все, что̀ создалъ Богъ.

Гавріилъ.

Съ непостижимой быстротою
Земля вращается,—и день
И свѣтъ Эдема чередою
Смѣняетъ грозной ночи тѣнь.
И море пѣнится волнами,
И шумно бьется о гранитъ,
И море вмѣстѣ съ берегами
Земля въ одномъ движеньи мчитъ...

Михаилъ.

И свищутъ бури то надъ степью,
То надъ пучиною морской,
И разрушительною цѣпью
Объемлютъ вѣчно шаръ земной.
Въ нихъ громъ съ раскатами глухими,
Въ нихъ блескъ губительныхъ огней...
Но, Боже, здѣсь поемъ надъ ними
Мы тихій свѣтъ Твоихъ лучей.

Всѣ трое.

Даешь Ты силу и смиренье,
Тебя никто постичь не могъ
Кругомъ, какъ въ первый день творенья,
Прекрасно все, что̀ создалъ Богъ.

Мефистофель.

Ты снизошелъ опять, о Повелитель мой,
Провѣдать насъ, рабовъ Твоихъ покорныхъ.
Бывало ты любилъ поговорить со мной,
И вотъ я снова здѣсь, въ кругу твоихъ придворныхъ.
Пускай сочтутъ они смѣшнымъ простой языкъ,
Но все же громкихъ словъ не буду тратить даромъ:
Я могъ бы разсмѣшить Тебя притворнымъ жаромъ,
Когда бы ты давно смѣяться не отвыкъ.
О солнцахъ, о мірахъ я говорить не буду,
Но вижу я людей, страдающихъ повсюду.
Все тотъ же бѣдный царь природы, и во всемъ
Остался человѣкъ такимъ же чудакомъ.
Ты съ нимъ сыгралъ плохую шутку:
Огонь небесъ въ сердца людей
Ты заронилъ, и вотъ, благодаря разсудку,
Въ нихъ больше звѣрскаго, чѣмъ у самихъ звѣрей.
Подобенъ человѣкъ цикадѣ (съ позволенья
Его величества употреблю сравненье)
Пытается летѣть и дѣлаетъ прыжокъ,

И пѣсенку поетъ все ту же. Еслибъ могъ
Хоть мирно жить въ травѣ. Но вотъ бѣда: съ вопросомъ
О цѣляхъ міра въ грязь онъ попадаетъ носомъ!

Господь.

Ужели ни о чемъ не можешь говорить
Ты кромѣ зла? Ужель съ упреками ты снова
Пришелъ ко мнѣ? Скажи иль ничего святого
Нѣтъ въ мірѣ?

Мефистофель.

Хуже міръ едва ли можетъ быть:
Такая скорбь людей гнететъ, такія бѣды,
Что мнѣ порой ихъ жаль, не хочется побѣды:
И безъ меня ихъ ждетъ плачевная судьба.

Господь.

Ты видѣлъ Фауста?

Мефистофель.

Ученаго?

Господь.

Раба
Господня!

Мефистофель.

Да. Онъ рабъ довольно странный:
Питается, глупецъ, лишь пищей неземной,
Куда-то рвется вдаль за грезою туманной,
Свое безуміе онъ сознаетъ порой.
У неба лучшихъ звѣздъ онъ требовать дерзаетъ,
И недоступнаго блаженства у земли...
Но все, что̀ близко, что̀ вдали
Его измученной души не утоляетъ.

Господь.

Пока онъ служитъ мнѣ, еще объятый тьмой.
Но скоро духъ его я озарю лучами.
Такъ, если деревцо чуть зелено весной,
Садовникъ знаетъ, что съ годами
Оно вознаградитъ и цвѣтомъ, и плодами.

Мефистофель.

Угодно объ закладъ побиться?
Я выиграю вновь, лишь дайте мнѣ вести
Тихонько Фауста по моему пути.

Господь.

Я знаю: человѣкъ грѣшитъ, пока стремится.
Пока онъ на землѣ живетъ, во власть твою
Раба Господня отдаю.

Мефистофель.

Я благодаренъ вамъ отъ всей души, повѣрьте,
Я слабость издревле питалъ не къ мертвецамъ,
А къ тѣмъ, кто никогда не думаетъ о смерти,
И къ свѣжимъ ямочкамъ, и къ розовымъ щекамъ.
Нарочно рѣзвыхъ выбираю,
И съ ними весело, какъ съ мышью котъ, играю.

Господь.

Да будетъ такъ.
Пытайся же затмить сей разумъ благородный
И за собой увлечь во мракъ,
И овладѣть душой свободной,—
Увидишь со стыдомъ, что есть въ сердцахъ людей,
Среди неясныхъ думъ, порывовъ и страстей
Сознанье смутное божественнаго долга.

Мефистофель.

Посмотримъ! Ждать придется намъ недолго.
Увѣренъ я въ побѣдѣ. Объ одномъ
Прошу Тебя: великимъ торжествомъ
Ты не мѣшай мнѣ въ волю наслаждаться.
Заставлю доктора во прахѣ пресмыкаться,
Онъ будетъ прахъ глотать, какъ нѣкогда змѣя
Тысячелѣтняя прабабушка моя!

Господь.

Свободенъ ты во всемъ, и знай, тебѣ подобныхъ
Безъ гнѣва слушаю, и Я прощаю смѣхъ,
Изъ духовъ отрицанья злобныхъ
Мнѣ духъ насмѣшливый враждебенъ меньше всѣхъ,
Чтобъ человѣкъ всю жизнь въ бездѣйствіи не прожилъ,
Ты не даешь уснуть ни сердцу, ни уму.
Я демона послалъ въ товарищи ему,
Чтобъ спящихъ онъ будилъ и звалъ ихъ, и тревожилъ.
А вы, сыны Господни, въ простотѣ,
Возрадуйтесь живой и вѣчной красотѣ,
И пусть творящая, Невѣдомая Сила,
Васъ цѣпью нѣжною любви соединитъ,
Чтобъ ваша мысль навѣкъ, постигнувъ, укрѣпила,
Что̀ въ пролетающихъ видѣніяхъ сквозитъ.
(Небо закрывается. Архангелы исчезаютъ.)

Мефистофель *(одинъ).*

Я поболтать люблю порой со Старикомъ.
Съ Нимъ связи порывать считаю безполезнымъ.
И въ Немъ пріятно то, что будучи царемъ,
Онъ даже съ дьяволомъ умѣетъ быть любезнымъ.

Д. Мережковскій.

1892 г.

ТИБЕТСКІЙ БУДДИЗМЪ И НАША ОКРАИНА.

Съ каждымъ годомъ въ Европѣ, а отчасти и у насъ, усиливается интересъ къ малоизслѣдованнымъ частямъ Центральной Азіи. Музеи начинаютъ наполняться привозимыми оттуда достопримѣчательностями. Туда постоянно готовы снаряжаться энергичные путешественники. Даже число посвящаемыхъ ей книгъ все болѣе и болѣе увеличивается. Для примѣра можно указать на крайне любопытное сочиненіе Американца Рокхиля *The land of the lamas* и на изящно изданное сочиненіе Бонвало *A travers le Thibet inconnu*, гдѣ описывается сухопутная дорога изъ Парижа въ Тонкинъ молодаго принца Генриха Орлеанскаго. Вскорѣ должны выйти въ свѣтъ приблизительно о тѣхъ же краяхъ этнографически важные очерки Лэнсделля и Потанина. Генералъ Пѣвцовъ готовитъ свои цѣнные труды. Монголистъ Позднѣевъ собирается весной въ смежные съ Забайкальемъ китайскіе предѣлы.

Очевидно назрѣваетъ потребность знакомиться съ извѣстнаго рода вопросами, стоящими нынѣ на очереди, благодаря своему научному и политико-экономическому значенію. Культура тѣхъ дальнихъ и замкнутыхъ краевъ слишкомъ долго оставалась намъ чуждою и малопонятною. Пора разсѣять туманъ и многое выяснить. Съ расширеніемъ же кругозора сами собой опредѣлятся наши задачи по отношенію къ восточно-сибирской окраинѣ и органически съ нею связаннымъ землямъ за русскимъ рубежомъ.

Мнѣ уже дважды пришлось побывать среди Бурятъ, коихъ жизненный строй и религіозныя воззрѣнія—разгадка всему, что

кажется таинственнымъ въ ламаизмѣ и въ Тибетѣ. Если слѣдить за разросшеюся о томъ литературой, безпристрастно и критически смотрѣть на отзывы нашей печати о миссіонерскомъ воздѣйствіи на инородцевъ и о результатахъ обрусѣнія,—не мало есть, что̀ высказать, нарушеніе молчанія становится необходимостью. Въ сравнительно краткихъ набросках я,—по возможности просто,—хочу сообщить главнѣйшія данныя по исторіи ламаизма (въ сферѣ иркутскаго вліянія), о характерѣ принятой туземцами вѣры, причинахъ ея успѣха и т. п. Затѣмъ невольно зайдетъ рѣчь, почему мѣстныя благопріятныя условія не достаточно намъ служатъ въ назиданіе, чѣмъ надо руководствоваться въ будущемъ; и тогда только обзоръ новѣйшихъ путешествій по Центральной Азіи пріобрѣтетъ осмысленное освѣщеніе. Иначе пересказы о разныхъ дорожныхъ приключеніяхъ и наблюденіяхъ представили бы слишкомъ поверхностный и безформенный матеріалъ. Когда же къ нему отнестись, пріурочивая его къ чему-нибудь болѣе вѣскому и принципіальному,—картины сразу измѣнятся и получатъ своеобразный колоритъ.

I.

Едва успѣло государство Московское остановить напирающую на Западъ вѣчно безпокойную степь, какъ наша вольница уже потянулась, подобно кочевникамъ, искать далеко за Ураломъ наживы, подвиговъ и новизны. Если вѣрить самой современной этногеніи, то Drang nach Osten существовалъ много вѣковъ раньше, причемъ называемые Геродотомъ Юрксы и Исседоны (Кавказскаго племени) селились на Оби, доходили до Тибета, Китая и тамъ оставались.

Казаки шли впередъ ощупью, безо всякой ясно сознаваемой цѣли, и тѣмъ загадочнѣе для коренныхъ Сибиряковъ было ихъ наступательное движеніе, тѣмъ больше обаянія соединялось съ ихъ внезапными появленіями. Къ несчастію, предпріимчивые атаманы руководились исключительно частными интересами, а правительство наше тогда еще и не подозрѣвало, чѣмъ вскорѣ отзовется широко раскинувшееся завоеваніе. Начало семнадцатаго столѣтія заставало Азію (въ особенности внутреннюю и восточную) въ такомъ хаотически волнующемся состояніи, что будь въ Сибири хоть одинъ дѣятель, одаренный политическими способ-

ностями, быть-можетъ, въ Пекинѣ правилъ бы не возвысившійся позже маньчжурскій, но русскій Императорскій домъ. Стоило намъ хоть сколько-нибудь вникнуть въ положеніе разрозненной Монголіи, завязать черезъ ламъ сношенія съ Тибетомъ, искавшимъ опоры извнѣ для окончанія распри, кому тамъ править страной, стоило, наконецъ, опередить укорененіе прошлой сѣверной династіи въ непріязненномъ ей Китаѣ,—и весь Востокъ имѣлъ бы теперь другой видъ, Россія была бы неоспоримо богатѣйшая и могущественнѣйшая держава въ мірѣ. Хронологическія данныя подтверждаютъ это, на первый взглядъ, неправдоподобное мнѣніе. Пока мы двигались по Сибири и врѣзались въ середину инородцевъ, Калмыки-торготы (великаны), считавшіе себя гвардіей Чингисъ-Хана, изъ-за войны съ единоплеменными Чжунгарами прикочевывали къ рѣкѣ Янку. Первый ханъ, принявшій русское подданство, Эрлыкъ—былъ ламаитъ. Въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка казаки стали уже твердою ногой въ Енисейской губерніи, черезъ короткое время появляются на тысячи верстъ дальше, всюду побѣждаютъ, хотя на одного смѣльчака приходится нѣсколько десятковъ Сибиряковъ. Какъ разъ въ эту пору Далай-лама около 1642 года, тѣснимый внутренними врагами и поддерживаемый хойтскими Монголами, по совѣту ихъ хана отправилъ пословъ къ крѣпнувшимъ Маньчжурамъ: разстояніе къ нимъ было ближе, чѣмъ въ Сибирь, и тамошніе новые завоеватели, по отдаленности, могли столь же нравиться тибетскому духовному іерарху, въ виду его заботы, главнымъ образомъ, не имѣть вблизи опасныхъ соперниковъ. Завяжи мы въ такое рѣшительное мгновеніе связь съ Лхассой черезъ благоговѣвшихъ къ ней кочевниковъ — и при ихъ невольномъ тяготѣніи къ намъ, при быстротѣ захвата Амура въ 1651 году, Китай не былъ бы объединяющимъ центромъ древне-языческой цивилизаціи.

Въ 1622 г. Русскіе впервые столкнулись съ Бурятами, которые, спускаясь по Ангарѣ, еще на памяти сибирскихъ историческихъ актовъ доходили до Красноярска и облагали данью жившихъ по Енисею инородцевъ. Но когда казаки покорили тамошнихъ Тунгусовъ, Буряты стали отступать. Слѣдомъ двинулся всего съ тридцатью товарищами сотникъ Бекетовъ и въ 1628 году обложилъ ясакомъ это новое русскимъ многочисленное племя, въ лицѣ его представителей при сліяніи Оки съ Ангарой, хотя годомъ раньше уже казачій отрядъ изъ Енисейска открылъ Байкалъ.

Присоединенная Якутская область выслала искателей приключеній по тому же направленію, вдоль Лены, причемъ ни въ одной экспедиціи не бывало, да и то рѣдко—свыше 100—130 человѣкъ и какъ ни странно, но иркутскіе инородцы позже признали могущество воздвигаемыхъ нами остроговъ, чѣмъ отдаленный нерчинскій край. Дѣло въ томъ, что Забайкалье, славившееся богатствомъ своей природы, притягивало казаковъ, слышавшихъ и по опыту знавшихъ про обиліе серебряныхъ украшеній и оправъ у Монголо-Бурятъ. Завоевателямъ думалось найти здѣсь источникъ инородческой роскоши и они стремились переплыть священный Далай-поръ („озеро великое какъ море"). Въ 1643 году Василій Курбатовъ носится уже по бурному Байкалу (по-бурятски „байгалъ", „вѣчный, или постоянный огонь": по инородческому преданію въ старину вмѣсто обширной глуби тутъ была неровная мѣстность съ огнедышащею горой). Что ни годъ, Русскіе тверже осѣдаются „за моремъ", входятъ въ сношеніе съ ближайшими князьями, берутъ ясакъ и приводятъ Бурятъ съ Тунгусами къ присягѣ великому бѣлому царю Алексѣю Михаиловичу. Енисейскіе воеводы, въ вѣдѣніи которыхъ находилась сперва Забайкальская страна, радѣли о развитіи въ ней земледѣлества и объ удержаніи ея въ цѣлости ради Амура. Къ коренному населенію пришельцы отнеслись, повидимому, дружелюбнѣе, чѣмъ къ ангарскимъ и окинскимъ инородцамъ, не такъ звѣрски съ ними обращались и этимъ способствовали сближенію. По крайней мѣрѣ, здѣшніе Буряты передаютъ, что послѣднее совершилось тогда добровольно, безъ упорнаго кровопролитія,—совершилось, надо добавить, весьма кстати, потому что Маньчжуры успѣли свергнуть Миньскую династію въ Китаѣ и, предчувствуя опасность со стороны Россіи, направляли на насъ сѣверныя родственныя имъ племена.

Результатомъ указанной политики явилась для насъ утрата Пріамурскаго края, несмотря на геройское мужество его защитниковъ. Пекинское правительство понимало значеніе своего случайнаго превосходства надъ завоевателями Сибири, кичилось этимъ и подстрекало противъ нихъ недостаточно еще дружественныхъ туземцевъ. Каждая, хотя и съ бою уступаемая, пядь земли роняла Русскихъ въ глазахъ окружающаго народонаселенія. Но къ 1667 году важный Маньчжуръ-исполинъ Гантимуръ изъ-за обиды передался намъ у Нерчинска съ цѣлымъ тунгус-

скимъ родомъ и, ненавидя покинутый Китай, сталъ открывать слабыя стороны сосѣдняго государства.

Это, въ связи съ относительною покорностью и даже привязанностью неладившихъ будто бы съ Монголами забайкальскихъ Бурятъ, помогло отстоять область, гдѣ въ восьмидесятыхъ годахъ XVII вѣка насчитывалось пока еще всего тысячъ семь Русскихъ вокругъ трехъ городовъ и девяти отроговъ. Любопытно, что отпоръ врагамъ, устремившимся на новооснованный Селенгинскъ, далъ сосланный туда запорожскій гетманъ Демьянъ Многогрѣшный.

Далеко не увѣренный въ своей силѣ Китайскій императоръ склонился къ мысли о необходимости мирнаго договора и, при помощи находившихся въ Пекинѣ іезуитовъ, послѣдній былъ заключенъ въ Нерчинскѣ 27 августа 1689 года, а для установленія точной границы нашихъ и чужихъ владѣній въ 1727 году возникъ новый трактатъ.

Конецъ XVII столѣтія и начало слѣдующаго знаменательны по приливу въ Забайкалье инородцевъ изъ самой Монголіи, гдѣ постоянныя смуты и обѣднѣніе страны доводили жителей до отчаянія. Новоприбывшіе присягали на вѣрность Престолу и располагались около ранѣе тутъ обитавшихъ Бурятъ. Въ это время въ чужихъ кочевьяхъ кипѣла ожесточенная борьба властнаго чжунгарскаго князя Галдана съ Маньчжурами. Пекинское правительство, несмотря на змѣиную мудрость богдохана Канси, не могло сладить съ воинственными западными Монголами, которые, далеко отъ своихъ степей, умѣли держать въ страхѣ противниковъ. Мечтая воскресить чингисханову славу и разгромить Китай, Галданъ, письмами царямъ Іоанну и Петру, и черезъ посольство въ Москву, безуспѣшно добивался союза съ Россіей.

Наплывъ инородцевъ изъ-за границы не прекратился и послѣ 1727 года. Монголы оттуда неоднократно пытались въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ, съ огромными стадами, переходить въ русское подданство, но мы всегда честно отказывались ихъ принять. Пекинское правительство, въ свою очередь, обратило вниманіе на пресѣченіе означенныхъ переселеній въ наши предѣлы. Съ этою цѣлью богдоханъ распорядился поставить пикетами вдоль рубежа до 1.000 солдатъ, но подобная поверхностная мѣра оказывалась непригодною. Перебѣжчики являлись очень значительными толпами, такъ, напримѣръ, въ 1732 году на границу

сразу пришло 935 юртъ, съ 2.150 способныхъ носить оружіе. Очевидно, сторожевые отряды были безсильны, или же за деньги пропускали перекочевывающихъ. Благоразуміе требовало уничтожить причины неудовольствія. Онѣ же коренились въ притѣсненіяхъ и чрезвычайныхъ поборахъ монгольской знати, коренились въ возраставшей ежегодно народной нищетѣ, наконецъ въ исконной нелюбви къ Китаю. Переселенцы симпатизировали Россіи отчасти потому, что государство Московское относилось къ новымъ подданнымъ съ полною вѣротерпимостью. И раньше вошедшіе въ составъ нашей Имперіи многочисленные Калмыки свободно держались ламаизма, и въ Забайкалье безпрепятственно проникали тибетскіе и другіе ламы, и съ Ургой пограничныя русскія власти дорожили хорошими отношеніями.

Принимая откочевавшіе изъ Монголіи роды, окольничій Головинъ въ 1689 году ручался имъ, что принудительнаго крещенія не будетъ. Новоприбывшіе дорожили этимъ непремѣннымъ условіемъ, потому что въ числѣ ихъ уже были *ширетуи* (начальствующіе главные ламы), тогда какъ забайкальскіе инородцы почти поголовно еще шаманствовали и не радѣли сознательно о сохраненіи вѣры. Но буддизмъ сразу потребовалъ неприкосновенности и, заручившись ею, началъ успѣшную проповѣдь, значеніе которой довольно поздно стало очевидно. Первоначально русскія власти радушно встрѣтили распространеніе новой религіи, какъ смягчающей нравы суровыхъ туземцевъ. Нужно было прежде всего упрочить спокойствіе въ странѣ, гдѣ вскорѣ послѣ ея присоединенія могли еще угрожать возстанія инородцевъ и осады нашихъ остроговъ, что̀ въ нынѣшней Иркутской губерніи по Ангарѣ, Окѣ и Ленѣ дѣйствительно долго и случалось. Иллирійскій графъ Савва Владиславичъ-Рагузинскій, которому въ началѣ прошлаго столѣтія поручалось опредѣленіе восточносибирской границы, счелъ нужнымъ радѣть о прекращеніи тѣсной и непрерывной связи съ Монголіей (какъ-будто это мыслимо и теперь, 160 лѣтъ спустя!). 30 іюня 1728 года онъ предписалъ: „Ламъ заграничныхъ, чужихъ подданныхъ, въ улусы къ себѣ ясачнымъ инородцамъ не пропускать и довольствоваться тѣми ламами, которые остались послѣ разграниченія, дабы россійскихъ подданныхъ пожитки не чужимъ, но своимъ доставались“.

Рагузинскій не удовлетворился желаніемъ оградить инородцевъ отъ иноземнаго вліянія: „такъ какъ между ламами не безъ обманщиковъ бываетъ“, продолжаетъ онъ ту же инструкцію пограничному начальству,—„то, чтобы шаманствомъ и прочимъ непорядкомъ простыхъ людей не грабили! Ежели оставшихся ламъ въ россійской сторонѣ по нынѣшнему разграниченію не довольно, въ такомъ случаѣ выбирать имъ между собою изъ каждаго рода *по два ламчика благоразумныхъ и къ наукѣ охотныхъ*, хотя изъ сиротъ или кто похочетъ отдавать тайшѣ Лунсану, [1] дабы при немъ обрѣтающіеся ламы оныхъ учили мунгальской грамотѣ и протчему, что такимъ принадлежитъ, дабы вѣрноподданнымъ нынѣ и впредь въ чужихъ ламахъ не было нужды, а которые выучатся совершенно мунгальской грамотѣ, въ которой россійскимъ подданнымъ иноземцамъ не безъ нужды, тѣхъ обнадеживать милостью Его Императорскаго Величества въ произведеніи чиновъ въ начальники“.

Дозволеніе (равносильное приказанію), чтобы мальчики пріобщились письменнымъ памятникамъ буддійской религіи и *въ надеждѣ на царскую милость укрѣплялись въ язычествѣ*, не мало способствовало не торопливымъ успѣхамъ пришлой религіи. Заботливость Рагузинскаго (онъ намѣчалъ даже выдающихся среди нашего населенія Тибетцевъ въ будущіе духовные іерархи)—дала могучій толчекъ нарождающемуся движенію. Вліятельнѣйшіе изъ нашихъ Монголо-Бурятъ увидѣли за границей очагъ драгоцѣнныхъ вѣрованій и стали радѣть о распространеніи порожденной ими культуры. Гостепріимно принимая въ свою среду тибетскихъ и единоплеменныхъ монгольскихъ ламъ (первыхъ по инородческимъ лѣтописямъ, въ періодъ между 1712 и 1741 гг. пришло до ста, вторыхъ пятьдесятъ), наши новые подданные отправляли и свою молодежь къ источникамъ буддійскаго знанія. Такъ, нѣкій Ахалдай съ товарищами (Хатагинова рода, изъ котораго происходитъ теперешній старшій бурятскій лама Гонбоевъ) присягнулъ Россіи въ 1718 г. и уже черезъ 3 — 4 года послалъ въ Ургу [2] десятилѣтняго постриженнаго въ духовное званіе сына. Тотъ вернулся важнымъ человѣкомъ, а впослѣдствіи, около *1752 г.*,

---

[1] Тайшами назывались и называются преемственныя или же, какъ теперь, выборныя главы обширныхъ инородческихъ группъ.

[2] Урга находится въ трехсотверстномъ разстояніи отъ Кяхты и въ религіозномъ отношеніи представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ ламайскаго міра.

сталъ съ утвержденія русскаго начальства во главѣ части забайкальскихъ буддистовъ. Другой тамошній инородецъ цонгольскаго рода Даржи Цзаягійнъ *(ійнъ* соотвѣтствуетъ нашему *инъ)* приблизительно тогда же или немного раньше провелъ не мало лѣтъ въ Монголіи и Тибетѣ, путешествовалъ по Китаю, учился въ Лхассѣ при Далай-ламѣ, побывалъ и южнѣе у другаго не менѣе важнаго буддійскаго „святаго" въ Дали-лхуибо, принялъ тамъ главнѣйшія посвященія, накупилъ книгъ. Доѣхавъ въ 1734 г. домой, бурятскій лама показался родной толпѣ удивительнымъ существомъ, когда же затѣмъ отличать его стало правительство, то обаяніе предпріимчиваго Цонгольца усугубилось. Надо замѣтить, что воспитывались внѣ Россіи не два-три лица, а гораздо больше. Согласно повѣствованію самихъ забайкальскихъ ламъ, Цзаягійнъ ходилъ учиться за границу „съ товарищами". При Ахалдаевѣ *въ Урѣ* насчитывалось *89 ламчиковъ* изъ нашихъ инородцевъ.

Въ то время (и послѣ до 1841 г.) дѣла сибирскихъ ламаитовъ находились въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства иностранныхъ дѣлъ. Сибирь вообще сперва зависѣла отъ „Посольскаго приказа" больше, чѣмъ отъ областнаго ради „береженья" отъ Китая. При этомъ, вопросы дипломатическаго характера, понятно, заслоняли собою административные. Только такимъ путемъ возможно объяснить, почему тогда *особую „привилегію" между* прочими *забайкальскими ламами позволили имѣть даже не туземцу, а Тибетцу* Агвану Цунцуку. Согласно лѣтописямъ Бурятъ именные списки 150 пришлыхъ ламъ представлены были черезъ министра иностранныхъ дѣлъ съ прошеніемъ на Высочайшее Имя о признаніи за ними правъ. Тысяча семьсотъ сорокъ первый годъ знаменателенъ въ исторіи забайкальскаго ламаизма по признанію указомъ императрицы Елисаветы главнаго буддійскаго іерарха среди Бурятъ. Относясь къ ихъ новой вѣрѣ безо всякой непріязни, правительство не руководилось никакими опредѣленными взглядами. Ласкать инородцевъ изъ-за политическихъ цѣлей и дальновидности по отношенію къ Китаю не имѣлось даже въ виду. Высшихъ соображеній не существовало,—прямымъ доказательствомъ чему служитъ съ Головина начавшееся строгое напоминаніе разорвать связь съ китайскими единовѣрцами. Въ 1741 г. предписано воздерживаться отъ взаимоотношеній *подъ страхомъ смертной казни.* Ясно, что изъ Бурятъ вовсе и не предполагалось дѣлать проводниковъ русскаго вліянія въ

Монголіи и въ сердцѣ Азіи—Тибетѣ. Къ послѣднему мы были до крайности равнодушны, хотя въ то время онъ переживалъ важный кризисъ, въ виду борьбы туземцевъ противъ усиленія тамъ богдоханскаго воздѣйствія, а поволжскіе Калмыки, по невѣроятному противорѣчію, свободно сносились съ Лхассой. Такъ, напримѣръ, торготскій ханъ Черенъ Дондукъ, тѣснимый честолюбивыми сородичами, 1735 г. открыто получилъ далай-ламскій патентъ на свое званіе и желтую почетную повязку (при торжественномъ идолослуженіи, съ оглушительною музыкой, и при громадномъ стеченіи народа). Грамота привезена была изъ Тибета однимъ Калмыкомъ, принявшимъ тамъ ламское посвященіе и единовременно доставлены разные кумиры: освященное для хана сѣдло, знамя, одежда, оружіе. Старшій калмыцкій лама Шокуръ благословлялъ всѣхъ и каждаго лхасскимъ посланіемъ. Тутъ обнаруживалась связь чисто-политическаго и несомнѣнно вреднаго характера: въ самой Европейской Россіи для утвержденія въ ханскомъ званіи, кочевникамъ казались недостаточными наше правительственное вмѣшательство и царская санкція; между тѣмъ мы дозволяли обращаться за признаніемъ хана въ невообразимо-отдаленный Тибетъ и въ то же время грозили кровавою расправой живущимъ на сибирской окраинѣ, въ случаѣ если движимые религіозными чувствами они осмѣлятся попрежнему переступать границу или же принимать у себя ламъ изъ сосѣдняго государства. Но и угроза эта произносилась праздно, никого не пугала, пріучала смотрѣть на подобный законъ, какъ на мертвую букву...

Когда въ царствованіе Екатерины Второй въ Москву вызывались депутаты для составленія Уложенія, отъ забайкальскихъ Бурятъ поѣхалъ со своимъ племянникомъ — ламой Хытырхѣевымъ—вышеназванный Цзаягійнъ, успѣвшій уже тогда добиться громкаго и непонятнаго властямъ титула „бандида—хамбы“ (о чемъ ниже), удѣленнаго ему въ 1764 г. мѣстнымъ начальствомъ по просьбѣ самихъ инородцевъ.

По выраженію Бурятъ, въ Москвѣ Цзаягійнъ сидѣлъ въ собраніи „на сто одномъ стулѣ“ (то-есть среди ста другихъ депутатовъ), объясняя подробно о своей вѣрѣ. Затѣмъ вліятельный Забайкалецъ былъ благосклонно принятъ императрицей и наименованъ Ея Величествомъ *главнымъ хамбой* (іерархомъ) сибирскихъ ламъ. По словамъ инородческой лѣтописи имъ тогда же полученъ „золотой портретъ государыни“ (депутатская золотая

медаль на голубой Андреевской лентѣ для ношенія на шеѣ) и 50 руб. пожизненной пенсіи.

Представляясь Ея Величеству, хамба поднесъ сжатое описаніе совершеннаго имъ путешествія за границу и *удостоился похвалы*. Записка его, несмотря на простоту изложенія, крайне любопытна: бурятскій лама видимо относился къ Тибету съ крайнимъ благоговѣніемъ и особенно поражался количествомъ духовныхъ въ странѣ, великолѣпіемъ и численностію храмовъ, святостью и мудростью наставниковъ народа и т. п. Историческій ходъ событій и вообще положеніе дѣлъ въ Центральной Азіи навѣрно въ свою очередь были ясны Цзаягійну,—и распроси его кто-нибудь съ дипломатической точки зрѣнія, новый кругозоръ не замедлилъ бы открыться. Въ то время Европа уже стучала въ замкнутое тайнохранилище внутренней Азіи, начинала пристально вглядываться въ обликъ загадочнаго края называемаго чужестранцами *Тубодъ* („могущество"). Цзаягійнъ несомнѣнно могъ бы сообщить многое о дѣятельности католическихъ миссіонеровъ въ Лхассѣ, о взглядѣ Тибетцевъ на западный міръ, о средствахъ завязать сношенія съ главнѣйшими заграничными ламами. Обласканный Монаршими милостями, хамба душой и тѣломъ дѣлался преданнымъ Россіи. Этимъ тогда не воспользовались въ столицѣ, съ цѣлью ознакомленія съ Монголіей и Тибетомъ.

Уже въ инструкціи гр. Рагузинскаго ламамъ запрещалось заниматься „шеманствомъ и прочимъ непорядкомъ". Первые ревнители буддизма за Байкаломъ явились среди инородцевъ въ качествѣ болѣе или менѣе искусныхъ врачей, лѣченіе же тѣсно связано было съ обрядностью и потому наводило русское начальство на мысль, будто стародавняя (шаманская) и пришлая вѣра со внѣшней стороны очень близки другъ другу,—что почему-то казалось нежелательнымъ, свидѣтельствовало о ламской грубости и страсти къ обманамъ. [1] Тогда рѣшили: пусть упраж-

[1] Въ сущности шаманство, имѣющее въ основѣ культъ предковъ и стихійныхъ силъ, по духу вовсе не низменно. Оно поддерживалось въ народѣ вліяніемъ отдѣльныхъ выдающихся личностей, доступныхъ вдохновенію, мистическому экстазу, изступленному порыву. Эта психическая особенность передавалась наслѣдственно, заставляла иныхъ противъ воли посвящать себя служенію отцовъ.

няются въ изученіи письменныхъ памятниковъ, пусть выступятъ образованые ламы! И они выступили цѣлою вереницей лицъ, глубоко вникнувшихъ въ сокровеннѣйшія тайны сѣвернаго буддизма.

Одобреніе правительства было многимъ инородцамъ какъ нельзя болѣе кстати. Вскорѣ между ними стали учить такіе знатоки вѣры, что наѣзжіе, заграничные ламы въ діалектическомъ отношеніи оказывались слабѣе ихъ при диспутахъ, [1]—фактъ крайне замѣчательный, ибо около этого времени даже въ смежной Монголіи еще недостаточно умовъ созрѣло для проникновенія въ высшую буддійскую догматику.

Первоначально войлочныя юрты служили Бурятамъ походными кумирнями. Алтари, боги, книги, аптеки переносились, по мѣрѣ надобности. Въ тридцатыхъ годахъ XVIII в. ламы создали неподвижный религіозный центръ среди довольно пустынной мѣстности Эргэ Бурги (не далеко отъ Кяхты). Буряты отовсюду стали собираться сюда. Первенствовавшій среди нихъ Тибетецъ Агванъ Пунцукъ, въ 1741 г. съ разрѣшенія коллегіи иностранныхъ дѣлъ перенесъ главнѣйшую по значенію кумирню на рѣку Чикой, въ урочище Хилгантай, гдѣ она вскорѣ уже окончательно и прочно утвердилась, благодаря усердію сгруппированнаго вокругъ Цонгольскаго рода. Бумага бригадира Якобія Цзаягійну проливаетъ свѣтъ на это послѣднее обстоятельство: „Сего 8 ноября въ канцеляріи правленія пограничныхъ дѣлъ *по доношенію твоему*, поданному 27 февраля 1757 г., коимъ просилъ, чтобъ за овѣтшаніемъ нѣкоторыхъ покоевъ постройкой дозволить на томъ же мѣстѣ, гдѣ старая имѣется, опредѣлено *къ тебѣ Ламѣ Даржэю ширетую* [2] объявить указомъ, что за объявленнымъ отъ васъ прежней кумирни овѣтшаніемъ и что вамъ въ оную съ протчими ламами для чтенія книгъ по вашему обыкновенію собираться можно, постройкой вновь на томже мѣстѣ, гдѣ старая была, дозволяется, и главному Ламѣ Даржею ширетую о томъ вѣдать.“ Ноября 9 дня 1758 г.

---

[1] Такимъ краснорѣчивымъ мудрецомъ, побѣждавшимъ любаго спорящаго соперника въ прошломъ столѣтіи, считался одинъ лама изъ Чжидинскаго дацана (религіознаго центра), въ Селенгинскомъ инородческомъ вѣдомствѣ, среди западнаго Забайкалья.

[2] Даржи—собственное имя. Ширетуями же называются начальники ламскихъ религіозныхъ центровъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка власти заботились о томъ, чтобы ламы имѣли постоянныя кумирни для многолюдныхъ сборищъ туда *„ради чтенія книгъ по закону или обыкновенію, въ удовольствіе“*. Единственнымъ условіемъ ставилось не быть слишкомъ близко къ границѣ. Храмъ возникалъ за храмомъ. Вокругъ большихъ группировались маленькіе. Прежніе заимствовали внѣшній видъ у первыхъ забайкальскихъ церквей. Отчасти до сихъ поръ удержали его древнѣйшія деревянныя постройки (съ куполами, крестообразныя). Новыя—каменныя существенно отличаются отъ старинныхъ, будучи смѣсью тибетскаго стиля съ китайскимъ, поражая пестротой и великолѣпіемъ отдѣлки.

Первыя, такъ-сказать, основныя бурятскія капища воздвигались русскими мастерами. Инородцы тогда еще не умѣли строить. Теперь, наоборотъ, они сами являются искуснѣйшими ремесленниками Забайкалья.

Между размножившимися у насъ ламами недолго царствовало единогласіе. Разладъ отчасти обусловливался племенною рознью, отчасти степенью успѣха среди шаманствовавшихъ Бурятъ.

Антагонизмъ сначала сказался по обѣ стороны рѣки Селенги, въ юго-западной части края. Цонгольцы, съ Цзаягійномъ во главѣ, стремились повсюду первенствовать. Противодѣйствіе гнѣздилось весьма близко отъ основнаго центра, на разстояніи всего десятковъ верстъ, у Гусинаго озера. Тамъ владычествовалъ вышеназванный Ахалдаевъ. Когда онъ кончалъ учиться въ Ургѣ, наставлявшій его тамъ Манзошири Намонъ-Хоганъ, лама приказалъ ему, по преданію, пойти въ амбаръ и наугадъ взять оттуда книгу и божка. Принесенными предметами таинственно опредѣлялась судьба уѣзжающаго ученика: „ты самъ будешь имѣть учениковъ до 100.000!“ изрекъ Манзошири-лама на прощаніе. Аллегорически предсказаніе сбылось. Бурятскій ламоправитель и его непосредственные преемники наложили благословляющія руки на десятки тысячъ пытливыхъ молодыхъ головъ, повѣрившихъ въ Будду. Вернувшись на родину, Ахалдаевъ послужилъ въ цонгольскомъ дацанѣ, но вскорѣ, выдвинувшись изъ числа сотоварищей, пошелъ къ кочевьямъ своего Хатагинова рода и смежныхъ родовъ за р. Селенгой. Въ *1740* году возникъ ахалдаевскій войлочный духунъ (кумирня) въ долинѣ р. Темника, преобразо-

ванный затѣмъ въ главный бандида-хамбинскій. Сѣвернѣе и западнѣе, и южнѣе также стали появляться буддійскіе храмы. Авторитетъ Ахалдаева стягивалъ ихъ жречество вокругъ него. Войлочный духунъ около 1750 года замѣнился деревянною кумирней. Дацанъ мало-по-малу сдѣлался разсадникомъ ургинскихъ религіозныхъ обычаевъ и воззрѣній, тогда какъ цонгольскій на все налагалъ отпечатокъ Тибета. Незначительная разница въ служеніи и взглядахъ была и есть, впрочемъ, вездѣ, такъ какъ вѣру прививали ламы, приходившіе изъ разныхъ мѣстностей. Основное отличіе составляла духовная близость или къ Монголіи, или къ нагорной колыбели ламаизма. Когда около 1752 года иркутская провинціальная канцелярія дала Цзаягійну званіе главнаго бурятскаго ламы, Ахалдаевъ началъ интриговать. Сородичи составили приговоръ (съ приложеніемъ старшинскихъ подписей) о желаніи имѣть Ахалдаева главой и предъявили его начальству. Селенгинскій бригадиръ Якобій указомъ отъ 1 іюня 1752 года отвѣчаетъ: „быть Ахалдаеву во всемъ подъ вѣдомствомъ и дирекціей, въ послушаніи у цонгольскаго главнаго ламы, отнюдь ничего не чинить безъ вѣдома онаго ламы, для того, что помянутый лама главный опредѣленъ надъ всѣми ламами, въ которыхъ бы улусахъ ни были.“ Но по ургински настроенная часть инородцевъ оставалась de facto независимою, продолжала непокорствовать. Пять дацановъ сгруппировалось подъ властью Ахалдаева. Борьба съ Цзаягійномъ была неравна. Гусиноозерцы медленно отстаивали свои права. Но когда онъ умеръ, обстоятельства перемѣнились. Замѣстившій дядю Цонголецъ Хытырхѣевъ, хотя человѣкъ опытный и ѣздившій съ покойнымъ въ Москву, все-таки не могъ, по значенію, замѣнить Цзаягійна, посѣтившаго множество буддійскихъ святынь, рукоположеннаго Далай-ламой, обласканнаго государыней. Споры о первенствѣ вспыхнули съ новою силой. Престарѣлый Ахалдаевъ теперь уже имѣлъ надежду на полный успѣхъ. И Цонгольцы, и Гусиноозерцы отрядили повѣренныхъ *въ Иркутскъ*. Первые домогались главенства надъ всѣми прочими дацанами; вторые—званія бандида-хамбы для Ахалдаева. Посланные обѣихъ сторонъ, при помощи подкупа, достигли своего. И тѣмъ, и другимъ (какъ это ни кажется невѣроятнымъ!) единовременно дали желанныя свидѣтельства, съ лукавымъ намекомъ: „кто раньше доставитъ ихъ въ селенгинскую канцелярію, тотъ будетъ считаться утвержденнымъ“.

Бурятскія сказанія картинно говорятъ о томъ, какъ ахалда-

евскій лама Будаевъ пріѣхалъ на берегъ страшнаго Байкала и, несмотря на разыгрывающуюся непогоду, рѣшилъ довѣриться волнамъ. Чтимая инородцами богиня Цаганъ-Дара-Эхэ оградила смѣлыхъ иловцовъ. Едва спасшись отъ погибели (перевезъ же его русскій отставной солдатъ за ничтожное вознагражденіе), Будаевъ предъявилъ свою бумагу въ Селенгинскѣ, и Ахалдаевъ, указомъ отъ 11 іюля *1783* года, сдѣланъ бандида-хамбой. Бандидой онъ именовался еще съ *1776* года.[1] Хытырхѣевъ получилъ бандидахамбинскій титулъ съ *1778* года. Подобная мѣра является единственнымъ чисто случайнымъ проблескомъ разума во всей исторіи правительственныхъ отношеній къ ламству. Власти ограничились поощреніемъ раздора среди жрецовъ и не осложнили дѣла вмѣшательствомъ. Вскорѣ за Ахалдаева началъ управлять его молодой племянникъ *Дымчокъ Ишижамсуевъ*, потомъ онъ замѣнилъ покойнаго дядю и, въ свою очередь, имѣлъ, недолго спустя, преемника въ лицѣ брата. Этотъ послѣдній, *Гаванъ Ишижамсуевъ*, энергичнѣе предшественниковъ повелъ борьбу. Къ *1809* году, за смертью Хытырхѣева, онъ достигъ безусловнаго главенства въ глазахъ правительства.

II.

Въ чемъ же побѣдная сила и жизненное значеніе буддизма, который, какъ мы видѣли, властно наложилъ печать на монголо-Бурятъ? Для отвѣта приходится нѣсколько отдалиться отъ предмета.

Глубокая древность вовсе не представляла изъ себя нѣсколькихъ цивилизацій, замкнутыхъ другъ отъ друга и отчужденныхъ. Напротивъ, отдаленнѣйшія страны, ради торговли и религіозныхъ интересовъ, поддерживали непрерывныя сношенія. Востокъ жилъ и дышалъ однороднымъ напряженнымъ стремленіемъ создавать все новые и новые идеалы, обожествлять свои лучшія грезы,

---

[1] Бандида—индійское pandita (соотвѣтствуетъ европейскому понятію «докторъ богословія», означаетъ вообще «ученый человѣкъ»); тибетское слово «кхамбо» (въ просторѣчіи Бурятъ—хамба), такъ-сказать, настоятель большаго монастыря, отчасти характеризуетъ въ ламайскихъ земляхъ положеніе духовнаго лица, пользующагося съ нашей точки зрѣнія архіерейскою властью. Хамба иначе называется „*ыхэ лама*“ («великій жрецъ»).

уготовлять пришествіе Спасителя на землю. Вавилоняне, Финикіяне, Евреи, Персы, Египтяне, Аравитяне *морскимъ путемъ постоянно, гораздо рѣже сушей*, соприкасались съ Индіей и Китаемъ, вліяли на нихъ, отъ нихъ брали наицѣннѣйшее. Разныя космогоническія и астрономическія теоріи дѣлались вслѣдъ затѣмъ достояніемъ цѣлаго мыслящаго міра. Разцѣтъ этой кипучей жизни—періодъ съ VIII по VI вѣкъ до Рождества Христова. Какъ разъ тогда Арійцы простерли свои завоеванія до индійскихъ побережій и начинали ощущать потребность въ болѣе широкомъ кругозорѣ, чѣмъ міровоззрѣніе Ведъ. Являлась философія, зарождались религіозныя движенія, просыпался *историческій* буддизмъ. Я подчеркиваю слово „историческій" потому, что идея его издревле присуща была не только индійскому духу, но и вообще человѣчеству. Буддъ („просвѣтителей, искупителей отъ зла") признавалось и признается видимо-невидимо, ожидается въ будущемъ такое же несмѣтное количество. Оріенталисты постепенно приходятъ къ убѣжденію, что основу распространеннѣйшей вѣры составляетъ натуралистическій символизмъ, что наука имѣетъ дѣло съ миѳомъ о солнцѣ, что люди, забывъ о происхожденіи культа, молятся несуществовавшему „святому". Единственное дѣйствительно случившееся, такъ или иначе достовѣрное, заключается въ слѣдующемъ: *кто-нибудь изъ мудрецовъ страны превзошелъ другихъ по внушаемому уваженію, по свойственному исключительно его проповѣди обаянію.* Послѣдователи могли придать учителю чисто миѳическія черты, и затѣмъ уже сложившаяся легенда не была въ состояніи разграничить естественные элементы отъ сверхъестественныхъ, весьма близкихъ и родственныхъ воображенію Индусовъ. Изъ представленія о животворящемъ источникѣ свѣта возникъ и выросъ образъ неистощимаго по милосердію существа, преподающаго смертнымъ, какъ имъ достигнуть свободы отъ пороковъ и найти полное внутреннеее успокоеніе.

Буддизмъ явился выразителемъ народнаго настроенія, вдохновлялся общепризнаваемыми истинами, послужилъ дальнѣйшему развитію и совершенствованію мѣстной культуры. Этимъ только объясняется его необыкновенный успѣхъ, его удивительная бодрость и непосредственное отношеніе къ жизни, наконецъ, его умѣніе покорять себѣ повсемѣстно, куда онъ ни приходилъ, расположеніе туземцевъ какой-угодно страны и съ какимъ угодно бытомъ. Все это дѣлало и дѣлаетъ изъ буддизма силу, съ

которою серьезно надо считаться христіанскимъ націямъ, приводящимъ понемногу въ броженіе языческую Азію. Религія эта носитъ яркій отпечатокъ той печальной эпохи, которая ее возвеличила. Индія тогда переживала невыносимый нравственный кризисъ изъ-за соціально-политическихъ причинъ. Прошлое не сохранилось исторіей въ памяти Индусовъ; настоящее не представляло цѣны въ виду безпрерывныхъ смутъ, его наполнявшихъ; будущее не обѣщало ничего лучшаго. Невольно притягивали и очаровывали гордыя мечтанія о томъ, что̀ стоитъ внѣ всякаго времени: о царствѣ неизсякающаго блаженства. Ни въ чемъ отчаяніе вѣка не обнаруживалось въ столь рѣзкой и въ столь загадочной формѣ, какъ въ буддизмѣ.

Колыбелью его были земли восточнѣе Ганга, гдѣ брамминство далеко не пользовалось незыблемымъ значеніемъ и вліяніемъ, гдѣ рядомъ съ понятіями арійскихъ пришельцевъ открыто уживались воззрѣнія мѣстныхъ автохтоновъ дравидской темной расы. Самъ историческій Будда, если признавать его существованіе, по всей вѣроятности, даже не былъ Аріецъ, а происходилъ изъ воинственнаго племени Шакіевъ („могущественныхъ"), проникнувшихъ съ сѣвера и водворившихся около гималайскихъ предгорій нынѣшняго Непаля.

Фактъ происхожденія, еслибы достовѣрность его подтвердилась, долженъ бы стать крайне знаменательнымъ, указывалъ бы образно, почему религія, выросшая на почвѣ брамминскаго міровоззрѣнія, имъ же въ концѣ концовъ и поглотилась, но отзвукъ раздавшейся въ Индіи проповѣди особенно сочувственно встрѣченъ былъ среди единокровныхъ Буддѣ кочевниковъ. Что-то неизъяснимое притягивало ихъ къ нему, и до сихъ поръ дѣлаетъ Монголовъ и Тибетцевъ самыми ревностными послѣдователями „бого-учителя" *(бурха̀нъ-бакшй)*. Впослѣдствіи онъ явился посредникомъ и связующимъ звеномъ между высоко развитымъ югомъ Азіи и совершенно невѣжественнымъ сѣверомъ. Изъ сліянія арійской цивилизаціи съ первобытнѣйшими человѣческими вѣрованіями, сохранявшимися въ нижнихъ слояхъ народа, должно было выйти и дѣйствительно вышло нѣчто поразительное, способное и удовлетворить пытливѣйшіе восточные умы, и утолить глубокую духовную жажду темныхъ массъ во что-нибудь цѣльное слѣпо повѣрить, предъ чѣмъ-нибудь благоговѣйно преклониться. Скептицизмъ и блаженное невѣдѣніе заключили между собой въ буддизмѣ братскій союзъ. Въ этомъ заключается великая тайна

и неоспоримое могущество означенной религіи, одинаково относящейся къ каждой степени человѣческаго міропониманія. Нужды нѣтъ, что это нерѣдко достигается цѣной логической непослѣдовательности. За то успѣхъ ученія обезпеченнѣе, за то не существуетъ вѣры, болѣе удобной и уступчивой въ вопросахъ совѣсти, чѣмъ буддизмъ, полагающій, будто люди сами себя могутъ искупить отъ грѣха. Разъ что это признается, понятія о нравственности естественно становятся крайне растяжимыми.

Окружающее насъ на землѣ видимое бытіе, съ его тревожными приливами возникновенія и уничтоженія, въ глазахъ Индусовъ искони есть источникъ несчастія. Доискиваться причинъ вездѣсущаго страданія Будда не беретъ на себя. Задача его и призваніе указать лишь на путь избавленія отъ золъ, а для этого надежнѣйшимъ средствомъ почитается подавленіе и даже полнѣйшее усмиреніе желаній, такъ какъ изъ нихъ исходитъ и ими же поддерживается не покидающій сердецъ разладъ.

На перекоръ усвоенному Индусами аскетизму, Будда училъ: „существуютъ двѣ крайности, избѣгать которыхъ обязанъ тотъ, кто ведетъ духовный образъ жизни. Одна крайность—жизнь среди наслажденій: это низко, недостойно. Другая—среди самоистязаній: это—грустно, ничтожно. Средняя благородная стезя, ведущая къ просвѣтляющему и освобождающему отъ бѣдствій познанію, есть неусыпная работа надъ собственнымъ самообладаніемъ. Шагъ за шагомъ, часъ за часомъ долженъ тотъ, кто благоразуменъ, очищать свое *я* отъ всякой скверны, подобно мастеру, очищающему серебро“.

Этого требовалъ скорбный догматъ о душепереселеніи, принесенный, вѣроятно, въ арійское міровоззрѣніе или мѣстными автохтонами или съ запада изъ Египта. Думалось, что каждый поступокъ отражался въ будущемъ, опредѣлялъ состояніе послѣ смерти, созидалъ, совокупно съ прочими совершенными поступками, условія для новаго существованія (высшаго, либо низшаго порядка). Безчисленные міры единовременно населены, исчезаютъ, снова образуются. Какая сила управляетъ ими, что̀ порождаетъ впереди ихъ дальнѣйшее бытіе? Творца буддійскій міръ не знаетъ,—знаетъ онъ только одинъ всеуряжающій нравственный законъ—*законъ дѣлъ (карма)*. Пока вина не искуплена, дѣянія влекутъ за собой перевоплощеніе,—и такъ продолжается до безконечности. Всякій прошелъ уже черезъ множество рожденій и смертей: пока онъ не достигнетъ сверхъестественной почти

безмятежности, до тѣхъ поръ скитанія по вселенной не прекратятся. Радѣя о спасеніи всего живущаго отъ мученій, надо взять на себя трудный подвигъ постепеннаго, сознательнаго видоизмѣненія грѣховныхъ помысловъ и чувствъ, надо на яву грезить царствомъ, гдѣ нѣтъ борьбы, а разлаются лишь торжествующія созвучія, надо заживо умереть для всего суетнаго и земнаго. Это именно и есть такъ называемая *нирвана*. Буквальный смыслъ слова—*угасаніе*, то-есть угасаніе огней страсти, угасаніе всего того, не долженствовавшаго быть, что̀ прежде становилось причиной возобновленія индивидуума. „Кто уничтожилъ въ себѣ“, учитъ буддизмъ, „сто восемь видовъ злаго пожеланія, обусловливавшихъ *principium individuationis*, освободился отъ рожденія, подобенъ человѣку, спасшемуся отъ пресмыкающагося чудовища, которое обвилось вокругъ него“. Еслибъ это состояніе послѣ освобожденія считать небытіемъ, сравненіе не имѣло бы смысла. Избѣгнувшій чудовища не задушенъ; свободный отъ метемпсихозы возвращается къ первобытно-нормальному состоянію чистѣйшей духовности.

Для достиженія совершенства, требовалось отреченіе отъ соблазновъ и пріобщеніе къ лучшему существованію. Уже браминны положили начало этому глубоко искреннему движенію. Они раздавали имущество, отказывали себѣ въ привычныхъ удобствахъ и селились по лѣсамъ въ древесныхъ шалашахъ. Представители другихъ кастъ, повидимому, также мало-по-малу слѣдовали увлекающему примѣру. Но отличительною чертой религіозныхъ настроеній древнѣйшаго монашества выступалъ строго соблюдаемый эзотерическій характеръ вѣры въ искупляющее самоочищеніе. Обладаніе этимъ знаніемъ мыслимо и доступно было лишь небольшому числу избранныхъ. Ученіе облекалось въ какія-то таинственныя формы, которыя не могли сдѣлаться достояніемъ всего народа.

Востокъ Индіи принялъ браминство отъ умственно опередившаго его Запада, и, собственно говоря, этотъ чуждый элементъ не вошелъ въ кровь и плоть туземнаго населенія. Тутъ вся жизнь менѣе была окована суровыми предначертаніями жречества, больше отводила мѣста значенію царя и совокупности подданныхъ. Вопросы, которые на Западѣ обсуждались лишь въ стѣнахъ школъ аристократами по духу, на Востокѣ становились понятными толпѣ. Метафизическія тонкости ея не затрогивали, но за то ею вполнѣ усвоивались представленія о стра-

даніи, о нравственномъ возмездіи, о самоосвобожденіи. Стремленіе уйти отъ искушающей жизни сказывалось особенно сильно среди богатыхъ и знатныхъ (простонародье и бѣдняки менѣе воспріимчивы были по отношенію къ проповѣдуемымъ истинамъ). При этомъ въ обществѣ просыпалось неудовольствіе: семьи боролись съ порывами экзальтированной молодежи пренебречь суетнымъ міромъ; но влеченіе осиливало самыя дорогія узы. Вездѣ появлялись учители, независимо отъ браминскихъ преданій указывавшіе новые пути къ спасенію,—и учителямъ этимъ не приходилось искать учениковъ. Послѣдніе притекали отовсюду. Нарождались многочисленныя секты. Въ отличіе отъ браминовъ, достоинство которыхъ опредѣлялось ихъ рожденіемъ, лица, добровольно избравшія духовное званіе, назывались *самана* (аскеты). Основатель историческаго буддизма былъ лишь одинъ изъ многихъ учителей и міроспасителей, которые въ монашескомъ облаченіи обходили съ проповѣдью страну, и образовывали цѣлыя монашескія общины (нѣчто вродѣ христіанскихъ средневѣковыхъ орденовъ). Кругъ учениковъ Будды не представлялъ, даже въ древности, свободнаго товарищества людей, связанныхъ только внутренно; существовало общежитіе аскетовъ съ твердо установившимися формами, которыя выработались въ Индіи еще задолго до того. Для религіознаго сознанія эпохи монашеская жизнь казалась единственною, вполнѣ понятною и естественною для каждаго, проникнута была общимъ стремленіемъ познать всеискупляющую истину. Появленіе Будды не было чѣмъ-либо необычайнымъ,—онъ не выступилъ въ качествѣ новатора, далекъ былъ отъ утопій переиначить соціальный строй. Индія не вѣдала ничего подобнаго: каста могла утратить всякое значеніе въ глазахъ истиннаго монаха, но врагомъ ея онъ ни въ какомъ случаѣ не дѣлался. Демократическаго направленія буддизмъ никогда не держался,—скорѣе наоборотъ.

III.

Быть-можетъ, спросятъ, какъ съ этимъ согласовать существованіе (на сѣверѣ отъ Индіи) неисчислимо многочисленнаго ламства? Въ Ладакѣ, провинціи Кашмира, приходится *по одному* духовному на тринадцать мірянъ. Чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ значительнѣе становится число ламъ; оно составляетъ шестую,

седьмую долю населенія, во всей Монголіи приблизительно *пять*, а по разсчету недавно ѣздившаго по Халхѣ (сѣверо-восточной Монголіи) англійскаго миссіонера Гилмура *шестьдесять процентовъ*, въ самомъ же Тибетѣ мѣстами (согласно отзывамъ путешественниковъ) около *двухъ третей*. Несмѣтное множество это порождено своеобразными религіозными потребностями и взглядами народа. Каждая семья алчетъ имѣть, по крайней мѣрѣ, одного, а то и двухъ, трехъ ламъ изъ своихъ сочленовъ. Еще отцомъ Будды княземъ Суддходадой (онъ былъ при непорочно зачавшей матери буддійскаго первоучителя Майѣ въ родѣ Іосифа) постановлено, чтобы каждая семья подвѣдомственныхъ ему шакіевъ, единоплеменниковъ Шакья-муни („мудреца изъ рода шакіевъ") непремѣнно выставила по буддійскому монаху. Дѣйствуя согласно такому предписанію, ламаиты лишь доказываютъ, какъ они послѣдовательны въ дѣлахъ вѣры. То, что наши инородцы стараются не отставать отъ прочихъ, это подтверждаетъ ихъ чувства приверженности къ буддизму и отсутствіе приписываемаго имъ равнодушія къ своей святынѣ.[1] Напротивъ, всякій отецъ и всякая мать съ самаго нѣжнаго возраста *добровольно и съ благоговѣніемъ* посвящаютъ хоть одного сына въ *ховараки* (ламчики), чтобъ особенная благодать осѣнила вслѣдствіе этого семью, и кровныя узы связали ее съ лучшимъ міромъ. Не даромъ завѣтъ, сохраняющійся нерушимо со времени смерти „учителя", велитъ поклоняться тремъ драгоцѣнностямъ (по-монгольски *гурбàнъ эрденѝ*): 1) Буддѣ (*бурхàнъ эрденѝ*); 2) его ученію (*номъ эрденѝ*), 3) духовенству (*хубарахýтъ эрденѝ*).

Тріада эта имѣетъ въ религіозномъ отношеніи такое же мистическое значеніе, какое вообще присуще было числу *три* въ древности (у браминовъ, Египтянъ, Грековъ, Римлянъ) и скрѣплена глубокою внутреннею связью. Въ „богѣ-учителѣ" видятъ существо, и по днесь присутствующее среди людей, для того, чтобъ имъ спастись отъ золъ вѣчнаго перерожденія. Законоученіе считается за своего рода откровеніе, въ которомъ каждое слово одарено особою таинственною жизнью и, само по себѣ, способно, при произнесеніи его, творить чудеса. Наконецъ, духовные составляютъ завоевывающее весь міръ братство (по-санскритски

---

[1] Восточно-сибирская миссія неоднократно заявляла въ печати, что Бурятъ легко окрестить по приказанію свыше, въ виду ихъ поражающаго индифферентизма въ вопросахъ вѣры.

sangha), призванное служить посредствующимъ звеномъ между совокупностью вѣрующихъ и областью безгрѣшныхъ божескихъ силъ. Количество монашествующихъ свидѣтельствуетъ о степени благочестія каждой буддійской страны. Повѣствованія о земной дѣятельности Будды (Шакья-муни) или (какъ его называютъ Буряты) Шакжа-муни, Шиге-муни заключаютъ въ себѣ данныя о баснословномъ количествѣ духовныхъ. То же было будто бы и вслѣдъ затѣмъ. Показанія, имѣющія историческую достовѣрность, подтверждаютъ это явленіе. Религіозные центры, вмѣщавшіе тысячи примкнувшихъ къ нимъ лицъ, издавна казались въ порядкѣ вещей. Монастыри поддерживались царями и народомъ наравнѣ. Южный буддизмъ насчитываетъ теперь значительно меньшее число священнослужителей, чѣмъ сѣверъ; но это объясняется, во-первыхъ, нѣкотораго рода упадкомъ вѣры, ибо раньше, и подъ полуденнымъ небомъ все и вся угождало сангхѣ, а, вовторыхъ, вопреки мнѣнію иныхъ замѣчательныхъ оріенталистовъ, приходится склониться къ выводу, что Цейлонъ и государства, оттуда заимствовавшія буддизмъ (Бирма, Сіамъ, отчасти Аннамъ) гораздо отдаленнѣе отъ истиннаго пониманія и исповѣданія этой религіи, какъ таковой, нежели Китай, Тибетъ и другія земли, стремящіяся непосредственно реализировать завѣты „учителя“. Ламаизмъ—терминъ условный, принятый Европейцами и совершенно чуждый краямъ, гдѣ царствуетъ шигемунійское жречество. *Ла* по-тибетски означаетъ „превосходить“, *ма*—„не“ (частица отрицанія), *лама*—„человѣкъ, котораго нѣтъ выше“. Въ Индіи слову соотвѣтствовало названіе *гуру*, равняющееся нѣмецкому *Meister*, арабскому *шейхъ*, латинскому *superior*. Такъ, по настоящему, подобаетъ величать лишь главныхъ духовныхъ, но изъ вѣжливости и въ знакъ уваженія, названіе это дается всѣмъ.

Уже Индусы вѣрили, что міръ во власти боговъ, боги во власти молитвословій, молитвословія во власти браминовъ: слѣдовательно послѣдніе въ сущности владыки всего. Подобное воззрѣніе перешло къ буддистамъ, получило своеобразное толкованіе и примѣненіе къ быту. Ламаиты, напримѣръ, убѣждены, будто священныя слова сами по себѣ, только благодаря произнесенію ихъ, имѣютъ магическое вліяніе на существъ высшаго, и низшаго порядка, обезпечиваютъ покровительство добрыхъ духовъ и устраняютъ зловредность другихъ. Даже начертанію буквъ, изъ которыхъ составляются таинственныя формулы, приписывается символическое значеніе, тѣмъ болѣе внятному и плав-

ному чтенію, и потрясающимъ заклинаніямъ ламъ. Послѣдніе, въ силу непоколебимаго для толпы вѣрованія, выдѣляются, среди прочихъ смертныхъ, естественною близостью къ Буддѣ, по своему такъ или иначе проявляемому желанію идти стезей „учителя". Они, дѣйствительно, и стараются идти, поскольку немощь человѣческая это допускаетъ, и для мірянъ совершенно достаточно одной рѣшимости, остальное же ихъ какъ бы не касается. Духовные, по общему мнѣнію, особенно способны угождать Буддѣ своими молитвословіями, и даже заполонять на время въ свою власть геніевъ неба и ада, къ тому же каждый священнодѣйствующій лама служеніемъ накопляетъ неизмѣримое количество заслугъ, столь великое, что прочіе простые смертные, для накопленія ихъ, должны иногда проходить нормальнымъ путемъ черезъ тысячи перерожденій. Столь важное преимущество въ дѣлѣ спасенія обусловливается между прочимъ тѣмъ, что глубже знакомиться съ буддійскою письменностью и осмысленно вникать въ нее дозволено лишь принявшимъ извѣстные духовные обѣты. Простолюдинъ, наложившій ихъ на себя и прослушавшій часть религіознаго ученія, уже въ правѣ стать руководителемъ иного ламы, еще несвѣдущаго въ этомъ отношеніи.

При чтеніи таинственныхъ по содержанію книгъ все сводится къ тому, чтобы прочитать какъ можно больше. Служба не препятствуетъ смѣху и постороннему отрывистому разговору—надо только безошибочно произносить священныя слова, хотя бы и не зная ихъ смысла. Звуки и такъ проявятъ чудотворное могущество. Начиная читать, ламы дѣлятъ между собою листы книги (буддійскія сочиненія состоятъ изъ несшитыхъ листовъ, заворачиваемыхъ въ матерію). Предварительно еще готовящимися служить омываются руки и полощется ротъ, дабы отнюдь не осквернить святыни. Всякій жрецъ торопливо прочитываетъ доставшееся ему на долю, затѣмъ помогаетъ отставшимъ дочитывать ихъ листы, выраженія сливаются и должны быть непостижимыми даже для знатоковъ языка. Такое механическое дѣйствіе есть своего рода *колдовство*, по буддистамъ это кажется необходимымъ, и на этомъ зиждется потребность имѣть громадное число ламъ. *Чѣмъ многолюднѣе собраніе читающихъ въ кумирнѣ или по юртамъ, тѣмъ благотворнѣе результатъ.* Правительство вторгается въ область религіи, говоря, что нельзя инородцамъ произвольно размножать ламъ, нельзя служить внѣ дацановъ, нельзя, нако-

нецъ, вѣровать такъ, какъ они хотятъ, какъ и шаманствующимъ не возбраняется.

Репрессивныя мѣры, касающіяся ламства, обусловливались заботой властей о томъ, чтобы Монголо-Буряты не эксплуатировались жрецами и одна значительная часть населенія, въ качествѣ паразитовъ, не высасывала кровь изъ единоплеменниковъ. Еще съ прошлаго столѣтія мѣстное начальство формально подымало вопросъ объ этомъ, но разъ, что въ изученіе причинъ добровольнаго пріумноженія ламъ инородцами не находили нужнымъ вникать, разсужденія о пользѣ и вредѣ для послѣднихъ отъ образа дѣйствій жречества оставались безпочвенными и голословными. Вице-канцлеръ Нессельроде въ 1827 году сообщалъ иркутскому генералъ-губернатору: „предназначаемое исключеніе многихъ *изъ сана духовнаго* не портитъ ли народъ, имѣющій понятіе о лучшемъ положеніи ламъ за границей? Выгоднѣе было бы склонить бандида-хамбу, дабы онъ, подъ различными предлогами, затруднялъ пріемъ въ духовное званіе простолюдиновъ бурятскихъ съ тою нечуждою и для него цѣлью, дабы уменьшеніемъ ламъ облегчить единовѣрцевъ своихъ въ платежѣ казенныхъ и общественныхъ сборовъ и въ исполненіе другихъ повинностей“. Спрашивается, однако, были у правительства и существуютъ ли даже теперь какія-нибудь несомнѣнныя данныя о томъ, что лама есть только и только тунеядецъ, піявка и ничего болѣе. Если да, то всякія строгости противъ буддійскаго жречества основательны и надо поскорѣе пріискать подходящія и вѣрныя средства для борьбы съ давнишнимъ зломъ. Но я положительно убѣжденъ въ умышленной почти преувеличенности слуховъ и толковъ о пагубномъ вліяніи ламства и проистекающемъ отсюда разореніи инородческаго населенія. Картина рисуемая въ данную минуту восточно-сибирскою миссіей (въ изданныхъ ею „Трудахъ“ за послѣднюю четверть вѣка) слишкомъ тенденціозно-ужасна, чтобы соотвѣтствовать дѣйствительности. Положеніе представляется слѣдующимъ: дацаны не что иное, какъ бездонныя пропасти, куда алчнымъ жречествомъ притягивается все инородческое имущество и (надо полагать) безвозвратно, никому не идя въ прокъ, поглощается, потому что иначе, если громадный процентъ туземцевъ богатѣетъ, а остальные нищаютъ, то достояніе ихъ все-таки же должно сосредоточиваться въ чьихъ-нибудь рукахъ, кто-нибудь да дѣлается мѣстнымъ крезомъ. Число буддійскихъ духовныхъ (по имени) превышаетъ количество свѣтскихъ

людей. Самою жизнью первые поставлены въ необходимость работать наряду съ мірянами и, гдѣ только есть дѣло, трудятся не менѣе ихъ. Въ каждомъ встрѣчномъ караванѣ путешественники по внутренней Азіи могутъ увидѣть многихъ ламъ. На почтовыхъ станціяхъ они отправляютъ обязанности возницъ. Табуны и стада находятся подъ постояннымъ присмотромъ мѣстныхъ духовныхъ. „*Буряты пожираются ламами*"—вотъ какъ выражаются объ эксплуатаціи послѣднихъ „Труды православныхъ миссій иркутской епархіи". Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о справедливости подобнаго обвиненія и о томъ, чѣмъ его могутъ подвердить, я позволю себѣ привести нѣсколько авторитетныхъ отзывовъ противоположнаго свойства. Въ началѣ нынѣшняго вѣка среди волжскихъ Калмыковъ довольно долго прожилъ русскій подданный *Берманнъ*, старательно вглядѣлся въ ихъ вѣрованія и обычаи, и напечаталъ о предметѣ по-нѣмецки четыре книги, до сихъ поръ составляющія едва ли не лучшій по этой части вкладъ въ этнографическую литературу. Третій томъ *Nomadische Streifereien unter den Kalmücken* категорически заявляетъ: „ламы принимаютъ дары лишь отъ состоятельныхъ единоплеменниковъ, а у бѣдныхъ всячески отказываются брать, никогда сами ничего не просятъ, живутъ не столько приношеніями мірянъ, сколько *наслѣдственно доставшеюся собственностью*, скорѣе станутъ голодать, чѣмъ тронутъ чужое добро безъ приглашенія, довольствуются, какъ и простой народъ, обычною молочною и мучною пищей, изрѣдко употребляя мясное. *Будь ламъ меньше, они были бы богаче, вотъ и все, для населенія же это бы выходило безразлично.* Буддійскихъ духовныхъ напрасно называютъ сознательными лжецами и шарлатанами; они сами твердо убѣждены въ очистительной и врачующей силѣ священнослуженій, а при болѣзняхъ тратятся не менѣе мірянъ на заказы продолжительныхъ молитвословій".

Данныя гражданской власти за послѣднія десятилѣтія постоянно свидѣтельствовали о повсемѣстномъ благосостояніи среди забайкальскихъ инородцевъ, объ отсутствіи крайней бѣдности, а также о томъ, что положительно нѣтъ никакихъ доказательствъ, будто ламы тѣснятъ и обираютъ своихъ единовѣрцевъ. „*Во время служенія каждый лама — лицо священное, а въ частной жизни* (если только онъ не изъ числа ученѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ духовныхъ) *такой же Бурятъ, какъ и остальные, занимающійся собственнымъ хозяйствомъ*". Здраво разсуждая, иначе и быть не

можетъ, разъ что для отвращенія всевозможныхъ бѣдствій, буддійскія семьи желаютъ выставлять по меньшей мѣрѣ одного ламу, съ дѣтства или при рожденіи посвящаютъ намѣчаемыхъ мальчиковъ въ духовное званіе, а за неимѣніемъ потомства, берутъ пріемышей и ихъ дѣлаютъ священнослужителями. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ 1847 года министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ объяснялъ эту особенность тѣмъ, что такія семьи не подвергаются опустошительному нашествію другихъ ламъ. Значитъ, тутъ tacito consensu признается нелѣпость увѣреній, будто произволу и алчности послѣднихъ нѣтъ названія. Если допустить, что правы говорящіе: „ламство само по себѣ есть гибель для населенія и величайшее изъ золъ“, то все-таки остается совершенно невыясненнымъ, почему это такъ съ экономической точки зрѣнія: вѣдь всѣ духовные, кромѣ неизбѣжнаго вреда въ религіозномъ отношеніи, въ большей или меньшей мѣрѣ приносятъ долю пользы обществу, какъ скотоводы или радѣющіе о земледѣліи, какъ промышляющіе какимъ-нибудь ремесломъ или торговлей, какъ проводники грамотности или лѣкаря, однимъ словомъ, какъ люди наиболѣе въ своей косной средѣ развитые, своеобразно дѣятельные, работящіе и энергичные. Недаромъ, миссіонеръ *Гюкъ*, проѣхавъ черезъ Монголію и Тибетъ, мѣтко характеризуетъ ламство слѣдующимъ опредѣленіемъ: „это— голова и сердце народонаселенія“. Я прибавлю еще три слова: „и его воля“, то-есть достойнѣйшіе ламы не только представляютъ изъ себя аристократію ума и родникъ благороднѣйшихъ замысловъ и чувствъ, но въ то же время являются воплощеніемъ смутныхъ стремленій окружающей темной массы, ея порывовъ приближаться къ истинѣ и мистически сливаться съ высшимъ безгрѣшнымъ міромъ. На обвиненія жречества въ нравственной испорченности и въ томъ, что буддизмъ, благодаря корыстолюбивому настроенію многихъ дурныхъ людей, ложно толкуется и прививается,—нечего, мнѣ кажется, и возражать. На то онъ и есть антиподъ христіанства, на то онъ и безплоденъ, несмотря на свои благородныя этическія идеи, когда основа догматики его невѣрна и конечная цѣль космической жизни теряется въ загадочномъ туманѣ. Если даже и допустить безъ оговорокъ все, что говорится въ обличеніе ламства, и то этому не ужасаться надо, а сказать: „слава Богу! значитъ свѣтъ правды Господней скоро возсіяетъ между кочевыми племенами, ищущими, но еще не познавшими Спасителя. У другихъ иновѣрцевъ въ предѣлахъ Россіи

религіозные идеалы довольно тѣсно вяжутся съ повседневнымъ бытомъ и это имъ мѣшаетъ убѣдиться воочію въ превосходствѣ трудно осуществимаго православія надъ ихъ болѣе осязательными вѣрованіями. Разъ что буддизмъ самъ совершенно растлѣвается и умираетъ, миссіонерство найдетъ твердую почву подъ ногами, соприкасаясь съ его послѣдователями". Къ несчастью, на дѣлѣ далеко не все способно поддержать подобную иллюзію. Ламаизмъ, безспорно, погрязаетъ въ тинѣ разнороднѣйшихъ проступковъ и пороковъ, но развращенность полудикихъ сыновъ внутренней Азіи до того несложна, первобытна и естественна съ точки зрѣнія новозавѣтной, что и преувеличивать размѣры ихъ грѣховности выходило бы черезчуръ странно. Вопервыхъ, души язычниковъ не тронуты пока животворящимъ обновленіемъ; вовторыхъ, если ужь мы къ оступающимся братьямъ во Христѣ обязаны относиться со снисхожденіемъ, то тѣмъ паче къ ламаитамъ, которые самою вѣрой научаются, что грѣхъ надо понимать условно и можно искупать извѣстнаго рода чисто внѣшними пріемами. Напримѣръ, переписываніе священныхъ книгъ и чтеніе ихъ до того почитается важнымъ, что способно заглаживать чувственныя увлеченія и даже жестокость къ тварямъ. Человѣкъ, провинившійся въ этомъ, но въ то же время непосредственно близкій къ книжной святынѣ, не возрождается существомъ низшаго порядка, а небожителемъ. Ламскіе обѣты цѣломудрія часто произносятся въ столь незрѣломъ возрастѣ, что выполнить намѣреніе впослѣдствіи представляется слишкомъ тяжкимъ, и религіозный законъ нарушается. Странный взглядъ на весь нравственный строй, согласно индійскому ученію о душепереселеніи, и параллельно съ этимъ глубоко-суевѣрное воззрѣніе на чародѣйную силу разныхъ молитвъ и обрядовъ мирятся другъ съ другомъ. При такомъ удивительномъ сплетеніи понятій нельзя и ждать идеальнаго хода жизни.

По словамъ путешествовавшаго по буддійскимъ странамъ Потанина, который видѣлъ немало ламъ на своемъ вѣку, они вовсе не такіе тунеядцы и лѣнтяи, какими ихъ почему-то считаютъ нужнымъ представить и не питаютъ бо́льшаго отвращенія ко всякому труду, чѣмъ остальная часть населенія, вообще, въ силу присущихъ ему созерцательныхъ наклонностей, неодареннаго предпріимчивостью на европейскій ладъ. Напротивъ, инициатива чаще всего исходитъ именно отъ ламъ, а не простыхъ мірянъ, потому что первые бываютъ сравнительно образованнѣе, опытнѣе,

ловчѣе. Все, такъ или иначе составляющее культурное достояніе роднаго края, начиная стародавнимъ знаніемъ и кончая удовлетвореніемъ эстетическихъ потребностей единовѣрцевъ (въ видѣ изготовленія предметовъ культа, художественной отдѣлки вещей и т. п.) сосредоточено въ рукахъ братства Будды. У него почерпается то, что̀ дорого и необходимо различнымъ сторонамъ народнаго духа. Всюду оно идетъ впереди соплеменниковъ и, какъ я уже имѣлъ случай сказать, не чуждается новыхъ вѣяній изъ совершенно иного цивилизованнаго міра, хотя и относится къ нему съ нѣкоторымъ скептицизмомъ: англійскій миссіонеръ Гильмуръ, ѣздившій лѣтъ десять назадъ по Монголіи и Забайкалью, передаетъ въ своей любопытной книгѣ *Among the Mongols* о слѣдующемъ весьма правдоподобномъ сужденіи какого-то мѣстнаго ламы: „вы—Европейцы по своему, конечно, умны, потому что имѣете много полезнаго, въ родѣ телеграфныхъ линій, пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, газетъ и т. д., но вамъ недостаетъ самаго главнаго—недостаетъ знакомства съ нашею религіей. Только если вы вчитаетесь въ наши книги, разумъ вашъ перестанетъ быть одностороннимъ и познаетъ тайны неба и земли“.

Посѣтивъ въ 1886 и 1887 годахъ Ургу и разспрашивая нашего генеральнаго консула Як. Парф. Шишмарева о тамошнемъ многочисленномъ ламствѣ и прочихъ большихъ *куреняхъ* (буддійскихъ монастыряхъ; собственно *хуръ* значитъ группа зданій расположенныхъ кругомъ съ сотнями и тысячами духовныхъ), я вкратцѣ такъ могу резюмировать его отзывы: кумирни съ обитающимъ вокругъ жречествомъ преимущественно воздвигнуты или милостью китайскаго императора, или благочестіемъ туземныхъ князей: онѣ имѣютъ опредѣленный штатъ ламъ, обыкновенно довольно значительный, обезпеченный основными и позднѣйшими цѣнными вкладами, подареннымъ количествомъ скота (верблюдовъ, коровъ, лошадей, овецъ), а иногда и людей, приписанныхъ къ святилищу въ качествѣ постоянныхъ его данниковъ, своего рода крѣпостныхъ, называемыхъ *шабинарами* („учениками“). У куреней есть пастбищная, а изрѣдка и пахотная земля. Кромѣ того, заказываемыя служенія приносятъ доходъ молящимся ламамъ. Деньги тратятся на ремонтъ храмовъ, покупку различныхъ принадлежностей и благоухающихъ курительныхъ веществъ, пріобрѣтеніе кирпичнаго чаю и съѣстныхъ припасовъ для общественной трапезы жрецовъ во время долгихъ чтеній по кумирнямъ и т. д.

Помимо штатнаго ламства, при религіозныхъ центрахъ живетъ *на свой счетъ* множество другихъ духовныхъ, нѣкоторые въ собственныхъ юртахъ, а то даже и деревянныхъ домикахъ, среди отдѣльныхъ дворовъ, обнесенныхъ заборами, или же, въ случаѣ бѣдности, у болѣе состоятельныхъ ламъ. Средства къ пропитанію привозятся ими самими и присылаются изъ дому, или зарабатываются лѣченіемъ, совершеніемъ обрядовъ и т. п. Обитающіе въ чертѣ одной ограды стараются не быть другъ другу въ тягость и всякій проводитъ дни самъ по себѣ. Когда нѣтъ праздничнаго благоговѣйнаго оживленія, монастыри выглядятъ сумрачными и безмолвными, потому что населяющія ихъ лица необщительны, мало любятъ говорить и, по окончаніи необходимѣйшихъ занятій, сидятъ каждый въ своемъ углу. Зимой курени особенно полны жаждущими учиться, въ ожиданіи того, что откроются вакансіи на штатныя должности. Лѣтомъ сверхкомплектные духовные чаще всего отправляются обратно въ родное кочевье, гдѣ у нихъ — хозяйственныя хлопоты объ имуществѣ, которымъ они обыкновенно нераздѣльно владѣютъ съ братьями-мірянами, именуемыми *харà* (черные) въ отличіе отъ желтаго или краснаго цвѣта ламскихъ одѣяній. По словамъ нашего монголиста профессора Позднѣева, въ Монголіи всѣ духовные, не живущіе постоянно при монастыряхъ (такъ-называемые *степные ламы)*, внесены въ общій списокъ данниковъ своего князя и отбываютъ повинности наряду съ прочими податными Монголами.

У насъ принято думать, будто ламы не смѣютъ имѣть частной собственности. Это положительно ни на чемъ не основано и опровергается какъ исторіей религіи, такъ и дѣйствительностью, не дающею повода придти къ такому, вѣроятно, апріорно составленному мнѣнію. Пришедшая изъ Индіи вѣра вполнѣ безучастно относится къ вопросу объ имуществѣ, какъ и вообще ко всему мірскому: заразъ она и допускаетъ обладаніе отдѣльнымъ достояніемъ и даже *право передачи его посредствомъ завѣщаній*, и въ то же время учитъ: „спасаться правильнѣе и вѣрнѣе, отрѣшаясь отъ всякихъ земныхъ узъ“. Поэтому ламы, стоящіе на сравнительно низкой ступени духовнаго совершенства, озабочены (пожалуй, не менѣе мірянъ) сохраненіемъ и округленіемъ своихъ доходовъ,—лица же, поборовшія въ себѣ плотскія страсти, равнодушно и сурово смотрятъ на внѣшнія удобства, нерѣдко жертвуютъ обильно на монастыри, раздаютъ все свое имущество, до послѣдней копѣйки, бѣднымъ, а себя обрекаютъ

на нищету. Но дѣлается это вовсе не въ силу какихъ-либо обязательныхъ правилъ вѣры, а просто, по добровольному рѣшенію. Строгими аскетами выступаютъ даже богатые и властные ламы знатнаго происхожденія.

Ламъ надо разбить на двѣ категоріи: *меньшинство*, состоящее изъ наиболѣе даровитыхъ и сильныхъ духомъ буддистовъ, которые, благодаря умственному превосходству, царятъ надъ преклоняющеюся предъ ними толпой и довольно беззаботны насчетъ матеріальныхъ условій существованія,—и на *громадное большинство*, сѣрое и невѣжественное, какъ и все почти единокровное ему населеніе, а потому гнетомъ обстоятельствъ вынуждаемое заботиться о пропитаніи. Первая категорія образуется изъ людей, родившихся въ семьѣ съ хорошими средствами и вслѣдствіе этого имѣвшихъ возможность пройти довольно трудную и продолжительную школу ламскаго ученія,—что находится въ тѣсной связи со способностями начинающихъ заниматься и съ терпѣніемъ и выдержкой зрѣлаго человѣка, сознательно дающаго Буддѣ обѣтъ за обѣтомъ. Одушевляемые сравнительно возвышенными помыслами и будучи обыкновенно съ дѣтства поставлены благопріятнѣе многихъ соплеменниковъ, лучшіе духовные положительно лишены бываютъ мелочно-грязныхъ вожделѣній, обыкновенно свойственныхъ паразитамъ, выходящимъ изъ ничтожества, и совсѣмъ не изображаютъ того безпощадно-алчнаго типа, который будто бы олицетворяется ламами. Примѣромъ можетъ служить хотя бы теперешній бандида-хамба Дымпилъ Гонбоевъ. Родовитый, семилѣтнимъ ребенкомъ посвященный въ духовное званіе, онъ юношей уже обратилъ на себя такое вниманіе, что, по приговору инородцевъ, признанъ достойнымъ занять мѣсто среди штата Гусиноозерской кумирни. Вся жизнь его поглощена ревностнымъ изученіемъ буддійской письменности. О поведеніи его никто, даже изъ обличителей ламства, ничего не говоритъ предосудительнаго. Молчаливый, сдержанный, вдумчивый — онъ, по своему, соотвѣтствуетъ мѣстному идеалу непорочности и мудрости. Такому живому кумиру народа нѣтъ надобности прибѣгать къ гнусному вымогательству и обману, — ибо онъ и такъ могуществен вліяніемъ, да къ тому же любостяжаніе только унизило бы его и являлось крайне нецѣлесообразнымъ. По правдѣ сказать, на что важному ламѣ деньги? Инородческій бытъ требуетъ незначительныхъ расходовъ; для религіи всѣми отдается наидрагоцѣннѣйшее. У путнаго ламы, — если и есть нужда въ

чемъ-нибудь существенномъ,—движимость исключительно уходитъ на пріобрѣтеніе рѣдкихъ и недешевыхъ книгъ, тибетскихъ достопримѣчательностей, привозимыхъ лѣкарствъ для паціентовъ и т. п. Обстановка хамбы и ширетуевъ (я не говорю уже о простыхъ духовныхъ) весьма проста и небогата. То же я долженъ сказать и о сановныхъ жрецахъ, которыхъ я навѣстилъ въ Ургѣ, напримѣръ, про жилище тамошняго высокочтимаго хамбы, воспитателя Хутухту *(молодаго святаго перерожденца*, обоготворяемаго сѣверными буддистами). Деревянный домикъ съ двумя-тремя комнатками (или юрта), несложная утварь, алтарь съ литыми и живописными богами, сундукъ со священными книгами, аптечка, подчасъ пышное облаченіе—вотъ и весь незатѣйливый обиходъ,—а вѣдь подобныхъ счастливцевъ, трудами купившихъ себѣ такое положеніе, врядъ ли найдется много! Штатные ламы, которыхъ я видѣлъ, путешествуя по Забайкалью, вездѣ при моемъ пріѣздѣ одѣвались парадно, чтобы поторжественнѣе встрѣтить гостя, но и между ними я видѣлъ иныхъ въ поразительно худомъ и потертомъ платьѣ. Миссіонеръ Гюкъ безпристрастно свидѣтельствуетъ, что разбогатѣвшихъ ламъ почти не бываетъ, что духовные, по характеру, расточительны и, за неимѣніемъ наличныхъ денегъ, готовы за безцѣнокъ закладывать вещи Китайцамъ. Я вовсе не отрицаю, что среди ламъ есть немало хищниковъ, которые, въ силу своего умственнаго превосходства, наживаются отъ суевѣрія ближнихъ — напротивъ, это явленіе довольно естественно и понятно, — особенно въ виду присущаго инородцамъ стремленія жертвовать, по мѣрѣ силъ, на благолѣпіе родной святыни и на охраняющихъ ее жрецовъ. Мнѣ желательно только указать, насколько преувеличиваютъ степень существующаго зла и почему оно не можетъ быть такъ страшно гибельно, какъ увѣряютъ. Сонмы духовныхъ *(по имени, а не образу жизни)* растворены въ морѣ роднаго народонаселенія, чужды и глубокаго знанія вѣры, и выполненія монашескихъ предписаній, совершенно тождественны съ окружающею средой и, при всемъ желаніи, неспособны разорять ее своими шарлатанскими продѣлками. Въ сравненіи съ учеными и нравственно устойчивыми ламами „*ламишки*“ (какъ инородцы сами полунасмѣшливо-полупрезрительно называютъ недоразвившихся и безобидно-жалкихъ духовныхъ) не имѣютъ никакого серьезнаго значенія, а потому думать, что они въ конецъ разоряютъ единовѣрцевъ, лишено основанія. Это—просто люди, въ младенческомъ возрастѣ пожертво-

ванные Буддѣ, и по бѣдности, или глупости, или лѣности невыдѣлившіеся изъ толпы. Имъ, поневолѣ, приходится хозяйничать, работать, изощряться въ какомъ-нибудь ремеслѣ или торговомъ предпріятіи, и т. д. Если тутъ нѣкоторымъ и везетъ больше другихъ, то не оттого же, что они ламы.

Буддійскіе духовные усердно занимаются выдѣлкой бурхановъ (кумировъ различной величины): ихъ особенно искусно дѣлаютъ изъ папье-машэ и изъ глины. Кромѣ того, ламами приготовляются своего рода кіоты для этихъ „боговъ" и для священныхъ книгъ, отливаются жертвенныя чашечки и лампады, рисуются изображенія религіознаго характера, вытачиваются весьма употребительныя четки, сшиваются амулеты (въ родѣ нашихъ ладонокъ), украшаются домашніе алтари и т. д. Все это направлено къ удовлетворенію внутреннихъ потребностей народа. Кромѣ того, въ средѣ ламъ всегда найдутся лучшіе столяры, портные, ткачи, красильщики. Юрты (необходимѣйшая вещь для кочевниковъ) мастерятся въ дацанахъ. Бѣдность, въ связи съ нѣкоторымъ умственнымъ развитіемъ, на каждомъ шагу способствуетъ трудолюбію примыкающихъ къ братству Будды. Такъ какъ тщательная переписка фоліантовъ въ 300—400 листовъ, съ содержаніемъ богоугоднаго и таинственнаго свойства, ламаитами почитается за нѣчто крайне душеспасительное, то заказывать ее духовенству каждый домохозяинъ мнитъ своею обязанностью. Рукописи должны быть весьма совершенными по формѣ и потому требуется много терпѣнія, чтобы цѣлый годъ иногда просидѣть надъ копіями съ какого-нибудь одного сочиненія. Достоинство послѣднихъ обусловливается вдобавокъ тѣмъ, какими они чернилами начертаны (красный цвѣтъ въ 108 разъ благодѣтельнѣе темнаго, серебряный въ 108 разъ благодѣтельнѣе краснаго, золотой серебрянаго, радужный золотаго).

Раньше чѣмъ произносить вообще какое бы то ни было сужденіе, а тѣмъ паче приговоръ относительно того, что̀ изъ себя являетъ ламайская культура, прежде всего казалось бы нужно о ней что-нибудь опредѣленнѣе знать и думать. Обыкновенно же (какъ видно по книжнымъ и журнально-газетнымъ отзывамъ) замѣчается прямо обратное и вслѣдствіе того крайне печальное явленіе.

Приношенія кумиреннымъ ламамъ бываютъ двоякаго рода: или отдѣльнымъ лицамъ за такъ-называемыя „требы" и лѣченіе, или служащему собранію духовныхъ—кирпичнымъ чаемъ и деньгами.

Угощеніе приносится въ храмъ учащеюся молодежью, во время перерыва послѣ долгихъ и громкихъ молитвословій. Оно состоитъ изъ упомянутаго напитка, болѣе или менѣе обильнаго примѣсью молока (смотря по щедрости дающаго), иногда еще изъ масла и пирожковъ. Ламы подставляютъ свои деревянныя чашки разносящимъ сосуды и, отдыхая, молча пьютъ. По окончаніи трапезы, ширетуй провозглашаетъ имя ревнителя, который, если присутствуетъ, то падаетъ ницъ, и за него читаются молитвы. Деньги вносятся въ дацанскую казну и оттуда распредѣляются поровну. Такъ какъ еще Будда училъ, что чѣмъ чаще и чѣмъ въ большемъ количествѣ духовные собираются, тѣмъ лучше,—то міряпамъ, стремящимся подобнымъ образомъ чтить ламъ, очевидно, приходится тратить довольно много. Взносы эти дѣлаются, правда, добровольно, но, повторяясь усердно, должны бы тяжело ложиться на вѣрующихъ и отрезвлять ихъ при чрезмѣрномъ рвеніи. Однако, это нигдѣ среди ламаитовъ не замѣчается Буддисты благоговѣютъ и жертвуютъ святынѣ безъ колебанія—до того вся жизнь проникнута религіозными чувствами и такъ ничтожны кажутся окружающія условія. [1] Умѣренные въ личныхъ потребностяхъ, ламаиты почти расточительны, чуть дѣло коснется сооруженія новыхъ кумиренъ, ремонта старыхъ, покупки предметовъ культа и т. п. Особенно чутки и щедры въ этомъ отношеніи монгольскія племена. Безмолвіе и угрюмость обитаемыхъ ими степей невольно воздѣйствуютъ на мечтательность народа. По образному выраженію знаменитаго монаха Іакинѳа, онѣ похожи на храмъ задумчивости, воздвигнутый самою природой. На граняхъ Тибета мѣстность гористѣе и еще величественнѣе. Забайкалье также отличается дикою красотой. Фантазія инородцевъ очарована таинственною прелестью края, а раздолье и пустынная тишина тѣсно сближаютъ ихъ помыслы съ мистицизмомъ. Знойно-южный колоритъ индійскихъ сказаній, недосягаемая высь догматической премудрости язычества, ключъ отъ сокровеннѣйшаго во вселенной, будто бы хранящійся сю, однозвучность и скромность повседневнаго быта—все словно сговорилось опутать Бурятъ сѣтями ламаизма и преграждать пока успѣхъ христіанской проповѣди.

---

[1] Сами ламы вообще жертвуютъ на устройство храмовъ и снабженіе ихъ необходимымъ столь же ревностно, какъ и міряне, а кромѣ того, при всякихъ важныхъ обстоятельствахъ, приглашаютъ къ себѣ другихъ жрецовъ для отправленія положенныхъ служеній.

Помѣшать инородцамъ, чтобъ они давали, радѣя предъ Буддой и объ очищеніи души, никакая власть не можетъ. Напротивъ, стѣсненіе только озлобляетъ ревнителей и обогащаетъ наиболѣе хитрыхъ жрецовъ, хотя бы ради дружественнаго сношенія послѣднихъ съ мѣстною полиціей. Вмѣсто ослабленія эксплуатаціи, правительство само какъ бы поощряетъ и поддерживаетъ ее ложными мѣропріятіями.

Вопросъ о постепенномъ разореніи нашихъ восточно-сибирскихъ буддистовъ ламами сводится, по моему, къ очень простому рѣшенію. Какія данныя имѣются утверждать, будто обѣднѣніе инородческихъ вѣдомствъ, преданныхъ буддизму, усиливается, тогда какъ у сосѣдняго русскаго населенія и у шаманствующихъ единоплеменниковъ все обстоитъ благополучнѣе, если сравнить и взвѣсить совокупность внѣшнихъ отличительныхъ признаковъ? Ничто на это не указываетъ. Повсюду и тамъ, и тутъ случаются временныя невзгоды, и снова хозяйства поправляются.

По словамъ восточно-сибирской миссіи, не имѣющей свѣдѣній о положеніи ламайской вѣры въ собственномъ Китаѣ и въ Тибетѣ, наши бурятскіе религіозные центры до того будто бы замѣчательны по внѣшности, что внутри Азіи о такомъ богатствѣ и красотѣ даже не помышляютъ, а издалека приходящіе ламы въ себя не приходятъ отъ удивленія при видѣ бурятскихъ храмовъ. Для возстановленія истины, не могу не заявить, что, во-первыхъ, посѣщенныя мною нѣкоторыя ургинскія кумирни по убранству нисколько не уступятъ забайкальскимъ, а скорѣе наоборотъ, вовторыхъ, пекинскіе буддійскіе храмы гораздо роскошнѣе монгольскихъ (боги величественнѣе и лучшей работы, идоловъ видимо-невидимо, на полу *ковры* (!) и т. д. [1]), по отзыву же путешествовавшихъ въ Тибетъ, тамъ еще больше блеска, великолѣпія и драгоцѣнностей. Поэтому считать Бурятъ перворазрядными ревнителями и проводниками ламаизма слишкомъ преувеличено.

---

[1] Изъ этихъ храмовъ наиболѣе замѣчательны: 1) *Юнъ-хо-гунъ* (съ 70-футовымъ кумиромъ Будды, 2) *Бай-та-сы* (съ его мощами), 3) *Чжань-дань-сы* (съ его изображеніемъ изъ сандальнаго дерева, считающимся современнымъ самому учителю, 4) *Хуанъ-сы*, къ сѣверу отъ столицы (съ громаднымъ мраморнымъ памятникомъ въ честь одного сравнительно недавно умершаго буддійскаго іерарха) и т. д.

IV.

Давно пора заняться вопросомъ о внутреннемъ сродствѣ ламства съ народомъ и о томъ, не опасная ли это игра со стороны осуждающихъ буддизмъ на восточно-сибирской окраинѣ, когда они хотятъ вернуть ламъ къ мнимо-первобытной чистотѣ аскетической жизни и разобщенію съ міромъ, совершенно не зная тѣхъ условій, въ которыя была поставлена древняя монашеская община ея основателемъ, и что за связь у нея существовала съ окружающею мѣстностью.

Первые люди, увѣровавшіе въ Будду, были два купца, оставшіеся затѣмъ попрежнему простыми послѣдователями „вѣщаго учителя", не принявшіе никакихъ особыхъ обѣтовъ, только поднесшіе ему пищу и заявившіе: *„ты наше прибѣжище"*. Вотъ доводъ противъ говорящихъ, будто исключительно членамъ секты отшельниковъ подобаетъ именовать себя буддистами. Достигаютъ нирваны не одни монашествующіе, а также и тѣ сравнительно немногочисленные міряне, которые проникались всецѣло буддійскими теоріями. Когда-то всѣхъ, признававшихъ спасительную силу послѣднихъ, величали *архатами* („святыми", собственно „имѣющими право на благочестивые дары и благоговѣніе") или *аріями* (достопочтенными). Это не препятствовало столь совершеннымъ существамъ жить семейно. Буддизмъ всегда съ уваженіемъ относился къ свѣтскому труду и терпѣнію. Самъ *Будда училъ: „между міряниномъ, коего душа достигла искупленія и монахомъ, коего душа свободна отъ всякой скверны, нѣтъ никакой разницы"*. Шакья-муни явился въ міръ, чтобы спасать человѣчество, а не отдѣльныя лица. Аскетамъ говорилось: „живите въ горахъ и лѣсахъ открытыхъ, то-есть *не бѣгите въ полное уединеніе, не забывайте главной задачи—проповѣди"*. Сосредочивая свое вниманіе главнѣйшимъ образомъ на созидаемомъ имъ братствѣ аскетовъ, Будда понималъ, что оно не можетъ оторваться отъ почвы и должно быть отдано на попеченіе народа,—иначе погибнетъ. Вѣрующіе въ „бога учителя" (*бурханъ-бакши*, какъ инородцы величаютъ Шиге муни) и въ проповѣдываемыя имъ истины естественно распались на двѣ категоріи—милостынедавателей (по-санскритски – *данапати*, по-монгольски — *улигэинъ-эцзенъ*) и принимающихъ добровольный даръ. Когда Будда, въ

сопровожденіи сотенъ учениковъ, обходилъ Индію, толпы народа съ повозками тянулись за шествіемъ: люди состоятельные доставляли все нужное (начиная отъ пищи и кончая одеждами, почлежными убѣжищами), нуждающіеся же подбирали остатки трапезъ. Оріенталисты для точнѣйшаго различія прямо даже воспользовались терминами „клиръ“ и „міряне“. Первый составляетъ, такъ-сказать, ядро, вокругъ котораго сгруппированы послѣдніе. Знаменитый миссіонеръ *Спенсъ-Харди*, много лѣтъ изучавшій буддизмъ на Цейлонѣ и оставившій о немъ весьма важныя изслѣдованія, проводитъ сравненіе между строемъ римско-католическимъ и буддійскимъ, отождествляетъ ихъ существеннѣйшія черты. Оба, правда, отрѣшились отъ міра, но тѣмъ не менѣе руководятъ толпой и, при совершеніи обрядовъ, вмѣняютъ ихъ въ заслугу тѣмъ, во имя кого они совершаются. По отношенію къ своей личной жизни члены братства Шакья-муни суть монахи, [1] по отношенію ко всему остальному священнослужители (clerici regulares).

Предписаніе обходить свѣтскія жилища и собирать подаянія, не пренебрегая ничтожнѣйшими, неизбѣжно вынуждало каждаго духовнаго селиться какъ можно ближе къ мірянамъ. Будучи поставленъ въ матеріальную зависимость отъ нихъ, онъ постепенно стремился увеличивать свое значеніе среди народа и убѣждать его, что спасеніе обусловливается не въ малой мѣрѣ нравственными подвигами и молитвами послѣдовательнѣйшихъ учениковъ Будды. Одни, живя (по опредѣленію Пиѳагора) κατὰ φύσι (*согласно съ природой*), ощущаютъ постоянную потребность въ посредничествѣ живущихъ ὑπὲρ φύσιν (*выше природы*); они же, для искупленія чужихъ грѣховъ и предосудительныхъ поступковъ, читаютъ за нихъ священнѣйшіе тексты изъ книгъ, кормятся на средства кающихся или просто склонныхъ благотворить. Все это вполнѣ соотвѣтствуетъ намѣреніямъ „учителя“ обезпечить удѣлъ своего „драгоцѣннаго“ братства аскетовъ: „вотъ ваше поле“, указывалось на нихъ мірянамъ: „сѣйте на немъ избытки ваши— сѣмя не пропадетъ и въ будущихъ перерожденіямъ принесетъ вамъ пользу. *Духовный пусть печется о душѣ свѣтскаго ревнителя, а онъ обязанъ заботиться о тѣлѣ монаха*“. Хотя община Будды и предписывала милостынедателямъ извѣстныя правила

---

[1] Къ сѣверному буддизму это опредѣленіе не вполнѣ примѣнимо, ибо часть ламъ имѣетъ право жениться.

воздержанія и честности, но никогда не слѣдила за исполненіемъ предписаній. Обряды не стѣсняли мірянъ, ложась всею тяжестью лишь на жрецовъ, служащихъ въ кумирнѣ. Кто хотѣлъ соблюдать посты, могъ соблюдать,—и наоборотъ: обязательнаго тутъ не было. Люди дурнаго поведенія (если стояли внѣ братства, но помогали ему) не подвергались преслѣдованію со стороны духовныхъ, ибо буддизмъ не знаетъ ничего, похожаго на наше отлученіе отъ Церкви. Въ уставахъ есть лишь нѣчто аналогичное. Когда по винѣ простаго буддиста священнослужители потерпятъ въ чемъ-нибудь ущербъ, или оскорблены будутъ маловѣрующимъ, или онъ доведетъ ихъ до ссоры, или же, наконецъ, вздумаетъ кощунствовать надъ родною святыней,—община налагаетъ на такого страшнаго грѣшника величайшую кару: не принимаетъ отъ него подаянія, и въ свою очередь не платитъ ему за него назиданіями и моленьями. Тибетцы и Монголы до сихъ поръ на колѣняхъ заклинаютъ ламъ не отказываться отъ приносимаго имъ въ даръ. По словамъ наблюдавшихъ за бытомъ Бурятъ и Калмыковъ, они отлично понимаютъ смыслъ такого обычая. Никто изъ нихъ не заботится о томъ, доставитъ ли лама приношеніе въ дацанъ или утаитъ. Это—дѣло совѣсти.

Шакья-муни совмѣщалъ созерцаніе въ тиши и уединеніи съ ревностнымъ проповѣдничествомъ. Когда имя „учителя" давно уже причислено было къ разряду первыхъ именъ Индіи, когда онъ стоялъ на высотѣ почета и предъ нимъ склонялись цари, Будда продолжалъ ходить отъ дома къ дому по улицамъ городовъ и деревень съ чашей въ рукѣ, съ опущеннымъ взоромъ и въ молчаливомъ ожиданіи, когда ему подадутъ пищу. Выпрашивать ее безусловно воспрещалось. Жилищъ угнетеннаго бѣдностью люда также не дозволено было посѣщать, чтобы не повергать его искушенію дарить послѣднія крохи. Когда въ чашу опускается приношеніе, монахъ долженъ произнести благопожеланіе; если ничего не дадутъ, онъ не имѣетъ права настаивать. Взаимоотношенія между ламами и вѣрующими въ „бога-учителя" вездѣ неразрывно тѣсныя и совершенно непринужденныя.

Ламаизмъ признаетъ существованіе отдѣльныхъ отшельниковъ и замкнувшихся въ своей оградѣ маленькихъ монастырей, но и тѣ не оторваны до такой степени отъ единовѣрцевъ, какъ это желательно съ точки зрѣнія много о томъ писавшей восточно-сибирской миссія. Болѣе строгіе и экзальтированные аскеты Монголо-Бурятами называются *діанчи* (отъ санскритскаго *dhyâna*

глубокое размышленіе), или искаженнѣе *даянчи*, *даянджи* Капуцины, жившіе въ прошломъ вѣкѣ среди Тибетцевъ, подыскали имъ своеобразное опредѣленіе *ascetae contemplatores*. Иные группируются въ небольшія общины, съ верховнымъ ламой-правителемъ, и сообща молятся о благоденствіи всего живущаго. Таковъ, напримѣръ, *хитъ* (слово, соотвѣтствующее нашему „скитъ") въ 8 верстахъ къ сѣверу отъ Урги, гдѣ, удаляясь отъ всякаго треволненія, живетъ 25 монаховъ. Четыре раза въ годъ они пускаютъ къ себѣ народъ и открыто совершаютъ служеніе. Миссіонеръ *Гюкъ* разсказываетъ, что среди горько-соленой водной пустыни Хуху-нора (громаднаго „Синяго озера" между собственнымъ Тибетомъ и Гоби) есть островокъ, на которомъ сооружена кумирня и вокругъ нея домики, вмѣщающіе человѣкъ двадцать діанчи. Лодокъ нѣтъ, такъ что только зимой по льду, при сильнѣйшихъ морозахъ, туда пробираются богомольцы. Но это исключеніе изъ общаго правила. Большинство ламъ смѣшано съ населеніемъ. Строго обособившіяся братства немногочисленны. Даже отдѣльные отшельники и тѣ стараются селиться недалеко отъ жилища мірянъ, поучаютъ иногда посѣщающихъ уединеніе свѣтскихъ ревнителей, или къ нимъ по временамъ сами приходятъ. Обитаютъ діанчи въ кельяхъ на горахъ и внутри оныхъ. У Лхассы надъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ ламайскихъ монастырей Сэромъ, на недосягаемой почти крутизнѣ, живутъ „святѣйшіе" созерцатели. Католическіе миссіонеры, среди ламаитовъ, и нашъ преосвященный Нилъ Иркутскій свидѣтельствуютъ, что буддійскіе аскеты способны на великіе подвиги воли и духа, но отнюдь не подвергаютъ себя изувѣрнымъ самоистязаніямъ факировъ. Задача ламъ-отшельниковъ состоитъ въ томъ, дабы погружаться все глубже и глубже въ тайну сліянія съ невидимымъ высшимъ міромъ, на яву испытывать, будто вокругъ оживаетъ безграничное царство блаженства, звучатъ райскіе звуки, блещутъ неземныя краски, и т. д. Словомъ, душевное состояніе созерцающаго, по нашему, должно разсматриваться какъ патологическое. Зрѣніе и слухъ тутъ просто галлюцинируютъ. Поднявшіеся на подобную высоту монахи считаются побѣдившими въ себѣ зло, начинаютъ походить на Будду, пріобрѣтаютъ, по мнѣнію единовѣрцевъ, способность творить чудеса, что̀ еще усиливаетъ ихъ значеніе въ глазахъ народа.

Въ сравнительно недавнихъ „Извѣстіяхъ Императорскаго Географическаго Общества" Потанинъ упоминаетъ о выдержкѣ ламъ-

созерцателей, питающихся только толокномъ, довольствующихся кускомъ бумажной матеріи для прикрытія наготы и неуклонно спасающихся. Пржевальскій и его спутники при охотахъ встрѣчали въ пустынѣ буддійскихъ аскетовъ. Гюкъ передаетъ о лично ему извѣстныхъ случаяхъ слѣдующее: „иные отшельники замуровываются почти въ скалахъ, не показываются никому въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, изъ келій своихъ спускаютъ лишь, по необходимости, мѣшки на длиннѣйшихъ веревкахъ, чтобы прохожіе и сосѣди накладывали туда что-нибудь съѣстное, но за то, когда срокъ кратковременнаго или продолжительнаго искуса кончится, діанчи соприкасается съ другими смертными, въ качествѣ преображеннаго человѣка сверхъестественнаго порядка, въ качествѣ всепостигающаго, всевѣдущаго прорицателя: безкорыстіе такого ламы доходитъ до того, что онъ положительно каждое получаемое приношеніе отдаетъ неимущимъ". Преосвященный Нилъ Иркутскій также отзывается о стремленіяхъ діанчи съ безпристрастною похвалой: „они спятъ на голой землѣ, камень имѣютъ изголовьемъ, усердно постятся, вообще воздержны, *стараются злѣйшихъ враговъ считать друзьями*, не прерываютъ начатыхъ молитвословій, какая бы опасность не грозила. Съ однимъ знакомымъ забайкальскимъ ламой-аскетомъ (впослѣдствіе священникомъ Даржеевымъ) произошла однажды такая вещь: онъ сидѣлъ, поджавъ ноги, въ созерцающей позѣ „бога-учителя". вдругъ змѣя появилась вблизи, поползла на него. Онъ смутился, но взялъ верхъ надъ собой. Гадина коснулась его колѣна и руки, словно изумилась, ощутивъ теплоту неподвижнаго тѣла, подняла голову съ раскрытою пастью, посмотрѣла на близкую жертву и ушла!" Если у нашихъ ламаитовъ толпа выдѣлитъ побольше подобныхъ энергично-убѣжденныхъ дѣятелей, [1] успѣхъ православія неминуемо встрѣтитъ новыя препоны.

Внутреннее сродство между ламаи и народонаселеніемъ гораздо глубже и прочнѣе, чѣмъ это хотятъ представить. Прежде всего надо сказать, что они, по своему, положительно являются требоисполнителями и обойтись безъ нихъ не можетъ ни одна

[1] Еще въ прошломъ столѣтіи академикъ Палласъ замѣчалъ, что „ламаиды" нашихъ кочевниковъ стараются принимать посвященіе за границей (даже у Далай-ламы).

инородческая семья. Религіозный элементъ вообще царитъ надъ монголо-бурятскою жизнью. Кто въ необходимыхъ обрядахъ видитъ лукавое нововведеніе ламъ, будто бы поддѣлывающихся подъ христіанскія понятія, съ цѣлью обманывать начальство, вѣроятно, не знаетъ, какъ близки другъ другу по духу и строю буддійское міровоззрѣніе за Байкаломъ съ тибетскимъ и даже древне-индійскимъ. Случайнаго и безпочвеннаго тутъ нѣтъ ничего. Наоборотъ, все дышетъ стариной, переноситъ воображеніе къ временамъ самого „бога-учителя". Преосвященный Нилъ Иркутскій въ своей книгѣ о сибирскомъ ламаизмѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что обряды, нужные инородцамъ въ ихъ повседневномъ быту, могутъ быть совершаемы *всегда и вездѣ, только не въ капищахъ.* Начну хоть съ появленія ребенка на свѣтъ.

Предъ родами, около готовящейся стать матерью кладутся священное изображеніе и зажженная предъ нимъ лампада. Душа, скитающаяся отъ перерожденія къ перерожденію, вновь, за содѣянные ею раньше грѣхи, должна вступить въ міръ, Ламаитамъ этотъ страшный и роковой мигъ кажется и великимъ, и торжественнымъ. Любовно вспоминая чтимое ими преданіе о появленіи на свѣтъ Шакья-муни, инородцы окружаютъ родильницу пожеланіями такъ же легко, безболѣзненно и благополучно разрѣшиться отъ бремени, какъ родила „непорочно зачатаго" Будду добродѣтельная „дѣвственница" Майя. (По мнѣнію оріенталистовъ квази-догматъ „о непорочномъ зачатіи Будды Майей" сформировался уже до Рождества Христова, и легенда эта особенно дорога сердцамъ Монголовъ). На порогѣ земной жизни человѣкъ уже бываетъ окруженъ различными злыми силами, толкающими его къ постепенной погибели, то-есть дальнѣйшимъ возрожденіямъ въ существахъ низшаго порядка. Для очищенія и ободренія души, снова вступающей въ міръ, надо прибѣгнуть къ издревле принятому обряду, напоминающему крещеніе. (Сибирскіе миссіонеры ошибочно пишутъ, будто лукавые языческіе жрецы только недавно придумали заимствовать его у христіанъ). Новорожденнаго Будду свѣтлый геній *(тенгрій)* Хормузда омылъ небесною влагой. Ламаиты, поручая это своимъ священнослужителямъ, рады, когда обрядъ совершается важными ламами. Въ теченіе перваго мѣсяца послѣ родовъ (по возможности въ счастливый день) призывается требоисполнитель, который, въ присутствіи только родственниковъ (чужихъ, а тѣмъ болѣе иновѣрцевъ, не желаютъ при этомъ видѣть въ юртѣ), прочитавъ

установленныя молитвы о долголѣтіи и заклинаніи, *трижды* омываетъ ротикъ, правую руку, лицо и голову младенца изъ сосуда, наполненнаго освященною водой-молокомъ (у Калмыковъ водой, разбавляемою солью) и затѣмъ, по своему собственному желанію, нарекаетъ имя. Минута рожденія семьей до мельчайшихъ подробностей точно запоминается, ибо вся будущность ребенка находится астрологически въ зависимости отъ года, мѣсяца, дня и часа вступленія въ жизнь, служитъ къ дальнѣйшимъ опредѣленіямъ, чего ожидать и искать, чего избѣгать и бояться, съ кѣмъ можно связать себя брачными узами и т. д. Прежде при дацанахъ велись метрическія книги, гдѣ записывалось, когда именно кто родился, какъ его назвали, имя ламы, совершавшаго обрядъ и даже тѣхъ, кто при этомъ присутствовалъ.

Каждый мѣсяцъ въ теченіе перваго года со дня омовенія младенца,—омовенія, имѣющаго для Ламаитовъ, помимо его физической пользы, и значеніе религіозно-врачующее— родители стараются зазвать къ себѣ ламу для чтенія надъ новорожденнымъ. Чуть только дѣти начинаютъ ходить, снова нужны благословеніе ламы и произнесеніе особыхъ молитвъ, съ обрѣзаніемъ нѣсколькихъ волосъ. На шею маленькимъ вѣрующимъ надѣвается талисманъ (мѣшечекъ съ различными священными формулами, по-санскритски или тибетски, и соотвѣтствующими изображеніями). [1] Его въ просторѣчіи называютъ „хранителемъ" (*сахъюсу*, сокращенное изъ *сахихулсунъ* отъ монгольскаго *сахиху*, сопутствовать). Ламаизмъ знаетъ не мало такихъ талисмановъ, а поэтому всякій религіозный инородецъ, желая оградить себя противъ всевозможнѣйшихъ напастей, заводитъ у себя цѣлую коллекцію подобныхъ предметовъ и (такъ какъ со временемъ они теряютъ силу) подвергаютъ ихъ вторичному освященію.

Перехожу къ свадебнымъ обрядамъ. Не признавая брака таинствомъ, по нашему, и допуская многоженство, ламы тѣмъ не менѣе строго слѣдятъ, вопервыхъ, затѣмъ, чтобы только близко неродственные другъ другу инородцы соединялись плотскими узами, а вовторыхъ, чтобъ астрологическія примѣты, касающіяся каждаго человѣка, подходили и не были враждебны таковымъ же у лица, съ которыми онъ желаетъ основать новую семью. Иногда неблагопріятность условій считается возможнымъ устранить при

---

[1] Богатые носятъ небольшіе золотые и серебряные складни, въ которые вставляется священное изображеніе.

помощи ламскихъ служеній. Послѣднія (такъ-называемые *гюрюмы*) должны предотвращать безплодіе, смертность дѣтей, рожденіе однѣхъ только дѣвочекъ, главенство женъ надъ мужемъ, болѣзни бѣдность, падежъ скота, и т. п. Во всякомъ случаѣ согласіе и молитвенное напутствованіе жреца необходимы для закрѣпленія браковъ. И женихъ, и невѣста сначала поочередно приглашаютъ ламу или ламъ почитать по книгамъ и помолиться предъ домашнимъ алтаремъ съ кумирами. Присутствующіе при этомъ кладутъ земные поклоны.

Русскія власти уже давно (не позже 1812 года) возбуждали вопросъ о регулированіи инородческихъ браковъ, согласно буддійскимъ постановленіямъ. Поэтому дацаны привыкли считать себя правоуряженными надзирать за этимъ. Разговоръ можетъ совершаться и чаще всего совершается безо всякаго посторонняго вмѣшательства, исключительно по обоюдному согласію мужа и жены. Во всѣхъ спорныхъ случаяхъ, касающихся инородческихъ семейныхъ обычаевъ, начальство пятидесятыхъ годовъ упорно обращалось за разъясненіями къ ламамъ. „Калымъ“ не имѣетъ никакой связи съ вѣроисповѣданіемъ. „Сговорные дары“ почитаются не цѣной невѣсты, а залогомъ договора, и соразмѣряются съ количествомъ приданаго. Женихъ, выплачивая калымъ, доказываетъ, что обладаетъ достаточными средствами, дабы обзавестись отдѣльнымъ хозяйствомъ. Бурятки изъ-за этого вовсе не становятся рабынями, пользуются значительною долей самостоятельности. По словамъ восточно-сибирской миссіи и новокрещенные берутъ дары за дочерей.

Предсмертный часъ въ свою очередь требуетъ присутствія ламы, который бы напутствовалъ душу полезными совѣтами относительно предстоящихъ перерожденій и разъяснялъ, что̀ ее ждетъ непосредственно послѣ разставанія съ тѣломъ. Надъ умирающими читается своего рода „отходная“. Когда человѣкъ испуститъ послѣдній вздохъ, по внѣшнему виду покойника опредѣляютъ, можетъ ли онъ разсчитывать на благополучное перевоплощеніе, зажигаютъ курительныя свѣчи на домашнемъ алтарѣ и начинаютъ молитвословія. Ламъ приглашается нѣсколько, смотря по средствамъ усопшаго. Кончина представляется инородцамъ вдвойнѣ ужасною: вопервыхъ, отъ невѣдѣнія, куда суждено душѣ направиться, а вовторыхъ, отъ увѣренности въ томъ, что мертвецы иногда, ставъ за одно со злыми духами, зловредно вліяютъ на живыхъ. Замолить хоть отчасти чужія прегрѣшенія и оградить

себя — вотъ цѣль остающихся вблизи трупа. Существуетъ четыре коренные способа погребенія, зависящіе отъ того, при какихъ условіяхъ родился человѣкъ съ астрологической точки зрѣнія.

1) Сжиганіе (это—удѣлъ святѣйшихъ, ибо дымъ отъ такого костра не осквернитъ неба: пепелъ и кости ихъ сохраняются, какъ объекты культа).

2) Бросаніе въ воду (иногда просто въ яму, которую сверху поливаютъ).

3) Преданіе землѣ (рѣдко).

4) Увозъ въ степь на возвышенныя мѣста, съ цѣлью оставить хищнымъ птицамъ и звѣрямъ на съѣденье (это считается актомъ милосердія по отношенію къ животнымъ).

Послѣдній обычай наиболѣе распространенъ, и происхожденіе его теряется въ дали вѣковъ. Раньше, чѣмъ разстаться съ покойникомъ, инородцы присутствуютъ при ламскомъ „отпѣваніи". Послѣ этого отъ покойника совершенно отрѣшаются. Только шесты съ развѣвающимися на нихъ, вродѣ знаменъ, начертанными на тканяхъ священными формулами указываютъ, гдѣ оставленъ трупъ. Даже кочевье стараются перемѣстить и только о душѣ продолжаютъ заботиться, дѣлая вклады въ дацаны, заказывая *долдны* (заупокойныя служенія). Усопшіе въ буддійскихъ писаніяхъ называются „сущими черезъ дары".

Для отвращенія различныхъ напастей, для ворожбы (въ случаѣ какихъ-либо пропажъ), для приданія религіознаго характера обычнымъ народнымъ празднествамъ и т. д., ламы также необходимы населенію. Чего только не коснись въ жизни инородцевъ буддистовъ все оказывается органически связаннымъ съ ихъ вѣрой.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Кн. Э. Ухтомскій.

ПРОРОКЪ.

Въ упорной борьбѣ съ суевѣріемъ злымъ
Разбилася сила пророка,
И сталъ онъ въ пустынѣ предъ Богомъ своимъ
Со словомъ тоски и упрека.

„Ревнуя о славѣ Твоей, ревновалъ
„Я долгіе, тяжкіе годы;
„Потерянный трудъ! Торжествуетъ Ваалъ,
„И тонутъ въ неправдѣ народы!

„Вотще ежечасно взывалъ я къ Тебѣ,
„Царей обличая пороки:
„Покинулъ Ты вѣрныхъ въ тяжелой борьбѣ,
„Погибли, избиты пророки!

„Гдѣ прежняя доблесть? Гдѣ вѣра отцовъ?
„Гдѣ строгость святая закона?
„Воздвигнуты идолы чуждыхъ боговъ
„На склонѣ священномъ Сіона!

„Нарушенъ и попранъ Твой древній завѣтъ.
„Святыня поругана храма;
„И вѣрныхъ рабовъ у Тебя уже нѣтъ
„Средь падшихъ сыновъ Авраама!

„Зачѣмъ же, о Боже, свой грозный законъ
„Ты далъ Моисею въ пустынѣ,
„Когда на погибель народъ обреченъ,
„Тобою оставленный нынѣ!“

Пророкъ замолчалъ. Потемнѣло надъ нимъ
Сіянье небесной лазури,
Внезапно повѣяло съ ревомъ глухимъ
Дыханіе грозное бури;

Покрылося все непроглядною тьмой,
И твердь задрожала земная,
И вихорь, клубясь, пролетѣлъ огневой
Отъ края пустыни до края.

И буря умолкла, и свѣтъ просіялъ
На небѣ безоблачномъ снова,
И въ вѣяньѣ тихомъ отвѣтъ прозвучалъ
На скорбное, горькое слово:

„Суровый законъ Моисея любя,
„Ревнуя душой о святынѣ,
„Не видишь ты праведныхъ кромѣ себя
„Исполненъ безумной гордыни.“

Изъ Гейне.

Бывало снились мнѣ объятья милыхъ дѣвъ,
И волны ихъ кудрей, и миртъ благоуханный,
Горячія уста, порой упрекъ нежданный,
И пѣсенъ о любви чарующій напѣвъ.

Теперь разсѣялись младенческіе сны,
Мечту любимую, увы, зову напрасно;
Осталось мнѣ лишь то, что̀ горячо и страстно
Я изливалъ въ стихахъ во дни моей весны.

Ты, пѣсня скорбная, осталась мнѣ; ступай
На поиски тѣхъ грезъ, что отнялъ свѣтъ бездушный,
И если встрѣтишься съ толпою ихъ воздушной,
Сердечный отъ меня привѣтъ имъ передай!

Д. Павловъ.

ПРИЗРАКЪ.

Разсказъ Р. Киплинга.

Одно изъ немногихъ преимуществъ Индіи предъ Англіей, это — легкость, съ которою пріобрѣтается обширное знакомство. За пять лѣтъ службы, каждый прямо или косвенно знакомится съ двумя, тремя стами гражданскихъ чиновниковъ своей провинціи, съ военными собраніями десяти-двѣнадцати полковъ и батарей и приблизительно съ полутора тысячами лицъ не принадлежащимъ къ оффиціальной кастѣ. Черезъ десять лѣтъ знакомство это удваивается, а къ концу двадцати лѣтъ успѣваешь перезнакомиться со всѣми Англичанами въ имперіи или узнать ихъ по слухамъ и можешь повсюду разъѣзжать, не тратясь на гостиницы.

Благодаря всесвѣтнымъ туристамъ, предъявляющимъ свои права на гостепріимство, эта добродѣтель уже на моей памяти нѣсколько ослабѣла, но и теперь еще, если вы принадлежите къ обществу и не считаетесь медвѣдемъ или черною овцой—всѣ дома для васъ открыты и нашъ небольшой мірокъ отнесется къ вамъ очень доброжелательно и съ большою готовностью оказать всякую помощь.

Рикетъ изъ Камарты лѣтъ пятнадцать тому назадъ останавливался у Польдера въ Кумаонѣ. Онъ разсчитывалъ переночевать всего двѣ ночи, но заболѣлъ ревматическою лихорадкой и цѣлыя шесть недѣль нарушалъ обычное теченіе жизни Польдера, мѣшалъ Польдеру работать и чуть не умеръ у Польдера въ спальной. Съ тѣхъ поръ Польдеръ ведетъ себя, какъ будто онъ

обязанъ Рикету вѣчною признательностью и ежегодно посылаетъ ящики подарковъ и игрушекъ маленькимъ Рикетамъ. И вездѣ то же самое. Мужчины, не старающіеся скрывать своего мнѣнія о томъ, что вы несносный оселъ и женщины, распускающія о васъ невозможные слухи и перемывающія косточки вашей женѣ, будутъ всячески заботиться о васъ, если вы заболѣете или съ вами случится крупная непріятность.

Докторъ Гитерли, въ дополненіе къ своей постоянной практикѣ, содержалъ больницу; его друзья называли ее убѣжищемъ для неизлѣчимыхъ, но въ дѣйствительности она была пристанищемъ для утлыхъ ладей попорченныхъ непогодой. А такъ какъ въ Индіи погода часто хмурится и каждому предоставляется свобода трудиться сверхъ силъ, не получая за это никакой благодарности, то по временамъ люди валятся съ ногъ и мысли у нихъ путаются, какъ метафоры въ этой фразѣ.

Гитерли самый милый изо всѣхъ докторовъ на свѣтѣ и неизмѣнно предписываетъ своимъ паціентамъ: „лежать смирно, никуда не рваться и сохранять хладнокровіе“.

Онъ говоритъ, что чрезмѣрная работа убиваетъ больше людей, чѣмъ стоитъ весь нашъ міръ, и утверждаетъ, что Пансэй, года три тому назадъ умершій у насъ на рукахъ, погибъ отъ чрезмѣрной работы. Разумѣется, онъ имѣетъ право высказывать авторитетное мнѣніе и смѣяться надъ моимъ предположеніемъ, что у Пансэя въ головѣ была трещина, чрезъ которую проникла частица темнаго царства и придавила его до смерти. „Пансэй свихнулся“, говоритъ Гитерли, „послѣ возбужденія вызваннаго долговременнымъ отдыхомъ въ домашнемъ отпуску. Велъ ли онъ себя скверно или нѣтъ по отношенію къ мистрисъ Кейтъ-Вессингтонъ, но я убѣжденъ, что его переутомила работа по Катабундскому поселенію; онъ началъ хандрить и отнесся слишкомъ серьезно къ обыкновенной любовной исторіи. Несомнѣнно, что онъ былъ обрученъ съ миссъ Манперингъ и несомнѣнно, что она взяла свое слово назадъ. Тогда онъ схватилъ лихорадку и начались всѣ эти бредни о призракахъ. Переутомленіе вызвало болѣзнь, поддержало ее и убило несчастнаго малаго. Занесите и его на счетъ системы, по которой одинъ человѣкъ обязанъ работать за двухъ съ половиной.“

Я этому не вѣрю. Мнѣ приходилось сиживать у постели Пансэя, когда Гитерли отзывали паціенты, и больной производилъ на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Постоянно, ровнымъ и тихимъ

голосомъ, описывалъ онъ процессію, двигавшуюся мимо его постели. Говорилъ онъ безъ устали, какъ всѣ больные. Когда онъ началъ выздоравливать, я далъ ему мысль описать все происшествіе сначала и до конца, полагая, что чернила могли помочь ему успокоиться. Выучивъ какое-нибудь скверное слово, мальчишки не могутъ успокоиться, пока не напишутъ его мѣломъ на заборѣ. А это тоже литература.

Пока онъ писалъ, лихорадка не прекращалась и усвоенный имъ, громовой журнальный слогъ не успокоилъ его. Черезъ два мѣсяца его отмѣтили здоровымъ и годнымъ къ службѣ, но несмотря на крайнюю необходимость въ его помощи для нуждавшагося въ людяхъ комитета, который долженъ былъ выбраться изъ дефицита, Пансэй предпочелъ умереть, и клялся, что его заѣздила вѣдьма. Предъ смерью я взялъ у него рукопись, и вотъ разсказъ о всемъ дѣлѣ, помѣченный 1885 годомъ:

Докторъ говоритъ, что мнѣ необходимы отдыхъ и перемѣна климата. Ничего невѣроятнаго нѣтъ, что очень скоро я добьюсь и того, и другаго;—добьюсь отдыха, котораго не нарушитъ нарочный въ красномъ мундирѣ, или полуденная пушка; добьюсь перемѣны климата, которой не дастъ мнѣ никакой отправляющійся въ Англію пароходъ. А покамѣстъ я рѣшилъ остаться тамъ, гдѣ нахожусь, и, несмотря на предписанія доктора, хочу посвятить весь міръ въ свою тайну. Вы сами поймете характеръ моей болѣзни и сами обсудите—существовалъ ли когда-либо на этой докучной землѣ человѣкъ, который бы такъ мучился, какъ я.

Говоря теперь, какъ могъ бы говорить преступникъ предъ казнью, я нахожу, что мой разсказъ, какимъ бы дикимъ и невѣроятнымъ онъ ни казался, заслуживаетъ по меньшей мѣрѣ вниманія. Конечно, я и не воображаю себѣ, чтобы когда-либо ему повѣрили. Два мѣсяца тому назадъ я самъ счелъ бы сумашедшимъ или пьянымъ всякаго, кто рѣшился бы разсказать мнѣ что-либо подобное. Два мѣсяца тому назадъ я былъ самымъ счастливымъ человѣкомъ въ Индіи. Теперь отъ Пешавара и до моря нѣтъ никого несчастнѣе меня. Докторъ и я, мы одни это знаемъ. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что у меня мозгъ, пищевареніе и зрѣніе нѣсколько ненормальны и вызываютъ частыя и неотвязныя галлюцинаціи. Галлюцинаціи, какже! Я называю его дуракомъ, но онъ все также ухаживаетъ за мной, съ

тою же неизмѣнною улыбкой, съ тою же кроткою профессіональною заботливостью, съ тѣми же аккуратно подстриженными рыжими усами, и я наконецъ начинаю считать себя неблагодарнымъ, раздражительнымъ инвалидомъ. Но вы сами все это обсудите.

Три года тому назадъ мнѣ выпало счастіе – вѣрнѣе несчастіе— ѣхать на пароходѣ изъ Гревсенда въ Бомбей съ женой одного бомбейскаго офицера, Агнесой Кейтъ-Вессингтонъ; я возвращался изъ продолжительнаго отпуска. Вамъ нѣтъ никакого дѣла до того, что̀ это была за женщина. Будьте довольны, узнавъ, что прежде, чѣмъ путешествіе наше окончилось, мы безумно полюбили другъ друга. Небу извѣстно, что теперь я могу это утверждать безъ малѣйшаго хвастовства. Въ дѣлахъ такого рода всегда одна сторона жертвуетъ, а другая принимаетъ жертву. Съ перваго же дня нашей зловѣщей связи я понялъ, что страсть Агнесы ко мнѣ сильнѣе, болѣе захватывающая и— если можно употребить это выраженіе — чище моей. Понимала ли она это тогда — не знаю, но впослѣдствіи это стало болѣзненно ясно намъ обоимъ.

Пріѣхавъ въ Бомбей весной, мы пошли каждый по своему пути и не встрѣчались два или три мѣсяца, но потомъ данный мнѣ отпускъ и ея любовь привели насъ обоихъ въ Симлу; тамъ мы провели вмѣстѣ весь сезонъ и тамъ моя минутная страсть перегорѣла и съ концомъ года сама пришла къ жалкому концу. Я не пытаюсь оправдываться, не привожу никакихъ извиненій. Мистрисъ Вессингтонъ многимъ для меня пожертвовала и готова была пожертвовать всѣмъ. Изъ собственныхъ моихъ устъ она въ августѣ 1882 года узнала, что надоѣла мнѣ, что въ ея обществѣ я томлюсь, а звука голоса не выношу. Девяносто девяти женщинамъ изо ста и я бы къ тому времени надоѣлъ такъ же, какъ она надоѣла мнѣ, семьдесятъ пять изъ нихъ тотчасъ же отомстили бы, завязавъ дѣятельную и обидную интригу съ другими. Мистрисъ Вессингтонъ была сотою. На нее не произвели ни малѣйшаго дѣйствія ни открыто выраженная мною антипатія, ни рѣзкости, которыми я сопровождалъ наши свиданія.

„Джэкъ, любовь моя!“ у ней, какъ у кукушки, было всегда одно и то же вѣчное восклицаніе,—„я увѣрена, что это недоразумѣніе, ужасное недоразумѣніе и когда-нибудь мы опять будемъ друзьями. *Пожалуста*, простите меня... Джэкъ, дорогой мой!“

Виноватымъ былъ я, и сознавалъ это. Такое сознаніе превратило мою жалость въ пассивную выносливость, а по временамъ

являлась слѣпая ненависть, въ силу того же инстинкта, который заставляетъ васъ въ дикомъ порывѣ наступить ногой на полураздавленнаго паука. И съ этою ненавистью въ груди, я дотянулъ до конца сезонъ 1882 года.

На слѣдующій годъ мы опять встрѣтились въ Симлѣ, она—съ тѣмъ же монотоннымъ выраженіемъ лица и нерѣшительными попытками къ примиренію, а я—ненавидя ее каждою фиброй своего существа. Случалось, что я не могъ избѣжать встрѣчи съ ней наединѣ и каждый разъ слова ея были буквально все тѣ же: тотъ же безразсудный стонъ о томъ, что это „недоразумѣніе" и надежда, что мы еще „будемъ друзьями". Еслибъ я смотрѣлъ на нее, то увидѣлъ бы, что только благодаря этой надеждѣ она еще живетъ. Съ каждымъ мѣсяцемъ она все худѣла и блѣднѣла. Вы, конечно, согласитесь со мной что это могло кого угодно довести до отчаянія. Въ этомъ было что-то непрошенное, дѣтское, не женственное. Я утверждаю, что она заслуживала порицанія. А съ другой стороны иногда, во время мрачныхъ, лихорадочныхъ ночныхъ часовъ, я начинаю думать, что и я бы могъ быть съ нею добрѣе. Но вотъ это ужь дѣйствительно иллюзія. Не могъ же я притворяться любящимъ, если не любилъ ея; возможно ли это? И такое притворство было бы неблагородно по отношенію къ намъ обоимъ.

Въ прошломъ году мы опять встрѣтились при тѣхъ же условіяхъ. То же надоѣдливое упрашиваніе и тѣ же рѣзкіе отвѣты съ моей стороны. По крайней мѣрѣ она могла видѣть какъ ошибочны и безнадежны были ея попытки возобновить прежнія отношенія. Въ продолженіе этого сезона мы встрѣчались рѣже, то-есть ей стало труднѣе отыскивать меня, потому что у меня были другіе и болѣе поглощающіе интересы. Когда, въ своей комнатѣ, гдѣ я лежу больной, я спокойно обдумываю все это, сезонъ 1884 года представляется мнѣ неяснымъ кошмаромъ, въ которомъ фантастически перепутываются свѣтъ и тѣни—мое ухаживаніе за маленькою Китти Маннерингъ; мои надежды, сомнѣнія и страхи; наши дальнія поѣздки верхомъ; мое трепетное признаніе, ея отвѣтъ: а по временамъ это блѣдное лицо, скользящее мимо въ *рикшау*—ручной коляскѣ, которую везли слуги въ бѣлыхъ съ чернымъ ливреяхъ—лицо, которое я когда-то страстно искалъ, и при встрѣчахъ наединѣ ея надоѣдливыя, однообразныя мольбы. Я любилъ Китти Маннерингъ, любилъ ее честно и сердечно и съ этою любовью росла моя ненависть къ Агнесѣ.

Въ августѣ мы съ Китти дали другъ другу слово. На слѣдующій день, на поворотѣ, за Джако, я встрѣтилъ этихъ проклятыхъ *джампаніевъ* разряженныхъ сороками и какое-то мимолетное чувство жалости заставило меня остановиться, чтобы все разсказать мистрисъ Вессингтонъ. Она уже знала объ этомъ.

— Я слышала, дорогой Джэкъ, что вы сдѣлали предложеніе. И затѣмъ, послѣ минутнаго молчанія: — я увѣрена, что это недоразумѣніе, ужасное недоразумѣніе. Когда-нибудь, Джэкъ, мы опять будемъ еще лучшими друзьями, чѣмъ прежде.

Мой отвѣтъ заставилъ бы содрогнуться даже мужчину. Эту умирающую женщину онъ поразилъ, словно ударомъ хлыста. „Пожалуста, простите меня, Джэкъ; я не хотѣла разсердить васъ; но это правда, правда!“

И мистрисъ Вессингтонъ совершенно упала духомъ; я повернулъ лошадь, предоставивъ ей мирно оканчивать прогулку, а самъ — правда, всего на одну, двѣ минуты—почувствовалъ себя невыразимо скверно. Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ, что коляска ея повернула въ мою сторону, какъ я полагаю, съ цѣлью догнать меня.

Вся сцена, во всѣхъ подробностяхъ врѣзалась мнѣ въ память. Небо покрытое сѣрыми тучами (стоялъ конецъ дождливаго сезона), мшистыя, темныя сосны, грязная дорога и черныя скалы служили мрачнымъ фономъ, на которомъ ясно выдѣлялись черныя съ бѣлымъ ливреи *джампаніевъ*, желтая коляска и склоненная золотистая головка мистрисъ Вессингтонъ. Лѣвою рукой она держала платокъ и утомленно откинулась на подушки. Я повернулъ на боковую тропинку близь резервуара Санджоули и въ полномъ смыслѣ слова обратился въ бѣгство. Разъ мнѣ показалось, что я услышалъ слабый призывъ: „Джэкъ!“ Это могло быть и воображеніемъ. Я не останавливался, чтобы провѣрить себя. Десять минутъ спустя я встрѣтилъ Китти верхомъ и наслаждаясь долгою поѣздкой съ нею, забылъ предшествовавшее свиданіе.

Черезъ недѣлю мистрисъ Вессингтонъ умерла и невыразимый гнетъ ея существованія исчезъ изъ моей жизни. Совершенно счастливый я покинулъ горы. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ я совершенно забылъ ее; по временамъ, только случайныя находки ея старыхъ писемъ непріятно напоминали мнѣ о нашихъ бывшихъ отношеніяхъ. Къ январю, въ своихъ разбросанныхъ вещахъ я собралъ все, что̀ оставалось отъ нашей

не [illegible] ки и сжегъ эти остатки. Въ началѣ апрѣля текущаго 1885 года я еще разъ очутился въ полу-пустынной Симлѣ, и весь ушелъ въ влюбленныя бесѣды и прогулки съ Китти. Рѣшено было, что мы обвѣнчаемся въ концѣ іюня. Изъ этого вы поймете, что любя Китти, какъ я ее любилъ, я не преувеличивалъ, говоря, что въ это время я былъ самымъ счастливымъ человѣкомъ въ Индіи.

Прошло четырнадцать восхительныхъ дней, и я не замѣтилъ, какъ они промелькнули. Затѣмъ, догадавшись, какъ слѣдуетъ поступать двумъ смертнымъ при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились, я указалъ Китти, что обручальное кольцо должно быть видимымъ знакомъ ея достоинства, какъ невѣсты и что она должна поѣхать съ мной къ Гамильтону въ магазинъ и снять мѣрку для кольца. До этого времени, даю вамъ слово, мы совершенно упустили изъ виду такое ничтожное дѣло. Къ Гамильтону мы и отправились 15 апрѣля 1885 года. Не забудьте, какъ бы ни опровергалъ этого докторъ,—что въ то время я былъ совершенно здоровъ, разумъ у меня былъ вполнѣ нормальный, а душевно я былъ *абсолютно* покоенъ. Въ магазинъ къ Гамильтону мы вошли вмѣстѣ съ Китти, и тамъ, не обращая ни на кого вниманія, я въ присутствіи улыбавшагося прикащика снялъ мѣрку для кольца Китти. Кольцо было заказано съ сапфиромъ и двумя бриллiантами. Потомъ мы поѣхали по спуску къ Комбермерскому мосту и къ ресторану Пелити.

Въ то время, какъ моя лошадь осторожно ступала по катившимся камнямъ, а Китти, смѣясь и болтая, ѣхала рядомъ со мной и вся Симла, то-есть всѣ пріѣхавшіе къ этому времени въ горы, сидѣли или у стола въ читальной, или на верандѣ у Пелити,—мнѣ вдругъ послышалось, что издали меня кто-то позвалъ по имени. Меня поразило, что гдѣ-то прежде я слыхалъ этотъ голосъ. На короткомъ разстояніи между Гамильтоновскимъ магазиномъ и первою доской Комбермерскаго моста, я перебралъ въ памяти полдюжину людей, которые могли бы меня позвать и, наконецъ, рѣшилъ, что у меня вѣроятно просто звенѣло въ ушахъ. Какъ разъ напротивъ ресторана Пелити мой взглядъ остановился на четырехъ *джампаніяхъ* въ „сорочьей“ ливреѣ, тянувшихъ за собой желтую, дешевую базарную *рикшау*. Въ то же мгновеніе меня охватили воспоминанія о прошломъ сезонѣ и о мистрисъ Вессингтонъ, и возбудили во мнѣ отвращеніе и озлобленіе. Развѣ недовольно, что эта женщина умерла и что

съ нею все кончено, а надо еще, чтобъ опять появились ея слуги въ черныхъ съ бѣлымъ ливреяхъ и испортили мнѣ этотъ счастливый день? Гдѣ бы они теперь ни служили, но я отправлюсь туда и попрошу какъ личное одолженіе, чтобы перемѣнили ливрею ея *джампаніевъ*. Я готовъ самъ нанять этихъ людей и, если нужно, купить ихъ платье. Здѣсь невозможно объяснить, сколько непріятныхъ воспоминаній вызвало ихъ появленіе.

— Китти, крикнулъ я,—вонъ опять появились *джампаніи* бѣдной мистрисъ Вессингтонъ! У кого могутъ они теперь служить?

Китти знала немного мистрисъ Вессингтонъ по прошлому сезону и всегда интересовалась этою болѣзненною женщиной.

— Что̀? Гдѣ? спросила она.—Я нигдѣ ихъ не вижу.

Пока она говорила, ея лошадь свернула, обходя навьюченнаго мула, и бросилась прямо на встрѣчу приближающейся коляскѣ. У меня еле хватило времени предостеречь ее, какъ къ моему невыразимому ужасу, лошадь и наѣздница промчались *сквозь* экипажъ и людей, словно они были сотканы изъ воздуха.

— Что̀ случилось? спросила Китти,—отчего вы такъ дико вскрикнули, Джэкъ, и зачѣмъ позвали меня? Хотя я и обручена съ вами, но не требую, чтобы весь свѣтъ зналъ объ этомъ. Между верандой и муломъ мѣста было достаточно, а если вы думаете, что я не умѣю ѣздить, такъ вотъ, смотрите!..

Вслѣдъ за тѣмъ, упрямая Китти, гордо закинувъ изящную головку, пустила лошадь галопомъ по направленію къ музыкальной эстрадѣ, въ полной увѣренности, что я послѣдую за ней. Но что̀ же случилось? Ничего особеннаго. Или я сошелъ съ ума, или былъ пьянъ, или Симлой завладѣлъ дьяволъ. Я удержалъ своего нетерпѣливаго жеребца и обернулся. Коляска тоже повернула и стояла теперь какъ разъ противъ меня у лѣвыхъ перилъ Комбермерскаго моста.

— Джэкъ! Джэкъ, любовь моя!—ошибки въ словахъ на этотъ разъ быть не могло; они прозвенѣли у меня въ мозгу, словно крикнули ихъ мнѣ надъ самымъ ухомъ.—Это какое-нибудь несчастное недоразумѣніе, я увѣрена. *Пожалуста,* простите меня, Джэкъ, и будемте опять друзьями.

Верхъ у коляски былъ опущенъ и тамъ—такъ же вѣрно, какъ то, что я ежедневно молю о смерти, которой еженощно стра-

шусь, — сидѣла мистрисъ Вессингтонъ, съ платкомъ въ рукѣ и склонивъ золотистую головку на грудь.

Не знаю, долго ли я смотрѣлъ на нее, не двигаясь съ мѣста. Наконецъ оцѣпенѣніе это было нарушено моимъ *сенсомъ*, который схватилъ мою лошадь подъ уздцы, спрашивая, не боленъ ли я. Отъ ужаснаго до обыденнаго всего одинъ шагъ. Я спрыгнулъ съ лошади и, почти ничего не сознавая, вбѣжалъ къ Пелити, гдѣ спросилъ себѣ стаканъ вина. Тамъ, за кофеемъ, сидѣли двѣ, три группы, обсуждая послѣднія новости. Эта простая картина подѣйствовала на меня успокоительнѣе, чѣмъ могли бы подѣйствовать утѣшенія религіи. Я сразу вмѣшался въ разговоръ, болталъ, смѣялся и шутилъ, а лицо у меня (какъ я увидѣлъ въ зеркалѣ) побѣлѣло и вытянулось, какъ у мертвеца. Нѣсколько человѣкъ замѣтили мое состояніе и, подумавъ очевидно, что я хватилъ лишнее, пытались изъ жалости увести меня. Но я отказался. Какъ ребенокъ, испугавшійся въ темнотѣ, врывается въ столовую во время параднаго обѣда, такъ и я нуждался въ обществѣ себѣ подобныхъ. Должно-быть въ разговорахъ прошло минутъ десять—хотя мнѣ онѣ показались вѣчностью,—когда снаружи донесся звонкій голосъ Китти, которая разспрашивала обо мнѣ. Вслѣдъ затѣмъ она вошла въ ресторанъ, приготовившись разбранить меня, какъ слѣдуетъ, за такое нарушеніе моихъ обязанностей, но выраженіе моего лица остановило ее.

— Джэкъ! спросила она,—что съ вами сдѣлалось? что случилось? Вы заболѣли?—Это вынуждало меня солгать и я сказалъ, что на солнцѣ было слишкомъ жарко. Но было уже около пяти часовъ вечера, небо заволакивали облака и солнце не показывалось цѣлый день. Я сейчасъ же замѣтилъ свою ошибку, какъ только слова эти сорвались у меня съ языка, началъ безпомощно путаться и—сопровождаемый улыбками пріятелей—вышелъ вслѣдъ за разгнѣванною Китти. Извинившись (подъ какимъ предлогомъ не помню) и сказавъ, что я чувствую себя нехорошо, я вернулся въ свою гостиницу, предоставивъ Китти доканчивать прогулку въ одиночествѣ.

Дома я сѣлъ и попробовалъ спокойно обсудить все дѣло. Меня — Теобальда Джэка Пансэя, образованнаго бенгальскаго чиновника, въ 1885 году нашей эры, находящагося, повидимому, въ полномъ умѣ, навѣрное здороваго — привело въ ужасъ и отвлекло отъ моей невѣсты появленіе женщины, умершей и погребенной восемь мѣсяцевъ тому назадъ. Это все факты,

и увернуться отъ нихъ невозможно. Когда мы съ Китти вышли изъ магазина Гамильтона, у меня и въ мысляхъ не было ни малѣйшаго воспоминанія о мистрисъ Вессингтонъ. Ничего не могло быть болѣе обыкновеннаго, чѣмъ стѣна противъ ресторана Пелити. Стоялъ бѣлый день. Дорога была полна народа, и—несмотря на все это, вопреки всѣмъ законамъ вѣроятности, въ поруганіе всего строя природы—тутъ-то и явилось мнѣ лицо изъ-за могилы.

Лошадь Китти прошла *сквозь* коляску, такъ что пропала и мелькнувшая было надежда на то, что какая-нибудь женщина, поразительно похожая на мистрисъ Вессингтонъ, наняла экипажъ и куліевъ въ старыхъ ливреяхъ. Снова и снова блуждали мои мысли въ этомъ заколдованномъ кругѣ, снова и снова приходилъ я въ отчаяніе, ничего не придумавъ. Голосъ былъ такъ же необъяснимъ, какъ и видѣніе. По временамъ являлось дикое побужденіе открыться во всемъ Китти, упросить ее сейчасъ же выйти за меня замужъ и въ ея объятіяхъ бросить вызовъ призраку, сидѣвшему въ коляскѣ. Кромѣ того, разсуждалъ я, одного появленія коляски самого по себѣ уже достаточно, чтобы доказать, что это иллюзія. Можно видѣть призраки мужчинъ и женщинъ, но не бываетъ же привидѣній куліевъ и экипажей. Это какой-то абсурдъ!

На слѣдующее утро я послалъ Китти покаянную записку, умоляя не обращать вниманія на странности моего поведенія наканунѣ. Божество мое все еще гнѣвалось и потребовались личныя извиненія. Съ легкостью рѣчи, вызванною ночными размышленіями о предстоявшей лжи, я объяснилъ, что во всемъ виноватъ внезапный припадокъ сердцебіенія, вызванный несвареніемъ желудка. Это чисто-практическое объясненіе оказало надлежащее дѣйствіе, и вечеромъ мы опять поѣхали съ Китти кататься верхомъ, но между нами стояла уже тѣнь первой моей лжи.

Китти настаивала на томъ, чтобъ ѣхать кругомъ Джако. Нервно настроенный еще съ прошлой ночи, я протестовалъ, предлагая ей ѣхать на обсерваторію, въ Джутогъ, по Буалогонжской дорогѣ,—куда угодно, только не кругомъ Джако. Китти сердилась и казалась слегка обиженною, такъ что я уступилъ, боясь дальнѣйшихъ недоразумѣній, и мы направились по дорогѣ въ Чота-Симлу.

Бо́льшую часть пути мы проѣхали шагомъ, а затѣмъ, по

нашему обыкновенію, проскакали около мили отъ монастыря внизъ по ровной дорогѣ къ Санджоулійскому резервуару. Мнѣ казалось, что несчастныя лошади летѣли, а сердце билось все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ приближенія къ подъему. Весь вечеръ мои мысли занимала мистрисъ Вессингтонъ, а вся эта дорога вокругъ Джако напоминала о ней, о нашихъ прогулкахъ и разговорахъ. Объ этомъ громко шумѣли сосны надъ нами; дождевые потоки журчали, смѣясь надъ этою постыдною исторіей, а вѣтеръ надрывался, распѣвая у меня надъ ухомъ о нашемъ грѣхѣ.

Въ довершеніе всего, посрединѣ ровнаго мѣста, которое называютъ Дамскою Милей, тотъ же ужасъ ожидалъ меня. Другой коляски въ виду не было, только черные съ бѣлымъ *джампаніи*, желтый экипажъ и золотистая головка сидѣвшей въ немъ женщины... Повидимому, всѣ они находились въ томъ же положеніи, какъ я оставилъ ихъ восемь съ половиною мѣсяцевъ тому назадъ! Одно мгновеніе я подумалъ, что Китти *должна* видѣть то, что̀ я вижу,—мы такъ поразительно симпатизировали другъ другу во всемъ. Но ея слова тотчасъ же разубѣдили меня: „Ни души не видать! Ѣдемъ, Джэкъ, на перегонки до резервуара!“ Ея маленькая лошадка полетѣла, какъ птица, моя слѣдовала за ней, не отставая и въ такомъ порядкѣ мы промчались подъ нависшими скалами. Черезъ полминуты мы очутились въ пятидесяти ярдахъ отъ коляски. Я подтянулъ поводья и немного отсталъ. Коляска стояла на самой срединѣ дороги и еще разъ Китти проѣхала *сквозь* нея, а затѣмъ то же сдѣлала и моя лошадь. „Джэкъ! дорогой Джэкъ! *пожалуста*, простите меня“, простонало у меня въ ушахъ, и затѣмъ черезъ нѣкоторый промежутокъ:— „Все это недоразумѣніе, несчастное недоразумѣніе!“

Я шпорилъ лошадь, какъ бѣшеный. Когда я обернулся въ сторону резервуара, черные съ бѣлымъ ливреи все еще ждали, ждали терпѣливо, подъ сѣроватымъ навѣсомъ горы, а вѣтеръ принесъ насмѣшливое эхо только-что услышанныхъ мною словъ. На обратномъ пути Китти страшно возмущалась моимъ молчаніемъ. До тѣхъ поръ я говорилъ много и безостановочно. Но потомъ,—клянусь жизнью,—я бы не могъ говорить спокойно, и благоразумно молчалъ все время.

Я долженъ былъ въ этотъ вечеръ обѣдать у Маннерингов и у меня какъ разъ только хватало времени, чтобы заѣхать домой переодѣться.

По дорогѣ къ Элисейской горѣ, я въ сумеркахъ услышалъ разговоръ двухъ прохожихъ. „Странное дѣло“, говорилъ одинъ изъ нихъ, „какъ исчезли малѣйшіе слѣды ея. Вы знаете моя жена до безумія любила эту женщину (самъ я никогда въ ней ничего особеннаго не видѣлъ), и просила меня разыскать старую коляску и куліевъ, если только можно было добыть ихъ за деньги. Я считаю это довольно мрачною фантазіей, но мнѣ приходится исполнять приказанія мой *Мемсахибъ*. И вообразите, тотъ человѣкъ, у котораго она нанимала ее, разсказалъ мнѣ, что всѣ четверо куліевъ — они были братьями, умерли бѣдные отъ холеры на пути въ Хардваръ, а *рикшау* онъ самъ разломалъ. Говоритъ, что никогда не пускаетъ въ дѣло колясокъ послѣ умершихъ *Мемсахибъ*. Будто бы это приноситъ несчастіе. Странныя понятія, не правда ли? Возможно ли подумать, чтобы бѣдная маленькая мистрисъ Вессингтонъ могла приносить несчастіе кому-либо кромѣ самой себя!“ Тутъ я громко разсмѣялся и самъ содрогнулся отъ этого смѣха. Такъ могли сталобыть являться призраки колясокъ, и на томъ свѣтѣ нужна была та же прислуга! Сколько же платила мистрисъ Вессингтонъ своимъ людямъ? Въ какіе часы и куда они отправлялись?

Въ отвѣтъ на свой послѣдній вопросъ, я увидѣлъ это ужасное видѣніе; въ вечернемъ полусвѣтѣ оно заграждало мнѣ дорогу. Мертвые быстро двигаются и по путямъ неизвѣстнымъ обыкновеннымъ куліямъ. Я еще разъ громко разсмѣялся, но сразу оборвалъ свой смѣхъ, испугавшись, что схожу съ ума. Вѣроятно я до нѣкоторой степени и былъ безумнымъ, потому что помню какъ подъѣхалъ къ коляскѣ и вѣжливо пожелалъ мистрисъ Вессингтонъ „добраго вечера“. Ея отвѣтъ былъ мнѣ слишкомъ хорошо извѣстенъ. Я выслушалъ его до конца и возразилъ, что я все это уже слышалъ прежде, но былъ бы очень радъ узнать, что̀ ей еще нужно мнѣ сказать. Какой-нибудь злой духъ, должно-быть, вселился въ меня въ этотъ вечеръ, потому что я смутно вспоминаю, будто цѣлыя пять минутъ бесѣдовалъ о новостяхъ дня съ тѣмъ, что̀ стояло предо мной.

— Бѣдный малый, спятилъ или пьянъ. Максъ, попробуемъ доставить его домой.

Этотъ голосъ навѣрное уже *не* былъ голосомъ мистрисъ Вессингтонъ! Бесѣдующіе прохожіе услышали, какъ я разговариваю съ воздухомъ и вернулись. Они были очень добры и

внимательны и изъ словъ я понялъ, что они меня приняли за пьянаго. Смутившись, я поблагодарилъ ихъ, поѣхалъ въ гостиницу, гдѣ переодѣлся и явился къ Маннерингамъ, опоздавъ на десять минутъ. Я извинился темнотой ночи, получилъ замѣчаніе отъ Китти за неаккуратность, несвойственную влюбленнымъ, и сѣлъ за столъ.

Разговоръ былъ общій и подъ шумъ его я влюбленно болталъ съ моею невѣстой, когда услышалъ, что на другомъ концѣ стола одинъ изъ гостей, человѣкъ небольшаго роста, съ рыжими усами, описывалъ съ различными украшеніями свою встрѣчу въ тотъ вечеръ съ какимъ-то сумасшедшимъ.

Изъ нѣсколькихъ словъ его я убѣдился, что рѣчь шла объ инцидентѣ, случившемся полчаса тому назадъ. На половинѣ разсказа, онъ оглянулъ слушателей, ожидая одобреній, какъ дѣлаютъ профессіональные разскащики, встрѣтился со мной глазами и сразу оборвалъ рѣчь. Послѣдовало неловкое молчаніе и человѣкъ съ рыжими усами пробормоталъ нѣсколько извиненій, говоря, что онъ „забылъ остальное", пожертвовавъ такимъ образомъ своею репутаціей разскащика, упроченною имъ за шесть минувшихъ сезоновъ. Отъ всего сердца благословилъ я его и принялся за рыбу.

Обѣдъ окончился и я съ искреннимъ сожалѣніемъ разстался съ Китти, будучи увѣренъ,—какъ въ своемъ собственномъ существованіи,—что *Оно* ждетъ меня у дверей. Человѣкъ съ рыжими усами, съ которымъ меня познакомили, оказался докторомъ Гитерли изъ Симлы и пожелалъ сопровождать меня до мѣста, гдѣ расходились наши дороги. Я съ благодарностью принялъ его предложеніе.

Предчувствіе меня не обмануло. *Оно* ожидало меня на улицѣ и даже съ зажженнымъ фонаремъ на передкѣ, что̀ казалось дьявольскою насмѣшкой надъ нашими обычаями. Человѣкъ съ рыжими усами тотчасъ же приступилъ къ дѣлу, доказавъ, что онъ не переставалъ думать объ этомъ во все время обѣда.

— Послушайте Пансэй, что̀ за чертовщина приключилась съ вами нынче вечеромъ на Элисейской дорогѣ? Неожиданность вопроса вызвала у меня отвѣтъ прежде, чѣмъ я могъ удержаться.

— Это! сказалъ я, указавъ мѣсто, гдѣ стояло *Оно*.

— *Это* бываетъ или отъ вина, или отъ глазъ, насколько я знаю. А вы не пьете; я замѣтилъ это за обѣдомъ; значитъ вино

тутъ не причемъ. Тамъ, куда вы указываете, пустое мѣсто, а между тѣмъ вы дрожите отъ страха, какъ испуганная лошадь. Отсюда я заключаю, что виноваты глаза. А я, кажется, въ глазахъ кое-что понимаю. Поѣдемте ко мнѣ домой. Я живу на Нижней Блессингтонской дорогѣ.

Къ невыразимому моему удовольствію, коляска, вмѣсто того, чтобъ ожидать насъ, держалась шаговъ на двадцать впереди и разстояніе между нами оставалось неизмѣннымъ, ѣхали ли мы шагомъ, рысью или галопомъ. Во время этой долгой ночной поѣздки я разсказалъ своему спутнику почти все то, что̀ описано здѣсь.

— Хотя вы и испортили одинъ изъ моихъ лучшихъ разсказовъ, сказалъ онъ, — но я прощаю васъ ради того, что̀ вамъ пришлось испытать. Теперь поѣдемте домой и дѣлайте то, что̀ я вамъ скажу, а когда я вылѣчу васъ, молодой человѣкъ, пусть это послужитъ вамъ урокомъ держаться до самой смерти подальше отъ женщинъ и неудобоваримой пищи.

Коляска все также двигалась впереди насъ и моему пріятелю съ рыжими усами доставляли, повидимому, большое удовольствіе мои сообщенія о томъ, гдѣ она находится.

— Глаза, Пансэй, все въ глазахъ, въ мозгу и въ желудкѣ. И величайшій изъ этихъ троихъ — желудокъ. У васъ слишкомъ много возбужденнаго мозга, слишкомъ малъ желудокъ и совершенно больные глаза. Держите въ порядкѣ желудокъ и все остальное уладится. А все это пустяки, надо принимать только пилюли отъ разстройства печени. Съ этого времени я беру васъ подъ свою медицинскую опеку! Вы слишкомъ интересный феноменъ, чтобъ оставить васъ безъ вниманія.

Въ это время мы уже вступили подъ тѣнь Нижней Блессингтонской дороги, а коляска остановилась подъ нависшею, поросшею соснами горой изъ сланцеватой глины. Я тоже инстинктивно остановился и объяснилъ причину. У Гитерли вырвалось проклятіе.

— Если вы думаете, что я проведу ночь на холоду, въ горахъ, изъ-за иллюзіи, созданной вашимъ желудкомъ, *плюсъ* мозгомъ, *плюсъ* глазами... Господи, помилуй! Что̀ это?!..

Раздался гулъ, предъ нами поднялось ослѣпительное облако пыли, послышался шумъ и трескъ ломавшихся вѣтвей и съ обрыва сползъ внизъ слой глины съ соснами и кустарниками, и буквально завалилъ дорогу. Вырванныя съ корнемъ деревья,

содрагаясь и раскачиваясь во мракѣ, какъ опьянѣвшіе великаны, валились сверху съ оглушительнымъ трескомъ. Обѣ наши лошади остановились, какъ вкопанныя и дрожали отъ страха. Какъ только прекратился шумъ падавшей земли и катившихся камней, мой спутникъ пробормоталъ:

— Еслибы мы продолжали путь, обвалъ завалилъ бы насъ и лежали бы мы теперь футахъ въ десяти подъ землей. „Есть многое на свѣтѣ, другъ Гораціо"... Поѣдемте домой, Пансэй, и благодарите Бога. Необходимо выпить стаканъ вина.

Мы вернулись назадъ къ Церковному мосту и вскорѣ послѣ полуночи достигли дома доктора Гитерли. Лѣченіе мое онъ началъ почти тотчасъ и цѣлую недѣлю не отходилъ отъ меня. Много разъ въ теченіе этой недѣли благословлялъ я судьбу, которая свела меня съ лучшимъ и добрѣйшимъ докторомъ во всей Симлѣ. Съ каждымъ днемъ облегчалось мое душевное состояніе и настроеніе становилось ровнѣе. Съ каждымъ днемъ также склонялся я все больше и больше къ теоріи доктора Гитерли о „спектральной иллюзіи", въ которой виновными оказывались и глаза и мозгъ, и желудокъ. Я написалъ Китти, сообщивъ, что легкій вывихъ, вслѣдствіе паденія съ лошади, помѣшаетъ мнѣ нѣсколько дней выходить изъ дома и что я поправлюсь раньше, чѣмъ она успѣетъ пожалѣть о моемъ отсутствіи.

Лѣченіе доктора Гитерли было необыкновенно просто. Оно заключалось въ пилюляхъ отъ разстройства печени, въ холодныхъ ваннахъ и усиленномъ движеніи, которымъ я пользовался раннимъ утромъ или въ сумеркахъ, потому что—какъ благоразумно говорилъ докторъ—„человѣкъ съ вывихнутою ногой не можетъ ходить по двѣнадцати миль въ день, и ваша барышня могла бы удивиться, еслибъ увидала васъ".

Къ концу недѣли, послѣ многократныхъ изслѣдованій зрачковъ и пульса и точныхъ предписаній насчетъ діэты и прогулокъ, Гитерли отпустилъ меня такъ же неожиданно, какъ взялся за мое лѣченіе. Вотъ его прощальное благословеніе: „Я удостовѣряю, что мозгъ вашъ выздоровѣлъ, а это равняется почти полному излѣченію вашихъ тѣлесныхъ недуговъ. Теперь какъ можно скорѣе перевозите отсюда свои вещи и ступайте объясняться въ любви съ миссъ Китти."

Я попытался выразить свою благодарность за его доброту. Онъ прервалъ меня:

— Не думайте, что я это сдѣлалъ потому, что вы мнѣ полю-

бились. Мнѣ кажется, что во всемъ этомъ дѣлѣ вы вели себя довольно скверно. Но что̀ бы ни было, а все-таки вы феноменъ и такой же странный феноменъ, какъ странно ваше поведеніе. Нѣтъ! остановилъ онъ меня еще разъ,—ни одной рупіи! Отправляйтесь и посмотрите явится ли вамъ опять созданіе вашего мозга, желудка и глазъ. Я готовъ вамъ платить сколько угодно рупій за каждое его появленіе.

Черезъ полчаса я сидѣлъ въ гостиной у Маннерингов, рядомъ съ Китти, охмѣлѣвъ отъ счастія и сознанія, что *Оно* никогда больше не потревожитъ меня своимъ ужаснымъ появленіемъ. Сильный этимъ сознаніемъ своей, только-что пріобрѣтенной, безопасности, я предложилъ сейчасъ же ѣхать кататься верхомъ, и именно вокругъ Джако.

Никогда еще я не чувствовалъ себя такъ хорошо, никогда еще не былъ я такъ полонъ жизни, чисто животной силы, какъ въ этотъ вечеръ 30 апрѣля. Китти пришла въ восхищеніе отъ перемѣны въ моемъ настроеніи и наружности и съ очаровательною искренностью и откровенностью поздравила меня по этому поводу. Мы вмѣстѣ уѣхали отъ Маннерингов, смѣясь и болтая и направились, какъ въ былое время, по дорогѣ къ Чота-Симлѣ.

Я спѣшилъ добраться до Санджоулійскаго резервуара, чтобы тамъ еще подтвердить свою увѣренность. Лошади старались изо всѣхъ силъ, но на мой нетерпѣливый взглядъ мы подвигались слишкомъ медленно. Китти удивлялась моему оживленію. „Что̀ это, Джэкъ? воскликнула она наконецъ, — вы ведете себя, какъ ребенокъ. Что̀ съ вами?“

Мы находились въ это время какъ разъ у монастырской горы и просто изъ шалости я потрогивалъ свою лошадь хлыстомъ и заставлялъ ее выдѣлывать курбеты по дорогѣ.

— Со мной? отвѣтилъ я, — ничего, моя дорогая. Еслибы вы сами всю недѣлю только и дѣлали, что лежали и вамъ бы было теперь такъ же весело, какъ мнѣ:

Радуйся, пой съ облегченной душою,
Видя себя живымъ;
Царь надъ природою, Царь надъ землею,
Царь надъ собою самимъ!

Едва я успѣлъ окончить свою цитату, какъ мы очутились у поворота надъ монастыремъ, а черезъ нѣсколько шаговъ предъ

нами открылась вся дорога до Санджоули. Посреди этой ровной дороги стояли черные съ бѣлымъ ливреи, желтая коляска и мистрисъ Кейтъ-Вессингтонъ. Я подтянулъ поводья, протеръ глаза и вѣроятно что-нибудь сказалъ. Затѣмъ я пришелъ въ себя лежа ничкомъ на землѣ; Китти плакала стоя около меня на колѣняхъ.

— Исчезло ли *Оно*, дитя мое?! простоналъ я. Китти заплакала еще сильнѣе.

— Что̀ исчезло? Джэкъ, дорогой мой! Что̀ все это значитъ? Какое-нибудь тутъ должно-быть недоразумѣніе, Джэкъ, ужасное недоразумѣніе! Послѣднія слова ея подняли меня на ноги, мною овладѣло безуміе—какое-то бѣшенство.

— Да, гдѣ-то есть недоразумѣніе, повторилъ я,—ужасное недоразумѣніе. Пойдемъ, посмотри, вотъ *Оно!*

У меня мелькаетъ неясное воспоминаніе о томъ, какъ, схвативъ Китти за руку, я повлекъ ее за собой къ тому мѣсту на дорогѣ, гдѣ стояло *Оно*, и умолялъ ее изъ состраданія поговорить съ *Нимъ*, сказать, что мы обручены, что ни смерть, ни адъ не могутъ разлучить насъ, и... только одна Китти знаетъ, что̀ еще я наговорилъ. По временамъ я страстно умолялъ ужасное видѣніе, сидѣвшее въ коляскѣ, засвидѣтельствовать истину моихъ словъ и избавить меня отъ этого убійственнаго мученія. Вѣроятно, я тутъ же разсказалъ Китти о своихъ прежнихъ отношеніяхъ съ мистрисъ Вессингтонъ, потому что она слушала меня внимательно, страшно поблѣднѣла и глаза ея горѣли.

— Благодарю васъ, мистеръ Пансэй, сказала она;—этого *вполнѣ* достаточно. *Сенсъ гхора лдо!*

Сенсы, безстрастные, какъ всѣ восточные уроженцы, подвели пойманныхъ лошадей и когда она сѣла въ сѣдло, я схватилъ ея лошадь за поводъ и молилъ Китти выслушать меня и простить. Отвѣтомъ мнѣ былъ ударъ хлыста разсѣкшій мнѣ лицо отъ глаза до рта и одно или два прощальныя слова, которыя я даже теперь не рѣшаюсь написать. Изъ этого я заключилъ—и заключилъ вѣрно, что Китти все знала; и я, спотыкаясь, подошелъ къ коляскѣ. Лицо мое горѣло, по нему текла кровь, и ударъ хлыстомъ оставилъ синій шрамъ. У меня не было самоуваженія. Какъ разъ въ это время подъѣхалъ Гйтерли, который, вѣроятно, издали слѣдилъ за мною и Китти.

— Докторъ, сказалъ я, показывая ему свое лицо, — вотъ

подпись миссъ Маннерингъ къ приказу о моей отставкѣ и... Я поблагодарю васъ за руніи, когда вы ихъ пришлете.

Лицо доктора чуть не заставило меня разсмѣяться, несмотря на мое постыдное униженіе.

— Я прозакладывалъ бы мою профессіональную репутацію... началъ онъ.

— Не глупите, прошепталъ я.—Погублено счастье моей жизни и... вы бы лучше увезли меня домой.

Пока я говорилъ, коляска исчезла. Затѣмъ я утратилъ сознаніе. Мнѣ показалось, что вершина горы покачнулась, поплыла вмѣстѣ съ облаками и упала на меня.

Черезъ семь дней (то-есть 7 мая) я понялъ, что лежу въ комнатѣ у Гитерли, ослабѣвшій, какъ малый ребенокъ. Гитерли внимательно слѣдилъ за мной изъ-за бумагъ на письменномъ столѣ. Его первыя слова были неободряющія, но я былъ слишкомъ истощенъ, чтобъ они могли затронуть меня.

— Вотъ миссъ Китти прислала вамъ ваши письма. Какъ эта молодежь всегда много пишетъ. Вотъ пакетъ; судя по наружному виду, въ немъ должно быть кольцо; приносили и другую записку отъ папаши Маннеринга, но я позволилъ себѣ ее прочесть и сжечь.

— А Китти? тоскливо спросилъ я.

— Изъ ея словъ видно, что она еще болѣе горячится, чѣмъ ея отецъ. Судя по тому же признаку, вы должно-быть предъ моимъ появленіемъ подѣлились съ ней довольно странными воспоминаніями. Говоритъ, что мужчина обошедшійся съ женщиной такъ, какъ вы — съ мистрисъ Вессингтонъ, долженъ бы покончить съ собой изъ простаго уваженія къ своему полу. Она очень горячая, ваша возлюбленная. Убѣждена, что вы были пьяны, когда подняли всю эту исторію на дорогѣ къ Джако. Говоритъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ заговоритъ съ вами опять.

Я застоналъ и повернулся на другой бокъ.

— Теперь выбирайте, другъ мой. Дѣло со свадьбой должно разстроиться, но Маннеринги не хотятъ быть слишкомъ жестокими съ вами. Что же будетъ причиной разрыва? бѣлая горячка отъ пьянства, или припадки падучей болѣзни? Сожалѣю, что не могу вамъ предложить лучшаго выбора, если только вы не предпочтете наслѣдственнаго безумія. Скажите слово и я увѣдомлю ихъ, что это падучая болѣзнь. Вся Симла узнала о сценѣ на Дамской Милѣ. Обдумайте! Даю вамъ пять минутъ на размышленіе.

Мнѣ представляется, что въ теченіе этихъ пяти минутъ я тщательно изслѣдовалъ самые глубокіе круги того ада, который можетъ испытать человѣкъ на землѣ. И въ то же время я самъ видѣлъ себя блуждающимъ по мрачнымъ лабиринтамъ сомнѣнія, несчастія и полнѣйшаго отчаянія. Я недоумѣвалъ,—какъ могъ бы недоумѣвать Гйтерли, сидя въ своемъ креслѣ,—который изъ ужасныхъ исходовъ я изберу. Затѣмъ я услышалъ свой отвѣтъ произнесенный такимъ голосомъ, который я еле призналъ:

— Въ этихъ краяхъ всѣ такъ невозможно строги насчетъ нравственности. Скажите имъ, что это „падучая" и передайте мой привѣтъ. А теперь дайте мнѣ поспать.

Потомъ двойственность во мнѣ прекратилась и опять все тотъ же *Я* (полупомѣшанный, изможденный) метался на постели, вспоминая день за днемъ исторію послѣдняго мѣсяца.

„Но вѣдь я въ Симлѣ", повторялъ я самъ себѣ. „Я—Джэкъ Пансэй нахожусь въ Симлѣ, а здѣсь нѣтъ никакихъ призраковъ. Со стороны той женщины безразсудно увѣрять, что они есть. Отчего Агнеса не могла оставить меня въ покоѣ? Я не сдѣлалъ ей ничего дурнаго. Это могло бы точно также случиться и со мной, какъ съ Агнесой. Только я бы никогда не вернулся сюда нарочно, чтобъ убить ее. Отчего меня не могутъ оставить въ покоѣ—въ покоѣ, наслаждаться счастіемъ?"

Когда я проснулся въ первый разъ, время близилось къ полудню, а солнце опустилось низко прежде, чѣмъ я заснулъ. Заснулъ, какъ спитъ преступникъ, измученный на дыбѣ и слишкомъ пострадавшійся, чтобы чувствовать боль.

На слѣдующій день я не могъ встать съ постели. Утромъ Гйтерли сказалъ мнѣ, что онъ получилъ отъ мистера Маннеринга письмо и что благодаря его—Гйтерли—дружескимъ услугамъ, разсказъ о моей болѣзни обошелъ всю Симлу, гдѣ меня всѣ очень жалѣли.

— А это даже больше, чѣмъ вы заслуживаете, весело закончилъ онъ,—хотя Богу извѣстно, что вамъ тяжело-таки пришлось. Не бѣда, мы еще вылѣчимъ васъ, хоть вы и безнравственный феноменъ.

Я съ твердостью отказался лѣчиться.

— Вы и такъ были слишкомъ добры ко мнѣ, сказалъ я,—но мнѣ не зачѣмъ безпокоить васъ еще дольше.

Въ глубинѣ сердца я былъ увѣренъ, что Гйтерли не могъ ничего сдѣлать, чтобъ облегчить давившій меня тяжелый гнетъ.

Съ этою увѣренностью связано было чувство безнадежнаго, безсильнаго возмущенія безразсудностью всего этого Множество было людей не лучше меня, которымъ наказаніе угрожало только на томъ свѣтѣ и я чувствовалъ обидную, жестокую несправедливость того, что мнѣ одному была назначена такая ужасная судьба. Иногда это настроеніе уступало мѣсто другому, въ которомъ мнѣ представлялись, что коляска и я—мы были единственными реальными существами въ мірѣ тѣней; что Китти была призракомъ, что Маннерингъ, Гитерли и всѣ остальные мужчины и женщины, которыхъ я зналъ, были тоже призраками; а высокія, сѣрыя горы, казалось, были только привидѣніями, явившимися нарочно, чтобы меня мучить. Переходя изъ одного настроенія въ другое, семь долгихъ дней метался я взадъ и впередъ, но тѣло мое становилось бодрѣе; наконецъ, зеркало въ моей спальнѣ возвѣстило мнѣ, что я вернулся къ обычной жизни и сталъ опять похожимъ на другихъ людей. Любопытно, что на лицѣ моемъ не отразилось никакихъ признаковъ выдержанной борьбы. Конечно, оно было блѣдно, но такое же невыразительное и обыкновенное, какъ всегда. Я ожидалъ какой-нибудь разительной перемѣны, видимаго знака болѣзни, которая грызла меня—и не нашелъ ничего.

15 мая, въ одиннадцать часовъ утра, я вышелъ изъ дома Гитерли, и инстинктъ холостяка привелъ меня въ клубъ. Тамъ я узналъ, что всѣмъ извѣстна моя исторія по разсказамъ Гитерли и всѣ, нѣсколько смущенные, были неестественно добры со мной и внимательны. Тѣмъ не менѣе я понялъ, что хотя всю остальную жизнь я и могу вращаться среди товарищей, но ужь не буду принадлежать къ ихъ кругу и съ горечью позавидовалъ кулiямъ, смѣявшимся на улицѣ. Въ клубѣ я позавтракалъ и въ четыре часа пошелъ безцѣльно бродить по улицамъ съ неопредѣленною надеждой встрѣтить Китти. Вблизи музыкальной эстрады ко мнѣ присоединились черныя съ бѣлымъ ливреи и я услышалъ около себя все тотъ же призывъ мистрисъ Вессингтонъ. Я этого ожидалъ съ той самой минуты, какъ вышелъ на улицу и удивлялся только ея запаздыванію. Призрачная коляска и я—мы молча направились рядомъ по дорогѣ къ Чота-Симлѣ. У базара насъ обогнала Китти верхомъ, съ какимъ-то кавалеромъ. Подай мнѣ она какой-нибудь знакъ и я бы побѣжалъ за ней, какъ собака. Но она даже не ускорила шага, хотя дождливый вечеръ могъ служить достаточнымъ извиненіемъ, чтобъ оказать мнѣ это вниманіе.

Итакъ, Китти со своимъ кавалеромъ, я со своею призрачною возлюбленной, мы парами подвигались вокругъ Джако. Дорога была залита водой; вода, какъ изъ дождевыхъ трубъ, лила съ сосенъ на скалы, и на землю падалъ мелкій, прямой дождь. Нѣсколько разъ я ловилъ себя въ ту минуту, когда готовился произнести чуть не вслухъ: „Вѣдь я же Джэкъ Пансэй, нахожусь въ отпуску въ Симлѣ,—*въ Симлѣ!* въ обыденной, простой Симлѣ. Я не долженъ этого забывать, я не долженъ этого забывать.“ Тогда я старался припомнить что-нибудь изъ болтовни, слышанной мною въ клубѣ, объ интересахъ этого, живущаго изо-дня въ день, англо-индійскаго міра, который мнѣ такъ хорошо знакомъ. Я даже наскоро повторялъ про себя таблицу умноженія, чтобъ увѣриться, что я не схожу съ ума. Это нѣсколько успокоило меня и должно-быть мѣшало мнѣ нѣкоторое время слышать мистрисъ Вессингтонъ.

Еще разъ тоскливо взобрался я по отлогости къ монастырю и вступилъ на ровную дорогу. Здѣсь Китти и ея кавалеръ поѣхали галопомъ, а я остался одинъ съ мистрисъ Вессингтонъ. „Агнеса, сказалъ я,—не опустите ли вы верхъ у колясочки и не скажите ли мнѣ, что̀ все это значитъ?“ Верхъ опустился безшумно и я очутился лицомъ къ лицу съ моею умершею и похороненною любовницей. На ней было платье, въ которомъ я ее въ послѣдній разъ видѣлъ живою, въ правой рукѣ у ней былъ тотъ же маленькій платокъ, а въ лѣвой та же книжечка съ визитными карточками. (Женщина, умершая восемь мѣсяцевъ тому назадъ и съ визитными карточками!) Я долженъ былъ прибѣгнуть къ таблицѣ умноженія и положить руки на каменныя перила у дороги, чтобъ убѣдиться, что они-то по крайней мѣрѣ реальны.

— Агнеса, повторилъ я,—изъ состраданія скажите мнѣ, что̀ это значитъ.

Мистрисъ Вессингтонъ наклонилась впередъ съ тѣмъ страннымъ, быстрымъ поворотомъ головы, который мнѣ былъ такъ знакомъ, и заговорила.

Еслибы мой разсказъ не преступилъ уже такъ безумно всѣ границы человѣческаго довѣрія, я извинился бы теперь предъ вами. Но такъ какъ я знаю, что никто не повѣритъ ему,—даже Китти, для которой онъ написанъ, какъ своего рода оправданіе моего поведенія,—то я буду продолжать. Мистрисъ Вессингтонъ говорила, а я прошелъ рядомъ съ ней отъ Санджолійской дороги

до поворота внизу у дома главнокомандующаго, какъ могъ бы идти рядомъ съ коляской любой живой женщины, весь погруженный въ разговоръ. Второй и самый мучительный фазисъ моей болѣзни внезапно овладѣлъ мной и, какъ принцу въ Тенниссоновской поэмѣ, „мнѣ казалось, я двигаюсь въ призрачномъ мірѣ“. У главнокомандующаго былъ пикникъ въ саду и мы присоединились къ толпѣ возвращавшихся домой гостей. На мой взглядъ тогда *они* были тѣнями безтѣлесными, фантастическими тѣнями, раздваивавшимися, чтобы пропустить сквозь себя коляску мистрисъ Вессингтонъ. О чемъ мы говорили во время этого дикаго свиданія, я не могу,—вѣрнѣе не смѣю,—сказать. Гитерли отвѣтилъ бы, что я „лелѣялъ мозговую-глазную-желудочную химеру“. Это было страшное, но непостижимо сладкое ощущеніе. Возможно ли, удивлялся я, чтобы мнѣ въ этой жизни пришлось вторично домогаться любви женщины, которую я убилъ своимъ невниманіемъ и своею жестокостью?

На обратномъ пути я встрѣтилъ Киттп—тѣнь среди тѣней.

Еслибъ описывать по порядку всѣ случаи слѣдующихъ двухъ недѣль, мой разсказъ никогда бы не кончился и ваше терпѣніе истощилось бы. Утро за утромъ и вечеръ за вечеромъ призрачная коляска и я—мы вмѣстѣ бродили по Симлѣ. Куда-бъ я не пошелъ, за мной слѣдовали четыре черныя съ бѣлымъ ливреи и всюду провожали меня.

Отправляясь въ театръ, я находилъ ихъ среди толпы крикливыхъ *джампаніевъ;* у клубной веранды, послѣ затянувшейся партіи въ вистъ, послѣ бала—они терпѣливо ожидали моего появленія на улицѣ, такъ же, какъ и при дневномъ свѣтѣ, когда я отправлялся съ визитами. За исключеніемъ того, что она не отбрасывала тѣни, коляска во всѣхъ отношеніяхъ казалась такою же реальною, какъ и всѣ остальныя сдѣланныя изъ дерева и желѣза. Неоднократно приходилось мнѣ останавливать себя, когда я готовился предостеречь отъ столкновенія какого-нибудь пріятеля быстро мчавшагося прямо на нее. Неоднократно, къ невыразимому изумленію прохожихъ, прогуливался я весь погруженный въ разговоръ съ мистрисъ Вессингтонъ.

Не прошло и недѣли съ тѣхъ поръ, какъ я началъ выходить, а я уже зналъ, что теорія „падучей“ уступила мѣсто предположеніямъ о безуміи. Однако, въ своемъ образѣ жизни я не сдѣлалъ никакой перемѣны. Я ѣздилъ съ визитами, катался верхомъ и обѣдалъ въ гостяхъ такъ же, какъ и прежде. У меня

явилось такое пристрастіе къ обществу себѣ подобныхъ, какого раньше у меня никогда не было; я стремился къ участію въ реальной жизни и въ то же время я чувствовалъ себя несчастнымъ, когда разставался со своимъ призрачнымъ компаньономъ на слишкомъ долгое время. Почти невозможно описать мои мѣнявшіяся душевныя настроенія съ 15 мая до настоящаго дня.

Присутствіе коляски то наполняло мнѣ душу ужасомъ и безотчетнымъ страхомъ, то доставляло своеобразное удовольствіе, то повергало меня въ полнѣйшее отчаяніе. Уѣхать изъ Симлы я не смѣлъ, а сознавалъ, что пребываніе здѣсь меня убивало. Кромѣ того, я зналъ, что судьбой мнѣ предназначено умирать ежедневно и понемногу. Единственною заботой моею было отбыть наказаніе какъ можно спокойнѣе. По временамъ я рвался повидать Китти и съ возбужденнымъ интересомъ слѣдилъ за ея обиднымъ кокетствомъ съ моимъ преемникомъ—или, вѣрнѣе, преемниками. Какъ я исчезъ изъ ея жизни, такъ и она исчезла изъ моей. Днемъ я бродилъ вмѣстѣ съ мистрисъ Вессингтонъ и чувствовалъ даже нѣкоторое удовольствіе. Ночью я молилъ небо позволить мнѣ вернуться къ міру, какимъ я его зналъ прежде. Надо всѣми этими смѣнявшимися настроеніями тяготѣло тупое, ноющее изумленіе, что видимое и невидимое такъ странно перепуталось на землѣ ради того, чтобы загнать одного несчастнаго въ могилу.

. . . . . .

Августа 27.—Гитерли безъ устали ухаживаетъ за мной и вчера только посовѣтовалъ мнѣ проситься въ отпускъ по болѣзни. Въ отпускъ, чтобъ убѣжать отъ призрака! Просить у правительства милостиваго разрѣшенія избавиться отъ пяти привидѣній и призрачной коляски посредствомъ поѣздки въ Англію! Предложеніе Гитерли довело меня почти до истерическаго смѣха. Я сказалъ ему, что буду спокойно ждать конца въ Симлѣ; а я увѣренъ—конецъ недалеко. Вѣрьте, что я страшусь его наступленія больше, чѣмъ можно высказать словами, и по ночамъ я мучаю себя тысячами предположеній о родѣ предстоящей мнѣ смерти.

Умру ли я прилично въ постели, какъ слѣдуетъ умереть англійскому джентльмену, или во время послѣдней прогулки по улицамъ моя душа будетъ вырвана изъ тѣла, чтобы навсегда занять свое мѣсто рядомъ съ тѣмъ страшнымъ призракомъ? Вернусь ли я на томъ свѣтѣ къ своей прежней утраченной любви

или встрѣчусь съ Агнесой, ненавидя ее, и все-таки буду связанъ съ нею на вѣки? Будемъ ли мы оба до конца временъ непрестанно блуждать среди сценъ нашей минувшей жизни? Съ приближеніемъ дня моей смерти растетъ тотъ невыразимый ужасъ, который вся живая плоть питаетъ къ душамъ являющимся изъ-за гроба. Ужасно уйти такъ быстро къ мертвецамъ, когда еще не окончена половина жизни. Но въ тысячу разъ ужаснѣе ожидать здѣсь, какъ я, среди васъ чего-то невообразимо страшнаго. Пожалѣйте меня, хотя бы изъ-за моихъ „галлюцинацій", такъ какъ я знаю, что вы никогда не повѣрите тому, что̀ здѣсь написано. Однако, если кто-нибудь былъ доведенъ до смерти силами мрака, такъ это—я.

Пожалѣйте и ее; если когда-либо женщина была убита мужчиной, такъ это мистрисъ Весспнгтонъ—мною.

Наказаніе мое еще не кончено, но развязка близка.

ЗАРАЗНЫЯ БОЛѢЗНИ ВЪ МОСКВѢ.

I.

Какое страшное зло представляютъ собой заразныя болѣзни— извѣстно почти всѣмъ; но едва ли многіе знаютъ, съ какими огромными затрудненіями и денежными затратами сопряжена борьба съ этимъ зломъ.

Изученіе заразныхъ болѣзней создало обширную спеціальную литературу, а для осуществленія на практикѣ добытыхъ наукой данныхъ во многихъ городахъ предприняты и выполнены грандіозныя сооруженія, поглотившія большое количество денегъ. Тѣмъ не менѣе, борьба съ заразными болѣзнями почти повсемѣстно находится лишь въ началѣ своего развитія, и много еще силъ придется на нее потратить.

Между множествомъ условій, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ этой борьбы, есть одно весьма важное: необходимо, чтобы само населеніе, въ особенности же образованное общество, по возможности, помогало тѣмъ учрежденіямъ и тѣмъ лицамъ, спеціальную задачу которыхъ составляетъ эта тяжелая, но неизбѣжная борьба. Нужно, чтобъ общество ясно сознало, что такою помощью оно облегчитъ, а не затруднитъ себѣ жизнь; между тѣмъ до сихъ поръ огромное большинство людей думаетъ совершенно обратное и почти всѣ санитарныя мѣропріятія считаетъ лишь однимъ отягощеніемъ жизни.

Однимъ изъ главныхъ средствъ для пробужденія въ обществѣ такого сознанія нужно считать распространеніе надлежащихъ

свѣдѣній о заразныхъ болѣзняхъ. Поэтому свѣдѣнія эти не должны составлять достояніе лишь одной спеціальной литературы, и желательно, чтобъ они, въ доступной формѣ, сообщались также и въ общей печати.

Въ виду этого я и позволяю себѣ предложить читателямъ нѣкоторые матеріалы о заболѣваемости заразными болѣзнями въ Москвѣ за пять послѣднихъ лѣтъ. [1]

Свѣдѣнія о заболѣвшихъ заразными болѣзнями и объ умершихъ какъ отъ заразныхъ, такъ и ото всѣхъ остальныхъ болѣзней собираются въ Москвѣ посредствомъ особыхъ карточекъ. Всѣ больницы, лѣчебницы и практикующіе въ городѣ врачи обязаны посылать во Врачебное Управленіе особыя карточки о всякомъ заразномъ больномъ, обращающемся къ нимъ за помощью. Необходимо замѣтить, что такая система собиранія свѣдѣній, вообще говоря, наилучшая и пока единственно возможная, страдаетъ нѣкоторыми недостатками не по существу своему, а по несовершенству ея выполненія. Несмотря на то, что посылать карточки о заболѣвшихъ заразными болѣзнями составляетъ не только законную обязанность, но и нравственный долгъ каждаго врача, нужно признать существованіе того прискорбнаго явленія, что доставка врачами карточекъ производится далеко не вполнѣ аккуратно. Кромѣ того, многіе больные, особенно бѣдные, часто и не обращаются за помощью ко врачу. Нужно, впрочемъ, думать, что эти недостатки собиранія свѣдѣній о заболѣвшихъ будутъ постепенно уменьшаться, какъ вслѣдствіе общаго распространенія просвѣщенія, такъ и по причинѣ увеличенія сознанія важности борьбы съ заразными болѣзнями.

Несмотря на указанные недостатки собиранія свѣдѣній о заболѣваемости заразными болѣзнями, все-таки эти свѣдѣнія даютъ довольно вѣрную картину хода заразныхъ болѣзней въ Москвѣ. Есть основаніе предполагать, что бо́льшая часть случаевъ наиболѣе серьезныхъ заразныхъ болѣзней не ускользаетъ отъ регистраціи. На это указываетъ уже одно то обстоятельство, что колебанія заболѣваемости заразными болѣзнями и смертности отъ нихъ сходятся весьма близко.

---

[1] Матеріалы для настоящей статьи почерпнуты изъ отчетовъ Московской городской управы по санитарной части за 1886—1890 годы.

Какъ бы то ни было, мы должны пока пользоваться тѣмъ матеріаломъ, какой у насъ есть. Во всѣхъ странахъ, гдѣ только собираются свѣдѣнія о заболѣваемости, существуютъ подобныя же несовершенства въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе этими свѣдѣніями можно пользоваться и извлекать изъ нихъ много интереснаго и важнаго въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ.

За послѣднія пять лѣтъ числа заболѣвшихъ главными формами заразныхъ болѣзней въ Москвѣ были таковы:

	Въ 1886 г.	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.	Въ 1889 г.	Въ 1890 г.	За 5 лѣтъ.
1. Сыпн. тифомъ	6.905	2.365	578	763	1.346	11.957
2. Брюшн. тиф.	1.145	984	874	1.427	2.581	7.011
3. Возвр. тиф.	7.340	1.370	314	95	28	9.147
4. Тифозн. заболѣв. неопредѣл. свойства	2.934	1.670	876	923	1.275	7.678
5. Скарлатиной.	1.526	1.879	1.921	2.125	2.329	9.780
6. Оспой и варіолоидомъ...	738	224	90	78	65	1.195
7. Дифтеритомъ.	1.288	1.282	1.398	1.228	1.569	6.765
8. Дизентеріей..	1.874	1.230	730	1.030	2.425	7.289
9. Корью.....	2.083	1.577	2.484	2.955	2.654	11.753
10. Рожей.....	2.129	1.863	2.051	2.028	2.235	10.306
11. Остальн. заразн. болѣзн.[1]	3.232	2.940	3.941	7.468	5.817	23.398
Итого.....	31.194	17.384	15.257	20.120	22.324	106.279

Изъ только-что приведенныхъ данныхъ видно, что за всѣ пять лѣтъ переболѣло заразными болѣзнями въ Москвѣ 106.279 человѣкъ. Число заболѣвшихъ по годамъ распредѣляется далеко не равномѣрно. Расположивъ года по числу заболѣваній въ нисходящемъ порядкѣ, получимъ слѣдующее:

Въ 1886	году	заболѣло	31.194	человѣка.
„ 1890	„	„	22.324	„
„ 1889	„	„	20.120	„
„ 1887	„	„	17.384	„
„ 1888	„	„	15.257	„

[1] За исключеніемъ крупознаго воспаленія легкихъ, чахотки и сифилиса.

Настоящее понятіе о значеніи этихъ чиселъ можно было бы получить лишь при сопоставленіи ихъ съ общимъ числомъ жителей въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, мы должны до сихъ поръ пользоваться для этого данными переписи населенія Москвы 1882 года, хотя съ тѣхъ поръ до настоящаго времени населеніе Москвы, безъ сомнѣнія, значительно увеличилось. Исключивъ изъ вышеприведенныхъ цифръ тѣхъ больныхъ, которые пріѣхали въ Москву уже больными или заболѣли вскорѣ по пріѣздѣ изъ какихъ-либо другихъ мѣстъ Россіи (такъ-что собственно зараженіе ихъ, повидимому, произошло внѣ Москвы), и сопоставивъ полученныя числа съ населеніемъ Москвы, получимъ:

Въ	1886	г.	забол.	въ	Москвѣ	29.844	ч.,	или	39,60	на	1.000 жит.
„	1890	„	„	„	„	21.167	„	„	28,09	„	„ „
„	1889	„	„	„	„	19.240	„	„	25,53	„	„ „
„	1887	„	„	„	„	16.610	„	„	21,04	„	„ „
„	1888	„	„	„	„	14.645	„	„	19,44	„	„ „

Особенно большою заболѣваемостью заразными болѣзнями отличался 1886 годъ, наименьшее же число заболѣвшихъ было въ 1888 году; остальные годы пятилѣтія занимаютъ между ними середину. Вообще числа заболѣвшихъ заразными болѣзнями въ каждомъ году колеблются въ довольно большихъ предѣлахъ; если же разсмотрѣть тѣ заразныя болѣзни, которыя преобладали въ каждомъ году, то получатся не лишенныя интереса данныя для выясненія приведенныхъ выше цифръ. Такъ, въ 1886 году, отличавшемся столь большимъ числомъ заразныхъ больныхъ, были особенно распространены двѣ болѣзни—возвратный и сыпной тифы. Среди остальныхъ болѣзней этого года они составляютъ около 46%, и такимъ образомъ чуть не половина заразныхъ больныхъ страдала или возвратнымъ, или сыпнымъ тифами. Если же мы возьмемъ сумму всѣхъ тифозныхъ заболѣваній даннаго года (то-есть сыпной, брюшной и возвратный тифы, а также тифозныя заболѣванія неопредѣленнаго свойства), то окажется, что они составляли приблизительно 59% всѣхъ заразныхъ заболѣваній. Поэтому 1886 годъ можетъ быть названъ по преимуществу *тифознымъ* годомъ. Въ 1890 году, занимающемъ второе мѣсто по количеству заболѣвшихъ, не было заразныхъ болѣзней, особенно рѣзко выдѣляющихся среди другихъ; въ теченіе этого года преобладали слѣдующія болѣзни: гриппъ (13%), корь (12%), брюшной тифъ (12%), дизентерія (11%), скарлатина (10%) и рожа

(10%). 1889 годъ отличался нѣкоторымъ преобладаніемъ кори и скарлатины, и эти двѣ болѣзни, поражающія преимущественно дѣтскій возрастъ, составляли вмѣстѣ 25% годовой заразной заболѣваемости. Однако, наиболѣе рѣзкою характеристикой 1889 года служитъ гриппъ (influenza). Хотя по карточнымъ свѣдѣніямъ число заболѣвшихъ гриппомъ было всего 3.665, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно то, что въ 1889 году существовала цѣлая эпидемія гриппа, и есть основанія предполагать, что лишь немногіе дома въ городѣ были пощажены этою эпидеміей.[1] Въ 1887 году преобладали сыпной тифъ (14%), скарлатина (11%) и рожа (11%), а въ 1888—корь (16%), рожа (13%) и скарлатина (13%).

Посмотримъ теперь, какъ шла по годамъ послѣдняго пятилѣтія заболѣваемость нѣкоторыми наиболѣе важными болѣзнями, а именно: сыпнымъ, брюшнымъ и возвратнымъ тифами, скарлатиной, оспой, дифтеритомъ и дизентеріей.

Числа заболѣвшихъ *сыпнымъ тифомъ* за пять лѣтъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ данныхъ, были слѣдующія:

Въ	1886	году.....	6.905
„	1887	„	2.365
„	1888	„	578
„	1889	„	763
„	1890	„	1.346

Такимъ образомъ, сыпной тифъ проявляетъ весьма рѣзкія колебанія по годамъ. Въ 1886 году число заболѣвшихъ имъ было весьма велико, затѣмъ оно быстро уменьшается и въ 1888 году достигаетъ величины почти въ двѣнадцать разъ меньшей. Съ 1889 года вновь начинается повышеніе заболѣваемости этою болѣзнью, но уже не представляющее особенно рѣзкихъ скачковъ по сравненію съ первыми годами пятилѣтія.

---

[1] Нужно замѣтить, что о заболѣваніяхъ гриппомъ доставляется врачами сравнительно очень мало карточекъ, что до извѣстной степени объясняется самою сущностью этой болѣзни. «Съ большою вѣроятностью можно предположить, что весьма значительное число заболѣвшихъ гриппомъ осталось безо всякаго лѣченія, и такимъ образомъ всѣ подобные случаи не могли быть зарегистрированы. Съ другой стороны, самые припадки болѣзни имѣли часто столь неясный характеръ, что постановка правильнаго діагноза была затруднительною, особенно въ амбулаторіяхъ, куда обращалось за помощью весьма много подобныхъ больныхъ. Въ больницы же, откуда получается наиболѣе достовѣрный карточный матеріалъ, заболѣвшіе гриппомъ попадали сравнительно рѣдко. Наконецъ, чрезвычайное обиліе больныхъ во время эпидеміи, при легкости (въ большинствѣ случаевъ) теченія самой болѣзни, также имѣетъ значеніе въ объясненіи причинъ неудовлетворительности регистраціи гриппа.» (Отчетъ Моск. Гор. Управы по санитарн. части за 1889 годъ. Стр. 62.)

Заболѣванія *брюшнымъ тифомъ* по годамъ шли слѣдующимъ образомъ:

Въ	1886	году	1.145
„	1887	„	984
„	1888	„	874
„	1889	„	1.427
„	1890	„	2.581

Брюшной тифъ такъ же, какъ и сыпной, уменьшается съ 1886 года по 1888, образуетъ въ этомъ послѣднемъ году minimum и затѣмъ заболѣванія имъ вновь замѣтно усиливаются. Отличіе теченія брюшнаго тифа по годамъ, по сравненію съ теченіемъ сыпнаго, состоитъ въ томъ, что наибольшая заболѣваемость брюшнымъ тифомъ оказывается въ послѣднемъ году пятилѣтія—1890.

Особенно интересны нижеслѣдующія числа, показывающія ходъ *возвратнаго тифа* за пять лѣтъ:

Въ	1886	году	7.340
„	1887	„	1.370
„	1888	„	314
„	1889	„	95
„	1890	„	28

Превышая въ 1886 году по количеству заболѣвшихъ даже сыпной тифъ, съ слѣдующаго же года возвратный тифъ начинаетъ необыкновенно быстро и непрерывно падать. Съ 7.340 въ 1886 году число заболѣвшихъ этою болѣзнью въ 1890 году уменьшилось до 28, то-есть въ 262 раза. Столь замѣчательныя колебанія, которыя наблюдаются иногда въ теченіе нѣкоторыхъ заразныхъ болѣзней, невольно наводятъ на мысль, что для ихъ развитія среди населенія необходимы какія-то особенныя, до сихъ поръ еще невыясненныя условія. Такимъ образомъ, можно только отмѣтить, но не объяснить, то интересное явленіе, что возвратный тифъ, бывшій въ 1886 году господствующею болѣзнью въ Москвѣ, къ 1890 году сталъ болѣзнью въ высшей степени рѣдкою.

Заболѣванія *скарлатиной* по годамъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Въ	1886	году	1.526
„	1887	„	1.879
„	1888	„	1.921
„	1889	„	2.125
„	1890	„	2.329

Теченіе скарлатины имѣетъ обратный характеръ, а именно эта болѣзнь, хотя и постепенно, но непрерывно усиливается съ 1886 по 1890 годъ.

Большое сходство съ теченіемъ возвратнаго тифа имѣетъ теченіе *оспы* и *варіолоида*, которое было за пять лѣтъ таково:

Въ 1886	году	738
„ 1887	„	224
„ 1888	„	90
„ 1889	„	78
„ 1890	„	65

Къ 1890 году оспа почти исчезаетъ, какъ эпидемическая болѣзнь среди московскаго населенія. Какъ извѣстно, на уменьшеніе заболѣваемости оспой имѣетъ весьма большое вліяніе распространеніе оспопрививанія. Къ сожалѣнію, нельзя пока собрать даже приблизительныхъ данныхъ о взаимномъ отношеніи чиселъ привитыхъ и непривитыхъ жителей Москвы за каждый годъ послѣдняго пятилѣтія. Такимъ образомъ, причины замѣтнаго пониженія заболѣваемости оспой за пять лѣтъ нельзя въ точности выяснить.

Заболѣванія *дифтеритомъ* распредѣлялись по годамъ слѣдующимъ образомъ:

Въ 1886	году	1.288
„ 1887	„	1.282
„ 1888	„	1.398
„ 1889	„	1.228
„ 1890	„	1.569

Въ общемъ дифтеритъ, какъ и скарлатина, обнаруживаетъ повышеніе къ 1890 году, только повышеніе это не вполнѣ непрерывное, ибо наименьшее число заболѣвшихъ оказывается въ 1889 году. Нужно замѣтить, что дифтеритъ съ эпидеміологической точки зрѣнія представляетъ собою болѣзнь, весьма мало поддающуюся какому-либо разъясненію. По отношенію къ нему еще болѣе, чѣмъ по отношенію къ другимъ заразнымъ болѣзнямъ, приходится пока лишь собирать матеріалъ, который впослѣдствіи, безъ сомнѣнія, дастъ возможность выяснить многія темныя стороны этой болѣзни.

Числа заболѣвшихъ *дизентеріей* за пять лѣтъ были слѣдующія:

Въ 1886	году	1.874
„ 1887	„	1.230
„ 1888	„	730
„ 1889	„	1.030
„ 1890	„	2.425

Ходъ заболѣваемости дизентеріей представляетъ сходство съ теченіемъ брюшнаго тифа. Здѣсь, какъ и тамъ, замѣчается ясное пониженіе заболѣваемости къ 1888 году, а затѣмъ количество заболѣвшихъ вновь увеличивается и образуетъ maximum въ 1890 году.

Въ томъ матеріалѣ, откуда почерпнуты данныя для настоящей статьи, то-есть въ отчетахъ Московской городской управы по санитарной части за 1886—1890 гг., заболѣваемость заразными болѣзнями разработана по слѣдующимъ рубрикамъ: по полицейскимъ участкамъ, по мѣсяцамъ, по возрастамъ, по занятіямъ, по жилищамъ и этажамъ, по строительнымъ кварталамъ и, наконецъ, по мѣсту лѣченія больныхъ.

Не касаясь общей заразной заболѣваемости, въ понятіе о которой входитъ слишкомъ много разнородныхъ элементовъ, я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ заразныхъ болѣзняхъ, которыя представляютъ наибольшій интересъ въ смыслѣ разработки.

I. *Сыпной тифъ.* Эта болѣзнь, какъ и остальныя, наблюдалась конечно въ различномъ числѣ случаевъ въ различныхъ участкахъ Москвы, которые какъ по количеству жителей, такъ и по характеру населенія, представляютъ далеко не однородныя единицы. Въ виду различной плотности населенія полицейскихъ участковъ, абсолютныя числа заболѣвшихъ не могутъ дать никакого понятія о распространенности той или другой заразной болѣзни въ различныхъ мѣстностяхъ города; поэтому необходимо обращаться къ отношеніямъ между числами заболѣвшихъ и живущихъ въ каждомъ изъ участковъ. До сихъ поръ мы можемъ пользоваться для этого только данными переписи 1882 года, которыя уже значительно устарѣли; тѣмъ не менѣе другаго матеріала въ этомъ отношеніи у насъ нѣтъ, и единственное представленіе о сравнительной населенности участковъ мы можемъ почерпнуть только изъ упомянутой переписи.

Я приведу здѣсь тѣ участки, въ которыхъ были наибольшія числа заболѣвшихъ сыпнымъ тифомъ на 1.000 жителей за каждый годъ пятилѣтія 1886—1890 годовъ.

Въ 1886 году заболѣло сыпнымъ тифомъ на 1.000 жителей:

Въ	3-мъ	участкѣ	Мясницкой части	38,75
„	2-мъ	„	Сущевской „	34,21
„	1-мъ	„	Серпуховской „	14,52
„	2-мъ	„	Хамовнической „	12,83

Въ 3-мъ	участкѣ	Мѣщанской	части	12,45
„ 3-мъ	„	Рогожской	„	11,54
„ 1-мъ	„	„	„	11,17
„ 1-мъ	„	Срѣтенской	„	10,24

Въ 1887 году:

Въ 2-мъ	участкѣ	Сущевской	части	17,77
„ 3-мъ	„	Мясницкой	„	8,37
„ 1-мъ	„	Срѣтенской	„	5,45
„ 2-мъ	„	Прѣсненской	„	5,44
„ 3-мъ	„	Мѣщанской	„	4,89
„ 3-мъ	„	Сущевской	„	4,60
„ 1-мъ	„	Серпуховской	„	4,30

Въ 1888 году:

Въ 2-мъ	участкѣ	Сущевской	части	5,28
„ 2-мъ	„	Лефортовской	„	2,22
„ 4-мъ	„	Мѣщанской	„	1,55
„ 1-мъ	„	Серпуховской	„	1,36
„ 1-мъ	„	Срѣтенской	„	1,34
„ 3-мъ	„	Рогожской	„	1,27

Въ 1889 году:

Въ 2-мъ	участкѣ	Сущевской	части	3,21
„ 3-мъ	„	Мѣщанской	„	3,06
„ 3-мъ	„	Мясницкой	„	2,73
„ 2-мъ	„	Лефортовской	„	2,22
„ 4-мъ	„	Мѣщанской	„	1,67

Въ 1890 году:

Въ 3-мъ	участкѣ	Мясницкой	части	15,82
„ 2-мъ	„	Сущевской	„	8,29
„ 1-мъ	„	Серпуховской	„	5,00
„ 2-мъ	„	Прѣсненской	„	2,63
„ 3-мъ	„	Рогожской	„	2,48
„ 3-мъ	„	Мѣщанской	„	2,47

Въ приведенныхъ здѣсь данныхъ относительно распространенности сыпнаго тифа по участкамъ города взяты тѣ участки, которые выдавались среди другихъ. Вслѣдствіе того, что заболѣваемость сыпнымъ тифомъ въ каждомъ году была далеко не одинакова, приходилось брать для сравненія и неодинаковое число участковъ, такъ какъ за нѣкоторые годы числа заболѣвшихъ были слишкомъ малы.

Заболѣваемость сыпнымъ тифомъ по участкамъ представляетъ особенный интересъ за тѣ года, когда эта болѣзнь наиболѣе сильно была распространена въ Москвѣ. Въ 1886, 1887 и 1890 годахъ, когда были сравнительно бо́льшія цифры заболѣвшихъ сыпнымъ тифомъ, два участка стоятъ впереди другихъ—3-й Мясницкой и 2-й Сущевской частей. Оба эти участка отличаются нѣкоторыми особенностями, которыми и объясняется высокая заболѣваемость сыпнымъ тифомъ. Именно: въ 3 участкѣ Мясницкой части сосредоточивается наибольшее число крупныхъ ночлежныхъ домовъ, а во 2 Сущевскомъ расположена Центральная пересыльная тюрьма, и вотъ населеніе этихъ-то учрежденій и представляетъ собою главный матеріалъ для зараженія сыпнымъ тифомъ въ годы усиленнаго его развитія.

Взявъ суммы заболѣвшихъ на 1.000 жителей по участкамъ за всѣ пять лѣтъ и расположивъ ихъ въ нисходящемъ порядкѣ, получимъ слѣдующее:

За пять лѣтъ (1886—1890) заболѣло сыпнымъ тифомъ на 1.000 жителей:

Въ	2-мъ	участкѣ	Сущевской	части	68,76
„	2-мъ	„	Мясницкой	„	66,55
„	1-мъ	„	Серпуховской	„	26,54
„	3-мъ	„	Мѣщанской	„	23,81
„	3-мъ	„	Рогожской	„	20,06
„	2-мъ	„	Прѣсненской	„	18,76
„	2-мъ	„	Хамовнической	„	18,49
„	1-мъ	„	Срѣтенской	„	18,03
„	1-мъ	„	Рогожской	„	17,50
„	4-мъ	„	Мѣщанской	„	15,54
„	3-мъ	„	Сущевской	„	15,48
„	1-мъ	„	Мѣщанской	„	15,42
„	2-мъ	„	Пятницкой	„	13,09
„	2-мъ	„	Мѣщанской	„	12,75
„	2-мъ	„	Якиманской	„	12,53
„	2-мъ	„	Срѣтенской	„	11,80
„	2-мъ	„	Мясницкой	„	11,13
„	1-мъ	„	Яузской	„	10,67
„	1-мъ	„	Сущевской	„	10,42
„	1-мъ	„	Пятницкой	„	10,39
„	Городскомъ участкѣ				10,38

Въ	1-мъ	участкѣ	Прѣсненской	части	10,20
„	2-мъ	„	Лефортовской	„	10,08
„	1-мъ	„	Басманной	„	10,01
„	1-мъ	„	Лефортовской	„	9,90
„	2-мъ	„	Тверской	„	9,89
„	3-мъ	„	Лефортовской	„	9,88
„	1-мъ	„	Мясницкой	„	9,69
„	1-мъ	„	Якиманской	„	9,46
„	2-мъ	„	Серпуховской	„	8,65
„	2-мъ	„	Яузской	„	8,13
„	2-мъ	„	Арбатской	„	8,12
„	2-мъ	„	Рогожской	„	8,02
„	1-мъ	„	Хамовнической	„	7,71
„	1-мъ	„	Арбатской	„	6,92
„	2-мъ	„	Пречистенской	„	6,20
„	2-мъ	„	Басманной	„	6,18
„	1-мъ	„	Пречистенской	„	6,15
„	3-мъ	„	Тверской	„	6,13
„	1-мъ	„	Тверской	„	5,30

Оказывается, такимъ образомъ, что и по общей суммѣ заболѣваній сыпнымъ тифомъ за пять лѣтъ 2-й участокъ Сущевской и 3-й участокъ Мясницкой частей стояли далеко впереди остальныхъ участковъ Москвы. Вліяніе бытовыхъ условій извѣстной части населенія этихъ участковъ на заболѣваемость сыпнымъ тифомъ несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что сыпной тифъ представляетъ собой одну изъ тѣхъ болѣзней, которыя служатъ наилучшими показателями дурныхъ условій быта населенія, особенно же его скученности.

Не входя въ подробности относительно заболѣваній сыпнымъ тифомъ по другимъ участкамъ Москвы, перейду теперь къ распредѣленію его по мѣсяцамъ и временамъ года.

За послѣднія пять лѣтъ заболѣванія сыпнымъ тифомъ распредѣлялись по мѣсяцамъ (въ процентахъ) слѣдующимъ образомъ:

	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.
Январь.....	9,45	35,43	10,02	14,94	8,62
Февраль....	11,37	20,43	9,23	12,21	6,12
Мартъ.....	14,10	14,25	10,80	17,39	4,84
Апрѣль.....	13,74	7,95	7,07	13,51	4,67
Май	11,47	8,16	7,07	7,61	6,21

	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.
Іюнь.....	5,28	3,17	5,50	4,17	3,30
Іюль.....	3,60	3,00	2,36	3,74	2,66
Августъ....	2,11	1,44	2,36	4,17	4,03
Сентябрь...	3,02	1,10	2,95	5,03	5,64
Октябрь....	6,09	1,35	6,09	5,60	20,47
Ноябрь.....	9,81	0,93	16,90	7,18	19,42
Декабрь....	10,06	2,79	19,65	4,45	14,02

Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, наибольшія числа заболѣвшихъ приходятся: въ 1886 и 1889 гг. на мартъ, въ 1887 на январь, въ 1888 на декабрь и въ 1890 на октябрь; наименьшія же въ 1886 году на августъ, въ 1887 на ноябрь, въ 1888, 1889 и 1890 на іюль.[1] Во время наибольшаго развитія сыпнаго тифа, въ 1886 году, особенно много заболѣвшихъ было за три весенніе мѣсяца (мартъ, апрѣль и май), причемъ особенное усиленіе заболѣваемости начинается въ февралѣ. Въ 1887 и 1890 гг., когда числа заболѣвшихъ были также довольно велики, вспышки сыпнаго тифа наблюдались въ первомъ изъ упомянутыхъ годовъ въ январѣ, февралѣ и мартѣ, а во второмъ—въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ.

По временамъ года распредѣленіе заболѣвшихъ сыпнымъ тифомъ было таково (въ процентахъ):

	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.
Весна (мартъ, апрѣль, май)...	39,31	30,36	24,94	38,51	15,72
Лѣто (іюнь, іюль, августъ)....	10,99	7,61	10,22	12,08	9,99
Осень (сент., октябрь, ноябрь)	18,92	3,38	25,94	17,81	45,53
Зима (декабрь, январь, февраль)	30,88	58,65	38,90	31,60	28,76

Наиболѣе сильная заболѣваемость въ 1886 и 1889 годахъ оказывается весной, въ 1887 и 1888—зимой и въ 1890—осенью; наименьшая же за всѣ года, кромѣ 1887, была лѣтомъ, а въ 1887—осенью.

Заболѣваемость сыпнымъ тифомъ среди лицъ мужскаго и женскаго пола на 1.000 жителей (по переписи 1882 года) выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.
Мущинъ	11,53	3,61	0,88	1,13	2,14
Женщинъ....	5,16	2,09	0,40	0,64	0,98

[1] Въ 1888 году въ іюлѣ и августѣ были одинаковыя числа заболѣвшихъ сыпнымъ тифомъ.

За всѣ пять лѣтъ наблюдается постоянное преобладаніе сыпнаго тифа среди мужскаго населенія. Хотя отношенія и взяты по переписи 1882 года и съ тѣхъ поръ въ составѣ населенія могли произойти значительныя измѣненія, но тѣмъ не менѣе большая распространенность сыпнаго тифа среди мущинъ настолько рѣзко выражена, что не можетъ возбуждать сомнѣній.

Распредѣленіе заболѣваній сыпнымъ тифомъ по возрастнымъ группамъ было таково (на 1.000 жителей каждой группы):

	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.
0—5 лѣтъ	0,33	0,24	0,04	0,15	0,11
5—10 „	1,12	1,75	0,25	0,79	1,23
10—15 „	6,39	3,26	0,63	1,25	1,62
15—20 „	14,42	4,90	1,14	1,47	2,56
20—30 „	12,80	4,12	1,02	1,31	2,47
30—40 „	10,51	3,17	0,67	0,90	1,78
40—50 „	7,20	1,95	0,48	0,59	1,10
50—60 „	4,00	1,47	0,38	0,35	0,57
60 л. и выше	2,20	0,73	0,12	0,15	0,47

Изъ приведенныхъ здѣсь цифръ видно, что за всѣ пять лѣтъ наибольшее число заболѣвшихъ сыпнымъ тифомъ было въ возрастной группѣ 15—20 лѣтъ, а затѣмъ—въ группѣ 20—30 лѣтъ. Обѣ эти группы даютъ наибольшія числа заболѣвшихъ, по мѣрѣ же пониженія и повышенія возрастныхъ группъ соотвѣтственныя количества заболѣвшихъ становятся также меньше. Вообще изъ разсмотрѣнія данныхъ заболѣваемости сыпнымъ тифомъ по возрастамъ оказывается, что этой болѣзни подверженъ болѣе всего рабочій возрастъ, въ которомъ человѣкъ достигаетъ полнаго развитія всѣхъ своихъ силъ. Такимъ образомъ, сыпной тифъ какъ бы выбираетъ изъ среды населенія самую производительную ея часть.

Распредѣленіе заболѣвшихъ сыпнымъ тифомъ (равно какъ и другими заразными болѣзнями) по роду занимаемыхъ ими жилищъ и этажей можно привести лишь за три послѣдніе годы, ибо только съ 1888 года началась разработка свѣдѣній о заразной заболѣваемости въ этомъ отношеніи. По роду жилищъ числа заболѣвшихъ были таковы:

	1888.	1889.	1890.	Итого.
Въ частныхъ квартирахъ	73	101	142	316
„ коечныхъ и каморочныхъ квартирахъ....	57	110	169	336

	1888.	1889.	1890.	Итого.
Въ артельныхъ квартир.	29	46	62	137
„ меблирован. комнат.	2	4	7	13
На фабрикахъ.....	51	70	34	155
Въ ремесленныхъ заведен.	105	148	205	458
„ промышленныхъ „	16	19	23	58
„ учебныхъ „	9	9	6	24
„ казармахъ.....	17	8	5	30
„ богадѣльняхъ.....	9	5	19	33
„ больницахъ.....	37	46	79	162
„ тюрьмахъ.....	70	53	113	236
„ ночлежныхъ домахъ..	13	52	303	368

Наибольшее число заболѣвшихъ за три года было, какъ оказывается, въ ремесленныхъ заведеніяхъ, за которыми въ нисходящемъ порядкѣ по числу заболѣвшихъ слѣдуютъ: ночлежные дома, коечныя и каморочныя квартиры, частныя квартиры,[1] тюрьмы: во всѣхъ этого рода жилищахъ числа заболѣвшихъ сравнительно велики. По отдѣльнымъ годамъ первое мѣсто занимаютъ: въ 1888 и 1889 годахъ—ремесленныя заведенія, а въ 1890 году—ночлежные дома. Въ этомъ послѣднемъ году, именно въ концѣ его, наблюдались усиленныя заболѣванія сыпнымъ тифомъ среди ночлежниковъ.

За недостаткомъ въ настоящее время точныхъ свѣдѣній о количествѣ въ Москвѣ того или другаго рода жилищъ, а также о числѣ живущихъ въ нихъ, вышеприведенныя данныя не позволяютъ дѣлать какіе-либо рѣшительные выводы; тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя цифры заболѣвшихъ по роду занимаемыхъ ими жилищъ настолько рѣзко выдаются, что можно составить себѣ извѣстное понятіе, среди какого населенія была особенно распространена данная болѣзнь въ томъ или другомъ году. Такимъ образомъ, преобладаніе сыпнаго тифа среди ремесленниковъ, обитателей ночлежныхъ домовъ и коечныхъ и каморочныхъ квартиръ, а также среди арестантовъ, указываетъ на то, что въ населеніи всѣхъ этихъ квартиръ, населеніи, санитарныя условія жизни котораго весьма неудовлетворительны, существуетъ особенно сильная воспріимчивость къ заболѣваніямъ сыпнымъ

[1] Обозначеніе «частная квартира», какъ отмѣчается въ отч. за 1888, нужно считать не вполнѣ точнымъ, и нельзя ручаться, что въ эту рубрику на карточкахъ не зачислялись жилища какого-либо спеціальнаго характера.

тифомъ. Такое заключеніе относительно Москвы не будетъ неточнымъ уже и потому, что данныя относительно другихъ городовъ и вообще населенныхъ мѣстъ приводятъ къ совершенно подобнымъ же выводамъ.

Что касается распредѣленія заболѣвшихъ по этажамъ, то здѣсь нужно сдѣлать ту же самую оговорку по поводу недостатка свѣдѣній о числѣ квартиръ въ Москвѣ, занимающихъ тотъ или другой этажъ. По переписи 1882 года одноэтажные дома составляютъ 54,26%, а двухъ-этажные—41,17% всѣхъ домовъ въ Москвѣ. Если эти отношенія и измѣнились къ 1890 году, то во всякомъ случаѣ можно съ достаточною вѣроятностью считать, что среди московскихъ домовъ въ значительной мѣрѣ преобладаютъ дома въ одинъ и два этажа, и это слѣдуетъ принимать во вниманіе при разсмотрѣніи нижеприведенныхъ цифръ.

Числа заболѣвшихъ сыпнымъ тифомъ по этажамъ были слѣдующія:

	1888.	1889.	1890.	Итого.
Въ подвальномъ этажѣ....	29	58	105	192
„ 1-мъ „	212	306	459	977
„ 2-мъ „	135	161	266	562
„ 3-мъ „	61	59	77	197
„ 4-мъ „	1	7	42	50
„ 5-мъ и выше „	3	—	—	3

Какъ видно изъ этихъ цифръ, наибольшія числа заболѣвшихъ были въ 1-мъ и 2-мъ этажахъ; подвальный и 3-й этажи даютъ весьма близкія между собою цифры заболѣвшихъ.

Брюшной тифъ. По отдѣльнымъ годамъ пятилѣтія полицейскіе участки города Москвы, которые отличались относительно бо́льшимъ числомъ заболѣваній брюшнымъ тифомъ, были слѣдующіе (количество заболѣвшихъ на 1.000 жителей каждаго участка):

Въ 1886 году:	1-й участокъ	Хамовнической	части.....	3,32
	3-й „	Мясницкой	„	3,17
	3-й „	Рогожской	„	2,92
	2-й „	Серпуховской	„	2,81
	2-й „	Пятницкой	„	2,34
	1-й „	Пятницкой	„	2,23
	1-й „	Якиманской	„	2,08
Въ 1887 году:	2-й участокъ	Серпуховской	части	3,72
	3-й „	Рогожской	„	2,92

Въ 1887 году:	2-й	участокъ	Пятницкой	части 2,84
	3-й	„	Мясницкой	„ 2,73
	4-й	„	Мѣщанской	„ 2,04
Въ 1888 году:	3-й	участокъ	Рогожской	части 2,48
	1-й	„	Пятницкой	„ 2,39
	2-й	„	Серпуховской	„ 2,20
	4-й	„	Мѣщанской	„ 2,03
Въ 1889 году:	3-й	участокъ	Рогожской	части 3,55
	2-й	„	Пятницкой	„ 3,53
	3-й	„	Мясницкой	„ 3,39
	1-й	„	Рогожской	„ 2,56
	2-й	„	Хамовнической	„ 2,30
	1-й	„	Пятницкой	„ 2,27
	2-й	„	Басманной	„ 2,23
	2-й	„	Сущевской	„ 2,14
	2-й	„	Серпуховской	„ 2,13
Въ 1890 году:	3-й	участокъ	Мясницкой	части 7,77
	3-й	„	Рогожской	„ 6,23
	2-й	„	Пятницкой	„ 5,14
	1-й	„	Сущевской	„ 4,58
	1-й	„	Рогожской	„ 4,42
	2-й	„	Сущевской	„ 4,34
	1-й	„	Пятницкой	„ 4,25
	2-й	„	Прѣсненской	„ 4,22
	2-й	„	Яузской	„ 4,00

Изъ этого перечня участковъ съ наибольшею заболѣваемостью брюшнымъ тифомъ видно, что нѣкоторые изъ нихъ постоянно отличаются сравнительно бо́льшимъ числомъ заболѣваній. Такъ, 3-й участокъ Рогожской части въ этомъ отношеніи можно отмѣтить за всѣ пять лѣтъ, участки же: 1-й и 2-й Пятницкой части, 3-й Мясницкой части и 2-й Серпуховской части—за четыре года. За 2 послѣдніе года (1889 и 1890), когда брюшной тифъ былъ распространенъ въ Москвѣ сильнѣе, чѣмъ за три предшествующіе, одинаково стоятъ впереди другихъ три участка: 3-й Мясницкій, 2-й Пятницкій и 3-й Рогожскій.

Если расположить участки города Москвы въ нисходящемъ порядкѣ по общей сложности заболѣваній брюшнымъ тифомъ на 1.000 жителей за 5 лѣтъ, то получается слѣдующій рядъ:

3-й	участокъ	Мясницкой	части	18,65
3-й	„	Рогожской	„	18,10
2-й	„	Пятницкой	„	15,62
2-й	„	Серпуховской	„	14,52
1-й	„	Пятницкой	„	12,87
1-й	„	Рогожской	„	11,85
4-й	„	Мѣщанской	„	10,29
1-й	„	Хамовнической	„	9,86
2-й	„	Сущевской	„	9,55
1-й	„	Якиманской	„	9,38
2-й	„	Яузской	„	9,26
1-й	„	Мѣщанской	„	9,08
2-й	„	Рогожской	„	8,81
2-й	„	Хамовнической	„	8,79
3-й	„	Лефортовской	„	8,74
1-й	„	Мясницкой	„	8,72
Городской	участокъ			8,69
3-й	участокъ	Мѣщанской	части	8,65
1-й	„	Сущевской	„	8,32
3-й	„	Тверской	„	7,90
2-й	„	Мясницкой	„	7,80
1-й	„	Лефортовской	„	7,72
1-й	„	Срѣтенской	„	7,56
3-й	„	Сущевской	„	7,27
2-й	„	Прѣсненской	„	7,24
1-й	„	Басманной	„	7,00
2-й	„	Лефортовской	„	6,92
2-й	„	Арбатской	„	6,42
2-й	„	Басманной	„	6,01
2-й	„	Тверской	„	5,87
2-й	„	Якиманской	„	5,79
1-й	„	Яузской	„	5,61
2-й	„	Мѣщанской	„	5,60
2-й	„	Пречистенской	„	5,51
2-й	„	Срѣтенской	„	5,25
1-й	„	Тверской	„	4,94
1-й	„	Прѣсненской	„	4,90
1-й	„	Серпуховской	„	4,89
1-й	„	Пречистенской	„	4,61
1-й	„	Арбатской	„	3,65

Раньше уже упомянутые четыре участка города Москвы, какъ оказывается, стоятъ замѣтно впереди остальныхъ по числу заболѣвшихъ брюшнымъ тифомъ, и можно съ извѣстною вѣроятностью предположить, что они обладаютъ какими-то мѣстными условіями, благопріятствующими развитію въ ихъ населеніи брюшнаго тифа. Болѣзнь эта, какъ можно считать доказаннымъ, возникаетъ вслѣдствіе извѣстныхъ почвенныхъ условій и обнаруживаетъ постоянную связь съ колебаніями уровня грунтовыхъ водъ. Провѣрить такую зависимость для Москвы пока мы еще не можемъ по отсутствію у насъ правильно организованныхъ наблюденій за состояніемъ уровня грунтовыхъ водъ въ разныхъ мѣстностяхъ города.

Что касается того населенія, которое наиболѣе подвергалось заболѣваніямъ брюшнымъ тифомъ въ четырехъ вышеупомянутыхъ участкахъ, то въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить: солдатъ (живущихъ въ казармахъ), обитателей ночлежныхъ домовъ и фабричныхъ. По крайней мѣрѣ почти за всѣ года пятилѣтія та или другая часть этого населенія замѣтно страдала отъ брюшнаго тифа.

Распредѣленіе брюшнаго тифа по мѣсяцамъ за пять лѣтъ было таково (въ процентахъ).

	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.
Январь.....	11,96	9,76	10,23	9,39	3,13
Февраль.....	10,43	9,65	6,38	7,35	2,93
Мартъ.....	11,35	9,05	9,75	6,82	3,09
Апрѣль.....	7,61	4,55	9,26	4,47	2,43
Май.....	5,06	7,11	5,78	5,38	2,93
Іюнь.....	3,58	5,18	3,01	3,71	4,91
Іюль.....	5,59	4,28	4,33	7,04	10,84
Августъ.....	6,72	5,80	6,62	11,21	20,94
Сентябрь.....	9,78	11,19	7,94	16,67	18,55
Октябрь.....	8,73	11,28	14,68	14,32	13,64
Ноябрь.....	8,65	9,65	10,95	8,41	8,53
Декабрь.....	10,30	12,50	11,07	5,23	8,08

Изъ разсмотрѣнія этихъ цифръ видно, что вообще брюшной тифъ, имѣющій наименьшее развитіе въ одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, начинаетъ повышаться къ осени и достигаетъ наибольшаго напряженія въ одинъ изъ осеннихъ или зимнихъ мѣсяцевъ. Въ 1890 году замѣчается особенно раннее и рѣзкое повышеніе

заболѣваемости, которая уже въ августѣ (то-есть въ концѣ лѣта) образуетъ maximum.

При группировкѣ данныхъ о заболѣваемости брюшнымъ тифомъ по временамъ года получается слѣдующее (заболѣваемость въ процентахъ):

	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.
Весна (мартъ, апрѣль, май)....	24,02	20,71	24,79	16,67	8,45
Лѣто (іюнь, іюль, августъ)	15,89	15,26	13,96	21,96	36,69
Осень (сент., октябрь, ноябрь).	27,16	32,12	33,57	39,40	40,72
Зима (декабрь, январь, февраль).	32,69	31,91	27,68	21,97	14,14

Наибольшія числа заболѣвшихъ въ 1886 году оказываются зимой, а за остальные годы — осенью; наименьшія числа: въ 1886, 1887 и 1888 гг.—лѣтомъ, въ 1889 и 1890 гг.—весной.

Заболѣваемость брюшнымъ тифомъ по полу заболѣвшихъ на 1.000 жителей была слѣдующая:

	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.
Мущинъ.....	1,88	1,61	1,41	2,13	3,88
Женщинъ.....	0,88	0,74	0,69	1,25	2,33

Такимъ образомъ, брюшной тифъ, какъ и сыпной, отличается постояннымъ преобладаніемъ среди мужскаго населенія.

По возрастнымъ группамъ распредѣленіе брюшнаго тифа выражается въ слѣдующихъ цифрахъ (числа заболѣвшихъ на 1.000 жителей каждой группы):

	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.
0— 5 лѣтъ.....	0,37	0,37	0,21	0,55	0,72
5—10 „	0,66	0,61	0,56	1,28	2,09
10—15 „	1,78	1,52	1,47	2,17	4,92
15—20 „	2,82	2,68	2,34	3,65	8,14
20—30 „	2,49	1,95	1,73	2,47	4,35
30—40 „	0,87	0,88	0,66	1,41	1,92
40—50 „	0,61	0,43	0,48	0,79	1,23
50—60 „	0,80	0,42	0,38	0,59	0,86
60 и выше	0,41	0,22	0,22	0,39	0,56

За всѣ пять лѣтъ болѣе всего заболѣвало брюшнымъ тифомъ въ возрастѣ 15—20 лѣтъ. Рядомъ съ этою группой по числамъ заболѣвшихъ стоятъ группы 20—30 лѣтъ и 10 — 15 лѣтъ. Затѣмъ, по мѣрѣ повышенія и пониженія возрастныхъ группъ заболѣваемость прогрессивно падаетъ. Въ общемъ распредѣленіе брюшнаго и сыпнаго тифовъ по возрастамъ оказывается сходнымъ.

Переходя къ разсмотрѣнію заболѣваній брюшнымъ тифомъ по роду жилищъ, занимаемыхъ заболѣвшими, находимъ слѣдующія данныя:

	1888.	1889.	1890.	Итого.
Въ частныхъ квартирахъ заболѣло...	180	307	623	1.110
„ коечныхъ и каморочныхъ „ ...	84	218	349	651
„ артельныхъ „ „ ...	72	112	174	358
„ меблированныхъ комнатахъ „ ...	14	15	19	48
На фабрикахъ „ ...	101	128	188	.417
Въ ремесленныхъ заведеніяхъ „ ..	168	275	591	1.034
„ промышленныхъ „ „ ...	42	64	101	207
„ учебныхъ „ „ ...	18	23	23	64
„ казармахъ „ ...	70	47	79	196
„ богадѣльняхъ „ ...	8	3	11	22
„ больницахъ „ ...	35	37	33	105
„ тюрьмахъ „ ...	—	4	13	17
„ ночлежныхъ домахъ „ ...	10	31	94	135

Преобладающее число заболѣваній было въ частныхъ квартирахъ, за которыми слѣдуютъ ремесленныя заведенія, и коечныя, и каморочныя квартиры. Оставляя въ сторонѣ частныя квартиры (о неточности обозначенія которыхъ было упомянуто выше), нельзя не обратить вниманія на крупную цифру заболѣвшихъ среди ремесленниковъ. Брюшной тифъ такъ же, какъ и сыпной, очевидно находитъ себѣ благопріятную почву въ этихъ квартирахъ, санитарныя условія которыхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ весьма неудовлетворительны. Это явленіе имѣетъ мѣсто, какъ за всѣ три года вмѣстѣ взятые, такъ и за каждый отдѣльный годъ. Коечно-каморочныя квартиры, фабрики и артельныя квартиры также даютъ большія цифры заболѣвшихъ брюшнымъ тифомъ.

Распредѣленіе заболѣвшихъ брюшнымъ тифомъ по этажамъ было таково:

	1888.	1889.	1890.	Итого.
Въ подвальномъ этажѣ....	51	141	219	411
„ 1-мъ „	325	581	1.036	1.942
„ 2-мъ „	254	376	713	1.343
„ 3-мъ „	38	61	126	225
„ 4-мъ „	3	9	19	31
„ 5-мъ и выше „	7	2	1	10

Какъ и сыпной тифъ, брюшной далъ наибольшія цифры заболѣвшихъ въ 1-мъ и 2-мъ этажахъ, за которыми слѣдуетъ подвальный этажъ, гдѣ было значительно болѣе заболѣвшихъ, нежели въ 3-мъ этажѣ. Относительно сыпнаго тифа, числа заболѣвшихъ въ этихъ послѣднихъ этажахъ, какъ было упомянуто, почти одинаковы.

Что касается *возвратнаго тифа*, то я не буду подробно останавливаться на немъ, ибо только за два первые года пятилѣтія (1886 и 1887) болѣзнь эта была распространена въ Москвѣ. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ возвратный тифъ былъ наблюдаемъ въ особенности въ трехъ участкахъ города Москвы: 3-мъ Мясницкомъ, 2-мъ Сущевскомъ и 2-мъ Хамовническомъ. Заболѣваніямъ подвергались, главнымъ образомъ, ночлежники и арестанты пересыльной тюрьмы. Числа заболѣвшихъ были значительно выше среди мущинъ, нежели среди женщинъ. Въ 1886 и 1887 годахъ возвратный тифъ преобладалъ среди населенія въ возрастѣ 15—20 лѣтъ. По мѣсяцамъ наибольшія числа заболѣвшихъ были: въ 1886 году въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ (maximum), а въ 1887 году въ январѣ (maximum), февралѣ и мартѣ.

Какъ уже было упомянуто, начиная съ 1887 года число заболѣваній возвратнымъ тифомъ быстро и непрерывно уменьшается, и въ 1890 году эта болѣзнь въ Москвѣ почти совершенно исчезаетъ.

Послѣ разсмотрѣнія въ главныхъ чертахъ группы тифозныхъ заболѣваній, обратимся къ двумъ наиболѣе важнымъ представителямъ заразныхъ болѣзней, свойственныхъ преимущественно дѣтскому возрасту,—скарлатинѣ и дифтериту. Обѣ эти болѣзни въ теченіе пяти лѣтъ обнаруживаютъ ясную наклонность къ прогрессивному усиленію, что̀ особенно относится къ скарлатинѣ, число заболѣвшихъ которой непрерывно возрастаетъ изъ года въ годъ.

Скарлатина. Полицейскіе участки города Москвы, въ которыхъ наблюдались наибольшія количества заболѣваній скарлатиной за каждый отдѣльно взятый годъ пятилѣтія, были слѣдующіе (числа заболѣвшихъ на 1.000 жителей каждаго участка):

Въ 1886	году:	3-й	участокъ	Лефортовской	части	5,16
Въ 1887	„	3-й	„	Мѣщанской	„	3,60
Въ 1888	„	4-й	„	Мѣщанской	„	6,58
Въ 1889	„	2-й	„	Мѣщанской	„	6,14
		2-й	„	Басманной	„	5,12
Въ 1890	„	2-й	„	Прѣсненской	„	5,63

Относительно распредѣленія скарлатины по участкамъ не замѣчается того явленія, которое мы видѣли при разсмотрѣніи тифозныхъ заболѣваній. По числу заболѣвшихъ скарлатиной обыкновенно выдается одинъ какой-либо участокъ, и только въ 1889 году такихъ участковъ оказывается два. По остальнымъ участкамъ за всѣ пять лѣтъ скарлатина распредѣляется довольно равномѣрно, такъ что при расположеніи участковъ въ нисходящемъ порядкѣ по числу заболѣвшихъ получаются ряды съ весьма постепенно уменьшающимися цифрами. Въ 1887 году, напримѣръ, наибольшее число заболѣвшихъ было въ 3-мъ Мѣщанскомъ участкѣ—3,60 на 1.000 жителей; но этотъ участокъ своею цифрой заболѣвшихъ весьма мало отличается отъ слѣдующаго за нимъ 4-го Мѣщанскаго съ 3,58 заболѣвшими на 1.000. Далѣе убываніе заболѣвшихъ идетъ почти съ такою же постепенностью. За остальные годы, кромѣ 1887, приведенные выше участки дѣйствительно замѣтно выдаются по числу заболѣвшихъ, но ни одинъ участокъ не повторяется въ качествѣ первенствующаго по заболѣваемости скарлатиной. Если взять первые 5 участковъ по количеству заболѣвшихъ за каждый годъ, то окажется, что въ этой группѣ повторяются слѣдующіе участки: 4-й Мѣщанской—3 раза, 2-й Басманный, 2-й Мѣщанскій, 1-й и 2-й Прѣсненскіе—по 2 раза.

Что касается нѣкоторыхъ участковъ, стоящихъ впереди другихъ по отдѣльнымъ годамъ, то о нихъ мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія: въ 3-мъ участкѣ Лефортовской части въ 1886 году повышеніе заболѣваемости зависѣло отъ заболѣваній скарлатиной въ военно-учебныхъ заведеніяхъ (главнымъ образомъ въ 1-мъ и 4-мъ кадетскихъ корпусахъ); въ 4-мъ участкѣ Мѣщанской части въ 1888 году сравнительно большое число заболѣвшихъ скарлатиной было въ Дѣтской больницѣ Св. Владиміра; относительно большое число заболѣвшихъ во 2-мъ участкѣ Басманной части въ 1889 году принадлежитъ, главнымъ образомъ, малолѣтнему отдѣленію Николаевскаго Сиротскаго института. Въ остальныхъ изъ шести вышеприведенныхъ участковъ заболѣванія скарлатиной были разсѣяны, главнымъ образомъ, по различнымъ владѣніямъ, образуя иногда небольшія гнѣзда.

Взявъ общіе итоги заболѣвшихъ скарлатиной на 1.000 жителей каждаго участка за всѣ пять лѣтъ вмѣстѣ, получимъ слѣдующій рядъ:

1-й	участокъ	Мѣщанской	части	20,80
2-й	„	„	„	19,15
2-й	„	Прѣсненской	„	17,07
3-й	„	Лефортовской	„	15,92
3-й	„	Мѣщанской	„	15,55
3-й	„	Сущевской	„	15,34
2-й	„	Сущевской	„	14,82
2-й	„	Басманной	„	14,66
1-й	„	Пречистенской	„	14,49
1-й	„	Прѣсненской	„	14,37
2-й	„	Арбатской	„	14,18
2-й	„	Яузской	„	13,91
1-й	„	Мѣщанской	„	13,84
1-й	„	Лефортовской	„	13,75
2-й	„	Рогожской	„	13,49
2-й	„	Срѣтенской	„	13,01
1-й	„	Сущевской	„	13,01
1-й	„	Пятницкой	„	12,73
2-й	„	Мясницкой	„	12,63
1-й	„	Басманной	„	12,21
1-й	„	Срѣтенской	„	12,12
1-й	„	Яузской	„	12,08
1-й	„	Арбатской	„	11,29
2-й	„	Якиманской	„	11,28
2-й	„	Пречистенской	„	11,20
3-й	„	Рогожской	„	11,15
1-й	„	Серпуховской	„	11,11
Городской участокъ				10,98
1-й	участокъ	Тверской	части	10,90
2-й	„	„	„	10,73
1-й	„	Мясницкой	„	10,40
2-й	„	Лефортовской	„	10,22
3-й	„	Тверской	„	10,00
1-й	„	Рогожской	„	9,77
2-й	„	Пятницкой	„	9,72
2-й	„	Хамовнической	„	9,41
1-й	„	Якиманской	„	9,35
1-й	„	Хамовнической	„	8,18
2-й	„	Серпуховской	„	8,11
3-й	„	Мясницкой	„	7,79

Изъ этого ряда видно, что участки, стоящіе впереди другихъ по числу заболѣвшихъ, не особенно рѣзко отдѣляются отъ слѣдующихъ за ними участковъ. При разсмотрѣніи сыпнаго тифа мы видѣли совершенно обратное явленіе. Не лишено интереса и то, что 3-й участокъ Мясницкой части, отличающійся столь сильною заболѣваемостью тремя формами тифа, по заболѣваніямъ скарлатиной занимаетъ послѣднее мѣсто.

По мѣсяцамъ заболѣванія скарлатиной (въ процентныхъ отношеніяхъ) распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.
Январь	10,09	9,21	13,36	12,00	10,63
Февраль	8,78	7,98	9,87	8,52	10,09
Мартъ	9,89	8,83	8,69	9,92	7,96
Апрѣль	7,92	7,45	6,55	5,76	5,47
Май	6,02	6,50	6,11	6,39	6,94
Іюнь	4,78	4,15	5,20	5,86	5,20
Іюль	5,37	6,17	3,33	3,97	4,76
Августъ	8,00	6,07	5,74	5,86	6,05
Сентябрь	8,84	9.90	8,80	7,74	10,36
Октябрь	10,87	13,36	9,55	10,79	12,67
Ноябрь	9,37	10,86	9,98	10,65	10,49
Декабрь	10,09	9,52	12,82	12,54	9,38

Наименьшія числа заболѣвшихъ скарлатиной за всѣ пять лѣтъ относятся къ іюню или іюлю. Замѣтно повышаясь къ осени, скарлатина образуетъ maximum въ одинъ изъ осеннихъ или зимнихъ мѣсяцевъ, а именно: за три года (1886, 1887 и 1890) maximum приходится на октябрь, въ 1888 году—на январь и въ 1889—на декабрь.

По временамъ года процентныя отношенія заболѣвшихъ скарлатиной распредѣляются такъ:

	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.
Весна (мартъ, апрѣль, май)	23,83	22,78	21,35	22,07	20,37
Лѣто (іюнь, іюль, августъ)	18,15	16,39	14,27	15,69	16,01
Осень (сентябрь, октябрь, ноябрь)	29,08	34,12	28,33	29,18	33,52
Зима (декабрь, январь, февраль)	28,96	26.71	36,05	33,06	30,10

Наименьшія числа заболѣвшихъ скарлатиной за всѣ пять лѣтъ были лѣтомъ, наибольшія же—осенью (въ 1886, 1887 и 1890 годахъ) или зимой (въ 1888 и 1889 годахъ). Особенное сильное

повышеніе заболѣваемости осенью и зимой относится къ 1887 и 1888 годамъ.

На 1.000 жителей каждаго пола по отдѣльнымъ годамъ заболѣвало скарлатиной: [1]

	1887.	1888.	1889.	1890.
Мущинъ.....	2,13	2,23	2,44	2,58
Женщинъ.....	2,78	2,80	3,15	3,53

Такимъ образомъ, въ противоположность тифознымъ заболѣваніямъ, за четыре года лица женскаго пола чаще подвергались заболѣваніямъ скарлатиной, нежели лица мужскаго пола.

Переходя къ распредѣленію заболѣваній по возрастнымъ группамъ (на 1.000 жителей), находимъ слѣдующія данныя:

	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.
0— 5 лѣтъ...	1,13	14,60	14,55	17,63	17,52
5—10 „ ...	13,38	16,67	16,18	18,16	19,78
10—15 „ ...	5,32	5,13	5,52	6,09	7,18
15—20 „ ...	0,91	1,07	1,06	1,06	1,53
20—30 „ ...	0,12	0,29	0,35	0,22	0,29
30—40 „ ...	0,04	0,07	0,11	0,12	0,09
40—50 „ ...	[2]	0,01	0,04	0,01	0,06
50—60 „ ...	—	—	—	—	—
60 лѣтъ и выше.	—	—	—	0,05	—

Приведенныя данныя за всѣ пять лѣтъ указываютъ, что скарлатиной болѣютъ чаще всего дѣти въ возрастѣ отъ 5 до 10 лѣтъ, а затѣмъ—въ возрастѣ до 5 лѣтъ. Въ возрастной группѣ 10—15 лѣтъ заболѣваемость уже замѣтно понижается, а у лицъ старше 15 лѣтъ становится уже довольно рѣдкимъ явленіемъ. Такимъ образомъ, годы первоначальнаго обученія дѣтей представляютъ для послѣднихъ наибольшую опасность въ смыслѣ зараженія скарлатиной.

Обратимся теперь къ нижеслѣдующему распредѣленію заболѣвшихъ скарлатиной по роду ихъ жилищъ.

	1888.	1889.	1890.	Итого.
Въ частныхъ квартирахъ заболѣло...	969	1.064	1.184	3.217
„ коечныхъ и каморочныхъ „ ...	238	276	349	863
„ артельныхъ „ „ ..	22	38	65	125

[1] Въ отчетахъ свѣдѣнія, какъ по скарлатинѣ, такъ по дифтериту въ этомъ отношеніи начинаются съ 1887 года.

[2] 1 случай заболѣванія.

	1888.	1889.	1890.	Итого.
Въ меблированныхъ комнатахъ заболѣло.	20	47	28	95
На фабрикахъ „ ...	42	42	36	120
Въ ремесленныхъ заведеніяхъ „ ...	185	256	231	672
„ промышленныхъ „ „ ...	42	48	21	111
„ учебныхъ „ „ ...	88	151	147	386
„ казармахъ „ ...	15	5	6	26
„ богадѣльняхъ „ ...	22	31	6	59
„ больницахъ „ ...	60	40	35	135
„ тюрьмахъ „ ...	9	7	2	18
„ ночлежныхъ домахъ „ ...	7	6	6	19

Значительное преобладаніе числа заболѣвшихъ оказывается въ частныхъ квартирахъ. Преобладаніе это по отношенію къ скарлатинѣ однако уже столь велико, что, даже имѣя въ виду неточности въ обозначеніи этого рода жилищъ, необходимо предположить, что въ такъ-называемыхъ частныхъ квартирахъ скарлатина распространена сравнительно весьма сильно. Какъ указывается въ отчетѣ за 1888 годъ, на величину числа заболѣвшихъ скарлатиной въ частныхъ квартирахъ „имѣетъ, несомнѣнно, главное вліяніе то обстоятельство, что эвакуація больныхъ дѣтей въ частныхъ квартирахъ весьма рѣдко можетъ быть выполнена, а изоляція, по большей части, вовсе недостижима“. Значительныя числа заболѣвшихъ скарлатиной относятся также къ коечнымъ и каморочнымъ квартирамъ, ремесленнымъ и учебнымъ заведеніямъ. Условія жизни въ этого рода помѣщеніяхъ по большей части даютъ возможность болѣе или менѣе тѣснаго соприкосновенія дѣтей между собою, отсюда является легкая возможность передачи другъ другу заразы и, слѣдовательно, частое возникновеніе заболѣваній скарлатиной, заразное начало которой, какъ извѣстно, переносится весьма легко.

По этажамъ заболѣванія скарлатиной распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	1888.	1889.	1890.	Итого.
Въ подвальномъ этажѣ заболѣло...	105	160	192	457
„ 1-мъ „ „ ...	680	775	813	2.268
„ 2-мъ „ „ ...	573	652	741	1.966
„ 3-мъ „ „ ...	103	177	121	401
„ 4-мъ „ „ ..	16	19	28	63
„ 5-мъ и выше „ „ ...	3	1	3	7

Въ 1-мъ и 2-мъ этажахъ оказываются самыя большія числа заболѣвшихъ.

Дифтеритъ. По числамъ заболѣвшихъ дифтеритомъ (на 1.000 жителей) въ теченіе пяти лѣтъ выдавались слѣдующіе участки города Москвы:

Въ	1886	году:	3-й	участокъ	Мясницкой	части.....	6,24
„	„	„	4-й	„	Мѣщанской	„	3,82
„	1887	„	4-й	„	Мѣщанской	„	3,70
„	1888	„	4-й	„	Мѣщанской	„	6,10
„	„	„	3-й	„	Сущевской	„	3,20
„	1889	„	1-й	„	Мѣщанской	„	3,24
„	„	„	4-й	„	Мѣщанской	„	2,99
„	1890	„	4-й	„	Мѣщанской	„	4,90

По заболѣваемости дифтеритомъ участки, стоящіе впереди, отличаются отъ слѣдующихъ за ними болѣе замѣтно, чѣмъ это мы видѣли при скарлатинѣ. По числу заболѣвшихъ дифтеритомъ въ каждомъ году выдѣляются одинъ или два участка, въ остальныхъ же участкахъ дифтеритъ распредѣляется довольно равномѣрно. За всѣ пять лѣтъ 4-й Мѣщанскій участокъ всегда отличался сравнительно сильною заболѣваемостью дифтеритомъ, и этимъ онъ обязанъ помѣщающейся въ немъ Дѣтской больницѣ Св. Владиміра, гдѣ часто возникали заболѣванія дифтеритомъ въ довольно большомъ количествѣ. Въ 3-мъ участкѣ Мясницкой части въ 1886 году усиленная заболѣваемость принадлежала, главнымъ образомъ, расположенному въ этомъ участкѣ Воспитательному Дому. Въ 1889 году 1-й участокъ Мѣщанской части хотя и занимаетъ первое мѣсто по дифтериту, но число заболѣвшихъ въ немъ не особенно замѣтно превышаетъ число заболѣвшихъ въ слѣдующемъ за нимъ 4-мъ участкѣ Мѣщанской части. Заболѣванія дифтеритомъ въ 1-мъ Мѣщанскомъ участкѣ въ 1889 году были разсѣяны по различнымъ частнымъ владѣніямъ.

Если возьмемъ пять участковъ, отличающихся за каждый годъ наибольшими числами заболѣвшихъ, то увидимъ, что 4-й Мѣщанскій участокъ при этомъ повторится 5 разъ, 3-й Мясницкій и 2-й Мѣщанскій—по 3 раза, 3-й Мѣщанскій, 1-й Пречистенскій и 2-й Прѣсненскій—по 2 раза.

Общіе итоги заболѣвшихъ дифтеритомъ на 1.000 жителей каждаго участка за всѣ пять лѣтъ образуютъ слѣдующій нисходящій рядъ по участкамъ:

4-й	участокъ	Мѣщанской	части	21,51
3-й	„	Мясницкой	„	14,11
2-й	„	Мѣщанской	„	11,95
2-й	„	Прѣсненской	„	11,90
3-й	„	Мѣщанской	„	11,07
2-й	„	Срѣтенской	„	10,64
3-й	„	Сущевской	„	10 55
1-й	„	Лефортовской	„	9,88
1-й	„	Мѣщанской	„	9,59
2-й	„	Арбатской	„	9,46
1-й	„	Сущевской	„	9,45
2-й	„	Якиманской	„	9,33
1-й	„	Срѣтенской	„	9,30
3-й	„	Лефортовской	„	9,17
1-й	„	Басманной	„	9,14
1-й	„	Пятницкой	„	8,83
2-й	„	Сущевской	„	8,68
1-й	„	Пречистенской	„	8,53
1-й	„	Якиманской	„	8,50
2-й	„	Басманной	„	8,34
1-й	„	Серпуховской	„	8,21
2-й	„	Яузской	„	8,00
2-й	„	Серпуховской	„	7,69
2-й	„	Хамовнической	„	7,52
2-й	„	Тверской	„	7,48
1-й	„	„	„	7,02
2-й	„	Пятницкой	„	6,91
2-й	„	Пречистенской	„	6,88
3-й	„	Тверской	„	6,88
1-й	„	Мясницкой	„	6,81
1-й	„	Арбатской	„	6,61
2-й	„	Рогожской	„	6,23
1-й	„	„	„	6,10
2-й	„	Мясницкой	„	5,94
1-й	„	Яузской	„	5,80
2-й	„	Лефортовской	„	5,59
1-й	„	Прѣсненской	„	5,58
Городской участокъ				5,26
1-й	участокъ	Хамовнической	части	5,05
3-й	„	Рогожской	„	4,87

Впереди приведеннаго ряда, какъ и по отношенію къ скарлатинѣ, стоитъ 4-й участокъ Мѣщанской части, за которымъ слѣдуетъ 3-й участокъ Мясницкой части, по заболѣваемости скарлатиной занимающій за пять лѣтъ послѣднее мѣсто. Эти два участка только и выдѣляются замѣтно среди остальныхъ.

Распредѣленіе заболѣваній дифтеритомъ по мѣсяцамъ (въ процентахъ) было слѣдующе:

	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.
Январь.....	7,99	11,00	9,10	10,30	6,76
Февраль.....	7,05	9,90	7,54	8,51	5,89
Мартъ	7,83	8,34	8,21	11,74	6,50
Апрѣль.....	6,43	7,56	5,97	6,04	7,77
Май.....	8,99	6,80	7,99	8,43	4,69
Іюнь.....	5,22	6,47	6,34	7,23	7,30
Іюль.....	5,89	7,88	6,12	6,21	6,77
Августъ.....	8,84	6,47	6,34	7,06	7,84
Сентябрь.....	9,23	8,27	11,27	8,60	11,72
Октябрь.....	12,71	10,47	10,82	8,34	14,20
Ноябрь..	10,39	8,90	10,67	8,60	12,19
Декабрь.....	9,38	7,88	9,63	8,94	8,37

Данныя распредѣленія дифтерита по мѣсяцамъ показываютъ, что въ этомъ отношеніи дифтеритъ не обнаруживаетъ особенной правильности. Наименьшія числа заболѣвшихъ приходятся: въ 1886 году на іюнь, въ 1887—на іюнь и августъ, въ 1888 и 1889—на апрѣль и въ 1890—на май. Наибольшія числа: въ 1886 и 1890 годахъ—на октябрь, въ 1887—на январь, въ 1888—на сентябрь и въ 1889—на мартъ. Въ общемъ заболѣваемость увеличивается по большей части въ теченіе осеннихъ мѣсяцевъ. Въ 1889 году отмѣчается та особенность, что дифтеритъ, достигшій наибольшаго развитія въ мартѣ, уже въ апрѣлѣ образуетъ minimum.

Теченіе дифтерита по временамъ года (въ процентахъ) видно изъ нижеслѣдующихъ цифръ:

	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.
Весна (мартъ, апрѣль, май)...	23,25	22,70	22,17	26,21	18,96
Лѣто (іюнь, іюль, августъ)....	19,95	20,82	18,80	20,50	21,91
Осень (сент., октябрь, ноябрь)	32,33	27,64	32,76	25,54	38,11
Зима (декабрь, январь, февраль)	24,42	28,78	26,27	27,75	21,02

За четыре года наименьшія числа заболѣвшихъ относятся къ лѣту (съ 1886 по 1889 г.) и за одинъ только 1890 годъ—къ веснѣ. Наиболѣе сильное развитіе дифтерита въ 1886, 1888 и 1890 годахъ было осенью, а въ 1887 и 1889—зимой.

По полу заболѣвшіе дифтеритомъ за четыре года распредѣлялись такъ (на 1.000 населенія):

	1887.	1888.	1889.	1890.
Мущинъ	1,40	1,43	1,35	1,68
Женщинъ.....	2,62	2,24	1,85	2,38

Заболѣваемость дифтеритомъ среди лицъ женскаго пола чаще, чѣмъ среди лицъ мужскаго пола. То же самое мы видѣли и по отношенію къ скарлатинѣ.

Нижеслѣдующія данныя показываютъ, какъ распредѣлялись заболѣванія дифтеритомъ по возрастнымъ группамъ (на 1.000 населенія):

	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.
0—5 лѣтъ	9,48	8,43	9,28	8,37	11,24
5—10 „	6,44	6,47	8,36	6,37	9,03
10—15 „	2,84	3,53	2,95	2,68	3,83
15—20 „	1,36	1,22	1,48	1,49	1,54
20—30 „	0,82	0,82	0,79	0,73	0,76
30—40 „	0,45	0,42	0,50	0,33	0,47
40—50 „	0,34	0,33	0,32	0.32	0,25
50—60 „	0,20	0,20	0,15	0,29	0,12
60 л. и выше	0,10	0,06	0,09	0,15	0,07

Дифтеритъ, какъ оказывается, поражаетъ чаще всего дѣтей въ возрастѣ до пяти лѣтъ; въ группѣ 5—10 лѣтъ онъ также даетъ сравнительно большія цифры заболѣваемости, въ слѣдующей же группѣ 10—15 лѣтъ заболѣваемость уже замѣтно понижается, и это пониженіе идетъ быстро и непрерывно по мѣрѣ увеличенія возрастовъ. При разсмотрѣніи скарлатины мы видѣли, что она преобладаетъ не въ самомъ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, какъ дифтеритъ, но въ возрастѣ 5—10 лѣтъ. Наибольшая опасность заболѣванія дифтеритомъ является, слѣдовательно, въ возрастѣ отъ перваго дѣтства до пяти лѣтъ.

Распредѣленіе заболѣвшихъ дифтеритомъ по роду жилищъ выражается въ слѣдующихъ числахъ:

	1888.	1889.	1890.	Итого.
Въ частныхъ квартирахъ заболѣло	647	547	715	1.909
„ коечныхъ и каморочныхъ квартирахъ заболѣло.....	214	158	249	621
„ артельныхъ квартир. заболѣло	21	20	46	87
„ меблирован. комнатахъ „	15	18	18	51
На фабрикахъ „	35	36	20	91
Въ ремеслен. заведеніяхъ „	166	176	197	539
„ промышл. „ „	30	41	20	91
„ учебныхъ „ „	34	41	68	143
„ казармахъ „	8	12	10	30
„ богадѣльняхъ „	17	22	14	53
„ больницахъ „	47	44	32	123
„ тюрьмахъ „	2	5	2	9
„ ночлежныхъ домахъ „	6	9	5	20

Заболѣванія дифтеритомъ значительно преобладаютъ въ частныхъ квартирахъ, хотя преобладаніе это не такъ рѣзко выражено, какъ мы видѣли это по отношенію къ скарлатинѣ. За частными квартирами по числу заболѣвшихъ дифтеритомъ слѣдуетъ такъ же, какъ и при скарлатинѣ: коечныя и каморочныя квартиры, ремесленныя и учебныя заведенія.

По этажамъ заболѣваніе дифтеритомъ распредѣлялось такъ:

	1888.	1889.	1890.	Итого.
Въ подвальномъ этажѣ заболѣло	102	109	126	337
„ 1-мъ „ „	476	426	626	1.528
„ 2-мъ „ „	438	370	445	1.253
„ 3-мъ „ „	69	93	92	254
„ 4-мъ „ „	5	18	16	39
„ 5-мъ и выше „ „	—	—	1	1

Такъ же, какъ и по другимъ разсмотрѣннымъ нами болѣзнямъ, заболѣванія дифтеритомъ главнымъ образомъ относятся къ 1-му и 2-му этажамъ.

Въ заключеніе упомянемъ въ краткихъ словахъ о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя приводятся въ отчетахъ о распредѣленіи заразныхъ больныхъ по мѣсту ихъ лѣченія, а также о взаимныхъ отношеніяхъ карточекъ о заразныхъ больныхъ, присланныхъ изъ больницъ, амбулаторій и отъ практикующихъ врачей.

За четыре года процентныя отношенія заразныхъ больныхъ по мѣсту лѣченія были слѣдующія:

	1887.	1888.	1889.	1890.
Лѣчилось: въ больницахъ	59,0	52,2	47,4	49,5
„ „ амбулаторіяхъ. .	21,0	26,4	32,7	35,1
„ „ у врачей	20,0	21,4	19,9	15,4

За всѣ четыре года преобладаетъ больничное лѣченіе, въ послѣдніе же два года замѣтно увеличиваются числа лѣчившихся въ амбулаторіяхъ.

Процентныя отношенія присланныхъ карточекъ за четыре года были таковы:

	1887.	1888.	1889.	1890.
Карточекъ изъ больницъ	58,0	49,9	45,5	47,2
„ „ амбулаторій.	22,0	28,0	34,5	35,7
„ отъ врачей	20,0	22,1	20,0	17,1

Относительно карточекъ о заразныхъ больныхъ мы видимъ то же явленіе, то-есть преобладаніе больничныхъ карточекъ за всѣ четыре года и постепенное возрастаніе числа карточекъ, присылаемыхъ изъ амбулаторій.

Окончивъ разсмотрѣніе тѣхъ цифровыхъ данныхъ, посредствомъ которыхъ я постарался дать читателямъ понятіе о заболѣваніяхъ заразными болѣзнями въ Москвѣ, я долженъ сказать, что собираніе свѣдѣній о заболѣваемости населенія представляетъ большія трудности. Между тѣмъ эта область санитарной статистики имѣетъ чрезвычайно большой интересъ, въ особенности по отношенію къ заразнымъ болѣзнямъ. Нужно надѣяться, что недостатокъ доставляемыхъ свѣдѣній о заболѣвшихъ, въ чемъ и заключается наиболѣе слабая сторона статистики заболѣваемости, будетъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе пополняться, и тѣ, на обязанности которыхъ лежитъ доставленіе упомянутыхъ свѣдѣній, проникнутся сознаніемъ, что оно есть требованіе, предъявляемое не только закономъ, но и нравственнымъ долгомъ. Въ слѣдующей статьѣ я постараюсь познакомить читателей съ другимъ интереснымъ и поучительнымъ матеріаломъ, который заключается какъ въ упомянутыхъ уже отчетахъ городской управы по санитарной части, такъ и въ отчетахъ о дѣятельности московскихъ городскихъ санитарныхъ врачей.

А. Петровскій.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

Письмо III.

Въ половинѣ прошлаго мѣсяца парламентъ снова принялся за свои прерванныя на три недѣли занятія. Въ палатѣ депутатовъ опасались, чтобы г. Лоръ и его друзья не устроили какого-нибудь продолженія бурнаго инцидента, случившагося 19 января. Но спокойствіе нарушено не было. Г. Лоръ воздержался отъ присутствія на засѣданіи и президенту не пришлось прекращать никакихъ безпорядковъ. Неожиданно вернулись къ вопросу объ общемъ таможенномъ тарифѣ, и соціалистическій депутатъ г. Лафаргъ сталъ требовать, чтобы палата понизила пошлины на съѣстные припасы. Главному составителю новыхъ тарифовъ г. Мелину было не трудно побѣдить своего противника. Возраженіе его было настолько основательно, что большинство покрыло его рѣчь рукоплесканіями и отвергло предложеніе Лафарга, заявивъ, что въ настоящее время нѣтъ никакого повода измѣнять распоряженій, вотированныхъ съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Вполнѣ очевидно, что многія газеты горячо нападаютъ на новый экономическій и таможенный режимъ, начавшійся съ 1 февраля. Но въ то же время безспорно, что Франція, вотировавъ новые тарифы, снова сдѣлалась распорядительницей своей промышленной и торговой политики, что она покончила съ обманчивымъ ученіемъ космополитской школы, что она, наконецъ, вернулась къ истиннымъ принципамъ національной политической экономіи. Зачѣмъ жаловаться на это столь разумное возвращеніе къ традиціямъ и здравому смыслу? Зачѣмъ сожалѣть о благомъ

дѣлѣ, которое необходимо слѣдовало совершить цѣною испытаній, временныхъ жертвъ, впрочемъ, совершенно неизбѣжныхъ при всякой перемѣнѣ экономическаго строя? Зачѣмъ же позволять пугать себя порою малоосновательнымъ сѣтованіямъ? Нѣкоторыя сѣтованія и бываютъ основательны, но большею частью они бываютъ искусственныя. Этихъ послѣднихъ удовлетворять невозможно, развѣ только жертвовать имъ самыми интересами Франціи. Безъ сомнѣнія, переходъ отъ экономическаго строя 1860 года къ новому строю поведетъ къ нѣкоторымъ затрудненіямъ и нѣкоторымъ испытаніямъ. Но какъ коснуться столь разнообразныхъ интересовъ, не затронувъ какихъ-нибудь отдѣльныхъ лицъ? Словомъ, слѣдуетъ сохранять хладнокровіе въ виду разсчитаннаго возбужденія, которое рано или поздно уляжется. Что же до хищныхъ торгашей, которые изъ-за предвзятой мысли о произвольной наживѣ стали бы стараться погубить составленное и преслѣдуемое въ интересахъ національнаго труда преобразованіе, то съ ними сумѣютъ справиться, сумѣютъ заставить ихъ вернуться къ порядку.

При возобновленіи парламентскихъ сессій членамъ обѣихъ палатъ былъ розданъ проектъ закона объ ассоціаціяхъ, внесенный 16 января министромъ внутреннихъ дѣлъ г. Констаномъ. Проектъ этотъ произвелъ тягостное впечатлѣніе на либераловъ, или, если вы предпочитаете, на умѣренныхъ. Дѣлаютъ заключеніе при близкомъ разсмотрѣніи проекта, что несправедливая власть въ состояніи по своему желанію поражать и уничтожать всякія религіозныя общества. По словамъ газеты *Temps*, проектъ этотъ является „смертнымъ приговоромъ всѣхъ настоящихъ и будущихъ религіозныхъ обществъ“. Его истиннымъ названіемъ должно было бы быть: проектъ противъ религіозныхъ ассоціацій. Онъ ни въ чемъ не былъ похожъ на проектъ, внесенный въ 1881 году почтеннымъ г. Дюфоромъ. Ученый государственный дѣятель не желалъ ни заповѣдныхъ имѣній, ни тайныхъ обществъ, а желалъ истинной свободы ассоціацій, подчиненныхъ лишь общему праву, примѣняемому судами безо всякаго вмѣшательства въ составленіе, распущеніе или ликвидацію ассоціацій. Это былъ весьма либеральный проектъ, и весьма жаль, что его не вотировали въ этомъ его видѣ.

Кто бы могъ предвидѣть, что новаго проекта даже безъ преній будетъ вполнѣ достаточно, какъ вы это уже знаете, для низверженія министерства Фрейсине? А между тѣмъ это такъ случилось.

18 февраля радикальный депутатъ г. Гюббаръ потребовалъ для этого проекта неотложности, дабы выразить этимъ вотумомъ формальное намѣреніе палаты достигнуть отдѣленія церкви отъ государства. Г. Фрейсине не принялъ этого заявленія палаты. Въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ высказался о положеніи, принятомъ правительствомъ по отношенію къ церкви и прибавлять ему болѣе было нечего. Къ чему стремиться создавать затрудненія? Развѣ не было видно, что было въ высшей степени важно утвердить раздѣленіе между церковью и монархистскими партіями?.. Но нѣкоторые члены лѣвой замѣтили, что папѣ и духовенству не можетъ быть никакого дѣла до политическихъ дѣлъ Франціи. „Пока католическая церковь будетъ соединена съ государствомъ,“ отвѣтилъ г. Фрейсине, „намъ всегда придется обсуждать съ Ватиканомъ вопросы религіозные. Въ настоящее время, когда въ Ватиканѣ находится первосвященникъ возвышеннаго ума, понимающій нужды своего времени, дававшій намъ доказательства своей симпатіи къ Франціи и, я въ томъ увѣренъ, нисколько не старающійся создавать для Франціи затрудненія, не въ это время станемъ мы отказываться отъ нашихъ сношеній съ Ватиканомъ.“ Въ заключеніе онъ заявилъ, что если неотложность обсужденія проекта является обязательнымъ предисловіемъ для отдѣленія церкви отъ государства, то присоединиться къ этому онъ не можетъ; если же эта неотложность, напротивъ, является лишь системой работы, долженствующей привести къ болѣе скорому разрѣшенію вопроса, то онъ не отвергаетъ этой неотложности. Тогда былъ поставленъ вопросъ о довѣріи, но поставленъ онъ былъ плохо, двусмысленно. Каждая партія стремилась придать различное значеніе вотуму о неотложности. Послѣ нѣсколькихъ рѣчей, между прочимъ послѣ рѣчей гг. Бриссона и Клемансо, общее смятеніе только еще болѣе увеличилось. Правительство оказалось между двухъ огней, между крайнею лѣвою и правою, крайнею лѣвою, желавшею отдѣленія и правою нежелавшею отдѣленія. По постановленію, не удовлетворившему ни той, ни другой стороны, противъ кабинета оказалось большинство въ 62 голоса. По окончаніи засѣданія друзья министерства говорили, что еслибъ оно прямо отвергло неотложность проекта объ ассоціаціяхъ, замѣтивъ что проектъ этотъ черезъ чуръ значителенъ, чтобы быть разсмотрѣннымъ въ одномъ засѣданіи, то оно принудило бы правую вотировать за министерство, увлекло бы вслѣдъ за нею центръ и такимъ обра-

зомъ пріобрѣло бы за себя безспорно большинство голосовъ. Но министерство не захотѣло высказаться ясно и внезапно исчезло, оставивъ по себѣ воспоминаніе какъ о такомъ кабинетѣ, который существовалъ лишь въ продолженіе двухъ лѣтъ, по правильному плану преслѣдовалъ преобразованіе арміи, установилъ явный союзъ двухъ великихъ странъ и обезпечилъ равновѣсіе финансовъ. На слѣдующій день началось то, что̀ называютъ кризисомъ, то-есть выработка новаго кабинета. Надобно было изыскать кабинетъ концентраціи, который не былъ бы сторонникомъ ожесточенной войны противъ церкви, войны, столь напрасно преслѣдованной г. Клемансо. Наиболѣе желательною политикой являлась политика примиренія. Затрудненія были довольно велики и кризисъ болѣе чѣмъ въ теченіе недѣли оставался открытымъ. Президентъ Карно сначала совѣщался съ президентами этихъ палатъ, затѣмъ онъ призывалъ различныхъ политическихъ дѣятелей. Радикальныя газеты, недовольныя тѣмъ, что президентъ республики не особенно склоняется въ сторону лѣвой, стали его обвинять въ личной политикѣ и были бы непрочь преобразовать министерскій кризисъ въ кризисъ президентскій. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ г. Констанъ съ плохоскрываемымъ неудовольствіемъ видѣлъ, что онъ будетъ устраненъ при всякихъ комбинаціяхъ. Друзья его присоединились къ радикаламъ, заявивъ Елисейскому дворцу, что если г. Констанъ не будетъ однимъ изъ членовъ новаго кабинета, то никакое министерство долго не останется у дѣлъ. Нетерпѣніе партій и невоздержность газетъ ежедневно уничтожали всякія проектируемыя комбинаціи.

Наконецъ по истеченіи десяти дней президентство въ совѣтѣ министровъ было ввѣрено президенту финансовой коммиссіи г. Лубе, человѣку образованному и умѣренному, который уже былъ министромъ общественныхъ работъ. Онъ взялъ себѣ въ товарищи людей компетентныхъ, какъ гг. Фрейсине, Рувье, Рибо, Буржуа, Девелль и Рошъ, которые сохранили за собой прежніе портфели. Онъ прибавилъ еще трехъ новыхъ министровъ, руанскаго депутата г. Рикара, сдѣлавшагося министромъ юстиціи и вѣроисповѣданій, бывшаго вице-президента палаты депутатовъ, принявшаго постъ министра общественныхъ работъ, и г. Каваньяка, ставшаго морскимъ министромъ. Г. Каваньякъ сынъ знаменитаго генерала Каваньяка. Онъ уже былъ товарищемъ военнаго министра. Г. Констанъ окончательно устраненъ изъ министерства, не взирая на то, что онъ, какъ кажется, говорилъ:

„Всякой комбинаціи, въ которой я не буду фигурировать, придется имѣть дѣло со мной.“ Радикалы назвали этотъ кабинетъ подштукатуреннымъ, умѣренные приняли его хорошо. Новый президентъ совѣта министровъ, впрочемъ, человѣкъ вполнѣ честный и весьма почтенный. Его знаніе дѣла, прямота его сужденій и даръ слова, которымъ онъ обладаетъ, весьма всѣми цѣнятся. Въ сущности это министерство однородно, насколько это возможно, и оно будетъ стараться сгруппировать вокругъ себя всѣ силы республиканской партіи, желающей благоразумной, рѣшительной, умѣренной и послѣдовательной политики. Министерство заявило это въ своей декларацiи обѣимъ палатамъ, гдѣ говоритъ:

„Отношенія между государствами и церковью подали поводъ къ различнымъ инцидентамъ и спорамъ, въ которыхъ сложность поставленныхъ вопросовъ можетъ быть не дала возможности для достаточнаго ихъ выясненія.

„Вотъ принципы, которыми мы будемъ руководствоваться въ данномъ случаѣ.

„Мы не считаемъ чтобы на насъ лежала задача подготовить отдѣленіе церкви отъ государства. Мы полагаемъ, что для выполненія подобной задачи не существуетъ большинства ни въ палатѣ депутатовъ, ни въ самой странѣ.

„Такимъ образомъ, наша обязанность состоитъ въ томъ, чтобы съ твердостью поддерживать законодательство конкордатовъ.

„Мы будемъ примѣнять его въ его истинномъ духѣ. Конкордатъ обезпечиваетъ служителямъ церкви особыя права и положенія, но за то, къ какой бы степени іерархіи они не принадлежали, конкордатъ налагаетъ на нихъ строгія обязательства.

„Они нетолько обязаны, подобно всѣмъ гражданамъ, повиноваться національнымъ законамъ, но, кромѣ того, они обязаны держаться замкнутыми въ кругу своихъ обязанностей и совершенно въ сторонѣ отъ партійныхъ споровъ и столкновеній.

„Мы безъ малѣйшаго колебанія ото всѣхъ будемъ требовать уваженія этихъ обязательствъ. Мы полагаемъ, что мы имѣемъ достаточно власти для достиженія этой цѣли.

„Еслибъ это было иначе, то мы обратились бы къ парламенту за необходимыми средствами для разрѣшенія затрудненій, относительно которыхъ рѣшающее слово принадлежитъ народному представительству.

„Но задача наша не должна ограничиваться охраненіемъ уже вотированныхъ законовъ и уже совершенныхъ преобразованій.

Съ начала законодательныхъ сессій вы достигли успѣховъ, которыхъ никто не можетъ оспаривать.

„Вы довели до благополучнаго окончанія важное и трудное дѣло, давъ Франціи экономическій режимъ, обезпечивающій болѣе дѣйствительное покровительство земледѣлію и промышленности и свободу тарифовъ, измѣнить которые можетъ только одинъ парламентъ.

„Вамъ представлены проекты касательно улучшенія участи рабочихъ.

„Мы будемъ просить васъ особенно заняться обсужденіемъ правилъ касательно работы дѣтей, несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и женщинъ въ промышленныхъ заведеніяхъ; вопросомъ о вознагражденіи, слѣдуемомъ рабочимъ, сдѣлавшимся жертвой какого-нибудь несчастнаго случая во время работъ; вопросомъ о третейскомъ судѣ въ спорахъ между рабочими и работодателями; вопросомъ о гигіенѣ и безопасности въ мастерскихъ; вопросомъ о сберегательныхъ кассахъ и учрежденіи національной кассы для престарѣлыхъ рабочихъ; вопросомъ о преобразованіи питейныхъ правилъ.

„Народная воля придала республикѣ такую силу, что ея противники въ настоящее время, повидимому, готовы принять ее.

„Мы радуемся движенію, которое внѣ разсчетовъ заинтересованныхъ партій направляетъ къ республикѣ массы всеобщаго голосованія, а мы со своей стороны будемъ стараться посредствомъ широкаго духа мудрости и терпимости съ каждымъ днемъ все болѣе утверждать сознаніе, что республика для всѣхъ является обезпеченіемъ безопасности и свободы.“

Депутатъ г. Риве тотчасъ же обратился къ новому кабинету съ вопросомъ о томъ, что̀ онъ думаетъ дѣлать съ религіозной точки зрѣнія. Намѣренъ ли онъ стараться примирить церковь съ республикой? Принялъ ли онъ на себя какія бы то ни было обязательства по отношенію къ Ватикану, что̀ можетъ повести ко вмѣшательству папы во внутреннія дѣла Франціи? Министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ, что относительно энциклики, о которой я скоро буду говорить, не было никакихъ ни переговоровъ, ни просьбъ. Отношенія между правительствомъ и святѣйшимъ престоломъ являются результатомъ того факта, что между ними существуетъ конкордатъ. Правительство только слѣдовало постоянной традиціи. Оно желало религіознаго мира и не желало отдѣленія церкви отъ государства. Президентъ совѣта министровъ

въ свою очередь формально высказался за конкордатъ, и политика его была одобрена 341 голосомъ противъ 91 голоса.

Что же явствуетъ изъ этого засѣданія? То, что настоящее министерство имѣетъ видимую склонность къ религіозному умиротворенію и похвальное намѣреніе ускорить вотированіе законовъ, касающихся покровительства труду. Этому кабинету можно предсказать нѣкоторые шансы на долговѣчность.

Газета *Figaro* въ нумерѣ отъ 4 марта помѣстила на своихъ столбцахъ весьма любопытныя подробности о министерскомъ кризисѣ, изъ которыхъ слѣдуетъ, что президентъ республики держалъ себя со своею обычною корректностью и не окунулся въ борьбу личностей и алчныхъ стремленій. Это категорическій отвѣтъ тѣмъ, кто впервые обвинялъ его въ томъ, что въ данномъ случаѣ онъ не былъ тѣмъ независимымъ и безпристрастнымъ человѣкомъ, какимъ его всѣ знаютъ. Могу съ увѣренностію сказать вамъ, что вторичное избраніе г. Карно въ 1894 году не встрѣтитъ никакихъ затрудненій. Страна и обѣ палаты слишкомъ довольны тѣмъ, что во главѣ у нихъ находится столь достойный, столь умѣренный и столь опытный человѣкъ.

Невозможно отрицать того движенія, которое склоняетъ католиковъ и церковь къ нынѣ существующей формѣ правленія. Движеніе это стóитъ того, чтобы разсмотрѣть его поближе. Я говорилъ объ этомъ по поводу знаменитаго тоста кардинала Лавиджери, и, какъ видите, я не ошибался. Очень много шума надѣлала брошюра одного доминиканца отца Момуса. Этотъ ученый монахъ доказываетъ, что законодательная власть принадлежитъ націи и что политическая свобода является однимъ фактомъ, а религіозная терпимость другимъ, которые слѣдуетъ честно признать и принять. Церковь и республика вполнѣ совмѣстимы. Необходимо только, чтобы законъ, дабы быть достойнымъ этого названія, былъ справедливъ и дѣйствительно выражалъ бы народную волю. Католики могутъ присоединиться къ существующимъ учрежденіямъ и трудиться надъ улучшеніемъ тѣхъ законовъ, которые имъ кажутся плохими для страны и религіи. Что вполнѣ ясно изъ книги отца Момуса, такъ это то, что всякая систематическая оппозиція должна быть устранена. Впрочемъ, самъ папа совѣтовалъ французскимъ католикамъ подобное поведеніе и согласился слѣдующимъ образомъ отвѣтить одному изъ сотрудниковъ наиболѣе распространенной во Франціи газеты *Petit Journal:*

„Какъ мое желаніе, такъ и воля церкви заключаются въ томъ, чтобы Франція была счастлива; это нація, у которой живой умъ и великодушный характеръ; если она иногда не слѣдуетъ самымъ прямымъ, наиболѣе соотвѣтствующимъ ея интересамъ, путемъ, то она быстро исправляетъ свои ошибки, какъ только увидитъ въ чемъ заключается истина.

„Я желаю,—и не взирая на сопротивленія, дѣйствую соотвѣтственно этому,—чтобы раздѣленія прекратились и чтобъ у васъ не было безплодныхъ ослабляющихъ васъ ссоръ.

„Я держусь того мнѣнія, что всѣ граждане должны соединиться на легальной почвѣ; каждый человѣкъ можетъ имѣть свои собственныя предпочтенія, но въ области дѣятельности существуетъ только правительство, данное себѣ Франціей.

„Республика сама по себѣ столь же законная форма правленія, какъ и другія.

„Я только что принималъ у себя президента организаціоннаго комитета выставки въ Чикаго, который просилъ присоединенія и участія святѣйшаго престола въ этомъ обширномъ американскомъ предпріятіи. Соединенные Штаты, составляющіе республику, не взирая на проистекающія изъ безграничной свободы неудобства, растутъ съ каждымъ днемъ, а церковь развивалась въ нихъ, не подвергаясь никакой борьбѣ противъ государства. Эти двѣ силы тамъ очень хорошо согласуются между собою, какъ онѣ должны согласоваться всюду при условіи, дабы одна сила не попирала правъ другой; свобода тамъ является истиннымъ основаніемъ отношеній между гражданскою властью и религіознымъ сознаніемъ.

„Церковь прежде всего требуетъ свободы; мой голосъ долженъ быть услышанъ, дабы мои цѣли и принятое мною положеніе перестали быть извращаемы неосновательными нападками. То, что̀ моему голосу приличествуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, еще болѣе приличествуетъ ему въ республиканской Франціи.

„Ко всѣмъ являющимся ко мнѣ Французамъ, безо всякаго различія, я держу одну и ту же рѣчь; я желаю, чтобы то, что̀ я говорю, было извѣстно всѣмъ. До сихъ поръ я сожалѣю лишь о томъ, что высокостоящія лица не осмѣливаются, какъ это бы слѣдовало, всенародно признать тѣ усилія, которыя я дѣлаю для мира и процвѣтанія вашей благородной націи, на которую я всегда смотрю, какъ на старшую дщерь церкви.

„Я неустанно держусь этого пути и ободряю тѣхъ, кто на него вступаетъ съ твердостью.

„Именно для облегченія этой задачи и должна церковь держаться своего истиннаго назначенія, заключающагося въ томъ, чтобы поучать сердца нравственности, наставлять души къ жертвамъ и преданности. Въ то же время церковь интересуется положеніемъ слабыхъ: содѣланное мною утвержденіе правъ рабочихъ должно содѣйствовать болѣе удобному и болѣе быстрому внутреннему умиротворенію, къ сведенію къ ничтожному меньшинству тѣхъ, кто только и озабоченъ тѣмъ, чтобы смущать умы и препятствовать единенію страны, единенію, безъ котораго она не въ состояніи исполнить своихъ высокихъ судебъ.

„Вотъ именно этимъ прочнымъ внутреннимъ устройствомъ и поднимется вполнѣ Франція вопреки своимъ недругамъ.

„Я счастливъ тѣмъ, что слышу, что Франція рѣшительно желаетъ мира, не взирая на изобиліе своихъ военныхъ средствъ и храбрость своихъ сыновъ.“

Религіозныя газеты встрѣтили это заявленіе съ заслуживаемымъ имъ уваженіемъ. Наиболѣе авторитетный изъ нихъ органъ *Le Monde* выразился слѣдующимъ образомъ: „Будемъ размышлять объ этихъ наставленіяхъ; будемъ проникаться воодушевлявшимъ ихъ духомъ, пусть онъ оживляетъ наше мужество, пусть онъ вдохновляетъ всѣ наши дѣйствія и единеніе, то-есть обѣщанный всѣмъ людямъ съ доброю волей миръ будетъ царствовать посреди насъ.“ Умѣренныя газеты точно такъ же хорошо встрѣтили это заявленіе. Это не означаетъ, что борьба должна скоро прекратиться. Но мысль объ единеніи и умиротвореніи брошена во Францію сверху. Идея эта возрастаетъ, какъ произростаетъ плодоносное сѣмя, и принесетъ плоды. Для республики, впрочемъ, въ высшей степени важно самой присоединиться къ папской политикѣ. Французское общество насчитываетъ въ своихъ рядахъ католическое большинство. Зачѣмъ относиться къ нимъ, какъ къ врагамъ? Зачѣмъ угрожать имъ и нападать на нихъ подъ предлогомъ, что, принимая существующія учрежденія, они продолжаютъ держаться своихъ вѣрованій? Это значитъ создавать нескончаемыя столкновенія. Необходимо, чтобъ они прекратились.

Хорошо соблюдаемый съ обѣихъ сторонъ конкордатъ является основаніемъ подобнаго соглашенія. Лучшаго найти невозможно

Самъ папа высказалъ это въ знаменитой энцикликѣ, обращенной къ епископамъ, къ духовенству и ко всѣмъ католикамъ Франціи:

„Даже самые противники католической религіи несогласны между собою относительно этого торжественнаго обоюднаго договора, всегда вѣрно соблюдаемаго со стороны святѣйшаго престола. Наиболѣе рѣзкіе изъ противниковъ желали бы его отмѣны для предоставленія государству полной свободы притѣснять церковь Христову. Другіе же, болѣе лукавые, желаютъ, или по крайней мѣрѣ увѣряютъ, что они желаютъ сохраненія конкордата: не потому, чтобъ они признавали за государствомъ обязанность исполнять по отношенію къ церкви подписанныя обязательства, но единственно ради того, чтобы государство пользовалось сдѣланными церкви уступками; какъ будто возможно по своему желанію отдѣлять принятыя обязательства отъ полученныхъ уступокъ въ то время, какъ оба эти предмета составляютъ существенныя части одного и того же цѣлаго. Для нихъ, слѣдовательно, конкордатъ являлся бы лишь цѣпью, удобною для того, чтобы сковать свободу церкви, эту святую свободу, на которую она имѣетъ неотвержимое божественное право. Которое изъ этихъ двухъ мнѣній возобладаетъ? Мы этого не знаемъ. Мы желали только напомнить о нихъ, дабы посовѣтовать католикамъ не вызывать раздѣленія относительно предмета, заниматься которымъ надлежитъ святѣйшему престолу...“

Что же касается до проекта объ отдѣленіи человѣческаго законодательства отъ законодательства христіанскаго, то папа относительно этого, какъ этого и слѣдовало ожидать, высказался самымъ категорическимъ образомъ:

„...Мы не желаемъ останавливаться, чтобы доказывать здѣсь насколько нелѣпа теорія этого отдѣленія; всякій самъ это пойметъ. Какъ только государство отказывается отдавать Богу то, что̀ принадлежитъ Богу, по неизбѣжному послѣдствію оно отказывается отдавать гражданамъ то, на что̀ они имѣютъ право какъ люди, потому что хотятъ ли того или не хотятъ, но истинныя права человѣка именно возникаютъ изъ его обязанностей по отношенію къ Богу. А отсюда вытекаетъ, что государство, минуя въ этомъ отношеніи главную цѣль своего учрежденія, въ сущности приводитъ къ своему собственному отрицанію, къ опроверженію того, что̀ составляетъ основаніе его собственнаго существованія.

„Эти высшія истины столь явственно провозглашаются самимъ голосомъ естественнаго разума, что онѣ сами собой внушаются всякому неослѣпленному силой страсти человѣку.

„Слѣдовательно, католикамъ слѣдуетъ въ высшей степени опасаться оказывать поддержку подобному раздѣленію. Дѣйствительно желать, чтобы государство отдѣлилось отъ церкви, значило бы по логическому послѣдствію желать, чтобы церкви была предоставлена свобода жить по общему для всѣхъ гражданъ праву. Правда, подобное положеніе бываетъ въ нѣкоторыхъ странахъ. Подобное положеніе, если оно и имѣетъ многочисленные и важные недостатки, представляетъ также и нѣкоторыя преимущества, особенно если законодатель, по счастливой случайности, вдохновляется христіанскими принципами, и эти преимущества, хотя они и не въ состояніи ни оправдать ложнаго принципа раздѣленія, ни разрѣшить защищать его, тѣмъ не менѣе дѣлаютъ возможнымъ терпѣть такой строй вещей, который практически не является самымъ худшимъ.

„Но во Франціи, націи католической по своимъ традиціямъ и по настоящей вѣрѣ огромнаго большинства своихъ сыновъ, церковь не должна быть поставлена въ то шаткое положеніе, въ какомъ она находится у другихъ народовъ. Католики тѣмъ не менѣе могутъ проповѣдывать отдѣленіе, ибо они лучше знаютъ намѣренія желающихъ этого отдѣленія враговъ...“

Эта энциклика прекрасно опредѣляетъ то положеніе, которое должны занять католики по отношенію къ существующей формѣ правленія. Прежде всего она совѣтуетъ имъ отвергнуть всякіе зародыши политическихъ несогласій, дабы единственно посвятить свои силы на умиротвореніе своего отечества. Всѣ граждане должны соединиться для поддержанія въ націи истинно религіознаго чувства, ибо только одно это чувство въ состояніи создать общественную связь и сохранить миръ. Всякая форма правленія хороша, лишь бы она умѣла прямо идти къ цѣли: къ общему благу. Законная власть заслуживаетъ уваженія, и ей слѣдуетъ повиноваться, ибо нѣтъ власти, аще не отъ Бога.

„Слѣдовательно, когда представляющія эту непреложную власть правительства уже составлены, то принимать ихъ не только позволяется, но это требуется, даже въ силу общественнаго блага, создавшаго и поддерживающаго ихъ... Подобное положеніе является наиболѣе вѣрнымъ и наиболѣе спасительнымъ правиломъ для поведенія всѣхъ Французовъ въ ихъ гражданскихъ отношеніяхъ къ республикѣ, составляющей теперешнее правительство ихъ націи.“ Но, скажутъ иные, какъ могутъ католики принять образъ правленія, воодушевленный антирелигіозными чувствами?

Далѣе папа дѣлаетъ различіе между *учрежденною властью* и *законодательствомъ*. „Законодательство до такой степени отличается отъ политической власти и ея формы, что при образѣ правленія, форма котораго самая превосходная, законодательство можетъ быть отвратительнымъ, между тѣмъ какъ, наоборотъ, при образѣ правленія, форма котораго самая несовершенная, можетъ встрѣчаться превосходное законодательство. И кто же болѣе церкви въ состояніи лучше знать это, ибо церковь старалась поддерживать обычныя отношенія со всѣми политическими образами правленія. Безъ сомнѣнія, болѣе чѣмъ какая бы то ни была иная власть, церковь въ состояніи сказать сколько ей доставляли утѣшенія или страданія законы различныхъ правительствъ, послѣдовательно управлявшихъ народами, начиная отъ Римской имперіи и до нашего времени.

„Если только что установленное различіе имѣетъ большое значеніе, оно имѣетъ также и свою явную причину: законодательство является созданіемъ облеченныхъ властью людей, которые фактически управляютъ народомъ. Отсюда вытекаетъ, что на практикѣ качество законовъ болѣе зависитъ отъ качества этихъ людей, чѣмъ отъ формы власти. Такимъ образомъ, эти законы будутъ хороши или плохи смотря потому, будетъ ли разумъ законодателей проникнутъ добрыми или дурными принципами и будутъ ли эти законодатели руководствоваться политическою опытностью или же страстью.

„Всѣ признаютъ это и къ несчастью очевидность фактовъ подтверждаетъ, что во Франціи въ продолженіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ различныя важныя дѣйствія законодательства были проникнуты враждебными религіи, а слѣдовательно и интересамъ націи стремленіями. Мы сами, повинуясь священному долгу, обращались съ горячо прочувствованными жалобами къ тому, кто въ то время находился во главѣ республики. Стремленія эти тѣмъ не менѣе продолжали существовать, зло увеличивалось, и невозможно удивляться тому, что члены французскаго епископства, Святымъ Духомъ поставленные для управленія своими различными и славными церквами, смотрѣли, и еще весьма недавно, какъ на свою обязанность, всенародно выразить свою скорбь относительно положенія, созданнаго во Франціи католической религіи. Бѣдная Франція! Одному Богу возможно измѣрить ту бездну бѣдствій, въ которую она погрузилась бы, еслибы законодательство вмѣсто того, чтобъ улучшаться, продолжало

упорно слѣдовать этому уклоненію, которое привело бы къ тому, что изъ духа и сердца Французовъ была бы исторгнута вѣра, сдѣлавшая ихъ столь великими.

„И вотъ именно та почва, на которой, отложивъ въ сторону всякія политическія несогласія, всѣ хорошіе люди должны соединиться, какъ одинъ человѣкъ, для борьбы всѣми законными и честными средствами противъ этихъ постоянно возрастающихъ злоупотребленій законодательства. Уваженіе, которое люди обязаны имѣть къ существующимъ властямъ, не можетъ воспретить этого; это нисколько не касается уваженія, и еще менѣе безграничной покорности какой бы то ни было законодательной мѣрѣ, предписанной тѣми же самыми властями. Пусть не забываютъ, законъ есть предписаніе, сдѣланное соотвѣтственно разуму и изданное для блага общества тѣми, кому для этихъ цѣлей ввѣрена власть. Слѣдовательно, никогда нельзя одобрять тѣхъ пунктовъ законодательства, которые враждебны религіи и Богу: напротивъ, долгъ заключается въ томъ, чтобы выразить имъ порицаніе...“

Въ заключеніе этой энциклики папа выражаетъ надежду на то, что она разсѣетъ предразсудки и облегчитъ умиротвореніе умовъ. Она произвела сильное впечатлѣніе во Франціи.

Г. Э. Мельхіоръ Вогюэ съ обычнымъ ему мастерствомъ нарисовалъ слѣдующій портретъ папы, который по всей вѣроятности не забудется.

„Левъ XIII не высказался сразу, какъ иные государи, которые сразу очаровали умы лишь затѣмъ, чтобы снова ихъ тотчасъ же разочаровать. Его величественный образъ медленно вырисовался на горизонтѣ со спокойствіемъ большой силы. Четырнадцать лѣтъ тому назадъ я находился въ Сикстинской капеллѣ, когда кардиналы прислали туда новаго избранника, скромное и мало предвѣщавшее начало. Вмѣшанный въ столько событій, Пій IX оставлялъ послѣ себя блестящую славу и огромную пустоту; всего лишенное папство повидимому погибло вмѣстѣ съ нимъ. Наслѣдникъ безъ наслѣдія, котораго намъ показали, былъ вида щедушнаго и спорной репутаціи. Его коронованіе намъ представлялось тѣнью исчезнувшей дѣйствительности, призракомъ экзальтированнаго воображенія. И то были годы, когда тѣнь Креста уничижалась въ мірѣ. Какъ бываетъ ошибочно поспѣшное сужденіе! Мы вынесли изъ этой церемоніи впечатлѣніе чего-то кончающагося. Первые годы его папства, осужденнаго на молчаливый протестъ, ничего не сдѣлали для исправленія этого заблужденія...“

Мало-по-малу образъ его выясняется. И вотъ, нѣсколько лѣтъ спустя, папа, лишенный всякой свѣтской власти, становится столь же могущественнымъ, какъ какой-нибудь царь, властитель многихъ народовъ и многочисленныхъ земель. Достойный философъ, истинный дипломатъ, въ настоящее время онъ является первымъ человѣкомъ въ Европѣ. Г. Вогюэ напоминаетъ о вышеприведенной мною бесѣдѣ Льва XIII съ однимъ изъ сотрудниковъ *Petit Journal*.

„Позволивъ напечатать содержаніе своей бесѣды,“ говоритъ авторъ, „Левъ XIII искренно вѣрилъ тому, что онъ трудится надъ умиротвореніемъ нашей страны. Но онъ не могъ воспрепятствовать дѣйствію столь непогрѣшимыхъ законовъ, какъ законы дѣйствующіе при химическихъ реакціяхъ. Всякій разъ, какъ спокойное, сильное, само въ себѣ и въ своей цѣли увѣренное слово раздается сверху и слышится въ разъединенной, неувѣренной, бѣдной идеями и волей средѣ, оно производитъ въ ней дѣйствіе взрывчатаго вещества. Это именно и случилось. Парламентскій кризисъ вспыхнулъ черезъ 24 часа послѣ того. Если связь причины съ послѣдствіемъ не есть пустое слово, то истинное происхожденіе кризиса кроется въ словѣ Ватикана, въ раздраженіи и опасеніяхъ крайнихъ партій предъ этимъ призракомъ, который вышелъ изъ своего обычнаго убѣжища, чтобы среди бѣла дня помѣриться съ ними. Это временное смятеніе ничего не значитъ. Слово было обращено къ народу, оно умиротворитъ народъ. Клерикальный вопросъ въ условномъ значеніи этого слова существуетъ въ парламентѣ.“

Г. Вогюэ заканчиваетъ свой очеркъ заявленіемъ, дѣлающимъ честь его политической предусмотрительности, и желаніемъ, которое, надѣюсь, сбудется.

„Вопроса клерикальнаго болѣе не существуетъ, говоритъ онъ. Существуетъ вопросъ внѣшній, единственный, который долженъ былъ бы постоянно сосредоточивать на себѣ всѣ мысли Французовъ. Послѣ двадцати лѣтъ похвальныхъ усилій мы пріобрѣли себѣ уваженіе Европы и дружбу великой военной имперіи. Теперь отъ насъ единственно зависитъ пріобрѣсти самую внушительную и самую дѣятельную изъ нравственныхъ силъ. Она представляется въ настоящее время связью оборонительнаго союза, который мы терпѣливо составляли.

* * *

Среди новопоявившихся литературныхъ историческихъ книгъ можно рекомендовать *Воспоминанія маршала Макдональда*, которыя его внучка баронесса Поммрёль сочла своею обязанностью напечатать. Эти воспоминанія имѣютъ то достоинство, что они написаны съ полною откровенностью, и маршалъ Макдональдъ ничего не скрываетъ отъ насъ изъ того, что онъ думаетъ о Наполеонѣ, Людовикѣ XVIII и о своихъ военныхъ товарищахъ. Самою любопытною частью этихъ записокъ являются страницы, касающіяся перваго отреченія Наполеона, возвращенія Людовика XVIII и высадки съ острова Эльбы, затѣмъ бѣгство стараго короля предъ Наполеономъ.

Графъ д'Оссонвилль напечаталъ новое изданіе своего соціальнаго изслѣдованія *Бѣдствія и средства противъ нихъ*, пріобрѣтающее въ настоящую минуту новый современный интересъ. Онъ прибавилъ къ этому сочиненію замѣчательное предисловіе, въ которомъ справедливо заявляетъ, что не вѣритъ въ ученіе о государствѣ, какъ въ Провидѣніе, которому поручено оффиціально создавать счастіе гражданъ. Онъ боится, чтобы не было серьозной опасности выставлять вмѣшательство государства въ качествѣ дѣйствительнаго средства противъ страданій гражданъ и въ качествѣ серьезнаго удовлетворенія ихъ жалобъ. Ему кажется, весьма неосторожнымъ для консерватиновъ употреблять языкъ соціалистовъ и подобно имъ говорить о капиталистахъ и пролетаріатѣ, объ эксплуататорахъ и эксплуатируемыхъ. Безъ сомнѣнія, было бы несправедливо отрицать страданія массы, но опасно преувеличивать видимость этихъ страданій. Что бы въ самомъ дѣлѣ произошло, еслибы столь усиленно проповѣдуемое законодательство, послѣ своего вотированія, не дало бы ожидаемыхъ результатовъ? „Развѣ въ тотъ день, говоритъ авторъ, нельзя опасаться того, чтобы несчастные, которые сочтутъ себя обманутыми, не дали бы себѣ воли къ какимъ-нибудь гнѣвнымъ порывамъ, которые, исходя снизу, бываютъ столь ужасны!"

Очень много надѣлала шума новая книга г. Эрнеста Ренана *Feuilles détachées*. Книга эта написана съ несравненною граціей, но и со скептическою насмѣшливою философіей, которая ужь черезчуръ сомнѣвается сама въ себѣ и, повидимому, мало думаетъ о томъ, что становится въ частыя противорѣчія сама съ собой. Даже въ предисловіи этой книги не трудно указать на множество противорѣчащихъ однѣ другимъ выдержекъ. Но не слѣдуетъ оста-

навливаться на этомъ, принимая во вниманіе хорошо всѣмъ извѣстный характеръ г. Ренана, который самъ улыбается своимъ противоположностямъ и намѣреннымъ аллогизмамъ. Слѣдовательно, ограничимся разсмотрѣніемъ его произведенія единственно только съ одной литературной точки зрѣнія. Можно ли найти для чтенія что-нибудь пріятнѣе слѣдующей страницы, запечатлѣнной спокойнымъ добродушіемъ:

„Мнѣ прискорбно возбужденіе, которое я вижу въ юношествѣ, которое по преимуществу своего возраста должно было бы быть такъ ясно. Можно подумать, что эти молодые люди не читали ни исторіи философіи, ни экклезіаста. „„Что̀ было, то и будетъ““... Но, милые мои дѣти, безполезно ломать себѣ голову лишь затѣмъ, чтобы переходить отъ одного заблужденія къ другому. Веселитесь, потому что вамъ двадцать лѣтъ; трудитесь также. Если мы ничего не видимъ въ метафизикѣ, за то физика, химія, астрономія, геологія, исторія исполнены всякихъ открытій. Сколько вещей вы узнаете черезъ сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ, которыхъ я никогда не узнаю! Сколько задачъ вы увидите разрѣшенными! Каково будетъ развитіе внутренняго зародыша императора Вильгельма II? Что̀ произойдетъ изъ столкновенія европейскихъ національностей? Какой оборотъ примутъ соціальные вопросы? Выйдетъ ли что-нибудь изъ соціальнаго движенія? Какова будетъ ближайшая судьба папства? Увы, я умру раньше, чѣмъ можно что-либо изъ этого знать, иначе какъ по умозаключеніямъ, а вы, вы будете созерцать эти загадки, какъ факты, уже совершившіеся!.. Полагаютъ, что существуютъ старинныя арабскія завѣщанія, гдѣ усопшій ставитъ условіемъ своего наслѣдія, что придутъ сообщить у его могилы, когда Французы овладѣютъ страной. Мнѣ же минутами думается, что есть такія новости, которыя прошептанны мнѣ на ухо, когда я буду въ могилѣ, могутъ до такой степени потрясти меня, что воскресятъ меня. Но я столько разъ читалъ въ Библіи, что въ глубинѣ *шеоля* не вѣдаютъ ни о чемъ, что̀ происходитъ на землѣ, что тамъ ничего не слышатъ, ни о чемъ не помнятъ!.. Нѣтъ, я не приниму никакого подобнаго условія къ моему завѣщанію. Къ чему возмущаться противъ истинъ, столь же старыхъ, какъ и самый свѣтъ? Развѣ только со вчерашняго дня открыли, что человѣкъ есть созданіе тлѣнное и преходящее? Я не принадлежу къ числу тѣхъ, о которыхъ говоритъ весьма древній пророкъ *qui nihil patiebantur super contritionem Joseph*. Бѣдный Іосифъ,

я его сожалѣю. Я сожалѣю снѣдаемую пессимизмомъ молодежь, которая не желаетъ утѣшенія. На древнихъ могилахъ часто приходится читать: „„Мужайся, любезный такой-то: никто не безсмертенъ; самъ Геркулесъ умеръ!““ Можно находить, что это утѣшеніе довольно слабое, но тѣмъ не менѣе оно дѣйствительно. Маркъ Аврелій, любезные друзья, всѣхъ насъ превосходилъ по своей добротѣ, а Маркъ Аврелій довольствовался имъ. Развѣ мы когда-либо думали, что мы никогда не умремъ? Умремъ же спокойно, съ вѣрой въ человѣчество и религію будущаго. Существованіе міра обезпечено на долгое время. Франція, въ своемъ головокружительномъ ходѣ кометы, можетъ быть закончитъ лучше, чѣмъ это заставляютъ полагать нѣкоторые признаки. Будущее для науки обезпечено, потому что въ великой научной книгѣ все прибавляется и ничего не теряется. Ошибка ничему не служитъ основаніемъ, никакое заблужденіе не бываетъ особенно продолжительнымъ. Будемте спокойны. Будемъ надѣяться, что менѣе, чѣмъ черезъ тысячу лѣтъ, земля отыщетъ средство замѣнить чѣмъ-нибудь каменный уголь истощившейся почвы и даже до нѣкоторой степени сумѣетъ возмѣстить чѣмъ-нибудь уменьшившуюся добродѣтель...“

Что до меня, то мнѣ бы болѣе нравилось что-нибудь болѣе мужественное. Я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые полагаютъ, что слѣдуетъ неустанно желать, добиваться истины, бороться, отвергать легкія отрицанія, не засыпать на спокойной подушкѣ сомнѣнія. Г. Ренанъ еще говоритъ въ этомъ столь любопытномъ предисловіи, что ничто не доказываетъ, чтобы въ мірѣ существовало центральное сознаніе, міровая душа, и вслѣдъ затѣмъ спѣшитъ прибавить: „но ничто также не доказываетъ намъ и противнаго“. И далѣе онъ даетъ слѣдующій поразительный примѣръ этой высшей дѣятельности. Вотъ онъ: „Когда химикъ приготовилъ все къ опыту, который долженъ длиться годъ, онъ уже не прикасался къ своимъ аппаратамъ въ теченіе назначеннаго срока. Все, что̀ происходитъ въ глубинѣ ретортъ, регулируется тогда законами полной безсознательности: что̀ не препятствуетъ тому, чтобы сознательная воля вмѣшалась въ началѣ опыта и появилась бы потомъ и въ концѣ его. Въ промежутокъ этого времени милліоны микробовъ могли произойти въ аппаратѣ. Еслибъ у этихъ микробовъ былъ разумъ достаточный, то они могли начать говорить: „„Міръ этотъ никакою особенною волей не управляется.““ Они были правы относительно

короткаго періода времени, предоставленнаго ихъ наблюденіямъ, но относительно всей совокупности великой вселенной они бы ошиблись.“

Г. Ренанъ вѣритъ въ неизбѣжную гибель религій, а между тѣмъ совѣтуетъ сохранить религіозное чувство, „потому что, говоритъ онъ, удастся несравненно меньшаго добиться отъ человѣчества, которое не вѣритъ въ безсмертіе души, чѣмъ въ человѣчество, которое вѣритъ въ безсмертіе души. Человѣкъ представляетъ собою значеніе пропорціонально религіозному чувству, вынесенному имъ изъ своего первоначальнаго воспитанія и украшающаго всю его жизнь“. Знаменитый писатель, повидимому, закрываетъ глаза на все, что̀ вокругъ него происходитъ. Никогда не было болѣе людей вѣрующихъ, и самая молодежь, которую бы онъ желалъ видѣть проникнутою кроткимъ скептицизмомъ, не боится выражать своихъ идеальныхъ, спиритуалистическихъ и религіозныхъ вѣрованій. Ужь, конечно, не я стану жаловаться на это. Я не имѣю духа улыбаться при видѣ людей, которые сознательно тщеславятся своимъ невѣріемъ.

Въ газетѣ *La Vie populaire* начался новый романъ г. Эмиля Золя, изъ эпохи войны 1870 года и называющійся *La Débâcle.*

Героемъ романа является капралъ Жанъ Маккартъ, вступившій снова въ военную службу въ тридцатидевятилѣтнемъ возрастѣ, въ ту минуту, какъ непріятель вступаетъ во Францію. У него есть товарищъ, молодой адвокатъ Морисъ Левассёръ, который вѣритъ въ химеру о побѣдѣ и мнитъ себя уже въ Берлинѣ. Оба они служатъ въ 108 пѣхотномъ полку и участвуютъ въ битвѣ подъ Седаномъ. Романъ заканчивается коммуной, и друзья разлучаются. Жанъ остается среди солдатъ, обманутый въ своихъ мечтахъ. Морисъ присоединяется къ федератамъ. Въ заключеніе Жану приходится убить Мориса, который дрался противъ его партіи. Произведеніе это было написано въ семь мѣсяцевъ и составляетъ въ огромной серіи Ругонъ-Макаровъ военный романъ, котораго въ ней не хватало.

Въ числѣ романовъ, которые можно рекомендовать, находится между прочимъ *Henri Vernol* г. Адольфа Шенвьера, онъ написанъ просто и увлекательно.

* * *

Въ театрѣ *Variétés* на дняхъ была поставлена реалистическая піеса *La Bonne à tout faire*, которая, не взирая на громкую рекламу, печально провалилась. Это даетъ лучшее понятіе о публикѣ, которая, какъ мнѣ казалось, слишкомъ склонна къ тому, чтобы принимать всякія гадкія произведенія. Прибавьте къ тому, что палата депутатовъ только-что поддержала драматическую цензуру, что̀ далеко не плохо. Я надѣюсь даже, что эта цензура, ограничась только чѣмъ-то въ родѣ нравственной полиціи, отнынѣ будетъ предохранять насъ отъ всякихъ мерзостей, которыя стараются преподносить намъ нѣкоторые авторы.

Въ театрѣ *Odéon* возобновлена трагедія г. Леконта де Лиля *Эринніи*, которая заимствована изъ трилогіи Эсхила: *Агамемнонъ*, *Коэфоры* и *Эвмениды*. Украшеніемъ къ этой трагедіи, кромѣ того, служитъ музыка Массенс, которая какъ и въ былыя времена имѣла успѣхъ. Въ тотъ же вечеръ шла еще капризная комедія Мюссе *Fantasie*. Она не имѣла такого успѣха, какъ въ 1866 г. въ *Théâtre Français*. Это произошло вслѣдствіе того, что исполненіе артистовъ *Odéon* ниже прежняго исполненія. Могу засвидѣтельствовать вамъ, что когда Делоней игралъ въ комедіи *Fantasie*, то всѣ приходили въ восторгъ. Теперь же шутки красавца-студента показались мнѣ вродѣ тѣхъ, что̀ приходится слышать на Рейнѣ! Въ театрѣ *Gymnase* вслѣдъ за піесой Альфонса Доде *Menteuse*, продержавшейся на сценѣ всего нѣсколько дней, была возобновлена піеса *Maître de Forges*. Въ театрѣ *Palais-Royal* потерпѣла фіаско піеса веселаго разскащика г. Армана Сильвестра. А почему? Потому что не было ничего: ни піесы, ни веселости. А можетъ ли имѣть успѣхъ то, въ чемъ нѣтъ ровно ничего?

Въ день столѣтней годовщины Россіи мы слушали въ Оперномъ театрѣ превосходно-поставленную оперу *Вильгельмъ-Телль*. Это служитъ прекраснымъ началомъ дѣятельности новой дирекціи г. Бертрана. Теперь въ томъ же театрѣ дѣятельно репетируются *Solambor* и *Maladetta*, балетъ Поля Видаля. Репетируютъ также *Донъ-Жуана*.

Говорятъ о постройкѣ новаго лирическаго театрѣ въ Парижѣ по иниціативѣ г. Детройа. Въ этомъ театрѣ будутъ исполняться французскія піесы и піесы школъ нѣмецкой, итальянской, русской. Новый театръ, какъ говорятъ, будетъ построенъ на мѣстѣ прежняго театра *Eden* и откроется въ будущемъ октябрѣ.

Вы безъ сомнѣнія уже знаете о крупномъ успѣхѣ въ Вѣнѣ новой лирической драмы г. Массенс *Вертеръ*. Драма эта будетъ

исполнена и въ Парижѣ, и я не думаю, чтобы г. Карвало долго заставилъ насъ ожидать ее въ театрѣ *Opèra-Comique*. По всей вѣроятности тамъ же будетъ поставлена лирическая драма Луи Лекомбы *Винкельридъ*, имѣвшая выдающійся успѣхъ прошлаго 17 февраля въ Женевѣ.

* * *

Художественныхъ новостей не много. Къ іюню мѣсяцу готовится выставка подъ названіемъ *Cent chefs - d'oeuvre*, которая должна быть еще лучше выставки, бывшей девять лѣтъ тому назадъ. Герцогъ Омальскій находится во главѣ комитета, который будетъ собирать эти шедёвры живописи въ галлерею Жоржа Пети. Это будетъ изящнымъ угощеніемъ для любителей искусства и въ то же время и добрымъ дѣломъ, такъ какъ сборъ предназначается въ пользу страждущихъ.

Волнейскій кружокъ устроилъ новую выставку пастелей и рисунковъ, гдѣ особенно обращаютъ на себя произведенія гг. Регамея, Сезброна и Аллонже.

Наконецъ, намъ сообщаютъ о выставкѣ женскихъ рукодѣлій или исторіи французской моды съ XV по XIX столѣтій. Это будетъ весьма заманчивою выставкой для женщинъ. Нашъ великій скульпторъ Мерсье окончилъ модель памятника, предназначеннаго Мейссонье. Знаменитый художникъ въ креслѣ стиля Возрожденія, скрестивъ ноги, съ палитрой въ рукахъ и въ размышляющей позѣ. На цоколѣ статуи будетъ знамя, а у подножія ея въ видѣ аттрибутовъ оружіе. Все даетъ основаніе полагать, что статуя эта въ натуральную величину будетъ производить поражающее впечатлѣніе.

Г. Вельшингеръ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

10 марта.

Послѣднею новостью нашего Малаго Театра, предъ закрытіемъ спектаклей по случаю поста, была трагедія *Сафо*, принадлежащая Грильпарцеру и переведенная съ нѣмецкаго г. Арбенинымъ. Піесу эту избрала для своего бенефиса М. Н. Ермолова. Бенефисныя соображенія оправдываютъ многое въ дѣлѣ выбора той или другой піесы. Бенефиціанту приходится считаться со множествомъ условій самаго разнообразнаго свойства. Піеса должна быть новая, по крайней мѣрѣ — не шедшая еще на нашемъ театрѣ. Она должна содержать въ себѣ большую и видную роль для бенефиціанта. Имя ея автора должно или пользоваться извѣстностью, или же привлекать тѣмъ, что впервые появляется на афишѣ. Нужно имѣть въ виду постановку и всѣ сопряженныя съ нею затрудненія. При всѣхъ этихъ соображеніяхъ актеры становятся очень часто мучениками своихъ бенефисовъ въ поискахъ за піесой. Не встрѣчая ничего подходящаго между новостями современной драматической литературы, они бываютъ иногда вынужденными прибѣгать къ піесамъ, становящимся новыми вслѣдствіе своей устарѣлости. Къ числу такихъ устарѣлыхъ піесъ принадлежитъ и трагедія *Сафо*. Это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ ее совершенною новостью для публики.

Тѣмъ не менѣе довольно трудно объяснить себѣ, почему г-жа Ермолова, избирая трагедію изъ области античнаго міра, остановилась именно на юношескомъ произведеніи Грильпарцера. Піеса эта не составитъ вклада въ нашу драматическую литературу, точно такъ же, какъ не прибавитъ она выдающейся новой женской роли къ циклу уже существующихъ на нашемъ театрѣ

знаменитыхъ трагическихъ ролей. Даже личный талантъ г-жи Ермоловой не могъ заставить насъ увидать цѣльный художественный образъ въ лицѣ героини трагедіи Грильпарцера. Причина заключается въ томъ, что трагедія эта есть гораздо болѣе апоѳеозъ поэта, какимъ онъ долженъ быть по мнѣнію автора, нежели характеристика индивидуальной личности знаменитой греческой поэтессы. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе піесы:

Сафо возвращается изъ Олимпіи, увѣнчанная побѣднымъ вѣнкомъ. Она привозитъ съ собой юношу, по имени Фаонъ, и представляетъ этого юношу своимъ согражданамъ въ качествѣ избранника своего сердца. Въ то же время она предоставляетъ Фаону быть полнымъ господиномъ въ ея домѣ. Все что̀ принадлежитъ Сафо принадлежитъ теперь и Фаону. Рабы и рабыни должны безпрекословно повиноваться ему, какъ повелителю и властелину.

Что̀ же Фаонъ? Едва успѣвъ прибыть на Лесбосъ, онъ немедленно влюбляется въ молоденькую рабыню Сафо, семнадцатилѣтнюю Мелитту. Замѣтивъ это, Сафо отдаетъ приказъ тайкомъ увезти Мелитту въ другое мѣсто. Фаонъ бѣжитъ вмѣстѣ съ Мелиттой. Бѣглецовъ догоняютъ и приводятъ къ Сафо. Фаонъ объясняетъ поэтессѣ, что она должна имѣть дѣло лишь съ безсмертными богами, что земная любовь и земные помыслы недостойны ея. Выслушавъ это объясненіе, Сафо надѣваетъ на голову свой олимпійскій вѣнокъ, беретъ въ руки лиру и со скалы бросается въ море.

Разсказываютъ, что Грильпарцеръ задумалъ и написалъ свою трагедію въ продолженіи двухъ недѣль. На этомъ основаніи *Сафо* считается нѣмецкою критикой наиболѣе цѣлостнымъ и вдохновеннымъ произведеніемъ поэта, такъ какъ произведеніе это сразу вылилось изъ-подъ его пера, почти безъ помарокъ и поправокъ въ первыхъ двухъ актахъ. Едва ли можно согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Отсутствіе помарокъ и поправокъ именно въ первыхъ актахъ наводитъ на совершенно иныя мысли, послѣ того какъ самая трагедія прошла передъ нашими глазами. Происхожденіе ея, какъ извѣстно, довольно оригинально. Дѣло было лѣтомъ. Одинъ знакомый Грильпарцера, встрѣтя его гуляющимъ по Пратеру, началъ уговаривать молодаго поэта написать либретто для оперы, которая должна была называться Сафо. Грильпарцеръ отказался отъ этого предложенія, но мысль о драматизаціи извѣстной легенды о Сафо, бросающейся въ море вслѣдствіе несчастной

любви, мысль эта такъ овладѣла имъ, что онъ тутъ же, углубившись въ наименѣе посѣщаемую часть Пратера, обдумалъ весь ходъ своей будущей трагедіи. Очень можетъ-быть, весьма вѣроятно даже, что весь первый актъ, сильно напоминающій оперныя экспозиціи, былъ написанъ подъ вліяніемъ того плана, какой предлагался Грильпарцеру въ качествѣ канвы для оперпаго либретто. Трудно отдѣлаться отъ мысли, что канва эта просвѣчиваетъ и въ остальныхъ актахъ трагедіи. Но по мѣрѣ того, какъ піеса создавалась и росла, къ ней незамѣтно примѣшивался сильный элементъ лиризма, столь свойственный юношескому возрасту. Отсюда поправки и помарки въ двухъ послѣднихъ актахъ рукописи, сохранившейся до сего времени. Отсюда развитіе фигуры стараго раба, который въ первыхъ двухъ актахъ, не имѣлъ даже имени и былъ лицомъ почти безъ рѣчей. Но отсюда же и основной недостатокъ піесы: наивно сантиментальный дидактизмъ послѣдняго акта и ничѣмъ достаточно не мотивированная внезапная рѣшимость Сафо насильственно покончить свою жизнь. Получается впечатлѣніе какъ бы отъ какого-то оперно-драматическаго попурри. Ибо этотъ послѣдній актъ, гдѣ Сафо, снова надѣвъ на себя свой парадный костюмъ перваго дѣйствія, является окруженная толпой рабовъ и поселянъ, несомнѣнно напоминаетъ оперный финалъ. Если Сафо производитъ въ первыхъ дѣйствіяхъ нѣсколько курьезное впечатлѣніе зрѣлой женщины увлекшейся мальчикомъ, а впечатлѣніе это становится прямо непріятнымъ, когда она приказываетъ во что̀ бы то ни стало поймать и привести къ ней этого мальчика, тайкомъ отъ нея бѣжавшаго, то финалъ трагедіи прямо искусственъ и юношески наивенъ. Мы поняли бы Сафо, еслибъ она, отвергнутая, въ припадкѣ отчаянія лишила себя жизни. Это было бы послѣдовательно. Но поэтесса становится смѣшна, когда она, выслушавъ наставленія мальчика о томъ, что̀ такое поэтъ и каковы его обязанности, внезапно открываетъ какъ бы какой-то новый міръ и тутъ же, на глазахъ у всѣхъ, превращается изъ пылкой и страстной женщины въ священную жрицу священнаго искусства. Можно сомнѣваться въ томъ, чтобъ эта трагедія долго удержалась на нашей сценѣ.

Гастроли Коклена собирали каждый разъ почти полный театръ. Я остановлюсь на двухъ новыхъ піесахъ, и трехъ новыхъ роляхъ, какія далъ намъ въ этотъ пріѣздъ знаменитый французскій артистъ.

Наиболѣе ожиданій возбуждала драма Сарду, подъ названіемъ *Thermidor*, успѣвшая стать пресловутою прежде, нежели она сдѣлалась достаточно извѣстною. Политическія и партійныя разногласія, вызвавшія запрещеніе этой драмы въ Парижѣ, шумъ, поднятый этимъ запрещеніемъ, и газетная полемика, вызванная имъ, все это вмѣстѣ взятое было такъ чуждо искусству, что я не безъ нѣкотораго предубѣжденія отправился смотрѣть піесу Сарду. Опасенія мои не сбылись. Драма *Thermidor* интересна сначала до конца, интересна какъ піеса, какъ художественное произведеніе. Очень можетъ-быть, что въ Парижѣ можетъ возбуждать партійное раздраженіе то освѣщеніе, какое Сарду придаетъ изображаемой имъ эпохѣ и отдѣльнымъ ея представителямъ. Для насъ вся эта историко-политическая часть въ піесѣ французскаго академика представляетъ лишь горячій колоритный фонъ, вполнѣ совпадающій съ традиціей и нашими представленіями. Зрителю ни на одно мгновеніе не приходитъ на мысль какихъ-либо сомнѣній относительно картины эпохи, рисуемой авторомъ, какихъ-либо возраженій противъ этой картины. Происходитъ это прежде всего потому, что весь интересъ сосредоточивается на частной драмѣ, какая совершается на фонѣ драмы соціальной. А эта соціальная драма сводится къ одному понятію: *терроръ*. Вы ощущаете присутствіе этого террора вмѣстѣ со всѣми дѣйствующими лицами драмы, ощущаете его точно такъ же, какъ чувствуете вы въ томительный знойный лѣтній день присутствіе въ воздухѣ той напряженности сгущенія, какая неминуемо влечетъ за собой страшную грозу, очищающую атмосферу. Прибавьте къ этому, что вся драма несется съ поразительною быстротой и обнимаетъ собой только одинъ день. Согласитесь, что намъ, при наличности всѣхъ этихъ условій, приходится имѣть дѣло исключительно съ художественною стороной произведенія Сарду. И въ этомъ отношеніи нельзя не сознаться, что *Thermidor* всегда встрѣтитъ за предѣлами Франціи гораздо болѣе безпристрастную и спокойную, а слѣдовательно и болѣе вѣрную оцѣнку, нежели въ самой Франціи. Ибо, повторяю, для насъ піеса эта имѣетъ только одно значеніе: значеніе художественнаго произведенія.

Въ чемъ же заключается интересъ драмы *Thermidor?* на этотъ

вопросъ трудно отвѣтить какимъ-либо однимъ краткимъ опредѣленіемъ. Это интересъ очень сложный, задѣвающій самыя различныя стороны нашей души. Съ одной стороны, это яркая картинка исторической эпохи террора, когда исчезли всѣ основы гражданскаго существованія: личная безопасность, свобода совѣсти, охрана закона. Съ другой стороны, предъ нами столь же яркая картина того вѣчно—истиннаго, свѣтлаго и добраго, что̀ постоянно таится въ душѣ человѣка. Получается поразительный контрастъ между соціальнымъ фономъ и развивающеюся на немъ частною драмой, говоря точнѣе: между двумя драмами, изъ которыхъ одна, мрачная и кровавая, врывается на сцену лишь эпизодами, между тѣмъ какъ другая, свѣтлая и трогательная, стоитъ на первомъ планѣ и переплетается съ первою. Но контрасты эти идутъ еще далѣе, выступаютъ въ эпизодическихъ лицахъ и характерныхъ мелочахъ. Мелочи эти производятъ впечатлѣніе чего-то пасторальнаго, если только подразумѣвать подъ пасторалью необыкновенную простоту и естественность. Такъ, напримѣръ, въ послѣднемъ актѣ, происходящемъ на внутреннемъ дворѣ Консьержери, молодая женщина, не обращая ни малѣйшаго вниманія на шумные разговоры массы людей, наполняющихъ дворъ, на звуки набата и барабановъ, бьющихъ тревогу, выноситъ изъ комнаты привратника на воздухъ клѣтку съ птичкой и заботливо слѣдитъ за тѣмъ, чтобы клѣтка была повѣшена снаружи окна на гвоздь, который тутъ же прибивается спеціально для этой цѣли. Она страстная охотница до театра и до драмъ, и разсказываетъ, какъ плакала она наканунѣ, смотря какую-то піесу.

— Но вѣдь у васъ самихъ происходитъ тутъ постоянная, безпрерывная драма, замѣчаетъ ей бывшій актеръ, котораго она проситъ при случаѣ достать ей билетъ въ театръ.

— Я такъ привыкла ко всему этому, отвѣчаетъ молодая женщина,—что не обращаю никакого вниманія на происходящее вокругъ.

А между тѣмъ вокругъ идутъ оживленные споры о томъ, слѣдуетъ ли везти сегодня на гильотину сорокъ двѣ обреченныя ей жертвы. За ними уже прислано семь повозокъ, изъ которыхъ каждая должна вмѣстить въ себя шесть осужденныхъ. Какъ знать? быть-можетъ къ утру все перемѣнится, всѣ содержащіеся будутъ освобождены, всѣ доносы, обвиненія и приговоры падутъ сами собой. Это ли не контрасты? и вотъ почему такія простыя вещи, какъ вѣшанье на окно клѣтки съ чижикомъ, какъ разговоръ про

театръ, какъ просьба о билетахъ, вотъ почему эти столь простыя вещи получаютъ яркость почти ослѣпительную. Не думайте, чтобы здѣсь, въ приведенномъ мною примѣрѣ, звучала бы какая-нибудь намѣренность, дѣланность, фальшь. Вамъ легко будетъ убѣдиться въ этомъ, если вы мысленно измѣните обстановку, перенесете дѣйствіе со двора Консьержери на первое попавшееся современное кладбище, а молодую дочь тюремнаго привратника превратите въ дочь человѣка, торгующаго на этомъ кладбищѣ памятниками. Сколько слезъ, сколько горя видитъ ежедневно эта молодая дѣвушка, сколько рыданій, воплей и стона слышитъ она ежедневно, какъ охватываетъ ее со всѣхъ сторонъ картина смерти и горя. А между тѣмъ эта молодая дѣвушка навѣрное проливаетъ слезы лишь въ театрѣ, а не по поводу того, что̀ видитъ она каждый день на кладбищѣ. Или, напримѣръ, уженье рыбы, съ котораго начинается піеса Сарду. Раннее іюльское утро, настолько раннее, что рабочая жизнь еще не просыпалась. Но охота пуще неволи. Именно для того, чтобы предупредить шумъ и суматоху, неразлучные съ проснувшеюся жизнью города, какой-то любитель уженія рыбы, ни свѣтъ, ни заря является къ такъ-называемымъ платьемойнямъ, устроеннымъ на Сенѣ. Прачки еще спятъ, онѣ придутъ полоскать бѣлье не ранѣе, какъ часа черезъ два. Некому распугивать рыбу. Да, но есть кому напугать рыболова. На берегу рѣки сидитъ уже другой любитель уженія, забравшійся ранѣе. Начинается разговоръ и черезъ пять минутъ, одинъ изъ двухъ любителей, изъ опасенія попасться въ бѣду вслѣдствіе не совсѣмъ осторожнаго отзыва о Робеспьерѣ, быстро удаляется, мало того, бѣжитъ безъ оглядки. Получается очень яркое и сильное впечатлѣніе, достигаемое самыми простыми средствами. И вотъ откуда сложность интереса, возбуждаемаго драмой Термидоръ. На самомъ ограниченномъ пространствѣ мѣста и времени здѣсь захвачены явленія жизни столь противоположныя и разнообразныя, дающія столь различные поводы для интереса, что нужно было громадное техническое мастерство автора, чтобы, не расплываясь, сохранить нужныя пропорціи, какъ это сдѣлано теперь. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ избѣгнуть въ сценическихъ произведеніяхъ, рисующихъ историческія происшествія отрицательнаго свойства, преслѣдованія, казни и т. д., нѣтъ ничего труднѣе, какъ избѣгнуть здѣсь такъ-называемой мелодрамы. Сарду благополучно достигъ этого. Мнѣ приходилось слышать будто весь послѣдній актъ, происходящій во внутрен-

немъ дворѣ Консьержери, есть сплошная мелодрама. Мнѣ кажется, что здѣсь существуетъ какое-то недоразумѣніе. Мелодрама строится на внѣшнихъ эффектахъ, спеціально придуманныхъ и нарочно приготовляемыхъ. Въ послѣднемъ актѣ Термидора нѣтъ такихъ эффектовъ. Но весь этотъ актъ необыкновенно эффектенъ самъ по себѣ, а эффекты его столь необычнаго свойства, что многіе зрители, для краткости, прибѣгаютъ къ ходячему выраженію о мелодрамѣ, хотя въ сущности весьма затруднились бы указать, что̀ именно считаютъ они здѣсь чисто-внѣшнимъ, надуманнымъ, нарочно подобраннымъ эффектомъ. Напротивъ, несмотря на всю кажущуюся, внѣшнюю эффектность заключительнаго акта, онъ все такъ же удивительно простъ, какъ и всѣ предыдущіе акты, какъ проста вся эта драма. Отчего происходитъ это впечатлѣніе „простоты", впечатлѣніе настолько сильное, что оно рѣшительно выступаетъ на первый планъ въ воспоминаніяхъ зрителя? Оно имѣетъ основаніе въ удивительной жизненной правдивости піесы Сарду. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ ея содержаніе.

Молодая дѣвушка, Фабіенна Лекутэ, круглая сирота, принужденная покинуть монастырь, гдѣ она воспитывалась, вслѣдствіе того, что всѣ монастыри закрыты, эта молодая дѣвушка встрѣчаетъ защитника и покровителя въ лицѣ молодаго республиканскаго офицера Марсіала. Молодые люди становятся женихомъ и невѣстой. Въ это время Марсіалъ долженъ отправиться въ дѣйствующую армію. Онъ уѣзжаетъ изъ Парижа, оставивъ Фабіенну на попеченіи одной почтенной дамы, своей родственницы.

Драма начинается съ возвращеніемъ Марсіала въ Парижъ, куда онъ присланъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ одержанной республиканскою арміей. Родственница его умерла. Фабіенна исчезла. Никто не можетъ сообщить ему свѣдѣнія о томъ, что̀ съ нею сталось. Совершенно случайнымъ образомъ встрѣчаетъ онъ ее моющею бѣлье на берегу Сены. Нѣкто Лабюссьеръ, прежде бывшій товарищъ Марсіала по военной службѣ, потомъ ставшій актеромъ и наконецъ сдѣлавшійся канцелярскимъ чиновникомъ при комитетѣ общественной безопасности, спасаетъ Фабіенну отъ прачекъ, которыя непремѣнно хотятъ заставить арестовать ее, какъ шпіонку и аристократку, ибо у нея на шеѣ виденъ шнурокъ отъ креста. И вотъ, когда всѣ трое, Лабюссьеръ, Фабіенна и Марсіалъ, благополучно спасшись отъ подозрительной толпы, спокойно завтракаютъ молокомъ и хлѣбомъ въ комнаткѣ театраль-

ной портнихи того театра, на которомъ игралъ Лабюссьеръ, мы ближе узнаемъ ихъ судьбу.

Лабюссьеръ совершенно случайно попалъ въ число служащихъ при комитетѣ общественной безопасности. Онъ поссорился съ однимъ изъ своихъ товарищей по театру. Тотъ подалъ на него доносъ. Лабюссьеръ долженъ былъ скрываться. Тогда одинъ изъ его знакомыхъ доставилъ ему мѣсто, какое онъ занимаетъ теперь; оно доставляетъ ему полную безопасность отъ всякаго рода доносовъ, ибо должность Лабюссьера состоитъ именно въ томъ, чтобы собирать всѣ поступающія обвиненія и затѣмъ отправлять ихъ, по мѣрѣ требованія, въ судебно-уголовный трибуналъ. Подъ предлогомъ безпорядка, въ какомъ были сданы ему дѣла его предшественникомъ, Лабюссьеръ ежедневно уничтожаетъ по нѣсколько десятковъ обвинительныхъ актовъ. Чтобъ устранить всякое подозрѣніе, онъ прикидывается въ канцеляріи дурачкомъ и запкой. Онъ добрый геній эпохи террора, этотъ Лабюссьеръ. Онъ каждый день рискуетъ своею жизнью, спасая жизнь другихъ, и все-таки продолжаетъ свое дѣло.

Фабіенна, оставшись совершенно одна, безъ средствъ и безъ пристанища, послѣ смерти старушки-родственницы Марсіала, отправилась просить совѣта и помощи у бывшей горничной своихъ родителей, вышедшей замужъ. Горничной не оказалось дома. Но ея мужъ, ставшій между тѣмъ какимъ-то виднымъ административнымъ лицомъ эпохи террора, человѣкъ пьяный съ утра, очень хорошо узналъ „барышню“ Лекутэ, началъ „ломаться“ передъ ней и хотѣлъ ее обнять. Та оттолкнула его. Онъ упалъ. Она бросилась бѣжать. Куда было обратиться ей? Фабіенна зашла въ соборъ *Notre-Dame*. Онъ оказался, къ ея ужасу, превращеннымъ въ складъ вина. Тѣмъ не менѣе какая-то женщина молилась на ступенькахъ опустошеннаго алтаря. Фабіенна опустилась на колѣни подлѣ нея. Оказалось, что это ея подруга по совмѣстному воспитанію въ монастырѣ. Фабіенна поселилась вмѣстѣ съ ней и нѣсколькими другими монастырками. Хозяйство ихъ было такъ бѣдно, что Фабіенна принуждена была сама стирать ихъ бѣлье. Между тѣмъ письма ея къ Марсіалу оставались безъ отвѣта, а самъ онъ не писалъ ни строки. Послѣ цѣлаго ряда справокъ въ военномъ министерствѣ, молодой дѣвушкѣ объявили наконецъ, что Марсіалъ пропалъ безъ вѣсти послѣ сраженія и по всей вѣроятности убитъ. А въ это время молодыхъ дѣвушекъ посѣтилъ архіепископъ, въ одеждѣ нищаго обходившій свою паству, совер-

шавшій требы надъ вѣрующими, утѣшавшій и ободрявшій ихъ. Фабіенна вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ своихъ подругъ дала обѣтъ монашества. Она не можетъ теперь выйти замужъ за Марсіала. Но Марсіалъ принимаетъ весь грѣхъ на себя. Онъ убѣждаетъ Фабіенну, что обѣтъ ея былъ произнесенъ подъ вліяніемъ невѣрныхъ свѣдѣній, что она не имѣетъ права дѣлать несчастнымъ вмѣстѣ съ собой другаго человѣка. Молодая дѣвушка сдается на эти убѣжденія послѣ долгой борьбы съ собой. Лабюссьеръ торопитъ Марсіала уѣзжать какъ можно скорѣе вмѣстѣ съ Фабіенной. Марсіалъ бѣжитъ взять пропускъ для себя и для своей жены. Фабіенна остается одна. Внезапно съ улицы доносится шумъ. Это ведутъ въ тюрьму монахинь, подругъ Фабіенны. Чрезъ мгновеніе являются арестовать и Фабіенну. Такъ какъ она обвиняется въ покушеніи на жизнь правительственнаго лица, то процессъ ея совершается очень быстро и она должна быть казнена въ тотъ же вечеръ. Есть лишь одно средство отсрочить казнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ спасти молодую дѣвушку. Средство это состоитъ въ томъ, чтобъ она подписала заявленіе, въ которомъ объявляетъ, что готовится быть матерью. Но Фабіенна рѣшительно отказывается взвести на себя эту ложь. Громкимъ и твердымъ голосомъ объявляетъ она, что ее лишь хотятъ спасти подъ этимъ предлогомъ, что она — монахиня. Она требуетъ раздѣлить участь своихъ подругъ и идетъ на казнь. Марсіалъ въ безумномъ отчаяніи хочетъ отбить ее у конвоя, окружающаго осужденныхъ. Онъ падаетъ убитый выстрѣломъ изъ пистолета.

Въ моемъ изложеніи я опустилъ цѣлый актъ, необыкновенно интересный на сценѣ и признаваемый „лучшимъ“ во всей піесѣ. Это третій актъ, происходящій въ канцеляріи Лабюссьера. Марсіалъ, чтобы спасти Фабіенну, убѣждаетъ Лабюссьера подмѣнить бумаги, подложить вмѣсто обвинительнаго акта Фабіенны обвинительный актъ противъ другаго лица, носящаго ту же фамилію. Лабюссьеръ сначала съ ужасомъ отказывается отъ этого подлога. Но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой канцеляріи происходитъ бурное засѣданіе, въ которомъ ораторы гремятъ противъ Робеспьера и требуютъ его низверженія. Если падетъ Робеспьеръ, то немедленно прекратятся и казни, а слѣдовательно лицо, которое, благодаря подлогу Лабюссьера, было бы послано на казнь вмѣсто Фабіенны, лицо это еще можетъ быть спасено. И вотъ Лабюссьеръ соглашается на подмѣнъ бумагъ. Начинается лихорадочное отыскиваніе подходящаго акта, какъ вдругъ въ

канцелярію врывается цѣлая толпа съ извѣстіемъ о томъ, что Робеспьеръ свергнутъ. Лабюссьеръ вздыхаетъ свободно: теперь нѣтъ надобности ни въ какихъ подлогахъ. Не только Фабіенна, но и всѣ остальные обвиняемые будутъ спасены. Повторяю, актъ этотъ превосходенъ. Но онъ составляетъ лишь очень красивый и характерный эпизодъ, между тѣмъ какъ дѣйствительная нить драмы заключается въ судьбѣ Фабіенны и Марсіала. Главнымъ образомъ интересуетъ зрителя Фабіенна. Эта фигура тайной монахини въ эпоху террора была бы интересна и глубоко трогательна, взятая сама по себѣ, помимо участія Марсіала въ качествѣ влюбленнаго. Драма несомнѣнно выиграла бы тогда въ величавости. Но за то она навѣрно вызвала бы еще гораздо болѣе сильную оппозицію, нежели та, вслѣдствіе которой піеса Сарду запрещена къ дальнѣйшимъ представленіямъ въ Парижѣ. Изо всѣхъ предубѣжденій, переданныхъ французскою революціей современной Франціи, наиболѣе живучимъ, чтобы не сказать— единственнымъ сохранившимся, является предубѣжденіе противъ монашествующихъ. На мой взглядъ Сарду совершаетъ крупную ошибку, когда онъ заставляетъ Фабіенну поддаться убѣжденіямъ Марсіала и, нарушивъ обѣты, согласиться стать его женой. Положимъ, Фабіенна немедленно искупаетъ эту минуту слабости, объявивъ арестующему ее агенту, что она монахиня. Положимъ, что она монахиней идетъ на смерть. И все-таки совершаемое ею нарушеніе обѣта производитъ непріятное впечатлѣніе на русскаго зрителя. Будетъ чрезвычайно интересно и поучительно составить сводъ мнѣній о *Термидорѣ* послѣ того, какъ Кокленъ обвезетъ эту піесу по всей Европѣ. Ибо французская критика воздержалась отъ подробнаго обсужденія этой піесы, въ виду того, что она была немедленно запрещена. Такимъ образомъ, дѣйствительное, безпристрастное сужденіе предстоитъ произнесть иностранной критикѣ и публикѣ. Но уже теперь, по тѣмъ отрывочнымъ и неполнымъ отзывамъ, какіе дали о *Термидорѣ* главнѣйшіе изъ французскихъ критиковъ, можно предсказать большое разногласіе въ мнѣніяхъ французской и иностранной критики. Такъ, напримѣръ, французская критика находила длинными и скучными разсказы и разсужденія Лобюссьера о положеніи Парижа во время террора и о самомъ террорѣ, тогда какъ мы слушали эти разсказы съ величайшимъ интересомъ и ни на одно мгновеніе не замѣчали въ нихъ длинноты или скуки. Въ русской печати мнѣ приходилось читать о тенденціозности *Терми-*

дора, между тѣмъ какъ въ Берлинѣ піеса эта была поставлена на театрѣ Лессинга „какъ трогательная страница изъ исторіи человѣчества, написанная поэтомъ, чтобы сдѣлать сердца доступнѣе человѣколюбію и жалости". Но въ одномъ отношеніи критика обоихъ полушарій будетъ совершенно единодушна. Я говорю объ исполненіи Коклеиомъ роли Лабюссьера. Исполненіе это художественное съ начала до конца.

Другая новинка, какую привезъ намъ Коклеиъ, называется *La Mégère apprivoisée* и представляетъ собой піесу, извлеченную *(tirée)* изъ комедіи Шекспира: *Укрощеніе Строптивой*. Это исторія Катарины и Петруччіо, сокращенная въ четыре короткіе акта и освобожденная отъ всѣхъ постороннихъ эпизодовъ. Въ результатѣ получается забавная итальянская буффонада, итальянизмъ которой еще спеціально поддерживался въ Парижѣ превосходными, стилистичными декораціями, производившими, вмѣстѣ съ костюмами, *une sensation complète d'Italie*. Нельзя ничего возразить противъ піесъ „извлекаемыхъ" изъ Шекспира. Шекспиръ превращается въ этомъ случаѣ въ такой же источникъ основной фабулы, какимъ, по отношенію къ нему самому, являлись хроники, повѣсти, собранія новеллъ. Можно было бы только удивляться, зачѣмъ французскому автору понадобилось „извлекать" свою піесу изъ Шекспира, тогда какъ онъ съ гораздо бо́льшимъ удобствомъ могъ заимствовать свой сюжетъ прямо изъ итальянскихъ первоисточниковъ. Но въ томъ-то и дѣло, что это извлеченіе изъ Шекспира имѣетъ особый умыселъ. Оно должно показать намъ, какъ слѣдуетъ *приспособлять* Шекспира къ требованіямъ современнаго французскаго театра. Нѣтъ нужды, что на афишѣ стоитъ: *Pièce tirée de Schakespeare*. На самомъ дѣлѣ это *une adaptation* Шекспировскаго *Укрощенія Строптивой*. Интересно познакомиться съ теоріей, на основаніи которой производится французскимъ драматургомъ приспособленіе піесы Шекспира къ современной сценѣ. Теорія эта изложена въ драматическомъ обозрѣніи журнала *Revue de deux Mondes* отъ 1 декабря 1891 года. Я останавливаюсь именно на этой статьѣ потому, что она рекомендована мнѣ самимъ Коклеиомъ, какъ наиболѣе точное и вѣрное выраженіе принциповъ вызвавшихъ появленіе піесы La Mégère apprivoisée.

„Рѣшено, что мы не можемъ подгибаться *(nous plier)* подъ комедіи Шекспира. Нужно подгибать ихъ подъ насъ *(les plier*

à nous), не искажая однако ихъ. Секретъ хорошаго приспособленія Шекспировской комедіи заключается въ слѣдующемъ: многое выпустить; кое-что прибавить; сгустить подлинную піесу (condencer le tout).“

Такова теорія. Французскій критикъ переходитъ къ разсмотрѣнію того, какъ осуществлена она въ томъ приспособленіи, какому г. Делэръ подвергъ комедію Шекспира *Taming of the Shrew*.

„Г. Делэръ расчистилъ почву *(deblayé le terrain)*, упростилъ интригу, отбросилъ эпизоды и лишнія фигуры (figures parasites), для того, чтобы выдвинуть на первый планъ *(mettre en lumière)* главное содержаніе и главныя лица. Онъ также очистилъ *(purgé)* комедію если не отъ фарса, то отъ грубости и неприличія *(ordures)*. Въ нѣкоторыя сцены онъ даже ввелъ сантиментальныя ноты, принадлежащія гораздо болѣе ему нежели Шекспиру.“

Комедія La Mégère apprivoisée имѣла большой успѣхъ въ Парижѣ. Кокленъ участвовалъ въ этомъ успѣхѣ не только какъ артистъ. Онъ былъ въ то же время руководителемъ, вдохновителемъ и сотрудникомъ въ піесѣ Делэра. Отсюда особая нѣжность, какую онъ питаетъ къ этой піесѣ и желаніе пропагандировать ее какъ образецъ подгибанія Шекспира подъ современный вкусъ. Нѣтъ ни малѣйшей возможности убѣдить Коклена въ томъ произволѣ, какой вноситъ приведенная выше теорія въ сценическія приспособленія Шекспировскихъ піесъ. Онъ утверждаетъ, что извѣстная всему міру деликатность французскаго чувства служитъ въ этомъ случаѣ лучшимъ ручательствомъ, и что если La Mégère apprivoisée имѣла въ Парижѣ громадный успѣхъ, то черезъ это самое уничтожаются въ самомъ корнѣ всякія сомнѣнія въ правильности тѣхъ принциповъ, которыми руководствовался Делэръ. Мало того. Кокленъ такъ увлеченъ этимъ приспособленіемъ Шекспира, что по собственному его признанію былъ бы способенъ никогда болѣе не играть въ городѣ, гдѣ эта піеса не понравилась бы публикѣ. А между тѣмъ нужно сознаться, что роль Петруччіо не принадлежитъ къ лучшимъ ролямъ французскаго артиста. Несмотря на нѣсколько сантиментальныхъ чертъ, прибавленныхъ къ ней сравнительно съ Шекспиромъ, роль эта остается у Коклена чисто-внѣшнею, хотя очень блестящею.

Третья новая роль, въ которой выступилъ Кокленъ въ настоящій свой пріѣздъ, была роль раввина Зихеля въ піесѣ Эркмана Шатріана *L'Ami Fritz*. Въ Москвѣ какъ самая піеса, такъ и роль

раввина Зихеля пріобрѣли себѣ права гражданства въ исполненіи Поссарта. Невозможно было представить себѣ нѣчто болѣе художественно совершенное, нежели игра Поссарта въ роли раввина Зихеля. Германскій артистъ создавалъ здѣсь типъ, который навсегда врѣзывался въ воображеніи и памяти, характерную фигуру вѣрную себѣ сначала до конца, живую и типичную, въ малѣйшихъ своихъ подробностяхъ. Какимъ же оказался раввинъ Зихель въ исполненіи Коклена?

Мнѣнія раздвоились. Одни находили, что Поссартъ безо всякаго сравненія выше Коклена въ роли раввина Зихеля. Другіе утверждали, что Кокленъ изображаетъ Зихеля гораздо вѣрнѣе, что въ то время какъ Поссартъ играетъ старичка раввина *en beau*, Кокленъ представляетъ этнографически-вѣрный типъ французскаго Еврея, а вѣрность состоитъ здѣсь въ томъ, что Еврея во Франціи не отличишь по внѣшнему виду отъ Французовъ.

Я никогда не занимался вопросомъ о внѣшнемъ видѣ французскихъ Евреевъ и ни на одно мгновеніе не буду спорить противъ того, что Кокленъ изображаетъ въ своемъ раввинѣ Зихелѣ фигуру этнографически вѣрную по маскѣ, одеждѣ, произношеніи и манерамъ. Только мнѣ отъ этого не тепло и не холодно, ибо меня нисколько не интересуетъ въ этомъ случаѣ этнографическая вѣрность. Мнѣ нужно видѣть въ раввинѣ Зихелѣ, этомъ спеціальномъ устроителѣ браковъ, фигуру настолько симпатичную, чтобъ я, зритель, понималъ и раздѣлялъ всеобщую любовь къ этому почтенному старику. Вотъ что̀ мнѣ нужно и вотъ что̀ въ полной мѣрѣ давалъ Поссартъ, чего совсѣмъ не даетъ Кокленъ.

Который же изъ двухъ артистовъ болѣе правъ?

Оба правы, но каждый по своему. Кокленъ играетъ этнографически-вѣрную фигуру эльзасскаго раввина и, согласно традиціи французскаго театра, съ ораторскимъ паѳосомъ гремитъ рѣчь о необходимости брака для блага отечества, для его процвѣтанія и обороны. Въ этой рѣчи заключался, въ свое время, главный эффектъ піесы Эркмана и Шатріана, то, что̀ Французы называютъ *le clou*. Не позабудемъ, что піеса была написана непосредственно послѣ франко-прусской войны. Кокленъ ведетъ свою роль согласно съ намѣреніями авторовъ. Его раввинъ есть центральная фигура для произнесенія поучительной проповѣди.

Поссартъ отдѣляетъ своего раввина Зихеля отъ временнаго и мѣстнаго. Онъ играетъ раввина идеальнаго, если можно такъ выразиться, служителя алтаря въ широкомъ значеніи этого слова, человѣка проповѣдующаго вѣчную истину съ глубочайшею искренностію убѣжденія, и поэтому безъ тѣни какой-либо декламаціи. И еслибы меня спросили: кто *болѣе* правъ, Поссартъ или Кокленъ, я не задумываясь склонился бы въ пользу Поссарта.

С. Васильевъ.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ прежнія далекія времена Великій постъ былъ сезономъ всевозможныхъ концертовъ, не разрѣшавшихся почти въ иное время года. Позже, въ послѣдніе годы, Великій постъ сдѣлался сезономъ итальянской оперы, дѣйствовали даже одновременно по двѣ труппы на различныхъ сценахъ. Нынѣшній годъ составляетъ исключеніе и, кромѣ обонементныхъ концертовъ двухъ Обществъ: Музыкальнаго и Филармоническаго, другой музыки у насъ почти и не было. Итальянцы совсѣмъ отсутствовали и только теперь, въ концѣ поста, предполагается нѣсколько спектаклей итальянской оперы въ театрѣ Парадизъ. Въ симфоническихъ собраніяхъ Музыкальнаго Общества выдѣлился блестящій успѣхъ новаго русскаго произведенія, фантазіи А. К. Глазунова *Море*, дающей рядъ музыкальныхъ картинъ, написанныхъ яркими, роскошными красками. Фантазія представляетъ огромныя трудности, которыя были побѣждены оркестромъ Музыкальнаго Общества съ полнымъ успѣхомъ. Несмотря на свои внушительные размѣры, фантазія была повторена по требованію публики, что̀ можетъ служить достаточнымъ мѣриломъ, какъ успѣха сочиненія, такъ и достоинства исполненія, ибо повтореніе крупнаго симфоническаго произведенія въ томъ же концертѣ есть рѣдкое явленіе въ лѣтописяхъ нашихъ симфоническихъ концертовъ. Въ такомъ виртуозно написанномъ для оркестра сочиненіи успѣхъ возможенъ только при отличномъ исполненіи. Въ Петербургѣ *Море* исполнялось тамошнимъ оперным, то-есть лучшимъ въ Россіи, оркестромъ, подъ управленіемъ автора, но успѣхъ не достигалъ высоты московскаго. Изъ этого само

собой вытекаетъ заключеніе, что оркестру симфоническихъ собраній и дирижеру ихъ вполнѣ доступны не только обычный репертуаръ классическихъ произведеній, но и труднѣйшія задачи, какія представляютъ оркестровыя сочиненія новѣйшихъ композиторовъ. Среди солистовъ, принимавшихъ участіе въ симфоническихъ собраніяхъ, кромѣ уже извѣстныхъ Москвѣ, особенно большой, даже огромный, успѣхъ имѣлъ г. Томсонъ, скрипачъ бельгійской школы, обладающій изумительною техникой; такого виртуоза въ Москвѣ давно не слышали и онъ имѣлъ огромный успѣхъ. Большой успѣхъ имѣла также молодая талантливая піанистка М. Ф. Вансовская, ученица профессора здѣшней Консерваторіи, П. Ю. Шлёцера; молодая артистка владѣетъ богатыми задатками для блестящей виртуозной дѣятельности, не говоря о прекрасной техникѣ, она надѣлена настоящимъ виртуознымъ темпераментомъ, составляющимъ одинъ изъ главныхъ задатковъ успѣха для виртуоза-солиста. Г-жа Вансовская дала потомъ собственный концертъ въ залѣ Кредитнаго Общества также съ большимъ успѣхомъ. Симфоническое собраніе 2 марта, въ которомъ въ качествѣ солиста принималъ участіе П. А. Пабстъ, совпало съ годовщиной двадцатипятилѣтія его артистической дѣятельности. По этому поводу почтенному артисту было поднесено много вѣнковъ отъ его сотоварищей по Консерваторіи, бывшихъ учениковъ и различныхъ поклонниковъ его таланта; были поднесены также и цѣнные подарки. Г. Пабстъ въ этотъ вечеръ выказалъ въ полномъ блескѣ свой талантъ исполнителя. Кромѣ концерта Шумана, стоявшаго въ программѣ, онъ сыгралъ огромную и труднѣйшую фантазію Листа на темы изъ *Донъ-Жуана* и нѣсколько небольшихъ піесъ. Мастерское исполненіе вызвало горячіе восторги слушателей, аплодисментамъ и вызовамъ не было конца.

Ежегодно 11 марта дается концертъ въ память Н. Г. Рубинштейна, концертъ этотъ входитъ въ число абонементныхъ симфоническихъ собраній Музыкальнаго Общества. Въ настоящемъ году 11 марта пришлось 10-е симфоническое собраніе Общества. Программа состояла изъ трехъ произведеній Бетховена и кантаты С. И. Танѣева на слова изъ поэмы гр. А. К. Толстаго *Іоаннъ Дамаскинъ*. Кантата посвящена памяти Н. Г. Рубинштейна и впервые исполнялась 11 марта 1884 г. Это великолѣпное сочиненіе, въ которомъ композиторъ мастерски воспользовался темами изъ православной панихиды. Онъ взялъ тему „Со святыми

упокой“ въ ея старой, неизмѣненной позднѣйшею гармонизаціей формѣ и напѣвъ явился величественнымъ, строгимъ, съ истинно церковнымъ характеромъ. Тема „Со святыми упокой“ составляетъ главную основу композиціи. Изъ нея сдѣлана инструментальная интродукція кантаты, начинающаяся простою гармонизаціей напѣва. Оканчивается кантата такою же гармонизаціей, только изложенною въ голосахъ хора безъ аккомпанимента. Послѣ интродукціи слѣдуетъ первая часть кантаты, построенная въ сжатой сонатной формѣ, главная партія которой состоитъ изъ фугированнаго проведенія новой, принадлежащей самому композитору темы на слова: „Иду въ невѣдомый мнѣ путь, иду межъ страха и надежды, мой взоръ угасъ, остыла грудь, не внемлетъ слухъ, сомкнуты вѣжды; лежу безгласенъ, недвижимъ, не слышу братскаго рыданья и отъ кадила синій дымъ не мнѣ струитъ благоуханье.“ Въ дальнѣйшемъ развитіи на тѣ же слова вступаетъ церковный напѣвъ среди ткани окружающихъ его контрапунктическихъ голосовъ. Настроеніе музыки переходитъ отъ тихой серьезности настроенія въ началѣ къ выраженію смятеннаго чувства скорби и къ концу первой части на первый планъ выступаетъ церковный напѣвъ. Вторая часть кантаты состоитъ изъ небольшаго хора *a capella* съ преобладающимъ мелодическимъ содержаніемъ, на текстъ: „Но вѣчнымъ сномъ пока я сплю, моя любовь не умираетъ.“ Далѣе слѣдуетъ переходъ къ заключительной части, идущей безъ перерыва за второю, на слова: „И ею, братья, васъ молю, да каждый къ Господу взываетъ: Господь! Въ тотъ день, когда труба вострубитъ міра преставленье, пріими усопшаго раба въ твои небесныя селенья!“ Заключительная часть состоитъ изъ фуги, въ концѣ которой появляется церковная тема нотами вшестеро болѣе долгими сравнительно съ темой фуги, которая проводится одновременно съ нею. Церковная тема является сначала въ инструментахъ, потомъ ее перенимаютъ одинъ за другимъ голоса хора и наконецъ хоръ поетъ ее въ унисонъ *fortissimo*, между тѣмъ какъ тема фуги идетъ въ оркестрѣ. Эти комбинаціи темъ сдѣланы въ высшей степени мастерски. Оканчивается кантата *pianissimo* хоромъ безъ аккомпанимента, поющимъ простую гармонизацію церковной темы. Въ самомъ концѣ поэтично выдѣляется альтъ. Невольно воображаешь себѣ при этомъ женскую фигуру, сраженную печалью, молитвенно опустившуюся на колѣни и едва имѣющую силу возвести къ небесамъ свой скорбный взоръ.

Мы позволили себѣ долго остановиться на кантатѣ, потому что она, по нашему мнѣнію, есть замѣчательное въ своемъ родѣ произведеніе, особенно въ русской музыкальной литературѣ. Русскіе композиторы никогда, или почти никогда, не касались тѣхъ высшихъ контрапунктическихъ формъ, въ которыхъ она написана и русскому слушателю, даже музыканту мало знакомому съ церковною музыкой Запада, она пожалуй не совсѣмъ доступна. Еслибы возможно было исполнить кантату г. Танѣева въ Германіи въ какомъ-нибудь большомъ концертѣ, то вѣроятно она сразу доставила бы ея автору почетную извѣстность.

Несмотря на трудность кантаты, она прошла очень хорошо. Кромѣ оркестра, въ исполненіи принимали участіе хоры консерваторскій и Русскаго Хороваго Общества подъ управленіемъ С. И. Танѣева и Ѳ. Н. Шпейера, хороваго учителя Общества.

Увертюра *Фиделіо*, четвертый концертъ для фортепьяно и восьмая симфонія Бетховена составляли остальную часть программы симфоническаго собранія и прошли подъ управленіемъ В. И. Сафонова очень хорошо. Восьмою симфоніей Бетховена Н. Г. Рубинштейнъ дирижировалъ въ заключеніе послѣдняго концерта, въ которомъ онъ появлялся, такъ что она составляла его артистическое прощаніе съ земною жизнію. Исполнительницей концерта Бетховена въ собраніи 11 марта явилась совсѣмъ юная и очень талантливая піанистка С. Н. Якимовская, ученица А. Г. Рубинштейна; она очаровала публику женственною граціей игры и вызвала горячія выраженія одобренія и многочисленные вызовы, заставившіе ее играть еще два раза сверхъ программы.

Въ день 11 марта, предъ концертомъ, въ залахъ гостиницы *Континенталь* состоялся годичный обѣдъ бывшихъ учениць и учениковъ Консерваторіи, на которомъ присутствовали члены дирекціи Музыкальнаго Общества, нѣкоторые изъ прежнихъ директоровъ, а также и профессора Консерваторіи. За обѣдомъ прежде всего почтили вставаніемъ память основателя Консерваторіи Н. Г. Рубинштейна, затѣмъ слѣдовали различные тосты; между прочимъ, были посланы привѣтственныя телеграммы А. Г. Рубинштейну и П. И. Чайковскому. Обѣдъ прошелъ чрезвычайно дружно и оживленно; всего собралось 50—60 человѣкъ. Между прочимъ въ концѣ обѣда рѣшено было съ общаго согласія назначать на будущее время обѣдъ на ближайшій къ 11 марта воскресный день, чтобы дать возможность участвовать въ немъ большему числу лицъ.

Весной у насъ открываетъ свои дѣйствія оперное товарищество подъ управленіемъ И. В. Прянишникова. Товарищество будетъ давать свои представленія на сценѣ театра Шелапутина. Можно пожелать всякаго успѣха такому симпатичному предпріятію и даже надѣяться, что успѣхъ дѣйствительно будетъ. Нашъ Большой Театръ со своимъ пестрымъ репертуаромъ далеко не даетъ возможности знакомиться съ развитіемъ музыкально-драматической литературы не только въ Европѣ, но даже и въ Россіи. Москва еще не знаетъ многихъ произведеній наиболѣе выдающихся русскихъ композиторовъ, какъ, напримѣръ, Бородина, Кюи, Римскаго-Корсакова, не говоря объ операхъ Массенэ, Сенъ-Санса и др. Артистическій вкусъ, умъ и опытность руководителя товарищества можетъ до нѣкоторой степени служить ручательствомъ за дѣйствительно художественное направленіе предпріятія. Между прочимъ, г. Прянишникову обѣщалъ свое содѣйствіе П. И. Чайковскій, подъ управленіемъ котораго пойдутъ нѣкоторыя изъ оперъ. Говорятъ, что одною изъ первыхъ оперъ на сценѣ театра Шелапутина пойдетъ *Князь Игорь* Бородина.

Н. Кашкинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Продовольственный вопросъ.—Гр. Л. Н. Толстой и *Московскія Вѣдомости*.—М. де-Вогюэ о соціалистической поэзіи въ Россіи.—Анархисты въ Европѣ.

Какъ только выяснились размѣры неурожая 1891 года, явилось опасеніе, что съ каждымъ мѣсяцемъ будетъ положеніе ухудшаться. Къ счастію, опасеніе это не оправдалось, и теперь можно уже сказать, что для большей части населенія потерпѣвшихъ мѣстностей самое тяжелое время прошло: прошла если не нужда, то по крайней мѣрѣ боязнь, что не хватитъ хлѣба до слѣдующаго урожая.

Этимъ громаднымъ результатомъ мы почти исключительно обязаны энергіи правительства, не останавливавшагося ни предъ какими жертвами въ борьбѣ съ угрожавшею опасностью. Никогда еще, можетъ-быть, не проявлялось у насъ такъ ярко все значеніе могущественной, централизованной государственной власти. Если припомнить то, что̀ говорилось и печаталось у насъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, то можно съ увѣренностью сказать, что значительная часть Русскаго народа успѣла бы умереть съ голоду, еслибы мы имѣли несчастіе обладать всѣми гарантіями правоваго порядка.

Могли конечно быть ошибки и со стороны администраціи, и со стороны общественныхъ дѣятелей, могли даже быть злоупотребленія, но все это неизбѣжно при громадности той задачи, которая выпала на долю государства и общества. Передаютъ также о случаяхъ мелкихъ безпорядковъ въ той или другой волости, но въ общемъ въ потерпѣвшихъ отъ неурожая мѣст-

постяхъ не только не замѣтно народнаго недовольства, а наоборотъ, сознаніе, что только благодаря государственной помощи оказалось возможнымъ избѣжать голодной смерти. Много было толковъ о развращающемъ будто бы значеніи этой помощи съ одной стороны и о невозможности оказывать ее массѣ населенія съ другой, въ виду обремененія государственнаго казначейства. Дѣйствительность не оправдываетъ такихъ опасеній. Именно въ тяжелые годы подобные настоящему сразу вознаграждаются всѣ тѣ невыгоды, которыя неизбѣжно свойственны великимъ имперіямъ сравнительно съ болѣе мелкими государственными единицами. Продовольственныя ссуды представляютъ собою нѣчто вродѣ взаимнаго страхованія или круговой поруки, которыя тѣмъ менѣе рискованны, чѣмъ шире кругъ ихъ дѣятельности. Война или неурожай подобный тому, который пришлось испытать въ нынѣшнемъ году средней полосѣ Россіи, совершенно пошатнулъ бы строй болѣе мелкаго государства; у насъ онъ можетъ вызвать лишь нѣкоторыя временныя затрудненія, но въ народныхъ массахъ, будучи пережитъ, онъ можетъ только усилить сознаніе государственнаго могущества и государственнаго единства.

Что касается развращающаго вліянія безвозвратныхъ ссудъ на массу населенія, то возраженіе это несомнѣнно весьма серьезно: убѣжденіе въ томъ, что какъ бы ни было плохо дѣло, Царь прокормитъ, можетъ дѣйствительно оказать вредное вліяніе на народную энергію и потому необходимо принять всѣ мѣры для того, чтобъ это убѣжденіе не могло пустить глубокихъ корней, необходимо, чтобы не только по закону, но и въ дѣйствительности ссуды, особенно безвозвратныя, выдавались только въ тѣхъ случаяхъ, когда у населенія нѣтъ заработковъ, необходимо принять мѣры къ тому, чтобы случаи эти встрѣчались какъ можно рѣже, то-есть устроить общественныя работы. Теперь уже сдѣлано болѣе или менѣе, но прежде всего необходимо устранить возможность разсчета на государственную помощь со стороны тѣхъ, кто не хочетъ работать. Для этого слѣдовало бы по крайней мѣрѣ на будущее время подготовить возможность замѣны денежныхъ повинностей натуральными, такого рода замѣна, съ одной стороны, могла бы оказаться истиннымъ благодѣяніемъ для бѣднѣйшей части населенія, а съ другой—уничтожила бы возможность помянутаго разсчета.

* * *

На дняхъ намъ случилось присутствовать въ продовольственномъ совѣщаніи въ одномъ изъ уѣздовъ Тамбовской губерніи, гдѣ выяснилось, что продовольствіе до урожая будущаго года можно уже считать обезпеченнымъ и заботы земства и благотворительнаго комитета должны обратиться главнымъ образомъ на обсѣмененіе яровыхъ полей и на поддержаніе рабочаго скота; озаботиться этимъ совершенно необходимо, такъ какъ въ противномъ случаѣ надолго подорвано было бы благосостояніе мѣстнаго населенія. Несомнѣнно, однако, что обезпеченіе того и другаго потребуетъ со стороны земствъ и администраціи почти такихъ же усилій и жертвъ, какъ обезпеченіе народнаго продовольствія; при обсужденіи вопроса о размѣрахъ ссуды на обсѣмененіе яровыхъ полей возникъ тотъ же вопросъ, какъ и при обсѣмененіи озимыхъ, и оказалось столь же невозможно его удовлетворительное разрѣшеніе за неимѣніемъ сколько-нибудь точныхъ данныхъ и за невозможностью получить ихъ въ достаточно скоромъ времени: въ данномъ случаѣ еще разъ сказалась вся неудовлетворительность постановки продовольственнаго вопроса въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ: возлагая на земство веденіе продовольственнаго дѣла въ уѣздахъ и губерніяхъ, Положеніе не только не опредѣлило точныя обязанности земскихъ учрежденій и способовъ ихъ выполненія, но даже не дало этимъ учрежденіямъ никакой возможности выполнить свои обязанности при самомъ добросовѣстномъ отношеніи къ нимъ; единственный постоянный органъ земства—земскія управы, даже еслибъ онѣ имѣли возможность слѣдить при малочисленности своего состава за дѣйствительнымъ положеніемъ хлѣбныхъ магазиновъ, не имѣли никакой возможности заставить крестьянъ пополнить ихъ, когда они оказывались пустыми; сдѣлать это можно было бы только черезъ полицію, которая заботилась и не могла не заботиться прежде всего о поступленіи государственныхъ сборовъ; такъ что сборы земства, а тѣмъ болѣе исполненіе порученій земскихъ собраній или управъ по продовольственному вопросу, являлись для нея дѣломъ второстепенной важности, тѣмъ болѣе, что и само земство не придавало такимъ порученіямъ характера неотложности, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ всегда кажется, что время не уйдетъ, кажется, до тѣхъ поръ, пока не станетъ уже поздно. Невозможность слѣдить за исправностью сельскихъ магазиновъ была, конечно, одною изъ причинъ, заставившихъ обратиться многія земства съ ходатайствомъ объ облегченіи перехода съ

натуральной повинности на денежную, ходатайства эти были отклонены, такъ какъ хлѣбные запасы дѣлаются именно на случай неурожая, когда цѣна хлѣба значительно возрастаетъ и потому невозможно пріобрѣтеніе его за обычную цѣну. Возраженіе это совершенно справедливо, но оно имѣло однако своимъ послѣдствіемъ то что при наступленіи неурожая не оказалось ни хлѣба, ни денегъ; конечно, со времени введенія въ дѣйствіе Положенія о земскихъ начальникахъ, засыпка хлѣба въ общественные магазины можетъ идти правильнѣе, но и тутъ трудно ожидать вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ до тѣхъ поръ, пока крестьяне будутъ смотрѣть на засыпанный хлѣбъ, какъ на свою собственность, изъ которой каждый имѣетъ право получить часть, сообразно количеству засыпаннаго имъ, такъ что при выдачѣ ссуды одному, спѣшатъ потребовать ее и всѣ остальные.

Въ настоящее время, когда въ потерпѣвшихъ отъ неурожая губерніяхъ не только всѣ хлѣбные магазины пусты, но когда почти всѣ крестьяне получили значительныя продовольственныя ссуды, быть-можетъ, самое лучшее время для полнаго измѣненія постановки продовольственнаго вопроса. Крестьяне, конечно, еще не скоро будутъ въ состояніи возвратить полученныя ими ссуды, и однимъ изъ простѣйшихъ способовъ, какъ для такого возвращенія, такъ и для пополненія хлѣбныхъ магазиновъ, безъ сомнѣнія, могли бы оказаться общественныя запашки, не могли ли бы тѣ же общественныя запашки содѣйствовать выходу земства и администраціи изъ затруднительнаго положенія, въ которое они поставлены въ виду отсутствія положительныхъ данныхъ, которыми они могли бы руководствоваться при раздачѣ ссудъ на обсѣмененіе?

Въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ не выдавать ссуды нельзя, потому что сѣмянъ не хватитъ и часть полей останется незасѣянною, но раздача пятой или шестой доли сѣмянъ наудачу рискуетъ не только не помочь горю, а иногда еще болѣе ухудшить положеніе: и теперь уже были случаи, что крестьяне продавали свой овесъ въ надеждѣ, что на сѣмена они все равно ссуду получатъ. Еслибъ убѣжденіе это распространилось и упрочилось, то въ результатѣ могло бы оказаться меньшее количество обсѣмененныхъ полей, чѣмъ еслибы ссуды совсѣмъ не выдавалось; а какая возможность убѣдить крестьянина не продавать свой хлѣбъ, когда онъ знаетъ, что ссуда будетъ выдаваться именно тѣмъ, у кого его не окажется? Кромѣ того, есть ли осно-

ваніе выдавать ссуду на обсѣмененіе тому, кто земли обсѣменить не можетъ? Не проще ли было бы въ виду этого вмѣсто раздачи сѣмянъ на руки отдѣльнымъ крестьянамъ, изъ которыхъ половина продастъ ихъ, употребить эти сѣмена на общественную запашку?

Сдѣлать это было бы тѣмъ легче, что по недостатку сѣмянъ часть земли должна быть незасѣянною и такимъ образомъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, сократится площадь посѣва отдѣльныхъ владѣльцевъ.

Что касается поддержанія рабочаго скота, то вопросъ этотъ представляется крайне серьезнымъ; подвозъ корма особенно въ настоящее время немыслимъ, а между тѣмъ необходимо подкормить лошадей предъ началомъ полевыхъ работъ. Въ Тамбовской губерніи губернаторъ указалъ на нѣкоторый остатокъ ржи, который долженъ остаться отъ сдѣланныхъ закупокъ и который можно будетъ употребить на подкармливаніе лошадей въ видѣ посыпки,—это дѣйствительно въ настоящее время почти единственный рессурсъ, хотя встрѣтятся большія затрудненія въ томъ, чтобы найти солому.

Что касается благотворительной дѣятельности мѣстныхъ комитетовъ, она сосредоточивается преимущественно на устройствѣ столовыхъ, такъ какъ эта форма пособія нуждающемуся населенію оказалась рѣшительно самою практичною, но возможною только при содѣйствіи мѣстнаго общества, вотъ почему народныя столовыя идутъ весьма успѣшно во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть люди.

На дняхъ мы получили отчеты о дѣятельности попечительствъ Балашовскаго уѣзда, Саратовской губерніи.

По разсчету уѣзднаго предводителя дворянства князя П. М. Волконскаго, содержаніе въ столовой обходится немного дороже 1 руб. на человѣка; князь Волконскій указываетъ также на преимущество столовыхъ предъ раздачей хлѣба въ нравственномъ отношеніи крестьянъ. Насколько раздача земскаго хлѣба вліяетъ пагубно на крестьянское населеніе, вслѣдствіе крайней неподготовленности земства къ этой тяжелой задачѣ и является необходимымъ зломъ, настолько благотворительная дѣятельность попечительствъ, поставленная въ строгія рамки и границы, является началомъ успокоительнымъ и нравственнымъ, такъ какъ помощь получаетъ исключительно нуждающійся и какія бы то ни были злоупотребленія немыслимы. Всякій, сколько-нибудь

обезпеченный крестьянинъ считаетъ стыдомъ идти въ столовую и отнимать кусокъ хлѣба у голоднаго, но ни одинъ домохозяинъ, даже богатый, не останавливается предъ соблазномъ получить земскую ссуду, совершенно безсознательно относясь къ тѣмъ тяжелымъ послѣдствіямъ, къ которымъ ведетъ этотъ непосильный для крестьянина долгъ, справедливо замѣчаетъ князь П. М. Волконскій.

* * *

Въ прошломъ нумерѣ нашей лѣтописи мы указали на несообразнозность того обвиненія въ революціонной пропагандѣ, которое пытались, неизвѣстно для чего, возвести на графа Л. Н. Толстаго нѣкоторые органы нашей печати; обвиненіе это мы считали несообразнымъ уже потому, что всякая революція есть не что иное, какъ *насильственный* переворотъ, а графъ Толстой въ своей теоріи непротивленія злу не только не допускаетъ возможности какого бы то ни было насилія, но даже сопротивленія насилію. Можетъ ли тотъ, кто отрицаетъ право самообороны или обороны самыхъ близкихъ людей даже отъ Зулусовъ-людоѣдовъ быть сторонникомъ насильственнаго государственнаго переворота? Можно находить политическіе и соціальные взгляды такого человѣка парадоксальными, противорѣчивыми и не выдерживающими критики, можно находить вреднымъ распространеніе среди общества подобныхъ теорій, если само оно не въ состояніи отнестись къ нимъ критически; но можно ли серьезно и добросовѣстно говорить объ открытой проповѣди гр. Толстымъ соціальной революціи?

Не ясно ли, что такого рода смыслъ можетъ быть приданъ дѣятельности графа Л. Н. Толстаго лишь посредствомъ искусственнаго подбора цитатъ и тенденціознаго ихъ освѣщенія? Мнѣніе наше вполнѣ подтверждается слѣдующимъ письмомъ уже помѣщеннымъ въ большинствѣ газетъ.

„Милостивый государь,
господинъ редакторъ!

„Въ отвѣтъ на получаемыя мною отъ разныхъ лицъ письма съ вопросами о томъ, дѣйствительно ли написаны и посланы мною въ англійскія газеты письма, изъ которыхъ сдѣланы выписки въ нумерѣ 22 *Московскихъ Вѣдомостей*, покорно прошу помѣстить слѣдующее мое заявленіе:

„Писемъ никакихъ я въ англійскія газеты не писалъ. Выписка

же, напечатанная мелкимъ шрифтомъ и приписываемая мнѣ, есть очень измѣненное (вслѣдствіе двукратнаго—сначала на англійскій, потомъ на русскій языкъ — слишкомъ вольнаго перевода) мѣсто изъ моей статьи, еще въ октябрѣ отданной въ московскій журналъ и не напечатанной, и послѣ того отданной, по обыкновенію моему, въ полное распоряженіе иностранныхъ переводчиковъ.

„Мѣсто же въ статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, напечатанное вслѣдъ за выпиской изъ перевода моей статьи крупнымъ шрифтомъ и выдаваемое за выраженную мной будто бы во второмъ письмѣ мысль о томъ, какъ долженъ поступить народъ для избавленія себя отъ голода,—есть сплошной вымыселъ.

„Въ этомъ мѣстѣ составитель статьи пользуется моими словами, употребленными въ совершенно другомъ смыслѣ, для выраженія совершенно чуждой и противной моимъ убѣжденіямъ мысли.

„Съ совершеннымъ уваженіемъ

„*Левъ Толстой.*“

22 февраля 1892 г. Бѣгичевка.

Для каждаго, кто читалъ 22 нумеръ *Московскихъ Вѣдомостей*, письмо это настолько ясно, что не требуетъ никакихъ комментарій. Вотъ тѣ строки *Московскихъ Вѣдомостей*, о которыхъ упоминается въ письмѣ.

„Письма графа Толстаго не нуждаются въ комментаріяхъ. Они „являются открытою пропагандой къ ниспроверженію всего су„ществующаго во всемъ мірѣ соціальнаго и экономическаго строя, „который, съ весьма понятною цѣлью, приписывается графомъ „*одной только Россіи*. Пропаганда графа есть *пропаганда самаго „крайняго, самаго разнузданнаго соціализма, предъ которымъ „блѣднѣетъ даже наша подпольная пропаганда*“, и далѣе „графъ „открыто проповѣдуетъ программу соціальной революціи.“

Помѣщая письмо графа Толстаго, *Московскія Вѣдомости* сопроводили его семью столбцами такихъ поясненій и приложеній, что довольно трудно было бы понять чего собственно онѣ добиваются, еслибы сами онѣ не объяснили этого въ концѣ своей передовой статьи.

„Напечатаніе статьи Л. Н. Толстаго въ нумерѣ 22 нашей га„зеты достигло своей цѣли, произвело именно тотъ переворотъ „въ воззрѣніяхъ на графа Толстаго—не былаго, а нынѣшняго, „на который мы разсчитывали.“

Итакъ, *Московскія Вѣдомости*, какъ сами онѣ говорятъ, намѣревались произвести переворотъ въ воззрѣніяхъ на послѣдній періодъ дѣятельности графа Л. Н. Толстаго: посмотримъ же какимъ образомъ онѣ этого достигли или, по крайней мѣрѣ, желали достигнуть.

Теоретическіе взгляды графа Толстаго на собственность, на деньги, на значеніе ручнаго и умственнаго труда ни для кого не были тайной и до появленія статьи *Московскихъ Вѣдомостей:* они совершенно ясно были выражены въ его сочиненіяхъ, напечатанныхъ въ Россіи и которымъ никто не думалъ придавать значеніе революціонной пропаганды. Именно этотъ *революціонный* характеръ дѣятельности графа Толстаго открыли и рѣшили разоблачить *Московскія Вѣдомости.*

Въ началѣ прошлой осени написана была графомъ Л. Н. Толстымъ статья о голодѣ для „Вопросовъ философіи и психологіи"; содержаніе статьи этой, по словамъ г. Диллона, извѣстно было многимъ лицамъ, и едва ли мы ошибемся, предположивъ, что оно извѣстно было и редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*, которыя предпочли дѣлать изъ нея цитаты посредствомъ возвратнаго перевода.

Но если *Московскія Вѣдомости* знали статью графа Толстаго о голодѣ, то онѣ не могли не видѣть, что переведенное ими такъ-называемое письмо въ *Daily Telegraph*: „Отчего русскій мужикъ голодаетъ", есть не что иное, какъ цензурный отрывокъ изъ помянутой статьи о голодѣ, который, будучи вырванъ изъ общей связи, становится еще болѣе не цензурнымъ. При чемъ же тогда всѣ документы (кстати сказать не вполнѣ убѣдительные уже по хронологической путаницѣ), на которые ссылаются *Московскія Вѣдомости* и которые подтверждаютъ только то, что появившійся въ нумерѣ 22 *Московскихъ Вѣдомостей* переводъ изъ *Pall-Mall*, озаглавленный „Отчего русскій мужикъ голодаетъ", есть не что иное, какъ переводъ отрывка изъ англійскаго перевода русской статьи „О голодѣ", предназначавшейся первоначально для русскаго журнала. Графъ Толстой не только не отрицалъ, *но первый указалъ на это обстоятельство, о которомъ почему-то умалчивали до сіо письма Московскія Вѣдомости*, хотя обстоятельство это весьма существенно. Въ самомъ дѣлѣ, условія печати у насъ нѣсколько иныя, чѣмъ за границей.

Если цензурныя правила мѣшаютъ иногда автору высказать ту или другую мысль, то съ другой стороны, они даютъ ему

возможность сложить съ себя часть отвѣтственности на редакцію или на цензуру—отвѣтственность лежитъ уже не на немъ одномъ, такъ какъ если мысли эти явно вредны, то редакція не должна помѣщать статьи, а цензура пропускать ее.

Въ данномъ случаѣ положеніе нѣсколько измѣняется, благодаря патріотизму *Московскихъ Вѣдомостей*.

„Мы всѣ стараемся показать иностранцамъ, говорятъ онѣ, не„знакомую имъ Россію въ истиномъ свѣтѣ, а графъ Толстой на„ходитъ нужнымъ безсовѣстно клеветать на свое отечество предъ „Европой! Не имѣя возможности печатать эти пасквили въ Рос„сіи, онъ самъ сознается, что имѣетъ „„обыкновеніе отдавать ихъ „въ полное распоряженіе иностранныхъ переводчиковъ!““ Какой „благородный патріотизмъ!“

И вотъ движимыя чувствомъ патріотизма, *Московскія Вѣдомости* переводятъ обратно на русскій языкъ эти пасквили графа Толстаго, которыя иначе онъ не имѣлъ бы возможности печатать въ Россіи.

Желая окончательно уничтожить его въ глазахъ русскаго общества и доказать отсутствіе патріотизма и неблагонамѣренность, *Московскія Вѣдомости* говорятъ:

„Цитуемъ не обратный нашъ переводъ, а *подлинныя слова* графа Толстаго, какъ они значатся въ текстѣ переданномъ графомъ г. Диллону въ качествѣ оригинала для его перевода.

„„Вольтеръ говорилъ, что еслибы возможно было, пожавъ ши„шечку въ Парижѣ, этимъ пожатіемъ убить мандарина въ Китаѣ, „то рѣдкій Парижанинъ лишилъ бы себя этого удовольствія.

„„Отчего же не говорить правду?

„„Еслибы, пожавъ пуговку въ Москвѣ или Петербургѣ, этимъ „пожатіемъ можно бы было убить мужика въ Мамадышахъ или „Царевококшайскѣ, и никто бы не узналъ про это; я не ду„маю, чтобы нашлось много людей изъ нашего сословія, кото„рые воздержались бы отъ пуговки, еслибъ это могло имъ до„ставить хоть малѣйшее удовольствіе.

„„И это я говорю не потому, что мнѣ такъ вздумалось гово„рить непріятности богатымъ русскимъ людямъ, къ которымъ я „принадлежу, а потому что это такъ и есть.““

Строки эти, конечно, парадоксальны и несвоевременны, и гр. Толстой собственною дѣятельностью даетъ лучшее ихъ опроверженіе, но въ нихъ высказывается лишь пессимистическій взглядъ на человѣческую природу, который со стороны автора *Власти*

тьмы не можетъ удивить насъ. Благонамѣренность или патріотизмъ тутъ не при чемъ. Homo homini lupus—выраженіе придуманное не гр. Толстымъ. Шопенгауеръ говоритъ гдѣ-то, что отыскивая сильную гиперболу для характеристики человѣческаго эгоизма, онъ напалъ на слѣдующее сравненіе: человѣкъ способенъ зарѣзать ближняго, чтобы жиромъ его смазать себѣ сапоги, но у него все еще осталось нѣкоторое сомнѣніе, дѣйствительно ли это гипербола?

Итакъ Габбесъ, Вольтеръ, Шопенгауеръ, Толстой и многіе другіе полагаютъ, что человѣческій эгоизмъ колоссаленъ. Взглядъ этотъ можетъ-быть ошибочный; но для опроверженія его недостаточно самыхъ благихъ намѣреній.

Вообще говоря, статья *Московскихъ Вѣдомостей* въ нумерѣ 22 не открыла намъ ровно ничего новаго относительно теоретическихъ взглядовъ гр. Толстаго на соціальный вопросъ или на собственность, это признаютъ и сами *Московскія Вѣдомости*, но статья ихъ должна была доказать, что графъ Толстой „*открыто проповѣдуетъ программу соціальной революціи*“ и еслибъ онъ ограничился молчаніемъ въ отвѣтъ на такое обвиненіе, молчаніе его безъ сомнѣнія истолковано было бы, какъ знакъ согласія, и *Московскимъ Вѣдомостямъ* удалось бы произвести тотъ переворотъ въ общественномъ мнѣніи, который онѣ поставили себѣ задачей. Теперь онѣ пытаются обвинить его въ малодушіи потому, что онъ счелъ нужнымъ возстановить истину.

Въ своемъ отступленіи *Московскія Вѣдомости* прибѣгаютъ къ совершенно необычайнымъ пріемамъ, онѣ не только цитируютъ частную переписку, которая хотя не должна была появиться, однако появилась въ печати, но и свою собственную статью, которая должна была появиться, но до сихъ поръ не появлялась въ печати.

Вотъ въ какомъ порядкѣ совершается отступленіе въ нумерѣ 71 *Московскихъ Вѣдомостей*, то-есть вслѣдъ за напечатаніемъ выше помѣщеннаго письма гр. Л. Н. Толстаго:

„Дѣйствительно, статья графа Толстаго „„О голодѣ““,—содер„жащая въ себѣ извѣстныя уже нашимъ читателямъ соціалисти„ческія теоріи,—въ журналѣ г. Грота, по весьма естественнымъ „причинамъ, напечатана быть не могла, и графъ Толстой „„послѣ „того отдалъ““ ее, какъ онъ самъ говоритъ, „„по обыкновенію сво„ему, въ полное распоряженіе иностранныхъ переводчиковъ““.

„Г. Диллонъ перевелъ *ту именно часть статьи графа Толста„го, которой немыслимо было появиться въ Россіи*, тогда какъ

„другая часть этой статьи, не заключавшая въ себѣ ничего пред-„осудительнаго, появилась въ январьской книжкѣ *Недѣли*...

„Самая существенная часть статьи, напечатанной въ нумерѣ „11.448 *Daily Telegraph*, отъ 26 января, была въ тотъ же день „вечеромъ буквально перепечатана въ нумерѣ 8.377 *Pall-Mall „Gazette*, откуда она была воспроизведена цѣликомъ не въ „„воль-„номъ““, а въ самомъ точномъ переводѣ въ нумерѣ 22 *Москов-„скихъ Вѣдомостей*...

„Мы буквально перевели все, что̀ нашли въ *Pall-Mall Gazette*, „которая, въ свою очередь, буквально перепечатала свою выдерж-„ку изъ статьи графа Толстаго, напечатанной въ *Daily Telegraph* „въ переводѣ г. Диллона.“

Этимъ могло бы ограничиться оправданіе *Московскихъ Вѣдомостей*, хотя если онѣ знали уже, что помѣщенное ими письмо „Отчего русскій мужикъ голодаетъ“ есть переводъ статьи „О голодѣ“, то могли бы кажется замѣтить нѣкоторый оттѣнокъ уже въ передачѣ самаго заглавія, онѣ могли бы замѣтить и то, что если цензурные пропуски не даютъ иногда возможности судить о мысли автора во всей ея полнотѣ, то еще труднѣе судить о ней, знакомясь съ нею только по пропущеннымъ мѣстамъ, а по словамъ *Московскихъ Вѣдомостей*, г. Диллонъ перевелъ ту именно часть статьи гр. Толстаго, которой немыслимо было появиться въ Россіи. *Московскія Вѣдомости* считаютъ повидимому такіе обратные переводы лучшимъ способомъ ознакомленія русской публики съ истиннымъ образомъ мыслей русскихъ писателей, хотя если судить о литературной дѣятельности авторовъ исключительно по произведеніямъ не пропущеннымъ цензурой, то къ революціонерамъ пришлось бы причислить не только гр. Толстаго, но и Пушкина, Лермонтова и многихъ другихъ.

Впрочемъ, *Московскія Вѣдомости* въ нумерѣ 71 не настаиваютъ уже на томъ, что графъ „открыто проповѣдуетъ соціальную революцію“, или на томъ, что „пропаганда графа есть пропаганда самаго разнузданнаго соціализма, *предъ которымъ блѣднѣетъ даже наша подпольная пропаганда*“.

„Несмотря даже на высказанныя имъ въ статьѣ „О голодѣ“ явно соціалистическія теоріи, мы“, говорятъ *Московскія Вѣдомости*, „все-таки его соціалистомъ не считали и не считаемъ. Самъ графъ Толстой, конечно, далекъ отъ того, чтобы своею пропагандой побуждать кого-либо къ насильственному соціальному перевороту; только онъ, повидимому, не понимаетъ, что пропаганда

его сама по себѣ, даже безъ его желанія, можетъ подготовлять такой именно переворотъ."

Итакъ, сразу исчезаютъ всѣ серьезныя обвиненія, но за то продолжается брань.

„Толстой, авторъ *Войны и Мира*, авторъ *Анны Карениной*", читаемъ мы въ нумерѣ 71 *Московскихъ Вѣдомостей*, „умеръ и „не воскреснетъ. Предъ нами другой Толстой,—несчастный ста„рикъ, находящійся въ состояніи умственнаго и нравственнаго „распаденія, опустившійся до міросозерцанія малограмотныхъ „анархистскихъ листковъ и брошюръ.

„Очевидно, что талантъ автора *Войны и Мира* потухъ: лампада „догорѣла, драгоцѣнное муро заключенное въ ней истощилось, а „фитиль все еще трещитъ и дымитъ, распространяя чадъ и „удушье...

„Мы не говоримъ, что графъ Толстой—соціалистъ. Нѣтъ даже „этого. Онъ просто подобенъ легкомысленному мальчику, кото„рый, первый разъ въ жизни прочтя какую-нибудь анархистскую „брошюру, увидѣлъ въ ней какъ бы новое откровеніе и рабски „подчинился нелѣпому набору словъ, и т. д." Жаль, что *Московскія Вѣдомости*, убѣдившись въ томъ, что графъ Толстой даже не соціалистъ, продолжаютъ по поводу его толковать объ анархизмѣ, забывая повидимому о существованіи Руссо, сходство съ которымъ, если не вліяніе его, дѣйствительно на каждомъ шагу чувствуется въ соціальныхъ теоріяхъ и взглядахъ Л. Н. Толстаго. Трудно допустить, чтобы сопоставленіе графа Толстаго съ анархистами, а не съ Ж. Ж. Руссо, было умышленно, но какъ же могутъ *Московскія Вѣдомости*, несмотря на прямой смыслъ цензурныхъ и нецензурныхъ сочиненій графа Толстаго, и несмотря на его письмо, продолжать подобныя сопоставленія, когда для каждаго ясно, что отличительная черта анархизма состоитъ не въ стремленіи къ какимъ-либо идеальнымъ или даже фантастическимъ цѣлямъ, а къ *насильственному* ниспроверженію существующаго порядка ради цѣлей эгоистическихъ или въ лучшемъ случаѣ безо всякихъ цѣлей, *но какими бы то ни было средствами*.

Цѣль оправдываетъ средства,—эта формула, считавшаяся долгое время отличительною чертой дѣятельности іезуитовъ, вполнѣ усвоена и современными анархистами и въ этомъ отношеніи у противниковъ графа Толстаго, обвиняющихъ его въ анархическомъ образѣ мыслей и въ революціонной пропагандѣ, найдется можетъ-быть болѣе общаго съ анархизмомъ, чѣмъ у него самого.

Конечно, графъ Толстой преимущественно художникъ, а не публицистъ и не общественный дѣятель; но какимъ образомъ *Московскія Вѣдомости* объясняютъ себѣ тотъ фактъ, что несчастный, по словамъ ихъ, старикъ, находящійся въ состояніи умственнаго и нравственнаго распаденія, опустившійся до міросозерцанія малограмотныхъ анархистскихъ листковъ и брошюръ, могъ однако не только руководить устройствомъ 172 народныхъ столовыхъ, гдѣ кормится въ настоящее время около 10.000 человѣкъ, но и написать статью объ этихъ столовыхъ, которая стала простѣйшимъ руководствомъ для ихъ устройства, какъ частными лицами, такъ и офиціальными учрежденіями?

Московскія Вѣдомости, которыя имѣютъ повидимому претензію знать образъ мыслей графа Толстаго лучше его самого, спрашиваютъ: Неужели графъ Толстой уже не имѣетъ даже *le courage de son opinion?* Не слишкомъ ли это сильно? Невольно подумаешь: pas trop de zèle, pas trop de zèle!

* * *

Въ послѣдней книгѣ своей *Историческіе и литературные взгляды* М. де-Вогюэ посвящаетъ двѣ статьи русской поэзіи: Некрасову и Тютчеву. Первая представляетъ для насъ особый интересъ, такъ какъ, несмотря на громадную популярность Некрасова и на то, что со времени его смерти прошло болѣе десяти лѣтъ и личныя отношенія почти не могутъ уже играть роли въ оцѣнкѣ его произведеній, несмотря на это, мѣсто его въ исторіи нашей литературы остается еще неопредѣленнымъ. Некрасовъ, болѣе чѣмъ кто-либо, поэтъ извѣстнаго лагеря, извѣстнаго направленія, и потому отношеніе къ его произведеніямъ почти всегда опредѣляется отношеніемъ читателя къ этому направленію: сочувствуетъ онъ ему, и Некрасовъ является пророкомъ выражающимъ съ поразительною силой все то, что самъ онъ хотѣлъ бы выразить, не сочувствуетъ и - пророкъ этотъ сразу превращается въ ремесленника искусно эксплуатирующаго стихотворный талантъ и вкусы толпы.

Нѣкоторыя біографическія подробности повидимому подтверждаютъ это мнѣніе, и вопросъ сразу переносится изъ сферы литературной критики въ область личной оцѣнки, говоритъ М. де-Вогюэ.

Дѣйствительно ли были глубоки раны, вырывавшія у Некра-

сова тѣ крики страданія, которые такъ часто слышатся въ его лирическихъ порывахъ? Или это была только одна изъ формъ духовнаго недуга, заставлявшаго его постоянно трудиться надъ разрушеніемъ собственнаго спокойствія? Не беретъ ли онъ изъ послѣдней прочитанной книги того, что̀ носится на поверхности его души. Не все ли ему равно вѣрить или не вѣрить, лишь бы только сказанное было красиво?

„Вотъ совершенно праздные вопросы, замѣчаетъ де-Вогюэ. Конечно, поэтъ подчиняется тиранніи собственнаго орудія. Каждое чувство, поражающее душу его, тотчасъ же отражается, объектируется внѣ его. Стало-быть, онъ не страдаетъ, выводитъ отсюда заключеніе молчаливая душа лавочника, ничто не тяготитъ надъ нимъ, если онъ пѣсней сбрасываетъ всякое бремя. А если самъ онъ обманывается своею пѣсней, если отраженное впечатлѣніе проникаетъ къ нему въ сердце тѣмъ болѣе обостренное, что прошло черезъ мозгъ, увеличивающій его напряженность, развѣ сила индивидуальной иллюзіи не есть единственное мѣрило и единственная сущность всѣхъ чувствъ у лавочника такъ же, какъ у поэта.“ Вогюэ совершенно правъ и вопросъ объ искренности или неискренности поэта остается неразрѣшимымъ и празднымъ до тѣхъ поръ, пока то или другое не отражается на его произведеніяхъ.

Дѣло только въ томъ, что неискренность почти неизбѣжно и очень скоро сказывается нѣкоторою дѣланностію и искусственностію. Mann sieht die Absicht und man wird verstimmt.

Вотъ почему относительно Некрасова, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ его произведеній, вопросъ этотъ самъ собою напрашивается и М. де-Вогюэ не можетъ вполнѣ избѣгнуть его. Указавъ на тенденціозное освѣщеніе или точнѣе на совершенно невѣрное изображеніе дѣйствительности, онъ замѣчаетъ: „Грѣшно разсѣивать поэтическую мечту, но тогда только, когда мечта эта безкорыстна и чужда намѣреннаго вымысла. Къ тому же у меня не могло быть лучшаго случая поймать этого реалиста съ поличнымъ въ проступкѣ декламаціи. Прочтите внимательно *Русскихъ Женщинъ*, прочтите потомъ отрывокъ изъ *Мертваго Дома* или изъ *Войны и Мира*. Вы ясно замѣтите, что Некрасовъ удаляется отъ точки зрѣнія пониманія, составляющей новость и достоинство русскихъ произведеній, отъ прочувствованнаго пониманія строгой истины. Въ этомъ отношеніи онъ приближается къ патетическому міросозерцанію, долго плѣнявшему

нашихъ отцовъ и очаровывавшему наше дѣтство, но которое начинаетъ надоѣдать намъ, такъ какъ мы ищемъ чего-то другаго, не находя его.“

„Стихъ Некрасова“, говоритъ Вогюэ въ другомъ мѣстѣ, „лишенъ непосредственности и гармоніи, онъ силенъ и хорошо выражаетъ то, что̀ долженъ выразить, но онъ выдѣланъ, не является самъ собой какъ-будто съ неба, какъ у поэтовъ настоящаго божественнаго происхожденія.

„Некрасовъ увѣряетъ себя, что онъ любитъ народъ, что его ненависть есть только любовь, не находящая себѣ исхода. Мнѣ кажется, что онъ ошибается, говоритъ де-Вогюэ, душа его отъ природы склонна къ ненависти, она больше наслаждается своею ненавистью къ тиранніи, чѣмъ наслаждалась бы мечтами о свободѣ, еслибъ онѣ сбылись. Это и случилось въ 1861 году. Отмѣна крѣпостнаго права должна была бы порвать одну изъ струнъ его лиры, она должна была бы внушить ему радостные гимны: ничуть не бывало, можно было бы подумать, что великій соціальный переворотъ для него не совершался. Онъ не могъ рѣшиться пожертвовать однимъ изъ поэтическихъ пріемовъ, благодаря которому достигалъ самыхъ вѣрныхъ своихъ эффектовъ и въ теченіе пятнадцати лѣтъ онъ продолжаетъ плакать надъ исцѣленнымъ уже недугомъ.

„Это непрерывное вдохновеніе, никогда не возобновляющее своихъ источниковъ, составляетъ весьма любопытное явленіе въ исторіи литературы. Напрасно было бы искать въ многочисленныхъ стихотвореніяхъ этого послѣдняго періода того, что̀ встрѣчается у всѣхъ современниковъ Некрасова—отраженія различныхъ идейныхъ теченій, которыя тогда слѣдовали другъ за другомъ въ Россіи, иллюзіи и надежды наканунѣ освобожденія крестьянъ, радость послѣдовавшую за этимъ актомъ, реакцію унынія, изъ которой произошелъ нигилизмъ. Поэтъ остается глухъ къ этимъ движеніямъ національнаго настроенія, онъ продолжаетъ въ томъ же тонѣ, какъ и въ 1848 году, свои діатрибы противъ прошлаго, свои насмѣшки надъ настоящимъ.“

Эта оцѣнка Некрасова, выдающимся иностраннымъ писателемъ, представляетъ для насъ тотъ интересъ, что она не можетъ быть объяснена какими-нибудь личными антипатіями, такъ какъ сдѣлана человѣкомъ не имѣющимъ ничего общаго съ нашими литературными партіями.

Но если дѣйствительно поэзія Некрасова крайне однообразна, если въ ней часто чувствуется искусственность, то какъ же объяснить громадную популярность его? Для этого недостаточно одной оригинальности, о которой упоминаетъ Вогюэ.

„— Некрасовъ, замѣчаетъ де-Вогюэ, не величайшій поэтъ своей страны, но самый оригинальный и въ извѣстномъ смыслѣ слова самый популярный, тотъ, который проникъ въ самые глубокіе слои населенія. Если вы случайно встрѣтите томъ стихотвореній тамъ, гдѣ вообще совсѣмъ не читаютъ, на почтовой станціи у маленькаго чиновника, у фельдшера, на прилавкѣ и на конторкѣ трактира, если юноша или молодая дѣвушка, вернувшись изъ прогимназіи, углубятся въ чтеніе этого тома, будьте увѣрены, что это Некрасовъ.“

Вогюэ, быть-можетъ, нѣсколько преувеличиваетъ популярность Некрасова, въ настоящее время она уже миновала свой апогей: если въ семидесятыхъ годахъ она въ глубокихъ слояхъ общества могла еще заслонять Пушкина и Лермонтова, то время это, повидимому, прошло окончательно. Самое ясное доказательство этому даетъ множество дешевыхъ изданій Пушкина, распространеніе которыхъ не можетъ быть, конечно, объяснено одною дешевизной.

Какъ бы то ни было и до сихъ поръ Некрасовъ занимаетъ совершенно исключительное положеніе среди поэтовъ послѣ-пушкинскаго періода.

„Некрасовъ никогда не былъ поэтомъ высшихъ классовъ, требующихъ отъ поэзіи художественнаго наслажденія, онъ никогда не будетъ поэтомъ простаго народа, безсознательно примѣняющаго къ искусству то же самое требованіе, хотя имѣющаго совершенно иное мѣрило. Но поэзія Некрасова удовлетворяетъ потребности весьма широкаго круга читателей, который хочетъ найти въ поэтической формѣ и въ звучныхъ стихахъ свой политическій и философскій катехизисъ, унаслѣдованный имъ отъ шестидесятыхъ годовъ. Кромѣ того, его идеалистическія или точнѣе идеологическія стремленія облекаются у него въ реалистическую форму. Реалистъ по выбору сюжетовъ, по способу смотрѣть и описывать ихъ, говоритъ де-Вогюэ, онъ идеалистъ по манерѣ оканчивать ихъ легендой или сномъ, порывами своей безпорядочной фантазіи.

„Между Некрасовымъ и русскими романистами послѣ 1840 года

есть основное различіе, есть черта, благодаря которой этотъ странный поэтъ остается ниже своей страны. Вы не найдете у него ихъ общаго основанія мистицизма, покорности судьбѣ, состраданія, любви къ страданіямъ, которыя они описываютъ. Тотъ, кого называютъ поэтомъ-нигилистомъ, не сохранилъ въ душѣ ничего изъ того христіанства, иногда весьма смутнаго, но все еще узнаваемаго, на который я часто указывалъ, какъ на отличительную черту славянскаго пессимизма и реализма. Умъ его атеистическій и позитивный, сердце озлоблено. Некрасовъ революціонеръ въ западномъ родѣ, а не въ русскомъ, отъ этого обстоятельства зависитъ тотъ его недостатокъ, свойственный Западу и отъ котораго его соотечественники лучше всего сохранились, отъ котораго и слѣдовъ нѣтъ въ произведеніяхъ Толстаго или Достоевскаго—декламація.“

М. де-Вогюэ замѣчательно ярко характеризуетъ то общее впечатлѣніе, которое производитъ на него поэзія Некрасова.

„Ѣдешь осенью широкими однообразными равнинами, поля сѣрыя, голыя и пустынныя, хлѣба уже нѣтъ и нѣтъ еще снѣга, земля Русская, какъ говоритъ этотъ поэтъ, похожа на мертвеца еще не покрытаго саваномъ. Съ низкаго неба миріады воронъ спускаются на эти равнины, поля и луга, печальныя птицы покрываютъ равнину съ однообразнымъ карканьемъ въ грязи разыскивая пищу. Иногда испуганныя стаи поднимаются кружась и исчезаютъ въ туманѣ, полетъ ихъ неуклюжъ и некрасивъ, карканье грубо, это не жаворонки и не ласточки, но есть мрачная прелесть въ полетѣ этихъ громадныхъ темныхъ массъ, какое-то таинственное содраганіе, какъ-будто вѣяніе духовъ въ томъ вѣтрѣ, съ которымъ онѣ разсѣкаютъ воздухъ. Но иногда одна изъ нихъ отдѣляется, поднимаясь на громадную высоту, и пока она паритъ тамъ, ее можно принять за орла. Но вотъ выпадаетъ снѣгъ и вороны длинными черными полосами спускаются на бѣлую равнину, то оживленіе, которое онѣ вносятъ въ этотъ унылый пейзажъ, только еще болѣе увеличиваетъ его грусть.

„Эти мрачныя птицы на русскомъ горизонтѣ—это стихи Некрасова; каждый разъ, какъ я находилъ этотъ томъ въ одинокихъ деревенскахъ домахъ, каждый разъ, какъ я видѣлъ эти тысячи черныхъ строкъ наполняющихъ своимъ уныніемъ большіе бѣлые листы книги, мнѣ все представлялся этотъ образъ и упорно приходилъ мнѣ на умъ. Болѣе тридцати тысячъ стиховъ сплошной

желчи. Всѣ они вызваны негодованіемъ, какъ у латинскаго сатирика; поэтъ много разъ сознается въ томъ, что ему неизвѣстно другое вдохновеніе.

„Человѣкъ этотъ заключилъ въ своемъ ритмѣ всѣ слезы и всѣ проклятія Россіи.“

* * *

Усиленіе анархическаго движенія въ Европѣ въ настоящее время весьма поучительно, оно могло бы кажется убѣдить и нашихъ либераловъ въ томъ, что злодѣянія, которыя совершались въ Россіи во имя политической свободы, отнюдь не объясняются нашею политическою отсталостью. Если анархистовъ не удовлетворяетъ ни устройство конституціонной Германіи, несмотря на усиливающееся въ ней съ каждымъ годомъ значеніе соціализма, ни республиканская форма правленія во Франціи, несмотря на то, что въ угоду соціалистамъ министерство грозитъ закрыть церкви,—то никакая форма правленія не удовлетворитъ, конечно, тѣхъ, кто хочетъ разрушенія всякаго порядка и не отступаетъ для этого ни предъ какими средствами. Никакія правительственныя мѣры не въ состояніи удовлетворить анархистовъ, потому что свои злодѣянія они совершаютъ не во имя какой-нибудь положительной идеи, а во имя чувства злобы: имъ нужно разрушеніе, а не созиданіе какое бы то ни было. Лѣсъ рубятъ — щепки лѣтятъ, сказалъ на судѣ одинъ изъ динамитчиковъ въ отвѣтъ на замѣчаніе, что кромѣ тѣхъ, противъ кого направлено было покушеніе, должно было пострадать множество лицъ невинныхъ даже съ точки зрѣнія анархизма.

Именно эта точка зрѣнія, позволявшая имъ не отступать ни предъ какими злодѣяніями, составляла до сихъ поръ силу анархистовъ, тѣмъ болѣе, что относительно ихъ государственные законы не только не были строже, чѣмъ относительно другихъ преступниковъ, но даже, наоборотъ, давали имъ нѣкоторыя льготы. Тогда какъ простые убійцы преслѣдовались вездѣ одинаково, анархисты рисковали подвергнуться наказанію лишь до тѣхъ поръ, пока оставались въ предѣлахъ того государства, противъ котораго были направлены ихъ покушенія.

Почти вездѣ установилась довольно странная точка зрѣнія на государственныя преступленія: иностранными державами они

разсматривались не какъ преступленія, а какъ будто какіе-то личные счеты между преступникомъ и правительствомъ той страны гдѣ совершались преступленія, а какъ счеты, которые предоставлялось какъ угодно сводить самимъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ; нерѣдко сосѣди относились къ такого рода покушеніямъ даже съ нѣкоторымъ злорадствомъ; имъ казалось, что такія преступленія только производятъ желательное ослабленіе внѣшняго могущества страны, заставляя ее заниматься своими внутренними безпорядками; однако, разсчетъ этотъ былъ основанъ на глубокомъ заблужденіи.

Современныя правительства предполагали, повидимому, что и въ настоящее время государственныя преступленія вытекаютъ изъ тѣхъ же побужденій, какъ прежде; они упускали изъ виду ихъ несомнѣнно международный характеръ, преступленія эти вызывались совсѣмъ не ложно понятымъ патріотизмомъ желавшимъ насильственнаго переворота въ той или другой странѣ, а противъ государства какъ таковаго; если анархисты дѣлали какъ будто нѣкоторое исключеніе относительно нѣкоторыхъ странъ, дававшихъ и имъ убѣжище, то совсѣмъ не потому чтобъ они особенно одобряли установленный въ нихъ порядокъ, а потому что имъ нужно было до поры до времени это убѣжище, они не трогали его, такъ же какъ разбойники не трогаютъ селъ, въ которыхъ находятъ пріютъ отъ полиціи.

Въ настоящее время, подъ вліяніемъ слишкомъ очевидныхъ фактовъ, начинаетъ, повидимому, измѣняться взглядъ законодательства и общества на этихъ непрошенныхъ благодѣтелей человѣчества. Во французской палатѣ прошелъ уже законъ опредѣлившій смертную казнь за динамитныя покушенія, но какъ бы ни были рѣшительны и строги тѣ мѣры, которыя будутъ приниматься противъ динамитчиковъ въ отдѣльныхъ государствахъ, отъ нихъ нельзя ожидать серьезныхъ результатовъ до тѣхъ поръ пока онѣ остаются разрозненными и носятъ болѣе или менѣе случайный характеръ.

Международный характеръ анархической агитаціи обусловливаетъ и необходимость международной организаціи для борьбы съ нею. Къ сожалѣнію, противоположность политическихъ интересовъ, вѣроятно, еще не скоро позволитъ достигнуть такой организаціи, а только тогда, когда правительства, проникнутыя узко и близорукими воззрѣніями узкаго націонализма, увидятъ, что

главная опасность національнымъ интересамъ грозитъ не со стороны того или другаго сосѣда, а со стороны партіи ежегодно усиливающейся во всей Европѣ. Для блага всего человѣчества дай Богъ, чтобы во всѣхъ странахъ успѣли понять это вовремя. Иначе при томъ странномъ несоотвѣтствіи между техническимъ и нравственнымъ прогрессомъ, которое произошло въ теченіе настоящаго столѣтія, легко можетъ случиться, что двадцатому вѣку придется расплачиваться за него дорогою цѣной.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Положеніе продовольственнаго дѣла.—Виды на будущій урожай.—Причина упадка крестьянскаго хозяйства.—Способы подъема сельскаго благосостоянія.

Не такъ давно со стороны сельскаго хозяйства слышались жалобы на избытокъ хлѣбныхъ запасовъ, не находившихъ выгоднаго помѣщенія, какъ на внутреннихъ, такъ и на внѣшнихъ рынкахъ. Вопросъ объ утилизаціи перепроизводства хлѣбныхъ товаровъ составлялъ предметъ горячихъ обсужденій во многочисленныхъ обществахъ и вызывалъ множество діаметрально противоположныхъ мнѣній въ печати. Но, пока продолжались еще пренія, случился неурожайный годъ и сразу обнаружилась шаткость положенія нашей сельско-хозяйственной производительности. Оказалось, что мы торгуемъ хлѣбомъ не отъ избытка, а отъ скудости, не оставляя себѣ запасовъ на черный день. Неурожай сразу поставилъ насъ въ критическое положеніе, потребовавъ отъ правительства обширной помощи значительному числу земледѣльческаго населенія, которое оказалось не въ состояніи собственными средствами поддержать свое существованіе.

Опубликованная въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* (№ 55) вѣдомость о положеніи дѣла народнаго продовольствія сообщаетъ, что снабженіе нуждающихся мѣстностей продовольственными и сѣменными припасами въ общемъ выполняется довольно удовлетворительно. Правда, что въ той же вѣдомости приведены указанія на встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ губерніяхъ затрудненія въ доставкѣ хлѣба, причемъ требуется въ короткій срокъ доставить крупныя количества его. Такъ, напримѣръ, въ Самарскую губернію

въ теченіе февраля было доставлено по желѣзнымъ дорогамъ 712 тыс. пуд. (626 т. п. на продовольствіе и 86 т. п. на обсѣмененіе). Вѣдомость сообщаетъ, что 112.000 пуд. сѣменныхъ запасовъ и 350.000 пуд. продовольственныхъ „необходимо получить не позднѣе 10 марта". При этомъ добавляется, что „мѣста задержекъ неизвѣстны; хлѣбъ поступаетъ слабо". Въ Симбирскую губернію прибыло въ теченіе февраля по желѣзнымъ дорогамъ 96 тыс. пуд. (86 т. п. на продовольствіе и 10 т. п. на обсѣмененіе). Между тѣмъ 1.708.000 пудовъ продовольственнаго и сѣменнаго хлѣба „должно быть доставлено къ 10 марта". Вѣдомость поясняетъ, что „въ районѣ Юго-Западныхъ и Московско-Курской дорогъ закуплено 2.800 вагоновъ, изъ нихъ прибыло 1.049 вагоновъ, а остальные отправлены съ мѣстъ закупки" Подобныя же требованія о необходимости доставки въ короткій срокъ крупныхъ партій хлѣба слышатся и изъ другихъ губерній. Успѣютъ ли желѣзныя дороги выполнить возложенную на нихъ задачу, попадетъ ли вовремя на мѣста закупленный вдали хлѣбъ, удастся ли развести его до наступленія распутицы, будетъ ли удовлетворительно выполнено обсѣмененіе полей? На всѣ эти вопросы въ настоящее время очень трудно дать категорическій отвѣтъ Быть-можетъ обсѣмененіе будетъ произведено какъ нельзя лучше, быть-можетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и не вполнѣ удачно. Полагаемъ, что вѣдомость за мартъ съ большею опредѣленностью выяснитъ положеніе дѣла.

Вся Россія съ особеннымъ вниманіемъ слѣдитъ за видами на ожидаемый урожай, который долженъ поправить пошатнувшееся экономическое состояніе ея сельскаго населенія. Въ настоящее время хлѣбныя цѣны регулируются не спросомъ и предложеніемъ, а болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями о результатахъ урожая. Неурожай минувшаго года произвелъ настолько удручающее впечатлѣніе, что имѣющіеся запасы не оказываютъ существеннаго вліянія на движеніе хлѣбныхъ цѣнъ, и покупатели и продавцы уклоняются отъ сдѣлокъ, пытливо присматриваясь къ будущему. По крайней мѣрѣ, вотъ какимъ образомъ характеризуетъ настроеніе русскихъ рынковъ *Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли* (№ 10), офиціальный органъ Министерства Финансовъ: „Хлѣботорговцы и спекуляторы уклоняются отъ всякихъ болѣе или менѣе крупныхъ дѣлъ, заготовокъ не совершаютъ и выжидаютъ выясненія видовъ на урожай съ открытіемъ весны. При общемъ ожиданіи пониженія

цѣнъ, никто не сомнѣвается, что рѣшительное вліяніе на ходъ торговли будетъ имѣть именно положеніе озимей и виды на будущій урожай.“

Въ настоящее время еще очень затруднительно высказать какія-либо опредѣленныя сужденія о будущемъ урожаѣ. Дальнѣйшій ходъ метеорологическихъ явленій можетъ коренным образомъ измѣнить существующія условія. Тѣмъ не менѣе не лишнимъ будетъ остановиться на свѣдѣніяхъ метеорологической обсерваторіи Новороссійскаго университета о погодѣ и состояніи озимыхъ посѣвовъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, имѣющихъ весьма важное сельско-хозяйственное значеніе.

Вотъ какія свѣдѣнія даются относительно атмосферическихъ осадковъ: „Осень прошлаго 1891 года отличалась крайнею сухостью на всемъ юго-западѣ Россіи, за исключеніемъ Крыма. Отступленія отъ нормальнаго распредѣленія осадковъ были весьма значительны; особенная сухость была наблюдаема въ сентябрѣ и въ октябрѣ. Во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ западной части Херсонской губерніи и средней Бессарабіи, число дней съ осадками въ октябрѣ не превышало 1—2, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ этой полосы не выпало ни капли дождя. Распредѣленіе осеннихъ осадковъ было весьма неравномѣрно. Въ *августѣ* наиболѣе орошена была сѣверная часть нашего района, то-есть губерніи Волынская, Подольская и Кіевская, сѣверныя и среднія части Бессарабіи, гдѣ количество выпавшей воды колебалось отъ 40 до 60 и болѣе миллиметровъ. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Херсонской губерніи выпало отъ 20 до 40 миллиметровъ. На долю южныхъ уѣздовъ Херсонской губ. (Одесскаго и Херсонскаго) и сѣверо-западныхъ уѣздовъ Таврической губерніи (Днѣпровскій, Перекопскій, Евпаторійскій и часть Мелитопольскаго) пришлось, за немногими исключеніями, менѣе 10 миллиметровъ. Въ остальной части Таврической губерніи количество августовскихъ осадковъ колебалось, въ среднемъ, между 5 и 30 миллиметрами. Съ *сентября* устанавливается довольно характерная особенность въ распредѣленіи атмосферной влаги, которая удерживается въ теченіе всей осени и зимы. Въ сентябрѣ зона наиболѣе обильнаго орошенія образуется на юго-востокѣ нашего района (южная половина Крыма), гдѣ количество осадковъ достигаетъ 70—80 миллиметровъ. Если отъ этой зоны перемѣщаться къ сѣверо-западу, то количество осадковъ быстро уменьшается; въ Херсонской губерніи оно достигаетъ минимума; въ

нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, расположенныхъ вдоль полосы, идущей отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, черезъ среднюю часть Херсонской губерніи, количество атмосферныхъ водъ падаетъ до нуля. Къ сѣверо-западу отъ этой полосы слой осадковъ опять возрастаетъ и въ Волынской, и Подольской губерніяхъ достигаетъ въ среднемъ 15—20 миллиметровъ. Въ *октябрѣ* замѣтно лишь небольшое видоизмѣненіе въ указанной выше схемѣ. Полоса обильнаго орошенія какъ бы расширяется къ сѣверо-западу, охватывая собою всю Таврическую губернію. Постепенное уменьшеніе осадковъ попрежнему замѣчается по направленію отъ юго-востока къ сѣверо-западу; но зона слабаго орошенія распространяется на всѣ остальныя губерніи юго-запада (Херсонскую, Бессарабскую, Подольскую, Кіевскую, Волынскую). На этомъ пространствѣ слой влаги, выпавшей въ теченіе всего октября, не превышаетъ 10 миллиметровъ. Засуха достигаетъ кульминаціоннаго пункта въ самый разгаръ обычныхъ полевыхъ работъ. Исключеніе составляетъ только сѣверо-западный уголъ Волынской губерніи и самая южная часть Бессарабіи, гдѣ количество влаги достигало, въ отдѣльныхъ пунктахъ, 30 миллиметровъ. Осадки *ноября* нѣсколько компенсировали недочетъ влаги предшествующихъ мѣсяцевъ. Запасъ ноябрьской влаги былъ близокъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже выше нормальнаго. Менѣе влаги получила только западная часть Херсонской губерніи, средняя часть Бессарабіи (не болѣе 20 миллиметровъ) и сѣверо-западная часть Крыма. Въ *декабрѣ* количество осадковъ опять въ общемъ ниже нормальнаго. Наибольшее количество влаги пришлось на долю Бердянскаго уѣзда и южной полосы Крыма: количество это постепенно уменьшается къ сѣверо-западу и достигаетъ минимума въ сѣверной части Херсонской и южныхъ уѣздахъ Кіевской и Подольской губерній. Въ общемъ, слѣдовательно, въ осенніе мѣсяцы и въ началѣ зимы наиболѣе орошена была юго-восточная часть нашего района, особенно Крымъ."

Относительно температуры сообщаются слѣдующія свѣдѣнія: „Истекшая осень на юго-западѣ Россіи характеризуется неустойчивостью температуры и послѣдовательнымъ чередованіемъ холодныхъ и теплыхъ періодовъ. Сентябрь былъ повсемѣстно теплѣе нормальнаго. Первое пониженіе температуры до нуля наблюдалось около 25 сентября въ сѣверной части Таврической губерніи и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностей Херсонской, Кіевской и Волынской. Но болѣе устойчивый и распростра-

ненный характеръ имѣлъ морозъ около 12—13 октября, смѣнявшійся опять теплою погодой. Около 28—29 октября выпалъ на юго-западѣ первый снѣгъ. Средняя температура октября была близка къ нормальной. Ноябрь отличался значительнымъ пониженіемъ температуры. Волна холода, понизившая температуру, надвинулась около 27—28 октября и сопровождалась выпаденіемъ снѣга. Полевые посѣвы, пострадавшіе раньше отъ засухи, не могли вполнѣ утилизировать ноябрьскую влагу. Послѣ 15 ноября начинается періодъ оттепели, продолжавшійся, съ небольшими перерывами, до половины декабря. Періодъ этотъ имѣлъ весьма важное значеніе для сельскохозяйственныхъ работъ. Въ этомъ именно періодѣ во многихъ мѣстахъ впервые появились всходы озимыхъ, а также возобновились полевыя работы по посѣву. Около 17 декабря начинается новое значительное пониженіе температуры, сопровождавшееся выпаденіемъ снѣга и образованіемъ достаточнаго снѣговаго покрова.“

Что касается снѣговаго покрова, то „въ полосѣ, проходящей черезъ юго-западную часть Подольской губерніи, сѣверо-восточную часть Бессарабіи и сѣверо-восточную часть Елисаветградскаго уѣзда, толщина снѣговаго покрова колебалась отъ 10 до 15 сантиметровъ; сѣвернѣе этой полосы толщина снѣга не превышала 10 сантиметровъ. Къ югу же отъ указанной полосы толщина снѣга постепенно уменьшается и въ Таврической губерніи не превышаетъ сантиметра. Въ южной части Бессарабіи она равнялась 10—15 сантиметрамъ. Снѣговой покровъ образовалъ равный слой, вполнѣ прикрывшій посѣвы. Но покровъ этотъ совершенно растаялъ въ половинѣ января“.

„Для хода культуры имѣетъ огромное значеніе солнечная инсоляція. До октября включительно преобладало ясное небо. Съ наступленіемъ періода осадковъ началась облачная погода. Средняя облачность ноября и декабря равняется 7—8 балламъ при десятибалльной шкалѣ.“

Метеорологическая обсерваторія Новороссійскаго университета приходитъ къ слѣдующему выводу относительно атмосферическихъ условій для юго-западнаго края: „Погода вообще не благопріятствовала ходу полевыхъ работъ: недостатокъ влаги и, вслѣдствіе этого, крайняя сухость почвы, раннія значительныя пониженія температуры, отсутствіе солнечной инсоляціи, недостатокъ снѣговаго покрова составляли характеристическую особенность истекшей осени. Подобное распредѣленіе метеорологическихъ усло-

вій отразилось рѣшительнымъ образомъ на ходѣ сельскохозяйственныхъ явленій. Полевыя работы въ текущемъ году тянулись чрезвычайно долго, возобновлялись въ ноябрѣ и даже декабрѣ. По сообщенію г. Гольдварта изъ Тираспольскаго уѣзда, земледѣльцы пахали даже 12—13 января 1892 года."

Что касается состоянія посѣвовъ, то оно характеризуется слѣдующимъ образомъ: „Посѣвы въ сентябрѣ и октябрѣ или вовсе не произведены, или произведены въ безнадежно сухую почву, какъ выражаются корреспонденты. Исключеніе составляетъ только южная часть Таврической губерніи и западный уголъ Подольской губерніи. Къ 1 ноября площадь невзошедшихъ посѣвовъ обнимаетъ собою почти всю Херсонскую губернію. Наиболѣе удовлетворительные посѣвы были въ Крыму, посредственные—въ губерніяхъ: Подольской, Волынской и Кіевской. Благодаря, однако, осадкамъ ноября и высокой сравнительно температурѣ первой половины декабря, озимые посѣвы значительно поправились. Къ 1 января 1892 года наиболѣе благопріятное состояніе посѣвовъ представляется въ Крыму, наиболѣе слабое—въ Херсонской губерніи. Здѣсь посѣвы или вовсе не взошли, или едва показались изъ земли. По общему почти отзыву корреспондентовъ, взошедшіе посѣвы не успѣли окуститься и окрѣпнуть: въ зиму пошли слабыми и крайне чувствительными къ атмосферическимъ вліяніямъ. Посѣвы, какъ выражаются многіе наблюдатели, находятся въ „опасномъ" положеніи."

Въ теченіе января 1892 года не произошло существенныхъ измѣненій въ положеніи дѣла, исключая лишь того обстоятельства, что „въ періодъ морозовъ поля не были достаточно защищены снѣговымъ покровомъ".

Неудивительно, что при наличности подобныхъ условій, „на вопросъ о видахъ на урожай, наблюдатели или вовсе не даютъ отвѣтовъ, или же говорятъ, что дальнѣйшій ростъ хлѣбовъ будетъ зависѣть отъ снѣговаго покрова и весеннихъ осадковъ". „Вообще, говоритъ Метеорологическая обсерваторія Новороссійскаго университета, въ отвѣтахъ замѣтна крайняя сдержанность и недовѣрчивое отношеніе къ будущему, изъ чего можно заключить о неустойчивомъ состояніи озимей."

Хотя на основаніи приведенныхъ свѣдѣній трудно сдѣлать выводы относительно видовъ на урожай, который находится въ значительной зависимости отъ весеннихъ атмосферическихъ условій, тѣмъ не менѣе нельзя не признать желательнымъ, чтобы

подобныя свѣдѣнія собирались и сообщались въ общую извѣстность по всѣмъ земледѣльческимъ губерніямъ. Тогда все-таки имѣлись бы нѣкоторыя общія основанія, способствующія выясненію дѣйствительнаго положенія земледѣльческой производительности. Въ районахъ съ наиболѣе угрожающимъ положеніемъ можно было бы заблаговременно принять мѣры для противодѣйствія бѣдствію, для ослабленія пагубныхъ его послѣдствій для населенія. Можно было бы заранѣе подготовить своевременную помощь, которая обошлась бы дешевле и дала бы болѣе производительные результаты, нежели при случайной организаціи ея, какъ относительно покупки хлѣба, такъ и доставки его нуждающимся.

Краткія сообщенія частныхъ корреспонденцій даютъ весьма скудныя свѣдѣнія о состояніи озимыхъ посѣвовъ въ центральныхъ земледѣльческихъ и приволжскихъ губерніяхъ. Изъ восточныхъ губерній слышатся жалобы на ледяную кору на поляхъ, изъ центральныхъ—на слабость снѣговаго покрова. Только изъ-за Волги идутъ вѣсти объ удовлетворительномъ состояніи озимей. Такія неопредѣленныя справки отнимаютъ возможность какихъ-либо предположеній относительно громаднаго района. Приходится возложить всѣ надежды на весну, памятуя русскую пословицу, что „весна жатву ставитъ". Кто даетъ вѣру предсказаніямъ календарей, тѣ могутъ утѣшаться, такъ какъ, по этимъ свѣдѣніямъ, въ нынѣшнемъ году будетъ обиліе хлѣба и вина...

Будетъ ли въ нынѣшнемъ году повсемѣстно собранъ обильный урожай или же нѣкоторымъ мѣстностямъ придется считаться съ болѣе или менѣе значительными затрудненіями, несомнѣнно что нельзя обходить молчаніемъ вполнѣ выяснившееся крайне неудовлетворительное положеніе сельскаго населенія. Это требуется въ интересахъ благоустройства государственныхъ финансовъ, ибо накопившіяся на крестьянахъ крупныя недоимки отъ предыдущихъ лѣтъ, значительно увеличившіяся въ минувшемъ году, и образовавшійся, вслѣдствіе неурожая, громадный продовольственный долгъ, достигаютъ въ общей сложности громадной суммы, уплата которой едва ли окажется посильною для ослабленнаго нуждой сельскаго населенія.

Насколько затруднительно положеніе крестьянъ неурожайнаго района, можно судить по тому, что при суммѣ ежегоднаго платежа государственныхъ податей въ 59.223.097 руб. 55 коп., на нихъ еще къ 1 января 1891 года накопилась недоимка въ 44.264.058

руб. 51 коп., составляющая 75% оклада. Можно съ увѣренностью утверждать, что минувшій неурожайный годъ сопровождался повышеніемъ недоимки не менѣе какъ до размѣра оклада. Если присоединить къ этому отпущенные на продовольствіе и обсѣмененіе полей въ 17 неурожайныхъ губерніяхъ 12.020.500 руб., то окажется, что въ общемъ итогѣ долга голодающихъ крестьянъ казнѣ составитъ болѣе 180 милліоновъ рублей, превысивъ въ три слишкомъ раза сумму обязательнаго годичнаго платежа. Но если выполненіе обычныхъ платежей оказывалось непосильнымъ для крестьянъ и сопровождалось накопленіемъ крупной недоимки, то едва ли можно ожидать исправной уплаты ими суммы, въ три раза превышающей окладъ, сверхъ нормальныхъ податныхъ платежей. Если крестьяне неурожайныхъ губерній не могли исправно платить 59 милліоновъ руб. въ годъ, то послѣ бѣдствій неурожая, пошатнувшаго ихъ хозяйственныя условія, не только уплата долга во 180 милл. рублей, но и удовлетворительное выполненіе обычныхъ повинностей представляется довольно сомнительнымъ.

Затруднительность положенія усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что неурожай затронулъ губерніи, гдѣ земледѣліе составляетъ главный и, можно сказать, исключительный промыселъ сельскаго населенія, которое выручаетъ денежныя средства продажей своихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Покупка продовольственнымъ и сѣменныхъ запасовъ была произведена по высокимъ хлѣбнымъ цѣнамъ. Получивъ пудъ ржи, который обошелся въ 1 руб. 20 коп., крестьянинъ долженъ будетъ въ урожайный годъ, при низкихъ цѣнахъ, продать для уплаты долга 3—4 пуда. Получивъ горсточку, ему придется отдавать за нее пригоршню, оплативъ изъ своихъ скудныхъ средствъ не только высокія хлѣбныя цѣны, но всѣ накладные расходы по покупкѣ хлѣба за тысячи верстъ и доставкѣ его на мѣста, всѣ промахи и ошибки земскихъ агентовъ, всѣ злоупотребленія хлѣбныхъ торговцевъ. Понятно, что подобная обременительная уплата растянется на очень длинный рядъ лѣтъ и все-таки правительству едва-ли удастся получить выданныя имъ продовольственныя ссуды.

Съ другой стороны правительственная помощь не можетъ и не должна быть безвозвратною. Ссуда выдается изъ общегосударственныхъ средствъ, собираемыхъ посредствомъ податнаго обложенія всего населенія. Нужда бѣдствующихъ удовлетворяется за счетъ болѣе достаточной части населенія, которая, въ свою очередь,

можетъ испытать болѣе или менѣе значительныя затрудненія, для устраненія которыхъ опять придется обращаться къ правительственной помощи. Не надо упускать изъ виду, что мѣстные недороды составляютъ довольно обычное явленіе въ Россіи и, при скудости средствъ сельскаго населенія, дѣло рѣдко обходится безъ правительственной субсидіи. Еслибы правительство не требовало возврата выданныхъ имъ продовольственныхъ ссудъ, то, помимо неблагопріятнаго нравственнаго вліянія дароваго пайка, государству пришлось бы пожалуй считаться съ финансовыми затрудненіями, нарушающими правильный порядокъ его хозяйственной дѣятельности. Государство можетъ облегчить положеніе плательщиковъ посредствомъ разсрочки и отсрочки платежей, можетъ несостоятельныхъ бѣдняковъ вовсе освободить отъ уплаты полученной ими ссуды, но едва ли было бы справедливо и цѣлесообразно требовать отъ него общей благотворительности, то-есть безвозвратной помощи.

Государство не можетъ дарить выданныхъ имъ ссудъ; его должники едва ли окажутся въ состояніи уплатить ихъ. Создается крайне ненормальный порядокъ отношеній, одинаково неблагопріятный какъ для интересовъ фиска, такъ и для самихъ крестьянъ, свобода экономической дѣятельности которыхъ сильно стѣсняется лежащею на нихъ отвѣтственностью. Вообще нынѣшній неурожай ясно свидѣтельствуетъ о крайне неудовлетворительной постановкѣ у насъ крестьянскаго хозяйства, объ отсутствіи въ средѣ сельскаго населенія самопомощи, а также средствъ для организаціи ея. Очевидна необходимость улучшить неудовлетворительное экономическое положеніе крестьянскаго хозяйства поднять на уровень его производительности, повысить достатки сельскаго населенія, являющагося главнымъ плательщикомъ государственныхъ податей.

Какъ степень благосостоянія крестьянскаго хозяйства, такъ и причины упадка его въ различныхъ мѣстностяхъ различны. Мнѣ приходилось ознакомиться съ хозяйственною дѣятельностью различныхъ районовъ. Былъ на сѣверѣ (въ Вологодской и сѣверной части Ярославской губерній), посѣщалъ Малороссію (губерніи Черниговская, Харьковская, Полтавская), видѣлъ крестьянское хозяйство въ Поволжьи (Саратовская и Симбирская губерніи), познакомился съ положеніемъ его въ промышленныхъ мѣстностяхъ (Владимірская губернія) и наблюдалъ хозяйственную дѣятельность въ центральномъ земледѣльческомъ районѣ

(Орловская губернія). Наибольшій достатокъ и зажиточность я видѣлъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ суровый климатъ и плохая почва скудно вознаграждаютъ трудъ земледѣльца. Здѣсь немного производится хлѣба для продажи: главнымъ образомъ онъ идетъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей. Населеніе выручаетъ необходимый ему заработокъ для выполненія государственныхъ и земскихъ повинностей и для удовлетворенія другихъ денежныхъ потребностей за счетъ побочныхъ отраслей сельско-хозяйственной производительности, преимущественно молочнаго и лѣснаго хозяйства. Здѣсь недостатки климата и почвы возмѣщаются крупными размѣрами надѣловъ, обиліемъ свободной земли, сдаваемой въ аренду по низкой цѣнѣ, и обширною площадью луговъ и лѣсовъ. Здѣсь преобладаетъ еще натуральное хозяйство и большая часть главнѣйшихъ потребностей удовлетворяется продуктами собственнаго производства. Здѣсь нѣтъ большихъ „богатѣевъ", нѣтъ и безземельныхъ бѣдняковъ; достатки распредѣляются довольно равномѣрно, и хозяйство идетъ ровно и спокойно.

Въ промышленныхъ мѣстностяхъ крестьяне, имѣя значительный заработокъ на фабрикахъ и заводахъ, могли бы увеличить свои достатки. Но скопленіе въ центрахъ производства большихъ количествъ рабочихъ оказываетъ не вполнѣ благопріятное вліяніе на нравственность плохо развитаго сельскаго населенія, что сопровождается пониженіемъ его экономическаго благосостоянія. Сложныя формы общежитія оказываютъ въ большинствѣ случаевъ деморализующее впечатлѣніе на мало подготовленнаго къ нимъ крестьянина, который преимущественно воспринимаетъ ихъ отрицательныя стороны. Казалось бы, въ Московской губерніи, гдѣ близость обширнаго рынка обезпечиваетъ выгодный сбытъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, можно было бы ожидать значительныхъ достатковъ у населенія. Однако, крестьяне живутъ здѣсь очень плохо и къ 1 января 1891 года на нихъ накопилась недоимка въ государственныхъ податяхъ въ 4 033.909 руб. 81 коп., тогда какъ размѣръ годоваго оклада составляетъ лишь 3.447.03[illegible] руб. 5 коп. Кромѣ того, здѣсь наблюдается неравномѣрность въ хозяйственныхъ условіяхъ: болѣе устойчивые и сдержанные домохозяева бросаютъ земледѣліе и обращаются къ другимъ болѣе выгоднымъ занятіямъ, преимущественно эксплуатируя слабости своихъ односельчанъ, которые въ концѣ концовъ оказываются въ неоплатномъ долгу у нихъ. Въ общемъ экономиче-

ское положеніе населенія менѣе удовлетворительно сравнительно съ сѣверными губерніями.

Въ Приволжскихъ губерніяхъ населеніе вообще пользовалось достаткомъ, малоземелье стало ощущаться лишь въ послѣднее время и только плохіе урожаи послѣднихъ лѣтъ пошатнули экономическое благосостояніе крестьянъ.

Въ Малороссіи земледѣліе встрѣчало затрудненія въ недостаткѣ земли у крестьянъ; но это до нѣкоторой степени ослаблялось плодородіемъ почвы, лучшею обработкой земли и развитіемъ садоводства.

Всего хуже оказывалось положеніе крестьянъ въ центральныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ. Плохія избы и почти полное отсутствіе надворныхъ построекъ вслѣдствіе недостатка въ лѣсѣ; почти вся земля распахана: пашутъ на такихъ косогорахъ, гдѣ едва можно пройти; луга и выгоны имѣются въ ничтожныхъ размѣрахъ; тощій и слабосильный отъ дурнаго питанія скотъ представляетъ крайне ненадежную рабочую силу, вслѣдствіе чего земля обрабатывается очень плохо. Еще десять лѣтъ тому назадъ жалко было смотрѣть на хозяйство крестьянъ Ливенскаго уѣзда, Орловской губерніи, испытывавшихъ сильныя затрудненія вслѣдствіе малоземелья. За послѣдніе годы, при пониженіи хлѣбныхъ цѣнъ и увеличеніи населенія, хозяйственныя условія вѣроятно представляютъ значительное измѣненіе къ худшему.

Вообще наименѣе удовлетворительнымъ представляется экономическое положеніе крестьянъ въ земледѣльческихъ губерніяхъ, гдѣ не существуетъ другихъ заработковъ, составляющихъ немаловажное подспорье для крестьянскаго хозяйства.

По освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости далеко не всѣ изъ нихъ получили землю въ количествѣ вполнѣ достаточномъ для успѣшнаго развитія ихъ хозяйственной дѣятельности. Когда средній надѣлъ бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ составлялъ 5,8 десятины на ревизскую душу, надѣлъ бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ достигалъ лишь 3,4 десятины. Неравномѣрность надѣловъ наблюдается, какъ по отдѣльнымъ районамъ, что въ значительной степени объясняется разнообразіемъ почвенныхъ, климатическихъ и другихъ условій, такъ и въ предѣлахъ одной губерніи. Средній надѣлъ въ Полтавской губерніи составляетъ, по свѣдѣніямъ выкупнаго отдѣленія Государственнаго Банка, 1,93 десят. на ревизскую душу; въ Константиноградскомъ уѣздѣ онъ повышается до 2,66 десят., понижаясь въ

Кобелякскомъ уѣздѣ до 1,13 десят. на ревизскую душу, что составитъ около *одной* десятины на наличную душу мужскаго пола. Правда, что средняя оцѣнка земли въ Кобелякскомъ уѣздѣ опредѣляется земельными банками въ 78 рублей десятина, тогда какъ въ Константиноградскомъ только въ 47,5 руб. Но и высокія качества земли не всегда возмѣщаютъ недостаточность надѣла, особенно если принять во вниманіе приростъ населенія. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ, что, по свѣдѣніямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, наблюдается слѣдующее распредѣленіе надѣльной земли между крестьянами (въ тысячахъ душъ):

	Надѣлены:					
	Щедро.		Достаточно.		Недостаточно.	
Бывш. госуд. и удѣл. кр.	5.419,6	50,7%	3.805,5	35,0%	1.445,5	13,7%
Быв. владѣльч. крестьяне.	1.523,2	13,9%	4.624,8	43,5%	4.460,1	42,6%
Всѣ.....	6.492,8	32,6%	8.430,3	39,7%	5.905,6	27,7%

Итакъ, болѣе четверти крестьянъ получили недостаточные надѣлы. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что въ общемъ количествѣ крестьянской надѣльной земли, исчисляемомъ во 138.277.484 десятинъ, заключается 13.166.453 десят. или 9,5% неудобной земли.

Въ промышленныхъ губерніяхъ, имѣя посторонніе заработки, крестьяне не испытываютъ особенныхъ затрудненій вслѣдствіе малоземелья. Другое дѣло въ губерніяхъ земледѣльческихъ, гдѣ полеводство является почти единственнымъ источникомъ крестьянскаго существованія, здѣсь малоземелье сказывается съ особенною силой, понижая благосостояніе крестьянскаго населенія и грозя образованіемъ безземельнаго сельскаго пролетаріата. Съ другой стороны послѣдствіемъ малоземелья явилось хищническое пользованіе землей, усиленная распашка ея въ ущербъ правильной постановки хозяйства.

По свѣдѣніямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ 47 губерніяхъ Европейской Россіи, безъ трехъ Прибалтійскихъ, въ 1881 году удобныя крестьянскія земли распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по угодьямъ:

Пахотная земля	73.365.332	десят.	60,1%
Усадьбы и огороды	4.956.942	„	4,1%
Луга.....	16.082.484	„	13,2%
Выгоны и пастбища.....	13.695.126	„	11,2%
Лѣса.....	13.928.554	„	11,4%

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. Бліоха, что „крестьянскія земли уже почти не даютъ возможности увеличенія распашки". Такой выводъ получается относительно распредѣленія земель по угодьямъ для всей Европейской Россіи. Если же обратиться къ земледѣльческимъ губерніямъ, то получатся еще менѣе удовлетворительные результаты. Такъ, напримѣръ, въ центрально-земледѣльческихъ губерніяхъ [1] крестьянская надѣльная земля составляетъ:

Пахотная земля	13.515.574	десят.	77,5%
Усадьбы и огороды	931.954	„	5,3%
Луга.....	1.178.522	„	6,8%
Выгоны и пастбища.....	680.770	„	3,9%
Лѣса.....	1.130.689	„	6,5%

Что касается отдѣльныхъ губерній, то въ нѣкоторыхъ изъ нихъ процентъ пахотной земли еще болѣе повышается. Въ Курской губерніи пашня составляетъ 80,8%, въ Орловской 81,2% (достигая въ Ливенскомъ уѣздѣ 88,4%), въ Тульской 82,3% и т. д. Усиленныя распашки земель, уменьшая количество луговъ и пастбищъ, привели къ упадку скотоводства, составляющаго необходимое условіе для правильной постановки сельско-хозяйственной производительности. Г. Бліохъ, сравнивая положеніе животной рабочей силы въ крестьянскихъ хозяйствахъ съ владѣльческими, приходитъ къ заключенію, что „крестьяне, несмотря на то, что у нихъ почти на половину менѣе луговъ, содержатъ въ пропорціи пахотныхъ земель втрое болѣе лошадей; но за то полезная работа крестьянскихъ лошадей несравненно слабѣе владѣльческихъ,—у крестьянъ лошади въ большинствѣ случаевъ до того слабосильны, что, какъ свидѣтельствуетъ перепись, для воинскихъ цѣлей вовсе непригодны, такъ что, въ случаѣ мобилизаціи, вся тяжесть конской повинности упадетъ на владѣльца".

Какое громадное вліяніе оказываетъ правильная постановка скотоводства на успѣхи земледѣльческой культуры можно судить по примѣру Прибалтійскихъ губерній, гдѣ, несмотря на неблагопріятныя почвенныя и климатическія условія, получаются гораздо лучшіе урожаи противъ другихъ болѣе пригодныхъ для

---

[1] Губерніи: Курская, Орловская, Калужская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская и Пензенская.

земледѣлія мѣстностей Имперіи. Если сравнимъ средній за пятилѣтіе съ 1883 по 1887 годъ сборъ съ десятины главнѣйшихъ хлѣбовъ въ Орловской и Лифляндской губерніяхъ, то получимъ слѣдующіе результаты (въ четвертяхъ):

	Орловская.	Лифляндская.	Увеличеніе.
Рожь.....	5,0	6,9	38%
Озимая пшеница..	6,0	7,7	28%
Яровая пшеница..	4,0	5,9	48%
Овесъ.....	6,6	9,3	41%
Ячмень.....	4,8	7,7	60%
Горохъ.....	3,6	6,0	67%
Гречиха.....	2,8	4,1	46%
Картофель.....	41,8	62,2	49,6%

Несомнѣнно, что блестящіе урожаи Лифляндской губерніи обусловливаются равномѣрнымъ развитіемъ отдѣльныхъ отраслей сельско-хозяйственной производительности, поднимающимъ культуру земледѣлія. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ существуетъ слѣдующее распредѣленіе земель по угодьямъ: пахотная земля 30,5%, усадьбы и огороды—1,3%, луга—33,4%, выгоны и пастбища—31,5% и лѣсъ—2,7%. Здѣсь скотъ не тощаетъ отъ недостатка корма, работа его продуктивнѣе и вслѣдствіе этого хорошо обработанная пашня даетъ болѣе обильные урожаи сравнительно съ черноземными губерніями.

Чтобы помочь крестьянскому хозяйству земледѣльческихъ губерній необходимо начать дѣло съ устраненія основной причины его затрудненій—малоземелья.

Еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ центрально-земледѣльческомъ районѣ было распахано 77,5% всей удобной крестьянской земли, причемъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ пахота достигла 88,4% и на выгоны и луга приходилось только 4,2%. При такомъ распредѣленіи угодьевъ трудно думать объ улучшеніи хозяйства, объ упроченіи экономическаго благосостоянія. А между тѣмъ въ теченіе минувшаго десятилѣтія послѣдовало значительное измѣненіе къ худшему въ экономическомъ положеніи сельскаго населенія. Распахавъ до крайности свои земли, крестьяне полученною выручкой за продукты земледѣлія едва покрывали свои потребности. Средняя цѣна пуда пшеницы за трехлѣтіе съ 1881 по 1883 годъ была въ Орловской губерніи 1 руб. 18 коп., ржи 85 коп. Въ трехлѣтіе съ 1885 по

1887 годъ цѣна пшеницы понизилась до 89 коп., ржи до 51 коп. Пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ, конечно, еще болѣе ухудшило безъ того затруднительное положеніе сельскаго населенія, эксплуатировавшаго до крайности свои недостаточные надѣлы. Усиленное истощеніе плохо удобряемой и обрабатываемой земли сопровождалось неудовлетворительными урожаями послѣднихъ лѣтъ, завершившимися въ минувшемъ году полнымъ неурожаемъ.

Рекомендуется введеніе у крестьянъ улучшеннаго хозяйства. Но когда не хватаетъ земли для удовлетворенія текущихъ потребностей, трудно думать объ улучшеніяхъ. Если нынѣшніе размѣры пашни не удовлетворяютъ нужды крестьянина, едва ли было бы удобно уменьшить пахоту, обративъ ее въ луга. Тогда не только не дождаться уплаты крестьянами государственныхъ повинностей, но пожалуй казначейству придется ежегодно приплачивать на продовольствіе ихъ.

Высказываются мнѣнія, что будто бы можно разсчитывать на улучшеніе крестьянскаго благосостоянія посредствомъ ослабленія сельской общины и усиленія личнаго землевладѣнія. Предполагается, что будучи самостоятельнымъ въ своей хозяйственной дѣятельности, крестьянинъ будетъ лучше эксплуатировать землю, вслѣдствіе чего и будутъ достигнуты болѣе удовлетворительные результаты. Но количество земли не увеличивается вслѣдствіе дробленія ея. Кромѣ того, дробленіе земли на очень мелкіе участки всегда сопровождается пониженіемъ доходности, и въ практичной Германіи мы видимъ стремленіе мелкихъ хозяйствъ соединиться въ болѣе крупныя земельныя единицы. Такъ, напримѣръ, въ Пруссіи въ періодъ съ 1874 по 1883 годъ 1.310.000 мелкихъ участковъ соединились въ 366.000, то-есть каждое прежнее владѣніе увеличилось въ среднемъ почти въ четыре раза. Наиболѣе ясный и точный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ К. П. Побѣдоносцевъ, характеризуя слѣдующимъ образомъ современное положеніе крестьянскаго хозяйства:

„До сихъ поръ масса нашего крестьянскаго населенія“, говоритъ г. Побѣдоносцевъ, „находится въ такомъ состояніи, въ которомъ дѣло идетъ не о сбереженіи, а о возможности добыть хлѣбъ насущный, и удобнѣйшія для того средства состоятъ для нея покуда совсѣмъ не въ денежномъ хозяйствѣ, а въ хозяйствѣ непосредственномъ, въ коемъ первыя потребности обезпечиваются исключительно землей. Въ такомъ состояніи только общинное

хозяйство можетъ обезпечить крестьянина отъ нищеты и безпомощности, или въ самой нищетѣ, составляющей обыкновенное у насъ явленіе,—отдалить опасность голодной смерти. Нельзя забывать, что общинное хозяйство у насъ до сихъ поръ большею частью бѣдное, скудное, на тощей землѣ. Но при общинномъ хозяйствѣ есть возможность обрабатывать поле безъ затраты капитала, кое-какъ (ибо иначе нѣтъ силы, стало-быть, нѣтъ побужденія обрабатывать), пробавляться топливомъ изъ общаго лѣса, держать скотину на общемъ выгонѣ; раздѣлите землю по участкамъ—эта возможность пропадетъ, и разбросанныя единицы, сами по себѣ хозяйственно безсильныя, утративъ сознаніе общаго угодья и возможность общаго пользованія, во многихъ мѣстахъ потеряютъ скоро и возможность считать что-либо своимъ и сами себя поддерживать."

Гдѣ же выходъ изъ нынѣшняго затруднительнаго положенія, какимъ образомъ можно помочь обезсилѣвшему земледѣльцу упрочить его хозяйственную дѣятельность?

Единственный способъ улучшенія заключается въ привлеченіи къ землѣ капитала, въ развитіи для сельскаго хозяйства кредита, который „служитъ мостомъ, перекинутымъ черезъ ту пропасть, которая отдѣляетъ богатство отъ бѣдности". Крестьянское хозяйство не имѣетъ силъ и средствъ противодѣйствовать подрывающей его бѣдности. „Кредитъ", говоритъ И. И. Кауфманъ, „возвышаетъ производительность экономическихъ силъ и средствъ; онъ даетъ имъ возможность подниматься до наивысшей производительности и этимъ противодѣйствуетъ бѣдности." Примѣръ Шотландіи наглядно доказываетъ какое громадное значеніе имѣетъ кредитъ въ сельско-хозяйственной производительности. Скалистая, съ суровымъ климатомъ, Шотландія является наиболѣе плодородною страной въ мірѣ. Когда въ Россіи средній урожай съ десятины составляетъ: пшеницы 3,5 четверти, ячменя 4,8 и овса 6,8 четвертей, въ каменистой Шотландіи за пятилѣтіе съ 1887 по 1891 годъ получено: пшеницы 16,33 четвертей съ десятины (35,[illegible] бушелей съ акра), ячменя 1[illegible],[illegible] четвертей (35,[illegible] бушелей) и овса 16,[illegible] четвертей (35,[illegible] бушелей съ акра). Такіе блестящіе результаты хозяйственной дѣятельности достигнуты, благодаря широкому развитію кредита шотландскими банками, щедро снабжавшими земледѣліе необходимыми ему капиталами, способствуя общему повышенію экономическаго состоянія страны.

По свидѣтельству Курсель-Сенеля, Шотландія „подъ могущественнымъ вліяніемъ своихъ банковъ перемѣнила свой видъ, почти даже почву, и ея удобренная и, можно сказать, переработанная земля сдѣлалась одною изъ плодороднѣйшихъ и наилучше воздѣланныхъ въ свѣтѣ. Ея земледѣльческое населеніе получило ту увѣренность въ себѣ и ту смѣлую предпріимчивость, которыя, по парламентскимъ изслѣдованіямъ, представляютъ такой рѣзкій контрастъ съ англійскими земледѣльцами“. Нѣтъ основаній полагать, чтобы средство, давшее блестящіе результаты въ Шотландіи, не проявило благотворнаго вліянія въ Россіи.

Л. Вороновъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Элизѐ Реклю объ общественномъ строѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Нельзя болѣе кстати появился роскошно изданный XVI томъ „Nouvelle Géographie Universelle“ Элизѐ Реклю, посвященный описанію Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ недалекомъ будущемъ вниманіе всего образованнаго міра будетъ обращено на великую за-атлантическую республику. Четырехсотлѣтіе открытія Америки наступаетъ въ настоящемъ году. Въ будущемъ году предстоитъ всемірная выставка въ Чикаго. Этихъ обстоятельствъ достаточно, чтобъ обратиться мысленно къ далекой странѣ и дать себѣ отчетъ въ ея свойствахъ и историческихъ судьбахъ. Только что изданная фирмой Гашетъ въ Парижѣ книга Элизѐ Реклю о Сѣверо-Американскихъ Штатахъ удовлетворитъ самаго требовательнаго читателя и любителя роскошныхъ типографскихъ работъ.

Элизе Реклю отмѣчаетъ программу своего изложенія въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ. Вопервыхъ, единство государственное дѣлаетъ необходимымъ изложить общую исторію Штатовъ, начиная отъ первоначальныхъ обитателей, краснокожихъ Индійцевъ, кончая современнымъ населеніемъ, состоящимъ изъ бѣлыхъ и негровъ. Вовторыхъ, съ точки зрѣнія внѣшнихъ очертаній и теченія рѣкъ, въ отношеніи геологическомъ, климатическомъ и естественно-историческомъ, область Штатовъ распадается на слѣдующія три естественныя части—Аппалаческія горы, бассейнъ рѣки Миссисипи и Скалистыя горы. Эти естественныя очертанія

страны не совпадаютъ съ тѣми границами, которыя назначены по повелѣнію Конгресса для каждаго отдѣльнаго штата, входящаго въ составъ союза. Границы штатовъ опредѣлялись математически по градусамъ широты и долготы.

Населеніе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, достигая въ настоящее время значительной численности въ шестьдесятъ три милліона жителей, состоитъ изъ представителей племенъ всего земнаго шара. Процессъ смѣшенія разныхъ народностей совершался постепенно. Сперва къ древнѣйшимъ обитателямъ Сѣверной Америки, краснокожимъ Индійцамъ, пришли изъ Европы французскіе колонисты. Въ 1562 году французскій ученый Рибо (Ribaut), посланный адмираломъ Колиньи, основалъ колонію Флориду на берегахъ Атлантическаго океана. Но французская колонія „Флорида" не упрочилась и была занята Англичанами при Карлѣ II, переименовавшемъ ее въ „Каролину". Въ 1564 году другой французскій гугенотъ, адъютантъ адмирала Колиньи, Ландоньеръ (Landonnière) пытался основать колонію по теченію рѣки Мэ (May), которую, какъ думаетъ Элизѐ Реклю, теперь называютъ рѣкой Сенъ-Джонъ, протекающую чрезъ Флориду, но былъ вытѣсненъ Испанцами. Испанецъ Менендецъ (Menendez), во главѣ 2.600 испанскихъ солдатъ и матросовъ, перерѣзалъ всѣхъ Французовъ, „не какъ Французовъ, но какъ еретиковъ". Черезъ три года французскій дворянинъ Доминикъ де Гургъ (Dominique de Gourgues) отомстилъ за своихъ соотечественниковъ, завладѣвъ фортами, сооруженными Испанцами, и перевѣшавъ ихъ защитниковъ, „не какъ Испанцевъ, но какъ измѣнниковъ, грабителей и убійцъ". Фортъ Сентъ-Огюстинъ (Saint-Augustin), гдѣ происходили описанныя кровавыя расправы Испанцевъ и Французовъ, существуетъ до сихъ поръ. По времени возникновенія Сентъ-Огюстинъ—первое городское населеніе въ Соединенныхъ Штатахъ на востокѣ отъ Миссисипи. [1]

Въ 1584 году Англичанинъ Вальтеръ Ралей (Walter Raleigh), придворный королевы Елисаветы, получилъ на вассальномъ правѣ (en fief) въ Сѣверной Америкѣ значительную часть земли, которой онъ далъ названіе „Виргинія" въ честь королевы. Но трижды

---

[1] Élisée Reclus, Nouvelle Géographie universelle, t. XVI, Les États-Unis, стр. 76: «Saint-Augustin est en date la première cité des États-Unis cis-mississipiens.»

возобновлявшіяся здѣсь попытки колонизаціи не имѣли успѣха и только въ 1607 году Англичанамъ удалось наконецъ упрочиться въ „Виргиніи". Около сотни колонистовъ руководимые Вингфильдомъ (Wingfield) основали на рѣкѣ Джемсѣ въ „Виргиніи" городъ Джемстаунъ. Неудачный выборъ мѣста для новаго города, гдѣ свирѣпствовали всевозможныя болѣзни, не далъ ему развиться, такъ что въ настоящее время отъ него остались только развалины одной церкви. Первоначальные колонисты „Виргиніи" были рабочіе и лица средняго класса, не имѣющія занятій. Благосостояніе новой колоніи стало возрастать со времени введенія здѣсь табачныхъ плантацій, въ 1619 году, заимствованныхъ изъ Антильскихъ острововъ. Владѣльцы плантацій вскорѣ задумали замѣстить себя подвластными имъ лицами въ ручной обработкѣ своихъ земель, воздѣлываемыхъ подъ табакъ. Агенты этихъ плантаторовъ привозили въ „Виргинію" изъ Англіи рабочихъ, заключая съ ними срочные договоры. Подобныя лица, взятыя въ работу, „indented servants", являлись временными рабами своихъ хозяевъ. Нерѣдко для полученія рабочихъ агенты плантаторовъ „Виргиніи" насильно захватывали на улицахъ въ Англіи мужчинъ и женщинъ и перевозили ихъ въ Америку. Англійское правительство поддерживало этотъ торгъ бѣлыми рабочими, ссылая въ „Виргинію" преступниковъ и продавая ихъ тому, кто болѣе за нихъ заплатитъ.

Таковъ былъ первоначальный составъ населенія „Виргиніи". Къ нему примкнуло послѣ англійской революціи много лицъ изъ высшаго класса населенія Великобританіи, но они вскорѣ вернулись обратно при возстановленіи въ 1660 году династіи Стюартовъ. „Хотя, говоритъ Элизѐ Реклю, выраженіе „первыя семейства Виргиніи" (first families of Virginia, или въ сокращеніи f. f. V.) стало общепринятымъ, несомнѣнно однако, что большинство бѣлаго населенія Виргиніи происхожденія плебейскаго. Оно происходитъ отъ первыхъ поселенцевъ и множества лицъ, взятыхъ въ работу. Что̀ всего болѣе послужило къ преобразованію Виргиніи въ аристократическую колонію, это примѣненіе труда негровъ къ земледѣлію. Въ 1620 году первый корабль съ неграми-рабами причалилъ къ берегамъ рѣки Джемсъ. Ставъ повелителями надъ стадами людей, пользуясь роскошною жизнью, плантаторы, судьи и представители округовъ легко возмнили, что они являются потомками древнѣйшихъ родовъ Англіи. Они стали себя величать титуломъ „squires"

и штатъ „Виргинія“ до сихъ поръ горделиво сохраняетъ наименованіе „Old Dominion“.[1]

Въ то время, когда колонизація „Виргиніи“ была ввѣрена королемъ Іаковомъ товариществу, состоящему изъ его придворныхъ, сѣверныя области, сосѣднія съ Канадой, были концедированы компаніямъ изъ купцовъ Плимута и Бристоля. Сперва ихъ попытки устроить поселенія въ мѣстности, которая тогда уже стала называться „Новою Англіей“, были неудачны. Только въ 1620 году здѣсь начинается болѣе успѣшная колонизація. Въ этотъ достопамятный годъ сто два переселенца, подвергшіеся гоненію въ Англіи за свои религіозныя вѣрованія, сперва бѣжали въ Голландію, откуда на кораблѣ *Mayflower* направились къ устьямъ рѣки Гудсона, но по ошибкѣ пристали къ скалистымъ берегамъ „Новой Англіи“. Черезъ девять лѣтъ триста другихъ пуританъ высадились въ Салемѣ (Salem), господствующемъ съ сѣвера надъ Бостонскимъ заливомъ. Англійскіе эмигранты на территоріи „Новой Англіи“ пользуются полною независимостью, такъ какъ ихъ отдѣляетъ океанъ отъ ихъ отечества. Они, будучи суровыми сектантами, пытаются установить на мѣстахъ своего новаго поселенія теократическую демократію по еврейскому образцу. Право гражданства принадлежитъ однимъ лишь ревностнымъ членамъ церкви; законъ опредѣляетъ всѣ отношенія частной и общественной жизни; назначались жестокія наказанія за нарушенія закона. Религіозная нетерпимость однихъ заставила диссидентовъ удалиться и поселиться въ Родъ-Эйландѣ, Коннектикутѣ и Нью-Гамширѣ. Суровость пуританскаго строя жизни, суровый климатъ, безплодіе почвы мало привлекали переселенцевъ въ „Новую Англію“. Вслѣдствіе этого населеніе здѣсь было однороднымъ до послѣдняго времени, когда началось громадное переселенческое движеніе. Это населеніе состояло изъ Англо-Саксовъ, къ которымъ примѣшивались пресвитеріанцы изъ Шотландіи и Ирландіи, а также нѣсколько гугенотовъ изъ Франціи. „Говорятъ, продолжаетъ Элизѐ Реклю свое повѣствованіе о поселенцахъ Сѣверной Америки, что, высадивъ паломниковъ, *Mayflower* отправился въ Африку за грузомъ негровъ для рынковъ на Антильскихъ островахъ. Тотъ же корабль послужилъ для перевозки свободныхъ людей и рабовъ для торговцевъ человѣческимъ

[1] Elisée Reclus, Les Etats-Unis, стр. 79.

мясомъ: такъ подготовлялось столкновеніе, которое должно было впослѣдствіи оросить кровью американскую землю". [1]

Населеніе штата Нью-Іоркъ состоитъ изъ гораздо болѣе разнородныхъ частей нежели населеніе Виргиніи и Новой Англіи. Въ 1615 году, нѣсколько лѣтъ слѣдовательно до прибытія пуританъ въ Массачузетцъ, Голландцы соорудили на рѣкѣ Гудсонѣ фортъ „Оранъ", на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится городъ Альбани, столица штата Нью-Іорка. Въ 1623 году триста Фламандцевъ, уроженцевъ Авена, были перевезены Жанъ де Форе (Jean de Forest) на островъ Мангатанъ (Manhattan), гдѣ теперь находится Нью-Іоркъ, ставшій „владычествующимъ городомъ", „Empire City", новаго свѣта. Вашингтонъ Ирвингъ популяризировалъ въ своихъ произведеніяхъ потомковъ первоначальныхъ голландскихъ переселенцевъ, основавшихъ въ XVII ст. городъ Нью-Іоркъ. Народное наименованіе, сохранившееся до сихъ поръ за многочисленными потомками первоначальныхъ жителей острова Мангатана. — „Кникербокеры" (Knickerbockers), — служитъ теперь для обозначенія высшихъ слоевъ въ населеніи Нью-Іорка, хранящихъ обычаи своей прежней родины—Голландіи. Религіозная терпимость Голландцевъ привлекла въ Нью-Іоркъ переселенцевъ изо всѣхъ странъ. Здѣсь съ XVII столѣтія являются Евреи, французскіе гугеноты, германскіе лютеране, Швейцарцы и даже Итальянцы. Сюда переходятъ Англичане и пуритане изъ „Новой Англіи", ища въ голландскихъ владѣніяхъ убѣжища отъ преслѣдованій, которымъ они подвергались въ своихъ штатахъ. Въ началѣ XVIII столѣтія Нью-Іоркъ подчиняется владычеству Англіи и съ этого времени здѣсь начинаетъ господствовать населеніе англо-саксонское.

Жители „Новой Англіи", спеціально называемые „Yankees", прозвище первыхъ англійскихъ колонистовъ, впослѣдствіи распространенное на всѣхъ сѣверныхъ Американцевъ, были чистѣйшими представителями „англо-саксонскаго" племени, то-есть англійской національности, перенесенной въ Новый Свѣтъ. Наименованіе *New-England*, данное занятымъ ими штатамъ, вполнѣ оправдывается, такъ какъ изо всѣхъ Англо-Американцевъ наиболѣе походятъ на Англичанъ жители штатовъ, входящихъ въ составъ „Новой Англіи". Но несмотря на вліяніе однороднаго пле-

---

[1] Élisée Reclus, Les États-Unis, стр. 80: «ainsi se preparait le conflit qui devait un jour ensanglanter le sol américain »

меннаго происхожденія, значительныя перемѣны совершены за три столѣтія въ населеніи „Новой Англіи“ вслѣдствіе особенностей въ климатическихъ и общественныхъ условіяхъ жизни. „Бостонцы“ въ общемъ худощавѣе, стройнѣе Англичанъ, черты лица ихъ законченнѣе, обрисовываются болѣе рѣзко, губы ихъ тоньше, движенія порывистѣе, въ нихъ болѣе нервной жесткости, хотя, сравнительно съ другими Американцами, жители „Новой Англіи“ обладаютъ большею сдержанностію и хладнокровіемъ. Поэтому ихъ южные соотечественники дали имъ прозвище: люди съ бѣлою печенью, „white livered“.

Въ умственномъ и нравственномъ отношеніи жители „Новой Англіи“, Янки, имѣютъ громадное превосходство надъ прочимъ населеніемъ Союза. Списокъ американскихъ писателей свидѣтельствуетъ, что большинство ихъ принадлежитъ по своему происхожденію къ штатамъ „Новой Англіи“. Здѣсь началась борьба за освобожденіе Союза отъ господства Англіи. Нравственному вліянію этихъ штатовъ обязана Америка отмѣной рабства. Наконецъ, въ настоящее время, отсюда выходятъ всѣ преподаватели школъ и ремесленныхъ училищъ для заатлантической республики. [1]

Очерченный типъ „бостонскаго піонера“ подвергся въ теченіе XIX столѣтія существеннымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе возрастающаго переселенческаго движенія въ Соединенные Штаты со всѣхъ концовъ земнаго шара. Эмиграціонное движеніе изъ Европы въ Америку усилилось послѣ окончанія великихъ войнъ первой французской имперіи. Всѣ обездоленные искатели счастья широкимъ потокомъ направились въ Новый Свѣтъ и измѣнили племенной составъ населенія, расположеннаго въ странѣ Миссисипи. Нѣмцы, Ирландцы переселяются массами. Англичане приходятъ сюда изъ Канады и изъ Великобританіи. Скандинавы населяютъ Висконсинъ и сосѣдніе съ нимъ штаты. Въ числѣ эмигрантовъ появляются Русскіе, Итальянцы, Португальцы, жители Азорскихъ острововъ. Въ 1848 году занятіе правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ Калифорніи и открытіе золотоносныхъ розсыпей внесли новые элементы въ жизнь Америки. Теперь здѣсь къ представителямъ всѣхъ народовъ Европы присоединяются Мексиканцы, Перуанцы, Чилійцы и креолы, полуиндійскаго происхожденія, Конаки съ Сандвичьевыхъ, Тагалы съ

---

[1] Élisée Reclus, Les États-Unis, стр. 89.

Филиппинскихъ, Малайцы съ Зондскихъ острововъ.—Евреи, прежде незамѣтные, теперь переселяются въ значительномъ числѣ изъ Германіи и Россіи. Цыгане перенесли свои шатры изъ Англіи въ Соединенные Штаты, продолжая здѣсь свой кочевой образъ жизни. Смѣшеніе племенъ всего свѣта совершается въ настоящее время въ громадныхъ размѣрахъ на территоріи Сѣверной Америки.

Вся эта „смѣсь племенъ" достигаетъ теперь значительной цифры 63 милліоновъ жителей. Изъ этого числа на долю Англичанъ приходится 18 милліоновъ. Нѣмцевъ переселилось въ Соединенные Штаты отъ 1820—1890 года—4.582.203 человѣка. Въ 1891 году въ Союзѣ насчитывалось Французовъ 1 милліонъ. Число негровъ достигаетъ 7—8 милліоновъ. Краснокожихъ Индійцевъ осталось немного, не болѣе полумилліона душъ. Остальные 33 милліона приходятся на указанныя выше различныя народности со всего земнаго шара, изъ сліянія которыхъ возникнетъ новая раса людей, наполняющихъ обширный материкъ, отдѣленный отъ Стараго Свѣта такими *двумя рвами*, употребляя выраженіе Элизѐ Реклю, какъ Тихій и Атлантическій океаны. [1]

Въ заключеніе настоящаго описанія различныхъ племенъ, населяющихъ Соединенные Штаты, остановлюсь вкратцѣ на двухъ изъ нихъ, нѣкогда представлявшихъ особенное значеніе для Америки, это—*краснокожіе Индійцы* и *африканскіе негры*, первые—древнѣйшіе обитатели Новаго Свѣта, послѣдніе—рабы, теперь освобожденные, но мало приспособленные къ требованіямъ жизненныхъ отношеній въ Союзѣ, подобно первоначальнымъ обитателямъ страны,—краснокожимъ Индійцамъ.

Разнообразныя племена Индійцевъ весьма подробно изучены въ книгѣ Элизѐ Реклю. Здѣсь помѣщены двѣ таблицы, на стр. 61 и 69, съ перечнемъ всѣхъ индійскихъ племенъ, жившихъ на востокѣ отъ Миссисипи въ XVI ст. и на западѣ отъ него живущихъ въ настоящее время.

Для археолога отъ древняго была краснокожихъ Индійцевъ сохранились могильные курганы, подобные тѣмъ, которые встрѣчаются на югѣ Россіи. [2] Курганы Индійцевъ имѣли значеніе укрѣпленій, могильныхъ памятниковъ и символическихъ изображеній божествъ Наиболѣе извѣстный индѣйскій курганъ находится въ штатѣ Огіо на берегахъ Брушъ Крикъ (Brush Kreck).

---

[1] *Elisée Reclus*, les États-Unis, стр. 103: «les enormes fossés, qui les limites à l'est et à l'ouest».

[2] Élisée Reclus, ib., стр. 34.

Для антрополога краснокожіе Индійцы представляютъ интересъ въ отношеніи громадности тѣхъ размѣровъ, которыхъ достигаетъ вмѣстимость ихъ черепа. Эта вмѣстимость доходитъ до чрезвычайныхъ размѣровъ—1.825 кубическихъ сантиметровъ. [1]

Наконецъ для этнографа краснокожіе Индійцы являются рѣдкимъ примѣромъ народа, который не зналъ пастушескаго состоянія въ своемъ развитіи, такъ какъ они прямо перешли отъ быта охотничьяго къ земледѣльческому. [2]

Элизѐ Реклю въ своемъ описаніи краснокожихъ Индійцевъ относится къ нимъ сочувственно, болѣе склоняясь къ тому мнѣнію, которое формулировано миссіонерами, отзывавшимися о нихъ: „les plus doux et les plus justes des hommes“, и далекъ отъ жестокаго приговора надъ Индійцами, дѣлаемаго европейскими колонистами Америки: „l'indien n'est bon que tué“. [3]

Элизѐ Реклю передаетъ слѣдующія черты изъ быта краснокожихъ Индійцевъ. Каждый индійскій юноша, когда онъ достигаетъ возраста, въ которомъ ему надлежитъ быть принятымъ въ число воиновъ, — подвергается жесточайшимъ истязаніямъ, для испытанія его мужества и выносливости. Испытаніе голодомъ, холодомъ, зноемъ отъ палящаго солнца, нанесеніе ранъ, вытягиваніе членовъ, подвѣшиваніе за волосы или за кожу—всѣ эти виды физическихъ мукъ должны быть перенесены молодымъ Индійцемъ безъ малѣйшихъ проявленій ощущаемой имъ боли. Въ случаѣ проступковъ или преступленій, совершенныхъ однимъ изъ членовъ индійскаго племени, его судитъ народный судъ, который собирается рѣдко, въ однихъ лишь чрезвычайныхъ случаяхъ. Приговоры этого народнаго суда состоятъ или въ изгнаніи или въ присужденіи къ смерти признаннаго виновнымъ. Осужденный на казнь самъ приводитъ въ исполненіе произнесенный противъ него народнымъ судомъ приговоръ.

На ряду съ столь воинственными чертами у краснокожихъ Индійцевъ проявляются случаи поразительной чувствительности къ тому, что̀ они почитаютъ за внѣшнюю красоту. Бывали случаи, говоритъ Элизѐ Реклю, что суровый воинъ, переносившій всякія лишенія, кончалъ жизнь самоубійствомъ, не будучи въ силахъ побороть свой стыдъ, оттого что на лицѣ его сохранились слѣды отъ оспы!..

---

[1] Élisée Reclus, ib., стр. 40.
[2] Élisée Reclus, ib., стр. 38.
[3] Élisée Reclus, ib., стр. 46—7.

Индійцы вѣруютъ въ „невѣдомое",—„Maniton", поклоняются солнцу, сопровождая это поклоненіе внѣшними обрядами. Они почитаютъ „вѣдуновъ",—„Meda", знающихъ тайны природы.

Въ числѣ суевѣрій краснокожихъ Индійцевъ существуетъ религіозное людоѣдство. Такъ Индіецъ, называемый „Sitting Bull", то-есть „сидящій быкъ", съѣлъ сердце американскаго офицера, убитаго въ сраженіи, дабы получить часть его храбрости.

И на ряду съ подобными обычаями антропофагіи существуетъ цѣлое индійское племя *Моки*, живущее близь Мексики, вѣрованія коихъ запрещаютъ имъ проливать кровь. Дабы не быть поставлены въ необходимость, защищаясь отъ нападенія враговъ, проливать ихъ кровь, *Моки* живутъ въ недоступныхъ скалистыхъ мѣстностяхъ, куда они взбираются помощью особыхъ крючковатыхъ палокъ, ими съ этою цѣлью изготовляемыхъ.

Интересна еще одна особенность краснокожихъ Индійцевъ: они не знаютъ бранныхъ словъ, которымъ научились, говоритъ Элизѐ Реклю, отъ Европейцевъ, переселившихся въ Америку.

Менѣе симпатіи возбуждаютъ въ читателѣ книги Элизѐ Реклю о Соединенныхъ Штатахъ живущіе здѣсь негры въ томъ видѣ, какъ они у него описаны. Негры находятся въ обособленномъ положеніи среди другихъ народовъ, населяющихъ Штаты, несмотря на отмѣну рабства. Для отмѣны тяготѣвшаго надъ ними рабства негры не принимали нигдѣ непосредственнаго участія въ войнѣ за освобожденіе, нигдѣ они сами не возставали противъ своихъ притѣснителей. Въ войска Сѣверянъ было взято негровъ около 300.000 человѣкъ.

Прекращеніе рабства негровъ поставило ихъ въ крайне неопредѣленное положеніе среди населенія Соединенныхъ Штатовъ. Негры получили свободу, но не получили земли, которая одна могла бы обезпечить въ дѣйствительности ихъ независимость. Негры получили право голоса на выборахъ, но они почти не смѣютъ пользоваться этимъ правомъ, находясь въ матеріальной зависимости отъ своихъ прежнихъ господъ. Въ настоящее время негры, по характеристическому выраженію Элизѐ Реклю, находятся въ положеніи вольноотпущенниковъ, которымъ должно еще всего опасаться отъ бывшихъ своихъ владыкъ. Число такихъ негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ достигаетъ почти восьми милліоновъ. Для нихъ сложилась въ Америкѣ поговорка: „Root, hog, or die!" то-есть „рой, свинья, или умирай!" [1]

[1] Élisée Reclus, les Élats Unis, стр. 99.

Для характеристики отношенія бѣлаго населенія Соединенныхъ Штатовъ къ неграмъ приведу сообщаемый въ газетѣ „Times“ отъ 26 февраля настоящаго года случай примѣненія къ негру закона Линча. Въ штатѣ Арканзасъ, въ городѣ Таксорканѣ негръ изнасиловалъ бѣлую женщину. Толпа народа его схватила, привязала къ деревянному столбу, облила керосиномъ и заставила изнасилованную женщину поджечь сложенный вокругъ негра костеръ. Негръ былъ сожженъ живымъ!.. [1].

Многоязычное, со всѣхъ странъ земнаго шара сошедшееся, шестидесяти трехъ милліонное населеніе Соединенныхъ Штатовъ занимаетъ громадное пространство 9.331.361 квадратныхъ километровъ. Столь обширная территорія сложилась постепенно самыми разнообразными способами. Вопервыхъ, земли пріобрѣтались путемъ *провозглашенія независимости* отъ Англіи въ 1776 году старѣйшихъ тринадцати штатовъ. Вовторыхъ, земли *покупались*. Такъ куплены были: у Франціи въ 1802 году „Луизіана“, у Испаніи въ 1819 году „Флорида“, у Россіи „Аляска“ въ 1867 году. Втретьихъ, территорія Штатовъ расширялась посредствомъ *мирныхъ договоровъ:* съ Мексикой въ 1848 году былъ заключенъ договоръ Гваделупе Гидальго о присоединеніи къ Штатамъ Калифорніи, Новой Мексики, склоновъ Колорадо и плоскогорья Утахи. Вчетвертыхъ, владѣнія Штатовъ увеличивались *на основаніи рѣшеній международнаго третейскаго суда:* въ 1872 году Германскій императоръ рѣшилъ въ пользу Штатовъ обладаніе островами небольшаго архипелага Сенъ-Жуана, близь острова Ванкувера. [2]

Стремленіе Американцевъ къ расширенію своего территоріальнаго господства на этомъ не останавливается. Слышатся голоса, требующіе присоединенія къ Соединеннымъ Штатамъ далѣе еще Калифорнійскаго полуострова, острововъ Гаваи, Канады, Нью-Фаундлэнда, Кубы, Санъ-Доминго, залива Самана̀. Наконецъ, существуютъ политики, которые, недовольные требованіемъ *Америки для Американцевъ*, стремятся установить *Панъ-Америку*, гдѣ гегемонія принадлежала бы англо-саксонской республикѣ.

Въ виду подобныхъ стремленій къ расширенію территоріальнаго господства Соединенныхъ Штатовъ, Элизѐ Реклю восклицаетъ: „можно опасаться за ихъ величавое спокойствіе въ будущемъ!“ [3]

---

[1] The Times, Weekly Edition, 1892, February 26, № 791, стр. 6.

[2] Élisée Reclus, ib., стр. 2—6.

[3] Elisée Reclus, ib., стр. 105.

Единство и политическое могущество Соединенныхъ Штатовъ не устраняетъ однако неустойчивости внутренняго равновѣсія въ странѣ. Здѣсь населеніе распредѣлено весьма не равномѣрно, такъ какъ двѣ трети его скучилось въ сѣверо-восточномъ углу Штатовъ. Здѣсь среди этого скученнаго населенія проявляются самыя рѣзкія противоположности, возникшія вслѣдствіе различій въ состояніяхъ, предпріимчивости, или пораженныя торговыми оборотами и промышленными сношеніями. Въ Нью-Іоркѣ, въ этомъ „владычествующемъ городѣ",—Empire City,—задумываютъ предпріятія для всего остальнаго Союза, сюда же притекаютъ всѣ выгоды отъ этихъ предпріятій. Wall Street, улица богачей Нью-Іорка, есть болѣе мѣстонахожденіе правительства Штатовъ, нежели капитолій въ Вашингтонѣ.

„Политическая власть принадлежитъ денежной, численно-ограниченной аристократіи, хотя она не проявляетъ этой власти непосредственно. Въ пользу ея фабрикъ и ея монопольнаго производства были вотированы законы, налагающіе на все населеніе бремя дороговизны всѣхъ жизненныхъ потребностей." [1]

Краснорѣчивую страницу посвящаетъ Элизѐ Реклю очерку тѣхъ трудностей, которыя предстоитъ одолѣть великой заатлантической республикѣ въ дальнѣйшемъ своемъ историческомъ развитіи. Думаемъ, что подробная передача характеристики Элизѐ Реклю познакомитъ съ разнообразными теченіями, волнующими общественную мысль за предѣлами далекаго Атлантическаго океана. Вотъ эта характеристика.

„Вслѣдствіе разнородности населенія въ Соединенныхъ Штатахъ являются исключительныя затрудненія составить національное единство, и эти затрудненія возрастаютъ еще болѣе вслѣдствіе наличности этнографическихъ различій. Туземное населеніе, краснокожіе, только въ незначительномъ числѣ ассимилированы, и, за исключеніемъ немногихъ покровительствуемыхъ племенъ, населеніе Сѣверной Америки сумѣло только разогнать отъ себя или совершенно уничтожить первоначальныхъ жителей, дабы занять ихъ мѣсто. Относительно негровъ и другихъ цвѣтныхъ племенъ трудности являются другаго рода, но еще болѣе значительныя, такъ какъ дѣло идетъ о населеніи двадцать пять разъ превышающемъ первоначальныхъ жителей страны. Для устраненія всякой причины борьбы остается лишь убѣдить негровъ

[1] Elisée Reclus, ib., стр. 104.

заселить Африку или постепенно вытѣснить на Антильскіе острова презираемое племя. Наконецъ, если иностранцы, взятые въ общемъ, допускаются, почти безъ изъятія, въ качествѣ будущихъ согражданъ,—терпимость прирожденныхъ гражданъ не имѣетъ безусловнаго значенія и говорятъ о различіяхъ между переселенцами изъ Стараго Свѣта. Кровавыя столкновенія нерѣдко доказывали, что сліяніе племенъ еще не сдѣлано въ общемъ американскомъ отечествѣ.

„Наши современники въ Соединенныхъ Штатахъ должны разрѣшить всѣ эти великія задачи, не говоря о тѣхъ, которыя являются въ каждой промышленности, вслѣдствіе антагонизма, между трудомъ и капиталомъ. Жестокая война, въ теченіе четырехъ лѣтъ насыщавшая землю Америки потоками крови, устранила лишь часть затрудненій и есть основанія опасаться, чтобы новыя столкновенія, не менѣе грозныя, не проявились бы между столь враждебными элементами. Какъ бы то ни было, нельзя сомнѣваться въ величіи будущности этой самой энергичной части человѣчества, которая завладѣла пространствомъ Новаго Свѣта между Великими Озерами и Мексикой и которая въ теченіе только одного столѣтія стала самой могущественной и самой богатой среди всѣхъ народовъ. Исторія Америки производитъ какъ бы ослѣпленіе. Эта страна, населенная дикарями, занимающимися охотой или знающими лишь первобытное земледѣліе, не считалась даже за принадлежащую къ цивилизованному міру, и вотъ, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, эта страна заняла первое мѣсто по возрастанію своего населенія и промышленности, по энергіи и значительности сдѣланныхъ матеріальныхъ успѣховъ. Что касается сознанія своего могущества, то Американскій народъ обладаетъ имъ въ такой степени, что его правительство можетъ себѣ позволить иногда даже злоупотребить имъ, какъ оно это сдѣлало относительно Англіи, утверждая вопреки всѣмъ дипломатическимъ прецедентамъ, даже вопреки здравому смыслу, что Берингово море имѣетъ значеніе „замкнутаго“ (mare clausum). Несомнѣнно, что населеніе Соединенныхъ Штатовъ, возрастаніе коего было чудовищно, есть нечтò иное, какъ смѣсь въ разныхъ доляхъ всѣхъ этническихъ элементовъ Европы; но самыя эти помѣси, равно какъ различіе среды и новыя условія, созданныя историческою точкой отправленія,—дали особенно оригинальный типъ Американцевъ. Подобно тому, какъ ихъ междуусобная война является исключительною въ исторіи народныхъ

междуусобицъ, быть-можетъ они неожиданнымъ образомъ разрѣшатъ грозные экономическіе и соціальные вопросы, возбуждаемые въ настоящее время среди цивилизованныхъ народовъ.

„Самый оригинальный американскій поэтъ, который въ этомъ отношеніи является лучшимъ представителемъ своего племени,— Вальтъ Вюитманъ (Walt Whitman) надменно обращается въ одной изъ своихъ строфъ къ „иностраннымъ народамъ“: „„Я узналъ, говоритъ онъ, что вы ищете раскрытія загадки Новаго Свѣта: вы спрашиваете, чтобы вамъ объяснили нашу демократію атлетовъ. Вотъ мои поэмы: въ нихъ вы найдете отвѣты на ваши вопросы!““ [1] Человѣкъ говоритъ горделиво и слова его стóятъ, чтобъ имъ внимали, такъ какъ никто лучше поэта не въ состояніи понять высокій идеалъ, скрывающійся въ кажущейся и поверхностной внѣшности. Но, прочтя его неровныя произведенія, то поразительныя по вдохновенію, то холодныя, какъ судебный протоколъ, остаешься въ недоумѣніи и спрашиваешь себя, не превознесъ ли пророкъ чрезчуръ высоко свой народъ, давъ ему назначеніе, которое онъ не въ силѣ будетъ выполнить, несмотря на свою молодость и мощь. Несомнѣнно, Америка, поздно вступивъ въ ряды народовъ, есть одна изъ тѣхъ странъ, чей примѣръ будетъ самый полезный и участіе самое широкое въ общемъ дѣлѣ. Но можно ли себѣ представить осуществленіе какого-либо прогресса внѣ единства людей къ какому бы они ни принадлежали племени или странѣ свѣта?“

Мы видѣли выше, что Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты стремятся расширить свое исключительное верховное право на Берингово море, доказывая, что—это море „внутреннее“ (mare clausum). Географическое очертаніе Берингова моря противорѣчитъ подобнымъ притязаніямъ со стороны Соединенныхъ Штатовъ. Тѣмъ не менѣе самый вопросъ о присваиваемомъ союзнымъ правительствомъ исключительномъ правѣ на Берингово море поступитъ на обсужденіе международнаго третейскаго суда въ силу договора, подписаннаго 18-го февраля (1-го марта) текущаго 1892-го года статсъ-секретаремъ Штатовъ Блэномъ и англійскимъ посланникомъ, относительно урегулированія рыбной и тюленьей ловли въ водахъ Берингова моря.

Не задолго до подписанія статсъ-секретаремъ Блэномъ и англійскимъ посланникомъ договора о третейскомъ судѣ для рѣше-

---

[1] Leaves of Grass; Inscriptions p. 11.

нія политическаго вопроса о правахъ Соединенныхъ Штатовъ на Берингово море, верховный судъ Штатовъ (The Supreme Court of the United States) призналъ себя некомпетентнымъ постановить рѣшеніе по этому вопросу, который, вслѣдствіе этого, поступилъ на разсмотрѣніе международнаго третейскаго суда. Но Верховный Судъ Штатовъ (The Supreme Court of the United States) принялъ къ своему производству исковое требованіе Англійскаго и Канадскаго правительствъ къ правительству Союза по дѣлу объ арестѣ въ Беринговомъ морѣ канадской шкуны *W. P. Sayward* американскимъ крейсеромъ *Rush*. Арестъ канадской шкуны произведенъ былъ въ 1887 году за нарушеніе правилъ ловли морскихъ выдръ,—правилъ, установленныхъ для Берингова моря правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. Англійское и Канадское правительство не признавало за Соединенными Штатами права издавать подобныя правила, т.-е. не признавало за ними права юрисдикціи на Беринговомъ морѣ. Но Высшій Судъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ рѣшилъ данное дѣло въ пользу Союзнаго правительства, отклонивъ отъ себя рѣшеніе общаго вопроса о верховномъ правѣ Штатовъ на Берингово море. Если третейскій судъ, которому переданъ настоящій вопросъ въ силу договора, заключеннаго 18-го февраля (1-го марта) 1892 года между Англіей и Штатами, признаетъ за послѣдними исключительное право на Берингово море, то окажется, что географически открытое море будетъ объявлено въ международныхъ отношеніяхъ „моремъ закрытымъ“ (mare clausum).

Договоръ о третейскомъ судѣ, заключенный 18-го февраля (1-го марта) 1892 г. между представителями Англіи и Соединенныхъ Штатовъ подлежитъ еще утвержденію со стороны англійскаго парламента и сената заатлантической республики. До тѣхъ поръ пройдетъ не мало времени, а до окончательнаго рѣшенія третейскаго суда и того болѣе. Въ какомъ же положеніи будетъ находиться Берингово море въ теченіе всего того времени, пока не будетъ рѣшена возникшая по поводу его распря между двумя великими и родственными народами, стоящими другъ противъ друга на двухъ противуположныхъ берегахъ Атлантическаго океана? Въ предстоящемъ 1892-мъ году, промышленномъ сезонѣ на Беринговомъ морѣ, повидимому подготовляются серіозныя столкновенія между заинтересованными сторонами—Англіей и Соединенными Штатами. Англія предполагаетъ держаться въ 1892-мъ году относительно Берингова

моря полной свободы ловли котиковъ и готовитъ для этого въ Британской Колумбіи до шестидесяти судовъ. Американцы видятъ въ этихъ приготовленіяхъ опасность полнаго истребленія всѣхъ котиковъ въ Беринговомъ морѣ и снаряжаютъ въ Санъ-Франциско для защиты своихъ интересовъ таможенные крейсеры *Rush*, *Corvin* и *Bear*. Если допустить, говорятъ Американцы, въ настоящемъ 1892-мъ году свободу котиковаго промысла, какъ того добиваются Англичане, то результатомъ будетъ полное истребленіе котиковъ и уничтоженіе промысла, такъ что третейскому суду останется рѣшить безсодержательный вопросъ о томъ, кто долженъ быть признанъ законнымъ владѣтелемъ вещи, которая перестала уже существовать. Для огражденія Соединенныхъ Штатовъ отъ угрожающей имъ со стороны Англіи опасности въ дѣлѣ котиковаго промысла на Беринговомъ морѣ въ теченіе марта мѣсяца настоящаго года Вашингтонское правительство намѣрено принять соотвѣтствующія мѣры съ цѣлью противодѣйствовать захватамъ Великобританіи.

По свѣдѣніямъ газеты *Times*, третейское разбирательство спора между Англіей и Соединенными Штатами о предѣлахъ власти послѣднихъ на Беринговомъ морѣ должно состояться осенью текущаго 1892 года въ Парижѣ. Защиту интересовъ Америки правительство Штатовъ возлагаетъ, какъ думаютъ, на *Фелепса* (Phelps), пользующагося громадною и вполнѣ заслуженною популярностью въ своемъ отечествѣ. Англія заботится о томъ, чтобы выставить на третейскомъ судѣ не менѣе вліятельнаго уполномоченнаго. *Для этого не достаточно одного знанія международнаго права, но необходимо личное значительное положеніе, ораторскія дарованія и чарующее обращеніе.* [1] Вотъ соединеніе какихъ качествъ въ лицѣ уполномоченнаго отъ Англіи считаетъ вліятельный органъ лондонскаго Сити, *Times*, необходимымъ для достойной защиты интересовъ Великобританіи на предстоящемъ въ Парижѣ третейскомъ разбирательствѣ спора о Беринговомъ морѣ. Пока, однако, отъ утвержденія Вашингтонскимъ конгрессомъ заключеннаго соглашенія о третейскомъ судѣ между представителями Англіи и Соединенныхъ Штатовъ зависитъ окончательное рѣшеніе передать споръ относительно власти на Беринговомъ морѣ разбирательству третейскаго суда.

Сдѣлавъ приведенную характеристику современнаго положенія

---

[1] The Times, Wednesday, 1892, March 2: «The Behring sea arbitration».

разноплеменнаго населенія Соединенныхъ Штатовъ, Элизѐ Реклю посвящаетъ дальнѣйшія главы своего обширнаго труда описанію общественныхъ условій, среди которыхъ оригинальная смѣсь представителей всѣхъ органическихъ элементовъ Европы вмѣстѣ съ краснокожими Индійцами и неграми призваны быть-можетъ разрѣшить неожиданнымъ образомъ грозные экономическіе и соціальные вопросы, возбуждаемые въ настоящее время среди цивилизованныхъ народовъ.

Элизѐ Реклю даетъ любопытную схему численнаго выростанія населенія Соединенныхъ Штатовъ за послѣднія сто лѣтъ (1790—1890) сравнительно съ движеніемъ населенія во Франціи и Англіи въ тотъ же періодъ времени.

Населеніе Франціи въ 1790 году равнялось 25 милліонамъ жителей и достигло въ 1890 году числа 38 милліоновъ. Въ Англіи было жителей въ 1790 году 17 милліоновъ, а въ 1890 году оно повысилось до 39 милліоновъ. За сто лѣтъ въ обѣихъ названныхъ странахъ населеніе менѣе чѣмъ удвоилось. Не то совершается въ Соединенныхъ Штатахъ. Здѣсь населеніе *съ 4 милліоновъ* въ 1790 году повышается *до 62.622.250* жителей въ 1890 году.

Столь быстрое увеличеніе населенія въ Штатахъ произошло вслѣдствіе переселенія въ Америку обездоленныхъ изъ другихъ странъ всего земнаго шара. Еще Сервантесъ, авторъ „Донъ Кихота“, называлъ Америку *убѣжищемъ отчаявшихся* (refuge des désespérés). Но противъ дальнѣйшаго движенія подобныхъ „отчаявшихся“ выходцевъ изъ другихъ странъ принимаются въ настоящее время конгрессомъ въ Вашингтонѣ запретительныя мѣры.

Въ огражденіе территоріи Соединенныхъ Штатовъ отъ чрезмѣрнаго наплыва нежелательныхъ для страны переселенцевъ *Фостеръ* (Foster), секретарь казначейства въ Соединенныхъ Штатахъ, предложилъ конгрессу въ сессію 1892 г. принять на будущее время слѣдующій законъ: „Собственники пароходовъ и агенты, завѣдующіе пароходами, на которыхъ привозятся переселенцы въ Штаты, обязаны представить залогъ не менѣе 50.000 долларовъ и подчиняются требованію, по которому они должны обратно отвезти изъ Америки тѣхъ переселенцевъ, которые, въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ ихъ высадки на территорію Союза, окажутся переселившимися въ противность законамъ Соединенныхъ Штатовъ.“ [1]

---

[1] The Times, Weekly Edition, 1892, February 26, № 761, стр. 6.

Предлагаемый Фостеромъ законъ направленъ противъ иностранныхъ пароходовладѣльцевъ, сдѣлавшихъ своимъ промысломъ перевозку переселенцевъ въ Соединенные Штаты. Американскій торговый флотъ не подвергается ограниченію, вводимому закономъ Фостера, потому что онъ не выходитъ изъ водъ, омывающихъ берега Новаго Свѣта, и американскіе пароходовладѣльцы не занимаются перевозкой переселенцевъ въ свое отечество. Требованіе залоговъ такимъ образомъ вполнѣ и исключительно относится до иностранныхъ судовладѣльцевъ, затрудняя имъ отправленіе своей промышленности по перевозкѣ переселенцевъ въ Соединенные Штаты. Американскій торговый флагъ въ рѣдкихъ случаяхъ появляется въ водахъ Стараго Свѣта. Тѣмъ болѣе значенія имѣетъ для насъ, Русскихъ, прибытіе въ русскій балтійскій портъ Либаву двухъ пароходовъ, принадлежащихъ Американцамъ, съ грузомъ, предназначеннымъ въ пользу русскаго населенія, пострадавшаго отъ неурожая въ настоящемъ году. Американцы измѣнили своему обычаю не выходить изъ своихъ морей и отправили въ Старый Свѣтъ на своихъ судахъ грузъ хлѣба, ставшій для насъ еще болѣе цѣннымъ, какъ доказательство участія, сочувствія къ положенію нуждающихся и какъ свидѣтельство благодарности великой заатлантической республики за нѣкогда оказанную ей поддержку со стороны русскаго военнаго флота.

Особенно строго караются Китайцы, нарушившіе законное запрещеніе переселяться въ Америку. Тюремное наказаніе съ тяжкими работами въ теченіе шести мѣсяцевъ назначается въ наказаніе нарушителямъ предписанія, запрещающаго Китайцу переселяться въ Соединенные Штаты. [1]

Повидимому правительство Штатовъ чувствуетъ себя достаточно могущественнымъ, чтобъ осуществить свои запретительные законы и преградить силой доступъ въ предѣлы союза нежелательныхъ переселенцевъ, устремляющихся въ Америку изъ всѣхъ странъ земнаго шара.

Интересныя цифры даетъ Элизѐ Реклю въ оцѣнкѣ всего земледѣльческаго и промышленнаго богатства Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1890 году оно опредѣлялось въ громадной суммѣ 320 милліардовъ франковъ, что̀ составитъ при 63 милліонахъ населенія Штатовъ почти 5.000 франковъ на каждаго Американца или 25.000

---

[1] The Times, ib.

франковъ на каждую отдѣльную американскую семью, принимая за норму составъ семьи изъ пяти членовъ. Но это громадное богатство распредѣлено въ высшей степени неравномѣрно. Нигдѣ въ мірѣ не замѣчается болѣе сильнаго стремленія къ сосредоточенію богатствъ въ рукахъ немногихъ, какъ въ Америкѣ. Въ 1890 году болѣе половины достоянія Соединенныхъ Штатовъ принадлежало только 25.000 лицамъ, которыя составляютъ 16/100 всего населенія страны. Въ виду такого положенія отношеній, Элизѐ Реклю говоритъ: „нѣкоторые отсталые писатели еще указываютъ на Соединенные Штаты какъ на примѣръ страны равенства, гдѣ всякій обездоленный, пришедшій извнѣ, находитъ усадьбу и свободу. Въ настоящее время пауперизмъ и громадное скопленіе капиталовъ стоятъ лицомъ къ лицу въ Союзѣ на двухъ противоположныхъ общественныхъ полюсахъ“. [1]

Какъ отраженіе такого порядка распредѣленія богатствъ является усиливающаяся преступность въ Соединенныхъ Штатахъ. Такъ въ штатѣ Массачузетцѣ въ 1890 году при населеніи въ 2.236.943 душъ было совершено арестовъ 83.413 и произнесено обвинительныхъ приговоровъ противъ 33.290 преступниковъ. Преступленія увеличились въ численности на десять разъ за послѣднія девять лѣтъ. Въ невѣроятныхъ размѣрахъ возросла склонность къ азартнымъ играмъ: бьются объ закладъ относительно лошадей, кораблей, голубей, кандидатовъ на выборахъ, относительно всевозможныхъ случаевъ. Болѣе милліарда франковъ ежегодно тратится въ Америкѣ на пари. Около ста тысячъ лицъ посвящаютъ свою дѣятельность веденію записей самыхъ необычайныхъ пари, заключаемыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Здѣсь, подобно тому какъ въ Европѣ, каждое десятилѣтіе отмѣчается увеличеніемъ случаевъ сумасшествія и самоубійствъ. [2]

Но общественная жизнь Союза находитъ противовѣсъ и могучее орудіе для борьбы съ указанными отрицательными явленіями современнаго быта въ Соединенныхъ Штатахъ. Американское государство есть государство „христіанское“, [3] и всѣ христіанскія исповѣданія пользуются одинаковымъ признаніемъ, такъ какъ церковь совершенно отдѣлена отъ государства. „Вліяніе христіанской религіи въ ея различныхъ исповѣданіяхъ кажется въ

---

[1] Élisée Reclus, les Etats-Unis, стр. 743.

[2] Élisée Reclus, ib., стр. 773.

[3] Èlisée Reclus, ib., стр. 775. «L'État americain est crétien».

общемъ болѣе могущественнымъ, нежели въ какой либо странѣ Европы, кромѣ Шотландіи. Храмы разныхъ наименованій тѣснятся въ городахъ въ такой многочисленности, что второстепенные города Соединенныхъ Штатовъ превосходятъ въ этомъ отношеніи Парижъ. Разговорная рѣчь и литература въ Америкѣ свидѣтельствуютъ о христіанской основѣ воспитанія: обѣ проникнуты христіанствомъ, предполагая въ собесѣдникѣ и въ читателѣ предварительное довольно подробное знакомство съ библіей и теологіей. Даже газеты наполнены изреченіями, ставшими поговорками, начало которыхъ находится въ библейскихъ повѣствованіяхъ, въ словахъ Евангелія или правилахъ религіозныхъ. „Французскій читатель, продолжаетъ далѣе свою характеристику Элизе Реклю, былъ бы поставленъ въ затрудненіе понять всѣ эти намеки на исторію „избраннаго народа". Соблюденіе „воскреснаго отдыха", столь строгое нѣкогда, не только въ силу закона, но также по общему сознанію, является новымъ доказательствомъ вліянія въ Америкѣ духовныхъ наставниковъ. Но переселеніе въ Восточные и Центральные Штаты Нѣмцевъ, а Луизіану и Калифорнію Французовъ способствовало къ превращенію воскресенья изъ дня молитвы въ праздникъ и день веселья. Въ селахъ „Новой Англіи" заблудившійся путникъ въ воскресный день подвергается опасности умереть съ голоду, такъ какъ ни одинъ домъ предъ нимъ не раскроетъ своихъ дверей. Но въ большихъ городахъ, Нью-Іоркѣ, Цинцинатѣ, Санъ-Луисѣ иностранецъ въ воскресенье пользуется возможностью столь же легко провести время, какъ всюду въ Европѣ." [1]

Стремленіе дать внѣшнее выраженіе религіозному настроенію находитъ свое проявленіе въ такъ-называемыхъ *camp-meetings*, собраніяхъ вѣрующихъ на открытомъ воздухѣ, которыя по преимуществу встрѣчаются въ земледѣльческихъ округахъ союза, въ штатѣ Огіо, на берегахъ большихъ озеръ. Земледѣльцы отъ времени до времени чувствуютъ потребность въ важные для нихъ періоды жизни, послѣ посѣва или послѣ жатвы, собраться для совершенія того, что̀ Американцы называютъ своимъ „возрожденіемъ" (revivel). „Въ назначенный день, такъ описываетъ Элизѐ Реклю американскій *camp-meetings* и *revivel*, толпа вѣрующихъ направляется для молитвы въ станъ, который расположенъ въ живописной мѣстности, почти всегда на берегу ручья, на холмѣ

[1] Élisée Reclus, les Etats-Unis, стр. 786.

или небольшомъ склонѣ. Быстро разбиваются на опушкѣ рощи палатки проповѣдниковъ, старѣйшинъ и женщинъ. По срединѣ на свободномъ мѣстѣ возвышается платформа, откуда ораторы должны говорить. Когда все готово, посвященные (les convertis) вступаютъ въ огороженное пространство, профаны же тѣснятся снаружи или смотрятъ взобравшись на телѣги, экипажи, расположенные въ видѣ трибунъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣсколько дней отдыха, проведенныхъ въ живописной мѣстности, подъ сѣнью чуднаго неба, въ обществѣ друзей, поющихъ свои гимны, и проповѣдниковъ, соперничающихъ въ краснорѣчіи, — оставляютъ въ памяти участниковъ самыя свѣтлыя воспоминанія! Это—празднества и естественно они принимаютъ соотвѣтственный внѣшній видъ. Духъ общежитія (l'esprit de sociabilité) является главнѣйшимъ побужденіемъ для этого рода собраній. Говорятъ, что на приморскомъ берегу въ Нью-Джерси собралось до 70.000 методистовъ." [1]

Нельзя не отмѣтить существующихъ въ каждомъ штатѣ особыхъ *законовъ для поднятія нравственности* населенія (pour la „moralisation" du peuple). [2] Сюда относятся законы штата Коннектикутъ, запрещающіе воскресную продажу фруктовъ, но допускающіе продажу газетъ. Законъ штата Минезотта караетъ тюремнымъ заключеніемъ тѣхъ женщинъ, которыя выступятъ на театральныхъ подмосткахъ въ мужскомъ платьѣ. Законы противъ употребленія спиртныхъ напитковъ извѣстны подъ именемъ „Maine liquor law", такъ какъ впервые они изданы въ штатѣ Мэнъ. Мѣстности, гдѣ законъ воспрещаетъ спиртные напитки, извѣстны въ Америкѣ подъ названіемъ „сухихъ", въ противоположность „сырымъ", гдѣ употребленіе этого рода напитковъ дозволено. Въ штатѣ Массачузетцѣ 4/5 городовъ запретили у себя продажу опьяняющихъ напитковъ. Мѣры противъ употребленія спиртныхъ напитковъ, включая сюда пиво, повели въ значительной степени къ направленію переселенческаго движенія изъ Германіи въ „сырые штаты", гдѣ эти напитки дозволены. [3]

Таковы усилія Американцевъ къ подъему ихъ жизненнаго строя, подчиняя его оживляющему вліянію религіозныхъ вѣрованій и законовъ о народной нравственности.

---

[1] Élisée Reclus, les Etats-Unis, стр. 784—85.
[2] Élisée Reclus, ib., стр. 867.
[3] Élisée Reclus, les Etats-Unis, стр. 808.

До сихъ поръ мы видѣли въ общественномъ строѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ одни лишь признаки разрозненности тѣхъ группъ, изъ которыхъ слагается организмъ заатлантической республики. Такая разрозненность вызываетъ справедливое опасеніе за дальнѣйшее процвѣтаніе великой заатлантической республики. „Можно-ли себѣ представить осуществленіе какого-либо прогресса внѣ единства людей къ какому бы они не принадлежали племени или странѣ свѣта",—спрашиваетъ французскій изслѣдователь Соединенныхъ Штатовъ, при видѣ разрозненности, нерѣдко доходящей до враждебности, въ отдѣльныхъ составныхъ частяхъ населенія Америки? Гдѣ же, спрашивается, кроется та могущественная сила, которая всѣ эти разчлененныя племена, секты, промышленные союзы объединяетъ въ одно величавое государство? Сила эта не находится въ могущественной и многочисленной арміи, подчиненной одному главнокомандующему. Армія Соединенныхъ Штатовъ почти что отсутствуетъ, такъ какъ нельзя дать серіознаго значенія арміи тѣмъ 26.200 солдатамъ и 2.173 офицерамъ, которые разсѣяны по всей обширной территоріи союза. [1] Церковь отдѣлена отъ государства въ Америкѣ и не можетъ наряду со свѣтскою властью и взаимно съ нею проявлять объединяющее вліяніе на разнородное населеніе страны.

Изъ внимательнаго изученія книги Элизѐ Реклю выносишь несомнѣнное убѣжденіе, что все разноплеменное населеніе Америки неуклонно и неудержимо стремится къ сліянію и къ созданію новаго самостоятельнаго типа человѣка, происшедшаго изъ скрещенія разныхъ расъ, видоизмѣненнаго, кромѣ того, подъ вліяніемъ климатическихъ особенностей Америки.

„Всѣ народныя и племенныя особенности ежедневно поглощаются въ томъ новомъ народѣ, который создается изъ этихъ различныхъ элементовъ, и который, сверхъ того, долженъ приспособиться къ иному климату и, слѣдовательно, долженъ видоизмѣниться подъ вліяніемъ среды. До сихъ поръ невозможно было составить точное сужденіе относительно этихъ трудныхъ вопросовъ, потому что этому мѣшали личное и расовое тщеславіе, отсутствіе единства въ изслѣдованіяхъ и столкновеніе противорѣчивыхъ показаній. Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что физическое строеніе современнаго Американца подверглось измѣненію.

[1] Élisée Reclus, ib., стр. 809, примѣчаніе.

Въ общемъ, типичный Американецъ, представляемый главнымъ образомъ лицами, принадлежащими къ области Аппалаческихъ горъ, ростомъ выше Европейца. Онъ не столь мясистъ, рѣдко жиренъ, не такъ бѣлъ и румянъ, какъ Англичанинъ, угловатѣе его, онъ болѣе обнаруживаетъ свое костистое сложеніе и сѣть своихъ нервовъ. Народная пѣснь *Yankee doodle* выражаетъ это словами:

A Yankee boy is trim and tall,
And never over fat, Sir.

То-есть:

„Янки—строенъ и изященъ,
„Не бываетъ слишкомъ толстъ.“

Молодой Американецъ вступаетъ въ жизненную борьбу ранѣе своего сверстника изъ Стараго Свѣта, даже ранѣе молодыхъ Англичанъ: онъ ранѣе становится возмужалымъ. Иностранецъ удивляется при видѣ мальчиковъ, почти дѣтей, занятыхъ помѣщеніемъ товаровъ, руководствомъ газеты или метаніемъ картъ въ игрѣ съ такою же увѣренностью и умѣніемъ, какъ старые практики. [1]

Итакъ, слѣдовательно, Американцы объединяются въ созданномъ отъ смѣшенія тѣхъ многоразличныхъ племенъ, которыя сошлись на территоріи Союза изо всѣхъ странъ земнаго шара,—особомъ типѣ человѣка, отличнаго отъ другихъ народовъ своими физическими, умственными и нравственными особенностями.

Такому обособленному развитію самостоятельнаго типа Американца не мало способствуетъ отдѣленное отъ всего міра положеніе занимаемаго имъ материка, отдѣленнаго съ двухъ сторонъ, по образному выраженію Элизѐ Реклю,—„двумя рвами“, то-есть Атлантическимъ и Тихимъ океанами. Здѣсь, въ этомъ замкнутомъ, изолированномъ государствѣ и происходитъ процессъ созданія новаго типа человѣка, отличнаго отъ породившихъ его своимъ смѣшеніемъ разнообразныхъ племенъ.

Такимъ обособленнымъ типомъ является Американецъ относительно другихъ народовъ, населяющихъ другія страны свѣта, отъ которыхъ онъ почерпнулъ извѣстную часть, физическую и духовную, приспособивъ ихъ къ условіямъ своего отечества—Америки.

Но внутри самихъ Штатовъ чѣмъ поддерживается единство

---

[1] Élisée Reclus, les États Unis, 677.

этихъ 62.622.250 лицъ, соединенныхъ въ одинъ государственный организмъ?

Въ умственномъ отношеніи объединяющее значеніе имѣютъ тѣ многочисленные наставники и наставницы, которые воспитываютъ молодое населеніе Союза въ однородныхъ воззрѣніяхъ, такъ какъ контингентъ этихъ наставниковъ и наставницъ получается главнымъ образомъ изъ штатовъ Новой Англіи. Въ отношеніи умственномъ единство воззрѣній, соединяющее персоналъ преподавателей, уроженцевъ одной мѣстности, скрѣпляетъ разнообразное населеніе Америки общностью въ направленіи и руководствѣ умственнаго развитія наростающихъ молодыхъ слоевъ общества.

Въ отношеніи промышленномъ и торговомъ населеніе Америки находится подъ воздѣйствіемъ объединяющаго начала руководителей обширными предпріятіями. Громадныя богатства Америки, земельная и промышленная собственность въ которой равняется 320 милліардамъ франковъ, распредѣлена въ половинѣ своей только между 25.000 лицами. Они руководятъ промышленною и торговою жизнью страны, управленіе которою въ этомъ отношеніи централизовано въ *Empire City*, въ Нью-Іоркѣ. Американскій писатель Брайсъ (Bryce) указалъ на автократическій характеръ промышленныхъ товариществъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Представители такихъ товариществъ имѣютъ болѣе дѣйствительной власти надъ населеніемъ страны, нежели политическіе представители этого населенія, депутаты, сенаторы. „Монархія исключена изъ государства, но она возобновляется въ промышленности и финансахъ", цитируетъ въ своей книгѣ Элизѐ Реклю мнѣніе американскаго писателя Брайса. [1]

Надъ указанными факторами, объединяющими разноплеменное населеніе Америки, въ единый государственный организмъ, возвышается власть представителя этого объединеннаго населенія— президента Штатовъ.

Президентъ избирается. По мысли составителей закона 1787 года избраніе президента должно быть независимо отъ борьбы партій. Для этого выборы установлены были въ двухъ степеняхъ, вдали отъ народнаго возбужденія, черезъ выборщиковъ, которые сами избирались изъ лицъ независимыхъ отъ всякихъ

---

[1] Élisée Reclus, les Etats-Unis, стр. 756. Bryce, The American Commonwealth.

правительственныхъ вліяній, не состоящихъ ни членами конгресса, ни должностными лицами. „Выбранные за ихъ личныя заслуги, они должны были равно избирать президента за его умъ и добродѣтель.“ [1] Но, замѣчаетъ Элизѐ Реклю, „граждане, признанные всѣми за лучшихъ, тѣ, которыми республика имѣла всего болѣе основанія гордиться,—всегда были отстраняемы.“ [2]

Въ дѣйствительности избраніе президента Соединенныхъ Штатовъ происходитъ далеко не такъ, какъ имѣли въ виду узаконить порядокъ его выбора составители закона 1787 года. Выборщики, которые должны произвести избраніе президента, избираются населеніемъ, которое обязываетъ ихъ „повелительнымъ полномочіемъ“ (mandat imperatif) подать голосъ за извѣстнаго кандидата на должность президента Штатовъ. Очевидно, что такимъ образомъ избраніе президента совершается непосредственно населеніемъ Союза, такъ какъ выборщики обратились въ послушное орудіе въ его рукахъ; теперь нѣтъ болѣе системы голосованія въ двухъ степеняхъ, сперва избраніе выборщиковъ, которые самостоятельно выбирали бы президента. Въ настоящее время усилія политикановъ направлены къ тому, чтобы пріобрѣсти голоса толпы. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ кандидаты на должность президента и его сторонники ѣздятъ по странѣ, склоняя населеніе въ свою пользу. Газеты возникаютъ сотнями. Въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ совершаются днемъ и ночью торжественныя шествія со знаменами и факелами. Избиратели собираются на торжественные банкеты. Напитки и деньги широко текутъ для пріобрѣтенія голосовъ и избирательной поддержки. „Въ избирательный періодъ сумма денегъ, перемѣщающаяся изъ рукъ въ руки, достигаетъ нѣсколькихъ сотъ милліоновъ франковъ.“

Избранный, такимъ образомъ, глава государственной власти, президентъ Соединенныхъ Штатовъ, пользуется огромными полномочіями и дѣйствительнымъ вліяніемъ на дѣла въ Союзѣ.

„Прерогативы президента громадны. Онъ не пользуется титуломъ, но имѣетъ болѣе власти, нежели конституціонный монархъ въ Европѣ. Онъ распоряжается сухопутными и морскими военными силами, подписываетъ трактаты, по выслушаніи мнѣнія и съ согласія сената, представленнаго двумя третями своихъ чле-

---

[1] Élisée Reclus, ib., стр. 801.

[2] Élisée Reclus, ib., стр. 802.

[3] Élisée Reclus, les Etats-Unis, стр. 801.

новъ, назначаетъ пословъ и консуловъ, равно судей высшаго суда и другихъ главныхъ должностныхъ лицъ въ государствѣ, также по соглашенію съ сенатомъ, располагаетъ цѣлыми рядами мелкихъ чиновниковъ, составляющихъ дѣйствительную армію, [1] созываетъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ палаты и долженъ наблюдать за точнымъ соблюденіемъ законовъ. Сверхъ этого президентъ располагаетъ правомъ veto относительно постановленій, принятыхъ конгрессомъ, и эти постановленія, вновь внесенныя, могутъ вступить въ силу тогда только, когда будутъ приняты большинствомъ двухъ третей въ каждой палатѣ. Во время войны за освобожденіе рабовъ Линкольнъ получилъ отъ конгресса такую власть, что могъ дѣйствовать, какъ диктаторъ, и никто не оспаривалъ его права, какъ неограниченнаго повелителя, провозгласить освобожденіе рабовъ въ возмутившихся штатахъ. Министры не указываются косвенно президенту, какъ въ государствахъ Западной Европы, партіями, которыя одержатъ преобладаніе въ конгрессѣ. Глава республики въ правѣ выбирать министровъ, гдѣ захочетъ, даже среди лицъ, никогда не участвовавшихъ ни въ какомъ законодательномъ собраніи. Разъ они назначены президентомъ съ почти обязательнаго согласія со стороны сената, министры не отвѣтственны предъ конгрессомъ, хотя бы ихъ подвергали порицанію въ каждомъ засѣданіи палаты, они все-таки сохраняютъ министерскіе портфели. Независимые отъ конгресса, въ которомъ они не занимаютъ мѣста и съ которымъ не сносятся непосредственно, они имѣютъ дѣло только съ президентомъ, подобно министрамъ султана или царя. Поэтому вся отвѣтственность за политическія дѣйствія падаетъ на главу государства, которому приписывается изданіе приказовъ для руководства своихъ подчиненныхъ. Дѣйствительно, конгрессъ можетъ привлечь президента къ отвѣтственности „за измѣну, подкупъ и другія преступленія". Въ теченіе ста лѣтъ, что существуетъ исторія Соединенныхъ Штатовъ, только одинъ президентъ Андрю Джонсонъ былъ привлеченъ въ 1868 году къ отвѣтственности, но такъ какъ не составилось требуемаго конституціей большинства двухъ третей голосовъ, то онъ былъ оправданъ." [2]

---

[1] При вступленіи въ должность, настоящій президентъ сдѣлалъ 35.860 назначеній чиновниковъ.

[2] Élisée Reclu, les Etats Unis, стр. 802—803.

Изъ приведенныхъ отрывковъ можно себѣ составить понятіе о всестороннемъ изученіи въ новой книгѣ Элизѐ Реклю характера мѣстности, свойства населенія и организаціи государственной власти въ той оригинальной странѣ Соединенныхъ Штатовъ, которую ея поэтъ Вальтъ Вюитманъ образно и горделиво называетъ *демократіей атлетовъ*.

А. Борзенко.

А. С. Іонинъ. *По Южной Америкѣ.* Въ 2-хъ томахъ, 292+462 стр. 8°. С.-Петербургъ 1892 г. Цѣна 4 р.

Это живой разсказъ о видѣнномъ и слышанномъ въ странахъ Южной Америки, обратившихъ на себя общее вниманіе въ послѣднее время: Южной Бразиліи, Аргентинской республики и Парагвая. Авторъ не претендуетъ на ученость и притомъ избѣжалъ недостатка, нерѣдкаго въ отчетахъ о путешествіяхъ по дальнимъ странамъ, столь обычныхъ въ подобныхъ книгахъ, не выставляетъ себя героемъ и не преувеличиваетъ трудностей своего путешествія. Познакомимся же въ главныхъ чертахъ съ этою книгой и съ тѣмъ, что̀ видѣлъ авторъ.

Разсказъ начинается съ отъѣзда изъ Ріо-Жанеро, столицы Бразиліи, на югъ этой страны. Здѣсь приведемъ мастерскую характеристику природы страны вдоль восточнаго берега Бразиліи. Видно, что авторъ не только бѣгло познакомился съ этою природой, но долго жилъ здѣсь.

Природа красивая, но не гостепріимная. Вѣчная сырость воздуха, могучая растительность, съ которою трудно бороться, все это дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на человѣка, особенно Европейца. Кто не восхищался великолѣпною страной залива Ріо-де-Жанейро, но немногіе желали бы жить тамъ.

Первая остановка г. Іонина была въ городѣ Сантосъ, главномъ портѣ Южной Бразиліи, вывозящемъ большое количество кофе. Непривлекателенъ городъ и тяжела жизнь въ сыромъ, душномъ воздухѣ, да къ тому еще здѣсь одно изъ главныхъ гнѣздъ желтой горячки, особенно опасной для сѣверныхъ Европейцевъ; но нажива все превозмогаетъ, про Сантосъ говорятъ, что торговля здѣсь болѣе гамбургская, чѣмъ въ самомъ Гамбургѣ, то-есть всѣ крупныя фирмы въ рукахъ уроженцевъ этого ганзейскаго города, которые въ послѣднее время все болѣе и болѣе стали оттѣснять

въ Бразиліи Французовъ и Англичанъ. Лишь самыя крупныя предпріятія, особенно желѣзныя дороги, остались въ рукахъ послѣднихъ.

Затѣмъ авторъ отправился далѣе на югъ, въ портовый городъ Паранагву и отсюда поѣхалъ съ экскурсіей директоровъ желѣзной дороги, сенаторовъ и депутатовъ на открытіе линіи, ведущей въ Коретибу. Здѣсь мы опять встрѣчаемъ превосходныя описанія природы на крутомъ склонѣ горы, по которой вьется желѣзная дорога, со всѣхъ сторонъ окруженная роскошнѣйшею тропическою растительностью. Затѣмъ перевалъ и совсѣмъ иная природа: „на востокѣ горы, по которымъ мы поднялись, круто спускаются къ морю, и вода сбѣгаетъ по нимъ каскадами; на западъ земля полога и, едва замѣтно спускаясь, образуетъ плоскость чуть-чуть холмистую. Высота здѣсь 1.050 метровъ, то-есть около 3.500 футовъ надъ моремъ... Не одну воду раздѣляетъ этотъ хребетъ: онъ какъ ножомъ обрѣзываетъ тропическую растительность. На самомъ гребнѣ хребта, безо всякаго перерыва, безъ малѣйшей прогалины или просвѣта, раздѣляются два лѣса, двѣ природы, совершенно другъ на друга непохожія.

„Тропическій непроницаемый лѣсъ со своими паразитами и ліанами карабкается отъ моря до самаго гребня и подъ конецъ переходитъ въ сплошной лѣсъ однѣхъ только пальмъ. Вдругъ пальмовый лѣсъ прекращается, точно наталкивается на лѣсъ араокарій, то-есть на лѣсъ бразильскихъ сосенъ; сталкиваются эти два лѣса такъ, что ни одна араокарія не забѣжала за восточный склонъ, не затерялась между пальмами, и ни одна пальма не забѣжала въ лѣсъ араокарій, а между тѣмъ пустаго пространства между ними нѣтъ. Точно двѣ партіи одинакой силы столкнулись и остановились вдругъ, не вступая въ рукопашную. Это одинъ изъ самыхъ поразительныхъ, наглядныхъ примѣровъ дѣйствія различныхъ слоевъ воздуха, какой гдѣ-либо можно встрѣтить.“ [1]

Приведемъ еще характеристики Южной Бразиліи, ея жителей и порядковъ, разсѣянныя въ нѣсколькихъ мѣстахъ разсматриваемой книги. Бразильцы очевидно не пользуются симпатіями автора, въ чемъ онъ, впрочемъ, сходится чуть ли не со всѣми путешественниками по этой странѣ. Причинъ на это много, и онѣ довольно вѣски. Уже внѣшній видъ Бразильцевъ не распо-

---

[1] Томъ I, стр. 61.

лагаетъ въ ихъ пользу, и Португальцы въ этомъ отношеніи довольно неблагопріятно отличаются отъ Испанцевъ. Несомнѣнна примѣсь семитической крови, а въ низшихъ классахъ даже и негритянской. Переселившись въ Америку, Португальцы образовали еще болѣе смѣшанное племя нынѣшнихъ Бразильцевъ, въ которыхъ несомнѣнно довольно велика примѣсь крови туземцевъ (Индѣйцевъ) и негровъ. Результатъ этой помѣси вышелъ довольно неудаченъ, и кромѣ того непріятно дѣйствуетъ привычка Бразильцевъ носить исключительно черное сукно, столь несвойственное тропическому климату. Всякій, кто себя причисляетъ къ туземной аристократіи или буржуазіи, непремѣнно слѣдуетъ этой модѣ, а свѣтлая одежда и соломенная шляпа считаются позволительными только для негра и туриста. Даже Европеецъ, живущій долго въ странѣ и имѣющій дѣла съ ея жителями, долженъ подчиняться общему шаблону.

Гораздо серьезнѣе другое обстоятельство—чрезвычайно зависимое и подчиненное положеніе женщины, необычайно малое ея значеніе въ бразильскомъ обществѣ. Въ этомъ отношеніи различіе Бразиліи отъ сосѣднихъ Испано-Американскихъ республикъ необычайно рѣзко и, вмѣстѣ съ красотой женщинъ въ послѣднихъ странахъ, подкупаетъ въ ихъ пользу. Почему именно въ Бразиліи условія сложились такимъ образомъ, вполнѣ еще не разяснено, но авторъ думаетъ, что это отчасти наслѣдіе Арабовъ, но, главнымъ образомъ, зависитъ отъ прежней жизни Бразильцевъ на отдаленныхъ плантаціяхъ, среди тропическихъ лѣсовъ, и отъ вліянія рабства. Долгое время португальскія женщины совсѣмъ не пріѣзжали въ Бразилію, и ея жители привыкли смотрѣть на женщину какъ на наложницу или служанку, а не на подругу. При отсутствіи рѣзкой границы между бѣлымъ и цвѣтнымъ населеніемъ, какое существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, обычаи первыхъ временъ колонизаціи были перенесены на всю страну. Исключеніе составлялъ лишь самый высшій кругъ столицы подъ вліяніемъ двора и частыхъ посѣщеній Европы.

До 1889 года Бразилія не знала военныхъ революцій, обычныхъ въ сосѣднихъ республикахъ, но за то въ ней гораздо болѣе развилась бюрократія малодѣятельная и испорченная. Она имѣла очень вредное вліяніе на страну; ей же авторъ приписываетъ большую долю неудачъ колонизаціи Бразиліи. Бразильское правительство уже давно сознавало необходимость привлеченія колонистовъ и тратило много денегъ на колонизацію. Однако за

исключеніемъ самой южной провинціи—Ріо-Грандо де Суль—всѣ эти попытки были неудачны. Чиновники не знали къ кому обратиться для привлеченія дѣльныхъ колонистовъ, и обыкновенно агентами бразильскаго правительства въ Европѣ являлись Евреи факторы самаго низшаго сорта, въ родѣ тѣхъ, которые фигурировали въ громкомъ австрійскомъ процессѣ въ Вадовицѣ въ Галиціи, или тѣхъ, которые увѣряли нашихъ Поляковъ, что ихъ переселеніе особенно желательно папѣ, и что Бразилія находится въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Рима, такъ что слышенъ колокольный звонъ собора Св. Петра. Получивъ съ бразильскаго правительства премію по стольку-то „съ головы" колониста и взявъ съ послѣдняго возможно дороже за проѣздъ, агенты болѣе ни о чемъ не заботились. Пріѣхавъ въ Бразилію, колонистъ попадалъ въ руки чиновниковъ, начинались безконечныя отписки и вымогательства, наконецъ, и что̀ особенно важно, колонистовъ почти всегда селили въ тропическомъ климатѣ, гдѣ все было имъ чуждо, и болѣзни уносили очень многихъ. Каково было при этихъ условіяхъ невѣжественнымъ Полякамъ, вѣрившимъ въ близость Бразиліи отъ Рима, когда такіе толковые и разсчетливые люди, какъ менониты изъ южной Россіи, переселившись въ Бразилію съ деньгами, прожили 2 года и выѣхали оттуда обобранные что называется до нитки. Приведемъ слова автора: „Эта такъ называемая русская колонизація стоила правительству большихъ денегъ и большаго сраму. И дѣйствительно это на долгіе годы совсѣмъ охладило къ Бразиліи особенно нѣмецкихъ эмигрантовъ; но для менонитовъ эта исторія только въ пользу. Въ Аргентинской республикѣ они нашли гораздо болѣе земли, несравненно болѣе удобствъ и менѣе чиновниковъ. Тамъ они устроились тотчасъ же и находятся въ блестящемъ положеніи. Съ 40 годовъ правительство истратило на колоніи болѣе 50 милліоновъ франковъ и получило на эту сумму не болѣе 6—7 тысячъ колонистовъ, живущихъ изо дня въ день. Не одно казнокрадство и чиновничество виновато въ этомъ случаѣ въ Бразиліи. Самый характеръ народа враждебенъ чужимъ элементамъ. Бразилецъ по природѣ терпѣть не можетъ иностранца; онъ въ сущности атеистъ, но съ ненавистью по традиціи смотритъ на всякаго, кто не католикъ, и притомъ до крайности самонадѣянъ. Поэтому эмигранты встрѣчаютъ на мѣстѣ огромное количество необразованныхъ, но грубыхъ и самонадѣянныхъ опекуновъ, подъ администраціей которыхъ имъ приходится очень тяжело."

Затѣмъ идетъ описаніе путешествія по самой южной провинціи Бразиліи — Ріо-Гранде де Суль; отсюда онъ проѣхалъ довольно необычнымъ способомъ, т.-е. сухимъ путемъ въ Монтевидео, главный городъ Уругвая.

Южная провинція Бразиліи составляетъ переходъ къ иной природѣ и къ иному строю жизни. Въ большей части этой провинціи уже господствуютъ степи и степное скотоводство, и подъ ихъ вліяніемъ и человѣческая жизнь пошла совсѣмъ иначе. Негры-рабы [1] и тропическое плантаторское хозяйство существовали лишь на небольшомъ пространствѣ, на сѣверо-востокѣ провинціи, а въ остальной части преобладаютъ такъ называемые „гаучо", т.-е. Индѣйцы съ небольшою примѣсью европейской крови, лихіе наѣздники, полукочевые пастухи, постоянно вооруженные арканомъ и служащіе у крупныхъ земельныхъ собственниковъ. Весьма недурно описаніе имѣнія одного Бразильца на рѣкѣ Жукуй, на самой границѣ степи. Здѣсь было еще нѣсколько рабовъ, но исключительно для домашней прислуги, но главное дѣло здѣсь состояло уже въ скотоводствѣ. „Жилья какъ негровъ, такъ и гаучосовъ выходятъ на одинъ общій дворъ, который соединяетъ эти два населенія, два соціальные слоя въ общую семью. Когда мы туда вошли, куча ребятишекъ обоихъ половъ и всевозможныхъ цвѣтовъ: красные, сѣрые, бѣлые, черные, коричневые, всѣ почти или совсѣмъ голые, весело и дружелюбно копошились, или бѣгали въ пыли; когда все это подростетъ, то тутъ же, на этомъ же дворѣ произойдутъ другія смѣшенія, которыя произведутъ еще новые оттѣнки, новыя разновидности людской породы. Женщины, тоже всѣхъ цвѣтовъ, большею частью сидѣли вокругъ двора, подъ верандой, занимаясь шитьемъ, или шелушили бобы и кукурузу; негритянки и вообще рабыни, хотя и болѣе свѣтлыхъ цвѣтовъ, и жены гаучосовъ въ пестрѣйшихъ ситцевыхъ платьяхъ, засаленныхъ и надѣтыхъ прямо на тѣло, безъ бѣлья. Между послѣдними я замѣтилъ нѣсколько даже бѣлокурыхъ, послѣдствіе близости нѣмецкихъ колоній — вотъ какъ формируются расы! Но надобно полагать, что смѣсь нѣмца съ Тупи (Индѣйцемъ) дастъ скверный продуктъ: эти дамы всѣ были весьма некрасивы, тогда какъ болѣе свѣтлаго цвѣта рабыни, смѣсь негра съ европейскою кровью, иногда бываютъ очень хороши." [2]

---

[1] Іонинъ путешествовалъ еще до отмѣны невольничества въ Бразиліи.
[2] Стр. 174.

Послѣ многихъ неудачъ, довольно юмористически описанныхъ авторомъ и знакомыхъ всѣмъ путешественникамъ по Средней и Южной Америкѣ, автору удалось добраться до городка Баже на самой границѣ Бразиліи и Уругвая. Сюда онъ добрался по желѣзной дорогѣ, исторія постройки которой довольно курьезна. По пути находятся хорошія залежи каменнаго угля, что̀ и послужило поводомъ къ постройкѣ желѣзной дороги; но однако никто не думаетъ о разработкѣ залежей и уголь преспокойно привозится изъ Англіи. Компанія желѣзной дороги, подобно другимъ въ Бразиліи, пользуется гарантіей 7% дохода, причемъ номинальный капиталъ значительно преувеличенъ, такъ какъ нужно было раздать немало даровыхъ акцій вліятельнымъ людямъ, проводившимъ дѣло: крупнымъ чиновникамъ, сенаторамъ и депутатамъ.

Изъ Баже г. Іонинъ отправился далѣе въ дилижансѣ и прекрасно описываетъ степь, ея жизнь и удалую ѣзду въ дилижансѣ безо всякой дороги; заложено въ него 9 лошадей: сзади 5, далѣе 3 и совсѣмъ впереди одна, выносная, съ лихимъ мальчикомъ-форейторомъ. На немъ лежитъ собственно вся ѣзда; онъ несется полнымъ голопомъ на 5 саженъ впереди экипажа и такъ ловко поворачиваетъ свою лошадь, что ѣзда совершенно безопасна.

Затѣмъ мы имѣемъ описаніе остановокъ на одинокихъ хуторахъ въ степи съ неизбѣжнымъ питьемъ парагвайскаго чаю (мате), столь же необходимаго сдѣшнимъ скотоводамъ, какъ кирпичный чай Монголамъ. Приведемъ еще описаніе пѣнія и пѣсенъ въ степи: „Мы сидѣли и разговаривали, какъ вдругъ послышалось негромкое пѣніе на порогѣ ранчо (хутора). Пріятный высокій теноръ началъ какую-то пѣсню. Пѣсня была очень грустная, протяжная и въ минорномъ тонѣ, съ довольно короткими куплетами; мнѣ вспомнилась и „лучинушка“ и „не бѣлы-то снѣги“... Та же восточная тема, тотъ же общестепной ритмъ и у насъ, и въ Венгріи, и въ Андалузіи, куда онъ пришелъ изъ Сахары, гдѣ онъ, видоизмѣняясь, заключился въ короткую музыкальную фразу подъ романскимъ вліяніемъ и опять расплылся, растянулся, опять перешелъ въ рѣшительный минорный тонъ, дѣлая эту фразу едва уже слышною, переплывъ черезъ Океанъ и опять попавъ въ степь, въ широкую Южно-Американскую пампу... Вездѣ, гдѣ только есть стада и степь, напѣвы, явно пришедшіе изъ Андалузіи, но только расплывшіеся въ протяжные, минорные тоны, и всѣ этого рода пѣсни называются „triste“, грустныя.

Видно вездѣ степь навѣваетъ грусть — это господствующее тамъ чувство, которое заставляетъ человѣка пѣть... У насъ, въ Венгріи, въ Испаніи, послѣ грустныхъ, плачущихъ нотъ, вдругъ гремитъ и трещитъ трепакъ, чардашъ или фандангo; и здѣсь тоже, кончивъ свою „triste", гаучо съ минуту помолчалъ и потомъ вдругъ встряхнулъ всѣмъ тѣломъ, какъ и гитарой, струны ея неистово задребезжали, покрывая трескомъ своимъ разнообразіе нотъ... Одинъ изъ моихъ спутниковъ, съ которымъ я разговаривалъ, сообщилъ мнѣ, что кромѣ этихъ пѣсенъ, называемыхъ „triste", которыя поютъ гаучо, есть еще другія подъ общимъ названіемъ „Vidalita", которыя поютъ большею частью женщины... Vidalita оказалась почти въ томъ же родѣ, какъ и triste: та же гамма, конечно, и тотъ же минорный тонъ,—только музыкальная фраза короче и яснѣе и въ концѣ каждой фразы на высокихъ нотахъ, но каждый разъ различныхъ, грустный возгласъ — „Vidalita". Слова уже почти безо всякой связи; это перечень, почти безъ глаголовъ, вещей, которыя человѣкъ видитъ въ пампѣ и только; весь смыслъ, оживляющій эти вещи и дающій имъ значеніе, заставляющій ихъ говорить, такъ-сказать заключается въ возгласѣ, въ неизмѣнномъ припѣвѣ или ritournelle, vidalita! повторяющемся иногда два раза—vidalita, просто значитъ „горе мнѣ!" или „о несчастье!"... Собственно сама Америка дальше не пойдетъ. Подъ этимъ тяжелымъ гнетомъ задохнутся и тѣ зародыши ея самобытной жизни, которые еще остались, которые составлялись изъ міросозерцанія Индѣйца и слившагося съ нимъ перваго удалаго, безшабашнаго авантюриста изъ вѣчно бродящей и поэтичной Испаніи. Я боюсь, что скоро и эти vidalita, и эти triste, стыдливо краснѣя, замолкнутъ передъ нахальными, какъ сама жидовская натура, мотивами Оффенбаха." [1]

Подъѣзжая къ Монтевидео, столицѣ Уругвая, картина степи постепенно измѣняется. Послѣ пастбищъ, покрытыхъ одними полудикими быками, идутъ пастбища съ болѣе нѣжною травой, гдѣ уже начинается овцеводство: они большею частью принадлежатъ иностранцамъ и огорожены заборами изъ проволоки. Далѣе идутъ уже поля и сады, причемъ автора поразила масса персиковыхъ деревьевъ, необычайная сила ихъ роста и превосходное качество ихъ плодовъ. Онъ замѣчаетъ, что и персики

[1] Стр. 219—221.

здѣсь и въ Южной Бразиліи, и апельсинныя деревья въ Парагваѣ, найдя новое отечество, разрослись съ такою мощью, какая неизвѣстна въ Старомъ Свѣтѣ.

Монтевидео—городъ новый, европейской постройки, что называется съ иголочки. Онъ быстро растетъ и богатѣетъ, благодаря приливу иностранцевъ, между которыми здѣсь главную роль играютъ Итальянцы. Они здѣсь съ начала 40-хъ годовъ. Во время одной изъ многочисленныхъ революцій и войны съ Бразиліей, сюда пріѣхалъ Гарибальди съ небольшою дружиной Итальянцевъ-авантюристовъ. Они приняли сторону мѣстныхъ жителей противъ Бразильцевъ, храбро дрались и проторили путь своимъ соотечественникамъ. Послѣ объединенія Италіи налоги такъ увеличились, что крестьянамъ и рабочимъ стало очень трудно жить и они толпами отправляются въ Южную Америку, иные только на заработки, а другіе переселяются совсѣмъ.

Уругвай, классическая страна военныхъ революцій (pronunciamento), причемъ происходитъ постоянная борьба двухъ партій: бѣлыхъ (blancos) и красныхъ (colorados). Въ прежнее время первая партія состояла изъ горожанъ, вторая изъ степняковъ (гаучо); но теперь все это перемѣшалось и все дѣло сводится на личные интересы вожаковъ, причемъ штатскіе люди не участвуютъ въ революціяхъ, а производитъ ихъ исключительно войско, котораго всего четыре тысячи, и оно имѣетъ совершенно видъ опереточнаго войска, а генераловъ нѣсколько десятковъ. Адвокаты и другіе воротилы политики подкупаютъ войско, производятъ революцію и водворяютъ президента, непремѣнно генерала изъ своихъ приверженцевъ, а сами получаютъ должности съ жирными окладами, подряды, поставки и иныя блага жизни.

Лаплатой называется, какъ извѣстно, широкое взморье, куда изливается нѣсколько большихъ рѣкъ Южной Америки. На лѣвомъ берегу находится Монтевидео, на правомъ его счастливый соперникъ—Буэносъ-Айресъ, столица Аргентинской республики, съ 560.000 жителей. Пріѣзжаго здѣсь поражаетъ прежде всего необычайное оживленіе порта и его крайнее неудобство; подобно нашимъ портамъ Азовскаго моря, здѣсь приходится разгружать товары въ телѣги, ѣдущія версты двѣ по мелкой водѣ.

Пріѣхавъ сюда въ самый разгаръ отчаянной спекуляціи и прилива европейскихъ милліоновъ, авторъ былъ пораженъ роскошью, бьющею въ глаза вездѣ и всюду, роскошью новою, показною, видимымъ стремленіемъ всѣхъ жить, что называется, во

всю, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Въ загородномъ саду Палермо, мѣстѣ прогулки богачей, встрѣчаются такіе экипажи и въ такомъ количествѣ, что подобнаго не увидишь даже въ Булонскомъ лѣсу въ Парижѣ; ихъ бываетъ здѣсь до 500, и не только извощичій экипажъ, но даже не совсѣмъ элегантный собственный, не смѣетъ сюда показаться. „Эта выставка аргентинскихъ милліоновъ, аргентинскихъ красавицъ, европейскихъ набабовъ и туалетовъ отъ Ворта и иныхъ. Я имѣлъ удовольствіе видѣть здѣсь нѣсколько паръ русскихъ великолѣпныхъ рысаковъ, высшій шикъ здѣшняго капиталиста, и платятъ за этихъ рысаковъ бѣшеныя деньги. Здѣсь ихъ стараются пріобрѣсти не только для экипажей, но и для заводовъ“, замѣчаетъ авторъ. Онъ нашелъ, кромѣ того, большое требованіе на золотыя и серебряныя издѣлія нашихъ извѣстныхъ фабрикантовъ, которые могли бы сдѣлать отличныя дѣла, еслибы были предпріимчивѣе. Дорогія золотыя и серебряныя вещи имѣютъ здѣсь особое примѣненіе, такъ какъ здѣсь, какъ и въ Парижѣ, принято давать подарки знакомымъ въ новый годъ, и очень цѣнныя вещи преподносятся нужнымъ и вліятельнымъ людямъ, до президента включительно, которымъ неловко просто дать взятку.

Автору приходится дать краткій очеркъ исторіи страны. Испанцы завоевали ее уже очень давно, но такъ какъ здѣсь не было благородныхъ металловъ, то она долгое время пустовала и пріобрѣла цѣнность только тогда, когда здѣсь распространились полудикій рогатый скотъ и лошади; ихъ ввезли въ Южную Америку іезуиты въ свои парагвайскія поселенія. Впослѣдствіи часть этихъ поселеній была завоевана испанскими и португальскими авантюристами, и скотъ разбѣжался по всей степи, быстро размножаясь въ новыхъ условіяхъ. За скотомъ въ степь проникли Индѣйцы разныхъ племенъ, сдѣлавшіеся лихими наѣздниками, *гаучо;* за Индѣйцами пришли и испанскіе авантюристы, которыхъ испанскіе короли щедро жаловали обширными землями. Конныхъ Индѣйцевъ и полу-Индѣйцевъ, ловко владѣвшихъ арканомъ (lasso) и металлическими шарами (bolas), нельзя было обратить въ рабство; но они оказались превосходными пастухами для полудикаго скота. Установились пріемы и обычаи скотоводства, сохранившіеся до сихъ поръ въ степи вездѣ, куда не проникли еще Европейцы со своимъ овцеводствомъ и земледѣліемъ. Конные пастухи караулятъ скотъ, мѣтятъ его тавромъ владѣльца, которое извѣстно въ окрестной странѣ, и затѣмъ гонятъ на продажу.

Послѣ отдѣленія отъ Испаніи въ Аргентинской республикѣ существовалъ лишь одинъ значительный городъ, Буэносъ-Айресъ, вывозившій исключительно сало и кожи. Между городскими жителями (Portenos) и степняками-скотоводами возникла борьба. Первые были уніонистами, то-есть стояли за централизованное правительство, а вторые—федералистами, стоявшими за широкую автономію отдѣльныхъ провинцій, дававшую имъ вліяніе на мѣстахъ. Начались междоусобія, и порядокъ былъ впервые водворенъ главой федералистовъ, генераломъ Розасомъ, послѣ страшнаго кровопролитія: онъ казнилъ по суду и безъ суда до 22.000 человѣкъ, и это въ странѣ далеко не имѣвшей милліона жителей. Розасъ былъ свергнутъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, причемъ въ дѣла Аргентинской республики вмѣшались Англія и Франція и заставили признать свободу плаванія судовъ всѣхъ націй по большимъ рѣкамъ: Паранѣ, Парагваю и Уругваю, но много лѣтъ еще страна мало подвигалась и все еще вывозила только сало и кожи. Рѣшительный поворотъ въ ея судьбѣ произвела война съ Парагваемъ, предпринятая Аргентинскою республикой вмѣстѣ съ Бразиліей. Послѣдней война съ Парагваемъ стоила огромныхъ жертвъ людьми и деньгами, а Аргентинцы устроились гораздо практичнѣе; въ войнѣ они принимали мало участія, а подъ конецъ и совсѣмъ отозвали свои войска, а выгодъ отъ нея получили много. Бразильцамъ пришлось воевать внутри Южной Америки, болѣе чѣмъ въ 1.000 верстахъ отъ моря, и все необходимое для войска провозить по рѣкѣ Паранѣ, то-есть черезъ Аргентинскую республику. Потребности большой арміи вызвали земледѣліе и огородничество, привлекли толковыхъ, работящихъ европейскихъ поселенцевъ, которые, ознакомившись со страной, вызвали сюда своихъ соотечественниковъ. Мѣстность вокругъ Буэносъ-Айреса и вверхъ по Паранѣ оказалась чрезвычайно удобною для земледѣлія и стала быстро заселяться. Присутствіе иностранцевъ, людей мирныхъ и спокойныхъ, и оживленіе страны повело къ прекращенію междуусобій. Крупные земельные собственники нашли, что имъ гораздо выгоднѣе сблизиться съ правительствомъ и продать свои бездоходныя земли иностранцамъ, вмѣсто того, чтобы вооружить своихъ пастуховъ и производить революціи. Въ восьмидесятыхъ годахъ въ Англіи и Франціи пошла мода на Аргентинію; займы правительства и городовъ, акціи желѣзныхъ дорогъ и банковъ, земли—все пошло въ гору.

Власть президента усилилась до небывалой степени: всѣмъ

нужно было содѣйствіе правительства для равныхъ спекуляцій. Особенное развитіе получили спекуляціи на земли. Ловкіе люди, владѣвшіе мѣстами, хоть сколько-нибудь пригодными для городскихъ поселеній, стали хлопотать о разрѣшеніи основывать города буквально на бумагѣ. Прежде всего чертились красивые планы, съ показаніемъ долинъ, площадей и д. т. Затѣмъ городскія мѣста разбивались въ натурѣ и закладывались въ банкахъ, а затѣмъ начинались фиктивные аукціоны, гнавшіе цѣны въ гору, пока не находились дѣйствительные покупатели за дорогую цѣну, обыкновенно иностранцы. Рядомъ съ этими дутыми предпріятіями были продажи земель и по болѣе дешевымъ цѣнамъ, и на этихъ земляхъ поселялись тоже иностранцы. Дѣло завершилось постройкой города Лаплата на пустырѣ. Дѣло въ томъ, что столица, она же и главный городъ богатой провинціи—Буэносъ-Айресъ, имѣла слишкомъ большое вліяніе на дѣла, и провинція согласилась предоставить столицу государству и выстроить главный городъ провинціи Лаплату сто верстъ ниже по теченію рѣки. Разбили городъ на землѣ, принадлежавшей нѣкоему г. Пацу, губернатору провинціи. На землѣ пока пасутся быки, но онъ уже заложилъ ее на десятки милліоновъ въ банкахъ, которыхъ состоитъ директоромъ, опредѣливъ будущему городу размѣры, достаточные для 300.000 жителей. Начали съ займа во сто милліоновъ франковъ для устройства порта, затѣмъ построили монументальныя общественныя зданія и устроили электрическое освѣщеніе. Кромѣ того, было только нѣсколько лачугъ, когда г. Іонинъ посѣтилъ городъ. Ему сказали, что провинціальная администрація уже собирается въ своемъ новомъ дворцѣ, но на вопросъ, гдѣ же ночуютъ чиновники, отвѣчали „въ Буэносъ-Айресѣ, вѣдь туда только три часа ѣзды“.

Дальновидные люди уже давно предвидѣли кризисъ, банкротство банковъ и другихъ предпріятій, но говорили, что отъ этого разоряются банки и дѣльцы, но страна не пострадаетъ, напротивъ, необходимое ей иностранное земледѣльческое населеніе еще охотнѣе поѣдетъ сюда, когда земли будутъ дешевле.

Изъ иностранцевъ здѣсь получили особое значеніе Итальянцы, и г. Іонинъ насчитывалъ ихъ до милліона, то-есть болѣе четверти населенія. Они занимаются всѣмъ, чѣмъ угодно, лишь бы заработать деньги, и стали внушать мѣстнымъ политикамъ серьезныя опасенія. Объ ограниченіи прилива иностранцевъ нечего и думать, безъ нихъ страна не обойдется, они стараются привле-

кать иностранцевъ другихъ національностей, особенно Нѣмцевъ, надѣясь парализовать одну національность другою.

Теперь въ странѣ установилось такое распредѣленіе занятій: туземцы—военные, политиканы, адвокаты, поземельные собственники, стремящіеся повыгоднѣе сбыть свои земли и пастухи. Въ рукахъ иностранцевъ—торговля, земледѣліе, огородничество и овцеводство.

По мнѣнію г. Іонина, туземцамъ было бы совсѣмъ плохо, еслибы не женщины и не испанскій языкъ. Женщины чистой испанской крови очень красивы и привлекательны, между иностранцами преобладаетъ холостая молодежь, они часто женятся на туземкахъ и даже считаютъ себя Аргентинцами. Красивый и благозвучный испанскій языкъ легко усваивается иностранцами и сближаетъ ихъ съ туземнымъ населеніемъ.

Изъ Буэносъ-Айреса г. Іонинъ поѣхалъ вверхъ по рѣкамъ Паранѣ и Парагваю въ республику Парагвай. Путь его, съ остановками, шелъ по быстро преуспѣвающимъ областямъ Аргентинской республики. Онъ могъ убѣдиться въ томъ, что условія очень благопріятны для воздѣлыванія зерновыхъ хлѣбовъ и люди умѣютъ ими пользоваться. Въ странѣ распространены хорошія земледѣльческія орудія, превосходныя приспособленія для нагрузки зерна, а желѣзныя дороги, рѣки и моря даютъ дешевый провозъ до европейскихъ портовъ. Лѣтъ черезъ 10—20 эта страна будетъ серьезно конкуррировать съ нами въ снабженіи Западной Европы зерновымъ хлѣбомъ.

При описаніи своего путешествія по Парагваю, г. Іонину опять приходится описывать природу, очень красивую и привлекательную, но не подавляющую, какъ на восточномъ берегу Бразиліи. Онъ упоминаетъ, между прочимъ, о настоящихъ лѣсахъ апельсиновыхъ деревьевъ. Къ тому же климатъ Парагвая здоровъ, лихорадки рѣдки и незлокачественны. Природа здѣсь очень многое даетъ человѣку и онъ, было, началъ здѣсь устраиваться, но страшная война съ Бразиліей и Аргентиной 1865—1871 годовъ опустошила ее. Послѣ отчаяннаго сопротивленія одолѣли сильные сосѣди, 9/10 взрослыхъ мужчинъ погибло на войнѣ или отъ голода и болѣзней, и даже теперь взрослыхъ женщинъ приходится 5 на 1 мужчину. Онѣ однѣ работаютъ и торгуютъ. И описанія рынка въ гор. Асунціонъ (столицѣ), [1] и нагрузки апельсиновъ въ

[1] Т. II, стр. 344.

гор. Вильста—[1] мастерскія жанровыя картинки. По словамъ автора, женщины преобладаютъ нетолько численно, онѣ сильнѣе и здоровѣе мужчинъ, послѣдніе нездѣ показались ему тщедушными. При такихъ условіяхъ о нравственности въ такомъ смыслѣ нѣтъ и рѣчи и молодымъ мужчинамъ, особенно бѣлымъ иностранцамъ, не очень взыскательнымъ, полное раздолье.

Правительство и частныя лица начинаютъ привлекать колонистовъ, но дѣло идетъ туго, несмотря на превосходныя естественныя условія. Страна отдалена отъ рынковъ и переселенцевъ еще мало, а потому всѣ условія для нихъ еще не такъ налажены, какъ въ Аргентинской республикѣ.

А. Воейковъ.

---

[1] Т. II, стр. 412.

Кн. Э. Ухтомскій. *Отъ Калмыцкой степи до Бухары.* Спб. 1891.

Нечего говорить, сколь важнымъ событіемъ было проведеніе Закаспійской дороги,—важнымъ и въ политическомъ, и въ культурномъ, и въ торговомъ отношеніи; нечего прибавлять также, какой техническій интересъ, даже и для неспеціалиста, имѣетъ этотъ рельсовый путь, идущій на 1.300 слишкомъ верстъ, изъ коихъ сотни верстъ по безводной, голой степи и сыпучимъ передвигающимся пескамъ, — путь, пересѣкающій Аму-Дарью по длиннѣйшему въ мірѣ мосту, — и т. д., и т. д. Но еще поразительнѣе, можетъ-быть, тѣ историческія чудеса, о которыхъ почти впервые услыхали мы послѣ того, какъ они стали доступными для всѣхъ: Аннау, Мервъ, Бухара, Самаркандъ. Всякое описаніе, поэтому, Закаспійской дороги не можетъ не интересовать каждаго образованнаго Русскаго, особливо, когда оно сдѣлано опытною рукой и является плодомъ не поверхностныхъ замѣтокъ, а серьезнаго знакомства. А таково именно описаніе кн. Ухтомскаго.

Авторъ хорошо знаетъ Азію, ея бытъ, ея исторію; онъ бывалъ тамъ, куда рѣдко ступала нога Европейца,—въ бурятскихъ кочевьяхъ и дацанахъ, проѣхалъ отъ Кяхты до Пекина (стр. 181—182). Къ тому же онъ — поэтъ; въ наши Среднеазіатскія владѣнія онъ ѣхалъ съ цѣлью собрать поэтическій матеріалъ (введеніе). Все это дало ему силу написать не только основательную, но и поэтическую книгу о томъ, что̀ онъ видѣлъ по пути *отъ Калмыцкой степи до Бухары.*

Онъ не ограничивается сообщеніемъ различныхъ свѣдѣній, а рисуетъ цѣлыя картины, вызываетъ „тѣни минувшаго“. „Открываются ворота во дворцѣ намѣстника. Сперва ведутъ быковъ, предназначенныхъ на закланіе богамъ; за ними слѣдуютъ бѣлыя лошади и колесница Ормузда, потомъ еще повозка съ пурпур-

нымъ убранствомъ коней" (стр. 111). Такъ своеобразно начинается разсказъ о послѣднемъ, роковомъ походѣ Кира. А дальше возстаютъ предъ читателемъ живые образы и Птоломея Эвергета, и Фраата, сына Митридатова, и Эздерджида, и многихъ другихъ. Все это картинно, ярко,—и, если что можно замѣтить, такъ это то, что такое отношеніе предполагаетъ въ читателѣ уже знакомство съ исторіей,—ибо кто такое Фраатъ, кто такое Эздерджидъ? Не многимъ, вѣроятно, они извѣстны. Впрочемъ, разъ, хотя въ такихъ очеркахъ, познакомившись съ исторіей тѣхъ мѣстъ, нельзя уже не заинтересоваться ею глубже, — такъ сказочно-удивительна эта исторія! Мервъ, напримѣръ, теперь—голыя развалины среди безбрежнаго моря сыпучихъ песковъ. А между тѣмъ, онъ долго былъ средоточіемъ самой высокой образованности. Настоящія развалины хранятъ подъ собой еще два города—двѣ исторіи. Первый изъ погребенныхъ городовъ, по преданію туземцевъ, основанъ самимъ Александромъ Великимъ—то городъ Искандера; по мнѣнію ученыхъ, честь его основанія принадлежитъ Антіоху Сотеру. Какъ бы то ни было, въ дикой нынѣ пустынѣ историческая жизнь била ключомъ уже двѣ слишкомъ тысячи тому назадъ. Средній городъ, городъ Персовъ, основанный въ III вѣкѣ, имѣвшій каѳедру Несторіанскаго архіепископа,—въ VIII вѣкѣ перешелъ во власть Арабовъ и сдѣлался центромъ мусульманскаго просвѣщенія въ Азіи. Ураганъ, пронесшійся надъ Азіей при Чингисъ-ханѣ, не пощадилъ Мерва; городъ былъ разрушенъ, и всѣ его жители —ихъ было 700.000, а иные говорятъ даже 1.300.000 — избиты; пощадили только 400 лучшихъ ремесленниковъ и художниковъ, которыхъ отослали въ Чингисову монгольскую столицу Кара-Корумъ (стр. 152). Къ этому среднему періоду жизни Мерва относится и знаменитая Мургабская плотина, до сихъ поръ сохранившаяся, хотя сильно попорченная Бухарцами. Но мало того: уже въ IX вѣкѣ въ Мервѣ существовали образцовыя больницы, тогда еще неизвѣстныя въ Европѣ, обширныя книгохранилища (стр. 150 — 151). А развалины мечети съ гробницей султана Санджэра, доселѣ, уже 700 лѣтъ, привлекаютъ вниманіе путниковъ, съ сколь различными чувствами они къ нимъ ни подходятъ (стр. 148—149). Послѣдній, третій Мервъ разрушенъ лишь въ 1795 году бухарскимъ эмиромъ Мурадомъ. Съ тѣхъ поръ онъ не могъ уже вновь возстать, и цвѣтущее царство обратилось въ безплодную пустыню. Какъ наступила эта смерть? Какимъ образомъ, съ разрушеніемъ

города, погибла и вся страна? Отвѣтъ простъ: здѣсь у человѣка есть непримиримый врагъ, который побѣдоносно настигаетъ его, лишь только человѣкъ начинаетъ вести свою съ нимъ борьбу съ меньшею энергіей. Этотъ врагъ—пески. Для того, чтобы вся эта мѣстность была обитаема, необходимо тщательно поддерживать орошеніе. А разъ некому за нимъ слѣдить, вся растительность гибнетъ, и съ сѣвера неудержимо надвигается песчаная пустыня. Въ книгѣ кн. Ухтомскаго сообщается много любопытныхъ свѣдѣній о борьбѣ съ пескомъ и безводіемъ, какъ во время постройки Закаспійской дороги, такъ и теперь, во время ея эксплуатаціи. Искусственное орошеніе есть въ тѣхъ мѣстахъ такое неизбѣжное условіе жизни, что существуетъ даже мнѣніе, будто сама Бухара лишь потому такъ легко подчинилась русскому вліянію и позволила желѣзной дорогѣ пересѣчь свою территорію, что сознаетъ, насколько въ рукахъ Россіи все ея существованіе: верховья рѣки Заравшана, на которой стоитъ Бухара, принадлежатъ Россіи. Русскіе легко могутъ, отведя воду, лишить Бухарскій оазисъ въ центральной его части орошенія и тѣмъ совершенно его уничтожить.

Но такъ ли это? Дѣйствительно ли только сила,—сила природы, сила оружія,—дѣйствительно ли только она причиной непобѣдимаго вліянія нашего въ Средней Азіи? Нашъ авторъ даетъ много матеріала къ рѣшенію этого кореннаго вопроса, хотя нельзя сказать, чтобъ онъ давалъ и самое рѣшеніе.

И, страннымъ образомъ, происходитъ это оттого именно, что онъ питаетъ столь глубокій интересъ къ изученію средне-азіатской культуры и исторіи. Обобщая свои личныя симпатіи, онъ горячо желаетъ встрѣтить его и въ русскихъ дѣятеляхъ, думая, что оно одно можетъ дать цивилизующую силу въ нашихъ молодыхъ областяхъ. „Мы еще слишкомъ мало обращаемъ вниманія на то, какова туземная культура, что̀ такое исламъ въ тамошнихъ краяхъ, чѣмъ особенно замѣчателенъ духовный строй мѣстной жизни“, жалуется онъ (стр. 159), и добавляетъ: „А безъ такого знанія, что̀ можно прочно создать, измѣняя старое, на что̀ же можно твердо уповать въ настоящемъ и будущемъ?“ Или: „Нужно прежде всего приступить къ разностороннему и крайне тщательному изученію быта и нуждъ Калмыковъ, ихъ духовнаго склада, исконныхъ обычаевъ, преданій и вѣрованій... Съ нѣкоторыми уже разработанными данными въ рукахъ можно ставить себѣ задачей опекать народъ, который считается не цивилизо-

ваннымъ. Безъ того игра не стоитъ свѣчъ... Въ настоящее время зрѣлые люди и духовныя лица (изъ Калмыковъ) недружелюбно смотрятъ даже на слабые признаки чисто-формальнаго обрусѣнія" (стр. 18).

Однако, едва ли возможно согласиться съ нимъ во всей полнотѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что знаніе вообще и знаніе Средней Азіи въ частности очень пріятно и полезно. Но, однако, можно ли приводить его въ связь съ нашимъ вліяніемъ въ Средней Азіи? Имъ ли оно обусловлено? Впрочемъ, едва ли и самъ авторъ, какъ онъ на немъ ни настаиваетъ, держится такого взгляда: наоборотъ, многочисленные факты, извѣстные ему лучше, чѣмъ кому-либо, заставляютъ его впадать въ явное съ самимъ съ собой противорѣчіе. Такъ, на пескахъ Узунъ-Ада, видя первыхъ русскихъ людей среди необозримаго моря туземцевъ, онъ съ тревогой спрашиваетъ: „Чего ждать впереди? Какъ разумно и твердо справляться съ предстоящею культурною задачей?" (стр. 45). Но въ то же время онъ не можетъ не признать быстроту развитія этого порта. „Могъ ли кто-нибудь когда-либо предполагать, спрашиваетъ онъ (стр. 46), что въ ужасающихъ прикаспійскихъ пескахъ, куда русскія войска направлялись иногда на вѣрную смерть, гдѣ война была кумпромъ,—что тамъ именно столь быстро пробьется мирная жизнь на самыхъ благихъ и возвышенныхъ началахъ? Да, *пожалуй*, мы вправду подвигаемся впередъ по Азіи, чтобы съ нами и для насъ пробуждалась новая эра." И вслѣдъ затѣмъ онъ опять начинаетъ сомнѣваться. „Но во всемъ этомъ столько безсознательныхъ порывовъ, столько издавна унаслѣдованныхъ привычекъ разрушать раньше, чѣмъ знаешь, почему и во имя чего,—что на первый взглядъ какъ-то страшно смотрѣть на совершающіяся событія, и не ждешь отъ нихъ ничего хорошаго въ будущемъ." Даже больше. Признавъ все важное значеніе Закаспійской дороги (стр. 77, 85), кн. Ухтомскій опасается, какъ бы недостатокъ въ немъ сознательности не обезсилилъ его. „Есть ли въ Русскихъ необходимая упорная энергія, чтобы творить въ Средней Азіи на подобіе цивилизованныхъ предшественниковъ? До сихъ поръ, кромѣ проведенія желѣзной дороги, мы почти ничѣмъ не доказали своихъ способностей въ желательномъ направленіи. Оттого-то развѣнчанный Мервъ и стоитъ передо мною, точно укоряющій призракъ" (стр. 115).

Конечно, если можно отвѣтить словами самого же кн. Ухтом-

скаго: „вмѣстѣ съ подчиненіемъ себѣ широко раскинувшейся рѣки (Аму-Дарьи), мы сразу доказали свое умѣніе пользоваться благами новѣйшей культуры во имя высшихъ идей, въ качествѣ Арійцевъ идти къ осуществленію задачъ будущаго, проявлять творческія способности тамъ, гдѣ до того замѣчался застой, преждевременное одряхлѣніе, первобытный порядокъ вещей. Въ отношеніи Запада вообще Русскіе во многомъ отстали, медлительнѣе развиваютъ свои силы, не всегда стоятъ на высотѣ вѣковаго историческаго призванія. Здѣсь, на Закаспійскомъ Востокѣ нынѣ наблюдается обратное явленіе: гордыя мечты соотвѣтствуютъ переживаемой дѣйствительности“ (стр. 189). Въ чемъ же дѣло? Отчего образованному и наблюдательному писателю какъ будто необъяснимыми кажутся наши успѣхи въ Азіи? Отчего, видя ихъ во-очію и признавая ихъ, онъ въ то же время находитъ, что мы тамъ дѣлаемъ что-то не то и не такъ? И, въ концѣ-концовъ, что̀ же тамъ происходитъ въ дѣйствительности? Чѣмъ обусловлена неудержимость нашего движенія въ глубь Азіи, чѣмъ обусловлена твердость, съ какою оно совершается? Кн. Ухтомскій сравниваетъ наши отношенія къ Востоку съ отношеніями нашими къ Западу. Это сравненіе какъ нельзя болѣе умѣстно и поучительно. Для удобства только надо поставить вмѣсто неопредѣленнаго выраженія „отношеніе къ Западу“ болѣе опредѣленное—„отношеніе къ западнымъ окраинамъ“, ибо тутъ именно происходитъ наше столкновеніе съ Западомъ въ ясно наблюдаемой, а потому и обсуждаемой формѣ.

Князь Ухтомскій справедливо замѣчаетъ, что дѣла обстоятъ тамъ не особенно благополучно. Но вѣдь иначе и быть не можетъ. Тамъ столкнулись двѣ цивилизаціи,—скажемъ, по меньшей мѣрѣ, равныя по качеству и различныя только по внѣшней силѣ. Право употребленія въ свою пользу этого различія, безспорно, вполнѣ законно,—но, однако, въ какихъ предѣлахъ? Намъ нужно было море, нужно было политическое измѣненіе границы; эти простыя и ясныя, какъ день, государственныя потребности и были удовлетворены государственными силами. Мы достигли моря; Польша вошла въ составъ Россіи. Но народъ, какъ сила этнографическая и культурная, въ этомъ движеніи не участвовалъ. Въ дальнѣйшемъ теченіи событія, однако, направились по иному руслу. Изъ области государственной дѣло перешло въ область культурную, и вопросъ о спокойномъ и правильномъ *соподчиненіи внѣшнемъ* нѣсколькихъ народностей, мирно другъ съ другомъ

уживающихся и другъ друга дополняющихъ,— уступилъ мѣсто вопросу о *внутреннемъ подчиненіи*. Но вѣдь сила вызываетъ сопротивленіе; этотъ физическій законъ имѣетъ полное значеніе и въ исторіи. Спѣшу пояснить: здѣсь говорится о силѣ физической, ибо какая же иная внутренняя сила могла проявить себя на западныхъ нашихъ окраинахъ? Во имя какой цивилизаціи, во имя какого гадательнаго свѣтлаго будущаго должны эти окраины отказаться отъ своего завѣдомо свѣтлаго прошлаго, отъ своего настоящаго?.. Какая логика убѣдитъ легально настроенныхъ отцовъ, что ихъ настроеніе сдѣлается еще легальнѣе, если ихъ дѣтей будутъ учить на непонятномъ языкѣ? Но этого мало. Обстоятельства въ сущности еще труднѣе, они почти неразрѣшимы, такъ какъ смѣшеніе понятій идетъ гораздо дальше. Едва ли не центральное мѣсто занялъ неожиданно, хотя и постепенно вопросъ вѣроисповѣдный. Впрочемъ, здѣсь не мѣсто для соображеній о желательномъ отношеніи вѣроисповѣданій, и мы вынуждены ограничиться замѣчаніемъ, что если вѣра дѣдовъ должна быть дорога, то вѣдь кромѣ вѣры дѣдовъ есть еще и вѣра отцовъ, и почему же она не должна вызывать той же преданности? Но на западныхъ нашихъ окраинахъ рѣчь идетъ даже не о вѣрѣ, а о различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ, и едва ли возможно съ внутренними основаніями утверждать, что изъ различныхъ христіанскихъ народовъ какой-нибудь одинъ имѣетъ, въ религіозномъ отношеніи, надъ другими особливое право превосходства. Несомнѣнно, мы должны не только желать, но и молиться объ единеніи всѣхъ, но собственноручное и предварительное исполненіе этого прошенія едва ли совмѣстимо съ другою нашею молитвой — о мирѣ всего міра. Напротивъ, если мы искренно ждемъ исполненія нашей молитвы, если мы сознаемъ, что наша культура, несмотря на очень и очень многое, развилась подъ вліяніемъ и доселѣ неразрывно связана съ вѣрой Христовой и потому вѣримъ въ торжество нашихъ культурныхъ началъ, то мы должны, сверхъ той молитвы, заботиться лишь объ одномъ, чтобы въ насъ святилось имя Божіе, чтобы нашъ народный идеалъ сталъ ясенъ всему міру, какъ христіанскій идеалъ, во всей своей полнотѣ реально осуществленный, и тогда всѣ народы ему покорятся въ союзѣ любви. Гордость же исключаетъ это осуществленіе, а внѣшнее подчиненіе противоположно подчиненію внутреннему.

Но возвратимся къ Востоку. Здѣсь мы находимся въ другомъ

положеніи. Начать съ того, что движеніе наше въ Среднюю Азію обусловливается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ непосредственными, для всѣхъ предъ нимъ отступающихъ туземцевъ понятными причинами. Потребность въ самой военной силѣ возникаетъ здѣсь тогда лишь, когда сила мирнаго вліянія оказывается недостаточною. Каждый шагъ нашъ дѣлается для защиты мирныхъ Русскихъ, живущихъ по сю сторону границы. Это такъ ясно, такъ просто, какъ нельзя быть больше. Дикіе кочевники грабятъ Русскихъ. Чтобъ оградить этихъ послѣднихъ отъ постоянной опасности, нѣтъ другаго средства, какъ прямо подчинить себѣ разбойниковъ. Счастливымъ образомъ для самихъ же подчиненныхъ, ихъ новое состояніе есть, во всякомъ случаѣ, переходъ на высшую культурную ступень. Это неизбѣжно; и на первыхъ порахъ нѣтъ вопроса объ исторической нашей задачѣ, ибо она распадается на рядъ задачъ мелкихъ, ежедневныхъ. Нѣтъ и необходимости какого-нибудь особеннаго изученія духовной жизни вновь покоряемыхъ, такъ что князь Ухтомскій напрасно указываетъ на такое изученіе западными Европейцами быта ихъ колоній. Вѣдь колонизація западная есть всегда колонизація заморская, сразу возникающее, а не постепенно расширяющееся вліяніе. Тамъ нѣтъ такой, какъ у насъ въ Азіи, полосы соприкосновенія и смѣшенія двухъ элементовъ, наступающаго, высшаго и того, который еще только долженъ ему подчиниться. Прежде чѣмъ обстоятельства вынуждаютъ насъ покорять себѣ новыя области, ихъ обитатели постепенно, начиная отъ границы, подвергаются мирному вліянію нашихъ обычаевъ и жизни, за которымъ внѣшнее подчиненіе, съ государственными формами, идетъ лишь слѣдомъ.

Къ этой разницѣ по степени культуры присоединяется еще сильнѣйшая: буддизмъ и исламъ становятся лицомъ къ лицу съ ученіемъ Евангелія. Нѣтъ поводовъ ждать ихъ немедленнаго просвѣщенія христіанствомъ; наоборотъ, въ видахъ его искренности желательно, чтобъ оно совершалось съ тою хотя бы и медленною постепенностью, какая одна свойственна всякому органическому развитію. Въ этомъ отношеніи соблюденіе себя въ чистотѣ христіанской жизни есть и здѣсь мѣра гораздо лучшая, чѣмъ усиленная проповѣдь. Эта послѣдняя слишкомъ часто ведетъ къ тѣмъ, болѣе чѣмъ печальнымъ, явленіямъ, о которыхъ такъ много было говорено въ послѣднее время, благодаря

попавшему въ газеты циркуляру ревностнаго въ просвѣщеніи буддистовъ Балаганскаго исправника... И вѣдь вотъ что значитъ естественное развитіе! Именно у насъ на Востокѣ и выработался истинный типъ христіанскаго миссіонерства—черезъ посредство истиннаго просвѣщенія,—того миссіонерства, которое столько же ведетъ къ просвѣтленію просвѣщаемыхъ, сколько и просвѣщающихъ. Да будетъ же вѣчно сохранено и благословенно имя одного изъ главныхъ столповъ этого христіанскаго дѣла, недавно скончавшагося Н. И. Ильминскаго! [1]

Таково наше вліяніе по существу. Но въ его формѣ есть одна черта, придающая ему чрезвычайную силу, — это гибкость русской натуры. Она помогаетъ намъ приспособляться, оставаясь собой, къ новымъ условіямъ не только въ нашей личной жизни, но даже и въ государственныхъ отношеніяхъ. Иностранцы, посѣщающіе наши Средне-Азіатскія области, становятся передъ этимъ нашимъ свойствомъ совершенно въ тупикъ. Вогюэ съ восторгомъ описываетъ, какъ на самыхъ окраинахъ нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣній первымъ піонеромъ является рабочій; онъ живетъ съ туземцами въ полной дружбѣ, но въ то же время сохраняетъ весь свой русскій нравственный обликъ, весь складъ родной жизни. Семья русскаго поселенца, собравшаяся вокругъ самовара,—вотъ что̀, не только по картинному выраженію Вогюэ, но и въ дѣйствительности, лучше всякихъ на изученіи основанныхъ заботъ переродитъ кочевниковъ Средней Азіи.

И такъ дѣло происходитъ въ Азіи на всѣхъ ступеняхъ общества. Только-что усмиренные ханы и султаны легко входятъ въ кругъ русской жизни, въ кругъ русскихъ интересовъ, поступаютъ на русскую службу,—ибо видятъ къ себѣ со стороны своихъ побѣдителей спокойное, естественное, уважающее,—мы можемъ объяснить: христіанское—отношеніе. Все это нами, однако, вовсе не надумано: мы не можемъ поступать иначе, пока мы остаемся сами собою—такова наша натура, и мы сильны только тогда, когда ей не измѣняемъ.

Таковъ выводъ, къ которому надо придти, выводъ, имѣющій вовсе не одно только академическое значеніе, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда: сравненіе нашихъ отношеній на

[1] См. «Изъ воспоминаній о Н. И. Ильминскомъ» К. П. Побѣдоносцева, *Русскій Вѣстникъ* 1892. Февраль.

Западѣ и Востокѣ, нашихъ неудачъ и успѣховъ очень воспитательно и для насъ самихъ. Знаніе или незнаніе наше одинаково тамъ и здѣсь, и, однако, успѣхи различны, ибо лишь на Востокѣ проявляемъ мы любовь въ смиреніи, лишь на Востокѣ мы остались вѣрны себѣ, какъ народъ христіанскій. Мы никуда не стремимся въ Азіи — мы просто живемъ тамъ, и, какъ это ни странно звучитъ, наши военныя предпріятія вызваны тамъ заботами о спокойствіи, о безопасности мирныхъ жителей,—не о выгодѣ. По всей Средней Азіи звучитъ имя сильной, но кроткой Россіи, и дикіе кочевники легко отдаютъ ей не только свои области, но и самихъ себя.

Н. Горбовъ.

Серебренниковъ В. *Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности.* С.-Петербургъ 1892. 8° 358 стр.

Къ числу наиболѣе извѣстныхъ сочиненій принадлежитъ, безъ сомнѣнія, *Опытъ о человѣческомъ пониманіи* Локка. Нѣтъ образованнаго человѣка, который бы не слыхалъ объ этомъ произведеніи, хотя немного найдется людей, которые имѣли терпѣніе дочитать до конца это не очень оригинальное и довольно скучное разсужденіе. Однако оно вызвало нѣсколько опроверженій, автора сочли основателемъ извѣстнаго философскаго направленія, сенсуализма, и подъ этимъ именемъ его занесли въ лѣтопись развитія человѣческой мысли. Величайшій изъ современныхъ историковъ философіи, Куно Фишеръ, сказалъ, что Локкъ сенсуалистъ; всѣ ему повѣрили и успокоились... Стало догматомъ, что Локкъ ученикъ Бэкона, что онъ полемизируетъ въ первой книгѣ своего *Опыта* съ Декартомъ, съ его ученіемъ о врожденныхъ идеяхъ и, несмотря на то, что самъ Локкъ считалъ себя эмпирикомъ, всѣ повѣрили его геніальному противнику, Лейбницу, который назвалъ его сенсуалистомъ.

Г. Серебренниковъ старается опровергнуть нѣкоторые предразсудки, касающіеся Локка, которые сложились и держались въ теченіе 200 лѣтъ, и намъ кажется, что придется согласиться съ г. Серебренниковымъ и писать исторію философіи XVII вѣка по нѣсколько измѣненной схемѣ. Интересная книга, разбираемая нами, состоитъ изъ трехъ частей: въ первой и наиболѣе для насъ интересной, разсматривается жизнь Локка и исторія образованія его идей и сочиненій, во второй излагается ученіе Локка о прирожденныхъ способностяхъ и стремленіяхъ души, а также и полемика его противъ пониманія прирожденныхъ идей въ смыслѣ готовыхъ понятій, третья часть представляетъ сравненіе нѣкоторыхъ теологическихъ ученій Локка съ соотвѣтственными

догматическими христіанскими ученіями. Мы коснемся лишь первыхъ двухъ частей, какъ наиболѣе интересныхъ для исторіи философіи.

Біографію Локка г. Серебренниковъ излагаетъ по двумъ обширнымъ сочиненіямъ, изъ коихъ одно принадлежитъ перу лорда Кинга, а другое — Fox Bourne'a. Различныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложился умственный и нравственный обликъ Локка, перечислены нашимъ авторомъ коротко, но вполнѣ отчетливо: политическія событія, послѣдовавшія за казнью Карла I въ 1649 году, религіозная нетерпимость диссидентовъ, отразившаяся на Оксфордскомъ университетѣ, въ коемъ находился Локкъ, затхлая атмосфера, царившая въ научномъ мірѣ въ Оксфордѣ, отвлеченное преподаваніе, казавшееся Локку скучнымъ и безполезнымъ, наконецъ самостоятельное знакомство съ естественными науками, которыя въ эпоху реставраціи вошли въ моду и которыми Локкъ занимался по преимуществу по выходѣ изъ университета. Въ занятіяхъ медициной главнымъ руководителемъ Локка былъ Sydenham, знаменитый врачъ, говорившій, что только та практика принесетъ облегченіе больному, которая извлекаетъ цѣлительныя указанія изъ явленій самихъ болѣзней и подтверждаетъ ихъ посредствомъ опыта.

Занятія Локка медициной сблизили его съ лордомъ Шэфтсбюри, въ домѣ коего онъ поселился; благодаря Шэфтсбюри Локкъ сталъ довольно виднымъ общественнымъ и политическимъ дѣятелемъ. Послѣдніе годы жизни (Локкъ умеръ въ 1704 году) онъ проводилъ, какъ настоящій Англичанинъ, въ изученіи Св. Писанія и посланій Ап. Павла.

Главное философское сочиненіе Локка, *Опытъ о человѣческомъ пониманіи*, начато по случайному поводу—именно вслѣдствіе бесѣды (въ 1671 г.) Локка съ друзьями о принципахъ нравственности и откровенной религіи. Локкъ высказалъ мысль, что прежде чѣмъ рѣшать подобные вопросы, слѣдуетъ опредѣлить способности человѣка. Высказанныя Локкомъ по этому поводу мысли, онъ по просьбѣ друзей развилъ въ своемъ знаменитомъ *Опытѣ*. Девятнадцать лѣтъ Локкъ обдумывалъ и разрабатывалъ свои мысли, пока, наконецъ, не выпустилъ въ свѣтъ въ 1690 году это свое первое сочиненіе. При жизни Локка оно было издано четыре раза и было сдѣлано два перевода его: французскій и латинскій. Г. Серебренниковъ обстоятельно излагаетъ исторію возникновенія *Опыта* и переработку первоначальныхъ замѣтокъ

въ то сочиненіе, которое появилось въ печати. Первоначальный *Опытъ* представлялъ собою изложеніе положительныхъ взглядовъ Локка, въ то время какъ въ печатномъ *Опытѣ* изложеніе прерывается полемикой, причемъ части этой полемики, а именно возраженію противъ врожденныхъ идей отведено первое мѣсто (I книга *Опыта*, состоящаго изъ четырехъ книгъ) для того, чтобъ „удалить предубѣжденіе, существующее въ душахъ нѣкоторыхъ людей". Читатели *Опыта*, встрѣтивъ возраженія противъ врожденыхъ идей въ началѣ книги, невольно должны были подумать, что въ нихъ заключается вся суть книги: такъ думали Лейбницъ, Норрисъ, Ли и другіе возражатели Локка.

Сличивъ содержаніе *Опыта* съ психологическими теоріями, господствовавшими во время Локка, г. Серебренниковъ нашелъ, что Локкъ гораздо менѣе оригиналенъ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Г. Серебренниковъ остановился на вліяніи, которое оказали Декартъ и Гоббсъ на Локка и указываетъ на видоизмѣненіе нѣсколькихъ мыслей Локка, которое можетъ быть объяснено вліяніемъ Ньютона.

Обыкновенно полагаютъ, что въ первой книгѣ своего *Опыта* Локкъ, полемизируя противъ ученія о врожденныхъ идеяхъ, имѣлъ въ виду Декарта, какъ главнаго представителя этого ученія: только недавно Гейль [1] обратилъ вниманіе на то, что Локкъ всегда съ уваженіемъ отзывался о Декартѣ и въ первой книгѣ своего *Опыта* ни разу не называетъ имени Декарта, а называетъ только книгу *Объ истинѣ* лорда Герберта Шербюри, котораго въ свое время настолько цѣнили, что Госсенди въ 1634 году могъ писать: „Счастлива Англія, которая по смерти Веруламскаго произвела на свѣтъ новаго героя". [2] Гербертъ, забытый нынѣ, въ свое время считался столь же талантливымъ мыслителемъ, какъ и Декартъ или Бэконъ, и полемика съ нимъ была дѣломъ вполнѣ естественнымъ. Съ другой стороны, и въ ученіи Декарта о врожденныхъ идеяхъ была точка зрѣнія, которую легко могъ себѣ усвоить всякій эмпирикъ. Декартъ, не видя возможности объяснить происхожденія нѣкоторыхъ идей изъ внѣшняго опыта, предположилъ ихъ прирожденность, то-есть онъ представлялъ себѣ ихъ въ видѣ потенцій присущихъ нашей душѣ. Однако это не мѣшало Декарту видѣть постепенное развитіе знанія и дѣятельности, и эту-то

[1] Geil. Ueber die Abhangigkeit Lockes von Des Cartes. Strassburg 1887.
[2] Remusat. Lord Herbert de Cherbury. Paris, 1874.

мысль вполнѣ раздѣляетъ Локкъ, не раздѣляя въ ней лишь перваго мнѣнія о прирожденности знаній. Вообще говоря, г. Серебренниковъ находитъ, что ученіе Декарта о знаніи лежитъ въ основѣ всѣхъ гносеологическихъ взглядовъ Локка. „Соглашаясь съ Декартомъ, что достовѣрныя истины получаются черезъ усмотрѣніе разумомъ необходимыхъ отношеній между идеями, Локкъ расходится съ Декартомъ лишь въ вопросѣ о происхожденіи идей. По его взгляду всѣ сложныя идеи вырабатываются разсудкомъ изъ простыхъ идей, а простыя идеи происходятъ изъ внѣшняго или внутренняго опыта. Ему также повидимому извѣстно, что подъ врожденными идеями Декартъ разумѣлъ не самыя идеи, а лишь потенціи ихъ“ (стр. 134). „Локкъ, выходя изъ мысли о коренномъ различіи между душевными и тѣлесными дѣйствіями, признаетъ вмѣстѣ съ Декартомъ два фактора душевной жизни: апріорный и опытный элементъ—прирожденныя начала и внѣшнія условія“ (стр. 135). Итакъ, воззрѣнія Локка очень сходны съ воззрѣніями Декарта. Это однако не мѣшаетъ Локку въ нѣкоторыхъ случаяхъ полемизировать съ Декартомъ. Напримѣръ, онъ отрицаетъ положеніе Декарта, что душа постоянно мыслитъ; онъ признаетъ существованіе пустаго пространства, которое не признавалъ Декартъ и т. д. Намъ думается, что г. Серебренниковъ правъ, и что придется оставить въ сторонѣ утвержденіе, что Локкъ былъ сенсуалистомъ и ученикомъ Бэкона.

Впрочемъ, это ложное пониманіе Локка болѣе новаго происхожденія, чѣмъ можно бы думать. Такъ, хотя Вольтеръ и думаетъ, что Локкъ этотъ „Геркулесъ метафизики“, какъ онъ его называетъ, борется съ Декартомъ, но Вольтеръ не называетъ Локка сенсуалистомъ; видно, что Вольтеръ различаетъ между опытнымъ происхожденіемъ знанія и врожденностью способностей. Онъ дѣлаетъ Локку въ *Le philosophe ignorant* нѣсколько весьма справедливыхъ замѣчаній; пониманіе же имъ отношеній между Декартомъ и Локкомъ можно характеризовать выпиской изъ *Dictionaire philosophique:* „Toute l'antiquité a maintenu que rien n'est dans notre entendement qui n'ait été dans nos sens. Des Cartes dans ses romans, prétendit que nous avions des idées metaphysiques avant de connaitre le taton de notre nourrice; une faculté de theologie proscrit ce dogme, non par ce que c'etait une erreur, mais par ce que c'était une nouveauté: ensuite elle adopta cette erreur, par ce qu'elle était détruite par Locke, philosophe anglais, et qu'il fallait bien qu'un Anglais eût

tort. Enfin après avoir changé si souvent d'avis, elle est revenue à proscrire cette ancienne verité, que les sens sont les portes de l'entendement."

Далѣе г. Серебренниковъ излагаетъ психологію Гоббса и отмѣчаетъ вліяніе его на Локка. Въ учебникахъ исторіи философіи на Гоббса обыкновенно смотрятъ, какъ на ученика Бэкона, который примѣнилъ эмпирическій методъ своего учителя къ общественнымъ наукамъ. Эта точка зрѣнія, какъ намъ кажется, впервые была высказана Куно Фишеромъ въ его книгѣ *Ф. Бэконъ* 1856 г.; у Гегеля въ исторіи новой философіи о Гоббсѣ говорится весьма немногое (знакомство Гегеля съ Гоббсомъ было, вѣроятно, почерпнуто изъ вторыхъ рукъ) и въ зависимость отъ Бэкона Гоббсъ не ставится. Такимъ образомъ, эта мысль принадлежитъ Куно Фишеру; она можетъ быть казалась естественною потому, что Гоббсъ былъ нѣкоторое время секретаремъ у Бэкона, но намъ кажется, что Гоббсъ гораздо болѣе оригинальный мыслитель, чѣмъ Бэконъ, который былъ очень талантливымъ писателемъ, но диллетантомъ въ наукѣ и мыслителемъ не столь оригинальнымъ, какъ это обыкновенно думаютъ.[1] Въ послѣднее время значеніе Гоббса оцѣнено болѣе правильно и особенно благодаря работамъ Тэниса. Поэтому мысль, высказываемая г. Серебренниковымъ о зависимости Локка отъ Гоббса, сама по себѣ вѣроятна и можетъ быть обоснована; тѣмъ болѣе, что въ XVIII вѣкѣ мнѣніе, что Локкъ—Гоббистъ, было, по словамъ нашего автора, очень распространено. Однако мы позволимъ себѣ замѣтить, что г. Серебренниковъ не вполнѣ доказалъ свою мысль. Нѣтъ ничего не пріятнѣе того, когда авторъ топчется на одномъ мѣстѣ, когда изслѣдованіе не подвигается впередъ; отъ этого недостатка г. Серебренниковъ вполнѣ свободенъ, но у него есть одинъ défaut de sa qualité, нашъ авторъ иногда идетъ слишкомъ быстро впередъ, поэтому его мысли иногда могутъ показаться не вполнѣ доказанными. Мы считаемъ мысль о зависимости Локка отъ Гоббса вѣроятною, но она была бы вполнѣ доказанною, еслибы г. Серебренниковъ показалъ, что никто иной кромѣ Гоббса не могъ вліять на Локка, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ г. Серебренниковъ предполагаетъ подобное вліяніе. Вотъ какъ нашъ авторъ опредѣляетъ эту зависимость: „Психологическіе взгляды Локка выработались на

[1] Намъ кажется, что Либихъ и Клодъ Бернаръ были правы, высказывая строгое сужденіе относительно научнаго значенія Бэкона.

почвѣ психологическихъ воззрѣній Декарта. Въ этомъ явленіи нѣтъ ничего удивительнаго: принявъ гносеологію Декарта, Локкъ естественно принимаетъ и органически связанную съ нею Декартовскую психологію, тѣмъ болѣе, что эта послѣдняя была основана на фактическихъ данныхъ. Но психологическія воззрѣнія Декарта отличались двумя особенностями: а) они не были изложены отдѣльно отъ философскихъ взглядовъ и б) во многихъ случахъ не имѣли конкретной опредѣленности и не были развиты. Чтобы воспользоваться такими воззрѣніями и представить на основаніи ихъ исторію душевнаго развитія, для этого Локкъ нуждался въ планѣ и деталяхъ. Какъ мыслитель неоригинальный, онъ въ значительной степени заимствуетъ то и другое у Гоббса. Такимъ образомъ вліяніе Гоббса на Локка было болѣе формальное, чѣмъ матеріальное; матеріальное вліяніе его касалось подробностей, которыя были согласны съ воззрѣніями Декарта и поясняли ихъ" (стр. 175). Ежели Локкъ нуждался только въ деталяхъ и въ указаніи порядка изложенія своихъ психологическихъ воззрѣній, то таковыя онъ могъ найти помимо Гоббса и у другихъ писателей, напримѣръ у Мальбранша, *Recherche de la verité* котораго появилась въ 1675 году, и ежели Локкъ былъ картезіанецъ, то ему естественно было искать указаній въ какомъ-либо сочиненіи картезіанскаго направленія. Указанія на сходство образа мыслей или порядка ихъ изложенія у двухъ писателей недостаточно для заключенія о заимствованіи однимъ у другаго. Вполнѣ очевидными зависимость или заимствованіе станутъ лишь тогда, когда авторъ покажетъ, что извѣстный писатель А ни у кого иного не могъ заимствовать какой-либо мысли, кромѣ какъ у В, и что писатель самъ не былъ въ состояніи придти къ мысли, заимствованіе коей предполагается. Ежели, напримѣръ, г. Серебрениковъ говоритъ, что какъ Гоббсъ, такъ и Локкъ послѣ процесса воспріятія описываютъ процессъ воспоминанія, то очевидно, что здѣсь изложеніе соотвѣтствуетъ естественному ходу развитія психическихъ процессовъ и при томъ столь простому, что его трудно не замѣтить, поэтому незачѣмъ и предполагать заимствованія. Тѣмъ не менѣе указаній г. Серебреникова вполнѣ достаточно, чтобы считать весьма вѣроятною мысль, которую онъ доказываетъ, изложеніе же психологіи Гоббса весьма обстоятельно, оно гораздо болѣе подробно, чѣмъ соотвѣтственныя изложенія въ исторіяхъ философіи.

Втретьихъ, г. Серебрениковъ показываетъ вліяніе открытаго

Ньютономъ закона всемірнаго тяготѣнія на мышленіе Локка. Ньютонъ въ 1689 году подарилъ Локку рукописный трактатъ, въ которомъ доказывалось, что планеты движутся благодаря тяготѣнію къ солнцу по эллипсису. Подъ вліяніемъ открытія Ньютона, Локкъ, по мнѣнію г. Серебреникова, признаетъ до нѣкоторой степени правдоподобною мысль о матеріальности человѣческой души.

Вторая часть работы г. Серебреникова посвящена изложенію ученія Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности; это ученіе онъ разсматриваетъ съ двухъ точекъ зрѣнія, съ положительной, то-есть указываетъ на ученіе Локка о томъ, что способности знанія и дѣятельности прирождены человѣку, и съ отрицательной, то-есть указываетъ на отрицаніе Локкомъ прирожденности врожденныхъ понятій (стр. 201). Локку была вполнѣ чужда мысль, приписываемая ему Куно Фишеромъ, будто душевныя силы равны нулю: „Я не отрицаю, говоритъ Локкъ, существованіе способностей ни въ тѣлѣ, ни въ душѣ, какъ тѣло, такъ и душа имѣютъ свои силы дѣйствія: безъ силъ они не могли бы дѣйствовать.“ На этомъ нужно настаивать, ибо и въ нѣкоторыхъ русскихъ сочиненіяхъ, трактующихъ о Локкѣ, различеніе между прирожденіемъ способностей и прирожденіемъ готовыхъ знаній упущено изъ виду. Человѣку прирождены двѣ главныя способности: разсудокъ и воля, разсудокъ проявляется въ ощущеніи, рефлексіи, воспоминаніи, сравненіи, сочетаніи и отвлеченіи. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что душѣ прирождены идеи, готовыя понятія: „Душа человѣка при появленіи на свѣтъ не имѣетъ никакого содержанія (за исключеніемъ органическихъ ощущеній, полученныхъ въ утробѣ матери) и въ этомъ смыслѣ она есть tabula rasa.“ Изъ приведеннаго видно, что книга г. Серебреникова устанавливаетъ новую точку зрѣнія на Локка, какъ философа, и поэтому заслуживаетъ серьезнаго вниманія спеціалистовъ; читателей же не-спеціалистовъ порадуетъ простое изложеніе и прекрасный языкъ, которымъ написано изслѣдованіе.

Э. Радловъ.

Французы въ Средней Африкѣ.

Harry Alis. *A la conquête du Tchad.* Le Hachette et C-ie 1891.

Судя потому, съ какою быстротой распространяется въ послѣднее время европейское вліяніе въ Африкѣ, можно полагать, что не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ весь африканскій материкъ будетъ окончательно раздѣленъ между западно-европейскими государствами. Восточную Африку уже подѣлили между собою Нѣмцы и Англичане. На западѣ сферы англійскаго и французскаго вліянія также опредѣлены линіей, проведенною отъ Средняго Нигера къ озеру Чадъ. Тѣмъ не менѣе, въ центрѣ континента находятся еще земли и, можетъ-быть, наиболѣе плодородныя, оставшіяся внѣ соглашеній, которыя уже въ настоящее время служатъ предметомъ европейскихъ вожделѣній. Въ числѣ этихъ земель находятся два государства, управляемыя магометанами, которыя съ запада и востока примыкаютъ къ озеру Чадъ. Это Борну и Багерми. Эти страны доселѣ посѣщали немногіе путешественники, преимущественно Нѣмцы, слѣдовавшіе по слѣдамъ знаменитаго Барта, впервые проникнувшаго въ Борну черезъ Сахару въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Къ югу отъ этихъ государствъ находятся совершенно еще не изслѣдованныя пространства, покрытыя большею частью почти непроходимыми лѣсами и болотами, изъ которыхъ истекаютъ, съ одной стороны, къ сѣверу, рѣка Шари, впадающая въ Чадъ, а съ другой—къ югу, притоки рѣки Убанги, впадающей въ Конго и служащей границей между французскою колоніей Конго на западѣ, и независимымъ государствомъ Конго, на востокѣ. Къ этимъ еще никѣмъ не занятымъ странамъ Центральной Африки простираютъ въ настоящее время свои взоры Французы изъ Конго, Нѣмцы

изъ Камеруна и Англичане изъ земель Royal-Niger-Company на Нижнемъ Нигерѣ и его притокѣ Бенуэ. Въ 1889 году по иниціативѣ путешественника Крампеля (Paul Crampel) среди Французовъ возникла мысль о распространеніи владѣній французскаго Конго на сѣверѣ къ озеру Чадъ до соединенія съ тѣми землями, которыя вошли въ сферу французскаго вліянія по послѣднему соглашенію съ Англіей, а именно съ землями, составляющими южное продолженіе Алжиріи и Туниса черезъ Сахару, съ одной стороны, и землями, составляющими восточное продолженіе Сенегалійской колоніи, съ другой. Такимъ образомъ озеро Чадъ сдѣлается центральнымъ пунктомъ, въ которомъ должна встрѣтиться французская колонизація, направляющаяся съ трехъ разныхъ сторонъ: юга, сѣвера и запада. Для осуществленія такихъ обширныхъ плановъ нужно было прежде всего отыскать энергическихъ людей, способныхъ проложить путь по совершенно невѣдомымъ странамъ, войти въ соглашеніе съ начальниками дикихъ племенъ и подготовлять, такимъ образомъ, французскіе протектораты. Кромѣ того, нужно было найти необходимыя для того матеріальныя средства, и притомъ немедленно, чтобы не дать опередить себя Нѣмцамъ и Англичанамъ, которые, со своей стороны, заняты снаряженіемъ такихъ же экспедицій и въ томъ же направленіи. Энергическіе люди вскорѣ нашлись; нашлись и необходимыя средства, пожертвованныя частными лицами, и уже въ 1890 году нѣсколько французскихъ изслѣдователей направлялись къ озеру Чадъ: Крампель—черезъ Убанги и рѣку Шари, поручикъ Мизонъ—черезъ Нижній Нигеръ и его притокъ Бенуэ и, наконецъ, капитаны Монтёль и Менаръ—изъ Сенегаліи черезъ Верхній Нигеръ по проложенной англо-французской границѣ. Затѣмъ въ 1891 году съ цѣлью подкрѣпить Крампеля отправлена новая экспедиція подъ начальствомъ Дыбовскаго. Интересъ къ Африкѣ все болѣе и болѣе растетъ среди французскаго общества. Недавно образовался комитетъ французской Африки съ цѣлью содѣйствовать развитію торговли и французскаго вліянія въ центральной, сѣверной и западной Африкѣ. Авторъ книги *A la conquête du Tchad* Гарри Алисъ состоитъ секретаремъ этого общества. Книга его подробно знакомитъ съ личностью путешественниковъ, съ ихъ цѣлями, а равно съ первыми шагами ихъ дѣятельности. Достигнутъ ли когда-нибудь Французы до береговъ Чада, удастся ли имъ опередить въ этомъ отношеніи ихъ конкуррентовъ и каковы будутъ результаты снаряженныхъ ими

экспедицій? Это вопросы будущаго. Пока извѣстно только, что съ самаго начала путешественникамъ не посчастливилось. Крампель былъ измѣннически убитъ на пути къ долинѣ Шари, а Мизонъ, поднимаясь по нижнему Нигеру, подвергся нападенію прибрежныхъ туземцевъ, можетъ-быть, не безъ вѣдома агентовъ англійской компаніи Нигера, и затѣмъ былъ задержанъ этими агентами подъ разными предлогами, несмотря на то, что свобода плаванія по Нигеру и Бенуэ была признана Берлинскимъ соглашеніемъ 1885 года, въ силу котораго земли нижняго Нигера были уступлены Англичанамъ. Пока шли переговоры съ Лондономъ, цѣль задержки Мизона была достигнута: время половодья прошло, и дальнѣйшее плаваніе по Нигеру и Бенуэ оказалось не только затруднительнымъ, но мѣстами почти невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе, Французы не унываютъ. Готовится новая экспедиція, которая должна отправиться по проложенному Крампелемъ пути. Кромѣ того, поговариваютъ о военномъ походѣ въ плодородные оазисы Туата, [1] находящіеся на возвышенныхъ плато среди Сахары къ югу отъ Алжиріи и къ востоку отъ Марокко. Съ этою цѣлью, для вторженія въ Сахару, уже сформированъ особый отрядъ на быстроходныхъ верблюдахъ. Туатъ служитъ житницей для воинственныхъ Туареговъ, жителей пустыни, и находится на главномъ караванномъ пути, который направляется изъ Судана въ Марокко, минуя Алжирію. Оазисы Туата пользуются полною самостоятельностью, но въ послѣднее время Мароккскій султанъ, которому они подчинены какъ духовному главѣ, побуждаемый Германіей, стремится подчинить ихъ и въ политическомъ отношеніи. Недавно въ главномъ поселеніи Туата, Инсала, отстоящемъ всего въ 400 километрахъ отъ самаго южнаго пункта Алжиріи, занятаго Французами, мароккская партія восторжествовала надъ сторонниками Франціи, причемъ дѣло не обошлось безъ убійствъ и грабежей. Необходимо поэтому возстановить въ глазахъ туземцевъ престижъ Франціи. Независимо отъ этого, Туатъ въ чужихъ рукахъ можетъ во всякое время угрожать алжирскому югу и послужить препятствіемъ къ дальнѣйшему распространенію французскаго господства надъ Сахарой, вслѣдствіе чего занятіе его Франціей рано или поздно неизбѣжно. Вотъ каково въ настоящее время поло-

[1] Туатъ состоитъ изъ трехъ группъ оазисовъ: собственно Туата, Гурара и Тидикельтъ.

женіе Франціи въ Центральной Африкѣ, какъ оно представляется по прочтеніи книги г. Алиса. Но самыя интересныя страницы этой книги посвящены энергической личности Крампеля, пріятеля автора, и описанію его перваго путешествія по сѣверной части французскаго Конго, совершеннаго въ 1888 году. Во время этого путешествія, къ сѣверо-востоку отъ рѣки Ниведо, притока Огоуэ, [1] среди болотъ, покрытыхъ лѣсами, Крампель встрѣтилъ племя Баягасовъ, принадлежащихъ къ той же расѣ карликовъ, которыхъ описываетъ Станлей въ своемъ послѣднемъ путешествіи. Средній ростъ Баягасовъ – 1 метръ 40 сантиметровъ, причемъ они довольно толсты и мускулисты. Постоянныхъ жилищъ они не имѣютъ и кочуютъ среди болотъ и лѣсовъ, устраивая себѣ временные шалаши изъ вѣтокъ, покрытыхъ листьями. Занимаются они охотой и главнымъ образомъ охотой на слоновъ, которыхъ подкарауливаютъ во время сна, нанося имъ удары пиками, выдѣлываемыми изъ старыхъ, негодныхъ ружей. Нанесши слону ударъ, они отъ него прячутся и издали слѣдятъ, пока слонъ, истекая кровью, не лишится силъ. Баягасы робкіе, боязливые; они находятся какъ бы въ подчиненіи у болѣе воинственнаго племени М'Фановъ, живущихъ среди нихъ, на болѣе возвышенныхъ и оголенныхъ мѣстахъ. Растительную пищу Баягасы получаютъ чрезъ посредство М'Фановъ, которымъ отдаютъ взамѣнъ слоновую кость. Баягасы и М'Фаны отличаются другъ отъ друга не только по росту, внѣшнему виду, характеру, но и говорятъ на совершенно различныхъ языкахъ. Кромѣ массы интересныхъ свѣдѣній, Крампель привезъ съ собой четырнадцать договоровъ, заключенныхъ имъ съ главными начальниками племенъ и утверждающихъ власть Франціи у самыхъ границъ нѣмецкаго Камеруна. Это путешествіе доказываетъ, какъ мало еще знакомы тѣ страны, которыя на картахъ означены какъ французскія владѣнія Конго. На возвратномъ пути Крампель подвергся нападенію со стороны одного изъ племенъ М'Фановъ и былъ раненъ въ ногу. Страдая отъ раны и отъ лихорадки, онъ едва спасся среди непроходимыхъ болотъ, благодаря энергіи и присутствію духа, никогда его не покидавшему. Возвратившись въ Парижъ и едва оправившись послѣ операціи, Крампель уже носится съ главною своею мыслью достигнуть озера Чадъ, черезъ Убанги и Шари, и вотъ 25

[1] Огоуэ впадаетъ въ Атлантическій океанъ и частью протекаетъ по самому экватору.

сентября 1890 года онъ уже находится въ Банго, послѣднемъ французскомъ постѣ, на рѣкѣ Убанги, во главѣ экспедиціи, состоящей изъ 127 человѣкъ и почти изъ такого же числа носильщиковъ. Здѣсь ему было поручено, между прочимъ, разслѣдовать причину смерти начальника поста, убитаго и съѣденнаго сосѣдними дикими канибалами. Опасность угрожала и ближайшему бельгійскому посту—Зонго, находящемуся на противоположномъ берегу рѣки, гдѣ надѣялись также на помощь Крампеля. Онъ, дѣйствительно, скоро возстановилъ порядокъ, наказалъ виновныя населенія и заставилъ начальниковъ племенъ явиться къ нему съ подарками. Крампель замѣчаетъ, что агенты государства Конго не только сами занимаются торговлей слоновою костью, но стремятся монополизировать ее въ своихъ рукахъ, и потому препятствуютъ туземцамъ спускаться со своими товарами внизъ по рѣкѣ, задерживая ихъ лодки, которыя вслѣдствіе пороговъ должны останавливаться около европейскаго поста. Это одна изъ причинъ недовольства туземцевъ. Почти то же самое встрѣчается и въ сѣверной части французскаго Конго, въ предѣлахъ верхняго Огоуэ, гдѣ находятся большіе склады слоновой кости. Тамъ торговля производится исключительно чиновниками и запрещена даже для французскихъ торговыхъ домовъ, которые должны направлять свою дѣятельность въ предѣлы бельгійскаго Конго, несмотря на конкурренцію самого государства, торгующаго черезъ посредство или своихъ агентовъ, или поддерживаемыхъ имъ компаній. 30 ноября 1890 года Крампель писалъ Алису изъ Діукуа на Убанги, что на основаніи собранныхъ имъ свѣдѣній, онъ черезъ три или четыре мѣсяца надѣется достигнуть Багерми, и что въ Діукуа и на берегу Куанго туземцы разсказывали ему, что на разстояніи пятнадцати дней пути на сѣверъ находится большое торговое населеніе, куда приходятъ люди изъ сѣверныхъ странъ, вооруженные ружьями, покупать слоновую кость и невольниковъ; между тѣмъ у туземцевъ ружей не встрѣчается. Это заставило Крампеля предположить, что мусульманское населеніе съ сѣвера проникло уже въ страны, не особенно удаленныя отъ Діукуа. Послѣднія, самыя удовлетворительныя извѣстія объ экспедиціи были получены отъ 19 января 1891. Издавая свою книгу въ іюлѣ мѣсяцѣ настоящаго года, г. Алисъ еще не подозрѣвалъ о постигшей Крампеля участи.

Д. Гессе.

Парижъ, 18 (30) октября 1891.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЕТСЯ

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

СТИХОТВОРЕНІЙ КНЯЗЯ Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВА.

Цѣна 2 р.

Складъ изданія въ редакціи «Русскаго Обозрѣнія», Тверской бульв., д. Зыкова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

(3-й годъ изданія)

НА ЖУРНАЛЪ

НАУКА и ЖИЗНЬ.

Отъ редакціи: Выпуская № 1 журнала за 1890 годъ, при самомъ возникновеніи его, мы писали: „Отъ новыхъ изданій всѣ привыкли требовать „исповѣдь“ редакціи. Но мы предпочитаемъ стоять на почвѣ фактовъ, а потому, воздерживаясь отъ громкихъ обѣщаній, скажемъ лишь немного словъ: **смотрите и прочтите**. Каждый такимъ образомъ лучше опредѣлитъ, пригоденъ-ли и интересенъ-ли для него нашъ журналъ. Добавимъ, что такого изданія въ Россіи еще не было, а потому дѣло сопряжено съ огромными затрудненіями.“

Въ настоящее время читатели уже имѣютъ возможность точно судить о томъ, въ какой мѣрѣ наше предпріятіе имѣло успѣхъ. Послѣ перваго же года своего существованія журналъ удостоился одобренія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ (старшаго возраста) библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній сего Министерства. Уже одно это одобреніе, смѣемъ думать, въ большей или меньшей мѣрѣ, свидѣтельствуетъ о нѣкоторой научной компетентности журнала, а также и о томъ, что мы не вдались въ популярничанье, несмотря на всѣ затрудненія. Люди науки, сначала относившіеся съ опасеніемъ и подозрительно, нынѣ относятся иначе; это видно уже изъ того, что нашего журнала теперь не избѣгаютъ извѣстнѣйшіе русскіе ученые, дающіе свои статьи для печатанія въ журналѣ, напр.. проф. А. Г. Столѣтовъ. проф. И. П. Скворцовъ, проф. К. Э. Линдеманъ, проф. Р. А. Колли (†) и т. д,

Открывая подписку на третій годъ, мы будемъ преслѣдовать ту же цѣль—популяризацію знанія и сообщеніе всѣхъ выдающихся научно-практическихъ новостей, въ возможно-популярной формѣ, но не впадая въ бульварный тонъ и стоя въ сторонѣ отъ всякой тенденціозности и политиканства.

Программа изданія остается прежней, а именно: 1) Общепонятныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложенія наукъ къ практической жизни и промышленности, открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія. 2) Медицина (особенно гигіена), сельское и домашнее хозяйство, лѣсоводство. 3) Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и смѣсь; библіографія. 4) Научныя игры и развлеченія; задачи, почтовый ящикъ. 5) Всякіе рисунки, относящіеся къ тексту. 6) Объявленія.

ЦѢНА: съ перес. и дост. въ годъ **пять** руб., на полгода **три** руб.

АДРЕСЪ: Москва, Мал. Дмитровка, д. Шильдбахъ.

Редакторъ-издатель **М. Глубоковскій.**

1812 ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1892

Большая ежедневная политическая и литературная газета

(выходящая безъ предварительной цензуры)

„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА".

(Годъ изданія восьмидесятый).

Первое (съ приложеніями) изданіе съ пересылкою **НА ГОДЪ 8 р.**
Второе (безъ приложеній) изданіе съ пересылкою **НА ГОДЪ 4 р.**

Съ 1 января 1892 года будетъ выходить ежедневно въ двухъ изданіяхъ:

Первое изданіе въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ съ ежемѣсячными, еженедѣльными приложеніями и книжками

„РОМАНЫ и ПОВѢСТИ".

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты подписчики перваго (большаго) изданія получаютъ:

1) по воскресеньямъ особое приложеніе, отпечатан. на меленевой бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА.

2) Книжки „Романы и Повѣсти". Каждая книжка содержитъ отъ 160 до 200 стран., что въ теченіе года составитъ интересную „Домашнюю Библіотеку". Въ числѣ книгъ будетъ выдано: „Собраніе сочиненій А. В. Кольцова".
3) 12 нумеровъ „Моды и Рукодѣлія", замѣняющія для семейства модный журналъ.
4) **Стѣнной Календарь**, отпечатанный въ три краски (разсылаемый при № 1).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

1) На первое (большое) ежедневное изданіе газеты „Сынъ Отечества" съ ежемѣсячными, еженедѣльными прилож. и книжками „Романы и Повѣсти":

На годъ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) **8** р. На полгода **4** р. На три мѣсяца **2** р. За границу **14** р.

2) На второе ежедневное изданіе газ. „Сынъ Отечества" безъ приложеній: На годъ съ доставк. въ Спб. и перес. по Имперіи **4** руб. На полгода съ доставк. въ Спб. и перес. по Имперіи **2** р. На три мѣсяца съ доставк. въ Спб. и перес. по Имперіи **1** р.

Гг. годовые подписчики перваго или втораго изданія газеты „Сынъ Отечества", выславшіе сполна подписную сумму, имѣютъ право получить на выборъ одно изъ четырехъ новыхъ художественныхъ изданій, предназначенныхъ къ журналу „Живописное Обозрѣніе", а именно:

1) Большая картина, отпечатанная въ 22 краски, съ знаменитаго произведенія Профессора Императорской Академіи Художествъ *Ѳ. Бруни*:

„МОЛЕНІЕ О ЧАШѢ".

Двѣ большія картины, отпечатанныя въ 28 красокъ, съ оригиналовъ извѣстнаго пейзажиста, Профессора Императорской Академіи Художествъ Ю. Ю. Клевера:

2) **ЛУННАЯ НОЧЬ НА РѢКѢ** и 3) **ЗАКАТЪ СОЛНЦА ЗИМОЮ ВЪ ЛѢСУ.**

Обѣ картины были на выставкѣ 1891 года.

4) Художественный альбомъ, состоящій изъ пятнадцати акварелей, извѣстнаго художника Николая Николаевича Каразина:

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ и ПРИРОДА ВЪ КАРТИНАХЪ“.

Картины эти отпечатаны въ 17—20 красокъ, наклеены на японскій картонъ съ золотою каемкою и вложены въ папку съ изящною оберткою, отпечатанною въ 20 красокъ и золотомъ.

Гг. годовые подписчики перваго (большаго) и втораго изданія газеты „Сынъ Отечества“, желающіе получить на выборъ одно изъ выше предлагаемыхъ художественныхъ изданій, уплачиваютъ за пересылку выбранной ими картины или альбома—одинъ рубль, а за остальныя доплачиваютъ по два р. за каждый экземпляръ.

Разсрочка на оба изданія допускается, исключительно чрезъ Главную Контору:

СПБ., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68 — 40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается по требованію безплатно.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ЖУРНАЛЪ АКУШЕРСТВА И ЖЕНСКИХЪ БОЛѢЗНЕЙ,

ОРГАНЪ АКУШЕРСКО-ГИНЕКОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Предсѣдателя и Секретаря Общества

и

Академика **А. Я. Крассовскаго**, профессора **К. Ф. Славянскаго** и доцента **И. И. Смольскаго.**

Будетъ выходить въ 1892 году ежемѣсячно книжками въ 4—6 печатныхъ листовъ. Программа: 1) Оригинальныя статьи, лекціи и казуистика (русскія и переводныя), 2) Рефераты, 3) Критика и библіографія, 4) Протоколы засѣданій Акушерско-гинекологическаго Общества въ С.-Петербургѣ, 5) Корреспонденціи, 6) Объявленія.

Подписная цѣна для иногородныхъ съ доставкою 8 р. за годъ, для городскихъ—7 р. 50 к., безъ доставки 7 руб. Подписка принимается въ редакціи: С.-Петербургъ, Пушкинская ул., 10, кв. 32, у д-ра А. К. Гермоніуса. Отдѣленіе конторы при книжномъ магазинѣ Н. П. Петрова (Нижегородская ул., 15). Статьи присылаются, обязательно за подписью авторовъ, въ редакцію или на имя одного изъ редакторовъ: А. Я. Крассовскаго (Надеждинская, д. № 51, или К. Ф. Славянскаго (Литейный пр., д. № 24, кв. № 15). Объявленія принимаются по соглашенію съ редакціею. О поступленіи въ редакцію книгъ и брошюръ, присылаемыхъ авторами, будетъ заявляемо въ ближайшемъ номерѣ журнала. Подписка принимается только на годъ. Разсрочка и коммиссіонерская уступка не допускаются. Оставшіеся экземпляры журнала за 1887, 1888, 1889 и 1890 года можно получать въ редакціи по 5 рублей за годъ.

„МОСКОВСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА"

(изданія годъ 3-й).

Открыта подписка на 1892 годъ.

единственное въ россіи

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Въ „М. И. Г.", помимо беллетристическаго матеріала, даваемаго ежедневно, идутъ статьи подъ слѣдующими разнообразными рубриками: **Мѣсяцесловъ, Хроника общ. жизни, Дѣйствія правительства, По чужимъ краямъ, Телеграммы Сѣв. Т. Агентства и соб. корреспонд.. Московская жизнь, Театръ и музыка, Фельетонъ общ. жизни, Корреспонденціи, Смѣсь и большой Справоч. отдѣлъ.** Въ газетѣ принимаютъ участіе любимые публикой писатели и публицисты.

Рисунки и иллюстраціи исполняются извѣстными художниками.

СО ВРЕМЕНИ ПЕРЕХОДА ГАЗЕТЫ ВЪ РУКИ НОВЫХЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

она дала цѣлый рядъ крупныхъ романовъ и повѣстей.

Для 1892 года имѣются въ портфелѣ слѣдующіе большіе романы и повѣсти: **Апраксина** „Кувыркомъ". **Назарьевой** „Саламандра". **Дубровиной** „Убійца". **Пазухина** два романа: „Накануне счастья", и большой историческій романъ изъ временъ царя Алексѣя Михайловича „Посолъ-Дѣвица", **Соколинскаго** „Карьера", **Голозина** „Женское сердце" и „Поздно". **Риттера** „Двѣ разбитыя жизни", **Богатырева** „Соколиное гнѣздо". Кромѣ этого, имѣется множество небольшихъ разсказовъ **Немировича-Данченко, Ге, Гурлянда, Пальмина, Осипова, Соколинскаго, Невѣжина, Шуфа** и т. д.

Кромѣ всего вышесказаннаго, **„Московская Иллюстрированная Газета"** всѣмъ годовымъ подписчикамъ даетъ безплатно, въ видѣ приложенія къ газетѣ, **ТРИ КНИГИ СБОРНИКА,** заключающія въ себѣ по нѣсколько выдающихся произведеній извѣстныхъ авторовъ и иллюстрированныхъ лучшими художниками,

Въ 1891 году вышло **ТРИ КНИЖКИ СБОРНИКА**, въ которыхъ, между прочимъ, помѣщена юмористическая поэма Я. П. Полонскаго **„СОБАКИ"**.

Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ книги поступили въ продажу по 1 р. съ пересылкой. Подписчики „М. И. Газ." пользуются уступкой въ размѣрѣ 40%.

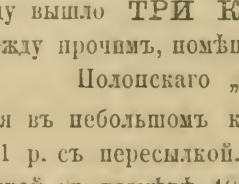
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ пересылкой **8** р.; на 6 м. **5** р.; на 3 м. **3** р.; на 1 м. **1** р.
Съ доставкой въ Москвѣ **7** р.; на 6 м. **4** р.; на 3 м. **2** р.; на 1 м. **75** к.

Для годовыхъ и полугодовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ до уплаты всей подписной суммы.

Редакторъ **А. П. Григоровъ.**
Издатели **Алексѣй и Влад. Семеновъ. Вишняковы.**

Адресъ редакціи: Москва, Петровка, Салтыков. пер., д. № 2.
Адресъ издателей: Москва. Якиманка, собственный домъ.



AP
50
R86
g.3
Mar.

Russkoe obozrîenie

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY